А. Алферовъ и А. Грузинскій.

ДОПЕТРОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

и

народная поэзія.

ТЕКСТЫ ,ПЕРЕВОДЫ, ПРИМѢЧАНІЯ, СЛОВАРЬ.

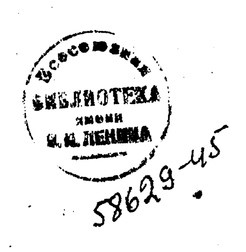
Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. включена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вним. при пополненіи ученич. библ. средн. учебн. заведеній.

Изданіе девятое.

Съ 14-ю рисунками.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
книгоиздательство
„ШКОЛА".
Москва, Спиридоновка, д. 14.

1917.



Типографія Вильде, преемн. К. К Гаусманъ, Брестскій пер., д. № 2.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Древне-русская литература теперь въ средней школѣ не въ модѣ.

Говорятъ, что юношество нужно вводить въ текущую жизнь, что новѣйшая литература даетъ несравненно больше цѣнныхъ мыслей, художественныхъ впечатлѣній, что она больше даетъ и для языка. Говорятъ, что древняя наша литература важна для спеціалиста-ученаго, а не для подрастающаго поколѣнія, которое прежде всего рвется къ новой жизни и къ злободневнымъ вопросамъ. Говорятъ, что лучшія мысли нашихъ старыхъ книгъ теперь и для юноши стали уже избитымъ общимъ мѣстомъ, и не на малограмотныхъ и старомодныхъ домыслахъ людей, давнымъ давно сошедшихъ со сцены, воспитывать, въ самомъ дѣлѣ, молодой умъ и свѣжія чувства вступающаго въ жизнь человѣка.

А между тѣмъ, едва ли это справедливо. Безспорно, новая литература должна занимать главенствующее положеніе въ средней школѣ, но ополчаться на древнюю литературу можно только по недоразумѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, главное основаніе, почему древняя литература должна занимать свое мѣсто въ курсѣ средней школы, вовсе не въ томъ, что она можетъ соперничать съ новой въ богатствѣ мыслей и образовъ, а въ цѣли ея изученія. Никто не станетъ читать «Домостроя», чтобы взять его взгляды, какъ правила собственной жизни,

но его нужно знать, чтобы глубже и сознательнѣе относиться къ многимъ бытовымъ и культурнымъ явленіямъ современности. Если считать исторію культуры нужной для общаго образованія человѣка, то и древнюю нашу литературу, въ главныхъ моментахъ ея развитія, нужно знать каждому, желающему сознательно отнестись къ быту и взглядамъ нашего времени. Самые упреки въ скудости мысли, въ недостатки художественности нашихъ старыхъ книгъ, также едва ли вполнѣ справедливы: ближайшее знакомство съ лучшими сочиненіями, въ которыхъ люди допетровскаго времени своеобразно, сильно и нерѣдко мужественно шли на защиту того, что было для нихъ въ жизни дорогого, дастъ много свѣжихъ жизненныхъ впечатлѣній молодому поколѣнію. Наконецъ, если люди старой Руси смотрѣли на многое въ жизни наивно, узко и съ особыми предразсудками, то исторія того, какъ наше общество и все населеніе освобождалось отъ невѣжества, какихъ усилій стоили ему первые культурные шаги, имѣетъ важное значеніе въ общемъ пониманіи русской образованности.

Можетъ-быть, главное, что отталкивало до сихъ поръ юношество отъ древней литературы, это—незнакомство съ старымъ русскимъ языкомъ, а затѣмъ двойственность задачи, которая ставилась обыкновенно такому курсу. До сихъ поръ предлагалось, изучая древнюю литературу, знакомиться и съ древнимъ русскимъ языкомъ. Нерѣдко бывало, что знакомство съ языкомъ даже заслоняло собою чисто историко-литературныя задачи. Соединеніе этихъ двухъ цѣлей губило дѣло: не достигалась ни та, ни другая задача. Разбросанный и случайный комментарій къ фактамъ языка никогда не былъ въ силахъ хорошо ознакомить съ послѣднимъ, но въ то же время служилъ настоящимъ препятствіемъ для свѣжаго интереса молодежи къ идейной сторонѣ литературы. Такое изученіе нѣсколько

напоминало изученіе у насъ древнихъ классиковъ, когда ученики знали хорошо построеніе періода у Цицерона, но оставались совершенно незнакомы съ его миросозерцаніемъ и съ его ролью въ общественной жизни Рима, съ условіями, вызывавшими его трактаты и рѣчи. Изученіе древне-русскаго языка и древней русской литературы — двѣ различныя задачи, и онѣ должны быть раздѣлены. Можетъ-быть, изученіе древняго нашего языка не столько еще разработано въ наукѣ, чтобы стать предметомъ школьнаго курса, но есть уже къ этому попытки, и введеніе этого предмета въ старшемъ классѣ средней школы есть дѣло недалекаго будущаго. Во всякомъ случаѣ, исторія древней русской литературы должна преслѣдовать свои собственныя задачи, и подборъ самыхъ текстовъ старинныхъ памятниковъ долженъ быть сдѣланъ въ ея цѣляхъ, а не въ цѣляхъ изученія особенностей стараго русскаго языка.

Эти соображенія и руководили составителями предлагаемой книги.

Выборъ памятниковъ въ ней основанъ на степени ихъ важности съ историко-литературной точки зрѣнія. Тексты старинныхъ сочиненій (до «Домостроя») переведены дословно на современный языкъ, чтобы учащіеся могли безъ помощи учителя знакомиться съ ихъ содержаніемъ. Старинный текстъ данъ рядомъ съ переводомъ для тѣхъ, кто пожелалъ бы прочесть выбранныя вещи въ подлинникѣ. (Для тѣхъ текстовъ, которые совпадаютъ съ выборомъ Буслаева въ его «Русской Хрестоматіи», нами удержано его систематизированное правописаніе, при чемъ приняты были во вниманіе поправки, внесенныя въ 9-е изданіе академикомъ Соболевскимъ; для остальныхъ текстовъ по возможности выдерживалась та же система). Уже изъ оглавленія легко увидать, что въ хрестоматію цѣлый рядъ памятниковъ введенъ впервые; особенно это касается отдѣла

повѣстей и отдѣла народной словесности; что же касается произведеній, обычно включаемыхъ въ такія хрестоматіи, то повсюду, гдѣ памятникъ брался не въ полномъ видѣ, выборъ былъ сдѣланъ спеціально для данной книги. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» большая часть темныхъ мѣстъ опущена; въ чтеніи нѣкоторыхъ словъ и въ интерпункціи принято за руководство изданіе Тихонравова.

Каждому памятнику предпослана руководящая замѣтка, а подъ текстомъ даны примѣчанія, намѣренно краткія, чтобы не разбивать впечатлѣнія. Въ концѣ книги помѣщенъ словарь, который по своему характеру во многихъ случаяхъ можетъ служить замѣною подстрочныхъ примѣчаній.

Вступительныя замѣтки, примѣчанія и словарь составлены А. Грузинскимъ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, составители не считаютъ свою задачу законченной. Предлагаемая хрестоматія есть первый опытъ поставить преподаваніе древней литературы на тотъ путь, который составителямъ представляется наиболѣе желательнымъ. Выпускаемое одновременно 5-е изданіе «Сборника вопросовъ по исторіи русской литературы» тѣхъ же авторовъ можетъ познакомить полнѣе съ тѣми взглядами, которыхъ держатся составители этой книги на общую постановку преподаванія даннаго предмета въ средней школѣ.

Августъ 1906 г.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Въ новомъ изданіи Хрестоматіи сдѣланъ рядъ измѣненій, надобность въ которыхъ успѣла выясниться за одинъ учебный годъ, отдѣляющій это изданіе отъ перваго. 1) Принятъ новый порядокъ размѣщенія матеріала: убѣдившись въ трудности соблюсти точное соотвѣтствіе текстовъ и ихъ переводовъ на лѣвыхъ и правыхъ страницахъ, мы рѣшились отказаться отъ этого порядка. Теперь вся Хрестоматія дѣлится на три части: въ первой помѣщены переводы памятниковъ, кончая Стоглавомъ, во второй — Домострой и другіе памятники, къ которымъ перевода уже не дается, и въ третьей — подлинные тексты въ первой части. Всѣ примѣчанія (число ихъ нѣсколько увеличено) пріурочены къ переводамъ. 2) Нами совмѣстно проредактированы и во многихъ случаяхъ расширены вводныя статьи. 3) Внесено три новыхъ произведенія: разсказъ Ипатьевской лѣтописи о походѣ Игоря на Половцевъ, мѣста изъ сочиненій протопопа Аввакума и «Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ». Изъ мелкихъ добавленій отмѣтимъ одно, въ Изборникѣ Святослава 1073 г., о необязательности аскетизма и монашества, важное по связи съ религіозными взглядами Вл. Мономаха. 4) Выпущено нѣсколько отрывковъ изъ Паломника Даніила, Начальной лѣтописи (разсказъ о Кіево-Печерскомъ монастырѣ) и изложеніе повѣсти о Брунцвикѣ. 5) Помѣщено 14 рисунковъ, могущихъ по нашему мнѣнію

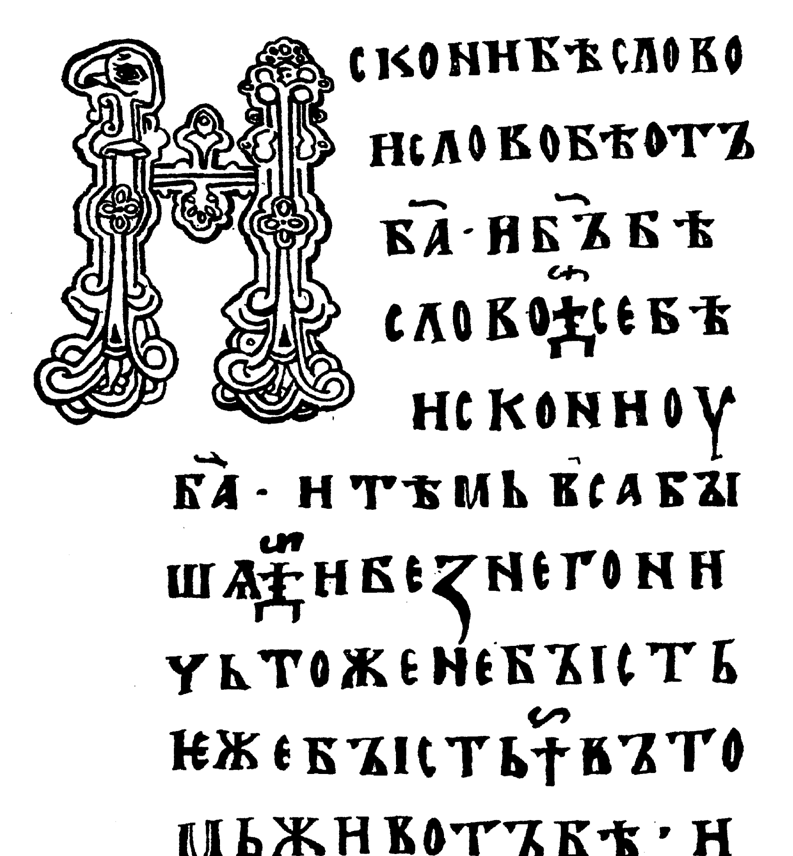
дать учащимся нѣсколько наглядныхъ представленій въ области древней литературы. Шесть изъ нихъ касаются внѣшняго вида рукописей №№ 1, 2, 3, 7, 8, 9); здѣсь учащіеся найдутъ образцы почерковъ разнаго времени, миніатюръ, иниціаловъ, заставокъ, вязи. Три рисунка (№№ 4, 5, 6) иллюстрируютъ представленія нашихъ предковъ о мірѣ и природѣ. № 10 даетъ лубочную картинку къ повѣсти о Бовѣ. Наконецъ четыре послѣдніе рисунка вносятъ наглядность въ понятіе о народной поэзіи и ея современныхъ носителяхъ — народныхъ пѣвцахъ.

Іюль 1907 г.

Предисловія къ 3—5-му изданіямъ.

Въ послѣдующія изданія вносились лишь незначительныя отдѣльныя исправленія, направленныя главнымъ образомъ къ большей ясности изложенія вступительныхъ замѣтокъ.

Октябрь 1908 г. — Мартъ 1911 г.



Искони бѣ слово
и слово бѣ отъ
б҃а · и б҃ъ бѣ
слово · се бѣ
искони у
б҃а · и тѣмь вьса бꙑ
ша · и без него ни
чьто же не бꙑсть
иже бꙑсть · въ то
мь животъ бѣ · и

Рис. 1. Начало Остромирова Евангелія 1056 г. (Древнѣйшій памятникъ русской письменности. Заглавная буква въ подлинникѣ рисована въ нѣсколько красокъ).

А. Алферовъ и А. Грузинскій. Допетровская литература.

1. Изборникъ Святославовъ, 1073 г.

Подлинникъ «Изборника Святославова 1073 г.» византійскаго происхожденія. Съ VI вѣка въ византійской литературѣ начинаетъ падать оригинальное творчество. Писатели этой эпохи начинаютъ изучать своихъ предшественниковъ, дѣлать изъ нихъ выборки, соединять ихъ въ сборники. Сюда входятъ выписки изъ свящ. Писанія, изъ отцовъ церкви, изъ разныхъ мірскихъ писателей: философовъ, историковъ, ораторовъ и поэтовъ. Съ VII вѣка эта форма сборниковъ стала господствующей формой въ византійской письменности.

Къ такимъ сборникамъ принадлежитъ и подлинникъ нашего «Изборника», составленный въ IX вѣкѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи переведенный въ Болгаріи для царя Симеона, извѣстнаго покровителя просвѣщенія, при которомъ болгарская литература особенно процвѣтала. Въ 1073 г. нѣкій дьякъ Іоаннъ переписалъ его для черниговскаго князя Святослава Ярославича, и сборникъ сталъ ходить по Руси съ именемъ русскаго князя.

Изборникъ Святославовъ даетъ типичный примѣръ господствующей черты нашей старой письменности: въ большинствѣ своихъ произведеній она не самостоятельна и многое по формѣ и по содержанію беретъ изъ византійской литературы. Содержаніе «Изборника» представляетъ случайную энциклопедію церковныхъ и мірскихъ свѣдѣній, отъ богословскихъ статей до притчъ и загадокъ. Это «Съборъ отъ многъ отецъ — вкратцѣ сложенъ на память и на готовъ отвѣтъ». Древніе русскіе читатели любили такіе сборники, такъ какъ изъ нихъ можно было узнать сразу о многомъ.

Пергаменная рукопись Изборника хранится въ Москвѣ въ Синодальной библіотекѣ; она украшена заставками; кромѣ того, отдѣльные рисунки въ краскахъ изображаютъ: 1) князя Святослава Ярославича съ женой и тремя сыновьями; 2) Іисуса Христа, держащаго въ лѣвой рукѣ Евангеліе и правою благословляющаго; по сторонамъ Христа два павлина; 3) храмъ съ тремя куполами; на аркѣ — ликъ Спасителя, а по сторонамъ храма — павлины и другія птицы. Послѣдній рисунокъ съ варіаціями повторяется нѣсколько разъ.

1. Вопросъ. Если кто будетъ старъ или боленъ или не въ силахъ и не можетъ стать монахомъ или жить по-монашески, то какъ можетъ такой человѣкъ каяться и спастись?

Отвѣтъ. Такъ какъ Господь сказалъ: «иго Мое благо и бремя Мое легко», то совершенно ясно, что и старый и немощный могутъ исполнять Его заповѣдь. Вѣдь сказано въ Писаніи: «правы пути Господни, и праведные пойдутъ по нимъ, а нечестивые будутъ не въ силахъ слѣдовать», и еще: «все лежитъ передъ тѣми, кто разумѣетъ, и все истинно для тѣхъ, кто находитъ пониманіе», и еще: «справедливо слово Господне и всѣ дѣла Его въ вѣрѣ». Не заповѣдано намъ ни безбрачія, ни удаленія отъ всего въ мірѣ, но любить Бога и ближняго, смиряться, быть милостивыми, молиться, терпѣть скорби, быть кроткими, миролюбивыми, не питать злобы, не осуждать, не лгать... Видишь ли, что не установлено для насъ ничего тяжелаго и непосильнаго. Истинно сказалъ Господь: «иго Мое благо и бремя Мое легко».

2. Изъ статьи святого Епифанія о 12 камняхъ, которые были нашиты на первосвященническомъ логіонѣ[1]).

Рубинъ цвѣтомъ очень красенъ. Находится онъ въ Карѳагенѣ Ливійскомъ, который называется Африкой. Говорятъ, его ищутъ не днемъ, а ночью; онъ издалека, словно свѣтильникъ или уголь, то сверкаетъ искрами, то перестаетъ; тѣ, кто его ищетъ, понявъ, что это онъ, идутъ на свѣтъ и находятъ. Когда его носятъ, онъ свѣтится сквозь всякую одежду, какою бы его ни закрыть.

Гіацинтъ — красноватаго цвѣта, находятъ его во внутренней Варваріи Сирійской; древніе называютъ Скиѳіей всю эту сѣверскую область, гдѣ живутъ Готѳы и Давны. Тамъ среди пустыни великой Скиѳіи есть пропасть, очень глубокая и недоступная для людей, отовсюду огражденная каменными утесами; если сверху, словно со стѣнъ, нагнуться и смотрѣть внизъ, то дна пропасти не видно, а въ глубинѣ мракъ, какъ въ какой-нибудь безднѣ. Сосѣдніе владѣтели насильно посылаютъ туда осужденныхъ преступниковъ (добывать гіацинтъ); тѣ закалываютъ ягнятъ, обдираютъ шкуру и бросаютъ мясо въ пропасть съ каменныхъ утесовъ. Тамъ драгоцѣнные камни прилипаютъ къ мясу, а орлы, живущіе въ этихъ горахъ, спускаются на запахъ мяса и выносятъ наверхъ ягнятъ съ прилипшими каменьями; когда они съѣдятъ мясо, камни остаются на верху горы. Преступ-

[1]) Логіонъ — нагрудное украшеніе на одеждѣ ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ.

Рис. 2. Изъ Святославова Изборника 1073 г.

ники же наблюдаютъ, куда таскаютъ мясо орлы, идутъ и такимъ образомъ приносятъ каменья. Гіацинтъ обладаетъ такимъ свойствомъ, что, если его бросить на раскаленные уголья, онъ самъ не повреждается, но угашаетъ угли.

3. Лѣтописецъ вкратцѣ отъ Августа до Константина и Зоя, царей греческихъ[1]).

1) Августъ, онъ же и Октавіанъ, (правилъ) 56 лѣтъ, 4 мѣсяца, 1 день; на 43-мъ году его правленія родился Христосъ Богъ нашъ, отъ сотворенія міра въ 5501 году.

2) Тиверій—22 года, 6 мѣсяцевъ, 19 дней.

3) Гай—3 года, 10 мѣсяцевъ.

4) Клавдій—13 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, 19 дней.

5) Неронъ—13 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ, 17 дней; онъ убилъ двухъ верховныхъ апостоловъ въ Римѣ.

6) Гальба—7 мѣсяцевъ, 6 дней.

7) Оттонъ—3 мѣсяца, 5 дней.

8) Виттелій—7 мѣсяцевъ, 1 день.

9) Веспасіанъ—10 лѣтъ; при немъ былъ завоеванъ Іерусалимъ.

10) Титъ—3 года; былъ убитъ Дометіаномъ.

11) Дометіанъ, сынъ его—15 лѣтъ, 5 дней; онъ послалъ въ заточеніе Іоанна Богослова.

12) Нерва—1 годъ, 1 мѣсяцъ, 3 дня.

4. О составѣ человѣческаго тѣла. Мы говоримъ, что тѣло человѣческое составлено изъ четырехъ частей: отъ огня заимствуетъ оно теплоту, отъ воздуха холодъ, отъ земли сухость, отъ воды мокроту.

5. О злой женѣ. Лучше жить въ пустынѣ, чѣмъ съ женой долгоязычной и сварливой; какъ червякъ губитъ дерево, такъ мужа жена злая; какъ капель въ дождливый день выгоняетъ человѣка изъ жилья, такъ и жена долгоязычная; что кольцо золотое въ носу у свиньи, то же красота женѣ зломысленной. Никакой звѣрь не сравнится съ злой и долгоязычной женой. Что̀ свирѣпѣе льва среди четвероногихъ или что̀ злѣе среди пресмыкающихся? Но все это ничто въ сравненіи съ злой женой.

---

[1]) Взято начало «Лѣтописца», составленнаго константинопольскимъ патріархомъ Никифоромъ въ началѣ IX вѣка. Здѣсь видно, что Никифоръ считаетъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова не 5508 лѣтъ, какъ обычно считалось тогда, 5500.

2. Изборникъ Святославовъ, 1076 г.

Изборникъ составленъ нѣкіимъ Іоанномъ «изъ многихъ книгъ княжьихъ» для того же князя черниговскаго Святослава Ярославича. По содержанію онъ существенно отличается отъ Изборника 1073 года. Его статьи объединены идеей нравственнаго поученія. Статьи представляютъ или краткія изреченія или обширныя «слова» и «наказанія» въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Глава «О чтеніи книгъ» представляетъ вступленіе въ этотъ Изборникъ.

О чтеніи книгъ. Хорошее дѣло, братія, чтеніе книгъ, особенно для христіанина. «Блаженны — сказано — тѣ, которые, стараясь узнать его (свящ. Писаніе), всѣмъ сердцемъ стремятся къ тому». Что же значатъ слова: «стараясь узнать его?» Когда читаешь книгу, не спѣши поскорѣе дочитать до слѣдующей главы, но раздумывай, о чемъ говоритъ книга, и что значатъ ея слова, и трижды вернись къ одной главѣ. Ибо сказано: «въ сердцѣ своемъ запечатлѣлъ я слова твои, чтобы не погрѣшить передъ тобою». Не сказано: «одними устами произнесъ я», но и «въ сердцѣ сохранилъ, чтобы не погрѣшить передъ тобою». Кто же, какъ слѣдуетъ, понимаетъ Писаніе, тотъ руководится имъ. Скажу такъ: конь управляется и удерживается уздою, а праведникъ книгами. Нельзя построить корабль безъ гвоздей, нельзя сдѣлаться праведникомъ безъ чтенія книгъ; какъ тѣ, кто въ плѣну, постоянно думаютъ о своихъ близкихъ, такъ праведникъ — о чтеніи книжномъ. Красота воину — оружіе, а кораблю — паруса; такъ и праведному чтеніе книжное.

---

3. Слово Θеодосія Печерскаго о вѣрѣ латинской или варяжской.

«Слово Θеодосія Печерскаго о вѣрѣ латинской или варяжской» долго приписывалось преподобному Θеодосію, игумену Печерскаго монастыря, и относилось поэтому къ XI вѣку. Въ настоящее время изслѣдованія Голубинскаго и Шахматова устанавливаютъ, что «Слово» это принадлежитъ Θеодосію Греку, также игумену Печерскаго монастыря, но жившему въ XII вѣкѣ: онъ былъ избранъ игуменомъ въ 1142 г. и умеръ въ 1156 г.

Это «Слово» написано, какъ предостереженіе князю кіевскому Изяславу Мстиславичу, который находился въ свойствѣ и родствѣ съ владѣтельными князьями народовъ римскаго исповѣданія: король Угорскій (венгерскій) былъ его зятемъ, Болеславъ Польскій и Владиславъ

Чешскій — сватами. Θеодосій Грекъ въ общеніи князя съ «латынью» могъ видѣть опасность для греческаго вліянія въ Россіи.

«Слово» имѣетъ въ виду не обширный кругъ читателей, а опредѣленную личность кіевскаго князя. На первый взглядъ казалось бы поэтому, что это «Слово» не могло имѣть большого вліянія въ русской культурѣ того времени. Но въ дѣйствительности было не такъ: есть основанія думать, что «Слово» существовало во многихъ спискахъ, и кругъ его вліянія могъ быть значителенъ.

Это поученіе даетъ характерный примѣръ религіозной нетерпимости, вносившейся въ древнюю Русь византійской культурой.

У меня для тебя, князь боголюбивый, есть слово (поученіе). Я, Θеодосій, худой рабъ Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, рожденъ въ чистой и правовѣрной вѣрѣ и воспитанъ въ добромъ наставленіи, правовѣрными отцомъ и матерью, наставлявшими меня въ добромъ законѣ. Слѣдуетъ намъ не связываться съ латинской вѣрой, не держаться ихъ обычая, избѣгать причастія ихъ и всякаго ихъ ученія, и гнушаться ихъ нравами; и беречь своихъ дочерей, не выдавать за нихъ, и не брать замужъ ихъ дочерей; не брататься съ нимъ, не кланяться ему, не цѣловать его, не ѣсть и не пить съ нимъ изъ одной посуды и не принимать ихъ ѣды. Однако, если попросятъ ради Бога ѣсть и пить, то дать имъ, но въ ихъ посудѣ; если не будетъ у нихъ посуды, въ своей дать; потомъ, вымывши ее, сотворить надъ ней молитву, потому что они неправо вѣруютъ и нечисто живутъ, ѣдятъ со псами и кошками... ѣдятъ львовъ, дикихъ коней, ословъ, удавленину, мертвечину, медвѣдину, бобровину и хвостъ бобра, и во время говѣнья ѣдятъ мясо, опуская его въ воду. На первой недѣлѣ поста, во вторникъ, ихъ монахи ѣдятъ масло, и въ субботу постятся такъ, что, переждавъ вечеръ, ѣдятъ молоко и яйца. Если они согрѣшаютъ, то не у Бога просятъ прощенья, но прощаютъ ихъ священники за дары. А священники ихъ не женятся законною женитьбою... и на войну ходятъ и служатъ на облаткахъ. Они не цѣлуютъ ни иконъ, ни святыхъ мощей, а крестъ цѣлуютъ, нарисовавши его на землѣ, и, вставъ на него, попираютъ его ногами; мертвецовъ же кладутъ ногами на западъ, а руки подъ него подложивши. У нихъ берутъ въ жены одну сестру послѣ другой, крестятъ однимъ погруженіемъ, а у насъ тремя. Мы при крещеніи мажемся муромъ и масломъ, а они сыплютъ въ ротъ крещаемому соль. Они не даютъ ребенку имени какого-нибудь святого, а какъ прозовутъ родители,

въ то имя и крестятъ. Они говорятъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына; и много другихъ злыхъ дѣлъ у нихъ есть... Мнѣ же сказалъ отецъ мой: Ты, мой сынъ, остерегайся кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ словъ, такъ какъ и наша земля наполнилась тою злою вѣрою. Кто хочетъ спасти свою душу, спасетъ ее, живя въ православной вѣрѣ. Ибо нѣтъ вѣры лучше нашей, такъ какъ наша правовѣрная вѣра чиста и свята; живя въ этой вѣрѣ, можно избавиться отъ своихъ грѣховъ и избѣгнуть муки вѣчныя, и стать участникомъ жизни вѣчной и вѣчно со святыми радоваться... Если ты видишь нагого или голоднаго, или холоднаго, или находящагося въ бѣдѣ, будетъ ли это еврей, или еретикъ, или латинянинъ, или какой бы то ни было поганый, всякаго пощади и избавь отъ бѣды, насколько можешь, и не будешь лишенъ награды отъ Бога.

---

4. Начальная лѣтопись.

Начальной лѣтописью называется древній историческій разсказъ о событіяхъ на Руси съ IX стол. до начала XII вѣка (до 1110 года). Записи объ историческихъ событіяхъ, такъ или иначе, привлекавшихъ вниманіе современниковъ, давно уже начали вестись въ старинныхъ русскихъ монастыряхъ. Впослѣдствіи эти разрозненныя замѣтки о событіяхъ, касавшихся преимущественно тѣхъ мѣстностей, гдѣ велись такія записи, обрабатывались другими лицами — также монахами: пополнялись, связывались между собою, иногда, быть-можетъ, измѣнялись согласно съ какими-либо свѣдѣніями, которыми располагало лицо, занимавшееся такой обработкой лѣтописныхъ замѣтокъ.

Эти обработки лѣтописей, представлявшія соединенныя замѣтки, быть-можетъ, нѣсколькихъ лицъ, назывались лѣтописными *сводами* или *изводами;* наиболѣе удачные изъ нихъ переписывались, эти копіи сводовъ назывались *лѣтописными списками.*

Первоначальныя отдѣльныя лѣтописныя замѣтки и подлинные *изводы* (своды) лѣтописные, относящіеся къ XI и XII вѣкамъ, утрачены. До насъ дошли только *лѣтописные списки.* То, что называется *Начальной лѣтописью,* есть только древнѣйшій лѣтописный списокъ, а не подлинныя первоначальныя историческія замѣтки. Это повѣствованіе, обыкновенно, помѣщается въ началѣ всѣхъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ. Два древнѣйшіе списка этихъ сводовъ, какіе мы имѣемъ, — Лаврентьевскій и Ипатьевскій — продолжаютъ разсказъ послѣ Начальной лѣтописи — первый о событіяхъ въ Кіевской и Суздальской Руси до 1305 года, а второй о Кіевской, Галицкой и Волынской землѣ до 1292 года. Въ настоящее время ученые различаютъ три главныхъ составныхъ части Начальной лѣтописи: 1) «Повѣсть временныхъ лѣтъ», оканчивающуюся, приблизительно, на княженіи Олега; эта часть составлена не позже смерти Ярослава (1054 г.); 2) Сказаніе о крещеніи

Руси при Владимірѣ, написанное въ началѣ XII вѣка, и 3) Кіево-Печерскую лѣтопись, идущую, приблизительно, отъ половины XI вѣка до 1110 года. Лишь эта послѣдняя часть, вѣроятно, составлена лѣтописцемъ Несторомъ, но и она, войдя въ сборникъ, подвергалась, какъ и другія части, сокращеніямъ и вставкамъ отъ руки составителя свода, которымъ, какъ предполагаютъ, можно считать игумена Выдубицкаго Кіевскаго монастыря Сильвестра. Онъ, вѣроятно, и пополнилъ промежутки между указанными тремя частями на основаніи устныхъ народныхъ преданій и письменныхъ источниковъ.

Вотъ нѣкоторыя замѣчанія проф. Ключевскаго о древней русской лѣтописи (Курсъ русской исторіи, I, гл. V и VI).

«Начальная лѣтопись представляетъ сначала прерывистый, но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе послѣдовательный разсказъ о первыхъ $2^1/_2$ вѣкахъ нашей исторіи, и не простой разсказъ, а освѣщенный цѣльнымъ, тщательно выработаннымъ взглядомъ составителя на начало отечественной исторіи...

«Подъ перомъ лѣтописца XII вѣка все дышитъ и живетъ, все безустанно движется и безъ умолку говоритъ; онъ не просто описываетъ событія, а драматизируетъ ихъ, разыгрываетъ передъ глазами читателя. Такимъ драматизмомъ изложенія особенно отличается Ипатьевскій списокъ. Несмотря на разноголосицу чувствъ и интересовъ, на шумъ и толкотню описываемыхъ событій, въ лѣтописномъ разсказѣ нѣтъ хаоса: всѣ событія, мелкія и крупныя, стройно укладываются подъ одинъ взглядъ, которымъ лѣтописецъ смотритъ на міровыя явленія...

«Такъ лѣтописецъ является моралистомъ, который видитъ въ жизни человѣческой борьбу двухъ началъ, добра и зла, Провидѣнія и дьявола, а человѣка считаетъ лишь педагогическимъ матеріаломъ, который Провидѣніе воспитываетъ, направляя его къ высокимъ цѣлямъ, ему предначертаннымъ. Добро и зло, внѣшнія и внутреннія бѣдствія, самыя знаменія небесныя — все въ рукахъ Провидѣнія служатъ воспитательнымъ средствомъ для человѣка, пригоднымъ матеріаломъ для «строенія Божія», міроваго нравственнаго порядка, созидаемаго Провидѣніемъ. Лѣтописецъ болѣе всего разсказываетъ о политическихъ событіяхъ и о международныхъ отношеніяхъ; но взглядъ его по существу церковно-историческій. Его мысль сосредоточена не на природѣ дѣйствующихъ въ исторіи силъ, извѣстной ему изъ другихъ источниковъ, а на образѣ ихъ дѣйствій по отношенію къ человѣку и на урокахъ, какіе человѣкъ долженъ извлекать для себя изъ этого образа дѣйствій. Эта дидактическая задача лѣтописанья и сообщаетъ спокойствіе и ясность разсказу лѣтописца, гармонію и твердость его сужденіямъ».

Но лѣтопись не только *историческій* трудъ моралиста: она развивалась въ то время, когда отдѣльные литературные виды еще не обособились въ особую форму, и внимательный читатель найдетъ въ нашей Начальной лѣтописи зачатки будущаго разнообразія литературныхъ произведеній.

1. Обычаи славянскихъ племенъ. У нихъ были свои обычаи — законъ и преданья ихъ отцовъ; у каждаго племени нравы были свои. Поляне отъ своихъ отцовъ унаслѣдовали кроткіе и тихіе нравы, большое уваженіе къ сно-

хамъ, сестрамъ, матерямъ, родителямъ, свекровямъ, деверьямъ; у нихъ были брачные обычаи: женихъ не ходилъ за невѣстой, но ее приводили къ нему вечеромъ, а на другой уже день приносили, что давали за ней. А древляне жили какъ звѣри, по-скотски: убивали другъ друга, ѣли все нечистое, брака у нихъ не было, а дѣвицъ похищали у воды. У радимичей, вятичей и сѣверянъ были такіе же обычаи: они жили въ лѣсу какъ всякій звѣрь, ѣли все нечистое, срамословили отцовъ и снохъ; брака у нихъ не было, но устраивались игрища между селеньями. Они сходились на эти игрища, плясали, бѣсовски веселились и здѣсь похищали себѣ женъ, кто съ какою согласился; у нихъ было по двѣ и по три жены. Если кто умиралъ, то надъ нимъ устраивали тризну, послѣ этого складывали большой костеръ, возлагали на него мертвеца и сжигали; потомъ собирали кости въ небольшую посудину и ставили ее на столбѣ на дорогѣ. Вятичи и теперь еще дѣлаютъ это. Этихъ же обычаевъ держались и кривичи, и другіе язычники, не знающіе закона Божія, и сами для себя создававшіе законы.

2. Основаніе Кіева. Были три брата: одинъ по имени Кій, другой — Щекъ, а третій — Хоревъ; сестра ихъ звалась Лыбедь. Кій жилъ на горѣ, гдѣ нынѣ спускъ къ Днѣпру — Боричевъ, а Щекъ жилъ на горѣ, которая нынѣ называется Щековица, а Хоревъ — на третьей горѣ; отъ него она прозвана Хоревица. И основали они городъ во имя старшаго брата, и дали ему имя Кіевъ. Около города былъ громадный и темный лѣсъ: они ловили въ немъ звѣрей. Были они мужи весьма мудрые; назывались Полянами; отъ нихъ ведутся поляне въ Кіевѣ и донынѣ. А нѣкоторые, не зная дѣла, говорили, что Кій былъ перевозчикомъ; потому что у Кіева былъ тогда перевозъ съ той стороны Днѣпра, а потому и говорилось: «на Кіевъ перевозъ». Если бы Кій былъ перевозчикъ, то не ходилъ бы онъ къ Царьграду; но этотъ Кій княжилъ въ своемъ родѣ. Когда онъ приходилъ къ царю, сказываютъ, что принялъ отъ царя большую честь, отъ того царя, при которомъ онъ приходилъ. И когда онъ возвращался, пришелъ къ Дунаю, полюбилъ это мѣсто и выстроилъ небольшой городокъ, и хотѣлъ поселиться съ родомъ своимъ, но не дали ему близъ живущіе. Такъ что и теперь тамошніе жители называютъ это городище Кіевецъ. Когда же Кій вернулся въ свой

городъ Кіевъ, то тамъ онъ и скончался. И братья его Щекъ и Хоревъ и сестра ихъ Лыбедь тамъ же скончались.

3. Смерть Олега. Олегъ княжилъ въ Кіевѣ и жилъ въ мирѣ со всѣми странами. Наступила осень, и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго онъ поставилъ кормить и не садился на него. Потому что передъ тѣмъ спрашивалъ волхвовъ, кудесниковъ: «Отъ чего мнѣ суждено умереть?» И одинъ изъ кудесниковъ сказалъ ему: «Князь! тебѣ умереть отъ того коня, котораго ты любишь и на которомъ ѣздишь». Олегу это запало въ умъ, и онъ сказалъ: «Никогда больше не сяду на этого коня, и даже не буду на него смотрѣть». И велѣлъ онъ кормить его и не приводить къ себѣ. И прошло уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не видалъ его, вплоть до похода на грековъ. И вернувшись въ Кіевъ, онъ прожилъ еще 4 года, и на 5-й годъ вспомнилъ про своего коня, отъ котораго волхвы предсказали ему смерть. И призвалъ Олегъ своего старшаго конюха, и сказалъ ему: «Гдѣ мой конь, котораго я велѣлъ кормить и беречь?» Конюхъ сказалъ: «Онъ умеръ». Олегъ же посмѣялся и попрекнулъ кудесника, говоря: «Неправду говорятъ волхвы, — все это ложь: конь умеръ, а я живъ». И велѣлъ осѣдлать себѣ коня: «Посмотрю на его кости». И пріѣхалъ онъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости коня и его голый черепъ, и слѣзъ Олегъ съ коня и посмѣялся такими словами: «Не отъ этого ли черепа мнѣ умереть?» и наступилъ ногою на черепъ; и выползла оттуда змѣя, и ужалила ему ногу, онъ отъ этого разболѣлся и умеръ. И всѣ плакали о немъ великимъ плачемъ, и понесли его, и погребли на горѣ, которая называется Щековица. Эта могила цѣла до сихъ поръ: она слыветъ Олеговой могилой. Всего онъ княжилъ 33 года. Какъ это дивно, что волхвованія чародѣйствомъ сбываются!

4. Смерть Игоря. Въ 945 году. Въ этотъ годъ дружина сказала Игорю: «Отроки Свѣнельда богаты оружьемъ и платьемъ, а мы наги; пойдемъ, князь, съ нами за данью: и у тебя будетъ добыча, и у насъ». Игорь ихъ послушалъ, пошелъ за данью въ землю древлянъ, и собиралъ больше, чѣмъ прежде, дѣлалъ насилія, также и дружинники его. Собравъ дань, онъ пошелъ въ свой городъ. На возвратномъ пути онъ поразмыслилъ и сказалъ своей дружинѣ: «Идите вы съ данью домой, а я возвращусь и похожу еще». Онъ отпустилъ свою дружину домой, а самъ съ малою ея

частью возвратился, желая большей добычи. Когда древляне узнали, что онъ опять идетъ, то стали такъ совѣщаться съ своимъ княземъ Маломъ: «Когда волкъ повадится къ овцамъ, то перетаскаетъ все стадо, если его не убьютъ. Такъ и онъ, если мы его не убьемъ, то всѣхъ насъ погубитъ».

Они послали къ нему съ такими словами: «Зачѣмъ идешь опять? вѣдь ты собралъ всю дань». И не послушалъ ихъ Игорь, и древляне, выйдя изъ города Искоростеня, убили Игоря и перебили его дружину, потому что ея было мало. И былъ погребенъ Игорь; могила его въ землѣ древлянъ, у города Искоростеня есть до сихъ поръ.

5. Мщеніе Ольги. Ольга была въ Кіевѣ съ сыномъ своимъ, малолѣтнимъ Святославомъ; при немъ былъ его дядька Асмудъ, воеводой же былъ Свѣнельдъ и отецъ Мистишинъ. Древляне говорили между собою: «Вотъ мы убили русскаго князя; возьмемъ Ольгу въ жены нашему князю Малу, а съ Святославомъ поступимъ, какъ захотимъ». И послали древляне лучшихъ мужей своихъ, числомъ 20, въ ладьѣ къ Ольгѣ, и пристали они подъ Боричевымъ. А тогда вода текла у самой подошвы Кіевской горы, и на Подолѣ люди не жили, а на горѣ. И Ольгѣ сказали, что пришли древляне; Ольга велѣла позвать ихъ къ себѣ, говоря: «Они съ добромъ пришли». Древляне, придя къ ней, сказали: «Вотъ мы пришли, княгиня», И сказала имъ Ольга: «Такъ скажите, зачѣмъ вы сюда пришли?» И сказали древляне: «Насъ послалъ древлянскій народъ сказать тебѣ: мы убили твоего мужа, потому что твой мужъ расхищалъ и грабилъ, какъ волкъ; а наши князья добры: они, какъ пастухи о стадѣ, заботятся о древлянской землѣ. Иди за нашего князя Мала». Малъ — было имя древлянскаго князя. Ольга же сказала имъ: «Мнѣ ваша рѣчь люба; мнѣ ужъ не воскресить своего мужа, но я хочу оказать вамъ завтра почесть передъ своимъ народомъ; теперь идите въ свою лодку, ложитесь въ ней съ честью; я завтра пошлю за вами, а вы скажите: «Не поѣдемъ на коняхъ, не пойдемъ пѣшіе — несите насъ въ лодкахъ». И отпустила ихъ къ лодкѣ. Ольга же велѣла выкопать большую и глубокую яму на теремномъ дворѣ, внѣ города. На другой день Ольга сѣла въ теремѣ и послала за гостями. Къ нимъ пришли и сказали: «Васъ зоветъ Ольга для великаго почета». Они же отвѣчали: «Не поѣдемъ ни на коняхъ, ни въ повозкахъ, и пѣшкомъ не пойдемъ — несите насъ въ лодкѣ». Кіевляне сказали:

«Не наша воля: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ итти за вашего князя». И понесли ихъ въ лодкѣ, а они сидѣли гордо и разодѣтые. Ихъ принесли къ Ольгѣ на дворъ, и прямо, какъ несли, такъ и бросили вмѣстѣ съ лодкой въ яму. Ольга нагнулась надъ ямой и сказала имъ: «Хороша ли вамъ честь?» Они же сказали: «Хуже Игоревой смерти». Она велѣла засыпать ихъ живыми, и засыпали ихъ.

Ольга послала къ древлянамъ сказать: «Если вы, дѣйствительно, сватаете меня, то пришлите самыхъ важныхъ людей, чтобы я съ большимъ почетомъ пошла за вашего князя, а то не пустятъ меня кіевляне». Услышавши это, древляне выбрали лучшихъ мужей, которые управляли древлянской землей, и послали за ней. Когда же они пришли, Ольга велѣла приготовить имъ баню, и сказала: «Сначала вымойтесь, а потомъ приходите ко мнѣ». Баню сильно натопили; древляне въ нее вошли и стали мыться. И она велѣла запереть за ними избу, и зажечь ее отъ дверей; тамъ они всѣ и сгорѣли.

И послала она къ древлянамъ съ такими словами: «Вотъ, я уже иду къ вамъ; приготовьте побольше меда въ томъ городѣ, гдѣ вы убили моего мужа, чтобы мнѣ поплакать надъ могилой мужа и устроить ему тризну». Они же, услышавши это, навезли много меда и наварили. Ольга же, взявъ съ собой немного дружины, налегкѣ пришла къ могилѣ его и плакала о своемъ мужѣ. И велѣла своимъ людямъ насыпать огромный могильный холмъ; когда его насыпали, она велѣла начать тризну. Послѣ этого древляне сѣли пить, а Ольга велѣла своимъ отрокамъ прислуживать имъ. Древляне спросили у Ольги: «Гдѣ наша дружина, которую мы послали за тобой?» Она же сказала: «Идетъ за мной съ дружиною мужа моего». Когда древляне перепились, она сама отошла въ сторону, а дружинѣ велѣла итти на нихъ и рубить ихъ. Всего ихъ изрубили 5000, а Ольга вернулась въ Кіевъ и снарядила свои войска на остальныхъ древлянъ.

6. Смерть Ольги. Въ 969 году. Сказалъ Святославъ своей матери и своимъ боярамъ: «Нелюбо мнѣ оставаться въ Кіевѣ; хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, потому что тамъ середина моей земли, потому что туда сходится всякое добро: изъ Греціи золото, драгоцѣнныя ткани, вина, разные плоды, изъ Чехіи и Венгріи серебро и кони, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабы». Ольга сказала ему: «Ты видишь,

что я больна, куда же ты хочешь отъ меня итти?» (Она сильно расхворалась.) «Похорони меня,—сказала она ему,—а потомъ иди, куда хочешь». Черезъ три дня умерла Ольга; и ее оплакивалъ и сынъ ея, и внуки, и весь народъ плачемъ великимъ; и ее понесли и похоронили. Ольга завѣщала не устраивать надъ нею тризны, потому что у нея былъ свой пресвитеръ; онъ и похоронилъ блаженную Ольгу. Она была предвѣстницей христіанства въ нашей землѣ, какъ денница передъ солнцемъ, какъ заря передъ разсвѣтомъ; она сіяла какъ луна ночью; среди невѣрующихъ людей она свѣтилась, какъ перлъ среди грязи; а они были грязны, потому что не омыли грѣховъ святымъ крещеніемъ. Она же омылась святою купелію, совлекла съ себя грѣховную одежду ветхозавѣтнаго человѣка Адама, и облеклась въ обновленнаго Адама, который есть Христосъ. И мы скажемъ ей: «Радуйся, познаніе русскими Бога! Съ тебя началось наше примиреніе съ Богомъ». Она первая изъ русскихъ вошла въ царство небесное, ее восхваляютъ всѣ русскіе, какъ начинательницу христіанства; она и по смерти молила Бога за Русь.

7. Крещеніе Руси. Въ 988 году. Послѣ этого Владиміръ взялъ съ собою царицу, Анастасія, корсунскихъ священниковъ, мощи св. Климента и Фифа, ученика его, взялъ себѣ на благословенье церковные сосуды и иконы. Онъ поставилъ въ Корсунѣ церковь на горѣ, которую насыпали среди города, когда носили тайкомъ землю изъ-подъ стѣны; та церковь стоитъ и теперь. Уходя изъ Корсуня, онъ взялъ съ собою двѣ мѣдныя статуи и четырехъ мѣдныхъ коней; они и теперь стоятъ за церковью св. Богородицы, а невѣжды думаютъ, что они изъ мрамора. Онъ отдалъ Корсунь грекамъ вмѣсто вѣна (цѣны невѣсты) за царицу, а самъ пришелъ въ Кіевъ. Какъ только онъ пришелъ, онъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ: нѣкоторыхъ изрубить, другихъ предать огню, Перуна же велѣлъ привязать къ конскому хвосту, и волочь его съ горы по Боричеву на Ручай, и приставилъ двѣнадцать человѣкъ колотить его палками. Это не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который въ этомъ видѣ прельщалъ людей; пусть получитъ онъ отъ людей возмездіе. Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои! Вотъ, наканунѣ онъ былъ чтимъ людьми, а теперь надъ нимъ ругаются! Когда его волочили по Ручаю къ Днѣпру, невѣрующіе люди оплакивали его,

потому что они не приняли еще святого крещенія. Приволокши къ Днѣпру, кинули его туда. И Владиміръ приставилъ къ нему людей и сказалъ: «Если гдѣ онъ пристанетъ, вы отталкивайте его отъ берега, пока пройдетъ пороги; тогда оставьте его». Они исполнили велѣнное имъ. Когда его пустили, и онъ прошелъ черезъ пороги, вѣтеръ выкинулъ его на отмель, отсюда она и прослыла Перуновой отмелью; и теперь она такъ слыветъ.

Послѣ этого Владиміръ послалъ объявить по всему городу: «кто не окажется на рѣкѣ, будетъ ли онъ богатъ, или бѣденъ, или нищъ, или рабъ — тотъ мнѣ будетъ врагомъ». Услышавши это, люди пошли съ радостью, радовались и говорили: «Если бы это не было добро, князь и бояре не приняли бы этого». На другой день утромъ вышелъ Владиміръ съ царицыными и корсунскими священниками на Днѣпръ; и сошлось туда безчисленное множество народа они вошли туда и стояли, кто по шею, кто по грудь; дѣти были у берега; нѣкоторые держали младенцевъ на рукахъ, взрослые бродили по рѣкѣ; священники стояли и читали молитвы. И можно было тутъ видѣть радость на небѣ и на землѣ отъ спасенія стольких душъ. Дьяволъ, стеная, говорилъ: «Увы мнѣ, меня отсюда гонятъ! я здѣсь думалъ поселиться, потому что тутъ нѣтъ ученья апостольскаго, и они не знаютъ Бога; и я веселился ихъ службой мнѣ, и вотъ я побѣжденъ не апостолами и мучениками, а невѣждами; мнѣ ужъ не царствовать въ этой землѣ!» Когда же люди были крещены, каждый пошелъ въ свой домъ. Владиміръ же, радуясь, что онъ самъ и народъ его узнали Бога, воззрѣлъ на небо и сказалъ: «Боже, сотворившій небо и землю! посмотри милостиво на этихъ обновленныхъ людей, и дай имъ, Господи, узнать Тебя, истиннаго Бога какъ узнали и другія христіанскія страны; утверди въ нихъ правую и несовратимую вѣру, а мнѣ помоги, Господи, въ борьбѣ противъ дьявола, чтобы, надѣясь на Тебя и Твою силу, я побѣдилъ козни его». И сказавши это, онъ велѣлъ строить церкви и ставить ихъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли идолы; а церковь святаго Василія онъ поставилъ на холмѣ, гдѣ прежде стоялъ идолъ Перуна и другіе, и гдѣ прежде князь и народъ приносили жертвы и началъ онъ строить по городамъ церкви и ставить священниковъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Онъ посылалъ брать у лучшихъ дру-

жинниковъ дѣтей и отдавалъ ихъ въ книжное ученіе, матери же этихъ дѣтей плакали объ нихъ, потому что онѣ еще не утвердились въ вѣрѣ: онѣ плакали объ нихъ, какъ о мертвецахъ.

8. Единоборство съ печенѣгомъ. Въ 992 году Владиміръ пошелъ на хорватовъ. И вотъ, когда онъ вернулся послѣ войны съ хорватами, пришли печенѣги на ту сторону рѣки Сулы. Владиміръ пошелъ на нихъ и встрѣтилъ ихъ около брода на рѣкѣ Трубежѣ, гдѣ теперь Переяславль. Владиміръ остановился на одной сторонѣ рѣки, а печенѣги на другой; и ни тѣ, ни другіе не осмѣливались перейти на другой берегъ. И пріѣхалъ князь печенѣжскій къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: «Выставь ты своего воина, а я своего: пусть борются; если твой ударитъ объ землю моего, то не будемъ воевать три года; если мой — твоего, то будемъ три года воевать». И они разошлись. Владиміръ же, вернувшись въ станъ, послалъ глашатаевъ съ такими словами: «Нѣтъ ли такого воина, который бы взялся биться съ печенѣгомъ?» И нигдѣ такого воина не находилось. На другой день утромъ пріѣхали печенѣги и привезли съ собою своего воина, а у нашихъ не было. И началъ Владиміръ тужить, и посылалъ опять по всѣмъ своимъ войскамъ. И пришелъ одинъ старикъ къ князю и сказалъ ему: «Князь! есть у меня одинъ сынъ, младшій, дома; я вышелъ воевать съ четырьмя, а онъ остался; съ самаго его дѣтства никто не могъ его побороть; разъ, когда я его бранилъ, а онъ мялъ кожу, онъ разсердился на меня и разорвалъ кожу руками». Князь услышалъ это, обрадовался, послалъ за нимъ, и привели его къ князю, и князь разсказалъ ему все; а онъ сказалъ князю: «Князь! не знаю, могу ли я; надо меня испробовать: нѣтъ ли большого и сильнаго быка?» И нашли большого и сильнаго быка, и онъ приказалъ его разъярить; быка прижгли раскаленнымъ желѣзомъ и пустили; быкъ побѣжалъ мимо него, онъ схватилъ быка рукою за бокъ, и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько захватила рука. И сказалъ ему Владиміръ: «Можешь съ нимъ бороться». И на другой день утромъ пришли печенѣги, и начали кричать: «Развѣ нѣтъ у васъ воина? нашъ уже готовъ». А Владиміръ въ эту ночь велѣлъ ему надѣть оружіе; и оба они выступили. Печенѣги выставили своего воина, и былъ онъ очень великъ и страшенъ; и вышелъ воинъ Владиміра; посмотрѣлъ на него печенѣгъ,

и разсмѣялся, потому что онъ былъ средняго роста. Размѣрили мѣсто между обоими полчищами, пустили борцовъ другъ на друга; они схватились и крѣпко держали другъ друга; и нашъ сдавилъ печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю. И наши вскрикнули; печенѣги побѣжали, и русскіе преслѣдовали ихъ и рубили, и прогнали ихъ. Владиміръ былъ очень радъ; онъ основалъ на томъ бродѣ городъ и назвалъ его Переяславль, потому что тотъ отрокъ перехватилъ славу у печенѣговъ. Владиміръ сдѣлалъ его и отца его знатными мужами. Владиміръ вернулся въ Кіевъ съ побѣдою и великою славою.

9. Пиры Владиміра. Вотъ что Владиміръ дѣлалъ для своего народа каждое воскресенье. Онъ завелъ обычай, чтобы въ его дворѣ, въ гридницѣ, устраивался пиръ, и чтобы приходили на этотъ пиръ бояре, стража, сотники, десятники и знатные мужи, и при князѣ, и въ его отсутствіе; тутъ бывало много мяса, говядины и дичи; было всего въ изобильи. Когда они подопьютъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: «Горе нашимъ головамъ: ѣдимъ деревянными ложками, а не серебряными». Услышавши это, Владиміръ велѣлъ выковать серебряныя ложки для ѣды дружинѣ и сказалъ такъ: «Серебромъ и золотомъ я не найду себѣ дружины, а съ дружиною добуду и серебра, и золота, какъ дѣдъ мой и отецъ добыли дружиною серебра, и золота». Владиміръ, вѣдь, любилъ дружину и совѣщался съ ней объ устроеніи своей земли, о войнахъ, о земскихъ порядкахъ.

10. Убіеніе Бориса и Глѣба. Святополкъ занялъ кіевскій столъ послѣ отца своего; и созвалъ онъ кіевлянъ и сталъ надѣлять имуществомъ; они брали, но сердце ихъ не лежало къ нему, потому что братья ихъ были съ Борисомъ. Когда же Борисъ возвратился съ войсками, не найдя печенѣговъ, къ нему пришла вѣсть: «Отецъ у тебя умеръ». И плакалъ онъ очень по отцѣ, потому что отецъ любилъ его больше всѣхъ. Вернувшись, онъ остановился на рѣкѣ Альтѣ. И сказала ему отцовская дружина: «У тебя отцовская дружина и войско; поди, сядь въ Кіевѣ на отцовскомъ столѣ». Онъ же сказалъ: «Не будетъ того, чтобы я поднялъ руку на старшаго брата; если отецъ мой умеръ, то онъ долженъ быть мнѣ вмѣсто отца». Услышавши это, войско разошлось отъ него, а Борисъ остался только съ своими слугами. Святополкъ же, полный беззаконія, питая

каиновскіе замыслы, послалъ къ Борису съ такими словами: «Хочу съ тобою жить въ любви, и къ тому, что тебѣ далъ отецъ, прибавлю тебѣ еще». А это онъ обольщалъ его, желая его погубить. Святополкъ же пришелъ ночью въ Вышгородъ, тайно призвалъ Путшу и вышгородскихъ бояръ, и сказалъ имъ: «Преданы ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?» И сказалъ Путша съ вышгородцами: «Можемъ головы свои сложить за тебя». Онъ сказалъ имъ: «Никому не говоря, подите и убейте брата моего Бориса». Они же обѣщали ему вскорѣ это сдѣлать. О такихъ людяхъ Соломонъ сказалъ: «Они скоры на неправое кровопролитіе; пріобщаясь крови, они готовятъ себѣ злое; такова дорога всѣхъ, совершающихъ беззаконіе: своимъ нечестіемъ они губятъ свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, подошли близко и услышали, что блаженный Борисъ поетъ утреннія молитвы; онъ былъ, вѣдь, уже извѣщенъ, что его хотятъ погубить. И вставши, онъ началъ молиться, говоря: «Господи! почему умножились мои притѣснители? многіе возстаютъ на меня».

И помолившись, онъ легъ на свою постель. И напали на него, окруживъ шатеръ, какъ дикіе звѣри, просунули сквозь шатеръ копья, и прокололи Бориса, а также и слугу его прокололи, который легъ на него, чтобы защитить: онъ былъ очень любимъ Борисомъ. Этотъ отрокъ былъ родомъ венгръ, по имени Георгій; его очень любилъ Борисъ и повѣсилъ ему на шею большое золотое ожерелье, въ которомъ тотъ и прислуживалъ ему. Они перебили и другихъ отроковъ Бориса. А у этого Георгія, такъ какъ они не могли быстро снять ожерелья съ шеи, то отрубили ему голову, и тогда сняли, поэтому-то послѣ и не нашли его тѣла среди другихъ труповъ. Убивши Бориса, окаянные завертѣли его въ шатеръ, положили на повозку и повезли, а онъ еще дышалъ. Окаянный Святополкъ, узнавши о томъ, что онъ дышитъ, послалъ двухъ варяговъ прикончить его. Когда они пришли и увидали, что онъ еще живъ, одинъ изъ нихъ вынулъ мечъ и пронзилъ ему сердце. И такъ скончался блаженный Борисъ, принявъ вѣнецъ отъ Христа Бога вмѣстѣ съ праведными; сопричтенный къ пророкамъ и апостоламъ, водворившись въ раю съ мучениками, почиваетъ онъ на лонѣ Авраама, испытываетъ несказанную радость, поетъ вмѣстѣ съ ангелами и веселится среди святыхъ. Тѣло его тайно принесли въ Вышгородъ и похоронили

у церкви св. Василія. А эти окаянные убійцы пришли къ Святополку, какъ-будто заслуживши похвалу, беззаконниками. Имена этихъ законопреступниковъ: Путша, Талецъ, Еловитъ, Ляшько, а отецъ ихъ сатана. Такими слугами бываютъ бѣсы; бѣсы посылаются на злое, а ангелы на добро. Ангелъ, вѣдь, зла человѣку не дѣлаетъ, но всегда думаетъ объ его пользѣ, особенно же помогаетъ христіанамъ и защищаетъ ихъ отъ врага — дьявола; а бѣсы ловятъ человѣка на злое дѣло, завидуя ему, потому что они видятъ, что человѣкъ почтенъ Богомъ. Они скоры, когда ихъ посылаютъ на злое дѣло. А злой человѣкъ, въ стремленіи къ злу, хуже бѣса: бѣсы, вѣдь, Бога боятся, а злой человѣкъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бѣсы боятся креста Господня, а злой человѣкъ даже и креста не боится.

Святополкъ же окаянный подумалъ про себя такими словами: «Вотъ я убилъ Бориса; какъ бы убить Глѣба?» И питая каиновы замыслы, коварно послалъ къ Глѣбу сказать слѣдующее: «Иди скорѣе, тебя зоветъ отецъ, такъ какъ онъ очень нездоровъ». Глѣбъ, сейчасъ же сѣвъ на коня, поѣхалъ съ небольшою дружиною, потому что онъ былъ послушенъ отцу. И когда онъ пріѣхалъ на Волгу, то на полѣ споткнулся у него во рву конь и ушибъ ему нѣсколько ногу. И пріѣхалъ онъ къ Смоленску; отъѣхавъ отъ Смоленска, на сколько можетъ видѣть глазъ, онъ остановился около Смядина на лодкѣ. А въ это время пришло извѣстіе къ Ярославу отъ Передславы о смерти отца, и послалъ Ярославъ сказать Глѣбу: «Не ходи, отецъ у тебя умеръ, а братъ твой убитъ Святополкомъ». Услышавъ это, Глѣбъ возопилъ со слезами, оплакивая отца, а особенно брата, и началъ слезно молиться, говоря: «Увы мнѣ, Господи! лучше бы мнѣ умереть съ братомъ, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ. Если бы я, о братъ мой, видѣлъ лице твое ангельское, умеръ бы съ тобою, а теперь, что я одинъ остался? Гдѣ теперь слова твои, которыя ты мнѣ говорилъ, братъ мой любимый? Я теперь уже не услышу твоего кроткаго наставленія! Если ты получилъ теперь у Бога милость, молись обо мнѣ, чтобы и я принялъ такое же страданіе; лучше мнѣ было бы умереть съ тобою, чѣмъ жить въ этомъ коварномъ свѣтѣ». И когда онъ такъ молился со слезами, внезапно пришли посланные отъ Святополка погубить Глѣба, и они захватили корабль Глѣба, и обнажили оружіе. Отроки Глѣба пали духомъ, и окаянный посланный,

по имени Горясѣръ, велѣлъ какъ можно скорѣе зарѣзать Глѣба; и поваръ Глѣба, родомъ торчинъ, извлекши ножъ, зарѣзалъ Глѣба. Какъ непорочный агнецъ, онъ былъ принесенъ въ жертву Богу, и принялъ вѣнецъ мученическій, въ ѳиміамѣ духовномъ, словесная жертва. Вступивъ въ небесныя обители, онъ увидалъ своего желаннаго брата, и радовался съ нимъ несказанною радостью, которую оба они заслужили своимъ братолюбіемъ. Какъ хорошо, какъ прекрасно жить братьямъ вмѣстѣ!

Глѣбъ былъ убитъ и брошенъ на берегу между двумя колодами; потомъ его взяли, повезли и положили около его брата у церкви Святаго Василія. Такъ соединенные тѣлами и особенно душами, пребывая у Владыки Всецаря въ безконечной радости, въ несказанномъ свѣтѣ, приносятъ они спасительные дары русскимъ людямъ и изъ другихъ земель приходящимъ съ вѣрою даруютъ исцѣленіе: хромые ходятъ, слѣпые прозрѣваютъ, больные исцѣляются, окованные освобождаются, заключенные въ темницахъ выходятъ, печальные утѣшаются, находящіеся въ напастяхъ избавляются. Они заступники за русскую землю, они сіяющіе свѣтильники, всегда молящіеся Владыкѣ за свой народъ. Потому-то и мы должны достойно восхвалять Христовыхъ страстотерпцевъ, прилежно молясь имъ, въ такихъ словахъ: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы русской земли, подающіе исцѣленіе приходящимъ къ вамъ съ вѣрою и любовію».

11. Смерть Святополка. Въ 1019 году. Пришелъ Святополкъ, соединившись съ печенѣгами, съ огромной силой: и Ярославъ собралъ множество войска, и вышелъ противъ него на рѣку Альту. Ярославъ сталъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убили Бориса, поднялъ руки къ небу, и сказалъ: «Кровь брата моего вопіетъ къ Тебѣ, Владыко! отомсти за кровь этого праведника, какъ отмстилъ за кровь Авеля, наложивъ на Каина стенаніе и трясеніе; наложи тоже и на этого». Помолившись онъ сказалъ: «Братья мои! если вы тѣломъ и ушли отсюда, то помогите мнѣ молитвою въ борьбѣ съ этимъ вражескимъ и гордымъ убійцею». И когда онъ это сказалъ, они пошли другъ на друга, и оба многочисленныя войска совсѣмъ покрыли поле при Альтѣ. Это было въ пятницу. На восходѣ солнца сошлись оба войска, и была злая сѣча, какой еще не было на Руси: схватывались руками и рубились. Три раза такъ сходились; по долинамъ текла кровь. Къ вечеру Ярославъ одолѣлъ, и Свя-

тополкъ побѣжалъ. Во время бѣгства напалъ на него бѣсъ, и кости его разслабли; онъ не могъ сидѣть, и несли его на носилкахъ. Его принесли въ этомъ бѣгствѣ къ Бресту, онъ же говорилъ: «Бѣгите со мною, гонятся за нами!» Отроки его посылали развѣдать, не гонится ли кто за ними, но никакой погони не было, и они бѣжали съ нимъ. Онъ же, лежа больной, вскакивалъ и говорилъ: «Охъ гонятся! бѣгите!» Онъ не выносилъ остановокъ на мѣстѣ, и пробѣжавъ польскую землю, гонимый Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжалъ въ пустыню между Польшей и Чехіей, и тамъ злымъ образомъ испустилъ духъ свой. И его, грѣшника, постигъ правый судъ, и по отшествіи изъ этого свѣта его окаяннаго постигли муки; это явно показывала насланная болѣзнь которая безъ пощады привела его къ смерти, и послѣ смерти онъ осужденъ вѣчно мучиться. Въ такой дикой мѣстности могила его есть до сихъ поръ; изъ нея идетъ тяжелый смрадъ. Это Богъ показалъ русскимъ князьямъ, чтобы они знали, что если будутъ поступать такъ, то такую же казнь примутъ: даже и больше этой, потому что сдѣлаютъ такое злое преступленіе, уже зная это.

12. Ярославъ. Заботы о просвѣщеніи. Въ 1037 году. Ярославъ началъ строить въ Кіевѣ большую городскую ограду, у которой есть золотыя ворота; основалъ и церковь Святой Софіи, митрополичью, и послѣ этого церковь Святого Благовѣщенья Богородицы, что на Золотыхъ воротахъ, послѣ этого монастыри Св. Георгія и Св. Ирины. При немъ вѣра христіанская начала широко распространяться, умножились монахи, и начали основываться монастыри. Ярославъ любилъ церковные уставы, очень любилъ священниковъ, особенно монаховъ, прилежно читалъ книги ночью и днемъ. И собралъ онъ многихъ писцовъ, приказывалъ переводить съ греческаго на славянское письмо, и списали они много книгъ; онъ и пріобрѣлъ много книгъ, поучаясь которыми вѣрующіе люди наслаждаются Божественнымъ ученіемъ. И какъ бываетъ, что одинъ распашетъ землю, другой насѣетъ, а третьи пожинаютъ и ѣдятъ нескудную пищу, такъ и онъ. Его отецъ Владиміръ распахалъ и размягчилъ, т.-е. просвѣтилъ крещеньемъ, онъ засѣялъ книжными словами сердца вѣрующихъ людей, а мы пожинаемъ, усвоивая книжное ученіе. Великая бываетъ польза отъ книжнаго ученія: книгами мы учимся и наставляемся на путь покаянія; отъ книжныхъ словъ пріобрѣ-

таемъ мы мудрость и воздержаніе; онѣ вѣдь, рѣки, напояющія вселенную, онѣ источники мудрости, въ книгахъ неисчетная глубина, ими мы въ печали утѣшаемся, онѣ узда воздержанія... Ярославъ же, какъ мы уже сказали, любилъ книги, онъ много ихъ приказалъ написать и положилъ въ церкви Св. Софіи, которую самъ и построилъ; онъ украсилъ ее золотомъ и серебромъ и церковными сосудами; въ этой церкви въ обычное время установленныя молитвы воспѣваютъ Богу. И другія церкви онъ ставилъ по городамъ и селеніямъ, ставилъ священниковъ и давалъ имъ часть своего имущества, приказывая имъ учить людей, потому что это имъ поручено самимъ Богомъ, и часто приходить въ церковь. И умножились священники и христіане. Ярославъ очень радовался, видя большое множество церквей и христіанъ; а діаволъ горевалъ, будучи побѣждаемъ людьми, обновленными христіанствомъ.

13. Комета. Въ 1064 году. Въ это время было знаменіе на западѣ; огромная звѣзда, съ кровавыми лучами, восходила вечеромъ послѣ солнечнаго захода. Являлась она около 7 дней. Она предсказывала недоброе. Послѣ этого было много усобицъ и нашествіе поганыхъ на Русскую землю; эта звѣзда была какъ бы кровава, и обозначала кровопролитіе. Передъ этимъ же временемъ и солнце перемѣнилось; оно не было свѣтлое, а было въ родѣ мѣсяца; невѣжды говорятъ, что его кто-то съѣдаетъ... Знаменія въ небѣ, въ звѣздахъ, или въ солнцѣ, или въ птицахъ, или въ какомъ-нибудь другомъ видѣ бываютъ не къ добру, а ко злу: предвѣщаютъ наступленіе войны или голода, или мора.

14. Нашествіе половцевъ. Въ 1068 году. Пришли иноплеменники на Русскую землю — многочисленные Половцы. Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ вышли противъ нихъ на рѣку Альту. И была ночь; подошли другъ противъ друга. Богъ попустилъ на насъ поганыхъ за грѣхи наши! и побѣжали Русскіе князья, и побѣдили Половцы. Богъ, вѣдь, по гнѣву своему наводитъ иноплеменниковъ на землю, и когда люди начнутъ сокрушаться, тогда и вспомянутъ Бога; междоусобная же война бываетъ по соблазну дьявола, ибо Богъ хочетъ не зла людямъ, а добра, а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитью, возбуждая свары, зависть, братоненавидѣніе, клеветы. Если же какая-нибудь земля согрѣшитъ, то Богъ караетъ смертью,

или голодомъ, или наведеніемъ поганыхъ, или язвою, или гусеницею (саранчею), или казнями, ожидая, не будемъ ли мы, покаявшись, жить такъ, какъ велитъ Богъ... А не языческа ли мы живемъ, если вѣруемъ во встрѣчу? Вѣдь если кто встрѣтитъ монаха, то возвращается съ пути, или, если встрѣтитъ дикаго кабана, или свинью: развѣ это не язычество? Вѣдь этого гаданья держатся по наущенію дьявола. Нѣкоторые вѣрятъ въ чиханье, которое здорово для головы. Всѣмъ этимъ и другими способами прельщаетъ дьяволъ, всяческими прельщеніями переманиваетъ насъ отъ Бога, — трубами, скоморохами, гуслями и русальями Мы видимъ притоптанныя мѣста для игрищъ, гдѣ такое множество народа, что толкаютъ другъ-друга, смотря на дѣла, замышленныя бѣсомъ, а между тѣмъ церкви пустуютъ, когда бываетъ время молитвы, мало ихъ оказывается въ церкви. За это то мы и принимаемъ отъ Бога всяческія казни, и нашествія ратныхъ людей, по Божьему повелѣнію, испытываемъ, какъ казнь за наши грѣхи. Вернемся же къ прежнему разсказу...[1]).

15. Волхвы[2]). Въ 1071-мъ году, Въ это время пришелъ волхвъ, прельщенный бѣсомъ; придя къ Кіеву, онъ разсказывалъ, что на пятый годъ Днѣпръ потечетъ назадъ, и страны перейдутъ на другія мѣста, такъ что Греческая земля станетъ на мѣстѣ Русской земли, а Русская земля на мѣстѣ Греческой, и другія земли измѣнятся. Невѣжды слушали его, вѣрующіе же смѣялись надъ нимъ, говоря ему: «Бѣсъ тобою играетъ на пагубу тебѣ». Это съ нимъ и случилось, ибо онъ въ одну ночь пропалъ безъ вѣсти. Бѣсы, вѣдь, подстрекательствомъ вводятъ въ зло, а потомъ насмѣхаются, ввергнуть человѣка въ смертную пропасть,

[1]) Вся вторая половина отрывка взята лѣтописцемъ дословно изъ Поученія Ѳеодосія «О казняхъ Божіихъ».

[2]) Въ параграфахъ 15 и слѣдующихъ особенно живо сказывается та старая языческая подпочва, сверхъ которой тонкимъ слоемъ легли новыя христіанскія воззрѣнія. Въ разсказахъ лѣтописи о волхвахъ, кудесникахъ и волшебствахъ прекрасно видно, какое множество суевѣрныхъ понятій жило въ народной массѣ. Важно не только то, что огромное большинство населенія легко поддавалось вѣрѣ въ тайныя силы и напр. при Глѣбѣ въ Новгородѣ одинъ князь съ дружиной пошли за епископомъ съ крестомъ, а всѣ жители стали за волхва; интересно, что даже люди, казалось бы проникнутые христіанствомъ и вовстававшіе противъ волхвовъ, въ сущности сходились съ ними въ понятіяхъ о чарахъ, о волшебствѣ и т. д., но лишь приписывали все это діаволу. Въ разсказѣ о Чудскомъ (т.-е. Финскомъ) колдунѣ языческія божества прямо признаются и находятъ себѣ мѣсто въ христіанскомъ міропониманіи въ качествѣ бѣсовъ. Это типичный фактъ для характеристики полнаго *двоевѣрія*, т.-е. тѣснаго сліянія двухъ религій, ихъ внутренняго переплетенія.

сами научивши и подучивъ его говорить, прямо скажемъ, по своему бѣсовскому наущенію и воздѣйствію. Когда однажды въ Ростовской области былъ голодъ, то появились два волхва изъ Ярославля, говорившіе: «Мы знаемъ у кого скрыто изобиліе всего». И пошли они по Волгѣ; куда придутъ въ селеніе, тамъ указываютъ на лучшихъ женщинъ, говоря, что та скрываетъ жито, та—медъ, та—рыбу, а та—мѣха. И приводили къ нимъ сестеръ, матерей и женъ своихъ. Они же, дѣлая видъ, что прорѣзаютъ у нихъ за плечами и вынимаютъ либо жито, либо рыбу, убивали многихъ женщинъ, а имущество ихъ брали себѣ И пришли они на Бѣлоозеро; около нихъ собралось человѣкъ 300. Въ это же время случилось прійти отъ Святослава для собиранія дани Яну, сыну Вышаты. Бѣлозерцы извѣстили его, что два кудесника уже избили многихъ женъ по Волгѣ и по Шекснѣ и пришли сюда. Янъ же спросилъ, чьи они, и узнавъ, что они подвластны его князю, послалъ къ тѣмъ, кто собрался около нихъ, сказать: «Выдайте сюда тѣхъ волхвовъ, потому что они смерды моего князя». Они же его не послушали и Янъ самъ пошелъ къ нимъ безъ оружія; и сказали ему отроки: «Не ходи безъ оружія; они тебя осрамятъ». Онъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе; и было съ нимъ 12 отроковъ; и пошелъ онъ къ нимъ по лѣсу. Они же стали толпою, приготовившись къ сопротивленію, и когда онъ пошелъ съ топоромъ, то выступили изъ нихъ трое, подошли къ Яну и сказали: «Видишь, что идешь на смерть: не ходи». Онъ же велѣлъ окружить ихъ, а самъ пошелъ на остальныхъ. Они же устремились на Яна, одинъ чуть не попалъ по Яну топоромъ. Янъ же, обернувъ топоръ, ударилъ его обухомъ и велѣлъ рубить ихъ. Они бѣжали въ лѣсъ, и тутъ былъ убитъ священникъ Яна. Янъ же, вошедши въ городъ Бѣлоозерцевъ, сказалъ имъ: «Если не схватите этихъ волхвовъ, не уйду отъ васъ цѣлый годъ». Бѣлозерцы же пошли и поймали ихъ, и привели ихъ къ Яну, и онъ сказалъ имъ: «Зачѣмъ вы погубили столько человѣкъ?» И когда они сказали: «Потому, что онѣ скрываютъ урожай, если ихъ истребить, то будетъ урожай: если хочешь, то передъ тобою вынемъ жито, рыбу, или что другое», то Янъ отвѣтилъ: «Это, по истинѣ, ложь: Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, онъ составленъ изъ костей, жилъ и крови, и нѣтъ въ немъ ничего: и онъ не знаетъ ничего, а знаетъ только одинъ Богъ». Они же сказали: «Мы знаемъ,

какъ сотворенъ человѣкъ». Онъ спросилъ: «Какъ же?» Они же сказали: «Богъ мылся въ банѣ и вспотѣлъ, отерся ветошкой, и бросилъ ее съ неба на землю; и заспорилъ сатана съ Богомъ, кому изъ нея сотворить человѣка? И дьяволъ сотворилъ человѣка, а Богъ вдунулъ въ него душу: потому-то, если умретъ человѣкъ, то тѣло идетъ въ землю, а душа къ Богу». И сказалъ имъ Янъ: «Поистинѣ, прельстилъ васъ бѣсъ! Въ какого вы бога вѣруете? Они сказали: «Въ антихриста». Онъ же сказалъ имъ: «Гдѣ же онъ?» Они сказали: «Сидитъ въ безднѣ». Янъ же сказалъ имъ: «Какой такой богъ, сидитъ въ безднѣ? Это бѣсъ, а Богъ сидитъ на небѣ, на престолѣ, слаивмый ангелами, которые стоятъ передъ нимъ со страхомъ и не могутъ смотрѣть на него! Одинъ изъ этихъ ангеловъ былъ сверженъ,—тотъ, котораго вы называете антихристомъ; онъ былъ низвергнутъ съ неба за свою гордость, и находится въ безднѣ, какъ и вы говорите, и ждетъ, когда придетъ съ неба Богъ, возьметъ этого антихриста, скуетъ оковами и заключитъ, взявши его вмѣстѣ съ его слугами и съ тѣми, кто въ него вѣруетъ. Вамъ же принять муку и здѣсь отъ меня, и тамъ послѣ смерти». Когда же они сказали: «Намъ возвѣщаютъ боги— не можешь ты намъ сдѣлать никакого зла», то онъ сказалъ: «Лгутъ вамъ боги». Они сказали; «Намъ нужно стать передъ Святославомъ, и ты не смѣешь намъ ничего сдѣлать». Янъ же велѣлъ ихъ бить и выдергать имъ бороды. И когда ихъ избили и бороды выдергали клещами, Янъ сказалъ имъ: «Что вамъ говорятъ боги?» Они сказали: «Стать намъ передъ Святославомъ». Янъ велѣлъ всунуть имъ въ ротъ по клину, привязать ихъ къ мачтѣ и пустить передъ собою въ ладьѣ, а самъ отправился за ними. Остановились на устьи Шексны и сказалъ имъ Янъ: «Что вамъ говорятъ боги? Они же отвѣтили: «Намъ боги говорятъ такъ, что не остаться намъ живыми отъ тебя». И сказалъ имъ Янъ: «Это они вамъ правду сказали». Они же сказали: «Но если ты насъ отпустишь, то тебѣ много добра будетъ; а если насъ погубишь, то примешь большую печаль и много зла». Онъ же сказалъ имъ: «Если я васъ отпущу, то мнѣ зло будетъ отъ Бога». И сказалъ Янъ везшимъ ихъ: «Не убитъ ли ими кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ». И они сказали: «У меня мать, у другого сестра, у третьяго дочь». Онъ же сказалъ имъ: «Мстите за своихъ». Тѣ же схватили ихъ и повѣсили на дубѣ. Такъ они получили справедливое

отмщенье отъ Бога. И когда Янъ ушелъ домой, то на другую ночь взлѣзъ на дерево медвѣдь, изгрызъ ихъ и съѣлъ. Такъ они и погибли отъ бѣсовскаго наущенья, про другихъ-то зная, а своей погибели не зная, потому что, если бы они знали, то не пришли бы на то мѣсто, гдѣ имъ суждено было быть схваченными. А разъ уже они взяты были, то зачѣмъ говорили: «Намъ не умереть», когда онъ задумалъ ихъ убить? Но въ томъ-то и состоитъ бѣсовское наущенье: бѣсы, вѣдь, не знаютъ мыслей человѣческихъ, но влагаютъ помыселъ въ человѣка, не зная тайнаго. Богъ одинъ знаетъ человѣческія помышленія, бѣсы же ничего не знаютъ,— потому что они немощны и скверны видомъ. Вотъ мы разскажемъ о наружности ихъ и объ ихъ омраченіи. Въ эти времена, и въ эти годы, случилось прійти одному новгородцу въ Чудь, и пришелъ онъ къ кудеснику, чтобы тотъ ему погадалъ. И тотъ началъ, по своему обыкновенію, призывать бѣсовъ въ свою комнату. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ той комнаты, а кудесникъ лежалъ въ ней оцѣпенѣлый: бѣсъ ударилъ его о землю. Тогда кудесникъ, вставши, сказалъ новгородцу: «Боги не смѣютъ прійти, на тебѣ есть нѣчто, чего они боятся». Новгородецъ же вспомнилъ, что на немъ есть крестъ, и, отошедши, поставилъ крестъ снаружи той комнаты. Кудесникъ же опять началъ призывать бѣсовъ. Бѣсы же, бросая его по полу, дали отвѣтъ на то, зачѣмъ пришелъ новгородецъ. Послѣ онъ сталъ спрашивать кудесника: «Отчего они боятся креста, который мы носимъ на себѣ?» Кудесникъ отвѣтилъ: «Потому что это знаменіе небеснаго Бога, котораго наши боги боятся». Онъ же спросилъ: «Такъ какіе же ваши боги, гдѣ они живутъ?» Тотъ сказалъ: «Въ безднахъ; они съ виду черны, крылаты, съ хвостами, они подлетаютъ и подъ небо, слушаютъ вашихъ боговъ; а ваши — ангелы, живущіе на небѣ; если кто изъ вашихъ людей умретъ, то возносится на небо; если кто изъ нашихъ умираетъ, то уносится въ бездну, къ нашимъ богамъ»...

Одинъ такой волхвъ появился въ Новгородѣ при Глѣбѣ; онъ говорилъ людямъ, выдавая себя за Бога, и многихъ прельстилъ, чуть не весь городъ: онъ говорилъ, что знаетъ все, хулилъ вѣру христіанскую, и говорилъ: «Перейду по Волхову на глазахъ у всѣхъ». И въ городѣ было смятеніе, и всѣ повѣрили ему, и хотѣли убить епископа. Епископъ же, взявши крестъ, облекся въ ризы, всталъ и

сказалъ: «Кто хочетъ вѣрить волхву, пусть идетъ къ нему: кто вѣруетъ, пусть идетъ къ кресту». И раздѣлились надвое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали рядомъ, съ епископомъ, а весь остальной народъ пошелъ къ волхву; и было между ними большое смятеніе, Глѣбъ же, спрятавши подъ полою топоръ, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: «Знаешь ли ты, что будетъ утромъ и что вечеромъ?» Онъ же сказалъ: «Я все знаю». И сказалъ Глѣбъ: «Знаешь ли ты, что будетъ сейчасъ?» Онъ сказалъ: «Я сотворю великія чудеса». Глѣбъ же, вынувши топоръ, разсѣкъ его, и онъ упалъ мертвый, а народъ разошелся. Онъ погибъ тѣломъ и душею, отдавшись дьяволу.

16. Знаменія. Въ 1091 году. Въ этотъ годъ было знаменіе въ солнцѣ: оно какъ будто погибало, и его оставалось мало; оно было, какъ мѣсяцъ, во 2-мъ часу дня 21-го мая. Въ это же время Всеволодъ охотился на звѣрей подъ Вышегородомъ, и когда поставили тенета, и загонщики закричали, упалъ съ неба большой змѣй. Всѣ люди пришли въ ужасъ. Въ это же время многіе слышали, какъ земля гремѣла. Въ этомъ же году волхвъ явился въ Ростовѣ и вскорѣ погибъ.

17. Моровая язва. Въ 1092 году. Въ Полоцкѣ происходило что-то удивительное: ночью раздавался какъ будто гулъ, стонъ стоялъ на улицѣ, и бѣсы рыскали въ видѣ людей. Если кто выходилъ изъ дому, желая посмотрѣть, тотчасъ невидимо уязвлялся бѣсами язвою, и отъ этого умиралъ. И не смѣли выходить изъ домовъ. Послѣ этого днемъ начали появляться какія-то существа на коняхъ, и и ихъ самихъ нельзя было видѣть, но только слѣды копытъ ихъ коней. Такъ они уязвляли жителей Полоцка и всю полоцкую область. Люди поэтому говорили, что мертвецы бьютъ полочанъ. Это знаменіе пошло начиная отъ Друцка. Въ это же время было знаменіе и на небѣ; посреди неба былъ большой кругъ. Въ этотъ же годъ стояли такіе жары, что земля сгорала, и много лѣсовъ и болотъ сами загорались. По разнымъ мѣстамъ было много знаменій, и было большое нашествіе половцевъ отовсюду; взяли три города, Песочный, Переволоку, и много селеній завоевали. Въ это же время много людей умирало отъ различныхъ недуговъ, такъ что торгующіе гробами говорили, что они продали отъ Филиппова дня до мясопуста 7000 гробовъ. Все это было за грѣхи наши, такъ какъ грѣхи наши и неспра-

ведливыя дѣла умножились; Богъ и навелъ на насъ все это, повелѣвая намъ покаяться и воздержаться отъ грѣха, и отъ зависти, и отъ другихъ злыхъ и непріязненныхъ дѣлъ.

18. Сказаніе о народѣ, заключенномъ въ горахъ[1]). Въ 1096 году. Вотъ я хочу сказать, что я слышалъ 4 года тому назадъ, мнѣ разсказывалъ Гюрятя Роговичъ Новгородецъ слѣдующее. «Разъ послалъ я отрока своего въ Печерскую землю, жители которой платятъ дань Новгороду. И, когда мой отрокъ пришелъ къ нимъ, онъ оттуда пошелъ въ Югорскую землю. У Югорскаго же племени языкъ нѣмой, и живутъ они съ самоѣдами въ сѣверныхъ странахъ. Югра же говорила моему отроку: «Дивное нашли мы чудо, о которомъ до сихъ поръ не слыхивали; уже третій годъ, какъ оно началось. За морскимъ заливомъ есть горы высотою до небесъ; въ тѣхъ горахъ идетъ крикъ большой и говоръ; тамъ рубятъ гору, желая вырубиться изъ нея; въ той горѣ прорублено небольшое оконце, и оттуда говорятъ; языкъ ихъ понять нельзя, но они показываютъ на желѣзо и манятъ руками, прося желѣза, и если кто дастъ имъ ножъ или топоръ, они отплачиваютъ мѣхами. Путь же до тѣхъ горъ непроходимъ отъ пропастей, снѣга и лѣса, поэтому мы не всегда доходимъ до нихъ; они есть и еще дальше на сѣверѣ». Я же сказалъ Гюрятѣ: «Это народъ, заключенный царемъ Александромъ Македонскимъ».. Объ нихъ такъ говоритъ Меѳодій Патарскій: «И дошелъ (Александръ) на востокѣ у моря до мѣста, называемаго Солнечнымъ, и увидалъ тутъ нечистыхъ людей изъ племени Іафетова. Они ѣли всякую нечистоту, комаровъ и мухъ, кошекъ, змѣй; и мертвецовъ не хоронили, а ѣли, также какъ и всѣхъ нечистыхъ животныхъ. Увидѣвъ это, Александръ испугался, чтобы они не размножились и не осквернили землю, и загналъ ихъ на сѣверъ въ высокія горы. И по повелѣнію Божію задвинулись за ними сѣверныя горы;

---

[1]) Это сказаніе взято, какъ указано выше самимъ лѣтописцемъ, изъ греческаго апокрифическаго сочиненія: «Слово Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ, сказаніе отъ перваго человѣка до скончанія вѣка». Слово это пользовалось на Руси большой извѣстностью; списки его идутъ вплоть до XIX-то вѣка; изъ него наши предки, начиная съ древняго лѣтописца XI столѣтія, почерпали подробности о будущей кончинѣ міра и пришествіи антихриста; у раскольниковъ до сихъ поръ оно пользуется уваженіемъ. Нечистые народы, о которыхъ говорится здѣсь, названы въ Словѣ «Гога и Магога». Разсказъ же Гюряты Новгородца очевидно представляетъ украшенное фантазіей описаніе мѣновой торговли Новгородцевъ съ сѣверными инородцами. Подобные легендарные разсказы о самоѣдахъ и другихъ жителяхъ сѣвера ходили по Руси до XVII вѣка.

только на 12 локтей не сошлись, и здѣсь образовались мѣдныя ворота, покрытыя сунклитомъ. Если бы захотѣли огнемъ разрушить ихъ, нельзя ихъ сжечь, потому что свойство сунклита таково, что ни огонь его не можетъ сжечь, ни желѣзо не беретъ. Но въ послѣдніе дни выйдутъ изъ пустыни Тривской 8 колѣнъ, тогда выйдутъ по волѣ Божіей и эти нечистые народы, которые въ сѣверныхъ горахъ. Мы же теперь возвратимся къ тому, о чемъ говорили прежде.

---

5. Новгородская Первая Лѣтопись.

Новгородскія лѣтописи составляютъ особый отдѣлъ лѣтописей. Онѣ, также какъ и двѣ Псковскія, носятъ опредѣленно выраженный мѣстный характеръ, отличающій ихъ отъ южныхъ лѣтописей (Кіевской и Волынской). Отличаются онѣ и характеромъ изложенія. По словамъ историка Соловьева, «Новгородская лѣтопись отличается краткостью и сухостью разсказа; такое изложеніе происходитъ, во-первыхъ отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договаривать своей рѣчи и однако хорошо понимаютъ другъ друга. Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостью, образностью, можно сказать, — художественностью».

Новгородскихъ лѣтописей считается четыре; первая изъ нихъ; изъ которой взятъ приведенный здѣсь отрывокъ, обнимаетъ событія между 1016 — 1444 годами. Болѣе древній періодъ, повидимому, излагался въ недошедшей до насъ Начальной Новгородской лѣтописи, отрывокъ которой подъ именемъ Іоакимовской лѣтописи найденъ былъ историкомъ 18-го в. Татищевымъ въ позднемъ спискѣ и помѣщенъ въ его «Русской исторіи».

При выборѣ отрывка имѣлось въ виду дать не столько характерный образчикъ новгородскаго изложенія, сколько картину, важную по чертамъ быта и по настроенію.

Голодъ. Въ 1230 году. Тогда Богъ увидѣлъ наши беззаконія, и братоненавидѣніе, и непокорность другъ-другу, и зависть, и ложныя клятвы на крестѣ, котораго и ангелы не могутъ видѣть и многоочитые закрываются крылами, а мы, держа въ рукахъ, цѣлуемъ скверными устами. И за то Богъ навелъ на насъ поганыхъ, а они опустошили нашу землю, а въ иномъ и сами мы по небрежности сильно разорили свои владѣнія, и они запустѣли, и вотъ Господь Богъ воздалъ намъ по дѣламъ нашимъ. На Воздвиженіе

честнаго креста во всей нашей области морозъ побилъ хлѣбъ, и оттого произошло большое горе. Мы начали покупать хлѣбъ по 8 кунъ, кадь ржи по 20 гривенъ, а во дворахъ — по 15, а пшеницы по 40 гривенъ, а пшена — по 50, а овса по 13 гривенъ. И разошлись люди изъ нашего города, и изъ всей области нашей; и чужіе города и страны наполнились нашими братьями и сестрами, а остальные начали умирать. И кто не прослезится, видя, какъ мертвецы валяются по улицамъ, и псы ѣдятъ младенцевъ!...

Вернемся же къ прежнему, къ воспоминанію о той горькой и бѣдной веснѣ. Что же говорить, что разсказать о казни, посланной на насъ Богомъ? Одни ѣли мохъ, ушъ, сосну, липовую кору, ильмовый листъ, кто что придумалъ; а другіе, злые люди начали зажигать дома добрыхъ людей, узнавши, гдѣ есть рожь, и такъ разграбляли ихъ имущество.

Тогда намъ надо было бы, видя все это своими глазами, стать лучшими, а мы стали еще хуже. Не жалѣли ни братъ брата, ни отецъ сына, ни мать дочери; сосѣдъ сосѣду не удѣлялъ куска хлѣба; не было милосердія между ними, но было горе и печаль, на улицѣ скорбно было встрѣчаться, дома была тоска при видѣ дѣтей, съ плачемъ просящихъ хлѣба, а другихъ умирающихъ. И мы покупали хлѣбъ по гривнѣ и больше, а ржи $^1/_4$ кади покупали по гривнѣ серебра. И отцы и матери отдавали своихъ дѣтей изъ-за хлѣба купцамъ въ полную собственность. Это бѣдствіе было не въ одной только нашей землѣ, но и во всей Русской области, кромѣ одного Кіева. Такъ Богъ воздалъ намъ за дѣла наши.

Изъ Ипатьевскаго списка[1]).

1. Походъ Игоря на половцевъ 1185 г Игорь Святославичъ, внукъ Олега, отправился изъ Новгорода во вторникъ 23-го апрѣля, взявъ съ собой брата Всеволода изъ Трубчевска, племянника Святослава Олеговича изъ Рыльска и сына своего Владиміра изъ Путивля; и онъ выпросилъ себѣ на помощь у Ярослава Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Черниговскими Ковуями. Они шли

[1]) Ипатьевскимъ называется списокъ лѣтописнаго свода конца XIV или начала XV в., найденный въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. О его составѣ см. вступительную статью къ Начальной лѣтописи.

медленно, собирая войско; кони у нихъ были очень раскормлены. И вотъ, когда они приближались къ рѣкѣ Донцу, разъ вечеромъ Игорь посмотрѣлъ на небо и увидѣлъ, что солнце похоже видомъ на мѣсяцъ. Онъ сказалъ боярамъ и дружинѣ: «Видите ли вы? что означаетъ это знаменіе?» Они посмотрѣли и увидали и поникли головами и сказали: «Княже! это знаменіе не къ добру!» Игорь возразилъ: «Братія и дружина! Тайнъ Божіихъ никто не знаетъ; Богъ — Творецъ того знаменія, какъ всего своего міра, а на добро посылаетъ намъ его Богъ, или на зло, посмотримъ». Съ тѣмъ Игорь переправился черезъ Донецъ и, придя къ Осколу, два дня ждалъ брата своего Всеволода, который шелъ изъ Курска другой дорогой. Оттуда они вмѣстѣ пошли къ рѣкѣ Сальницѣ; здѣсь къ нимъ вернулись развѣдчики, посланные впередъ, чтобы поймать «языка»; они сказали: «Мы видѣли ратныхъ людей; враги ваши ѣздятъ готовые къ бою, и вы или идите впередъ быстрѣе, или возвращайтесь домой: не впору мы собрались». Тогда Игорь сталъ говорить съ своими братьями такъ: «Если мы вернемся, не бившись, то намъ позоръ будетъ пуще смерти; пусть уже что Богъ пошлетъ». Такъ поразмысливши, они продолжали ѣхать впередъ всю ночь, а на другой день въ пятницу, въ обѣденную пору встрѣтили половцевъ. Тѣ, дойдя до русскихъ, собрались всѣ отъ мала до велика и выстроились на другомъ берегу рѣки Сюурлія, оставивъ свой лагерь за собою. Наши раздѣлились на шесть полковъ: Игорь съ отрядомъ въ серединѣ, справа братъ его Всеволодъ, по лѣвую руку племянникъ Святославъ; впереди сталъ сынъ Игоря Владиміръ, потомъ отрядъ Ярослава — Ковуи, бывшіе подъ начальствомъ Ольстина, а третій полкъ — стрѣльцы, выбранные изъ всѣхъ полковъ; — такъ построились они къ битвѣ. Игорь сказалъ братьямъ: «Братья! мы этого искали — будемъ держаться»; и двинулись на враговъ, возложивъ надежду на Бога.

Когда они подступили къ рѣкѣ Сюурлію, изъ половецкихъ рядовъ выѣхали стрѣльцы и, пустивъ въ русскихъ по стрѣлѣ, помчались обратно, а русскіе еще не успѣли перейти рѣку; поскакали назадъ и остальные половцы, стоявшіе далеко отъ рѣки. Святославъ Олеговичъ, Владиміръ Игоревичъ, Ольстинъ съ Ковуями и стрѣльцы погнались за половцами, не торопясь и не распуская своихъ полковъ: передовые отряды рубили половцевъ, брали въ плѣнъ; тѣ

промчались за свой лагерь, и наши, дойдя до ихъ палатокъ, стали забирать добычу; нѣкоторые же гнались дальше и уже ночью вернулись къ полкамъ съ плѣнными. Разсѣянные половцы стали собираться вмѣстѣ; и Игорь сказалъ своимъ братьямъ и войску: «Вотъ Богъ помогъ намъ одолѣть враговъ и получить честь и славу, но мы видѣли, что половцевъ большое число, да всѣ ли еще они собрались? Двинемся теперь же, ночью назадъ; если они погонятся завтра за нами, то даже если они всѣ поѣдутъ, хоть лучшая наша конница спасется, а остальные будемъ сражаться, какъ Богъ велитъ». Но Святославъ Олеговичъ сказалъ своимъ дядямъ: «Я далеко гнался за половцами и кони мои утомились; если я сейчасъ поѣду, мнѣ придется остановиться на дорогѣ». Всеволодъ поддержалъ его въ томъ, чтобы остаться на ночь тутъ же. Игорь сказалъ: «Что же, братья! не трудно и умереть, если понимаешь» (за что). И расположились на ночлегъ.

Въ субботу на разсвѣтѣ половцы стали наступать словно густой лѣсъ: русскіе князья не знали даже, кому изъ нихъ противъ какого отряда биться: такое множество ихъ было. Игорь сказалъ: «Видно, на насъ собрался весь ихъ народъ; тутъ и Кончакъ, и Козубурновичъ, и Токсобичъ, и Етечибъ, и Терьтробичъ». Обдумавши это, они рѣшили всѣмъ спѣшиться и пробиваться къ Донцу; они говорили: «Если мы поскачемъ, то сами спасемся, а простыхъ воиновъ оставимъ; грѣхъ намъ будетъ выдать ихъ; будемъ сражаться пѣшей ратью: всѣ вмѣстѣ или умремъ, или спасемся». И всѣ сошли съ коней и бились пѣшимъ боемъ. И тутъ по Божьему попущенію Игорь былъ раненъ въ лѣвую руку и не могъ ею двигать; его полкъ былъ сильно опечаленъ, что ихъ воевода въ самомъ началѣ былъ раненъ. Такъ бились крѣпко весь этотъ день до вечера, и въ русскомъ войскѣ было много ранено и убито. Настала ночь субботы, а бой все продолжался. На разсвѣтѣ воскресенья полкъ (отрядъ) Ковуевъ пришелъ въ смятеніе и побѣжалъ. Игорь въ это время былъ верхомъ по случаю раны; онъ поскакалъ къ ихъ полку, чтобы вернуть ихъ къ войску, но замѣтивъ, что слишкомъ удалился отъ своихъ, повернулъ назадъ и снялъ съ себя шлемъ, чтобы бѣгущіе узнали князя и остановились. Но никто не вернулся кромѣ Михалка Юрьевича, который узналъ князя. Изъ воиновъ немногіе пришли въ смятеніе вслѣдъ за Ковуями, лишь кое-кто изъ рядовыхъ или изъ боярской дружины, а хорошіе воины всѣ бились дружно пѣшіе, и среди нихъ

Всеволодъ выказывалъ большую храбрость. Когда Игорь уже приблизился къ своему войску, половцы загородили ему дорогу и взяли его въ плѣнъ на одинъ перелетъ стрѣлы отъ его полка. Уже схваченный, онъ увидалъ, что братъ его Всеволодъ храбро отбивается отъ нападавшихъ на него, и началъ просить себѣ смерти, чтобы только не видѣть, какъ одолѣютъ брата. Всеволодъ же такъ бился, что въ рукахъ не осталось оружія. И они бились, идя вокругъ озера. Такъ въ день святого воскресенья, на рѣкѣ Каялѣ, Богъ навелъ на нихъ гнѣвъ свой и послалъ намъ плачъ вмѣсто радости и скорбь вмѣсто веселья. Игорь говорилъ: «Вспомнилъ я грѣхи мои передъ Господомъ Богомъ, ибо много убійствъ и кровопролитія совершилъ я въ землѣ христіанской. Я не пощадилъ христіанъ, но взялъ приступомъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда не мало зла приняли безвинные христіане: отцы разлучались съ дѣтьми, братъ съ братомъ, другъ съ другомъ, жены съ мужьями, дочери съ матерями и подруги съ подругами; всѣ были въ смятеніи отъ плѣна и скорби, живые завидовали мертвецамъ, а мертвые были счастливы, что подобно святымъ мученикамъ отошли изъ этой жизни послѣ испытанія огнемъ; старцы умерщвлялись, юноши несли ужасныя раны, мужи побивались и разсѣкались на части, женщины терпѣли поруганіе». — «И все это совершалъ я», — сказалъ Игорь: — «Я недостоинъ оставаться въ живыхъ, и вотъ теперь вижу возмездіе себѣ отъ Бога. Гдѣ теперь любимый мой братъ? Гдѣ племянникъ? Гдѣ сынъ? Гдѣ совѣтные бояре, гдѣ храбрые мужи и строй воиновъ? Гдѣ кони и дорогое оружіе? Всего этого я лишенъ и связанный преданъ въ руки беззаконныхъ. Вотъ Господь воздалъ мнѣ по беззаконію моему и по гнѣву своему на меня; обрушились на мою голову грѣхи мои. Праведенъ Господь и справедливъ судъ Его, и нѣтъ мнѣ уже мѣста среди живыхъ; и я вижу, какъ другіе принимаютъ мученическіе вѣнцы, почему я, одинъ виновный, не пострадалъ за всѣхъ нихъ? Но, Владыко, Господи, Боже мой! не отвергни меня до конца, но если воля Твоя на то, буди милостивъ къ намъ, рабамъ Твоимъ».

Кончилась битва и плѣнники были разведены каждый по разнымъ шатрамъ. Игоря взялъ, изъ племени Тарголовъ, мужъ именемъ Чилбукъ, а Всеволода, брата его, Романъ Кзичъ, Святослава Олеговича — Ельдечукъ Бурчевичъ, и Владиміра — Коптя Улашевичъ. Тогда же, еще на полѣ

битвы Кончакъ взялъ своего свата Игоря на поруки, такъ какъ онъ былъ раненъ. Изъ столь великаго множества мало спаслось какимъ-нибудь случаемъ; нельзя было и бѣгствомъ спастись, такъ какъ окружены были (русскіе) половцами, словно крѣпкими стѣнами. По слухамъ русскихъ убѣжало человѣкъ съ пятнадцать, а Ковуевъ еще меньше, остальные утонули въ морѣ.

Въ это самое время великій князь Святославъ Всеволодовичъ ходилъ въ Карачевъ, собиралъ войско въ сѣверныхъ владѣніяхъ, чтобы итти на все лѣто къ Дону противъ половцевъ. Когда онъ возвратился, то у Новгорода Сѣверскаго услышалъ о своихъ братьяхъ, которые пошли на половцевъ тайно отъ него; это ему было не по душѣ. Онъ плылъ въ ладьяхъ и когда пріѣхалъ къ Чернигову, туда явился Бѣловолодъ Просовичъ и разсказалъ ему, что вышло съ этимъ походомъ на половцевъ. Услышавъ разсказъ, Святославъ тяжко вздохнулъ и со слезами сказалъ: «О милые мои братья, сыны и мужи земли русской! Богъ далъ бы мнѣ усмирить поганыхъ; но вы не сдержали своихъ молодыхъ силъ и отворили (имъ) ворота на Русь. Да будетъ воля Господня во всемъ. Мнѣ было досадно на Игоря, но теперь я больше всего скорблю о немъ, братѣ моемъ». И послалъ тогда Святославъ сыновей своихъ, Олега и Владиміра, въ Посемье, такъ какъ услыхалъ, что города на Посемьи пришли въ смятеніе; такая была сильная печаль и горе, какъ никогда раньше, по всему Посемью, въ Новгородѣ Сѣверскомъ и во всей Черниговской области: князья захвачены, дружина въ плѣну или побита — народъ волновался и безпокоился...

(Дальше разсказывается, что половцы, возгордившись побѣдой надъ Игоремъ, пошли на Русь войной; Кончакъ осадилъ Переяславль въ Кіевской землѣ, князь Владиміръ Глѣбовичъ былъ опасно раненъ въ битвѣ и только помощь Святослава и Рюрика спасла городъ; тогда половцы взяли и разорили городъ Римовъ. Въ то же время другой половецкій ханъ Кза подошелъ къ Путивлю, разорилъ его окрестности и сжегъ городскія укрѣпленія. Затѣмъ лѣтопись снова возвращается къ судьбѣ Игоря въ плѣну).

«Половцы оказывали уваженіе его званію и не дѣлали ему ничего дурного; къ нему приставили 15 половцевъ простыхъ, да еще 5 познатнѣе, такъ что всей стражи было 20 человѣкъ, но давали ему свободу ѣздить и охотиться

съ ястребами; при немъ было пять или шесть человѣкъ своей прислуги; а стража относилась къ нему съ уваженіемъ и слушалась его: если онъ кого пошлетъ куда, они безпрекословно исполняли его приказанія. Онъ велѣлъ прислать себѣ изъ Руси священника со всѣмъ, что нужно для службы церковной; онъ вѣдь не зналъ Промысла Божія о себѣ и думалъ, что долго останется въ плѣну. Но Богъ спасъ его ради молитвъ христіанскихъ, такъ какъ многіе о немъ скорбѣли и проливали слезы за него. Когда онъ жилъ у половцевъ, тамъ нашелся одинъ половчинъ по имени Лавръ; онъ возымѣлъ благое намѣреніе уйти съ княземъ на Русь и сказалъ ему объ этомъ. Игорь сперва не довѣрялъ ему, да и въ головѣ у него были другія, смѣлыя мысли; онъ задумалъ бѣжать вмѣстѣ со всѣми своими, разсуждая такъ: «Я ради чести тогда не спасался бѣгствомъ, оставивъ дружину, и теперь не хочу итти безславнымъ путемъ». Но сынъ его тысяцкаго и конюшій, бывшіе при немъ, склоняли его къ тому, говоря: «Князь, иди на русскую землю, если Богу угодно тебя спасти». И все не выпадало ему удобной поры, какой онъ хотѣлъ. Но когда, какъ мы говорили раньше, половцы возвращались изъ-подъ Переяславля, совѣтники Игоря сказали ему: «Ты питаешь въ душѣ намѣреніе гордое и неугодное Богу; хочешь бѣжать, взявъ съ собою людей, а почему ты вотъ о чемъ не подумаешь: вотъ пріѣдутъ половцы съ войны, и мы слышали, что они хотятъ перебить васъ князей и всѣхъ русскихъ; тогда не будетъ у тебя ни славы, ни жизни». Игорь принялъ къ сердцу ихъ совѣтъ, встревожился по поводу пріѣзда половцевъ и сталъ думать о бѣгствѣ; но ни днемъ, ни ночью нельзя ему было бѣжать, ибо стража караулила, а нашелъ онъ, что самое удобное время — на заходѣ солнца. И послалъ Игорь своего конюшаго къ Лавру сказать: «Переѣзжай на тотъ берегъ Тора съ запаснымъ конемъ въ поводу»; — онъ сговаривался раньше съ Лавромъ бѣжать вмѣстѣ. Пришелъ вечеръ, половцы перепились кумысомъ. Конюшій пришелъ къ Игорю съ извѣстіемъ, что Лавръ ждетъ его. Игорь, ужасаясь и трепеща, всталъ, помолился на образъ Божій и на честный крестъ, говоря: «Господи сердцевѣдецъ! Спаси, Владыко, меня недостойнаго!» И взявъ съ собою крестъ и икону, поднялъ стѣну палатки и вылѣзъ наружу; стража его занималась играми и веселилась, считая, что князь спитъ. А онъ дойдя до рѣки, перешелъ ее въ бродъ и сѣлъ на коня; такъ они пробрались

черезъ половецкій станъ. Это спасеніе сотворилъ Господь въ пятницу вечеромъ. Игорь шелъ пѣшкомъ 11 дней до города Донца, а оттуда отправился въ свой Новгородъ, гдѣ ему всѣ обрадовались. Изъ Новгорода онъ пошелъ въ Черниговъ къ брату Ярославу, прося помощи для Посемья; Ярославъ обрадовался ему и обѣщалъ подать помощь. Оттуда Игорь поѣхалъ въ Кіевъ къ великому князю Святославу; и радъ былъ ему Святославъ, а также и сватъ его Рюрикъ.

2. Изъ Волынской лѣтописи[1]). Умеръ великій князь Романъ, приснопамятный самодержецъ всей Руси. Онъ одолѣлъ всѣ языческіе народы, мудро исполнялъ заповѣди Божіи и устремлялся на язычниковъ, какъ левъ; былъ сердитъ какъ рысь; губилъ ихъ, какъ крокодилъ; перелеталъ ихъ землю, какъ орелъ; храбръ былъ, какъ туръ. Онъ ревностно слѣдовалъ своему дѣду Мономаху, который погубилъ поганыхъ Измаильтянъ, т.-е. половцевъ, выгналъ Отрока на землю Абхазовъ за Желѣзныя врата, въ то время, какъ Сырчанъ остался у Дона, оживши какъ рыба. Тогда Владиміръ Мономахъ пилъ изъ Дону золотымъ шлемомъ, взявъ въ свою власть всю ихъ землю и загнавъ окаянныхъ Агарянъ. По смерти же Владиміра, Сырчанъ послалъ оставшагося у него пѣвца Ора въ землю Абхазовъ къ Отроку, говоря: «Володимеръ умеръ; воротись, братъ; приди въ свою землю»; скажи ему мои слова, и пой ему пѣсни половецкія; если же онъ не захочетъ вернуться, дай ему понюхать травы, по имени евшанъ[2])». Когда же Отрокъ не захотѣлъ ни обернуться, ни послушать пѣвца, тотъ передалъ ему траву. Вдохнувши запахъ травы, Отрокъ заплакалъ и сказалъ: «Лучше мнѣ на своей землѣ лечь костьми, чѣмъ быть славнымъ на чужой сторонѣ». И вернулся въ свою землю.

---

7. Хожденіе игумена Даніила въ святую Землю.

«Хожденіе игумена Даніила» представляетъ древнѣйшій образчикъ многочисленныхъ описаній путешествій къ Св. мѣстамъ въ древней Руси. Даніилъ совершилъ свое паломничество въ самомъ началѣ XII вѣка

---

[1]) Волынской лѣтописью называется разсказъ о событіяхъ въ Волынской и Галицкой землѣ между 1201—1292 годами; въ Ипатьевскомъ сводѣ, оттуда взятъ отрывокъ, она составляетъ послѣднюю часть. Лѣтопись эта отличается особенно яркимъ, поэтическимъ изложеніемъ, напоминающимъ языкъ Слова о Полку Игоревѣ. Отрокъ и Сырчанъ, упоминаемые здѣсь, были половецкіе ханы.

[2]) Степная душистая трава, родъ полыни.

(какъ полагаютъ, между 1106—1108 годами). По ясности и достовѣрности описаній Палестины «Хожденіе» высоко цѣнится западно-европейскими учеными. У насъ на Руси оно стало образцомъ для послѣдующихъ паломниковъ, и многіе изъ нихъ пользовались имъ при своихъ описаніяхъ. Оно было сильно распространено на Руси; до насъ дошло около ста рукописныхъ списковъ «Хожденія»; въ числѣ нихъ есть украшенные рисунками («лицевые»). Извѣстно важное значеніе паломничества въ древней Руси; паломники или «калики перехожіе» играли видную роль въ христіанскомъ просвѣщеніи темной народной массы. Они были люди близкіе къ церкви, среди нихъ нерѣдко встрѣчались духовныя лица, т.-е. грамотные; они владѣли апокрифической, легендарной литературой, которой въ изобиліи запасались въ своихъ странствованіяхъ, въ ихъ средѣ составлялись духовные стихи; наконецъ, просто какъ люди, видѣвшіе на своемъ вѣку много, они были цѣнны своимъ опытомъ и знаніями. Разнообразная духовная пища, которую калики предлагали народу, была близка ему и интересна, и странники съ глубокой древности были желанными гостями вездѣ. Народъ придалъ имъ въ былинномъ эпосѣ богатырскія черты.

Хожденіе Даніила представляетъ образчикъ того, что давали населенію наиболѣе серьезные калики. Древніе калики ходили къ св. мѣстамъ обыкновенно цѣлыми группами (Даніилъ упоминаетъ о своей «дружинѣ), какъ объ этомъ говорятъ и былины. У Даніила есть указаніе и на то, какъ они запасались легендами, и преданіями. «Не можно — говоритъ онъ — безъ вожа (руководителя) добрѣ ходити и безъ языка (переводчика, истолкователя) добрѣ испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ». Даніилу посчастливилось найти въ Іерусалимскомъ монастырѣ св. Саввы «мужа свята и стара денми и книжна вельми», этотъ «вожъ» водилъ его вездѣ, указывалъ всѣ святыя мѣста и разсказывалъ о нихъ, «отъ святыхъ книгъ испытавъ добрѣ». Большая часть легендъ и священныхъ преданій, внесенныхъ Даніиломъ въ свое «Хожденіе» по разсказамъ этого «вожа», оказывается взятой изъ апокрифическаго Первоевангелія Іакова.

1. Вступленіе. Вотъ я, Даніилъ, недостойный игуменъ русской земли, худшій изъ всѣхъ монаховъ, смиренный по многимъ грѣхамъ и невѣжеству, ничего добраго не совершившій, побуждаемый своимъ намѣреніемъ и своимъ нетерпѣніемъ, захотѣлъ увидать святой городъ Іерусалимъ и землю обѣщанную Богомъ Аврааму. Хранимый волею Божіею, я дошелъ до святого города Іерусалима и видѣлъ всю землю Галилейскую и святыя мѣста; я всѣ ихъ обошелъ, и всю ту землю, гдѣ ступалъ своими ногами Христосъ Богъ нашъ, и гдѣ онъ преславно показалъ много чудесъ святымъ апостоламъ и своимъ ученикамъ. И все это я видѣлъ своими грѣшными глазами, все это Богъ удостоилъ меня видѣть, чего я жаждалъ много дней, мучимый своею мыслью. Но, братья и отцы, господа мои, простите меня и не осуждайте за худоуміе и грубость, съ которыми я написалъ о святомъ городѣ Іерусалимѣ и святой землѣ, объ этомъ святомъ пути.

Вѣдь, кто идетъ этимъ путемъ со страхомъ и смиреніемъ, тотъ никогда не погрѣшитъ противъ милости Божіей. Я же ходилъ этимъ святымъ путемъ не такъ, какъ надо, а со всякой слабостью и лѣностью, пилъ, ѣлъ и дѣлалъ, чего не слѣдовало, но я все-таки надѣюсь на милость Божію и на вашу молитву, не проститъ ли мнѣ Христосъ Богъ моихъ безчисленныхъ грѣховъ. И я описалъ этотъ путь и эти святыя мѣста, не возносясь и не величаясь этимъ путемъ: этого не можетъ быть, потому что я ничего добраго не сдѣлалъ во время этого пути, но я изъ любви къ святымъ мѣстамъ описалъ все то, что видѣлъ своими грѣшными глазами, чтобы не было забыто то, что меня недостойнаго удостоилъ видѣть Богъ: побоялся я и осужденія, какъ тотъ лѣнивый рабъ, который скрылъ талантъ своего господина и не получилъ на него прибыли. Написалъ я это и для вѣрующихъ людей, чтобы кто-нибудь, услышавши объ этихъ святыхъ мѣстахъ, устремился туда душою и мыслію и получилъ бы награду равную съ тѣми, которые ходили къ этимъ святымъ мѣстамъ. Вѣдь, многіе добрые люди, сидя дома, на своихъ мѣстахъ, милостынею убогимъ и своими добрыми дѣлами какъ бы достигаютъ этихъ святыхъ мѣстъ, они и бо̀льшую награду получатъ отъ Бога. А многіе, и дошедшіе до святыхъ мѣстъ, и видѣвшіе святой городъ Іерусалимъ, возносятся умомъ, какъ будто сдѣлали какое-то доброе дѣло; этимъ они утрачиваютъ награду за свой трудъ. Изъ нихъ первый я.

2. О Іерусалимѣ. Святой городъ Іерусалимъ находится въ дикой мѣстности. Около него большія и высокія каменныя горы, такъ что святой городъ Іерусалимъ можно увидать, только подойдя близко: сперва увидишь столпъ Давида, потомъ, немного пройдя, увидишь Елеонскую гору и Святая Святыхъ, а потомъ увидишь и весь городъ. На разстояніи около версты отъ Іерусалима у дороги есть гладкая гора; на этой горѣ люди сходятъ съ коней и всѣ идутъ пѣшіе, и христіане поклоняются храму Святого Воскресенія. И бываетъ великая радость всякому христіанину увидать святой городъ Іерусалимъ: никто не можетъ не прослезиться, увидавши желанную землю и святыя мѣста, гдѣ ходилъ Христосъ Богъ, нашего ради спасенія. И идутъ всѣ пѣшіе съ великою радостію къ Іерусалиму.

3. О серединѣ земной и о церкви. Та церковь Воскресенія Господня видомъ кругла, равностороння; въ длину и поперекъ она имѣетъ 30 саженъ. При ней есть

просторныя палаты, и въ этихъ палатахъ, наверху, живетъ патріархъ. Отъ дверей Гроба Господня до стѣны великаго алтаря 12 саженъ, и тамъ, внѣ стѣны за алтаремъ середина земная. Надъ нею сдѣланъ сводъ, и на верху мозаикой изображенъ Христосъ, и надпись говоритъ: «Се пядію моею измѣрихъ небо, а дланію землю». Отъ середины земной до Распятія Господня и до Лобнаго мѣста 12 саженъ. Распятіе Господне расположено отъ храма Воскресенія къ востоку лицомъ; на этомъ мѣстѣ тамъ стоитъ камень вышиною съ копье. Камень этотъ круглъ, какъ малая гора. По серединѣ же этого камня есть круглое отверстіе, побольше локтя глубиною, и менѣе пяди шириною; тутъ былъ водруженъ Крестъ Господень. Подъ этимъ камнемъ лежитъ голова Адама, перваго созданнаго человѣка. Во время распятія Господня, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ испустилъ на крестѣ духъ свой, раздралася церковная завѣса, и камни распались; тогда треснулъ и тотъ камень надъ головою Адама, и сквозь эту трещину стекла кровь и вода изъ реберъ Владыки на главу Адама, и омыла грѣхи рода человѣческаго. И есть трещина на томъ камнѣ, и до сихъ поръ можно замѣтить это знаменіе честное на правой сторонѣ отъ Распятія Господня.

4. О Іорданской рѣкѣ. Рѣка Іорданъ течетъ быстро: ея берегъ по ту сторону крутой, а отсюда пологій. Вода Іордана мутна и очень сладка для питья, и нельзя насытиться этой святою водою; она здорова для пьющихъ ее; отъ нея ничего не болитъ и не бываетъ боли въ животѣ. Іорданъ всѣмъ похожъ на рѣку Сновь[1]), шириной и глубиной, и течетъ очень извилисто и быстро. Онъ имѣетъ береговыя долины, какъ и рѣка Сновь. Въ серединѣ самой купели онъ глубиной 4 сажени, какъ я самъ на себѣ испробовалъ и измѣрилъ, переходя въ бродъ на ту сторону Іордана. И много ходилъ я по тому берегу Іордана съ любовью. Шириною рѣка Іорданъ, какъ рѣка Сновь при устьи. И есть по сю сторону купели той какъ бы небольшой лѣсокъ, много препревысокихъ деревьевъ по берегу Іордана, въ родѣ вербы; и похоже, но не верба; выше купели много какъ-будто лозы по берегу Іордана; но это не наша лоза, а иная... тамъ много тростника.

---

[1]) Рѣка Сновь есть въ Черниговской губ., поэтому предполагаютъ, что Даніилъ былъ оттуда родомъ.

И сподобилъ меня Богъ три раза быть на Іорданѣ, и въ самый праздникъ крещенія воды я былъ на Іорданѣ со всею дружиною моею, и видѣли мы благодать Божію, исходящую на воду Іорданскую. И тогда безчисленное множество народа приходитъ къ водѣ со свѣчами; и всю эту ночь бываетъ прекрасное пѣніе и горитъ безъ числа свѣчей. Въ полночь же совершается крещеніе воды; тогда Духъ Святой сходитъ съ неба на воды Іорданскія, и достойные люди хорошо видятъ, какъ сходитъ Духъ Святой, а весь народъ не видитъ, но только у всякаго человѣка радостно тогда бываетъ на сердцѣ. И когда священники погружаютъ честной крестъ и когда запоютъ: «Въ Іорданѣ крещающу Ти ся Господи», тогда всѣ бросаются въ Іорданъ, принимая крещеніе въ Іорданской рѣкѣ, какъ и Христосъ крестился въ полночь отъ Іоанна.

5. О томъ, какъ сходитъ съ неба свѣтъ святой. Вотъ что Богъ удостоилъ меня видѣть, — меня, худого и недостойнаго раба своего, инока Даніила. Видѣлъ я своими грѣшными глазами по истинѣ, какъ сходитъ свѣтъ святой къ животворящему Гробу Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Вѣдь, многіе другіе странники неправду говорятъ о схожденіи святого свѣта: одинъ разсказываетъ, что Духъ Святой сходитъ ко Гробу Господню въ видѣ голубя, другіе говорятъ, что онъ сходитъ въ видѣ молніи и зажигаетъ лампады надъ Гробомъ Господнимъ. Это ложь; тогда ничего нельзя видѣть, ни голубя, ни молніи, но благодать Божія сходитъ совсѣмъ невидимо, и зажигаются лампады надъ Гробомъ Господнимъ. Вотъ я разскажу объ этомъ по правдѣ, какъ я видѣлъ. Въ великую пятницу послѣ вечерни отпираютъ Гробъ Господень, вымываютъ лампады, находящіяся надъ Гробомъ Господнимъ, наливаютъ эти лампады чистымъ деревяннымъ масломъ, однимъ, безъ воды, и вставивши свѣтильни въ оловянныя трубочки, не зажигаютъ, но такъ и оставляютъ эти свѣтильни не зажженными и запечатываютъ Гробъ Господень въ 8-мъ часу вечера, и тогда гасятъ всѣ лампады, не только тамъ, но и по всѣмъ церквамъ, какія есть въ Іерусалимѣ. Тогда и я, недостойный, пошелъ въ ту великую пятницу въ 7-мъ часу утра къ князю Балдуину[1]) и поклонились мы ему до земли; онъ же, увидавъ, что я, недостойный, поклонился ему, пригласилъ меня съ любовью,

[1]) Іерусалимъ тогда былъ въ рукахъ крестоносцевъ и королемъ тамъ былъ Балдуинъ I. Нашъ счетъ времени на 6 ч. позже указаннаго.

и сказалъ: «Что ты хочешь, игуменъ русскій?» Онъ, вѣдь, меня хорошо зналъ и очень любилъ, такъ какъ былъ мужъ добрый, кроткій и нимало не гордый. И я сказалъ ему: «Княже и господине мой! Молю тебя, ради Бога и ради русскихъ князей, разрѣши мнѣ поставить свою лампаду на Гробѣ святомъ отъ всей Русской земли». Тогда онъ съ большимъ вниманіемъ и охотой разрѣшилъ мнѣ поставить лампаду у Гроба Господня и послалъ со мною мужа, своего лучшаго слугу, къ эконому церкви Святого Воскресенія и къ тому, у кого ключъ отъ Гроба. И велѣли мнѣ они оба, и экономъ, и ключарь Гроба Господня, принести свою лампаду; я же поклонился имъ съ радостію великою и, сходивъ на торгъ, купилъ большую стеклянную лампаду и налилъ ее чистымъ деревяннымъ масломъ безъ воды; и принесъ ко Гробу Господню, уже когда наступилъ вечеръ, и упросилъ того ключаря, который одинъ оставался внутри Гроба, и сказалъ ему; онъ же открылъ мнѣ святыя двери и велѣлъ мнѣ снять калиги (обувь), и такъ босого ввелъ меня одного въ святой Гробъ Господень съ лампадой, которую я несъ своими грѣшными руками; и велѣлъ онъ мнѣ поставить лампаду на Гробъ Господень, и я поставилъ ее своими грѣшными руками въ ногахъ, гдѣ лежали пречистыя ноги Господа нашего Іисуса Христа, такъ какъ въ головахъ стояла лампада греческая, а на груди была поставлена лампада монастыря святого Саввы и всѣхъ монастырей. Такъ уже тамъ обычай; всегда ставятъ лампаду греческую и монастыря святого Саввы. Благодатію же Божіею тѣ три нижнія лампады зажглись, а фряжскія лампады были повѣшены наверху, и изъ этихъ лампадъ не зажглась ни одна; только тѣ три одни и зажглись. Я же поставилъ свою лампаду на святомъ Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа и поклонился честному Гробу Господню, и поцѣловалъ съ любовью и со слезами мѣсто то святое и честное, гдѣ лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; и мы вышли изъ Гроба святого съ великою радостію и пошли каждый въ свою келью.

Поутру же въ великую субботу, въ 12 часовъ дня собирается весь народъ передъ церковью Воскресенія Христова — безчисленное множество народа изъ всѣхъ странъ, пришельцы и туземцы; и изъ Вавилона, и изъ Египта, и изъ Антіохіи и изо всѣхъ странъ собирается въ тотъ день несказанно много народу, такъ что наполняется все то мѣсто около церкви и около Распятія Господня. Въ это время

бываетъ великая тѣснота и страшная усталость у всѣхъ: многіе тогда задыхаются отъ тѣсноты въ этой безчисленной толпѣ народа. Всѣ эти люди стоятъ съ незажженными свѣчами и ждутъ, когда откроются церковныя двери. Внутри же церкви тогда находятся только одни священники. И священники, и весь народъ ждутъ, пока придетъ князь Балдуинъ съ своею дружиною. Тогда открываются церковныя двери, и входитъ весь народъ въ церковь въ страшной тѣснотѣ и давкѣ, и наполняютъ всю ту церковь и хоры; все становится полно народу. Всѣ люди не могутъ помѣститься въ той церкви, и огромное множество народа стоитъ внѣ церкви около Голгоѳы и около Лобнаго мѣста; до того мѣста, гдѣ былъ крестъ Господень, все наполняется безчисленнымъ множествомъ народа. Въ это время ничего другого не говорятъ, но только неослабно взываютъ: «Господи помилуй!» и кричатъ такъ сильно, что отъ вопля этого народа по всей той мѣстности дрожитъ и гудитъ земля. Тутъ вѣрующіе люди проливаютъ ручьи слезъ; кто окаменѣлъ сердцемъ, и тотъ тогда не можетъ не прослезиться. Вѣдь, тогда всякій человѣкъ осуждаетъ себя, вспоминаетъ свои грѣхи и говоритъ самъ себѣ: «неужели изъ-за моихъ грѣховъ не сойдетъ святой свѣтъ!» И такъ стоятъ всѣ вѣрующіе со слезами, сокрушаясь въ сердцѣ своемъ. И самъ князь Балдуинъ стоитъ со страхомъ и великимъ смиреніемъ; изъ его очей текутъ ручьями слезы. Такъ же и дружина его стоитъ около него прямо противъ Гроба, близъ великаго алтаря.

Когда наступилъ 1-й часъ пополудни субботы, князь Балдуинъ пошелъ изъ своего дома ко Гробу Господню съ своею дружиною: всѣ шли съ нимъ босые и пѣшіе. И послалъ князь въ монастырь св. Саввы, и пригласилъ игумена вмѣстѣ съ монахами, и пошелъ игуменъ съ братіею ко Гробу Господню, и я, недостойный, тутъ же пошелъ съ игуменомъ тѣмъ и съ братіею. И пошли мы къ тому князю, и всѣ ему поклонились, и онъ тогда поклонился игумену монастыря св. Саввы. И велѣлъ князь игумену монастыря св. Саввы и мнѣ, недостойному, итти около себя, а другимъ велѣлъ итти передъ собою, а дружинѣ велѣлъ итти за собою. И пришли мы къ западнымъ дверямъ церкви Воскресенія Христова, и вотъ множество народа загородило двери церковныя, и мы не могли войти въ церковь. Тогда князь Балдуинъ велѣлъ своимъ воинамъ силой разогнать людей. И сдѣлали въ родѣ улицы сквозь народъ вплоть до Гроба Господня, и такъ мы

могли пройти. И пришли мы къ восточнымъ дверямъ Гроба Господня, а князь пришелъ за нами и всталъ на своемъ мѣстѣ, на правой сторонѣ, у перегородки великаго алтаря противъ восточной двери Гроба; тамъ сдѣлано возвышеніе для князя. И велѣлъ князь игумену монастыря св. Саввы стать надъ Гробомъ со всѣми монахами и съ правовѣрными священниками, мнѣ же, недостойному, велѣлъ встать высоко надъ самыми дверями Гроба противъ великаго алтаря, такъ что мнѣ было видно въ двери Гроба. Всѣ же три двери Гроба были заперты и запечатаны царскою печатью. Латинскіе же священники стояли въ великомъ алтарѣ. И было около двухъ часовъ дня, и начали правовѣрные священники наверху, надъ Гробомъ, пѣть вечерню, и все духовенство, и монахи и пустынники многіе пришли туда; латиняне же въ великомъ алтарѣ начали бормотать по-своему, и въ то время, какъ всѣ такимъ образомъ пѣли, я внимательно смотрѣлъ въ двери Гроба. И когда начали читать пареміи великой субботы вышелъ епископъ съ дьякономъ своимъ изъ великаго алтаря и пришелъ къ дверямъ Гроба и, посмотрѣвъ внутрь Гроба Господня сквозь переплетъ тѣхъ дверей, и не видя свѣта въ Гробѣ, возвратился опять въ алтарь. Когда начали читать 6-ю паремію, тотъ же епископъ съ дьякономъ пришелъ опять къ дверямъ Гроба, и не увидалъ ничего въ Гробѣ Господа. И тогда весь народъ со слезами возопилъ: «Киръ елейсонъ!» И на исходѣ 3-го часа дня, когда начали пѣть переходную пѣснь: «Господеви посмъ»..., тогда внезапно пришла съ востока небольшая туча и остановилась надъ непокрытымъ верхомъ той церкви, и оросила немного дождемъ святой Гробъ и сильно вымочила насъ, стоявшихъ надъ Гробомъ Господнимъ. И тогда внезапно заблисталъ свѣтъ святой въ Гробѣ Господнемъ, и вышло изъ Гроба Господня очень страшное и свѣтлое блистаніе этого свѣта. И пришелъ епископъ съ 4-мя дьяконами, открыли двери Гроба Господня, и, взявши свѣчу у князя, епископъ вошелъ во гробу Господень и зажегъ первую эту княжескую свѣчу тѣмъ святымъ свѣтомъ, вынесъ ту свѣчу изъ Гроба и далъ ее самому князю въ руки. И князь стоялъ на своемъ мѣстѣ, держа ту свѣчу съ очень большою радостью; и отъ той свѣчи мы всѣ зажгли свои свѣчи, а отъ нашихъ свѣчей зажгли свои свѣчи и всѣ остальные. И святой свѣтъ не таковъ, какъ земной огонь, но онъ свѣтится иначе — чудно и прекрасно, пламя его красно какъ киноварь, и совершенно несказанно свѣтится. И такъ

всѣ люди стоятъ съ горящими свѣчами и непрерывно вопіютъ съ очень большою радостію и веселіемъ оттого, что увидали святой Божій свѣтъ.

---

8. Поученіе Владиміра Мономаха.

Поученіе Владиміра Мономаха вставлено въ Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 1096 годомъ, (хотя учеными признается, что оно составлено позднѣе: приглашеніе двоюродными братьями Мономаха къ походу на Ростиславичей, упомянутое имъ вначалѣ, было послѣ Витичевскаго съѣзда 1100 года). Мономахъ (1053—1125 г.), сынъ Всеволода Ярославича, княжившій въ Черниговѣ, а послѣдніе 12 лѣтъ жизни въ Кіевѣ, пользовался репутаціей храбраго, справедливаго и миролюбиваго князя; лѣтописи зовутъ его «добрымъ страдальцемъ за русскую землю». Онъ постоянно заботился о мирѣ и справедливости между князьями, оберегалъ Русь отъ половцевъ, которымъ нанесъ нѣсколько сильныхъ пораженій. (См. объ этомъ выше, въ отрывкѣ Волынской Лѣтописи). Поученіе его ярко характеризуетъ и тогдашній княжескій бытъ, и воззрѣнія самого автора. Образцомъ при составленіи «Поученія» для Мономаха могли служить различныя подобнаго рода поученія, какихъ немало имѣлось въ древне-русской письменности: уже въ Святославовомъ Сборникѣ 1076 г. есть поученіе дѣтямъ Ксенофонта и Ѳеодоры; затѣмъ отмѣчено учеными, что разсказъ Мономаха о своихъ походахъ и о борьбѣ съ дикими звѣрями на охотѣ сильно напоминаетъ изображеніе такихъ же подвиговъ патріарха Іуды въ древнемъ апокрифѣ «Завѣты 12-ти патріарховъ». Для сравненія и полноты характеристики Влад. Мономаха приводимъ по лѣтописи нѣсколько фактовъ изъ его жизни. Послѣ смерти отца своего, великаго князя, онъ имѣлъ всѣ основанія занять его мѣсто въ Кіевѣ, такъ какъ Кіевляне его знали и любили; — онъ предпочелъ уступить престолъ своему двоюродному брату Святополку, уважая его права старшинства. Послѣ ослѣпленія Василька Ростиславича Владиміръ пошелъ войною на вел. кн. Святополка, чтобы наказать его за это, неслыханное на Руси, коварное злодѣйство. Онъ уже стоялъ подъ Кіевомъ, когда Святополкъ и Кіевляне выслали къ нему съ просьбой остановиться его мачеху, вдову Всеволода; Мономахъ сдался на просьбы не губить русской земли войнами; онъ заплакалъ и сказалъ: «По-истинѣ отцы и дѣды наши соблюли землю русскую, а мы хотимъ погубить». Когда вѣсть объ ослѣпленіи Василька дошла до него, онъ «ужасеся и восплакавъ, рече: сего не бывало есть въ русьстѣй земли. И абіе посла къ Давыду и къ Ольгови, глаголя: Поправимъ сего зла же ся створи въ русьстѣй земли и въ насъ въ братіи, да аще сего не правимъ, то больше зло встанетъ на насъ и начнетъ братъ брата закалати и погибнетъ земля русьская и врази наши Половцы пришедше возьмутъ землю русьскую». — Есть, впрочемъ, факты, показывающіе и въ этомъ идеальномъ князѣ человѣка того времени. Въ 1055 году къ нему пришли два половецкихъ хана договариваться о мирѣ; одинъ (Итларь) вошелъ въ городъ, а другой съ отрядомъ остался внѣ, взявъ въ заложники сына Мономахова. Бояре стали уговаривать Владиміра убить Итларя; онъ отвѣчалъ: «Какъ я могу это сдѣлать, давши имъ клятву?» Тѣ сказали: «Князь, на тебѣ не будетъ

грѣха; Половцы всегда дають тебѣ клятву, а все губятъ русскую землю, льютъ кровь христіанскую». Мономахъ согласился, и ночью его сынъ-заложникъ былъ выкраденъ, отрядъ Половцевъ перебитъ, а на другой день Итларь обманомъ былъ запертъ въ избѣ и застрѣленъ изъ лука.

Вы, дѣти мои, или кто бы то ни было, кому придется слушать это писаніе мое, не смѣйтесь надъ нимъ, а кому изъ дѣтей моихъ придется оно по душѣ, пусть восприметъ его въ сердце свое и начнетъ вести нелѣностную, дѣятельную жизнь; а больше всего, ради Бога и для души своей, имѣйте въ сердцѣ страхъ Божій и творите щедрую милостыню; это — начало всякаго добра. Если же кому не понравится мое писаніе, пусть не сердятся, а просто скажутъ: «вотъ, ѣдучи въ дальній путь, наговорилъ пустяковъ»[1]).

Меня на Волгѣ встрѣтили послы отъ братьевъ съ такими словами. «Присоединись къ намъ и пойдемъ на Ростиславичей, отнимемъ у нихъ владѣнія; и если же не пойдешь съ нами, то у насъ съ тобой все будетъ врозь». Я отвѣтилъ имъ: «Хотя вы и сердитесь, я не могу итти съ вами и нарушить крестное цѣлованіе». Отпустивъ съ этимъ пословъ, я въ печали взялъ Псалтырь, раскрылъ ее, и вотъ что мнѣ вынулось: «Зачѣмъ скорбишь ты, душа? Зачѣмъ смущаешь меня?» и т. д. Тогда я выбралъ изъ этихъ словъ тѣ, которыя пришлись мнѣ по сердцу, соединилъ ихъ вмѣстѣ и написалъ: если вамъ не понравится то, что я послѣ прибавлю отъ себя, то вы принимайте то, что стоитъ вначалѣ... Въ самомъ дѣлѣ, дѣти мои, поймите, насколько милостивъ и многомилостивъ человѣколюбецъ Богъ: мы, люди — сами грѣшны и смертны, а если кто намъ сдѣлаетъ зло, то мы готовы его истребить и кровь его пролить; Господь же нашъ, Владыка жизни и смерти, терпитъ грѣхи наши, въ которыхъ мы погрязаемъ съ головой, и много разъ, въ теченіе всей жизни нашей, словно любящій отецъ дѣтей, то наказываетъ насъ, то снова привлекаетъ къ себѣ. И Господь намъ показалъ, какъ побѣдить врага нашего діавола; тремя добрыми дѣлами можно отъ него избавиться и одолѣть его: покаяніемъ, слезами и милостыней. Вѣдь не тяжела эта заповѣдь Божія, дѣти мои, этими тремя дѣлами можно избавиться отъ грѣховъ и не лишиться царства небеснаго. И я умоляю васъ: ради Бога не лѣнитесь, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; вѣдь они не

[1]) Мономахъ ѣздилъ тогда въ Ростовскую землю; во время этого путешествія и встрѣтили его послы отъ братьевъ. Подъ «Волгой», вѣроятно, разумѣется погостъ этого имени, стоявшій въ древности на мѣстѣ нынѣшняго Углича.

тяжелы; это — не отшельничество, не монашество, не строгое постничество, которыя несутъ нѣкоторые доблестные люди; — малымъ дѣломъ можно снискать милость у Бога[1]).

Что такое человѣкъ, какъ подумаешь объ немъ? Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои, и разумъ человѣческій не въ силахъ изъяснить Твоихъ чудесъ! И снова скажемъ: Великъ Ты, Господи, и чудны дѣла Твои, и благословенно и похвально имя Твое во вѣкъ по всей землѣ. И кто не восхвалитъ и не прославитъ силы Твоей и Твоихъ великихъ чудесъ и красотъ, устроенныхъ на свѣтѣ! Какъ устроено небо, какъ солнце, и луна и звѣзды, и тьма и свѣтъ, какъ земля утверждена на водахъ Твоимъ промысломъ, Господи! Звѣри различные, птицы и рыбы — всѣ украшены Твоимъ промысломъ, Господи! И вотъ еще какому чуду удивляемся: какъ изъ земли создалъ Ты человѣка и далъ различные образы человѣческимъ лицамъ, такъ что, если и со всего свѣта собрать людей, они не будутъ похожи другъ на друга, но у каждаго будетъ свое лицо по мудрости Божіей[2]). И тому подивимся, какъ птицы прилетаютъ изъ теплыхъ странъ и при этомъ не остаются въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ, но и сильныя и слабыя разлетаются Божіимъ повелѣніемъ по всѣмъ землямъ, чтобы наполнить лѣса и поля; и все это Богъ даетъ на пользу людямъ — въ пищу или для утѣхи. Велика милость Твоя, Господи, къ намъ, что все это Ты сотворилъ на пользу грѣшнаго человѣка. И птицы эти небесныя тоже умудрены Тобою, Господи: по волѣ Твоей онѣ поютъ и увеселяютъ человѣка, не повелишь — умолкаютъ, хотя и имѣютъ голосъ[3]). Благословенъ Ты, Господи, и премного хвалы достоинъ, сотворивъ и устроивъ всѣ эти чудеса и красоты! Кто же не восхваляетъ Тебя, Господи, и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ и всею душою во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ[4]).

Дѣти мои, прочитавъ эти божественныя слова, восхвалите Бога, оказавшаго намъ милость свою.

---

[1]) Эту мысль о необязательности монашескаго аскетизма предки наши могли вынести также изъ византійской литературы: см. первый отрывокъ изъ Святославова Изборника 1073 г.

[2]) Эти мысли могли быть заимствованы авторомъ изъ «Бесѣдъ на Шестодневъ» Василія Великаго.

[3]) Очевидно, имѣется въ виду фактъ, что пѣвчія птицы перестаютъ пѣть во время вывода птенцовъ.

[4]) Все это мѣсто, начиная отъ словъ: «Великъ Ты, Господи», представляетъ рядъ выписокъ изъ Псалтири, свободно истолкованныхъ и развитыхъ Мономахомъ. Имѣя въ виду псалтирную основу этой части, онъ и называетъ ее далѣе «божественными словами».

А вотъ вамъ наставленіе отъ моего худого разума; послушайте меня и примите, если не все, то хоть половину. Когда Господь смягчитъ ваше сердце, плачьте о грѣхахъ своихъ, говоря: «Какъ блудницу, и разбойника, и мытаря помиловалъ Ты, Господи, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй». Дѣлайте такъ и въ церкви, и дома, ложась спать. Не пропускайте безъ того ни одной ночи и по возможности кладите земные поклоны: если уже разнеможетесь, то хотя три раза поклонитесь, но не забывайте этого и не лѣнитесь дѣлать. Такими ночными поклонами и пѣніемъ молитвъ человѣкъ побѣждаетъ діавола и избавляется отъ грѣховъ, которые сдѣлалъ днемъ[1]). Даже и сидя на конѣ, когда не будете ничѣмъ заняты, то, коли другихъ молитвъ не знаете, повторяйте постоянно про себя: «Господи помилуй», вмѣсто того, чтобы думать о пустякахъ; это очень хорошая молитва.

Въ особенности же не забывайте бѣдныхъ, но насколько можете, питайте ихъ; и о сиротѣ заботьтесь, и вдовѣ окажите справедливость сами, не давайте сильнымъ погубить человѣка. Никого, даже виноватаго, не убивайте и неприказывайте убивать, хотя бы и былъ достоинъ смерти: не губите никакой христіанской души. Когда говорите, хорошее или дурное, не клянитесь Богомъ и не креститесь, въ этомъ нѣтъ никакой нужды. Если же вамъ надобно будетъ присягать на крестѣ роднѣ, или кому другому, подумайте въ сердцѣ своемъ и въ томъ цѣлуйте крестъ, на чемъ можете устоять, а присягнувъ, соблюдайте клятву, чтобы клятвопреступленіемъ не погубить своей души. Съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, священниковъ, игуменовъ и не сторонитесь отъ нихъ, а по возможности любите ихъ и снабжайте всѣмъ, чтобы получить ихъ молитву за васъ передъ Богомъ. Главное дѣло, не имѣйте гордости въ душѣ; мы должны говорить такъ: «мы смертны, нынче живы, а завтра въ гробу, и все, что Ты намъ далъ, Господи, не наше, а Твое, и Ты лишь поручилъ намъ это на короткое время». Не прячьте имущества въ землю — это большой грѣхъ. Старыхъ почитай, какъ отца, а молодыхъ, какъ братьевъ.

Въ домѣ своемъ будьте дѣятельны и сами смотрите за всѣмъ; не надѣйтесь ни на тіуна, ни на слугу, чтобы не посмѣялись приходящіе къ вамъ ни надъ домомъ вашимъ, ни надъ обѣдомъ вашимъ. Вышедши на войну, не предавайтесь лѣни;

[1]) Почти тѣми же словами говорятъ о ночной молитвѣ старые наши Прологи и другія церковно-поучительныя произведенія.

не надѣйтесь на воеводъ, не потворствуйте себѣ ни въ напиткахъ, ни въ ѣдѣ, ни въ снѣ; стражу разставляйте сами и ночью, вездѣ поставивъ караулъ, сами ложитесь вмѣстѣ съ воинами, а вставайте рано; да не снимайте съ себя оружія второпяхъ, не подумавши; отъ такой небрежности человѣкъ можетъ внезапно погибнуть. Берегитесь лжи и пьянства — это губитъ и тѣло, и душу. Когда пойдете куда по своей землѣ, не позволяйте ни своимъ, ни чужимъ отрокамъ обижать жителей ни въ селеніяхъ, ни въ поляхъ, чтобы васъ не стали проклинать. А куда пойдете или гдѣ остановитесь въ пути, вездѣ напойте и накормите всякаго просящаго; особенно чтите гостя, откуда бы къ вамъ не пришелъ, — простой ли человѣкъ, или именитый, или посолъ, — если не можете подарить чѣмъ-либо, то угостите пищей или питьемъ: эти люди, ходя по разнымъ землямъ, разславятъ человѣка, какъ хорошаго или какъ дурного. Больныхъ навѣщайте, мертваго пойдите проводить: вѣдь всѣ мы смертны; — не пройдите мимо человѣка, не привѣтствуя его, а скажите всякому при встрѣчѣ доброе слово. Жену свою любите, но не давайте ей надъ собой власти. А самое главное — выше всего ставьте страхъ Божій. Если что забудете изъ моихъ словъ, то перечитывайте ихъ почаще: и мнѣ не будетъ за васъ стыдно, и вамъ будетъ хорошо. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь; вотъ, напримѣръ, мой отецъ: онъ, не выѣзжая изъ своей земли, изучилъ пять языковъ; за это въ чужихъ земляхъ уважаютъ[1]). А лѣность — мать пороковъ: лѣнивый, что умѣетъ, забываетъ, а чего не умѣетъ, тому не учится; вы же, если хотите поступать хорошо, отнюдь не лѣнитесь на все доброе. Первое дѣло — ходите въ церковь; пусть не застаетъ васъ солнце въ постели — такъ поступалъ мой блаженный отецъ и всѣ доблестные мужи; воздавъ же хвалу Богу въ заутреню и потомъ увидавъ восходящее солнце, съ радостью прославьте Бога и скажите: «Ты просвѣтилъ очи мои, Христе Боже, и даровалъ мнѣ свѣтъ Твой прекрасный!» И потомъ: «Господи, продли мнѣ вѣку, чтобы я, покаявшись въ осталь-

---

[1]) Карамзинъ предполагаетъ, что Всеволодъ могъ знать, кромѣ русскаго, языки: греческій, скандинавскій, половецкій и венгерскій. Легко понять, почему Мономахъ цѣнилъ знаніе языковъ и уважалъ иностранцевъ: вспомнимъ, что онъ былъ сынъ греческой царевны, дочери Византійскаго императора Константина Мономаха; есть извѣстіе, что самъ Влад. Мономахъ былъ женатъ на дочери короля Гарольда, погибшаго въ Гастингской битвѣ; его дочь Марія была выдана за греческаго царевича Леона Діогена; наконецъ незадолго до смерти онъ видѣлъ свою внучку женой одного изъ Комненовъ.

ныхъ грѣхахъ своихъ и очистивъ жизнь свою, восхвалилъ Бога». Послѣ этого садитесь держать совѣтъ съ дружиной или чинить судъ и расправу, или поѣзжайте на охоту, на проѣздку или ложитесь спать: спать въ полдень опредѣлено Богомъ; въ эту пору отдыхаютъ и птицы, и звѣри, и человѣкъ.

А вотъ я разскажу вамъ, дѣти мои, какъ я трудился въ походахъ и на охотѣ въ теченіе 13 лѣтъ. Въ первый разъ я пошелъ къ Ростову, черезъ землю Вятичей; меня туда послалъ отецъ, когда самъ пошелъ подъ Курскъ. Второй разъ — къ Смоленску со Ставкомъ Скордятичемъ: онъ-то пошелъ дальше съ Изяславомъ къ Бресту, а меня послалъ въ Смоленскъ; изъ Смоленска я пошелъ во Владиміръ. Въ ту же зиму братья послали меня на пожарище въ Брестъ, который они сожгли; тутъ я смотрѣлъ, чтобы въ городѣ было тихо. Потомъ пошелъ я къ отцу въ Переяславль, а послѣ Пасхи изъ Переяславля во Владиміръ, на Сутейску для заключенія мира съ ляхами; оттуда на лѣто опять во Владиміръ. Потомъ Святославъ послалъ меня къ ляхамъ, и я былъ въ ихъ землѣ четыре мѣсяца, ходилъ за Глоговы до Чешскихъ горъ[1])... Олегъ[2]) съ половцами пришелъ воевать со мной къ Чернигову, и моя дружина билась съ нимъ восемь дней изъ-за небольшого вала, не впуская ихъ въ городъ. И жаль мнѣ стало душъ христіанскихъ и горящихъ селъ и монастырей; я сказалъ: «Пусть не радуются поганые!» — и рѣшилъ отдать брату отцовскій удѣлъ, а самъ пошелъ на отцовское мѣсто въ Переяславль. На день святого Бориса насъ человѣкъ около сотни дружины съ женщинами и дѣтьми вышло изъ Чернигова: мы ѣхали сквозь половецкія полчища, а они какъ волки, облизывались на насъ, стоя кругомъ, и отъ перевоза, и съ горъ. Но Богъ и св. Борисъ не допустили ихъ поживиться отъ насъ, и мы невредимы дошли до Переяславля. Я прожилъ тутъ три лѣта и три зимы, и много бѣды приняли мы съ дружиной и отъ войны и отъ голода... Когда я ѣздилъ изъ Чернигова въ Кіевъ къ отцу то проѣзжалъ этотъ путь въ одинъ день до вечеренъ. Всѣхъ моихъ большихъ походовъ было 83, а прочихъ, малыхъ и не упомню Я 19 разъ заключалъ миръ съ половец-

---

[1]) Въ подлинникѣ: «до Чешскаго лѣса»; это — Böhmerwald, Богемскія горы.

[2]) Это — Олегъ Святославовичъ, извѣстный своими постоянными ссорами, набѣгами и захватами; Слово о полку Игоревѣ выразительно зоветъ его «Гореславичемъ».

кими князьями при отцѣ и послѣ него, давая при этомъ много имущества и одежды. На волю изъ плѣна выпустилъ я лучшихъ половецкихъ князей вотъ сколько: двухъ братьевъ Шаруканowыхъ, трехъ Багубарсовыхъ и четырехъ Овчинъ всѣхъ же прочихъ лучшихъ князей до 100. А мнѣ живьемъ Богъ въ руки далъ князей—Коксуся съ сыномъ, Аклана Бурчевича, Таревскаго князя Азгулуя и другихъ молодыхъ витязей 15 человѣкъ; всѣхъ ихъ я привелъ живыми, порубилъ и побросалъ въ рѣку Сальну; всего въ разное время перебито лучшихъ вождей около 200.

А вотъ какъ я трудился на охотѣ... Въ Черниговѣ я вотъ что дѣлалъ: дикихъ коней въ пущахъ живьемъ своими руками ловилъ, вязалъ по 10 и по 20, а, другой рогами ѣздя по Руси, тоже ловилъ своими руками дикихъ коней. Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ, олень меня бодалъ, а лоси — одинъ ногами топталъ, а кромѣ того бодалъ; кабанъ оторвалъ мечъ у меня съ бедра, медвѣдь укусилъ мнѣ чепракъ около колѣна, волкъ вскочилъ ко мнѣ на бедра и повалилъ меня вмѣстѣ съ конемъ; и Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Съ коня я часто падалъ, два раза разбивалъ себѣ голову, повреждалъ руки и ноги — съ юныхъ лѣтъ не щадилъ я жизни и не берегъ своей головы. То, что надо было дѣлать слугѣ, я дѣлалъ самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ лѣтній зной и въ зимнюю стужу, не заботясь о своемъ покоѣ. Я не надѣялся ни на посадниковъ, ни на биричей, а дѣлалъ самъ все, что нужно было: самъ смотрѣлъ за всѣми домашними дѣлами, самъ держалъ въ порядкѣ охоту, коней, соколовъ и ястребовъ. Послѣдняго убогаго смерда и бѣдной вдовы не позволялъ сильнымъ обижать; самъ заботился о церковныхъ нуждахъ и о службахъ.

Вы, дѣти мои, и всѣ, кто будетъ читать это, не осуждайте меня: я вѣдь не смѣлостью своей хвалюсь, но хочу прославить Бога и Его милость ко мнѣ, за то, что онъ меня, грѣшнаго и дурнаго человѣка, столько лѣтъ хранилъ отъ такихъ смертельныхъ опасностей и сотворилъ меня грѣшнаго не лѣнивымъ на всѣ нужныя для человѣка дѣла.

Вы, прочитавъ это писаніе, устремитесь на все хорошее, восхваляя Бога со святыми Его. Смерти же, дѣти, не бойтесь ни на войнѣ, ни отъ звѣря, но, какъ вамъ Богъ дастъ, совершайте, что подобаетъ мужу, какъ и я, подвергаясь опасности и на войнѣ, и отъ звѣря, и отъ воды, и падая

съ коня. Никто изъ васъ не можетъ ни быть убитъ, ни получить какой-либо вредъ, если не будетъ на то воли Божіей, а если смерть отъ Бога будетъ назначена, то ни отецъ, ни мать, ни братья не могутъ защитить; если и хорошо — беречься, все же Божіе попеченіе лучше человѣческаго.

---

9. Слово о полку Игоревѣ.

Этотъ замѣчательный памятникъ древне-русской поэзіи былъ найденъ въ рукописномъ сборникѣ, случайно купленномъ въ концѣ XVIII вѣка для любителя старины графа А. И. Мусина-Пушкина въ числѣ другихъ книгъ, принадлежавшихъ Ярославскому архимандриту Іоилю. Сборникъ былъ рѣдокъ по своему составу: въ немъ было восемь произведеній древней свѣтской литературы. Первое извѣстіе о «Словѣ» появилось въ 1797 году за границей на страницахъ Гамбургскаго журнала Spectateur du Nord (октябрь). Присланная изъ Россіи замѣтка сообщала: «Два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы, называющейся «Пѣснь Игоревыхъ воиновъ», которую можно сравнить съ лучшими пѣснями Оссіана». Въ 1812 году во время нашествія французовъ Сборникъ сгорѣлъ и до сихъ поръ не удалось найти другого списка Слова о Полку Игоревѣ. Это тѣмъ болѣе огорчительно, что печатное изданіе, которое Мусинъ-Пушкинъ успѣлъ сдѣлать съ своей рукописи въ 1800 году, очень неисправно; рукопись была довольно поздняя (XVI вѣка), съ трудомъ поддавалась чтенію, самый слогъ и языкъ «Слова» были очень своеобразны; поэтому издатель и тѣ, кто ему помогалъ, дурно справились со своей задачей. Въ результатѣ мы имѣемъ въ «Словѣ» рядъ малопонятныхъ мѣстъ (многія изъ нихъ здѣсь пропущены), въ объясненіи которыхъ ученые часто не сходятся.

Неизвѣстный авторъ «Слова» изобразилъ въ немъ несчастный походъ противъ Половцевъ четырехъ мелкихъ князей изъ Сѣверской области (около Чернигова). Это были: Игорь Новгородъ-Сѣверскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, сынъ Игоря Владиміръ Путивльскій и племянникъ Святославъ Рыльскій. Походъ ихъ (1185 г.) описанъ и въ лѣтописи: оттуда видно, что за годъ до того вел. кн. кіевскій Святославъ собралъ большое войско и нанесъ сильное пораженіе Половцамъ, привезя въ числѣ плѣнныхъ хана Кобяка. Сѣверскіе князья тогда отказались участвовать въ большомъ походѣ, а на будущій годъ задумали воевать отдѣльно. Послѣ первой удачной битвы они были разбиты, и Игорь въ сыномъ попали въ плѣнъ, откуда Игорь удачно бѣжалъ, а Владиміръ вернулся позднѣе, женатый на дочери половецкаго хана Кончака.

Авторъ «Слова» несомнѣнно былъ выдающимся поэтомъ-художникомъ. Онъ далъ рядъ яркихъ картинъ похода, сраженія, степной природы, написанныхъ сжатымъ, поэтическимъ языкомъ, полнымъ образовъ и сравненій, обыкновенно взятыхъ изъ народной поэзіи. Кромѣ того авторъ съ большой силой передаетъ чувства и настроенія дѣйствующихъ лицъ, какъ и свои собственныя. Его личный лиризмъ проникаетъ собою все произведеніе; источникъ этого лиризма — горячая любовь къ родинѣ и сильно развитое общественное сознаніе. Манера изложенія въ «Словѣ»

кажется отрывистой при полной внутренней связности; авторъ вмѣсто спокойнаго и непрерывнаго разсказа даетъ какъ бы рядъ отдѣльныхъ моментовъ и картинъ. По своимъ поэтическимъ достоинствамъ, по сжатой силѣ и выразительности рѣчи «Слово» стоитъ почти совершенно особнякомъ въ нашей древней литературѣ; къ нему приближаются развѣ только отдѣльныя мѣста въ южныхъ лѣтописяхъ (напр. въ Волынской). Тѣмъ не менѣе, авторъ связанъ и въ художественномъ отношеніи съ своимъ временемъ; объ этомъ говоритъ не только его близость къ народному творчеству, но и его частыя упоминанія о знаменитомъ его предшественникѣ, пѣвцѣ Боянѣ, который служитъ ему образцомъ, несмотря на заявленное нашимъ авторомъ въ началѣ желаніе писать не такъ, какъ пѣлъ Боянъ. Существуетъ довольно вѣроятное предположеніе, что авторъ «Слова» самъ былъ воиномъ: его восхищеніе звономъ славы въ Кіевѣ, удалью побѣды, живая передача звуковъ битвы, его «веселіе» отъ соколиной охоты; — это все чувства и впечатлѣнія, родныя для воина и чуждыя благочестивому писателю древней Руси. («А мы уже, дружина, жаждни веселія»).

Не начать ли намъ, братія, на старинный ладъ разсказъ о бѣдственномъ походѣ Игоря Святославича? Но пусть наша пѣснь начнется по былямъ нашего времени, а не такъ какъ пѣлъ Боянъ. Вѣдь когда вѣщій Боянъ хотѣлъ когонибудь воспѣть, его мысль носилась словно сѣрый волкъ по землѣ или сизый орелъ подъ облаками[1]). Онъ, говорятъ, помнилъ битвы давнишнихъ временъ и выпускалъ своихъ десять соколовъ на стадо лебедей; на какую лебедь налеталъ соколъ, та первая запѣвала пѣснь въ честь стараго Ярослава или храбраго Мстислава, что зарѣзалъ Редедю передъ полчищами Касоговъ, или прекраснаго Романа Святославича. Но не десять соколовъ, братіе, пускалъ Боянъ на стадо лебедей; это онъ свои вѣщіе персты возлагалъ на живыя струны, а онѣ и рокотали славу князьямъ.

Начнемъ же, братіе, нашу повѣсть отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря, который укрѣпился мыслью, сердце закалилъ въ храбрости и, полный воинственной отваги, повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.

Взглянулъ Игорь на солнце и увидалъ, что отъ него идетъ тьма и покрываетъ его войско[2]). И сказалъ онъ дру-

[1]) Характеристика «замышленій» Бояна показываетъ, что въ творчествѣ Бояна нашего автора особенно поражалъ свободный полетъ воображенія. Однимъ изъ пріемовъ Бояна, повидимому, была, какъ говорится въ «Словѣ», привычка пользоваться прошлымъ при изображеніи настоящаго («свивать оба полы сего времени»). Нашъ авторъ не прочь подражать въ этомъ Бояну; въ повѣсть свою онъ хочетъ захватить эпоху «отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря», и далѣе онъ не разъ упоминаетъ о прошломъ.

[2]) Рѣчь идетъ о солнечномъ затменіи, которое предвѣщало бѣду. Это затменіе описано и въ лѣтописи. Слово очень образно и вѣрно передаетъ впеча-

жинѣ своей: «Братья и дружина! А все же лучше быть убитыми, чѣмъ взятыми въ плѣнъ. Сядемъ, братья на своихъ борзыхъ коней и поѣдемъ посмотрѣть на синій Донъ». «Хочу,—говорилъ онъ,—поломать копій на дальней окраинѣ степей половецкихъ; пусть я сложу съ вами, русскіе, свою голову, а хочется мнѣ напиться шлемомъ изъ Дона»[1]).

О Боянъ, соловей стараго времени! Вотъ тебѣ бы воспѣть это войско, носясь мыслями, какъ соловей по дереву, летая умомъ подъ облаками, соединяя, о соловей, въ своихъ пѣсняхъ обѣ половины времени (прошлое съ настоящимъ). Слѣдуя по тропѣ Бояновой, черезъ поля на горы вотъ какъ надобно было бы воспѣвать Игоря:

«Не буря занесла соколовъ въ широкія степи; галки стаями бѣгутъ къ великому Дону».

Или вотъ какъ надо бы запѣть, о вѣщій Боянъ, внукъ Велеса:

«Кони ржутъ за Сулой, звенитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ въ Новгородѣ»[2]).

Стоятъ знамена въ Путивлѣ, Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И сказалъ ему буй-туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь, оба мы съ тобой Святославичи! Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы, впереди у Курска. А Куряне мои — умѣлые воины: подъ звуки трубъ спеленуты; дороги имъ извѣстны, овраги знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли наточены, сами они скачутъ, словно сѣрые волки въ степи, ища себѣ чести, а князю славы».

Вотъ, князь Игорь вступилъ въ золотое стремя и поѣхалъ въ степь. Солнце тьмою заграждало ему путь; ночь стонала грозою и перебудила птицъ, звѣри кричали... Съ вершины дерева кричитъ дивъ, и крикъ его разносится по всей чужой землѣ, по Волгѣ и Поморію и по Сулѣ, до Сурожа, Корсуня и Тмуторокани. А половцы цѣликомъ по степи бѣгутъ къ великому Дону: скрипятъ ночью ихъ телѣги, словно вспугнутые лебеди. Игорь ведетъ войско къ Дону...

тлѣніе отъ затменія солнца: во время солнечнаго затменія весь небосклонъ часто остается довольно свѣтелъ, почти какъ днемъ; одно солнце, среди этого дневного неба, виситъ темнымъ пятномъ и кажется источникомъ зловѣщей тьмы, покрывающей землю.

[1]) Значитъ—воевать на Дону. Подобныя обозначенія нерѣдки; ср. выше Волынская лѣтопись.

[2]) Авторъ, вспомнивъ про Бояна, пробуетъ начать въ его стилѣ двумя Бояновскими размѣрами: первая проба — длинными стихами, вторая — болѣе живымъ, короткимъ складомъ, причемъ вторая проба незамѣтно переходитъ у него въ продолженіе его разсказа (рѣчь Всеволода). Все описаніе Курской дружины выдержано (въ подлинникѣ) во второмъ Бояновскомъ размѣрѣ съ дактилическими окончаніями каждаго стиха.

волки грозно воютъ по оврагамъ, орлы клекчутъ, созывая звѣрей на кости, лисицы лаютъ на красные щиты русскихъ. О русская земля! ты уже за холмомъ![1]).

Долго длился мракъ ночной... Но вотъ палъ на небо свѣтъ зари, степь покрылась туманомъ, прекратилось соловьиное пѣніе, проснулись и заговорили галки. Русскіе широко выстроились въ степи съ своим красными щитами, ища себѣ чести, а князю славы.

Въ пятницу на разсвѣтѣ они смяли полчища поганыхъ половцевъ и, разсыпавшись, какъ стрѣлы, по степи, мчались, забирая красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, парчи и бархатъ; епанчами, тулупами и всякими половецкими узорными тканями устилали болота и грязныя мѣста. Красное знамя и бѣлая хоругвь, красный султанъ и серебряное копіе достались храброму Святославичу. И вотъ уснуло въ степи храброе гнѣздо Олегово, далеко залетѣвшее[2]). Не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчинъ! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ къ Дону, а Кончакъ слѣдомъ за нимъ.

На другой день утромъ кровавая заря возвѣщаетъ разсвѣтъ; съ моря надвигаются черныя тучи, чтобы закрыть четыре солнца; въ нихъ трепещутъ синія молніи: быть великой грозѣ, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго, тутъ копья будутъ ломаться, тутъ сабли притупятся о шлемы половецкіе на рѣкѣ Каялѣ у Дона великаго. О русская земля! ты уже за холмомъ![3]).

---

[1]) *Сурожъ* — Азовское море. Тмуторокань (около нынѣшней Керчи) была занята въ то время половцами. *Дивъ*, который кричитъ съ дерева, можетъ-быть, стоитъ въ связи съ птицами, которыхъ встревожила гроза, и означаетъ зловѣщую ночную птицу. Заключительное восклицаніе о русской землѣ очень хорошо передаетъ настроеніе Игорева войска, которое, зайдя далеко въ степь, смущенное затменіемъ и грозой, ночью прислушивается къ звукамъ степи: каждый воинъ по опыту знаетъ, что недаромъ бродятъ и кричатъ около отряда волки, лисицы, орлы; всѣ они зовутъ другъ-друга на близкій пиръ. Въ такомъ настроеніи мысль невольно обращалась къ оставленной назади родной землѣ.

[2]) Игорь и Всеволодъ были внуки Олега «Гориславича», значитъ, принадлежали къ его роду — «гнѣзду».

[3]) Наступающее войско представляется въ видѣ грозной тучи и въ малорусскихъ пѣсняхъ, напр.

«Изъ за горы хмара (туча) выступае, выхожае,
До Чигрина громомъ выгремляе,
На Украинскую землю блискавкою блискае».

Тоже и въ великорусскихъ пѣсняхъ:

«Что не облаки подымалися,
Не грозны тучи сходилися,
Собиралися тьмы невѣрныхъ врагъ».

Далѣе картина наступленія Половцевъ все время рисуется красками бури и грозы: гулъ идетъ по землѣ, рѣки помутились, поднялась пыль бьются и хлопаютъ отъ вѣтра знамена.

Вотъ и вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; земля гудитъ, рѣки помутилисъ; пыль несется по степи, знамена хлопаютъ. Половцы идутъ отъ Дона, отъ моря и со всѣхъ сторонъ окружили русскіе полки. Съ крикомъ наступаютъ бѣсовы дѣти; храбрые русскіе стоятъ въ степи съ своими красными щитами. Ярый туръ Всеволодъ! Ты стоишь въ битвѣ, осыпаешь враговъ стрѣлами, гремишь о шлемы булатными мечами: куда ты, туръ, поскачешь, сверкая своимъ золотымъ шлемомъ, тамъ лежатъ головы поганыхъ половцевъ; разбиваешь ты шлемы аварскіе калеными саблями, ярый туръ Всеволодъ!

Были Бояновы вѣка, прошли времена Ярославовы, были походы Олеговы, Олега Святославича. Этотъ Олегъ мечемъ ковалъ смуту и сѣялъ по землѣ стрѣлы. Онъ (готовясь къ походу) садился на коня въ Тмуторокани, а звонъ его золотого стремени слышалъ великій Всеволодъ, сынъ Ярослава; Владиміръ же въ Черниговѣ зажималъ уши, не желая слышать этого звона. А храбраго и молодого князя Бориса Васильевича желаніе вступиться за Олега и получить славу привело къ смертному суду[1]).

Въ тѣ времена, при Олегѣ Гориславичѣ сѣялись и выростали междоусобицы, погибала жизнь княжеская и отъ княжескихъ раздоровъ вѣкъ людской сокращался. Тогда въ русской землѣ рѣдко слышался голосъ пахаря, но часто раздавалось карканье вороновъ, дѣлящихъ себѣ трупы, и галки перекликались между собой, собираясь летѣть кормиться.

Вотъ что было въ тѣ походы и въ тѣ войны. А такой битвы, какъ теперь, еще не бывало. Съ утра до вечера и съ вечера до разсвѣта летятъ калены стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ булатныя копья въ чужой степи среди половецкой земли. Земля, взрытая конскими копытами, была засѣяна костями и полита кровью; — печалью взошелъ этотъ посѣвъ по русской землѣ[2]).

---

[1]) Битва съ половцами напомнила автору «Слова» «первыхъ временъ усобицы», которыя воспѣвалъ Боянъ, и онъ говоритъ о междоусобіяхъ 1077 года, когда Олегъ вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ привели изъ Тмуторокани половцевъ и, разбивъ Всеволода, отца Владиміра Мономаха, заняли Черниговъ, но скоро снова потеряли его: противъ нихъ выступили Изяславъ Кіевскій и Всеволодъ съ сыномъ и нанесли имъ сильное пораженіе близъ Чернигова на Нѣжатинѣ нивѣ; въ этой битвѣ и былъ убитъ Борисъ (слава привела его на судъ, т.-е. къ смерти).

[2]) Сравненіе битвы съ земледѣльческими работами нерѣдко въ народной поэзіи; напр. въ одной пѣснѣ читаемъ: «За славной за рѣченькой Утвою... распахана была пашенька яровая, не плугомъ была пашня пахана, не сохою, а вострыми Мурзавецкими копьями; не бороною была пашенька взборнована,

Что такое на ранней зарѣ шумитъ и звенитъ вдалекѣ? Игорь заворачиваетъ свое войско: ему жаль милаго брата Всеволода. Они бились день, бились другой, на третій день къ полудню пали знамена Игоревы. Тутъ разстались два брата на берегу быстрой Каялы; тутъ не хватило кроваваго вина, и храбрые русскіе окончили пиръ, напоили сватовъ, и полегли сами за землю русскую[1]). Никнетъ трава отъ жалости и дерево печально наклонилось къ землѣ. Невеселое время настало, братія, степь погубила силу русскую. Поднялась бѣда на Руси, встала въ образѣ дѣвы на землю Троянову и заплескала лебедиными крыльями на синемъ морѣ у Дона; прошли счастливыя времена. У князей усобицы: братъ сталъ говорить брату: «Это мое — и то — мое!» И начали князья изъ малаго дѣлать большое и сами создавали усобицы, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на русскую землю и побѣждали. Далеко залетѣлъ соколъ, избивая птицъ — къ самому морю! А уже не воскресить храбраго войска Игорева. Жены русскія плакали, приговаривая: «Уже намъ своихъ милыхъ мужей ни въ мысляхъ не вздумать, ни воочію не видать, а золота и серебра и подавно не носить».

И застоналъ, братія, Кіевъ отъ печали и Черниговъ отъ напасти; горе охватило русскую землю, сильная тоска разлилась по землѣ русской. А князья сами создавали усобицы, поганые же дѣлали набѣги на русскую землю и брали дань по бѣлкѣ со двора.

Грозный Святославъ Кіевскій вступилъ на землю половецкую, потопталъ холмы и овраги, помутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота, и словно вихремъ вырвалъ поганаго Кобяка изъ лукоморья отъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ; и очутился Кобякъ въ Кіевѣ, въ гридницѣ у Святослава[2]). Тутъ нѣмцы и венеціанцы, греки и моравы

а коневыми рѣзвыми ногами; не рожью посѣяна была пашенька, не пшеницей, а посѣяна была пашенька казачьими буйными головами»...

[1]) Также обычно въ народной поэзіи сравненіе битвы съ пиромъ или свадьбой. Ср. напр. извѣстную пѣсню: (Ужъ какъ палъ туманъ на сине море», гдѣ умирающій воинъ говоритъ, что онъ женился на другой женѣ, его сосватала сабля острая. Въ другой пѣснѣ умирающій добрый молодецъ говоритъ матери: «Напоилъ меня турецкій царь тремя пойлами... какъ первое-то пойло — сабля острая, а другое его пойло — копье мѣткое, его третье-то пойло — пуля свинчатая».

[2]) Пораженіе Игоря заставило автора вспомнить объ удачномъ походѣ на половцевъ за годъ до того (въ 1184 г.) подъ предводительствомъ вел. князя Святослава Всеволодовича; тогда было взято много плѣнныхъ, въ томъ числѣ ханъ Кобякъ. (*Лукой моря* или лукоморьемъ здѣсь названъ берегъ Азовскаго моря, занятый половцами). Слава этого похода, — говоритъ авторъ далѣе, —

воспѣваютъ Святослава и порицаютъ Игоря, который погубилъ счастіе на днѣ половецкой рѣки Каялы; тутъ насыпали русскаго золота. А князь Игорь съ золотого сѣдла пересѣлъ въ сѣдло раба; въ городахъ стѣны поникли и веселье исчезло

А Святославъ на Кіевскихъ высотахъ видѣлъ смутный сонъ «Нынче ночью съ самаго вечера — разсказывалъ онъ — одѣвали меня чернымъ покрываломъ на тисовой кровати; черпали мнѣ синее вино, смѣшанное съ отравой, сыпали мнѣ на грудь крупный жемчугъ изъ пустыхъ колчановъ... и нѣжили меня. А доски на крышѣ моего златоверхаго терема безъ князька... Всю ночь каркали вороны»...

И сказали бояре князю: У тебя, князь, печаль заполонила умъ вѣдь два сокола слетѣли съ отцовскаго золотого престола, чтобы добыть градъ Тмуторокань или напиться шлемомъ воды изъ Дона, а этимъ соколамъ крылья подрѣзали саблями поганыхъ, а самихъ ихъ опутали желѣзными путами. Тьма наступила на третій день: два солнца померкли, оба огненные столпа погасли, а съ ними два молодыхъ мѣсяца — Олегъ и Святославъ — затуманились. На рѣкѣ Каялѣ тьма закрыла свѣтъ; по русской землѣ разсѣялись половцы, словно выводокъ барсовъ... Готскія красавицы поютъ на берегу синяго моря, позванивая русскимъ золотомъ. онѣ воспѣваютъ время Буса и месть Шарукана. А мы, дружина, ждемъ-не-дождемся радостныхъ дней»[1]).

Тогда великій Святославъ проронилъ золотое слово сквозь слезы говоря: «О мои племянники, Игорь и Всеволодъ! Рано начали вы грозить половцамъ своими мечами и искать себѣ славы; не пришлось вамъ побѣдить съ честью и пролить кровь поганыхъ. Ваши храбрые сердца скованы изъ твердаго булата и закалены въ мужествѣ. Что вы сдѣлали съ моей серебряной сѣдиной!»...

А развѣ диво, братія, и старому помолодѣть? Когда соколъ линяетъ, онъ высоко взбиваетъ птицъ, не давая своего гнѣзда въ обиду...

дошла даже до другихъ народовъ, которые «поютъ славу Святославлю», также и несчастіе Игоря стало извѣстно повсюду и вездѣ его укоряютъ (каютъ») за то, что онъ погубилъ у рѣки Каялы русскую силу и самъ попалъ въ плѣнъ (пересѣлъ въ сѣдло раба — «кощея»).

[1]) *Готскія красавицы* — половецкія. Онѣ воспѣваютъ удачные набѣги своихъ хановъ на Русь. Шаруканъ въ началѣ XII в. былъ прогнанъ русскими, но черезъ нѣсколько лѣтъ половцы сдѣлали большой набѣгъ, чтобы отомстить за Шарукана.

Великій князь Всеволодъ! Развѣ нѣтъ у тебя и въ мысляхъ прилетѣть издалека и постеречь отцовскій золотой престолъ: ты вѣдь можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ вычерпать шлемами; если бы ты былъ здѣсь, то плѣнница стоила бы только ногату, а плѣнникъ — одну рѣзану...[1]). Вы, ярые Рюрикъ и Давидъ! Не плавали ли ваши золоченые шлемы въ крови? Не ваша ли храбрая дружина кричитъ, какъ туры, раненая калеными саблями въ безвѣстной степи? Вступите въ золотыя стремена за теперешнюю обиду, за землю русскую, за раны храбраго Игоря Святославича[2]).

Галицкій Ярославъ Осьмомыслъ! Ты высоко сидишь на своемъ златокованомъ престолѣ, своими желѣзными полками упираешься въ Венгерскія горы, заступая путь королю, преграждая дорогу по Дунаю, творя судъ и расправу до Дуная. Страхъ передъ тобой распространяется кругомъ; ты пропускаешь къ Кіеву, кого хочешь, ты пускаешь стрѣлы съ отцовскаго золотого престола черезъ земли султановъ. Стрѣляй же, о господинъ, поганаго раба Кончака за землю русскую, за раны храбраго Игоря Святославича![3]).

А вы, храбрые Романъ[4]) и Мстиславъ! отважная мысль влечетъ васъ на подвиги: вы высоко парите на крыльяхъ мужества, какъ соколъ ширяетъ въ воздухѣ, собираясь ударить птицу. У васъ желѣзныя брони и латинскіе шлемы; отъ нихъ потерпѣли многія страны... Литва, Ятвяги и Половцы побросали свои копья и склонили головы подъ ваши булатные мечи...

Слышится голосъ Ярославны; одинокой кукушкой кричитъ она рано утромъ: «Полечу я кукушкой по Дунаю, омочу бобровый рукавъ въ рѣкѣ Каялѣ и утру кровавыя раны моего князя».

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

---

[1]) Здѣсь авторъ мысленно обращается къ Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу по прозванію Большое Гнѣздо.

[2]) Рюрикъ и Давидъ, внуки Мстислава Великаго, правнуки Владиміра Мономаха.

[3]) Галицкій князь Ярославъ былъ извѣстенъ умомъ и энергіей, его боялись всѣ сосѣди. Онъ былъ отецъ Ефросиніи, второй жены Игоря, выведенной ниже въ «Словѣ» подъ именемъ просто «Ярославны».

[4]) Романъ Мстиславичъ, Волынскій князь, о которомъ упоминается здѣсь, извѣстенъ въ южныхъ лѣтописяхъ, какъ воинственный и храбрый князь, именемъ котораго половцы пугали своихъ дѣтей; лѣтопись сравниваетъ его съ львомъ, туромъ и орломъ и говоритъ, что онъ уподоблялся предку своему Влад. Мономаху. (См. выше отрывокъ изъ Волынской лѣтописи).

«О вѣтеръ, вѣтеръ! зачѣмъ ты такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ ты на своихъ легкихъ крыльяхъ несешь ханскія стрѣлы на воиновъ моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять подъ облаками и лелѣять корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты развѣялъ мою радость по ковылю?»

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, приговаривая:

«О Днѣпръ славный! ты пробилъ каменныя горы сквозь половецкую землю, ты лелѣялъ на себѣ Святославовы ладьи до войска Кобяка: принеси ко мнѣ моего милаго, чтобы я не посылала къ нему на море слезъ на зарѣ».

Ярославна плачетъ рано утромъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, причитая:

«Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и прекрасно: зачѣмъ ты простерло свои знойные лучи на воиновъ моего милаго? Въ безводной степи отъ жажды у нихъ луки согнулись, а отъ тоски колчаны сомкнулись»[1]).

Въ полночь море зашумѣло, нашли тучи, стало темно: князю Игорю Богъ указываетъ путь изъ половецкой земли на Русь къ отцовскому золотому престолу[2]). Погасла вечерняя заря; Игорь спитъ — нѣтъ, не спитъ, онъ мысленно мѣритъ степь отъ великаго Дона до малаго Донца. Въ полночь Овлуръ свиснулъ коня за рѣкой, давая этимъ знакъ князю... Стукнула земля, зашумѣла трава, задвигались половецкіе шатры. А Игорь скакнулъ горностаемъ въ камышъ и бѣлымъ гоголемъ на воду; вскочилъ на борзаго коня, потомъ соскочилъ съ него сѣрымъ волкомъ и побѣжалъ къ лугу Донца и соколомъ полетѣлъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей къ завтраку, обѣду и ужину. Игорь соко-

---

1) Чутье поэта сказывается въ томъ, что авторъ, мысленно обратившись къ цѣлому ряду князей съ горячимъ воззваніемъ вступиться за обиду сего времени, за рану Игоря, въ концѣ-концовъ спасеніе своего героя поставилъ въ ближайшую связь съ сильнымъ душевнымъ порывомъ и тоской самаго близкаго Игорю существа. Ея причитанье и заклинаніе стихій, т.-е. обращеніе къ чудеснымъ силамъ природы имѣли слѣдствіемъ чудесное спасеніе Игоря изъ плѣна. Какъ бы повинуясь волшебной силѣ заклинанія, вся природа далѣе помогаетъ бѣгству; встаетъ туманъ, идутъ тучи — это Богъ Игорю путь кажетъ на родину; рѣка Донецъ о немъ заботится, птицы тоже участвуютъ въ его возвращеніи. Въ заклинаніи Ярославны требуютъ поясненія ея упреки солнцу: по лѣтописи мы знаемъ, что во время послѣдней битвы, длившейся больше двухъ сутокъ, половцы отрѣзали русскихъ отъ воды, и они изнемогали отъ жажды и пали духомъ («изнемогли бо ся бяху безводьемъ, кони и люди, въ знoѣ и въ тузѣ»). Эти страданія и этотъ упадокъ духа Ярославны и передаетъ здѣсь образной рѣчью, справедливо видя ихъ причину въ горячихъ лучахъ степного солнца.

2) Разсказъ о бѣгствѣ Игоря совпадаетъ съ лѣтописью и поясняется послѣднимъ. См. выше Ипатьевскую лѣтопись.

помъ полетѣлъ, а Влуръ волкомъ побѣжалъ, стряхивая по дорогѣ холодную росу: они надорвали своихъ борзыхъ коней.

Донецъ сказалъ: «Князь Игорь! не мало тебѣ славы, а Кончаку досады, русской землѣ веселія». Игорь отвѣчалъ: «О Донецъ! не мало и тебѣ славы за то, что ты лелѣялъ князя на волнахъ своихъ, постилалъ ему зеленую траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми туманами подъ зеленой сѣнью деревьевъ, стерегъ его, какъ гоголя на водѣ, чаекъ на струяхъ и утокъ на воздухѣ»[1]).

То не сороки затрещали: по слѣду Игореву ѣдутъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда вороны не каркали галки замолчали, сороки не кричали... дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ указываютъ, соловьи веселыми пѣснями возвѣщаютъ разсвѣтъ. И сказалъ Гзакъ Кончаку «Коли соколъ къ гнѣзду летитъ, мы соколенка разстрѣляемъ своими золочеными стрѣлами». Кончакъ отвѣтилъ Гзѣ: «Нѣтъ, если соколъ летитъ къ гнѣзду, мы соколенка опутаемъ красною дѣвицей» Гзакъ сказалъ Кончаку. «Если мы его опутаемъ красной дѣвицей, то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и начнутъ насъ птицы бить въ половецкой степи»[2]).

Сказалъ Боянъ: «Тяжко тебѣ, голова, безъ плечъ, худо тебѣ, тѣло, безъ головы». Такъ и русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтитъ на небѣ, Игорь князь въ русской землѣ. На Дунаѣ поютъ дѣвицы, голоса ихъ несутся черезъ море до Кіева, Игорь ѣдетъ по Боричеву ко св. Богородицѣ Пирогощей; страны рады, города веселы.

Спѣвъ пѣсню старымъ князьямъ, надо пѣть и молодымъ: «Слава Игорю Святославичу буй-туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Да здравствуютъ князья и дружина въ борьбѣ за христіанъ съ погаными полчищами! слава князьямъ и дружинѣ» Аминь[3]).

---

[1]) Разговоръ съ рѣко очень нерѣдко встрѣчается въ народной поэзіи: герои былинъ и пѣсенъ, приходя къ рѣкѣ, дѣлятся съ ней своими чувствами или просятъ пропустить на другую сторону; и рѣка открываетъ свои броды и мосты или даже понижаетъ свою глубину для спасенія какого-нибудь бѣглеца (въ одной пѣснѣ рѣка, по просьбѣ спасающейся изъ плѣна героини, «становится по женскимъ перебродищамъ»). Но помимо пѣсенной традиціи обращеніе Игоря къ Донцу здѣсь вполнѣ понятно психологически: Игорь въ теченіе нѣсколькихъ дней шелъ берегомъ Донца; рѣка указывала ему направленіе бѣгства въ степи, онъ спалъ на ея берегахъ, укрывался отъ зноя въ тѣни прибрежныхъ кустовъ и деревьевъ, питался дичью, живущей при рѣкѣ: онъ долженъ былъ реально почувствовать, что многимъ обязанъ Донцу.

[2]) Разговоръ Гзака съ Кончакомъ ведется въ чисто народномъ стилѣ загадокъ. Соколенокъ, т.-е. Владиміръ Игоревичъ, дѣйствительно былъ «опутанъ красной дѣвицей»: черезъ два года онъ вернулся, женатый на Кончаковнѣ и съ ребенкомъ.

[3]) «Аминь» прибавленъ къ поэмѣ вѣроятно, позднѣе, какъ обычное слово, которымъ заключался трудъ переписчика.

10. Изъ поученій Серапіона, епископа Владимірскаго.

Среди древнихъ нашихъ проповѣдниковъ слѣдуетъ различать два типа. Одни (Иларіонъ, Кириллъ Туровскій), усвоивъ пріемы византійскаго краснорѣчія, излагаетъ передъ паствой догматы и ученія христіанской религіи: они представляютъ интересъ главнымъ образомъ съ богословской точки зрѣнія, и для историка духовнаго краснорѣчія; другіе (Θеодосій Печерскій, Лука Жидята, Серапіонъ Владимірскій) входятъ глубже въ интересы своей паствы и въ простосердечной бесѣдѣ подвергаютъ оцѣнкѣ нравы и жизнь своихъ слушателей. Такія проповѣди являются драгоцѣннымъ источникомъ для знакомства съ бытомъ и взглядами того времени.

Здѣсь приведены отрывки изъ нѣсколькихъ проповѣдей Серапіона. О немъ извѣстно лишь слѣдующее: въ 1274 году Митрополитъ Кіевскій Кириллъ, придя въ Суздальскую землю, привелъ съ собой Печерскаго архимандрита Серапіона и поставилъ его епископомъ во Владимірѣ, но въ слѣдующемъ же году Серапіонъ умеръ. Его поученія важны, во-первыхъ, сохранившимися въ нихъ живыми впечатлѣніями современника о запустѣніи русской земли въ первыя времена татарскаго ига, и, во-вторыхъ, указаніями на то, что въ его время толпа сжигала или бросала въ воду тѣхъ, кого считала волхвами и колдуньями. Это изувѣрство, съ которымъ борется нашъ проповѣдникъ, какъ извѣстно, было широко распространено на Западѣ даже въ XVII в.; тамъ духовенству, наоборотъ, принадлежала руководящая роль въ этихъ ужасахъ.

1. Я чувствую большую печаль въ сердцѣ своемъ изъ-за васъ дѣти мои, потому что вижу, что вы вовсе не оставили вашихъ дурныхъ дѣлъ. Не такъ скорбитъ мать, видя своихъ больныхъ дѣтей, какъ я, вашъ грѣшный отецъ, скорблю, видя васъ страдающихъ отъ беззаконныхъ дѣлъ. Много разъ говорилъ я съ вами, желая уничтожить ваши злые нравы; но вижу, что вы нисколько не перемѣнились. Если кто изъ васъ разбойникъ, онъ не оставляетъ разбоя; кто крадетъ, продолжаетъ красть; кто обижаетъ и грабитъ, продолжаетъ грабить ненасытно; кто даетъ въ ростъ, не оставляетъ ростовщичества...

Страшно, дѣти мои, попасть подъ гнѣвъ Божій! Отчего мы не обращаемъ вниманія на то, что постигло насъ еще здѣсь, въ этой жизни? Чего только мы не навели на себя? Какихъ казней не приняли отъ Бога? Не оказалась ли въ плѣну наша земля? Не взяты ли были наши города, а наши отцы и братья пали мертвыми на землю? Не отведены ли наши жены и дѣти въ плѣнъ? Не порабощены ли оставшіеся иноплеменниками горькимъ рабствомъ? Вотъ уже скоро исполнится 40 лѣтъ, какъ мы терпимъ томленіе

и муку и несемъ тяжелыя дани, какъ не прекращаются у насъ голодъ и моръ на скотъ. Мы не можемъ всласть поѣсть хлѣба своего, и вздохи и печаль сушатъ наши кости.

2. Подивимся, братья, на человѣколюбіе Бога нашего, какъ онъ приводитъ насъ къ себѣ! Какими только словами онъ насъ не наставляетъ, и какихъ предостереженій онъ намъ не дѣлаетъ? Мы же все-таки къ нему не обращаемся. Видя, что наши беззаконія умножились, видя, что мы заповѣди Его отвергли, Онъ показалъ намъ много знаменій, много ужаснаго наводилъ на насъ, много училъ насъ черезъ служителей своихъ, и мы нисколько не оказались лучше! Тогда Онъ навелъ на насъ народъ немилостивый, народъ лютый, народъ не щадящій юной красоты, немощи старцевъ, младенчества дѣтей. Мы возбудили противъ себя ярость Бога нашего; по словамъ Давида, быстро разгорѣлась ярость его на насъ.

Разрушены божественныя церкви, осквернены священные сосуды, потоптаны святыни, святители стали жертвой меча; тѣла преподобныхъ монаховъ были брошены на съѣденіе птицамъ; кровь отцовъ и братьевъ нашихъ, какъ обильная вода, напоила землю; сила нашихъ князей и военачальниковъ исчезла; наши храбрецы, полные страха, бѣжали, множество братьевъ и дѣтей нашихъ отведено въ плѣнъ; наши селенія заросли кустарникомъ; наше величіе смирилось; красота наша погибла; богатство наше пошло въ прибыль другимъ; нашимъ трудомъ воспользовались поганые; наши земли стали достояніемъ иноплеменниковъ. Мы стали поношеніемъ для живущихъ на окраинахъ нашей земли, стали посмѣшищемъ нашихъ враговъ; мы навели на себя гнѣвъ Божій, какъ дождь съ неба.

3. Недолго я порадовался на васъ, дѣти мои, видя вашу любовь и послушаніе мнѣ грѣшному, и предполагалъ, что вы уже утвердились въ вѣрѣ и съ радостью принимаете божественное писаніе: не ходите на совѣтъ нечестивыхъ, и не сидите на сѣдалищѣ губителей. А вы еще держитесь языческихъ обычаевъ: вѣруете волхованію, сжигаете на огнѣ невинныхъ людей и наводите убійство на весь народъ. Вѣдь если кто и не принималъ прямого участія въ убійствѣ, но былъ въ толпѣ убивающихъ, тотъ мысленно уже убійца; или если кто могъ защитить и не защитилъ жертву, тотъ самъ какъ бы велѣлъ убить.

нарицаемыи
градъ. итоужива
шесоученикы
своими

въвъторникъ. г. не
дѣлѧ. ѿиоана
въоновремѧ
свѣтъстворі
шафарисѣи
ижерьцина
іса. прекошаоусе
бе. видитеаком
капользаесть.

Рис. 3. Изъ Луцкаго Евангелія XIV в. (Въ почеркѣ есть уже отличіе отъ древняго устава, заглавная буква характерна для такъ-назыв. «звѣринаго» орнамента XIV—XV вѣковъ.

Изъ какихъ книгъ и изъ какого писанія вы слышали, что отъ волхвованія бываетъ голодъ на землѣ или отъ волхвованія увеличиваются урожаи?

А если вы этому вѣрите, зачѣмъ вы ихъ (волхвовъ) сжигаете? — молитесь имъ, чтите ихъ дарами, дѣлайте имъ приношенія, пусть устраиваютъ міръ, пускаютъ дождь, приводятъ тепло, заставляютъ землю давать урожаи. Вотъ теперь уже три года не родится хлѣбъ не только на Руси, но и въ латинской землѣ; неужели это волхвы сдѣлали?... Молю васъ, оставьте языческія дѣла.

Если вы хотите очистить городъ отъ беззаконныхъ людей, я этому радуюсь: но очищайте такъ, какъ Давидъ, пророкъ и царь, истреблялъ въ городѣ Іерусалимѣ всѣхъ творящихъ беззаконіе: однихъ убивая, другихъ заточая, третьихъ заточая въ темницу; онъ всегда держалъ городъ Господенъ чистымъ отъ грѣховъ. Но кто же могъ бы быть такимъ судьею, какъ Давидъ? Онъ судилъ страхомъ Божіимъ, видѣлъ Святымъ Духомъ, и по правдѣ давалъ отвѣтъ.

А вы какъ осуждаете на смерть? Вѣдь вы сами полны страстей и по правдѣ не судите! Иной дѣлаетъ это по враждѣ, другой изъ жажды грѣховнаго прибытка, иной по малоумію жаждетъ только убить и пограбить. А что касается вины, то, убивая, не знаютъ того правила божественнаго, что осудить человѣка на смерть можно только по свидѣтельству очень многихъ человѣкъ. А вы свидѣтелемъ поставили воду и говорите: если начнетъ тонуть, невинна; если же поплыветъ, то колдунья[1]). Развѣ не можетъ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, поддержать ее на водѣ, чтобы она не погрузилась, и чтобы вовлечь васъ въ душегубство, такъ какъ вы, оставивши свидѣтельство человѣка, созданнаго по образу Божію, обратились къ бездушному веществу — водѣ? Принявъ это свидѣтельство, вы гнѣвите Бога.

Вы слышали, какую казнь послалъ Богъ на землю, отъ времени первыхъ людей до потопа: на гигантовъ огнемъ, при потопѣ водою, въ Содомѣ сѣрнымъ дождемъ, при Фараонѣ 10-ю казнями, на хананеянъ мухами, огненными каменьями съ неба, при судьяхъ войнами, при Давидѣ моромъ, при Титѣ плѣномъ, потомъ землетрясеніями и градобитіемъ.

---

[1]) Испытанію водой подвергались большею частію женщины.

А въ своей землѣ чего мы не видѣли? Войны, голодъ, моръ, землетрясеніе, и вотъ, наконецъ, теперь мы отданы иноплеменникамъ не только на смерть и въ плѣнъ, но и въ тяжелое рабство.

11. Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

Это сказаніе о томъ, какъ Псковъ въ 1510 г. утратилъ послѣднюю свою самостоятельность и окончательно былъ присоединенъ къ Москвѣ, вошло въ Псковскую лѣтопись. Оно составлено псковичемъ, современникомъ разгрома 1510 года, и живо отражаетъ настроеніе Пскова и отношеніе къ Москвѣ. Извѣстно, что возвышеніе Москвы въ XIV и XV вв. сопровождалось захватомъ цѣлаго ряда удѣловъ, городовъ областей; наиболѣе крупные изъ этихъ захватовъ, совершенные съ конца XIV вѣка до конца XV, перечислены въ началѣ «Сказанія». Борьба съ Москвой Твери, Новгорода, Пскова отразилась въ многихъ литературныхъ произведеніяхъ — лѣтописяхъ, житіяхъ, легендахъ; тутъ нашли себѣ мѣсто и чувство мѣстнаго патріотизма, прославленіе и возвеличеніе родного города, его святынь, богатства и силы, и плохо скрытая боязнь, что не устоять родинѣ противъ могучаго сосѣда, и открытая вражда и озлобленіе противъ него. Среди этихъ памятниковъ, полныхъ горькими чувствами отживающей областной жизни, самостоятельной, съ мѣстными особенностями и интересами, «Сказаніе о Псковскомъ взятіи» выдѣляется своимъ мягкимъ, элегическимъ тономъ; здѣсь нѣтъ ни задора, ни озлобленія, которыя можно встрѣтить въ Новгородскихъ памятникахъ; грустнымъ чувствомъ роковой неизбѣжности вѣетъ отъ всего разсказа. Интересно отмѣтить, что и въ критическую минуту, среди отчаянія самозащиты, Псковичи не забыли о нравственныхъ и юридическихъ основаніяхъ, мѣшавшихъ имъ «поставить щитъ противъ государя». Прекрасенъ конецъ разсказа, гдѣ скорбь автора облеклась въ народно-поэтическую форму иносказательнаго разсказа. Всѣ эти особенности памятника связаны съ свойствами нравственнаго характера Псковитянъ. Проф. Ключевскій замѣчаетъ: «Переходя въ изученіи исторіи вольныхъ городовъ отъ новгородскихъ лѣтописей къ псковскимъ, испытываешь чувство успокоенія, точно при переходѣ съ толкучаго рынка въ тихій переулокъ... Герберштейнъ, собиравшій свои наблюденія и свѣдѣнія о Россіи немного лѣтъ спустя послѣ паденія вольности Пскова, съ большой похвалой отзывается о благовоспитанныхъ и человѣчныхъ нравахъ псковичей, говоря, что они въ торговыхъ сдѣлкахъ отличались честностью и прямотой, не тратя лишнихъ словъ, чтобъ подвести покупателя, а кротко и ясно показывая настоящее дѣло».

Городъ Псковъ съ самаго начала Русской земли не былъ подвластенъ никакимъ князьямъ, псковитяне жили на своей волѣ. Великій князь Московскій взялъ подъ свою власть прежнія удѣльныя княжества не сразу, войною, но въ разное время, какъ пишетъ объ этомъ Лѣтописная книга: первымъ онъ покорилъ себѣ суздальскаго князя Симеона, потомъ

Новгородъ, потомъ взялъ и Тверь, а князь Михайло Тверской убѣжалъ въ Литву. Городъ же Псковъ крѣпокъ стѣнами, и людей въ немъ было множество; поэтому онъ не пошелъ на нихъ войною; да боялся онъ и того, чтобы они не отошли въ Литву; вслѣдствіе этого онъ льстиво и коварно сохранялъ со псковичами миръ. И псковичи цѣловали ему крестъ въ томъ, чтобы имъ не уходить отъ великаго князя никуда. И великій князь посылалъ къ нимъ князей, по ихъ прошенію кого они хотѣли, того и посылалъ; иногда же онъ и самъ, по своей волѣ, посылалъ своихъ намѣстниковъ во Псковъ: кого захочетъ, того и пошлетъ; эти же дѣлали насилія, грабили, и клеветою и неправеднымъ судомъ разоряли жителей. Жители же города Пскова и другихъ окрестныхъ городовъ посылали своихъ посадниковъ жаловаться на нихъ великому князю. И много разъ такъ было.

Въ 1510-мъ году, 26-го октября мѣсяца, въ день памяти св. Димитрія, великій князь Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ свою вотчину Великій Новгородъ съ своимъ братомъ, удѣльнымъ княземъ Андреемъ, и своими боярами. И псковичи, услышавши, что государь великій князь Василій Ивановичъ въ Новгородѣ, послали своихъ пословъ въ Великій Новгородъ: посадника Юрія Елисеевича, посадника Михаила Помазова и бояръ изъ каждаго конца[1]). И псковичи поднесли въ даръ великому князю Василію Ивановичу полтораста новгородскихъ рублей и били ему челомъ, прося милости и печалуяся за псковскихъ мужей, людей свободныхъ, говоря: «Мы очень обижены твоимъ намѣстникомъ, княземъ нашимъ Иваномъ Михайловичемъ Рѣпней, и его людьми, его намѣстниками въ пригородахъ и ихъ людьми». И великій князь отвѣчалъ нашимъ посадникамъ: «Я васъ, свою вотчину хочу жаловать и защищать, какъ и отецъ нашъ, и дѣды наши, великіе князья; а что вы разсказываете о намѣстникѣ моемъ, о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ, то я его обвиню передъ вами, если на него окажется много жалобъ». И отпустилъ онъ нашихъ посадниковъ и бояръ.

И посадники наши сказали псковичамъ на вѣчѣ, что великій князь принялъ ихъ дары честно, а неизвѣстно, что задумалъ въ сердцѣ своемъ великій князь сдѣлать съ своей вотчиной, мужами псковскими и городомъ Псковомъ.

---

[1]) Псковъ, какъ и Новгородъ, дѣлился на «концы» — части города.

Потомъ, той же зимой, немного времени спустя, князь Псковскій Иванъ Михайловичъ Рѣпня, изъ суздальскихъ князей, поѣхалъ изъ Пскова къ государю великому князю жаловаться на псковичей, что-де псковичи его обезчестили. А этотъ Рѣпня пріѣхалъ во Псковъ и сѣлъ на княженіе не такъ, какъ пошло изъ старины, сталъ жить въ Псковѣ не по крестному цѣлованію, не желалъ добра церкви Святой Троицы[1]) и псковскимъ мужамъ; этотъ Рѣпня много зла дѣлалъ дѣтямъ боярскимъ и посадничьимъ; и тѣ дѣти боярскіе и посадничьи, пораздумавши, что тотъ Рѣпня, князь Псковскій, много зла имъ дѣлалъ, поѣхали къ великому князю жаловаться на него, князя Ивана Михайловича Рѣпню.

Въ то же время посадники Псковскіе, сдумавши думу съ псковичами (не на добро себѣ они надумали!) начали писать по пригородамъ и волостямъ грамоты съ такими словами:

«Если какой-либо человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ жалобу на князя, пусть ѣдетъ къ государю великому князю въ Великій Новгородъ, бить на него челомъ».

На той же недѣлѣ посадникъ Леонтій поѣхалъ бить челомъ на посадника Юрія Копыла; и Юрій поѣхалъ въ Новгородъ отвѣчать ему и судиться съ нимъ. И посадникъ Юрій прислалъ свою грамоту изъ Великаго Новгорода во Псковъ, а въ грамотѣ было написано такъ: «Если посадники не поѣдутъ изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Рѣпни, то будетъ вся земля виновата».

И тогда сердце заныло у псковичей, и на четвертый день, по этой грамотѣ, къ Новгороду поѣхали 9 посадниковъ и купеческіе старосты ото всѣхъ рядовъ. А великій князь не далъ имъ никакой управы, а говорилъ такъ: «Собирайтесь вы, жалобники, на Крещеніе Господне, и я вамъ всѣмъ дамъ управу, а теперь вамъ никакой управы нѣтъ». И вернулись всѣ псковичи во Псковъ, а когда сталъ подходить тотъ срокъ, то посадники и купеческіе старосты, не вѣдая своей погибели, поѣхали въ Новгородъ къ великому князю.

На самый праздникъ Крещенія Господня великій князь Василій Ивановичъ велѣлъ всѣмъ посадникамъ, боярамъ, купцамъ и купеческимъ старостамъ собираться и итти на рѣку, на водоосвященіе. А самъ великій князь вышелъ

[1]) Соборный храмъ въ Псковѣ; названіе его употреблялось вмѣсто имени города, какъ «Св. Софія» вмѣсто Новгорода.

со всѣми своими боярами на рѣку Волховъ, и священники и діаконы вышли съ крестами, потому что въ тотъ день наступилъ праздникъ Крещенія Господня. А владыки въ то время не было въ Новгородѣ, и крестилъ воду владыка смоленскій и священники; окрестивъ воду, они пошли, къ церкви св. Софіи. И великій князь велѣлъ своимъ боярамъ исполнять то, что у него съ ними было задумано. И стали они нашимъ посадникамъ и тѣмъ людямъ говорить: «Посадники псковскіе, бояре и всѣ, кто пришелъ жаловаться! государь велѣлъ всѣмъ вамъ снова собираться на государевъ дворъ, а кто не пойдетъ, пусть боится государевой казни, потому что государь всѣмъ вамъ хочетъ дать управу». И посадники псковскіе, и бояре всѣ до одного пошли съ воды на дворъ ко владыкѣ. И бояре спросили посадниковъ. «Всѣ ли вы уже сполна собралися?» И посадниковъ, бояръ и купцовъ ввели въ палату, а младшіе люди стояли на дворѣ. Вошли они въ палату; и бояре сказали посадникамъ, боярамъ и купцамъ псковскимъ: «Вы захвачены Богомъ и великомъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всей Руси».

И посадники были посажены тутъ же, до пріѣзда ихъ женъ, а младшихъ людей, переписавши, отдали новгородцамъ по разнымъ улицамъ стеречь и кормить ихъ до управы.

Вѣсть объ этомъ захватѣ псковичи получили отъ псковскаго купца, Филиппа Поповича: онъ ѣхалъ къ Новгороду, и остановился у Веряжи; услышавши злую вѣсть, онъ, оставивъ товаръ, погналъ ко Пскову и сказалъ псковичамъ, что великій князь взялъ-де въ плѣнъ нашихъ посадниковъ, бояръ и людей, пришедшихъ съ жалобой.

И напалъ на псковичей страхъ и трепетъ, и тоска; отъ скорби и печали пересохли горла и пересмякли уста: много разъ нѣмцы приходили на нихъ войной, а скорби и печали тогда не бывало такой, какъ теперь. И, собравши вѣче, начали они думать, воевать ли противъ государя, запираться ли въ городѣ? Но вспомнили они крестное цѣлованіе, по которому нельзя поднять руки противъ государя, да и посадники, и бояре, и всѣ лучшіе люди были въ его рукахъ. И послали псковичи къ великому князю своего гонца, сотника Евстафія, чтобы онъ отъ всѣхъ, отъ малаго до великаго, со слезами билъ челомъ великому князю: «Ты бы, государь нашъ, великій князь Василій Ивановичъ, свою вотчину старинную пожаловалъ; а мы, твои сироты, и ранѣе и теперь не отступали отъ тебя, государя, и не про-

тивились тебѣ, государю; Богъ воленъ и ты въ своей вотчинѣ и въ насъ, людишкахъ твоихъ».

И послалъ князь своего дьяка Третьяка Далматова; и псковичи обрадовались, ожидая отъ государя милости и возстановленія старины, а Третьякъ на вѣчѣ объявилъ имъ первую новинку — поклонъ отъ великаго князя: «Что-де, если только вы, вотчина моя, псковскіе посадники и псковичи, желаете еще прожить по старинѣ, то исполните двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было, и вѣчевой колоколъ вы бы сняли, и чтобъ было здѣсь два намѣстника, и по пригородамъ то же были намѣстники; — тогда проживете еще по старинѣ. Если же вы этихъ двухъ воль не исполните, тогда какъ государю Богъ на сердце положитъ; а у него много силы готовой, и кто не исполнитъ государевой воли, на тѣхъ будетъ кровопролитіе. А впрочемъ государь нашъ великій князь хочетъ побывать на поклонъ къ церкви святой Троицы во Псковѣ». Отговоривъ это, дьякъ сѣлъ на ступени.

И псковичи ударили челомъ въ землю и не могли ему дать отвѣта, потому что очи ихъ были полны слезъ. Они были какъ грудные младенцы, только что тѣ бы не проливали слезъ по младости и неразумію; — они отвѣчали ему однако: «Посолъ государевъ! дастъ Богъ, утромъ мы все обдумаемъ и тебѣ все скажемъ». И тутъ только псковичи горько заплакали. Какъ зѣницы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами? какъ сердце не оторвалось отъ корня?

Утромъ же, на разсвѣтѣ воскреснаго дня, зазвонили на вѣче. И Третьякъ пришелъ на вѣче, и посадники псковскіе и псковичи начали ему говорить: «У насъ въ Лѣтописи написано такъ: Съ великими князьями прадѣдами, дѣдами и отцомъ великаго князя у насъ положено крестное цѣлованіе, что намъ псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, какой бы онъ ни былъ на Москвѣ, не отходить ни въ Литву, ни къ нѣмцамъ, а жить намъ по старинѣ и вольно; если же мы, псковичи, уйдемъ отъ великаго князя въ Литву или къ нѣмцамъ, или начнемъ жить безъ государя, то на насъ падетъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; если же государь нашъ великій князь перестанетъ соблюдать то крестное цѣлованіе и перестанетъ держаться нашей старины, то и на него падетъ такая же обѣщанная кара, какъ и на насъ. А теперь Богъ воленъ да государь въ своей вотчинѣ, въ городѣ Псковѣ, и въ насъ и въ коло-

колѣ нашемъ. Мы не хотимъ измѣнять прежнему своему цѣлованію и принимать на себя кровопролитіе; мы не хотимъ ни поднимать руки на государя, ни запираться въ городѣ. А если государь нашъ великій князь хочетъ помолиться Живоначальной Троицѣ и побывать въ своей вотчинѣ во Псковѣ, то мы ему, государю, рады всѣмъ сердцемъ за то, что не погубилъ насъ до конца».

13-го января мѣсяца, въ день памяти святыхъ мучениковъ Ермила и стратоника, спустили вѣчевой колоколъ у церкви Святой Живоначальной Троицы, и начали псковичи, на колоколъ смотря, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ. И повезли его на Снѣтогорскій дворъ къ церкви Ивана Богослова, гдѣ теперь намѣстничій дворъ. Въ ту же ночь Третьякъ повезъ колоколъ къ великому князю въ Новгородъ...

«О славный и великій городъ Псковъ! отчего ты сѣтуешь и плачешь?» И отвѣчалъ прекрасный городъ Псковъ: «Какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть о своемъ опустѣніи! прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, съ крыльями, полными львиныхъ когтей, и взялъ у меня три кедра Ливановыхъ: и красоту мою, и богатство, и дѣтей моихъ похитилъ, попущеніемъ Божіимъ за наши грѣхи! Землю нашу опустошили, городъ нашъ разорили, и людей моихъ взяли въ плѣнъ, и одни рынки мои раскопали, а другіе засыпали конскимъ навозомъ, увели отцовъ и братьевъ нашихъ, и отцовъ, братьевъ и друзей нашихъ завели туда, гдѣ не бывали и отцы, и дѣды и прадѣды наши[1]); матерей и сестеръ нашихъ отдали на поруганіе. Многіе въ городѣ постриглись въ монахи, а жены ихъ въ монахини, и пошли въ монастыри, не желая итти въ плѣнъ изъ своего города въ другіе города. Видя все это, теперь, братья, убоимся страшной грозы, припадемъ къ Господу своему, исповѣдая свои грѣхи, чтобъ не впасть намъ въ еще большій гнѣвъ Господень, не навести на себя казни еще болѣе тяжелой, чѣмъ первая. Богъ еже ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не покаялись, но обратились къ еще большему грѣху, на злую клевету и на лихія дѣла, на такой крикъ на вѣчѣ, въ которомъ языкъ самъ не знаетъ, что говоритъ. Мы хотимъ

[1]) «Сказаніе» говоритъ объ историческомъ фактѣ. Изъ Пскова тогда было увезено въ Москву 300 семей знатнѣйшихъ гражданъ, которые сидѣли подъ арестомъ на епископскомъ дворѣ; «молодшихъ» людей, которые были розданы «до управы» на руки Новгородцамъ, отпустили въ Псковъ съ обѣщаніемъ, что ихъ не выселятъ. Но многіе не вѣрили обѣщанію и, боясь ссылки, постригались въ монахи, чтобы остаться на родинѣ. Объ этомъ и говорится ниже.

городами управлять, не умѣя и своего дома устроить. Вслѣдствіе этого своевольства и не желанія послушать другъ друга и обрушилось на васъ все это бѣдствіе.

---

12. Изъ Матицы Златой.

Помѣщенные здѣсь отрывки изъ Матицы Златой, Румянцевскаго Сборника (XV в.) и Азбуковника (XVII в.) имѣютъ въ виду показать, какія знанія о природѣ могъ почерпнуть изъ своего чтенія старинный русскій грамотникъ. Главными источниками естественно-историческаго знанія для нашихъ предковъ были извѣстные у насъ съ первыхъ временъ письменности: «Шестодневъ» Іоанна Экзарха болгарскаго, гдѣ изложенъ разсказъ о шести дняхъ творенія съ поясненіями не только богословскими и нравственными, но и естественно-историческими; затѣмъ Палея Толковая, или изложеніе Ветхаго завѣта, гдѣ библейскій разсказъ смѣшивался съ полемикой противъ евреевъ и магометанъ, съ апокрифами и естественно-историческими разсказами. Затѣмъ у насъ, вѣроятно, съ XIV в. читалась книга греческаго писателя VI вѣка Козьмы Индикоплова — нѣчто вродѣ физической географіи, согласованной съ священнымъ Писаніемъ; кромѣ того надо упомянуть переведенную у насъ въ XIV в. поэму византійскаго писателя VII вѣка Георгія Писидійскаго подъ заглавіемъ: «Похвала Богу о сотвореніи всякой твари». Наконецъ, свѣдѣнія о природѣ почерпались изъ различныхъ сборниковъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный «Физіологъ»—собраніе свѣдѣній о животныхъ и птицахъ, рыбахъ, камняхъ. Всѣ эти источники нерѣдко повторяли другъ друга, заимствуя одинъ отъ другого отдѣльныя статьи и свѣдѣнія; такъ, многое изъ указанныхъ книгъ переходило въ «Азбуковникъ» — составленный на Руси въ XVI в. словарь непонятныхъ словъ. — Общій характеръ естественно-историческихъ свѣдѣній, доставлявшихся этими книгами, былъ одинъ и тотъ же: они были не научны: полуфантастичность или полная баснословность, отрывочность и пестрота— ихъ постоянныя свойства. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ общей цѣли всѣхъ такихъ книгъ, родившихся на византійской почвѣ: онѣ не стремились къ изслѣдованію и къ научной истинѣ, а были вызваны желаніемъ замѣнить для христіанина древнюю греческую, «языческую» науку новой, богословской, согласованной съ Писаніемъ. Пестрота свѣдѣній ярко сказывается въ томъ, что самыя нелѣпыя толкованія и извѣстія нерѣдко стоятъ рядомъ съ взглядами, близкими къ научности, съ фактами достовѣрными или съ попытками искать разумнаго объясненія вещей.

Для наглядности здѣсь дано три рисунка изъ русскаго перевода Козьмы Индикоплова XVI в. Два первые иллюстрируютъ космографическія понятія автора. Солнце, луна и звѣзды укрѣплены, словно колеса, на небесномъ столбѣ и вращаются приставленными на то отъ Бога ангелами. Землю онъ изображаетъ въ видѣ плоскаго четвероугольника, покрытаго небомъ, какъ сводомъ, и окруженнаго океаномъ; ночью солнце заходитъ за высокую гору въ сѣверной части земли. Третій рисунокъ изображаетъ того самого «дивьяго вола», о которомъ говорится ниже въ Азбуковникѣ.

Рис. 4. Вращеніе небесныхъ свѣтилъ по Козьмѣ Индикоплову. (Изъ рукописи XVI в.; объясненіе см. въ вступленіи къ «Матицѣ Златой», стр. 74.)

О природѣ. Насколько солнечный кругъ больше земного, настолько земной больше луннаго. Такъ говорятъ тѣ, кто хорошо изучилъ астрономію; они полагаютъ, что земной кругъ заключаетъ въ себѣ 25 темъ стадій, а поперечникъ ея болѣе 8 темъ... Солнце въ поперечникѣ считаютъ болѣе 300 темъ стадій, а на видъ кажется намъ его поперечникъ величиною въ локоть, но писаніе справедливо говоритъ, что не свѣтило такъ мало, а наше зрѣніе уменьшаетъ его, смотря въ высоту... Взойди на высокую гору и посмотри на ровное мѣсто: какими покажутся тебѣ пасущіяся стада — не въ родѣ ли муравьевъ или мухъ? или взойди на вершину высокихъ холмовъ и посмотри оттуда на море: какими покажутся тебѣ плавающіе по немъ корабли? не представится ли каждый твоему глазу меньше голубя? а въ немъ бываютъ огромные грузы. Или какъ велики морскіе острова? На нихъ бываютъ безчисленные города и села, а ты представляешь ихъ себѣ какой-то плавающей черной точкой. Или гдѣ высокія горы изрѣзаны глубокими пропастями, а когда смотримъ на нихъ, онѣ кажутся гладкими. Какъ мы уже сказали, зрѣніе наше, устремляясь въ пространство, постепенно теряетъ способность видѣть. Итакъ, когда мы смотримъ въ ту безмѣрную высоту, какъ можемъ опредѣлить величину свѣтилъ?

Господь сказалъ: да будутъ знаменія на дни, на времена и годы; поэтому и бываютъ знаменія въ тѣхъ свѣтилахъ на бурю, на тихую погоду... И вотъ, если по обѣ стороны солнца явится знаменіе, блестящее на подобіе солнца, это означаетъ сильный дождь и вѣтеръ. Если же такое знаменіе явится съ одной сѣверной стороны, значитъ, будетъ сѣверный вѣтеръ, а когда оно явится съ южной стороны, то означаетъ вѣтеръ съ юга...

Подобно тому и луна тоже представляетъ много различныхъ знаменій. Если въ 4-й день (новолунія) она будетъ чиста и тонка, предвѣщаетъ долгую, тихую погоду; если же будетъ тонка, но не чиста, а словно огненная, это означаетъ сильный вѣтеръ, если при этомъ оба рога мѣсяца одинаковы по виду; если же сѣверный рогъ луны на ущербѣ будетъ болѣе чистъ, это означаетъ западные вѣтры. Когда же полная луна потемнѣетъ, это къ дождю... Эти знаменія составляютъ великую милость и заботливость Творца Бога: они предвѣщаютъ какое-нибудь неожиданное зло. Мы слышали, что нѣкоторые пустые люди говорятъ, будто люди рождаются

подъ той или другой звѣздой, и потому одинъ бываетъ русъ, другой бѣлокуръ, третій красенъ, четвертый черенъ. Эта ложь явилась отъ невѣрныхъ эллиновъ. Кромѣ того эти люди разсказываютъ, прельщая насъ, будто можно знать, какимъ возрастетъ человѣкъ тѣлесно, считаютъ себя знающими по теченію звѣздъ о болѣзняхъ и о смерти человѣческой, предсказываютъ о подвигахъ храбрости, о жизни и богатствѣ... Намъ же слѣдуетъ изобличить ихъ... Богъ сотворилъ всѣ эти свѣтила въ 4-й день: тогда Адама еще не было на землѣ, — чье же рожденіе предзнаменовало такое множество звѣздъ?... Обличимъ ихъ и на счетъ русости и бѣлости человѣческой: неужели всѣ эѳіопляне родятся подъ одной и той же звѣздою, что они страшно черны, словно демоны?...

О птицѣ алконостъ[1]). Есть птица именемъ алконостъ; гнѣздо свое имѣетъ на песочномъ берегу моря, у самой воды, туда и кладетъ свои яйца. Птенцы ея выводятся зимою, и когда почуетъ, что время имъ вылупляться изъ яицъ, она беретъ яйца, несетъ на середину моря и опускаетъ въ глубину; въ это время море сильно бушуетъ и бьетъ о берегъ. Но когда алконостъ снесетъ всѣ яйца въ одно мѣсто, опуститъ въ глубину, а самъ сядетъ надъ ними сверху воды, то море станетъ неподвижно на 7 дней, пока птенцы алконостовы не вылупятся въ глубинѣ и, вышедши наверхъ, не узнаютъ родителей своихъ.

О птицѣ Фюниксъ. Есть птица въ великой Индіи, называемая фюниксъ, о ней пророкъ Давидъ сказалъ въ 91 псалмѣ: «Праведникъ, яко финиксъ, процвѣте»[2]). Эта птица — одногнѣздница, не имѣетъ ни подруги, ни дѣтей, но одна въ своемъ гнѣздѣ живетъ. Питаться она летаетъ къ кедрамъ ливанскимъ и, летая тамъ, наполняетъ крылья свои ароматомъ, поэтому всегда она благоухаетъ. Когда же состарится, взлетаетъ въ высь, беретъ огонь небесный и, спустясь, зажигаетъ гнѣздо свое, тутъ же она сгораетъ и сама, но изъ пепла гнѣзда своего опять рождается, и какою была прежде птицей, такою же является и потомъ, съ тѣмъ же нравомъ и тѣмъ же свойствомъ.

О птицѣ Харадръ. Есть птица, называемая харадръ, о которой написано въ книгѣ Второзаконія. Птица

---

[1]) Рѣчь идетъ о гальціонѣ (зимородокъ); *алконостъ* получилось изъ сліянія двухъ словъ: *алкіонъ есть*.

[2]) Псаломъ говоритъ о финиковой пальмѣ; слово было невѣрно истолковано.

Рис. 5. Устройство земли по Козьмѣ Индикоплову (объясненіе см. выше. стр. 74).

эта вся бѣлая и нѣтъ въ ней никакой пестроты; внутренности ея исцѣляютъ очи слѣпымъ. Если кто заболѣетъ, то посредствомъ харадра можно узнать, останется живъ человѣкъ, или умретъ: если умереть больному, то харадръ отвернется отъ него, а если выздоровѣть, то харадръ съ веселіемъ возлетаетъ на воздухъ противъ солнца, и окружающіе думаютъ, что харадръ беретъ болѣзнь и распускаетъ ее по воздуху.

О радугѣ. Дуга солнцезарными лучами, словно какимъ-нибудь ртомъ, тянетъ воду испареніемъ теплоты и осушаетъ водоточныя жилы и мокроту и въ видѣ облака превращается въ дождь. Эту дугу (Господь) положилъ какъ знаменіе и повелѣлъ ей вбирать въ себя водное излитіе, чтобы не повторилось того, что было до этого знаменія, когда облака наводнили и потопили поднебесную; этимъ знаменіемъ Богъ указываетъ человѣческому роду не бояться потопа. Самъ Господь сказалъ: «Это будетъ знаменіемъ между Мною и вами и твоимъ племенемъ послѣ тебя». Итакъ эта дуга по повелѣнію Божію собираетъ воду морскую, какъ будто въ мѣхъ.

---

13. Изъ Румянцевскаго Сборника.

О землѣ. Земля не четвероугольна, не треугольна и не кругла, а устроена на подобіе яйца. Подобно тому, какъ устроено яйцо: снаружи имѣетъ бѣлокъ и скорлупу, а въ серединѣ стоитъ жолчь, — такъ же разумѣй и о землѣ. Земля есть желтокъ въ серединѣ яйца, а воздухъ и небо — бѣлокъ и скорлупа яйца. Какъ скорлупа окружаетъ внутренность яйца, такъ окружаетъ небо землю и воздухъ; и насколько отстоитъ отъ земли видимое нами небо, настолько же отстоитъ оно и подъ землею съ четырехъ сторонъ, то-есть съ востока и запада, сѣвера и юга. Отовсюду земля окружена небомъ — и наверху, и внизу и со всѣхъ четырехъ сторонъ; какъ середина яйца окружена скорлупой, такъ же земля окружена небомъ. Она стоитъ по серединѣ, а небо вращается и безостановочно движется подъ нею и надъ нею, какъ мы это видимъ. Земля виситъ на воздухѣ посреди небеснаго пространства, не прикасаясь нигдѣ къ небесному веществу... Нѣкоторые же говорятъ, будто земля стоитъ на 7 столпахъ, но это — неправда: если бы земля стояла на 7 столпахъ, то во что же были бы водружены эти столпы?

О громѣ и о молніи. Громъ и молнія бываетъ такимъ образомъ. Вверху встрѣчается нѣсколько вѣтровъ; одинъ дуетъ въ одну сторону, а другой въ другую, и одинъ несетъ облако, а другой другое; они, встрѣтившись другъ съ другомъ, сталкиваются и испускаютъ грохотъ съ огнемъ. Подобно тому, какъ кремень, ударяясь о желѣзо, гремитъ и даетъ огонь, такъ и облака, сталкиваясь другъ съ другомъ, рождаютъ грохотъ и огонь; грохотъ и есть громъ, а огонь — молнія. Поэтому не иначе бываетъ громъ и молнія, какъ тогда только, когда есть облака. Громъ бываетъ сперва, а молнія послѣ; мы же сперва видимъ молнію, а потомъ слышимъ громъ, — это потому, что зрѣніе наше болѣе быстро, и человѣкъ видитъ то, что хочетъ, безъ всякаго промедленія поэтому глазъ сейчасъ же видитъ молнію. Слухъ же воспринимаетъ медленно и не сразу слышитъ звукъ грома и слышитъ его послѣ молніи. То же можешь замѣтить, когда рубятъ дрова. Если рубящій далеко отъ насъ, то мы видимъ, какъ топоръ ударяетъ по дереву, стука же не слышимъ, а спустя нѣкоторое время слышимъ и стукъ. Подобно этому и молнію видимъ немедленно, а громъ слышимъ послѣ. Но эти молніи бываютъ отъ столкновенія облаковъ, онѣ не вредоносны и никому не вредятъ; если же во время столкновенія облаковъ случится, что упадетъ частица огня небеснаго и, падая, соединится съ облачной молніей, тогда такая молнія спускается на землю и попаляетъ, что встрѣтитъ по дорогѣ, — человѣка ли, или животное, или дерево.

О денницахъ. Про звѣзды, которыя, повидимому, падаютъ къ землѣ, люди говорятъ, что это дѣйствительно звѣзды, а другіе говорятъ, что это мытарства лукавыя. Но это не звѣзды и не мытарства, а пламенные обломки небеснаго огня; они падаютъ внизъ и по мѣрѣ паденія растопляются на воздухѣ. Поэтому никто никогда не видалъ, чтобы они упали на землю, — они всегда на воздухѣ сливаются и разсыпаются. Они называются денницами. Звѣзды же никогда не падаютъ; только при второмъ пришествіи Христовомъ спадутъ и звѣзды, и мытарства и духи, тогда пойдутъ въ огонь вѣчный. Это же, какъ мы сказали, суть пламеновидные отломки отъ небеснаго круга, и воистину это такъ.

---

14. Изъ Азбуковника.

Асиди — трава, отъ которой убѣгаютъ нечистые духи; растетъ она въ индійскихъ странахъ.

Балена — рыба морская; величина ея бываетъ въ длину 60 саженъ, а поперекъ 30 саженъ. Когда она начинаетъ играть, то кричитъ, какъ лютый звѣрь. На носу у нея поднимаются вверхъ какъ будто двѣ большія дымовыя трубы, а какъ прыснетъ, то этимъ прыскомъ можетъ потопить корабль, если онъ плыветъ близко.

Вретанія — большой островъ, длиной въ тысячу верстъ, а шириной въ 300. На немъ живетъ два большихъ племени, одно — каледонцы, другое — меаты. Послѣдніе живутъ на дикихъ горахъ и пустынныхъ равнинахъ, не имѣютъ ни городовъ, ни жилищъ, а переходятъ съ одного мѣста на другое нагіе и босые; земли не пашутъ, а питаются отъ разведенія воловъ и овощами; царя у нихъ нѣтъ.

Дикій волъ видомъ похожъ на вола, а хвостъ у него лошадиный. Если онъ зацѣпится хвостомъ за дерево или за камень, то стоитъ неподвижно, не желая оторвать ни одного волоса. Но тамошніе жители, придя, отсѣкаютъ хвостъ мечемъ, и онъ, прежде жалѣя одинъ волосъ оторвать, теперь лишается всего хвоста и бѣжитъ. И у него хватаетъ смысла беречь волосы свои, не такъ, какъ у безумныхъ людей, бреющихъ бороды — армянъ и тому подобныхъ. Изъ хвоста его добываютъ хонень, которымъ красятъ хвосты лошадямъ.

Итанесіесъ называются люди, живущіе за полуночнымъ моремъ. У нихъ такія большія уши, что они могутъ ими закрыть все тѣло...

Цыгане — люди, которые произошли отъ нѣмцевъ. Эти цыгане на всякое зло хитры.

---

15. Стоглавъ.

Стоглавомъ называются раздѣленныя на сто главъ записки о работахъ церковнаго собора, созваннаго въ 1551 г. въ Москвѣ Иваномъ Грознымъ и митрополитомъ Макаріемъ для сужденія о томъ, какъ исправить многочисленные недостатки церковной жизни и жизни мірянъ тогдашней Руси. Стоглавъ содержитъ въ себѣ рѣчи царя при открытіи Собора, цѣлый рядъ царскихъ вопросовъ, указывавшихъ на разные непорядки, и соборные отвѣты на эти вопросы. Памятникъ важенъ болѣе всего фактическими указаніями на состояніе просвѣщенія, быта и нра-

ковъ русскаго общества XVI в. Своей цѣли — улучшенія религіозно-нравственной жизни — Соборъ не достигъ; общая постановка задачи и мѣры, рекомендованныя имъ, показываютъ, — что дѣятели Собора не понимали положенія вещей и не были подготовлены къ рѣшенію сложныхъ общественныхъ вопросовъ. Черезъ постановленіе Собора проходитъ мысль, что всѣ непорядки русской жизни зависятъ отъ забвенія старины, старыхъ обычаевъ прародительскихъ, къ которымъ и слѣдуетъ возвратиться. Въ то время, какъ главной бѣдой русской жизни было глубокое невѣжество, въ которомъ пребывали не только народныя массы, но и ихъ руководители, — отцы Стоглаваго собора ничѣмъ не показали, что они это понимаютъ, и когда они говорятъ объ ученьи, то разумѣютъ подъ нимъ только умѣнье писать и читать духовныя книги, при чемъ учителями является у нихъ то самое духовенство, малограмотность котораго признана была ими же на Соборѣ. Грубость религіозной жизни зависѣла во многомъ отъ того, что главное вниманіе устремлялось на обрядность, — Соборъ больше всего былъ занятъ именно внѣшней стороной религіи. Грубость нравовъ народныхъ и уцѣлѣвшіе отъ глубокой старины обычаи, обряды и пѣсни не вызвали въ отцахъ Собора ничего, кромѣ брезгливаго осужденія. Неподготовленность Собора ярко выразилась въ томъ, что онъ въ своихъ сужденіяхъ иногда основывался на апокрифическихъ сказаніяхъ, подложныхъ правилахъ и невѣрныхъ выдержкахъ изъ св. Писанія; онъ узаконилъ подъ страхомъ проклятія двуперстное крестное знаменіе, небритіе бороды и усовъ и т. п. Черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ другой Московскій Соборъ (1667 г.) предалъ анафемѣ постановленія Стоглаваго Собора; «зане той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствовали невѣжествомъ своимъ безразсудно». Стоглавъ цѣненъ, какъ фактическая картина русской жизни; значеніе этой картины плохо понимали тѣ, кто нарисовалъ ее, потому что сами были рождены и вскормлены этой жизнью; они, даже когда видѣли зло, ничего не умѣли съ нимъ сдѣлать. Они — дѣти старины, и ихъ безсиліе — есть самое горькое осужденіе того средства, которымъ они думали исцѣлить язвы русской жизни.

1. Царь говоритъ собору (гл. 4): «Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Русіи, и архіепископы и епископы и весь освященный соборъ!..

Попросивъ вмѣстѣ съ нами помощи у Бога, способствуйте (намъ) во всякихъ нуждахъ, поразсудите, и изложите, и утвердите (все) по правиламъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякіе обычаи велись въ нашемъ царствѣ по-Божьему, при вашемъ святительскомъ пастырствѣ и при нашемъ управленіи. А о томъ, что съ прежнихъ временъ послѣ отца моего, великаго князя Василія Ивановича всея Руси, и въ настоящее время нѣкоторые обычаи поисшатались или заведены самовольно, нарушены преданія и законы, и дѣло заповѣдей Божіихъ ослабло и въ пренебреженіи, о всякихъ порядкахъ въ землѣ нашей и о заблужденіяхъ нашихъ,—

Рис. 6. Дикій волъ изъ Козьмы Индикоплова (см. выше, стр. 83).

обо всемъ этомъ вы тщательно побесѣдуйте и посовѣтуйтесь, а намъ дайте отвѣтъ. А мы нуждаемся въ вашемъ святительскомъ совѣтѣ и трудѣ и желаемъ совѣтоваться съ вами по Божески, чтобы исправить ко благу то, что разстроилось. Въ чемъ наши нужды и какія неустройства въ землѣ нашей, о томъ мы васъ извѣщаемъ, а вы, разсудивъ по правиламъ Св. Апостоловъ и Св. Отцовъ, рѣшайте всѣ вмѣстѣ по общему согласію. О томъ я вамъ, своимъ отцамъ и братьямъ, вмѣстѣ съ своими боярами челомъ бью».

2. О тридцати семи царскихъ вопросахъ и о церковныхъ порядкахъ (гл. 5). Вопросъ 25. Да по грѣхамъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вошли въ миръ въ нынѣшнее время: называемся христіанами, а люди въ тридцать лѣтъ и старики бреютъ голову и бороду, подстригаютъ усы и носятъ платье иновѣрныхъ земель. По какимъ же признакамъ теперь можно отличить христіанина?

3. О дьячкахъ, хотящихъ стать діаконами и священниками (гл. 25). Есть дьячки, желающіе быть діаконами и священниками, но малограмотные; посвящать ихъ противно священнымъ правиламъ, а не посвящать — святыя церкви будутъ безъ пѣнія, а православные христіане станутъ умирать безъ покаянія и безъ причастія. Святителямъ слѣдуетъ по священнымъ правиламъ ставить въ священники 30-лѣтнихъ, а въ діаконы — 25-лѣтнихъ, такихъ, которые бы знали грамотѣ, чтобы они могли завѣдывать церковью Божіей и управлять своими духовными дѣтьми по священнымъ правиламъ. Святители съ великою строгостью спрашиваютъ у тѣхъ, кто приходитъ ставиться, почему они мало знаютъ грамотѣ; они отвѣчаютъ: «мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ учителей (мастеровъ), а больше намъ негдѣ учиться; что отцы наши и мастеры сами знаютъ, тому и насъ учатъ». А отцы и мастеры сами мало знаютъ и смысла божественнаго писанія не понимаютъ, по той же причинѣ, что учиться имъ негдѣ.

4 О училищахъ книжныхъ по всѣмъ городамъ (гл. 26). Мы, по церковному совѣту, всѣмъ соборомъ рѣшили, чтобы въ царствующемъ городѣ Москвѣ и по всѣмъ городамъ протопопы и старшіе священники со всѣми священниками и дьяконами, по благословенію своего епископа, выбрали въ каждомъ городѣ достойныхъ священниковъ и дьяконовъ, а также и дьячковъ, женатыхъ и благо-

честивыхъ, имѣющихъ страхъ Божій въ сердцѣ, могущихъ и другихъ наставить, и гораздыхъ грамотѣ читать и писать. Въ домахъ у этихъ избранныхъ священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ слѣдуетъ устроить училища, чтобы въ каждомъ городѣ священники и дьяконы и всѣ православные христіане отдавали туда дѣтей своихъ для обученія грамотѣ и письму, и церковному пѣнію псалтырному, и церковному налойному чтенію. Эти же избранные священники, дьяконы и дьячки учили бы своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ — писать, пѣть и читать, и всячески духовно наставляли бы ихъ... И учили бы они грамотѣ своихъ учениковъ какъ слѣдуетъ, сколько сами умѣютъ, и разъясняли бы имъ смыслъ писанія, ничего не скрывая, какъ Богъ далъ самимъ понимать, такъ, чтобы ученики знали всѣ книги, принятыя нашей Соборной Святой церковью, и могли послѣ и другихъ научить; пусть бы учителя учили и страху Божію, и всему душеполезному, да и читать, пѣть и писать учили бы, сколько сами умѣютъ, ничего не скрывая. Пусть учителя отъ родителей получаютъ дары и почести по заслугамъ.

5. О святыхъ иконахъ и исправленіи книгъ (гл. 27). Протопопы и старѣйшіе священники и избранные священники вмѣстѣ со всѣми священниками, въ каждомъ городѣ, по всѣмъ святымъ церквамъ должны смотрѣть за святыми иконами и священными сосудами и за всѣмъ церковнымъ порядкомъ, заботиться и о святыхъ антиминсахъ на престолахъ, о священныхъ книгахъ — о святыхъ евангеліяхъ и апостолахъ и прочихъ святыхъ книгахъ, принятыхъ Соборной Церковью. А которыя св. иконы обветшали, ихъ должны велѣть иконникамъ починить, которыя мало олифлены, тѣ велѣть покрыть олифою; какія св. книги — евангелія, апостолы, псалтыри и пр. — окажутся неисправлены и съ описками, тѣ исправлять по общему совѣту съ хорошихъ списковъ; вѣдь священныя правила запрещаютъ это и не позволяютъ ни вносить въ церковь неисправленныя книги, ни пѣть по нимъ.

6. О книжныхъ писцахъ (гл. 28). Писцамъ, которые въ разныхъ городахъ пишутъ книги, вы бы велѣли писать съ хорошихъ списковъ; а, написавъ, исправлять, тогда уже и продавать, а если какой-нибудь писецъ пишетъ книгу и продаетъ безъ исправленія, такимъ вы бы строго запрещали; да и тѣмъ, кто неисправленныя книги покупаетъ, вы бы точно такъ же строго запретили подъ страхомъ отвѣта и для

купца и для продавца. И вы у нихъ такія книги отбирайте безъ всякаго стѣсненія и, исправивъ, отдавайте въ церкви, которыя бѣдны книгами; видя такую вашу бдительность, и другіе будутъ опасаться дѣлать то же. А вы объ всемъ этомъ церковномъ порядкѣ, о честныхъ иконахъ и о святыхъ книгахъ старайтесь заботиться и исправлять все, сколько хватитъ силъ. За это получите отъ Бога великую награду, отъ благочестиваго царя похвалу и честь, и отъ насъ, смиренныхъ, соборное благословеніе, а отъ всѣхъ людей благохваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И если вы это постараетесь исправить съ благодарностью и съ сердечной охотой, то ожидайте съ радостью сугубой награды отъ Бога по слову Христову: «добрый мой рабъ, благій и вѣрный! въ маломъ ты былъ вѣренъ, надъ многими тебя поставлю, войди въ радость Господа твоего», и прочее.

7. О тафьяхъ безбожнаго Бахмета (гл. 39). Чтобы отнынѣ впредь всѣ, православные цари, и князья, и бояре, и прочіе вельможи и всѣ православные христіане, приходили въ соборныя и прочія святыя церкви ко всякому божественному пѣнію безъ тафей и безъ шапокъ и стояли на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, обнаживъ головы, согласно божественному Апостолу. А тафьи отнынѣ впредь на православныхъ христіанъ чтобы никогда не появлялись и были совсѣмъ уничтожены; ибо чуждо православнымъ носить то, что установлено безбожнымъ Махометомъ. Это священными правилами запрещается и не подобаетъ православнымъ вводить поганскіе обычаи. Въ каждой странѣ есть законы и преданія отцовъ, которые не переходятъ отъ однихъ къ другимъ, но каждый народъ держится своихъ законовъ. Мы же, православные, получивъ истинный законъ отъ Бога, осквернились беззаконіями различныхъ странъ и приняли отъ нихъ вредные обычаи; поэтому мы и угнетаемы этими странами и разоряемы вслѣдствіе нашей слабости и нашихъ обычаевъ. За такія преступленія Богъ и казнитъ насъ.

8. О тридцати двухъ царскихъ вопросахъ и соборные отвѣты по главамъ (гл. 41)

Вопросъ 15. На свадьбахъ у народа играютъ органники, и гусельники, и шуты-смѣхотворы и поютъ бѣсовскія пѣсни; а когда поѣдутъ въ церковь вѣнчаться, то священникъ ѣдетъ съ крестомъ, а впереди его рыщутъ со всѣми этими играми бѣсовскими; священники этого не возбраняютъ, а имъ слѣдуетъ это запрещать.

Вопросъ 17. Да въ нашемъ православномъ царствѣ нѣкоторые судятся не по правдѣ и, взводя поклепъ на кого нибудь, цѣлуютъ крестъ или образа святыхъ, и бьются на судебномъ поединкѣ, проливая кровь. А въ это время волхвы и кудесники бѣсовскимъ наученіемъ помогаютъ имъ волхованіемъ, смотрятъ въ Аристотелевы врата и въ Рафли[1]), гадаютъ по звѣздамъ и планетамъ, выбирая день и часъ; этими дьявольскими дѣйствіями они прельщаютъ людей и отлучаютъ ихъ отъ Бога. Надѣясь на эти чарованія, клеветникъ и ябедникъ стоитъ на своемъ, цѣлуетъ крестъ, бьется на поединкѣ и убиваетъ, напрасно оговоривъ.

Вопросъ 19 По глухимъ мѣстамъ ходятъ скоморохи большими ватагами по 60, 70 и по 100 человѣкъ; они по деревнямъ насильно заставляютъ поить и кормить себя, грабятъ имущество изъ клѣтей и по дорогамъ разбойничаютъ[2]).

Вопросъ 20. Дѣти боярскіе и боярскіе люди и всякій гулящій народъ играютъ въ зернь, пропиваются, не несутъ никакой службы и не занимаются промысломъ; отъ нихъ происходитъ всякое зло, они крадутъ, разбойничаютъ, душегубствуютъ. Надо бы искоренить это зло.

Вопросъ 21. По погостамъ, селамъ и волостямъ ходятъ лжепророки, мужчины и женщины, дѣвки и старыя бабы, нагія и босыя, съ длинными распущенными волосами, трясущіяся и съ припадками. Они говорятъ, что имъ является святая Пятница и святая Анастасія и велятъ имъ заповѣдать православнымъ, чтобы заказывали кануны. Они же запрещаютъ въ среду и въ пятницу заниматься ручной работой, а женщинамъ прясть, стирать бѣлье и разжигать камни[3])...

---

[1]) Аристотелевы Врата — ложно приписанное греческому философу средневѣковое сочиненіе. Рафли — гадательныя тетради, которыя близко напоминаютъ и сейчасъ существующій «Царь-Соломонъ».

[2]) Буйныя ватаги народныхъ увеселителей — скомороховъ приносили съ собой не только безчинство: и въ деревнѣ и на боярскомъ дворѣ, гдѣ они были нерѣдкими гостями, они являлись съ медвѣдемъ и козой или съ кукольнымъ театромъ (вродѣ того, который видѣлъ на московскихъ улицахъ Олеарій) и давали представленія; имъ же принадлежала видная роль въ сохраненіи и распространеніи сказочнаго, былиннаго и вообще пѣсеннаго богатства русской народной поэзіи.

[3]) Пятница — день смерти Спасителя — была священнымъ днемъ. Народъ вѣритъ въ особую силу двѣнадцати пятницъ въ году (Сказаніе о 12 пятницахъ относится къ числу отреченныхъ книгъ, издавна извѣстныхъ; оно до сихъ поръ ходитъ въ народѣ въ спискахъ). Подъ вліяніемъ житія св. Параскевы (по-гречески значитъ пятница) Пятницу народъ олицетворилъ въ видѣ женщины, которая ходитъ по деревнямъ и слѣдитъ, чтобы бабы не работали, когда не полагается. Подобному олицетворенію подверглось воскресенье или недѣля («св. Недѣлька»), которая здѣсь названа греческимъ именемъ Анастасіи.

Вопросъ 22. Вотъ злыя ереси, которыя знаютъ и которыхъ держатся нѣкоторые: Рафли, Шестокрылъ, Вороноградй, Остромомій, Зодій, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотелевы врата и другія составы и мудрости еретическія и бѣсовскія чары; эти обольщенія отлучаютъ отъ Бога, и многія люди, вѣруя въ нихъ, отдѣляются отъ Бога и погибаютъ[1]).

Вопросъ 23. По селамъ и по погостамъ въ Троицкую субботу мужчины и женщины сходятся на кладбищахъ и плачутъ на могилахъ съ великимъ крикомъ. И когда заиграютъ скоморохи и гудочники, они перестаютъ плакать и начинаютъ скакать и плясать, и въ ладоши бить, и пѣть сатанинскія пѣсни; здѣсь же на кладбищахъ бываютъ разные обманщики и мошенники[2]).

Вопросъ 24. На Ивановъ день бываютъ русаліи, и наканунѣ Рождества и Крещенья сходятся мужчины и женщины и дѣвицы ночью на крикъ и безчинный шумъ, на бѣсовскія пѣсни и пляски и скаканіе — богомерзкое дѣло[3]).

Вопросъ 25. А на Пасхѣ окличка на Радоницѣ (бываетъ) и вьюнецъ и въ это время всяческое бѣснованіе[4]).

Вопросъ 26. А въ великій четвергъ рано утромъ жгутъ солому и кличутъ покойниковъ. Нѣкоторые же попы-невѣжды въ великій четвергъ кладутъ соль подъ престолъ и держатъ до седьмого четверга послѣ Пасхи, а потомъ раздаютъ эту соль лѣчить людей и скотину[5]).

---

[1]) Здѣсь перемѣшаны заглавія отреченныхъ книгъ и примѣты (воронограй). Шестокрылъ — хронологическія еврейскія таблицы, которыя были въ ходу у секты жидовствующихъ въ XV в. Подъ «остромоміемъ» разумѣются книги, въ которыхъ астрономическія свѣдѣнія были примѣняемы къ гаданію; сюда относится и «Зодій» или «сказаніе о двоюнадесяти Зодіяхъ» т.-е. знакахъ Зодіака, и «Альманахъ», — календарь съ предсказаніями. Астрономическія книги стали проникать къ намъ съ Запада именно въ XVI в.

[2]) Въ подлинникѣ мѣсто сборища обозначено словомъ «жальникъ». Жальниками собств. назывались лѣсныя могилы, гдѣ хоронили всѣхъ, кто лишался церковнаго погребенія; здѣсь повидимому означаетъ вообще кладбище. Въ народномъ обрядѣ поминовенія умершихъ, какъ видно отсюда, сохранились слѣды языческой тризны, въ которую входили игры и пѣсни.

[3]) Русаліями называлась посвященная русалкамъ недѣля передъ Троицынымъ днемъ (въ нее входилъ «Семикъ»), но здѣсь этимъ словомъ обозначены старые народные обряды съ пѣснями, совершавшіеся и наканунѣ Иванова дня (24 іюня) или Ивана Купалы, и на святкахъ — колядованье.

[4]) Здѣсь указаны весенніе игры и обряды, справлявшіеся около Пасхи. Окликали весну, на Радоницу (вторникъ Ѳоминой недѣли) поминали покойниковъ, Вьюнецъ — хороводный обрядъ на Святой недѣлѣ.

[5]) Отсюда видно, что и духовенство дѣлило съ народомъ полуязыческое отношеніе къ религіи; кромѣ указаннаго здѣсь, Стоглавъ говоритъ, что священники писали на яблокахъ какіе-то заговоры отъ лихорадки и давали ѣсть.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходятъ въ рощи и въ Наливки забавляются бѣсовскими потѣхами[1]).

---

16. Домострой[2]).

Домострой, приписываемый обыкновенно извѣстному совѣтнику Ивана Грознаго, протопопу Сильвестру, принадлежитъ, вмѣстѣ съ Стоглавомъ, къ цѣлому ряду памятниковъ XVI вѣка, въ которыхъ выразились консервативныя стремленія древне-русской жизни, складывавшейся вѣками. Объединившись къ этому времени въ крупное національное государство, Москва почувствовала потребность собрать и формулировать въ опредѣленномъ, связномъ видѣ главныя основы исконнаго міросозерцанія; къ этому побуждало и то, что вся «старина и отчина» въ быте, нравахъ и воззрѣніяхъ начала шататься подъ вліяніемъ усилившихся сношеній съ Западной Европой и, не менѣе, по внутреннимъ причинамъ. Полное отсутствіе науки и сколько нибудь-правильной образованности, старинная грубость нравовъ и, въ качествѣ единственнаго духовнаго начала, религіи до значительной степени выродившаяся, благодаря невѣжеству, въ суевѣріе или въ формальный обрядъ, — все это должно было съ теченіемъ времени сказываться все сильнѣе и рѣзче; устои жизни общества переставали отвѣчать его потребностямъ, и русская жизнь нуждалась въ обновленіи. Новые, иноземные обычаи и западныя астрологическія книжки смущали отцовъ Стоглаваго Собора (какъ можно видѣть изъ разныхъ мѣстъ приведеннаго выше текста), и они выразили опредѣленную мысль, что обычаи и преданія старины должны храниться свято въ каждой странѣ и не переходить отъ одного народа къ другому. То же самое говоритъ въ началѣ XVI в. бояринъ Берсень-Беклемишевъ Максиму Греку, прибавляя, что та земля, которая «переставливаетъ» свои обычаи, недолго стоитъ. Самъ Максимъ, несмотря на то, что получилъ западное образованіе и ясно видѣлъ глубину московскаго невѣжества, со страхомъ и скорбію смотрѣлъ на растущій интересъ ко всему западному и нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ выяснялъ душевредность «латинскихъ» ученій и взглядовъ. Многіе тогда вмѣстѣ съ нимъ боялись, не наступаютъ ли уже страшныя, послѣднія времена міра; православная старина не выдержитъ напора вредныхъ новшествъ, и погибнетъ Москва, единственный и послѣдній оплотъ истиннаго христіанства: Римъ впалъ въ ересь, второй Римъ — Византія въ рукахъ невѣрныхъ басурманъ (съ 1453 года), остался третій Римъ — Москва. «А четвертому не бывать», убѣжденно писали тогда. Максимъ Грекъ выражалъ мнѣніе всѣхъ защитниковъ старины, когда рисовалъ Московское царство въ образѣ вдовы, сидящей на распутіи въ пустынѣ и окруженной хищными звѣрями.

Питомцы старой Руси искренно задумывались надъ положеніемъ вещей, многіе ясно видѣли, что падаетъ благочестіе, нравственность, во всѣхъ областяхъ жизни укореняются многія нестроенія. Вся ихъ

---

[1]) Подъ «Наливками», можетъ-быть, разумѣется урочище въ Москвѣ за Москвой-рѣкой, гдѣ и сейчасъ есть церковь Спаса на Наливкахъ.

[2]) Начиная съ Домостроя, памятники даются въ подлинныхъ текстахъ, безъ переводовъ.

жизнь утверждалась на вѣрѣ въ спасительность старыхъ обычаевъ отцовъ и во всѣхъ своихъ крупныхъ и мелкихъ явленіяхъ была поставлена въ связь съ религіей и нравственностью. Имъ казалось, что всякое измѣненіе этой жизни, даже внѣшнее и неважное, неизбѣжно потрясаетъ основы ихъ міровоззрѣнія, — да это такъ и было. Поэтому всякая новизна колола имъ глаза; не умѣя и боясь разсуждать и разбираться въ новомъ, они видѣли единственное спасеніе въ полномъ отказѣ отъ всякихъ перемѣнъ и съ вѣрой и надеждой обращались къ прошлому, гдѣ не было, думали они, ничего смущающаго, а все было ясно и свято. Стремясь еще тѣснѣе связать жизнь неподвижными рамками старины и наложить религіозный запретъ на всякія перемѣны, защитники преданія и обряда только приближали развязку: настолько рѣзко подчеркивалось при этомъ противорѣчіе ихъ идеала новымъ требованіямъ жизни.

Домострой, какъ и Стоглавъ, свидѣтельствуютъ о полномъ неумѣньи стоявшихъ на виду дѣятелей XVI вѣка понять причины упадка русской жизни и содѣйствовать ея поднятію. Авторъ Домостроя рисуетъ, отчасти какъ священную традицію, отчасти какъ идеалъ, такой укладъ семейной, домашней жизни, гдѣ обрядъ и обычай играютъ главенствующую роль, а духовная сторона жизни — второстепенную; гдѣ на правахъ и понятіяхъ осѣлъ для всѣхъ привычный и никого не безпокоящій густой слой грубости и небрезгливости; гдѣ даже на добрыхъ и гуманныхъ движеніяхъ сердца лежитъ печать невысокой нравственной пробы; гдѣ, наконецъ, все замкнуто, все предугадано, и предуставлено, все неизмѣнно и неизмѣнимо; гдѣ нѣтъ мѣста просвѣщенію, знанію, разуму, свободѣ мнѣнія, личности. — Для характеристики древне-русской жизни Домострой даетъ богатый и драгоцѣнный матеріалъ.

Домострой явственно раздѣляется на три части. Первая, содержащая церковныя, религіозныя наставленія, взята во многомъ изъ обильнаго запаса старой поучительной литературы и часто повторяетъ чуть не буквально мѣста изъ отдѣльныхъ ея памятниковъ. Это въ меньшей степени относится къ второй части, говорящей «о мірскомъ строеніи», то-есть о семейныхъ порядкахъ и отношеніяхъ, и къ третьей, — посвященной хозяйственнымъ наставленіямъ, «домовному строенію». Бытовыя подробности второй и третьей части рисуютъ передъ нами жизнь зажиточной, даже богатой семьи, боярской или купеческой, причемъ есть черты, характеризующія скорѣе новгородскій, чѣмъ московскій бытъ. Есть предположенія, что основа Домостроя сложилась въ Новгородѣ, и Сильвестру принадлежитъ лишь составленіе изъ имѣвшихся матеріаловъ сборнаго цѣлаго, причемъ онъ лично приписалъ послѣднюю, 64-ю главу, въ формѣ прямого обращенія къ сыну своему Анфиму и его женѣ Пелагеѣ. Въ московской редакціи были сглажены нѣкоторыя новгородскія бытовыя черты, и весь текстъ приноровленъ къ московскимъ порядкамъ; даже, какъ думаютъ, самыя нравственныя воззрѣнія Домостроя пріобрѣли подъ перомъ москвича больше гибкости и практическаго оттѣнка «житейской мудрости».

1. Наказаніе отъ отца къ сыну (гл. 1). Благословляю азъ грѣшный, имя рекъ[1]), и поучаю, и нака-

[1]) Домострой часто переписывался для потребностей отдѣльныхъ лицъ, они и могли вписать нужныя имъ имена сюда, вмѣсто этого «имя рекъ».

зую, и вразумляю сына своего, имя рекъ, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцевъ: быти во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти и правдѣ; съ вѣрою творяще волю Божію и храняще заповѣди Его; себе утверждающе во всякомъ страсѣ Божіи и въ законномъ жительствѣ; и жену поучающе, тако же и домочадцевъ своихъ наказующе: не нужею, ни ранами, ни работою тяжкою; имѣюще яко дѣти, во всякомъ покоѣ: сыты и одѣты, и въ тепломъ храмѣ, и во всякомъ устроѣ. И вдаю вамъ христіанскому жительству писаніе се на память и вразумленіе: вамъ и чадамъ вашимъ. Аще сего моего писанія не внемлете и наказанія не послушаете, и по тому не учнете жити, и не тако творити, яко же есть писано, — сами себѣ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда; и азъ вашимъ винамъ и грѣху не причастенъ: кромѣ моея души; азъ о семъ, о всякомъ благочиніи благословилъ, и плакалъ, и молилъ, и поучалъ, и писаніе предлагалъ вамъ; и аще восприимите сіе мое худое ученіе и грубое наказаніе со всею чистотою душевною, и прочитая, прося у Бога помощи и разума, по елику возможно, какъ Богъ вразумитъ васъ, и начнете дѣломъ творити вся си: будетъ на васъ милость Божія и Пречистыя Богородицы, и великихъ чудотворцевъ, и наше благословеніе, отнынѣ и до вѣка; и домъ вашъ, и чада ваша, и стяжаніе ваше, и обиліе ваше, что вамъ Богъ подаровалъ отъ нашего благословенія и отъ своихъ трудовъ: да будетъ благословенно, исполнено всякихъ благъ, во вѣки. аминь.

2. Како царя и князя чтити (гл. 7). Царя бойся и служи ему вѣрою и всегда о немъ Бога моли и ложно отнюдь не глаголи предъ нимъ; но съ покореніемъ истину отвѣчай ему, яко самому Богу, и во всемъ повинуйся ему. Аще земному царю правдою служивши и боишися его, тако научишися и Небеснаго Царя боятися: сей временень, а Небесный вѣченъ и судія нелицемѣренъ: воздастъ комуждо по дѣломъ его. Тако же и княземъ покоряйтеся, и должную ему честь воздавай, яко отъ него посланомъ во отмщеніе злодѣемъ, въ похвалу же добродѣемъ. Князю своему пріяйте всѣмъ сердцемъ и властелемъ своимъ, не мыслите на ня зла. Глаголетъ бо Павелъ Апостолъ: вся владычества отъ Бога учинена суть: да еще кто противится властелемъ, то Божію повелѣнію противится. А царю и князю и всякому вельможѣ не тщися служить лжею, и клеветою, и лукавствомъ: погубитъ Господь вся глаголящая лжу, а шепотники и клеветники отъ народа прокляти суть. Старѣйшимъ себѣ честь воздавай

и поклоненіе твори; среднихъ яко братію почитай; маломожныхъ и скорбныхъ любовію привѣчай; юнѣйшихъ яко чада люби; всякому созданію Божію не лихъ буди; славы земныя ни въ чемъ не желай; вѣчныхъ благъ проси у Бога; всякую скорбь и тѣсноту съ благодареніемъ терпи; обидимъ, не мсти; хулимъ, моли; зла за зло не воздавай; согрѣшающая не осуждай; воспомяни свои грѣхи: о тѣхъ крѣпко пекися; злыхъ мужей совѣту отвращайся; буди ревнитель правожительствующимъ, и тѣхъ дѣланія написуй въ сердцѣ своемъ, и самъ тако же твори.

3. Како домъ свой украсити святыми образы, и домъ чистъ имѣти (гл. 8). Въ дому своемъ, всякому христіанину, во всякой храминѣ, святые и честные образы, написаны на иконахъ по существу, ставити на стѣнахъ, устроивъ благолѣпно мѣсто, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣщи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословіи Божіи: и по отпѣтіи погашаютъ: завѣсою закрываются, всякія ради нечистоты, и отъ пыли: благочинія ради и бреженія; а всегда чистымъ крылышкомъ ометати, и мягкою губою вытирати ихъ, и храмъ тотъ чистъ держати всегда; а къ святымъ образомъ касатися достойнымъ, въ чистѣй совѣсти; и на славословіи Божіи, и на святомъ пѣніи, и молитвѣ свѣчи вжигати, и кадити благовоннымъ ладономъ и ѳиміамомъ; а образы святые поставляются иже въ началѣ, по чину, свято почитаеми суть, имены прежереченными; въ молитвахъ и во бдѣніяхъ, и во поклонѣхъ, и во всякомъ славословіи Божіи, всегда почитати ихъ; со слезами, и съ рыданіемъ, и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдаяся, просяще отпущенія грѣхомъ.

4. Како мужу съ женою и домочадцы въ дому своемъ молитися (гл. 12). По вся дни, въ вечерѣ, мужу съ женою, и съ дѣтьми и съ домочадцы, кто умѣетъ грамотѣ, отпѣти вечерня, павечерница, полунощница, съ молчаніемъ и со вниманіемъ, и съ кроткостояніемъ, и съ молитвою и съ поклоны. Пѣти внятно и единогласно. Послѣ правила отнюдь ни пити, ни ѣсти, ни молвы творити, всегда; всему тому наукъ. А ложася спати всякому христіанину по три поклона въ землю предъ Богомъ положити. А въ полунощи всегда, тайно вставъ, со слезами прилежно къ Богу молитися, елико вмѣстимо, о своемъ согрѣшеніи; а утрѣ возставая, такоже, комуждо по силѣ и по желанію.

5. Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи (гл. 15). А пошлетъ Богъ у кого дѣти, сынове или дщери: ино имѣти попеченіе отцу и матери о чадѣхъ своихъ: снабдити ихъ, и воспитати въ добрѣ наказаніи, и учити страху Божію и вѣжеству и всякому благочинію; и, по времени и дѣтямъ смотря и по возрасту, учити рукодѣлію: матери дщери, а отцу сынове, кто чего достоинъ, каковъ кому просугъ Богъ дастъ: любити ихъ и беречи и страхомъ спасати. Уча и наказуя и разсуждая, раны возлагати: наказуй дѣти въ юности, покоитъ тя на старость твою; и хранити и блюсти о чистотѣ тѣлеснѣй и отъ всякаго грѣха отцемъ чадъ своихъ, яко же зѣницу ока и яко своя душа. Аще что дѣти согрѣшаютъ отцовымъ и матернымъ небреженіемъ, имъ о тѣхъ грѣсѣхъ отвѣтъ дати въ день страшнаго суда. А дѣти, аще небрегомы будутъ, въ ненаказаніи отцовъ и матерей, аще что согрѣшатъ, или что зло сотворятъ, и отцемъ и матеремъ, съ дѣтьми, отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а дому тщета, а себѣ скорбь и убытокъ, а отъ судей продажа и соромота. Аще у богобоязнивыхъ родителей, и у разумныхъ и благоразсудныхъ, чада воспитани въ страсѣ Божіи, и въ добрѣ наказаніи, и въ благоразсудномъ ученіи, всякому разуму и вѣжеству и промыслу и рукодѣлію, и тѣ чада съ родители своими бываютъ отъ Бога помиловани, а отъ священнаго чину благословенны, а отъ добрыхъ людей хвалимы; а егда будутъ въ совершенѣ возрастѣ, добрые люди, съ радостію и съ благодареніемъ, женятъ сыновей своихъ по своей верстѣ, по суду Божію: а дщери, за ихъ дѣти, замужъ выдаютъ. И аще отъ таковыхъ которое чадо Богъ возьметъ, въ покаяніи и съ причастіемъ, то отъ родителю безскверная жертва къ Богу приносится, и въ вѣчныя кровы вселяются; а имѣютъ дерзновеніе у Бога милости просити и оставленія грѣхъ и о родителѣхъ своихъ.

6. Како дѣти учити и страхомъ спасати (гл. 17). Казни сына своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту душѣ твоей. И не ослабляй, бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравѣе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Любя же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися. Казни сына своего измлада и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твои. Воспитай дѣтище

съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко оскомины сотвориши душѣ твоей. И не дажь ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растетъ, а, ожесточавъ, не повиненъ ти ся; и будетъ ти досаженіе, и болѣзнь душѣ, и тщета домови, погибель имѣнію, и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платежъ и досада зла.

7. Како дѣтемъ отца и мати любити и беречи и повиноватися имъ, и покоити ихъ во всемъ (гл. 18). Чада, послушайте заповѣди Господни: любите отца своего и матерь свою, и послушайте ихъ, и повинуйтеся имъ, по Бозѣ, во всемъ; и старость ихъ чтите; и немощь ихъ, и скорбь всякую, отъ всея душа, понесите на своей выи... Аще ли кто злословитъ, или оскорбляетъ родителя своя, или клянетъ или лаетъ; сій предъ Богомъ грѣшенъ, отъ народу проклятъ. Аще кто біетъ отца и матерь, отъ церкви, и отъ всякія святыни да отлучится, и лютою смертію и градцкою казнью да умретъ. Писано бо есть: «отча клятва изсушитъ, а матерня искоренитъ». Сынъ и дщерь не послушливы отцу или матери, въ пагубу имъ будетъ; и не поживутъ дней своихъ, иже прогнѣваютъ отца и досажаютъ матери... Вы же, чада, дѣломъ и словомъ угожайте родителемъ своимъ во всякомъ блазѣ совѣтѣ, да благословени будете отъ нихъ. Отчее благословеніе домъ утвердитъ, и матерня молитва отъ напасти избавитъ. Аще ли оскудѣютъ разумомъ въ старости отецъ или мать, не безчествуйте ихъ, ни укоряйте, да отъ своихъ чадъ почтени будете. Не забывайте труда матерня и отцова, яже о васъ болѣзноваша и печални быша; покойте старость ихъ, и о нихъ болѣзнуйте, якоже они о васъ. Не глаголи: много сотворихъ имъ добра одѣяніемъ и пищею и всякими потребами; бо не си свободи симъ; не можеши бо ею родити, и тако ею болѣти, яко она о тебѣ. Тѣмъ же со страхомъ, раболѣпно, служити имъ, да и сами отъ Бога мзду пріимете, и жизнь вѣчную наслѣдите, яко совершители заповѣди Его.

8. Како врачеватися христіяномъ отъ болѣзни и отъ всякихъ скорбей (гл. 23). Аще Богъ пошлетъ на кого болѣзнь или какую скорбь, ино врачеватися Божію милостію, да слезами, да молитвою, да постомъ, да милостынею къ нищимъ, да истиннымъ покаяніемъ. Да благодареніе и прощеніе, и милосердіе, и нелице-

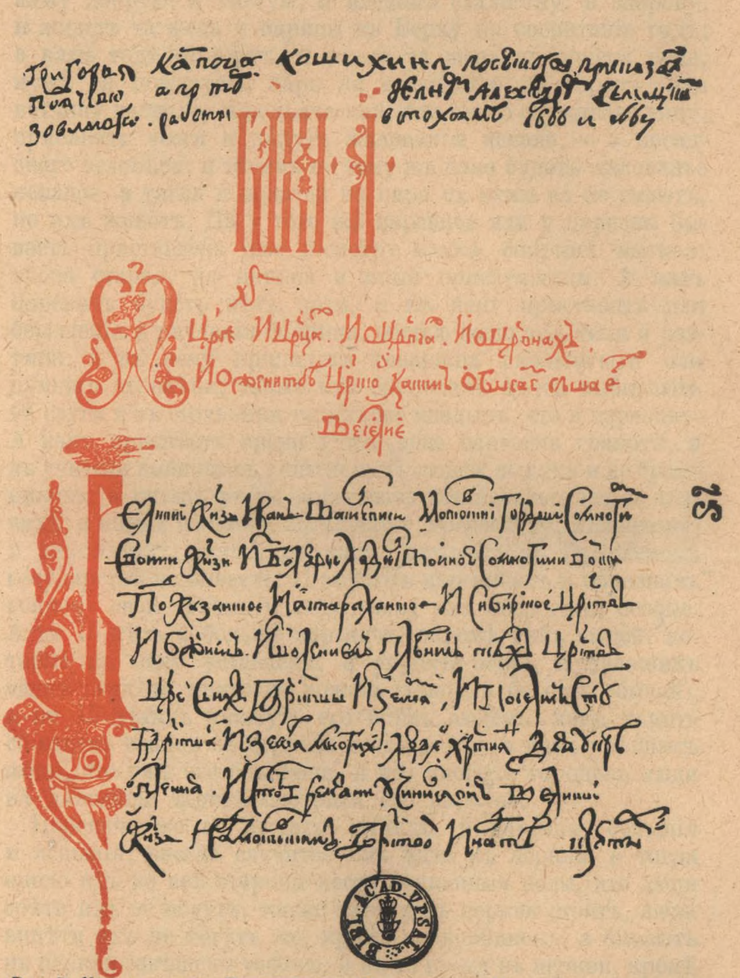


Рис. 8. Начало сочин. Котошихина. (По рукописи Упсальскаго университета. Текстъ написанъ самимъ авторомъ, но верхняя надпись сдѣлана, какъ полагаютъ, шведскимъ лингвистомъ Спарвенфельдтомъ). Образчикъ тщательной скорописи.

мѣрная любовь ко всякому. Да отцовъ духовныхъ подвизати на моленіе Богу; и молебны пѣти, и вода святити съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей, и съ чудотворныхъ образовъ, и масломъ священтися; да и по чудотворнымъ и по святымъ мѣстамъ обѣщеватися, и приходяще молитися со всякою чистою совѣстію; тѣмъ цѣльба всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога получити; да и отъ всякихъ грѣховъ удалитися, и впредь никакого зла не творити, а отцовъ духовныхъ заповѣди хранити и епитемьи исправляти: тѣмъ очиститися отъ грѣха, и душевная и тѣлесная болѣзнь исцѣлити, и Бога милостива сотворити... А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божія не имѣетъ и воли Божіи не творитъ, и закону христіанскаго и отеческаго преданія не хранитъ, о церкви Божія и о церковномъ пѣніи, и о келейномъ правилѣ, и о молитвѣ, и о всякомъ славословіи Божіи не радитъ; ѣстъ и піетъ безъ воздержанія, и во объяденіе и въ піянство, и не въ подобно время, и законнаго жительства не хранитъ;... и всяко скаредіе творятъ, и всякія богомерзкія дѣла;... пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди, и птицы, и собаки ловчія; творящая конская уристанія, всяко бѣсовское угодіе, и всякое безчиніе и безстрашіе; къ сему жъ чарованіе и волхованіе: и наузы, Звѣздочетье, Рафли, Альманахи, чернокнижье, воронограй, Шестокрылъ; стрѣлки громныя, топорки, усовники, дна каменія, кости волшебныя, и иныя всякія козни бѣсовскія; или кто чародѣйствомъ и зеліемъ, и кореніемъ, и травами на смерть и или на потворство окормляетъ, или бѣсовскими словами и мечтаньми и кудесомъ чаруетъ на всякое зло.

9. Како поучати мужу своя жена (гл. 29). Подобаетъ поучити мужемъ женъ своихъ съ любовію и благоразсуднымъ наказаніемъ; жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како душа спасти, Богу и мужу угодити; и домъ свой добрѣ строити; и во всемъ ему покорятися; и что мужъ накажетъ, то съ любовію пріимати и со страхомъ внимати, и творити по его наказанію. Первѣе: имѣти страхъ Божій, и тѣлесная чистота, якоже впереди указано бысть. Возставъ отъ ложа своего и молебная совершивъ, женамъ и дѣвкамъ и слугамъ дѣло указати дневное всякому рукодѣлію, и что работы: дневная ѣства варити, и которые хлѣбы печи: ситные и рѣшетные; и сама бы знала, какъ мука сѣяти, какъ квашня притворяти и замѣсити, и хлѣбы валяти и печи... а колачи и пироги тако же, и колько

ѿ превышнѣмъ пребезначалнѣ
бжтвенѣ и жизноначалнѣ сѫще
стѣ. пребезначалына бга ѡца.
и собезначална единородна слова
сна бжiа. i присносѫщна прета и
животворѧщадха. ѿ троиче
свѣ и о единствѣ вѣрующи убо
и почитающи кои исправлению iсти
нѣ. невѣрующим i непослушаю

Рис. 7. Сборникъ половины XVII в. (Образецъ поздняго письма, заставки „травами“ и вязи; вязью написаны слова: „Слово пребольшее начинаемъ“).

муки возьмутъ, и колько испекутъ. И колько чего родится изъ четверти, или изъ осьмины, или изъ рѣшета, и колько высѣвковъ и колько испекутъ, — мѣра знати во всемъ; а ѣству мясную и рыбную, и всякіе пироги, и всякіе блины, и всякія каши, и кисели и всякіе приспѣхи печи и варити, все бы сама государыня умѣла; ино умѣетъ и слугъ научити, и все сама знаетъ.

10. По вся дни женѣ съ мужемъ о всемъ спрашиватися и совѣтовати о всемъ (гл. 34). А по вся бы дни у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и воспоминала, что надобѣть. А въ гости ходити, и къ себѣ звати: ссылаться, съ кѣмъ велитъ мужъ; а гостьѣ коли лучится, или самой гдѣ быти за столомъ сѣсти, лучшее платье перемѣнити; отнюдь беречися женѣ отъ пьянаго питія; пьяный мужъ дурно, а жена пьяна въ міру не пригоже. А съ гостями бесѣдовати о рукодѣльѣ и о домашномъ строеніи: какъ порядня вести, и какое рукодѣльицѣ дѣлати... Или у себя въ подворьѣ у которой гостьи услышатъ добрую пословицу: какъ добрыя жены живутъ, и какъ порядню ведутъ, и какъ домъ строятъ, и какъ дѣти и служокъ учатъ, и какъ мужей своихъ слушаютъ, и какъ съ ними спрашиваются, и какъ повинуются имъ во всемъ: и то въ себѣ внимати; а чего добраго не знаетъ, ино спрашиватися вѣжливо.. Съ таким-то добрыми женами пригоже сходитися; ни ѣствы, ни питія для, добрыя ради бесѣды и науку для; да внимать-то въ прокъ себѣ: а не пересмѣхатися, и ни о комъ не переговаривати, и спросятъ о чемъ про кого иногда, и учнутъ ума пытати: ино отвѣщати: «Не вѣдаю азъ ничего того, и не слыхала, и не знаю; и сама о ненадобномъ не спрашиваю; ни о княгиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сусѣдахъ не пересужаю».

11. Како слугъ наказывати (гл. 35). А слугъ своихъ заповѣдывай о людѣхъ не переговаривати; и гдѣ въ людѣхъ были, и что видѣли недоброе, — то дома не сказывали бы; а что дома дѣется, того бы въ людѣхъ не сказывали: о чемъ послано, то и памятуй; и о иномъ о чемъ учнутъ спрашивати, того не отвѣчай, и не вѣдай, и не знай того; борзѣе отдѣлавшися, да домой ходи, да то государю скажи, о чемъ посланъ, а иныхъ вѣстей не принеси, что не приказано; ино промежъ государей никакой ссоры, ни остуды не будетъ.. А пошлешь куда служку, или сына, и что накажешь говорити, или что сдѣлати, или что купить, — и

ты вороти, да спроси ему: что ты ему наказалъ? что ему говорити, или что ему сдѣлать, или что ему купити? — И только, по твоему наказу, тебѣ все изговорить, ино добро! А пошлешь со слугою кому ѣству или питье, или что ни буди, да, воротивъ, спроси его: куда несетъ? — Только какъ скажетъ, какъ наказано, то добро! А посылати питіе вполнѣ, а ѣству цѣлу: ино солгать не умѣть! А товаръ посылай смѣтивъ или смѣрявъ, а деньги счетши, а что вѣсовое, свѣсивъ; а всего лучше замечатавъ: ино безгрѣшно! Да о томъ наказывати: что съ нимъ послано, безъ государя отдать ли, или домовь отнести... А куда пошлютъ слугу въ добрые люди, у воротъ легонько поколотить; а по двору идешь, и кто спроситъ: «Какимъ дѣломъ идешь?» — Ино того не сказывати, а отвѣчать: «Не къ тебѣ азъ посланъ: къ кому азъ посланъ, съ тѣмъ-то и говорить». А у сѣней, или у избы, или у кельи, и ноги грязныя отерти, носъ высморкати да выкашлятися, да искусно молитва сотворити; а только «аминя» не отдадутъ[1]), ино въ другое и въ третіе молитва сотворити, побольше перваго; а отвѣта не отдадутъ, ино легонько потолкатися; и, какъ впустятъ, и вшедъ святымъ иконамъ поклоняться и отъ государя челобитье и посылка править; ино въ ту пору носа не копать перстомъ, ни кашлять, ни сморкать, ни харкати, ни плевати; аще ли нужно, отшедъ на сторону, устроиться; вѣжливенько стоять и на сторону не смотрить, да что наказано, то исправить; а о иномъ ни о чемъ не бесѣдовать, да борзѣе къ себѣ пойти, да тотъ отвѣтъ государю сказать, о чемъ посыланъ. А гдѣ лучится быти у кого въ подворьѣ, или въ кельѣ, при государѣ или безъ государя[1]), — никакой вещи, ни доброй, ни худой, ни дорогой, ни дешевой, ни ворошити, ни смотрѣти безъ прошенія; ни съ мѣста на мѣсто ни переложити безъ повелѣнія; и съ собою возьмя, ничего не вынести безъ благословенія; а ѣствы и питія также не покушати, чего не велѣно: то татство и лакомство; кто на то дерзаетъ безъ благословенія и безъ велѣнія, тому ни въ чемъ не вѣрити, и заочи его никуда не пошлютъ, по Евангелію: вмалѣ бѣ вѣренъ, надъ многими тя поставлю.

---

[1]) По старинному обычаю, до сихъ поръ встрѣчающемуся въ монастыряхъ, передъ тѣмъ, какъ войти въ комнату, стучали и говорили краткую молитву, напр. «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Раздававшійся изъ комнаты «аминь» служилъ разрѣшеніемъ войти.

[2]) Слово «государь» здѣсь обыкновенно значитъ «господинъ» или «хозяинъ».

12. Како избная порядня устроити хорошо и чисто (гл. 38). Ино то, у добрыхъ людей, у порядливой жены, всегда домъ чистъ и устроенъ; все по чину и упрятано, гдѣ что пригоже, и причищено и приметено; всегда въ устрои; какъ въ рай войти! Всего того и всякой порядни жена смотрила и учила бъ слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ; не иметъ слово, ино ударить. И увидить мужъ что не порядливо у жены и у слугъ, или не потому о всемъ, что въ сей памяти писано, — ино бы умѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ, и учити. Аще внимаетъ, и по тому все творитъ, и любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ, и такъ того всего не творитъ, и сама того не знаетъ, и слугъ не учитъ — ино достоитъ мужу жена своя наказывати и пользовати страхомъ наединѣ; и понаказавъ и пожаловати, и примолвити; и любовію наказывати, и разсуждати. А мужу на жену не гнѣватися, а женѣ на мужа: всегда жити въ чистосердіи. И слуги и дѣти тако же, посмотря по винѣ и по дѣлу, наказывати, и раны возлагати; да наказавъ пожаловати; а государынѣ за слугъ печаловатися[1]), по разсужденію: ино служкамъ надежно. А только жены, или сына или дщери, слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ, и не внимаетъ, и не боится, и не творитъ того, какъ мужъ или отецъ, или мати учитъ, — ино плетью постегать, по винѣ смотря; а побить не предъ людьми, наединѣ: поучити да примолвити и пожаловати: а никако же не гнѣватися ни женѣ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по видѣнью, не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ; ни посохомъ не колоть; ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многи притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнуть, и перстъ; и главоболіе, и зубная болѣзнь..., а плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно и больно, и страшно и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное ослушаніе, и небреженіе, — ино плеткою вѣжливенько побить, за руки держа; по винѣ смотря: да поучивъ, примолвити: а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была.

13. Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну (гл. 64).

[1]) Заступаться, ходатайствовать передъ домовладыкой.

Благословеніе отъ Благовѣщенскаго попа Селивестра возлюбленному моему, единородному сыну Анфиму.

Милое мое чадо, дорогое! Послушай отца своего наказаніе, рождьшаго тя, и воспитавшаго въ добрѣ наказаніи и въ заповѣдяхъ Господнихъ; и страху Божію и Божественному писанію изучену, и всякому закону христіанскому; и промыслу доброму во всѣхъ торговлѣхъ и во всякихъ товарѣхъ наказану; и святительское благословеніе на себѣ имѣешь, и Царское Государево жалованіе, и Государыни Царицы, и братіи его, и всѣхъ бояръ; и съ добрыми людьми водишься; и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть; все еси доброе получилъ, и умѣй совершить о Бозѣ яко же начато при нашемъ попеченіи, и по насъ тако же бы Богъ соблюдалъ по тому жити...

Видѣлъ еси, чадо: како въ житіи семъ жихомъ, во всякомъ благоговѣніи и страсѣ Божіи, и въ простотѣ сердца и церковномъ прилежаніи со страхомъ, и Божественнымъ писаніемъ пользуючися всегда, и како былъ, Божіею милостію отъ всѣхъ почитаемъ, и всѣмъ любимъ, и всякому, и въ потребныхъ, упоровилъ; и рукодѣліемъ и службою и покореніемъ, а не гордынею, ни прекословіемъ; не осужахъ никого, не просмѣивалъ, не укаривалъ никого, не бранивался ни съ кѣмъ; и пришла отъ кого обида, и мы, Бога ради, терпѣли и на себя вину полагали и тѣмъ враги други быша... Вспоминахъ Евангельское слово: любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, благословите клянущія вы, молитесь за творящія вамъ пакости, изгоняющая вы; біющему тя въ ланиту, обрати ему и другую, и отъ взимающаго ти ризу, и срачицу не возбрани; и всякому просящему у тебя дай; отъ взимающаго твое не истязуй; аще кто тя поиметъ поприще едино, иди съ нимъ и двѣ... Тѣмъ всегда утѣшахъ себе.

Не погрѣшихъ никогда же церковнаго пѣнія, отъ юности своея и до сего времени, кромѣ немощи.

Ни нища, ни странна, ни убога, ни скорбна, ни печальна, никогда же презрѣхъ, кромѣ невидѣнія.

И въ темницахъ больна и плѣнена, и изъ работы должна, и во всякихъ нужахъ, по силѣ окупивъ, и гладныхъ по силѣ кормихъ.

Работныхъ своихъ всѣхъ свободихъ и надѣлихъ; и ины окупихъ изъ работы, и на свободу попущахъ. И всѣ тѣ работные наши свободны, и добрыми домами живутъ, яко же

видиши, и молятъ за ны Бога, и доброхотаютъ намъ всегда, а кто забылъ насъ, Богъ его проститъ во всемъ. А нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей воли.

Видѣлъ еси, чадо мое: многихъ пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ, мужеска полу и женска, и въ Новѣгородѣ, и здѣ на Москвѣ вскормихъ и вспоихъ до совершена возраста; изучихъ, кто чего достоинъ: многихъ грамотѣ, и писати и пѣти, иныхъ иконнаго письма, инѣхъ книжнаго рукодѣлія, овѣхъ серебрянова мастерства и иныхъ всякихъ многихъ рукодѣлій, а иныхъ всякими многими торговли изучихъ торговать. А мати твоя многія дѣвицы и вдовы пустошныя и убогія воспитала въ добрѣ наказаніи, изучила рукодѣлію, и всякому домашнему обиходу, и надѣливъ, замужъ давала: а мужескій полъ поженили у добрыхъ людей. И всѣ тѣ, далъ Богъ, свободны: своими добрыми домами живутъ; многи во священническомъ и во дьяконскомъ чину, и во дьяцѣхъ и въ подъячихъ, и во всякихъ чинѣхъ; кто чево дородился, и въ чемъ кому благоволилъ Богъ быти. Овіи рукодѣльничаютъ всякими промыслы; а многіе торгуютъ въ лавкахъ, мнози и гостьбы дѣютъ въ различныхъ земляхъ всякими торговлями. А Божіею милостію во всѣхъ тѣхъ нашихъ скормленницѣхъ и послуживцѣхъ, ни соромота, ни убытокъ, никакая продажа отъ людей, ни людемъ отъ насъ, ни тяжа ни съ кѣмъ не бывала; во всемъ Богъ соблюлъ по ся мѣста; а отъ кого намъ, отъ своихъ скормленниковъ, досада и убытки многи и велики бывали, ино то все на себѣ понесено, нихто того не слыхалъ, а намъ то Богъ исполнилъ.

И ты, чадо, тому же ревнуй, и тако твори; на себѣ всякую обиду понеси и претерпи: Богъ сугубо исполнитъ.

Живи, чадо, по христіанскому закону, во всѣхъ обычаехъ, безъ лукавства и безъ всякія хитрости ко всѣмъ...

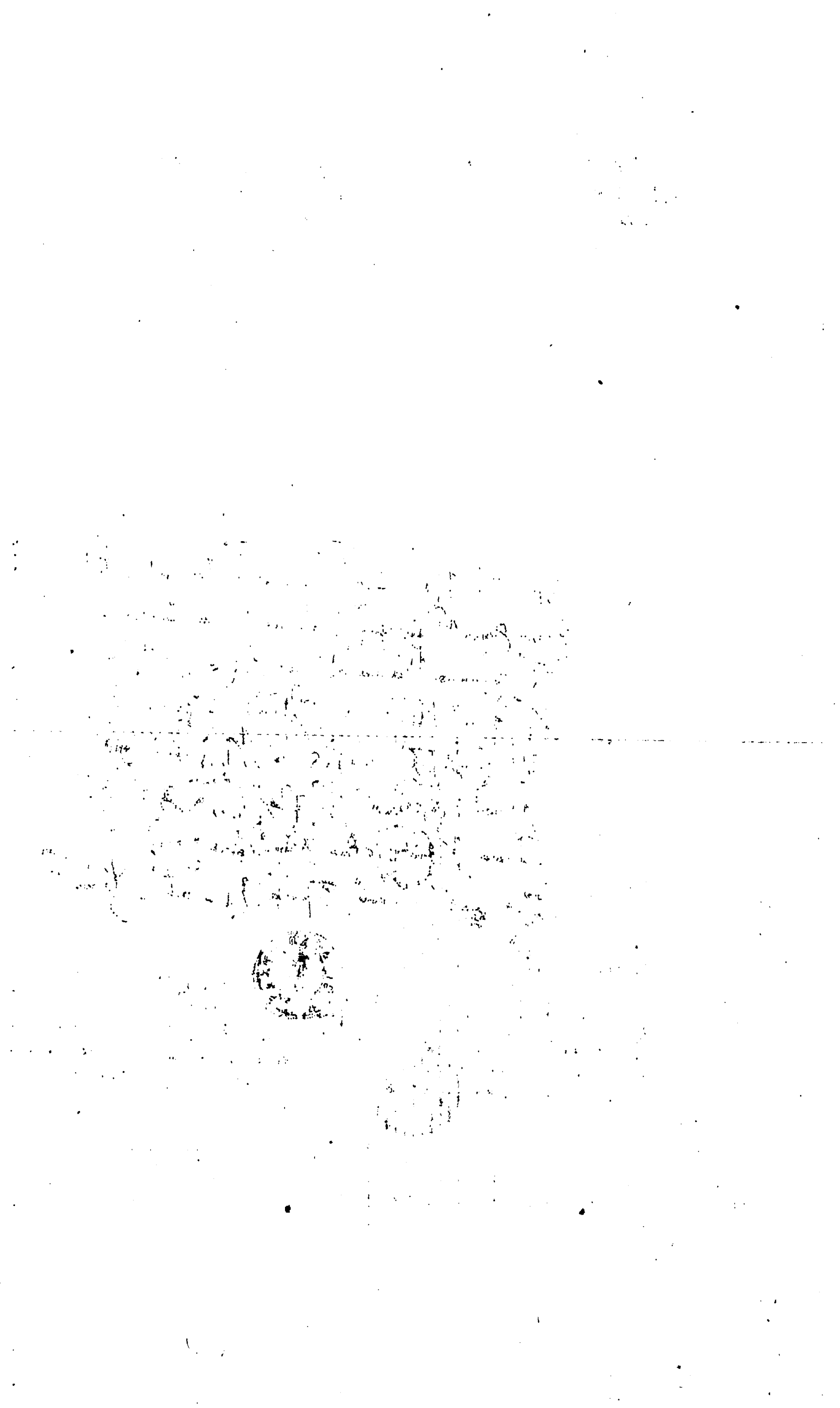
---

17. Григорія Котошихина, о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Григорій Карповъ Котошихинъ былъ подъячимъ посольскаго приказа; во время службы онъ не разъ принималъ участіе въ дипломатическихъ переговорахъ съ Шведами и Поляками и даже исполнялъ самостоятельныя порученія (возилъ царское письмо Шведскому королю въ Стокгольмъ). Въ 1664 году онъ убѣжалъ изъ Россіи сперва въ Польшу, потомъ въ Швецію, гдѣ и поступилъ на службу въ Государственный архивъ подъ фамиліей Селицкаго. Но, не прослуживъ и двухъ лѣтъ

въ Стокгольмѣ, Котошихинъ во время ссоры ненамѣренно убилъ своего сослуживца и былъ казненъ по приговору суда, перейдя передъ смертью въ лютеранство. Свое сочиненіе о Россіи онъ написалъ въ Стокгольмѣ, въ послѣдній годъ жизни; оно было тогда же переведено на шведскій языкъ. Въ Россіи оно стало извѣстно впервые около 1840 года. Котошихинъ былъ человѣкъ выдающихся дарованій (Шведская біографія называетъ его «мужемъ ума несравненнаго»); его способности ярко выразились въ томъ, что онъ на чужбинѣ, безъ всякихъ справокъ и пособій, въ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ большое сочиненіе о государственномъ устройствѣ и управленіи Россіи, о нравахъ и обычаяхъ московскихъ людей, — сочиненіе, высоко цѣнимое историками. Въ біографіи Котошихина есть черты, очень типичныя для того времени; напр., однажды онъ, будучи уже не очень мелкимъ чиновникомъ посольскаго приказа, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію — бить батогами — за нечаянный пропускъ слова въ посольскомъ донесеніи царю; вскорѣ послѣ того у него, пока онъ былъ по служебнымъ дѣламъ на шведской границѣ, отняли въ Москвѣ домъ со всѣмъ имуществомъ, потому что его отецъ, казначей монастыря, былъ обвиненъ въ растартѣ; обвиненіе не подтвердилось, но имущества своего Котошихинъ обратно не получилъ, сколько ни хлопоталъ. При такихъ порядкахъ и при такомъ отношеніи московскаго правительства даже къ своимъ чиновникамъ, немудрено, если и они заплатили тѣмъ же: Котошихинъ послѣ своихъ злоключеній, за годъ до побѣга, далъ себя подкупить шведскому уполномоченному и доставлялъ ему свѣдѣнія при переговорахъ со Шведами о денежныхъ счетахъ. И Котошихинъ отнюдь не былъ исключеніемъ въ чиновномъ кругу; въ своемъ сочиненіи онъ разсказываетъ, что донесенія русскихъ пословъ къ царю какъ общее правило, бываютъ не правдивы; самое бѣгство его на чужбину было вызвано между прочимъ тѣмъ, что одинъ воевода приглашалъ его къ участію въ ложномъ доносѣ на другого воеводу, и Котошихинъ, не соглашавшійся съ этимъ, долженъ былъ спасаться отъ мщенія за свой отказъ.

Такъ какъ Котошихинъ былъ бѣглецъ и въ его книгѣ есть неблагопріятные отзывы о русскихъ порядкахъ, то принято было недовѣрчиво относиться къ его словамъ; его указанія дурныхъ сторонъ нашей жизни объясняли озлобленіемъ противъ родины, пристрастіемъ и увлеченіемъ западной жизнью. Но теперь, когда Котошинское описаніе изучено въ подробностяхъ и провѣрено, ученые пришли къ другому взгляду. Котошихинъ нигдѣ не лжетъ и не клевещетъ на русскую жизнь, недостатки ея указаны имъ совершенно вѣрно; мало того, — у него вовсе нѣтъ озлобленія или желанія выставить наружу однѣ отрицательныя черты; онъ, наконецъ, вовсе не такъ увлеченъ западными порядками, чтобы хулить все свое и хвалить все чужое. О многихъ сторонахъ русской жизни онъ говоритъ сочувственно и въ немъ видѣнъ московскій человѣкъ, привыкшій издавна къ извѣстнымъ нравамъ и обычаямъ жизни. Критическій духъ не всегда слышенъ въ его описаніяхъ. Но онъ — умный и наблюдательный человѣкъ, и рѣзкія нарушенія здраваго смысла или справедливости, столь частыя въ окостенѣломъ обрядовомъ строѣ древне-русской жизни, не укрываются отъ его проницательности. Къ чему онъ особенно чутокъ, какъ человѣкъ, видѣвшій лучшую жизнь за границей, это — къ русскому невѣжеству и къ некультурности образа жизни и привычекъ



1. О царскомъ воспитанiи. А на воспитанie царевича или царевны выбираютъ всякихъ чиновъ изъ женъ— жену добрую, и чистую, и млекомъ сладостну, и здорову, и живетъ та жена у царицы въ Верху на воспитанie годъ; а какъ годъ отойдетъ, и ежели та жена дворянска рода, мужа ея пожалуетъ царь на воеводство въ городъ, или вотчину дастъ, — а подьяческая, или инаго служиваго чину, прибавятъ чести и дадутъ жалованья немало, — а посадскаго человѣка, и такимъ по тому жъ дано будетъ жалованье немалое, а тягла и податей на царя съ мужа ея не емлютъ, по ихъ животъ. Да у того жъ царевича или у царевны бываетъ приставлена для досмотру мамка, боярыня честная, вдова старая, да нянька и иныя прислужницы. А какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти, и къ нему приставятъ для береженiя и наученiя боярина, честью великаго, тиха и разумна; а къ нему придадутъ товарища окольничаго или думнаго человѣка; также изъ боярскихъ дѣтей выбираютъ въ слуги и въ стольники такихъ же младыхъ, что и царевичъ. А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, и въ учители выбираютъ учительныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ изъ посольскихъ подьячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческому, нѣмецкому, и никоторымъ, кромѣ русскаго, наученiя въ Россiйскомъ государствѣ не бываетъ. И бываютъ царевичамъ и царевнамъ всякому свои хоромы и люди, кому ихъ оберегати, особые. А до 15 лѣтъ и больше царевича, окромѣ тѣхъ людей, которые къ нему уставлены, и окромѣ бояръ и ближнихъ людей, видѣти никто не можетъ (таковый бо есть обычай), а по 15 лѣтахъ укажутъ его всѣмъ людемъ, какъ ходить со отцемъ своимъ въ церковь и на потѣхи; а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изо многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити его нарочно.

Царевичи же во младыхъ лѣтахъ, и царевны, большiя и меньшiя, внегда случится имъ идти къ церкви, и тогда около ихъ во всѣ стороны несутъ суконныя полы, что люди зрѣти ихъ не могутъ, также какъ и въ церкви стоятъ, люди видѣти ихъ не могутъ же, кромѣ церковниковъ, а бываютъ въ церкви завѣшены тафтою; и въ то время въ церкви, кромѣ бояръ и ближнихъ людей, мало иные люди бываютъ. А какъ ѣздятъ молитися по монастырямъ, и тогда каптаны и колымаги ихъ бываютъ закрыты тафтами жъ. А учинены бываютъ царицѣ и царевнамъ, для зимнiя ѣзды, каптаны на саняхъ

избушками, обиты бархатомъ или сукномъ краснымъ, по обѣ стороны двери съ затворами слюдяными и съ завѣсами тафтяными; а для лѣтнія ѣзды колымаги сдѣланы на рыдванную стать, покрыты сукномъ же; входятъ въ нихъ по лѣстницамъ, а сдѣланы бываютъ на колесахъ просто, какъ и простая телѣга, а не такъ, какъ бываютъ кареты висячія ни ремняхъ; и тѣ колымаги и каптаны бываютъ о двухъ оглобляхъ, а дышелъ не бываетъ, а лошадей въ нихъ запрягаютъ по одной, а потомъ прибавливаютъ и иныя лошади въ пристяжь.

2. О царевнахъ. Сестры жъ царскія, или и дщери, царевны, имѣяяй свои особые же покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и постѣ пребываху... А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояре ихъ есть холопи и въ челобитьѣ своемъ пишутся холопми, и то поставлено въ вѣчной позоръ, ежели за раба выдати госпожа; а иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной вѣры, и вѣры своей отмѣнити не учинятъ ставятъ своей вѣрѣ на поруганіе, да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и отъ того бъ имъ было въ стыдъ.

3. О боярской думѣ. И какъ царю лучится сидѣти съ тѣми бояры и думными людьми въ думѣ о иноземныхъ и о своихъ государственныхъ дѣлахъ, и въ то время бояре и окольничіе и думные дворяне садятся по чиномъ, отъ царя поодаль, на лавкахъ, бояре подъ боярами, кто кого породою ниже, а не тѣмъ, кто выше и прежъ въ чину, окольничіе подъ боярами противъ тогожъ, подъ окольничими думные дворяне по томужъ по породѣ своей, а не по службѣ, а думные дьяки стоятъ, а инымъ временемъ царь велитъ имъ сидѣть; и, о чемъ лучится мыслити, мыслятъ съ царемъ, яко обычай и индѣ въ государствахъ. А лучится царю мысль свою о чемъ объявити, и онъ имъ объявя приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ этому дѣлу дали способъ; и кто изъ тѣхъ бояръ побольши и разумнѣе, или кто и изъ меньшихъ, и они мысль свою къ способу объявляютъ; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако сыщется и окромѣ

ихъ кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ.

4. О пріѣздѣ боярскомъ къ царю. Бояре и окольничіе и думные и ближніе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано, на всякій день; и, пріѣхавъ, въ церквѣ или въ полатѣ, увидѣвъ царя, кланяются передъ нимъ въ землю; а котораго дни они бояре въ пріѣздъ своемъ запоздаютъ, или по нихъ посылаетъ, а они будутъ къ нему не вскорѣ, или что малое учинятъ не по его мысли, и онъ на нихъ гнѣвается словами, или велитъ изъ полаты выслать вонъ, или посылаетъ въ тюрьму — и они за свои вины по тому-жъ кланяются въ землю, многажды, доколѣ проститъ; а какъ они и на пріѣздѣ кланяются, а онъ въ то время стоитъ или сидитъ въ шапкѣ, и противъ ихъ боярскаго поклоненія шапки съ себя не снимаетъ никогда. А когда лучится ему сидѣти въ покояхъ своихъ и слушаетъ дѣлъ, или слова разговорныя говоритъ, и бояре стоятъ передъ нимъ всѣ, — а пристанутъ стоя, и они выходятъ отдыхать сидѣть на дворъ; такъ же и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему въ вечерни, по вся дни. А, пріѣзжаючи, они бояре къ царскому двору на лошадяхъ верхами, или въ коретахъ и въ саняхъ, и съ лошадей слазятъ, или изъ коретъ и изъ саней выходятъ, не доѣзжая двора и не близко крыльца; а къ самому крыльцу, или на дворъ его царскій, не ѣздятъ никогда, и лошадей ихъ боярскихъ черезъ дворъ не пускаютъ, а обводятъ кругомъ двора (а ѣздятъ бояре въ коретахъ старые, которые на лошадяхъ сидѣть не могутъ).

5. О мѣстничествѣ. Да у бояръ же, и у думныхъ и у ближнихъ людей, и у иныхъ чиновъ, у стольниковъ, и у дворянъ, у дьяковъ и у стряпчихъ и у жильцовъ, обычай таковъ: кого съ кѣмъ царь похочетъ послати въ товарищахъ, въ посольство и въ иныя во всякія посылки, и тѣ люди, кому съ кѣмъ велятъ быти, свѣдавъ о томъ напередъ, а имъ быти съ ними зачѣмъ будетъ немочно, учинятся нарочнымъ дѣломъ больны, чтобъ тою приметною болѣзнью тоя службы избыть... И иные такіе люди съ сердца прикинувся въ болѣзнь умираютъ многіе, не хотя роду своего передъ другимъ родомъ обезчестить.

Такъ же какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ, а бояре — по лѣвой сторонѣ въ своемъ особомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ,

по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, окольничій подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ окольничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ, вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людьми садитися за столомъ не учнутъ, поѣдутъ по домамъ, или у царя того дни отпрашиваются куда къ кому въ гости; и такихъ царь отпущаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или, не прошався у царя, поѣдетъ къ себѣ домовь, — и такимъ велитъ быть и за столомъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садитися не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина или окольничаго или думнаго человѣка сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровенъ, или и честнѣе, и на службѣ за столомъ прежь того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ, — и такого царь велитъ посадити сильно; и онъ посадити себя не дастъ, и того боярина безчеститъ и лаетъ. А какъ его посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ же и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: «Хотя-де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть», — и спустится подъ столъ; и царь укажетъ его вывести вонъ и послать въ тюрьму или до указу къ себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе, отнимается у нихъ честь, боярство, или окольничество и думное дворянство, и потомъ тѣ люди старыя своея службы дослуживаются вновь.

6. Объ отъѣздѣ въ иныя земли. Благоразумный читателю! Чтучи сего писанія, не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи и вольность благую, начали-бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. И о поѣздкѣ московскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими[1]), ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ иныя государства, и по ихъ

[1]) Значитъ: съ проѣзжими грамотами.

по знатныхъ нарочитыхъ людехъ собираютъ поручныя записи за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ иныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ или сына или брата своего послалъ для какого-нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, — и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя; и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники, — и ихъ бы пытали, не вѣдали-ль они мысли сродственника своего.

7. О боярскихъ женахъ. Бояръ и окольничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей жены, вдовы и мужни жены, и дочери, вдовы жъ, и дѣвицы, когда лучится по нихъ для чего-нибудь послати царицѣ, или царевнамъ, или онѣ и сами для чего-нибудь къ царицѣ и къ царевнамъ ѣхати похотятъ, и онѣ ѣздятъ зимою въ каптанахъ, а лѣтомъ въ колымагахъ. А пріѣзжаючи къ царицыну двору, изъ колымагъ и изъ каптанъ выходятъ у воротъ, а на дворъ не въѣзжаютъ, и, приходя къ царицынымъ или царевнинымъ покоямъ, посылаютъ боярынь сказати о своемъ пріѣздѣ царицѣ или царевнамъ: и будетъ царицѣ или царевнамъ время и онѣ имъ велятъ быть къ себѣ, а будетъ не время, и имъ отказываютъ; и онѣ боярскія и ближнихъ людей жены, или и дочери, не бывъ у нихъ, поѣдутъ къ себѣ. А когда онѣ бываютъ у царицы или у царевенъ, и онѣ пришедъ къ царицѣ и царевнамъ кланяются въ землю, и царица или царевны спрашиваютъ ихъ о здоровьѣ и о чемъ онѣ пріѣдутъ бить челомъ; и подаютъ челобитныя, и царицы и царевны, или и царевичи, челобитья ихъ выслушиваютъ и челобитныя принимаютъ, и по ихъ челобитью бьютъ челомъ царица или царевны, или царевичи, царю — и царь тѣ дѣла, о которыхъ будетъ челобитье, по ихъ прошенію, дѣлаетъ, хотя бъ который князь или бояринъ, или иныхъ большихъ и меньшихъ чиновъ человѣкъ, въ какой бѣдѣ ни былъ, или бъ о чемъ ни билъ челомъ, или бъ кто и къ смерти былъ приговоренъ, и, по ихъ прошенію, можетъ царь все доброе учинити и чинитъ; и такихъ дѣлъ множество бываетъ, что царица, и царевичи, и царевны многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей освобождаютъ, а иныхъ въ честь возвышаютъ и въ богатство приводятъ.

8. О пирахъ боярскихъ. А въ которые дни бываютъ праздники Господскіе, или иные нарочитые именинные, и родильные, и крестильные дни: и тѣ дни другъ съ другомъ пиршествуютъ почасту.

Ѣствы же обычай готовить, попросту, безъ приправъ, безъ ягодъ и сахару, и безъ перцу, и имбирю, и иныхъ способовъ, малосольны и безуксусны. А какъ начнутъ ѣсти, и въ то время ѣствы ставятъ на столъ по одному блюду, а иныя ѣствы приносятъ съ поварни и держатъ въ рукахъ люди ихъ, и въ которой ѣствѣ мало уксусу, и соли, и перцу, и въ тѣ ѣствы прибавляютъ на столѣ; а бываетъ всякихъ ѣствъ по 50 и по 100.

Обычай же таковый есть: предъ обѣдомъ велятъ выходить къ гостямъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостямъ придутъ, и станутъ въ полатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости станутъ у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ; чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ, по прошенію гостей, цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по единому кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и поцѣловавъ отшедъ по тому жъ кланяются въ землю, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; а потомъ того господина жена учнетъ подносити гостемъ по чаркѣ вина двойного, или тройного, съ зельи, величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартаря, или малымъ больше; и тотъ господинъ учнетъ бити челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пити напереди вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подносятъ гостемъ, и гости предъ питьемъ вина и выпивъ, отдавъ чарку назадъ, кланяются въ землю жъ; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романеи, или ренскаго, или иного вина по кубку; и по томъ питіи, того господина жена, поклоняся гостемъ, пойдетъ въ свои покои, къ гостемъ же, къ боярынямъ, тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственные, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ

вмѣстѣ. Такомъ же обычаемъ, и въ обѣдъ, за всякою ѣствою господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романею, и ренское и пива поддѣльныя и простыя, и меды розные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ ѣствы, круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ того господина сыновни жены, или дочери замужнія, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ, тѣмъ же женамъ кланяются, и мужья тѣхъ женъ по тому же кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили; и гости, цѣловавъ тѣхъ женъ, и пивъ вино, садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ по прежнему, гдѣ сперва были. А дочерей они своихъ, дѣвицъ, къ гостемъ не выводятъ и не указываютъ никому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣдѣ господинъ и гости по тому же веселятся и пьютъ другъ про друга за здоровья, разъѣдутся по домамъ. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ никого.

9. О свадьбахъ. А лучится которому боярину, и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити, или дочь, или сестру и племянницу выдавать замужъ: и они межъ себя, кто свѣдавъ у кого невѣсту, посылаютъ къ отцу тоя невѣсты, или къ матери, или къ брату, говорити друзей своихъ, мужескъ полъ или женскій, что тотъ человѣкъ прислалъ къ нему, велѣлъ говорити и спросити, ежели они похотятъ дочь свою или иного кого выдать замужъ за него за самого, или за иного деньгами, и вотчинами, и дворовыми людьми. И тотъ человѣкъ, будетъ хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами, а, подумавъ учинитъ имъ отповѣдь, котораго дня мочно, а будетъ дать за него не хочетъ, вѣдая его, что онъ пьяница, или шаленой, и иной какой дурной обычай за нимъ вѣдаетъ, и тѣмъ людемъ откажетъ, что ему дати за такого человѣка не мочно, или чѣмъ-нибудь отговорится и откажетъ.

А будетъ умыслитъ за него выдать, и жена и сродичи приговорятъ: и онъ, изготовя роспись, сколько за тою дѣвицей дастъ приданаго, денегъ, и серебряныя и иныя по-

суды, и платья, и вотчинъ, и дворовыхъ людей, пошлетъ къ тѣмъ людямъ, которые къ нему отъ жениха приходили, а тѣ люди отдадутъ жениху; а дочери, или кому ни буди, о томъ не скажутъ, и не вѣдаетъ до замужества своего. И будетъ тому жениху по тому приданому та невѣста полюбится, посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери говорить, черезъ ихъ же людей, чтобъ они ему тое невѣсту показали; а какъ тѣ посланные люди придутъ и говорить о томъ учнутъ, и отецъ или мать тоя невѣсты скажутъ, что они дочь свою показати ради, только не ему самому жениху, а отцу или матери, или сестрѣ, или сродственной женѣ, кому онъ женихъ самъ вѣритъ. И по тѣмъ ихъ словамъ посылаетъ женихъ смотрити мать свою или сестру, на который день приговорятъ: и тоя невѣсты отецъ и мать къ тому дни готовятся, и невѣсту нарядятъ въ доброе платье, и созовутъ гостей, сродственныхъ людей, и посадятъ тое невѣсту за столъ; а какъ та смотрильщица пріѣдетъ, и ей честь воздавъ, посадятъ за столъ подлѣ тоя невѣсты; — и сидячи за столомъ, за обѣдомъ, та смотрильщица съ тою невѣстою переговариваетъ о всякихъ дѣлахъ, извѣдываючи ея разуму и рѣчи, и высматриваетъ въ лицо, и въ очи, и въ примѣты, чтобъ сказать, пріѣхавъ къ жениху, какова она есть; и бывъ малое и многое время, поѣдетъ къ жениху. И будетъ той смотрильщицѣ та невѣста не полюбится, и она скажетъ жениху, чтобъ онъ къ ней больше того не сватался, присмотритъ ее, что она глупа или на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, или безъязычна, — и тотъ женихъ отъ тоя невѣсты отстанетъ прочь, и больше того свататься не учнетъ; а будетъ та невѣста полюбилась, и скажетъ тому жениху, что добра и разумна, и рѣчью и всѣмъ исполнена, и тотъ женихъ посылаетъ къ невѣстину отцу и къ матери тѣхъ же первыхъ людей, что онъ тое невѣсту излюбилъ, и хочетъ съ нимъ учинить сговоръ и записи написать, что ему на ней жениться на поставленный срокъ, а они-бъ по тому-жъ тое невѣсту за него выдали на тотъ же срокъ. И тоя невѣсты отецъ и мать приказываютъ съ тѣми присланными людьми къ жениху, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нимъ для сговору съ небольшими людьми, кому онъ въ такомъ дѣлѣ вѣритъ, того дни до обѣда или по обѣдѣ; и скажетъ имъ день, когда къ нему быть, и къ тому дни готовится. И женихъ, дождався того дни, нарядясь съ отцомъ своимъ, или сродичами, или съ друзьями, кого любитъ, поѣдетъ

къ невѣстину отцу или матери; а пріѣхавъ, и невѣстинъ отецъ и сродственники встрѣчаютъ ихъ и честь воздадутъ, какъ годится, и идутъ въ хоромы и садятся по чину; а посидѣвъ учнетъ говорить отъ жениха отецъ, или иной сродственникъ, что они пріѣхали къ нимъ для добраго дѣла, по его приказу; и господинъ дому своего отвѣщаетъ, что онъ радъ ихъ пріѣзду и хочетъ съ ними дѣлать сговорное дѣло. И они межъ себя, съ обѣ стороны, учнутъ уговариваться о всякихъ свадебныхъ статьяхъ и положатъ свадьбѣ срокъ, какъ кому мочно къ тому времени изготовиться, за недѣлю, и за мѣсяцъ, и за полгода, и за годъ, и больше; и учнутъ межъ себя писати въ записѣхъ свои имена, и третьихъ, и невѣстино, а напишутъ, что ему по сговору тое невѣсту взять на прямой установленный срокъ, безъ премѣненія; а тому человѣку невѣсту за него выдать на тотъ же срокъ безъ премѣненія; и положатъ въ томъ письмѣ межъ собою зарядъ: будетъ тотъ человѣкъ на тотъ установленный срокъ тоя дѣвицы не возьметъ, или тотъ человѣкъ своей дѣвицы на срокъ не выдастъ, взяти на виноватомъ 1,000, или 5,000, или 10,000 рублевъ денегъ, сколько кто напишетъ въ записи. И сидѣвъ у него въ гостяхъ, ѣдчи и пивъ, поѣдутъ къ себѣ, а невѣсты ему не покажутъ, и невѣста его жениха не видаетъ; а выходитъ въ то время ширинкою дарити жениха отъ невѣсты мать, или замужняя сестра, или чья сродственная жена.

И послѣ того сговору женихъ провѣдаетъ про тое невѣсту, или кто со стороны, хотя тое невѣсту взять за себя, или за сына, нарочно тому жениху разобьетъ, что она глуха, или нѣма, или увѣчна, и что-нибудь худое за нею провѣдаетъ, или скажутъ, и тотъ человѣкъ тоя невѣсты за себя не возьметъ: — и тоя невѣсты отецъ и мать бьютъ челомъ о томъ патріарху, что онъ по сговору своему и по заряду тоя невѣсты на срокъ не взялъ, и взяти не хочетъ, и тѣмъ ее обезчестилъ; или тоя невѣсты отецъ и мать, провѣдавъ про того жениха, что онъ пьяница, или зернщикъ, или уродливъ, или что-нибудь свѣдавъ худое, за него не выдастъ и выдать не хочетъ, и тотъ женихъ бьетъ челомъ о томъ патріарху. И патріархъ велитъ про то сыскать, и по сыску по заряднымъ записямъ на виноватомъ возьмутъ зарядъ, что будетъ въ записи написано, и отдадутъ правому жениху, или невѣстѣ; а послѣ того вольно ему жениться на комъ хочетъ, или невѣсту вольно выдать, за кого хочетъ же.

Такъ же и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ того жъ обычая, во всемъ; но только въ поступкахъ ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ рознится, сколько кого станетъ.

А будетъ у котораго отца, или матери, есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очьми, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ и красотою, и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататься у того человѣка на дочери его, и посылаетъ смотрити мать свою или сестру, и кому вѣритъ, и тѣ люди вмѣсто тоя своея увѣчныя дочери, назвавъ именемъ тоя дочери, за которую не вѣдаючи учнутъ свататься, показываютъ другую или третью дочерь, и та присланная, смотря дѣвицы тоя, излюбитъ и скажетъ жениху, что она добра и жениться на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ, и о свадьбѣ у нихъ съ отцомъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицѣ жениться на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же установленный срокъ, и напишутъ въ письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочерь, которыя имя въ записяхъ своихъ пишутъ, а не тое, которую сперва смотрильщицѣ показывали, и тотъ человѣкъ, женяся на ней, того дни въ лицо ея не усмотритъ, что она слѣпа или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна, того потому жъ не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки... А какъ отвѣнчався ее увидитъ, что не добрѣ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться, и потомъ умыслитъ надъ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама.

А котораго человѣка обманутъ, выдадутъ за него дѣвицу, не тое, которую показывали смотрильщицѣ, бьетъ челомъ о томъ патріарху и властемъ: и по его челобитью возьмутъ у нихъ зарядныя записи и допрашиваютъ сосѣдей, и дворовыхъ людей, по душамъ, что впрямь ли выдана та, которая въ записи стоитъ именемъ? И будетъ та, и потому такъ и быти противъ записей, и что скажутъ люди, — а тому не вѣ-

рить, которую смотрилъ, для того: не провѣдавъ подлинно, не женися. А будетъ сосѣди и сторонніе, и дворовые люди скажутъ, что выдалъ дочь свою не тое, которая въ записи написана, и такихъ мужа и жену разведутъ, да сверхъ того, кто не правдою выдалъ, возьмутъ пеню большую и убытки жениховы, да его жъ за такое воровство бьютъ кнутомъ, или еще временемъ бываетъ больше того; каково полюбится царю.

Также у котораго отца одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ ни буди худымъ, и вмѣсто ея на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и наредя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ невелика, и подъ нее подставляютъ стулы, потому что видится добродна, а на чемъ стоитъ, того не видѣть.

А которыя дѣвицы бываютъ увѣчны, и стары, и замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ: и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастырехъ, безъ замужества.

А который человѣкъ женихъ похочетъ смотрити невѣсты самъ, и по его прошенію отецъ или мать, вѣдая дочь свою, что ее передъ людьми показати не въ стыдъ, укажутъ тому жениху; и тотъ женихъ, смотря тоя невѣсты, а послѣ того ему не полюбится, и тое невѣсту начнетъ хулить и поносить худыми позорными словами, и другихъ жениховъ учнетъ отъ нея отбивать прочь; и тоя невѣсты отецъ, или мать, или кто нибудь, провѣдавъ о томъ, учнетъ о томъ бить челомъ патріарху или властемъ, что тотъ человѣкъ невѣсты ихъ смотрилъ самъ, а послѣ ее хулитъ и безчеститъ, и другимъ людемъ разбиваетъ, чтобъ о томъ они указъ чинили: и по сыску патріархъ и власти, кто смотря хулилъ и безчестилъ тое невѣсту, велятъ женити его на ней сильно; а будетъ онъ женится до того челобитья на иной, той невѣстѣ возьмутъ безчестіе по-указу.

Благоразумный читателю! Не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ; а такого у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговаривати временемъ съ невѣстою самому.

10. О женскомъ полѣ. Московскаго государства женскій полъ грамотѣ неученыя, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до за-

мужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ, и опричь самыхъ ближнихъ родственныхъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣти не могутъ — и потому мочно дознаться, отъ чего бъ имъ быти гораздо разумнымъ и смѣлымъ; также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потому-жъ люди видаютъ мало.

11. О слугахъ боярскихъ. Да бояре жъ, и думные, и ближніе люди, въ домѣхъ своихъ держатъ людей, мужскаго полу и женскаго, человѣкъ по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000, сколько кому мочно, смотря по своей чести и по животамъ; и даютъ тѣмъ людемъ жалованье, погодное, женатымъ рубли по 2 и по 3, и по 5, и по 10, смотря по человѣку и по службѣ ихъ, да имъ же платье какое прилучится, хлѣбъ и всякій харчъ, помѣсячно; а живутъ они своими покоями, на томъ же боярскомъ дворѣ. Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылаютъ бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказамъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться. А холостымъ людемъ, большихъ статей, даютъ жалованье денежное не по большому, а меньшой статьи жалованья не дается, да имъ же дается всякое платье, и шапки, и рубашки, и сапоги; и живутъ тѣ холостые люди, большихъ статей, въ нижнихъ дальнихъ покояхъ, а меньшой статьи живутъ въ верхнихъ покояхъ, и пьютъ и ѣдятъ съ боярской поварни, да имъ же въ праздничные дни всѣмъ дается по двѣ чарки вина. А женскій полъ, вдовы живутъ въ своихъ мужнихъ домѣхъ и дается имъ годовое жалованье и мѣсячный кормъ; а иныя вдовы и дѣвицы живутъ у женъ ихъ боярскихъ и у дочерей въ покояхъ, и даютъ имъ платье, и ѣдятъ и пьютъ съ боярской же поварни. А какъ тѣ дѣвицы будутъ въ великомъ возрастѣ, и тѣхъ дѣвицъ и вдовъ выдаютъ они бояре замужъ, съ надѣлкомъ, за своихъ дворовыхъ людей, кого кто излюбитъ, или временемъ бываетъ, выдаютъ черезъ неволю; а свадьбы играютъ въ ихъ боярскихъ хоромѣхъ, какъ чинъ повелся всякому чину людемъ женитися; и ѣства и питье, и платье нарядное, бываетъ все боярское; а на сторону въ иные дворы дѣвицъ и вдовъ замужъ не выдаютъ, для того, что тѣ люди у нихъ, мужской и женскій полъ, вѣчные и кабальные. Да въ домѣхъ ихъ боярскихъ учинены приказы, для всякихъ домовыхъ дѣлъ, и приходовъ, и расходовъ, и для сыску и расправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ.

12. О жизни меньшихъ чиновъ. А въ домѣхъ они своихъ живутъ противъ того, кто какой чести и чино ъ, безъ великаго устроенія. И самымъ меньшимъ чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ не мочно, потому что разумѣютъ о нихъ: богатство многое имѣютъ; и ежели построится домомъ какой приказный человѣкъ, оболгутъ царю и многія кривды учинятъ, что будто онъ былъ посульникъ и злоиматель и царскія казны не берегъ, или казну воровски кралъ, и отъ того злого слова тому человѣку и не во время будетъ болѣзнь и печаль; или ненавидя его, пошлютъ на иную царскую службу, котораго ему дѣла исправити не мочно, и наказъ ему напишутъ, что онъ изъ него выразумѣть не умѣетъ, и тою службою прослужится, и ему бываетъ наказанія, и домъ, и животы и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ, кто хочетъ купити. А ежели торговый человѣкъ и крестьянинъ построится добрымъ самымъ обычаемъ, и на него положатъ на всякой годъ податей больше. И отъ того Московскаго государства люди домами своими живутъ не гораздо устроенными; и городы и слободы безъ устроенія жъ.

---

17. Изъ сочиненій протопопа Аввакума.

Въ исторіи умственнаго движенія XVII вѣка въ Россіи особенное и очень важное мѣсто занимаетъ столкновеніе ревнителей закоснѣлой русской старины съ новыми требованіями жизни, съ новыми теченіями мысли, шедшими къ намъ съ Запада.

«Чтобы понять личность и реформу Петра, — говоритъ Н. С. Тихонравовъ, — нужно пристально вглядѣться въ суровыя лица брадатыхъ поборниковъ русской старины, нужно вслушаться въ сильныя, подхваченныя стоустою толпою рѣчи ихъ о необходимости умирать за крестъ и молитву, за свою браду честную, нужно оцѣнить высокое историческое значеніе XVII вѣка для Россіи — вѣка, пытавшаго тяжелою внутреннею борьбою силы русскаго народа и недаромъ представлявшагося современникамъ «антихристовымъ временемъ». Много жертвъ пало съ той и другой стороны... Исторія разсѣетъ взаимныя недоразумѣнія. Возможно спокойное, свободное и безпристрастное изученіе минувшихъ судебъ русскаго старовѣрчества должно немало тому содѣйствовать».

Первое мѣсто среди такихъ подвижниковъ занимаетъ извѣстный расколоучитель, протопопъ г. Юрьевца Поволжскаго, Аввакумъ Петровичъ (1610—1681 г.) — могучій и узкій фанатикъ, человѣкъ необычайной нравственной силы, суровый аскетъ. Жизнь прот. Аввакума — рядъ непрерывныхъ испытаній: заточеній въ земляныхъ ямахъ, пытокъ, ссылокъ, оскорбленій и издѣвательствъ, съ рѣдкими минутами кратковременнаго и далеко не полнаго нравственнаго отдыха. Среди всѣхъ этихъ испытаній

нельзя указать ни одного, которое бы сколько-нибудь его пригнуло; наоборотъ, всякое преслѣдованіе встрѣчалъ онъ самой вызывающей, самой горячей и прямой отповѣдью: Аввакумъ всюду непоколебимъ. Героическая смерть достойно завершила полную страданія жизнь. Мельниковъ-Печерскій, основываясь на преданіи старовѣровъ, такъ разсказываетъ о сожженіи Аввакума съ товарищами въ 1681 г. на площади г. Пустозерска, въ которомъ Аввакумъ провелъ послѣдніе годы жизни въ заточеніи.

«Собрался народъ и сняли шапки... дрова подожгли, — замолчали всѣ: Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: «вотъ, будете этимъ крестомъ молиться, во вѣкъ не погибнете, а оставите его — городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ: а погибнетъ городокъ — настанетъ и свѣту конецъ!» Огонь охватилъ казнимыхъ и одинъ изъ нихъ закричалъ, — Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли».

Эта предсмертная просьба молиться *двуперстнымъ* знаменіемъ хорошо опредѣляетъ то, что Аввакумъ считаетъ важнѣйшимъ въ своемъ ученіи. Это борьба главнымъ образомъ за букву, за обрядъ, за все, завѣщанное стариной.

Аввакуму приписываютъ до 43 сочиненій; изъ нихъ Н. Субботинымъ въ «Матеріалахъ для исторіи раскола» (т. I и V) напечатаны 37; въ томъ числѣ его знаменитая автобіографія («Житіе»). Сочиненія Аввакума — «Житіе» и посланія, изъ которыхъ мы приводимъ ниже отрывки, даютъ великолѣпный образецъ, простого, сильнаго языка XVII в., то наивно трогательнаго, то грубо реальнаго. Выбранные эпизоды его біографіи хорошо рисуютъ ту наивную и жестокую эпоху и даютъ понять, что приходилось испытывать этому убѣжденному ревнителю старины. Его разсказъ вмѣстѣ съ посланіями дастъ намъ вѣрное представленіе и объ его взглядахъ и о героической силѣ его непреклонной личности.

Біографическій очеркъ, составленный проф. В. А. Мякотинымъ (изд. Павленкова), хорошо знакомитъ съ жизнью Аввакума.

I. Изъ «Житія».

1. Аввакумъ-священникъ въ селѣ Лопатицахъ на Волгѣ. Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди, съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари, и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, — одного ушибъ и паки ожилъ, а другого отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василій Петровичъ Шереметевъ, пловучи Волгою въ Казань на воеводство, взялъ на судно и, браня много, велѣлъ благословить сына своего Матвѣя, бритобрадца. Азъ же не благословилъ, но отъ писанія его порицалъ, виду блудоносный образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали, а послѣ учинились добры до меня: у царя

на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ-то Богъ строитъ свои люди!

2. Переходъ въ городъ Юрьевецъ. По малѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того вдругорядь. Азъ же сволокся къ Москвѣ и Божіею волею государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевцѣ Повольскомъ. И тутъ пожилъ немного, только 8 недѣль. Діаволъ научилъ поповъ и мужиковъ, и бабъ: пришли къ патріархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и вытаща меня изъ приказа собраніемъ (человѣкъ съ тысячу и полторы ихъ было), среди улицы били батожьемъ и топтали, а бабы были съ рычагами; грѣхъ ради моихъ замертво убили и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ и, ухватя меня, на лошади умчали въ мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы вопятъ: «убить вора, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ».— Азъ же отдохня въ 3-й день ночью, покиня жену и дѣти, по Волгѣ самъ третій ушелъ къ Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Даніила изгнали. Охъ, горе! нигдѣ отъ діавола житья нѣтъ! Прибрелъ въ Москву; духовнику Степану показался; и онъ на меня учинися печаленъ: на что-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе. Царь пришелъ къ духовнику благословитися ночью, меня увидѣлъ тутъ; — опять кручина: На что-де городъ покинулъ? А жена, и дѣти и домочадцы человѣкъ съ двадцать въ Юрьевцѣ остались — невѣдомо живы, невѣдомо прибиты, — тутъ паки горе!

3. Въ Москвѣ: борьба съ Никономъ, начало преслѣдованій. Таже меня взяли отъ всенощнаго, Борисъ Нелединскій со стрѣльцами; человѣкъ со мною съ шестьдесятъ взяли; ихъ въ тюрьму отвели, а меня на патріархове дворѣ на чѣпь посадили ночью. Егда же разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу и растянули руки и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чѣпи кинули въ темную палатку, — ушла въ землю, и сидѣлъ три дня, не ѣлъ, не пилъ, — во тьмѣ сидя, кланялся на чѣпи, не знаю на востокъ, не знаю на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я въ третій день пріалченъ, сирѣчь ѣсть

захотѣлъ, и послѣ вечерни ста предо мною, не вѣмъ ангелъ, не вѣмъ человѣкъ, — и по се время не знаю, — токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпію къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и ложку въ руки далъ, и хлѣбца немножко, и штецъ далъ похлебать, — зѣло превкусны хороши, и реклъ мнѣ: «полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію». Да и не стало его. Двери не отворялись, а его не стало. Дивно только человѣкъ, а что же ангелъ, ино не чему дивиться: вездѣ ему не загорожено. На утро архимандритъ съ братіею пришли и вывели меня; журятъ мнѣ, что патріарху не покорился, а я отъ писанія его браню да лаю. Сняли большую чѣпь да малую наложили, отдали чернцу подъ началъ: велѣли волочить въ церковь. У церкви за волосы дерутъ, и подъ бока толкаютъ, и за чѣпь торгаютъ, и въ глаза — плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сей вѣкъ и въ будущій! не ихъ то дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я 4 недѣли.

4. Въ Сибири (первая ссылка). Таже сѣлъ опять въ корабль свой, еже показанъ ми, — что выше сего рекохъ, — поѣхалъ на Лену. А какъ пріѣхалъ въ Енисейской, другой указъ пришелъ: велѣно въ Дауры везти, — двадцать тысячъ и больше будетъ отъ Москвы. И отдали меня Аѳанасью Пашкову въ полкъ. Людей съ нимъ было 600 человѣкъ; и, грѣхъ ради моихъ, суровъ человѣкъ: безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и бьетъ. И я его много уговаривалъ, да и самъ въ руки попалъ; а съ Москвы отъ Никона приказано было мучить меня. Егда поѣхали изъ Енисейска, какъ будемъ въ большой Тунгускѣ рѣкѣ, въ воду загрузило бурею дощеникъ мой: совсѣмъ налился среди рѣки полонъ воды и парусъ изорвало, одни палубы надъ водою, а то все въ воду ушло. Жена моя на палубы изъ воды ребятъ кое-какъ вытаскала, простоволоса ходя, а я, на небо глядя, кричу: «Господи, спаси! Господи, помози!»

На другомъ, Долгомъ порогѣ сталъ (Пашковъ) меня изъ дощеника выбивать: «для-де тебя дощеникъ худо идетъ; еретикъ-де ты; поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи». О, горе стало! Горы высоки, дебри непроходимыя, утесъ каменной, яко стѣна стоитъ, поглядѣть, заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются зміи великіе: въ нихъ же витаютъ гуси и утицы — періе красное, вороны черные и галки сѣрыя; въ тѣхъ же горахъ орлы, и соколы, и кречеты

и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди и иныя дикія, многое множество, птицы разныя. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри многіе дикіе: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе — во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ горы выбивалъ меня Пашковъ со звѣрями и птицами витати, и азъ ему малое писаньице писалъ, сице начало: «человѣче, убойся Бога, сидящаго на херувимѣхъ и призирающаго въ бездны, Его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь и неудобство показуешь» и прочая, тамъ многонько писано. И послалъ къ нему. А се бѣгутъ человѣкъ пятьдесятъ: взяли мой дощеникъ и помчали къ нему, версты три отъ него стоялъ. Я казакамъ каши наварилъ да кормлю ихъ; а они бѣдные и ѣдятъ, и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня; жалѣютъ по мнѣ. Привели дощеникъ; взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ съ шпагою стоитъ и дрожитъ; началъ мнѣ говорить: «попъ-ли или распопъ?»[1]) И азъ отвѣщалъ: «Азъ есмь Аввакумъ протопопъ; говори: что тебѣ дѣло до меня?« Онъ же рыкнулъ, яко дикій звѣрь, и ударилъ меня по щекѣ, таже по другой и паки въ голову и сбилъ меня съ ногъ и, чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды, и разболокши, по той же спинѣ 72 удара кнутомъ. И я говорю: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помогай мнѣ». Да тоже безпрестанно говорю; такъ горько ему, что не говорю: «пощади». Ко всякому удару молитву говорилъ, да среди побой вскричалъ я къ нему: «полно бить то.» Такъ онъ велѣлъ перестать. И я промолвилъ ему: «за что ты меня бьешь: знаешь ли?» И онъ велѣлъ паки бить по бокамъ; и отпустили: я задрожалъ да и упалъ, и онъ велѣлъ меня въ казенный дощеникъ оттащить: сковали руки и ноги и на беть[2]) кинули. Осень была, дождь на меня шелъ; всю нощь подъ капелью лежалъ...

5. Возвращеніе изъ ссылки. Также съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ[3]) двѣ клячи, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди. Протопопица, бѣдная, бредетъ, бредетъ, да и повалится: скользко гораздо; въ иную

---

[1]) Аввакуму въ это время было запрещено служить.
[2]) Беть — поперечная скрѣпка барокъ.
[3]) Пашковъ.

пору бредучи повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушко государыня, прости!» А протопопица: «что ты, батько, меня задавилъ!» Я пришелъ. На меня, бѣдная, пѣняетъ, говоря: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самая смерти! Она, вздохня, отвѣщала: «Добро, Петровичъ; ино еще побредемъ».

Курочка у насъ черненька была: по два яичка на день приносила робяти на пищу Божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхамъ. И ныньче жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублевъ при ней плюново дѣло! жалѣю! И та курочка, одушевленное Божіе твореніе, насъ кормила, а сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала, и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали; такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала: чтобъ-де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея, надобны ей куры. Молебенъ пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ, изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки Божіимъ мановеніемъ исцѣлѣли и исправилися по вѣрѣ ея. Отъ того то племени и наша курочка была. Да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Козма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ. Богу вся надобна; и скотинка, и птичка во славу его, пречистаго Владыки, еще и человѣка ради.

Десять лѣтъ онъ[1]) меня мучилъ — или я его, не знаю; Богъ разберетъ въ день вѣка. Перемѣна ему пришла, а мнѣ грамота: велѣно ѣхать на Русь. Онъ поѣхалъ, а меня не взялъ, умышлялъ въ умѣ своемъ: «хотя де онъ одинъ и поѣдетъ, и его де убьютъ иноземцы». Онъ въ дощеникахъ со оружіемъ и людьми уплылъ, а слышалъ я, ѣдучи, отъ иноземцевъ дрожали и боялись. А я мѣсяцъ спустя послѣ сего, набравъ старыхъ и больныхъ и раненыхъ, кои тамъ не годны,

---

[1]) Пашковъ.

человѣкъ съ десятокъ, да я съ женой и дѣтьми, 17 насъ человѣкъ въ лодку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поѣхали, аможе Богъ наставитъ, ничего не бояся. Книгу Кормчую далъ прикащику, и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Да друга моего Василія выкупилъ, который тамъ при Пашковѣ на людей ябедничалъ и кровь проливалъ, и моея головы искалъ: въ иную пору, бивши меня, на колъ было посадилъ, да еще Богъ сохранилъ. А послѣ Пашкова хотѣли его казаки до смерти убить, и я выпросилъ у нихъ Христа ради, а прикащику выкупъ далъ, на Русь его вывезъ отъ смерти къ животу; пускай его бѣднаго! либо покается о грѣхахъ своихъ. Да и другаго такого же увезъ замотая; сего не хотѣли мнѣ выдать, и онъ ушелъ въ лѣсъ отъ смерти и, дождався меня на пути, плачучи кинулся мнѣ въ карбасъ. Ано за нимъ погоня, дѣть стало негдѣ. Я-су, простите, своровалъ: яко Раавъ, блудница во Іерихонѣ Іисуса Навина людей, спряталъ его, положа на дно въ суднѣ и постелю накинулъ и велѣлъ протопопицѣ и дочери лечь на него. Вездѣ искали, а жены моей съ мѣста не тронули, лишь говорятъ: «матушка! опочивайте; итакъ ты, государыня, горя натерпѣлась». А я, простите, Бога ради, — лгалъ въ тѣ поры и сказывалъ: нѣту его у меня!» — не хотя его на смерть выдать. Поискавъ, пошли ни съ чѣмъ, и я его на Русь вывезъ. Старецъ да и рабъ Христовъ! Простите же меня, что я лгалъ тогда. Каково вамъ кажется, не велико ли мое согрѣшеніе?

6. В ъ М о с к в ѣ. М и л о с т ь ц а р я. Таже къ Москвѣ пріѣхалъ и, яко ангела Божія пріяша мя, Государь и бояра; всѣ мнѣ рады. Къ Ѳеодору Ртищеву зашелъ; онъ самъ изъ палатки выходилъ ко мнѣ, благословился отъ меня и учали говорить съ нимъ много: три дня и три нощи домой меня не отпускалъ и потомъ царю обо мнѣ извѣстилъ, Государь меня тотчасъ къ рукѣ поставить велѣлъ и слова милостивыя говорилъ: «здорово ли де, протопопъ, живешь? еще-де видѣться Богъ велѣлъ». И я супротивъ руку его поцѣловалъ и пожалъ, а самъ говорю: «Живъ Господь жива и душа моя, царь государь! А впередъ, что повелитъ Богъ». Онъ же, миленькій, вздохнулъ да и пошелъ, куда надобѣ ему. И иное кое что было, да что много говорить — прошло уже то! Велѣлъ меня поставить на монастырскомъ подворьѣ въ Кремлѣ и, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько таки, а самъ говорилъ: «благослови-де меня и помолися о мнѣ»! И шапку въ иную пору мурманку

снимаючи съ головы, уронилъ ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ. Таже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: «Протопопъ, благослови и молися о насъ». Какъ-су мнѣ царя того и бояръ тѣхъ не жалѣть? Жаль о-су! видишь, каковы были добры: давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ; и въ духовники звали, чтобъ я съ ними соединился въ вѣрѣ. Азъ же вся сія яко уметы вмѣнихъ, да Христа пріобрящу и смерть поминая, яко вся сія мимоидетъ.

7. Возобновленіе борьбы. Ссылка на Мезень. Видятъ они, что я не соединяюсь съ ними; приказалъ государь уговаривать мене Родіону Стрѣшневу, чтобы я молчалъ. И я потѣшилъ его: царь, то есть, отъ Бога учиненъ и добренекъ до мене. Чаялъ, либо помаленьку исправится. А се посулили мнѣ Симеонова дни сѣсть на Печатномъ дворѣ книги править; и я радъ сильно: мнѣ то надобно лучше и духовничества... Такъ то съ полгода жилъ. Да вижу, яко церковное ничто же успѣваетъ, но паче молва бываетъ, — паки заворчалъ, написалъ царю многонько таки, чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую, святую церковь, отъ ереси оборонилъ и на престолъ бы патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика... Съ тѣхъ мѣстъ царь на меня кручиноватъ сталъ: не любо стало, какъ опять сталъ я говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось. А власти яко козлы пырскать стали на меня и умыслили паки сослать меня съ Москвы, понеже раби Христовы многіе приходили ко мнѣ и, уразумѣвше истину, не стали къ прелестной службѣ ихъ ходить. И мнѣ отъ царя выговоръ былъ: «власти-де на тебя жалуются, церкви де ты запустошилъ; поѣдь-де въ ссылку опять», — сказывалъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ. Да и повезли на Мезень; надавали было кое чего во имя Христово люди добрые много, да все осталося тутъ; токмо съ женою и съ дѣтьми и съ домочадцы повезли. По городамъ паки людей Божьихъ училъ и ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличалъ. И вывезли на Мезень.

8. Снова въ Москвѣ. Лишеніе сана и судъ надъ Аввакумомъ. Полтора года державъ, паки одного къ Москвѣ взяли[1]), да два сына со мною, Иванъ

---

[1]) Это было уже во время разрыва между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ. Въ Москвѣ было рѣшено собрать въ 1666 г. соборъ духовенства для суда надъ раскольниками, а къ слѣдующему 1667 г. на соборъ были приглашены патріархи Александрійскій и Антіохійскій, которые

да Прокопій, съѣхали же, а протопопица и прочія на Мезени остались всѣ. А привезши къ Москвѣ, отвезли подъ началъ въ Пафнутьевъ монастырь[1]); и туда присылка была, тоже да тоже говорятъ: «долго ли тебѣ мучить насъ? Соединись съ нами, Аввакумушко!» Я отрицался, что отъ бѣсовъ, а они лѣзутъ въ глаза; сказку имъ тутъ съ бранью большою написалъ и послалъ.

Таже, державъ 10 недѣль въ Пафнутьевѣ на чѣпи, взялъ меня паки въ Москву и въ крестовой[2]) стяжавшася власти со мною: ввели меня въ соборный храмъ и стригли по переносѣ[3]) меня и діакона Ѳедора, потомъ и проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ: зѣло было мятежно въ обѣдню ту. И подержавъ на патріарховѣ дворѣ, повезли насъ ночью на Угрѣшу къ Николѣ въ монастырь. И бороду враги Божьи отрѣзали у меня. Чему быть! волки то есть, не жалѣютъ овецъ; оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у поляка, на лбу. Везли не дорогою въ монастырь, болотами да грязью, чтобъ люди не вѣдали: сами видятъ, что дуруютъ, а отстать отъ дурна не хотятъ; омрачилъ діаволъ; что на нихъ и пенять...

Держали меня у Николы въ студеной палаткѣ 17 недѣль. Тутъ мнѣ Божіе присѣщеніе было; чти въ царевѣ посланіи, тамо обрящеши. И царь приходилъ въ монастырь: около темницы моей походилъ и, постонавъ, опять пошелъ отъ монастыря; кажется по тому, и жаль ему меня, да что воля Божья такъ лежитъ. Какъ стригли, въ то время великое нестроеніе въ Верху[4]) у нихъ бысть съ царицей съ покойницей: она за насъ стояла въ то время, миленькая, и отъ казни отпросила меня. О томъ много говорить; Богъ ихъ проститъ!...

По семъ свезли меня паки въ монастырь Пафнутьевъ и тамъ, заперши въ темную палатку, скованна держали годъ безъ мала...

Какъ привезли меня изъ монастыря Пафнутьева къ Москвѣ и поставили на подворье и, волоча многажды въ Чудовъ,

---

должны были высказаться и по поводу раскольничьяго движенія, и по поводу распри между царемъ и Никономъ. Къ 1 марта 1666 г. Аввакумъ былъ привезенъ съ Мезени въ Москву, 13-го мая онъ былъ растриженъ. Передъ вселенскими патріархами онъ былъ поставленъ 17 іюня 1667 года.

[1]) Пафнутьевъ Боровскій монастырь, основанный Іосифомъ Волоколамскимъ, съ его временъ служилъ тюрьмой для еретиковъ.

[2]) Т.-е. въ патріаршей крестовой палатѣ.

[3]) Послѣ «малаго выхода» за обѣдней, когда Св. Дары переносятъ съ жертвенника на престолъ.

[4]) Т.-е. въ жилыхъ комнатахъ дворца.

поставили передъ вселенскихъ патріарховъ; и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли. Отъ писанія съ патріархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христосъ. Послѣднее слово ко мнѣ рекли: «что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де трема персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ». И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: «Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно, и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, немощны есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учиться: у насъ Божіей благодатью самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна. Никонъ волкъ съ діаволомъ предали трема персты креститься; а первые наши пастыри, яко же сами пятію персты крестились, тако же и благословляли по преданію святыхъотецъ нашихъ Мелетія Антіохійскаго, Θеодорита блаженнаго, епископа Кипрскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ, также слагая персты креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же прежніи святіи отцы, Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша на соборѣ знаменосцы Гурій и Варсанофій, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ, соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ». — И патріарси задумалися; а наши, что волченки, вскоча, завыли, и плевать стали на отцевъ своихъ; говоря: «глупы де были и не смыслени наши русскіе святые; неученые де люди были: чему имъ вѣрить? они де грамотѣ не умѣли!»

О Боже святый! како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія? Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало; побранилъ ихъ, сколько могъ, и послѣднее слово рекъ: «Чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному; лучше единъ, творяй волю Божію, нежели тьмы беззаконныхъ». Такъ на меня и пуще закричали; «возьми, возьми его: всѣхъ насъ обезчестилъ»; да толкать и бить меня стали. И патріархи сами на меня бросились, человѣкъ съ 40 ихъ, чаю, было, — велико антихристово войско собралося. Ухватилъ меня Иванъ Уваровъ, да потащилъ; и я закричалъ: «Постойте, не бейте!» Такъ они всѣ отскочили

и я толмачу архимандриту говорить сталъ: «Говори патріархомъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіерей преподобенъ, незлобивъ и проч., а вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете?» Такъ они сѣли. А я отошелъ ко дверямъ да на бокъ повалился; «посидите вы, а я полежу», — говорю имъ. Такъ они смѣются; «дуракъ-де протопопъ, и патріарховъ не почитаетъ!» И я говорю: «мы уроди Христа ради; вы славни, мы же безчестни; вы сильны, мы же немощны». Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуіа стали гоговорить со мною и мнѣ Христосъ подалъ, посрамилъ я въ нихъ римскую (ересь) Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И Еуфимей, чудовскій келарь, молвилъ: «Правъ-де ты, нечего-де намъ больше того говорить съ тобою», да и повели меня на чѣпь. Потомъ полуголову царь прислалъ со стрѣльцами и повезли меня на Воробьевы горы...

Въ концѣ августа 1667 г. Аввакумъ съ товарищами были вывезены изъ Москвы въ Пустозерскъ. 14 лѣтъ провелъ неукротимый протопопъ въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ своего заключенія. Онъ не переставалъ и тамъ проповѣдовать и бороться съ «никоніанами». Извѣстность его была такъ велика и уваженіе къ нему такъ сильно, что далекая ссылка и заточеніе въ земляной тюрьмѣ не помѣшали ему остаться учителемъ вѣрныхъ его послѣдователей, число которыхъ все увеличивалось. Неизвѣстно какъ, онъ получилъ возможность свободно писать: всѣ его многочисленныя письма и посланія къ вѣрнымъ, самая автобіографія его — все это было написано тутъ, въ засыпанной землею ямѣ Пустозерска, на маленькихъ лоскуткахъ бумаги. Невѣдомыми путями всѣ эти листочки расходились по Руси, читались и переписывались, какъ драгоцѣнныя слова наставника-мученика; они пересылались въ Москву; таинственныя руки доставили по адресу даже два посланія Аввакума къ царю Алексѣю Михайловичу. Правительство усиливало строгости тюремнаго заключенія, — все было безполезно; наконецъ, когда умеръ царь Алексѣй, и Аввакумъ отправилъ новому царю Ѳеодору Алексѣевичу посланіе, гдѣ говорилъ: «Богъ судитъ между мной и царемъ Алексѣемъ; въ мукахъ онъ сидитъ, — слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду», — приказано было «за великія на царскій домъ хулы» сжечь Аввакума съ товарищами.

Ниже предлагаются отрывки изъ писемъ и посланій Аввакума, характерные для его взглядовъ на различные вопросы вѣры и жизни.

II. Изъ посланій Аввакума.

1. О церковныхъ новшествахъ. По попущенію Божію умножилось въ русской землѣ иконнаго письма неподобнаго. Изографы пишутъ, а власти соблаго-

воляютъ имъ, и всѣ грядутъ въ пропасть погибели, другъ за друга уцѣпившеся... Пишутъ Спасовъ образъ Эммануила — лицо одутловато, уста червонныя, власы кудрявые, руки и мышцы толстыя; тако же и у ногъ бедра толстыя, и весь яко Нѣмчинъ учиненъ, лишь сабли при бедрѣ не написано. А все то Никонъ-врагъ умыслилъ будто живыхъ писати. А устрояетъ все по фряжскому, сирѣчь по нѣмецкому, якоже фрязи пишутъ... Не поклоняйся ты, рабе Божій, неподобнымъ образомъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, яко же трое отроци въ Вавилонѣ тельцу златому на полѣ Деирѣ. Толсто тоже телище было вылито и велико, что нынѣшнія иконы Старые добрые изографы писали не такъ подобіе святыхъ: лицо, и руки, и всѣ чувства отончали, измождали отъ поста и труда и всякія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ измѣнили, пишете таковыхъ же, каковы сами.

Русскіе возлюбили обычаи и поступки римскаго костела, а свои истинные возненавидѣли и держащихся православія токмо жги да пали! Охъ, охъ, бѣдная Русь! чего тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ обычаевъ?

2. О свѣтской мудрости и западной наукѣ. Я не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имѣю... Не ищи глаголъ высокословныхъ, но смиреномудрія. А кто гордостью движется, Платонски на судѣ поучается говорить, таковый всяко изнеможетъ и отвержется. Гордоусцевъ тѣхъ не любитъ Господь. Молись передъ Владыкою, да будетъ проклято всякое еретическое мудрованіе. Не затекайте во многомъ мудрованіи, отъ гордости той, что черви капустные, пропадете.

Древле дьяволъ сказалъ: «поставлю престолъ свой на небеси и буду подобенъ Вышнему»; такъ и альманашники[1]) глаголютъ: «мы разумѣемъ небесная и земная и кто намъ подобенъ?»... Христіане достизаютъ не мудрости внѣшнія поразумѣвати и луннаго теченія, но на самое небо восходятъ смиреніемъ и тѣла ихъ нетлѣнны пребываютъ на землѣ. Видишь, гордоусецъ-альманашникъ, гдѣ твои Пиѳагоръ и Платонъ: всѣхъ ихъ, яко свиней, черви съѣли. Мои же святые смиренія ради отъ Бога прославлены... Свиньи и коровы больше васъ знаютъ: передъ погодой визжатъ да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ, и послѣ того дождь бываетъ. А вы,

[1]) Такъ постоянно Аввакумъ зоветъ любителей читать астрологическія книги-альманахи, а затѣмъ и вообще послѣдователей свѣтскаго, «языческаго» знанія.

Рис. 9. Изъ рукописной Ариѳметики 1684 года.

разумныя свиньи, лице неба и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, какъ умереть. Горе да и только съ вами, съ толстыми быками!

3. О необходимости крѣпко стоять за вѣру и быть готовымъ пострадать. Любо мнѣ, что вы охаете: «охъ, охъ! Какъ спастися? Искушеніе пріиде!» — Чаю-су, охъ. Да ладно, такъ меньше спите; убужайте другъ друга. А я себѣ играю, въ землѣ сидя... Я уже нынѣча не плачу самъ: вамъ велю плакать о всѣхъ и о мнѣ. А надъ всѣмъ мудрость змѣину имѣй, а цѣлость голубиную. Разумѣешь, чего для Господь на змію-ту указываетъ и на голубя? А то: змію-ту какъ бьетъ кто, такъ она все тѣло предаетъ біемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову-ту въ землю хоронитъ. Я ихъ бивалъ смолода ума. Какъ главы не разобьешь, такъ и опять оживетъ, а голову то какъ разобьешь, такъ она и цѣла, а мертва. Такъ и христіанинъ, безъ головы умретъ смертью вѣчной, сирѣчь безъ вѣры Христовы непорочной; хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. А аще разграбленъ и уязвленъ, да глава непорочна, еже есть православная вѣра въ души его — живъ есть таковый животомъ вѣчнымъ. Еще же и незлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино. Понеже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строитъ и иныхъ дѣтей заводитъ. Я ихъ смолода держалъ — поповичъ я, голубятникъ былъ. Какъ нехороши дѣтенки-тѣ, и лишаешь отъ родителей, а они, бѣдные, свитаются и другихъ станутъ заводить. Тако и христіанину безгнѣвно подобаетъ жити, — аще и жену и дѣтей отымутъ, не гнѣватися, а о имѣньи и слова не говорю. Пускай дьяволъ емлетъ: онъ владыка вѣку сему. Христосъ заплатитъ въ будущій вѣкъ. А жену-ту и дѣтей Христосъ сохранитъ же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ Божіей благодатью снабдѣваема[1]). А я пою Богу моему, дондеже есмь...

Душе моя, душе моя! возстани, что спиши? Виждь, мотылюбная, кто при тебѣ: боярыня Ѳеодосія Прокопьевна Морозова, и сестра ея Евдокія Прокопьевна княгиня Урусова, и Даниловыхъ дворянская жена Марья Герасимовна

---

[1]) Жена Аввакума съ младшими дѣтьми оставалась въ Мезенской тюрьмѣ.

съ прочими. Мучатся въ Боровскѣ, въ землю живы закопаны по многихъ мукахъ и домовъ разореніи, алчутъ и гладуютъ. Жены суть, немощнѣйшая чадь, а со звѣремъ по человѣку борются. Чудо, да только подивиться чуду сему! Какъ такъ! 50 тысячъ крестьянъ имѣла, да домоваго заводу тысячъ больше двухсотъ было — дѣти мнѣ духовныя, и знаю про нихъ, сына не пощадѣла единороднаго, къ сему и другая также дѣтей. А нынѣ вмѣсто позлащенныхъ одровъ въ землѣ закопаны сидятъ, за старое православіе мучатся. А ты, душе, много ли имѣешь при нихъ? Развѣ мѣшокъ, да горшокъ, а третье — лапти на ногахъ. Безумная, нутко опрянися и исповѣждь Сына Божія явственнѣ! Полно укрыватися! Иного времени долго ждать. Само царство небесное валится въ ротъ; а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А того не видишь, какую честь-ту бросили боярыни-тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабъ, не имѣешь цѣла ума. Ну, дѣтей-то переженишь, жену-ту утѣшишь, а за тѣмъ что? Не гробъ ли? И та же смерть, да не та, понеже не Христа ради, но общій всемірный конецъ. Блаженни умирающіе о Господѣ!...

А хотя и бить станутъ или жечь: ино и слава Господу Богу о семъ. На се бо изыдохомъ изъ чрева матери своея. А во огнѣ то здѣсь небольшое время потерпѣть — аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ. Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся! До пещи страхъ-отъ; а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ; емлютъ душу тѣ отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу, а Онъ, надежда, и благословляетъ и силу ей даетъ божественную, не уже ктому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды жъ со ангелы летаетъ, равно яко птичка попархиваетъ, рада — изъ темницы той вылетѣла. Темница горитъ въ пещи, а душа яко бисеръ, и яко злато чисто взимается со ангелы выспрь во славу Богу и Отцу. А темницу никіоніане бердышами сѣкутъ въ огнѣ, да уже не слышитъ ничего: персть бо есть, яко камень горитъ, или земля...

Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей и не задумывайся, гряди съ дерзновеніемъ въ огнь и съ радостью Христа ради постражди. Много никоніане людей перегубили, думая службу приносить Богу. Мнѣ сіе гораздо любо: освятилась русская земля кровью мученическою. Не лѣнитесь, бѣдные, подвизайтесь гораздо. Русачки бѣдные рады, что

мучителя дождались: полками дерзають въ огонь за Христа. Я бы умеръ, да и паки бы умеръ по Христѣ Бозѣ нашемъ. Сладокъ вѣдь Исусъ-то! Помнишь ли трехъ отроковъ въ пещи огненной? Навуходоносоръ глядитъ, анъ Сынъ Божій четвертый съ ними гуляетъ. Не бось, не покинетъ и васъ Сынъ Божій. Дерзайте всенадежнымъ упованіемъ; таки размахавъ, да и въ пламя. На вотъ, дьяволъ, еже мое тѣло, до души моей тебѣ дѣла нѣтъ!

---

19. Юліанія Лазаревская[1]).

Въ началѣ XVII вѣка сыновняя любовь вдохновила нѣкотораго Калистрата, по прозванію Дружину, Осорьина описать житіе своей матери, Юліаніи Лазаревской. Житіе озаглавлено такъ: «Мѣсяца января во 2-ой день представленіе святыя и праведныя матере Іуліаніи Лазаревскія. Списано сыномъ ея Калистратомъ, пореклу Дружиною, Осорьинымъ» За введеніемъ собственно повѣствованіе начинается слѣдующими словами въ красной строкѣ: «Сказую вамъ, братіе, повѣсть дивну, бывшу въ родѣ нашемъ»...

Калистратъ Осорьинъ, воодушевленный сыновнимъ чувствомъ, видѣлъ въ своей матери совершеннѣйшій идеалъ женщины, по понятіямъ той эпохи, т.-е. женщину святую, и сохранилъ о ней память не только въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ, но и въ свидѣтельство о своемъ благородномъ, любящемъ сердцѣ...

Особенный интересъ этой повѣсти состоитъ въ томъ, что она переноситъ насъ въ боярскую семью XVI вѣка, такъ мало намъ извѣстную, и вращается около особы, которая составляетъ ея средоточіе — около вѣрной жены и нѣжной матери. Можетъ быть, читатель не найдетъ въ изображеніи героини ни яркихъ очерковъ, ни энергіи характера, но не можетъ оказать ей въ своемъ уваженіи, не можетъ не признать за ней нѣжной граціи, несмотря на нѣкоторую жестокость ея аскетическихъ убѣжденій.

Во дни благовѣрнаго царя великаго князя Ивана Васильевича[2]) отъ его царскаго двора былъ нѣкоторый мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, по прозванію Недюревъ, саномъ ключникъ. И имѣлъ онъ жену боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стефаниду, Григорьеву дочь, Лукина, отъ предѣловъ города Мурома. И жили они во всякомъ благовѣріи и чистотѣ, и было у нихъ много сыновей и дочерей, много богатства и рабовъ множество. Отъ нихъ же

---

[1]) Приводимъ эту глубоко интересную біографію-повѣсть изъ жизни русской женщины XVI вѣка по тексту, данному въ «Очеркахъ Буслаева, съ вступленіемъ и заключеніемъ, взятыми изъ его статьи. И текстъ повѣсти, и изложеніе Буслаева взяты въ выборкахъ.

[2]) Языкъ повѣсти нѣсколько подновленъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

родилась и блаженная Іуліанія. И когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, мать ея померла; и взяла ее къ себѣ въ предѣлы города Мурома бабка ея, — матери ея мать, вдва, именемъ Анастасія, Григорьева жена, Лукина, Никифорова дочь, Дубенскаго. И воспитывала ее шесть лѣтъ во всякомъ благовѣріи и чистотѣ. А когда исполнилось блаженной 12 лѣтъ, бабка ея преставилась отъ житія сего. И заповѣдала она дочери своей Натальѣ, Путиловѣ женѣ Арапова, взять внуку свою Іуліанію къ себѣ въ домъ, и воспитать ее во всякомъ благочестіи; потому что тетка ея имѣла своихъ дочерей и дѣвицъ и одного сына. Блаженная же отъ молодыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, премного почитала тетку свою и сестеръ и во всемъ была имъ послушна, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. И за то тетка много ее бранила, а сестры надъ ней смѣялись, потому что въ такой молодости томила она свое тѣло; и говорили ей ежедневно: «О, безумная! зачѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту дѣвственную губишь!» И часто понуждали ее съ ранняго утра ѣсть и пить; но она не вдавалась ихъ волѣ, хотя съ благодарностью все принимала. Чаще же съ молчаніемъ отъ нихъ отходила, потому что она была послушлива ко всякому человѣку и съ дѣтсткаго возраста кротка и молчалива, не величава. Отъ смѣха и всякой игры удалялась, и хотя много разъ отъ сверстницъ своихъ на игры и пѣсни пустошныя была принуждаема, однако не приставала къ ихъ сборищу, такимъ образомъ таила свои добродѣтели. Только о пряжѣ и пялечномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея. А сиротъ и вдовъ и немощныхъ въ веси той всѣхъ обшивала; и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія. И всѣ дивились ея разуму и благовѣрію. И вселился въ нее страхъ Божій.

Не было въ той веси церкви, ни близи ея, а была версты за двѣ. И не случилось блаженной въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу быть въ церкви, ни слышать божественныхъ словесъ прочитаемыхъ, ни учителя, учащаго на спасеніе. Только смысломъ благимъ была наставляема нраву добродѣтельному, какъ говоритъ Великій Антоній: «Имѣющимъ цѣлъ умъ не требовати писанія». Слово это блаженная собою исправила. И не учившись книгамъ, ни учителемъ наставляема, еще въ дѣвственномъ возрастѣ всѣ заповѣди исправила, и, какъ бисеръ многоцѣнный, свѣтилась среди тины. О благо-

честіи подвизалась и желала слышать слово Божіе, но въ дѣвственномъ возрастѣ ни разу того не получила. И отъ невѣждъ была осмѣяна за свои добрыя дѣла.

Когда достигла блаженная шестнадцатаго года, была отдана замужъ въ предѣлы города Мурома мужу доброродну и богату, именемъ Георгію, по прозванію Осорьину...

Когда же мужъ ея пребывалъ въ царскихъ службахъ, лѣто или два, а иногда и три лѣта, въ то время она всѣ ночи безъ сна проводила, много Богу молилась, и не угасалъ свѣщникъ ея всю ночь. Прилежно локти свои на веретено утверждала и на пялечное дѣло, и, продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Была она хитра пялечному дѣлу. Многую милостыню тайно отъ свекра и свекрови творила. Только вѣдала это одна малая рабыня, съ которою посылала милостыню нуждающимся, и все это дѣлала по ночамъ, чтобы никто не узналъ. А днемъ домовное хозяйство безъ лѣности правила, о вдовахъ и сиротахъ, какъ настоящая мать заботилась, своими руками поила и кормила, омывала и обшивала. И совершилось на ней премудраго Соломона слово: «Жену добру, аще кто обрящетъ, дражайши каменя многоцѣннаго таковая. Богатства не лишится и радуется о ней сердце мужа, аще гдѣ коснитъ, не печется ни о чесомъ же». Всѣ въ дому ея были одѣты и насыщены, и каждому дѣло по силѣ его давала. А гордости и величанія не любила, простымъ именемъ никого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подалъ, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но все сама собою творила. Развѣ по нуждѣ, когда гости приходили, тогда ей рабыни по чину предстояли и служили. Когда же уходили гости, и то она себѣ въ тяжесть вмѣняла. И всегда со смиреніемъ укоряя душу свою, говорила: «Кто же я сама, убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданія Божіи».

Вскорѣ послѣ того гнѣвъ Божій постигъ Русскую землю, наказуя насъ за грѣхи наши. Наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей помирало. Она же многую милостыню творила тайно отъ всѣхъ. Брала у свекрови себѣ пищу, будто бы на утреннее и полуденное яденіе, и отдавала нищимъ, а сама издѣтства только дважды въ день вкушала пищу. А до обѣда и послѣ обѣда до ужина никогда не ѣла. Видѣвши то, свекровь говорила ей: «Радуюсь я, невѣстушка, что ты чаще стала ѣсть, но дивлюсь, какъ измѣнилась ты нравомъ: когда хлѣба было въ изобиліи, не могли

мы тебя принудить къ раннему и полуденному яденію; теперь же въ мірѣ оскудѣніе пищи, а ты берешь себѣ завтракъ и полудникъ». Она же, желая утаиться, отвѣчала: «Когда я еще не родила дѣтей, не хотѣлось мнѣ ѣсть, а, какъ начала родить, обезсилѣла, и не могу досыта наѣсться. И не только днемъ, но и ночью много разъ хочется мнѣ ѣсть. И мнѣ стыдно просить у тебя пищи». Слыша это, очень рада была свекровь и посылала ей пищу довольно и на день, и на ночь. Потому что у нихъ въ дому нимало не было оскудѣнія; въ прежніе годы скоплено было много жита. Она же, принимая пищу отъ свекрови, сама не ѣла, но все раздавала нуждающимся.

Вскорѣ послѣ голоду былъ на людей сильный моръ. Многіе помирали болѣзнью, прозванною пострѣломъ. И многіе неразумные въ домахъ своихъ запирались и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пускали и къ одеждѣ ихъ не прикасались. Блаженная же, тайно отъ свекра и свекрови, зараженныхъ многихъ въ банѣ обмывая, исцѣляла и Бога молила обѣ исцѣленіи.

Итакъ поживши съ мужемъ своимъ довольно лѣтъ въ добродѣтели и чистотѣ, по закону Божію, родила десятерыхъ сыновей и три дочери Изъ нихъ четверо сыновей и двѣ дочери въ младенчествѣ померли, а шестерыхъ сыновей и одну дочь она съ супругомъ воспитала, прославляя Бога...

Ненавидящій же добро дьяволъ всячески старался бѣду и искушеніе ей сотворить и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами. Но она все мысленно и разумно разсуждала и усмиряла. И не могъ врагъ сотворить ей зла, и навадилъ одного изъ рабовъ, и этотъ рабъ убилъ ея старшаго сына. Или врагъ хотѣлъ ее въ отчаяніе ввести и отъ Бога отлучить, или же, думаю, было то нѣкое смотрѣніе Божіе, какъ Давидъ сказалъ: «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ твоимъ»; для того, чтобы блаженная еще болѣе о душѣ своей прилежала.

Такъ и сбылось. И злато, сказано, безъ искушенія не бываетъ совершенно. Видя сына своего умершаго, блаженная очень скорбѣла, но не о смерти его, а о душѣ его. Однако не смутилась, и мужа своего утѣшительными словами увѣщевала. Вскорѣ послѣ того и другого сына ея на царской службѣ убили. Хотя она и скорбѣла, но душевно, а не тѣлесно: не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлаютъ другія женщины, но днемъ поминала дѣтей своихъ мило-

стыней и кормлею нищихъ, а ночи безъ сна проводила, моля Бога со слезами объ отпущеніи грѣховъ своихъ умершихъ чадъ.

Тогда начала она молить своего мужа, чтобы отпустилъ ее въ монастырь, но тотъ никакъ не преклонялся къ ея просьбѣ. Она же говорила: «Если не отпустишь, то бѣгомъ изъ дома своего утаюсь». Но мужъ заклиналъ ее не оставлять его; самъ онъ состарѣлся, а дѣти еще малы, и читалъ онъ ей книги блаженнаго Космы пресвитера и прочихъ святыхъ отцовъ. Не спасутъ насъ, сказано, ризы черныя, если не по монашескому чину живемъ, и не погубятъ ризы бѣлыя, если богоугодное творимъ. Кто, не стерпя нищеты, отходитъ въ монастырь, не думая пещись о дѣтяхъ, тотъ не труда ищетъ и не любви Божіей, но хочетъ только отдыхать. А дѣти, осиротѣвши, плачутся и клянутъ, говоря: «за чѣмъ же родители наши, родивъ насъ, оставили въ такой бѣдности и нуждѣ?» Если и чужихъ сиротъ велѣно кормить, то тѣмъ больше не морить своихъ. И многія другія Божественныя писанія читалъ онъ передъ нею. Она же, послушавъ, оставила свое намѣреніе, сказавъ: воля Господня да будетъ. Сама же, какъ птичка изъ сѣтей вырвалась, отверглась отъ всего мірского и къ единому Богу всею душою своею обратилась. Постъ и воздержаніе паче мѣры воспріяла. По пятницамъ вовсе не вкушала, и затворялась одна въ клѣти и тамъ въ молитвахъ упражнялась; по понедѣльникамъ же и по средамъ однажды въ день сухоядѣніе безъ варева вкушала А по субботамъ и воскресеньямъ въ дому своемъ трапезу поставляла попамъ и вдовамъ и сиротамъ и своимъ домочадцамъ; тогда и сама выпивала одну чарку вина, не потому, что любила вино, но не хотѣла оскорблять гостей. Сна же только съ вечера часъ одинъ или два принимала и ложилась на печи безъ постели; только дрова вострой стороной къ тѣлу подстилала; дрова же и подъ головы клала, а подъ ребра желѣзные ключи; и такъ тѣло свое удручала. Не желала она покоя; но ложилась, пока не засыпали ея рабы, а потомъ вставала на молитву, и всю ночь безъ сна пребывала; и со слезами Богу молилась до заутренняго благовѣста. Потомъ шла къ заутрени, и къ литургіи. Въ теченіе же дня рукодѣлью прилежала, домъ свой благоугодно устрояла, рабовъ своихъ пищею и одеждою довольствовала, и дѣло каждому по силѣ задавала. Бѣднымъ во всемъ помогала и всякой добродѣтели образъ проходила, и, просто сказать,

по Іову,—была она око слѣпымъ, нога хромымъ, безкровнымъ покровъ, и нагимъ — одежда...

Иныхъ же ея добрыхъ дѣлъ невозможно пересказать, ни въ письмѣ передать. Не знаю, какого бы добраго дѣла она не сотворила. Какими словами восхвалить труды ея? Плачъ ея кто испишетъ? Милостыни ея кто изочтетъ? Гдѣ же говорящіе, будто въ міру нельзя спастись? Не мѣсто спасаетъ, но умъ и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю, яко въ великомъ отишьѣ, утомился, а Лотъ въ Содомѣ, какъ въ морскихъ волнахъ, спасся. Скажешь, что нельзя среди чади спастись? А вотъ блаженная Юліанія и съ мужемъ пожила, и дѣтей раждала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее.

Преставился и мужъ ея черезъ 10 лѣтъ. Тогда она еще больше отверглась отъ всего мірского, и съ того времени постъ къ посту приложила и молитву къ молитвѣ, и къ слезамъ слезы, и милостыню паче мѣры показала. Случалось, что ни одной сребрянницы въ домѣ ея не оставалось, и она занимала, и обычную милостыню нуждающимся подавала, и ежедневно ходила въ церковь на молитву. Когда наступала зима, брала у дѣтей своихъ на теплую одежду, но и то все нищимъ раздавала, а сама безъ теплой одежды зимой оставалась. Сапоги на босыя ноги обувала, а подъ подошвой, вмѣсто стелекъ, орѣховыя скорлупы и вострые черепки подкладывала, и такъ тѣло свое удручала...

И такъ пожила она во вдовствѣ 10 лѣтъ, многую добродѣтель во всемъ показывая, и дожила до Борисова царства, Годунова. И былъ въ то время сильный голодъ по всей Русской землѣ, такъ что многіе ѣли всякое скверное мясо и человѣчью плоть. И множество народу перемерло голодомъ. Тогда въ дому блаженной великое было оскудѣніе пищи, потому что не выросло всѣянное въ землю жито, а кони ея и рогатый скотъ поколѣли. Только молила она дѣтей и рабовъ своихъ, чтобы ничего чужого не трогали, не воровали, а что осталось у нея отъ скота, а также ризы, сосуды, все распродала на жито, и тѣмъ челядь свою кормила и милостыню довольную просящимъ подавала. И дошла она до послѣдней нищеты, такъ что въ дому ея ни единаго зерна жита не осталось; но и отъ этого не смутилась, возлагая упованіе на Бога. Въ то время переселилась она въ село, называемое Вочнево, въ предѣлахъ Нижегородскихъ. И не было тамъ церкви ближе двухъ верстъ, потому, старостью

и нищетою будучи одержима, не ходила она въ церковь, но дома молилась, и о томъ не мало скорбѣла... Когда великая нищета умножилась въ дому ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: «Голодъ одержитъ насъ, видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ на свободу, и не изнуряется ради меня». Благомыслящіе между ними обѣщались съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословеніемъ и молитвою отпустила она ихъ, не держала на нихъ гнѣва. И велѣла оставшимся рабамъ собирать траву, рекомую лебеду, и кору древесную, рекомую илемъ, и въ томъ велѣла готовить хлѣбы, и тѣмъ сама питалась и дѣтей и рабовъ кормила.

Когда приблизилось честное ея преставленіе, разболѣлась она мѣсяца декабря въ 26-й день, и была больна 6 дней. Но что была болѣзнь ея? Днемъ на постели лежала, а молитву творила непрестанно, ночью же сама вставала и молилась Богу, никѣмъ не поддерживаемая. А рабыни ея посмѣивались, говоря: «Неправду хвораетъ; днемъ лежитъ, а ночью встаетъ и молится». Она же, уразумѣвъ, говорила имъ: «Что вы меня посмѣхаете? Развѣ не знаете, что и у больного истязуетъ Богъ молитвы духовныя». И иное многое говорила отъ святыхъ книгъ.

Января во 2-й день на разсвѣтѣ призвала отца своего духовнаго Аѳанасія и причастилась животворящихъ таинъ, тѣла и крови Христа, Бога нашего. Сѣла на одрѣ своемъ и призвала дѣтей своихъ и рабовъ и всѣхъ живущихъ въ селѣ томъ. И поучала ихъ о любви, и молитвѣ, и о милостынѣ, и о прочихъ добродѣтеляхъ, присовокупивъ: «Желаніемъ возжелала я великаго ангельскаго образа еще отъ юности моей, но не сподобилась по грѣхамъ моимъ. Такъ угодно было Богу; слава праведному суду Его». И велѣла уготовить кадило и фиміамъ вложить въ него, и цѣловала всѣхъ, бывшихъ при ней, и всѣмъ миръ и прощеніе подавала. Потомъ легла, трижды перекрестилась, обвила четки около своей руки, и сказала послѣднее слово: «Слава Богу всѣхъ ради! Въ руцѣ Твои предаю духъ мой! Аминь!» И предала душу свою въ руки Господа, котораго измлада полюбила...

Въ лѣто 1605-е, января въ 10-й день.

Такъ пожила блаженная Юліанія; таковы ея подвиги и труды! Вы же, братіе и отцы, не зазрите мнѣ, что написалъ, будучи грубъ и нечистъ. И не думайте, что это все ложно, ради родства материнскаго. Видитъ всевидящее око Владыко Христосъ, Богъ нашъ, что не лгу.

Сколь ни умилительна нѣжная, благочестивая личность моей героини, все же нельзя не сознаться, что житье-бытье и вся внѣшняя обстановка накидываетъ темный, печальный колоритъ на весь разсказъ, даже несмотря на то, что онъ согрѣтъ непритворной сыновней любовью автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями Муромскаго края. Не зацѣпили скромной жизни Юліаніи ни погромы татарскіе, ни смуты бояръ, ни опала и гроза царя Ивана Васильевича. Все же досталось на ея долю много невзгоды и бѣдствій, которыми такъ часто казнилась и искушалась древняя Русь. Сначала голодъ, потомъ моровая язва, потомъ еще голодъ, — и такой страшный, что люди поѣдали человѣческое мясо. Повсюду безчисленны толпы нищихъ просятъ хлѣба, а дать нечего. Непривѣтна и домашняя жизнь, окруженная раболѣпіемъ холоповъ, которое было естественною по тогдашнимъ понятіямъ наддачей всякаго благосостоянія: «Много богатствъ и рабъ множество» имѣли родители Юліаніи. Грустна и невзрачна была тогдашняя семейная жизнь, лишенная благотворныхъ средствъ общественнаго образованія и предоставленная себѣ самой въ тѣсномъ, жалкомъ кругу раболѣпной челяди. Каково могло быть въ древней русской семьѣ воспитаніе дѣвицы, всего лучше можно судить по жизни Юліаніи. Это бы еще ничего, что она не знала грамотѣ и несмотря на свое благочестіе не успѣла выучиться, когда вышла замужъ, — но она даже ни разу не была въ церкви за все время своего дѣвичьяго возраста, ни разу не слышала божественной службы, ни разу не слышала, кто бы ей сказалъ или прочелъ божественное слово спасенія. Мудрено ли, что всѣ ея сверстницы о томъ только и думали, что лелѣяли свою дѣвичью красу, спозаранку ѣли и пили, да насмѣхались надъ Юліаніей, что она въ такой молодости плоть изнуряла постомъ и молитвою. Единственнымъ занятіемъ русской боярышни 16-го вѣка было прядиво и пялечное дѣло...

Все, сказанное о достоинствахъ Юліаніи, съ немногими видоизмѣненіями относится ко всѣмъ благочестивымъ людямъ древней Руси. Подвижничество во имя Христа, постъ и лишенія, милостыня и молитва — все это общія черты древне-русскаго благочестія. Но, кромѣ того, въ характерѣ Юліаніи есть одна черта, которая, несмотря на всю суровость изображенія этой женщины, придаетъ необыкновенную нѣжность ея глубоколюбящей натурѣ. Человѣколюбивое ея сердце не могло не отозваться на одно изъ величайшихъ бѣдствій, которое не приходило случайно, и не миновало, подобно моровой язвѣ или голоду. Бѣдствіе это, такъ жестоко отозвавшееся въ собственной семьѣ Юліаніи, было гнусное рабство, съ которымъ никогда не могла примириться глубоко проникнутая ученіемъ Христа, возвышенная и любящая душа Юліаніи.

Не напрасно обнаруживала въ грубый, нечеловѣколюбивый вѣкъ свое нѣжное человѣколюбіе эта достойная женщина. Если и не была понятна она людямъ своего времени, то могла утѣшить себя тѣмъ, что могла найти себѣ сочувствіе въ подрастающемъ, юномъ поколѣніи, могла радоваться, что тѣ же благородныя чувства, то же христіанское уваженіе къ человѣчеству она посѣяла въ сердцѣ своего сына, который, описавъ жизнь своей матери, вполнѣ оцѣнилъ это истинно-христіанское чувство...

Ея благочестіе было дѣятельное. Ей должно было спастись въ той неблагопріятной для спасенія средѣ, въ которой суждено было провести свою жизнь. Сначала рѣдко ходила она въ церковь и усердно молилась

Богу дома: но и домашняя молитва спасаетъ. Не суждено было ей облечься въ монашескій санъ: но и въ міру можно спастись. Вотъ тѣ идеи, на которыхъ любитъ останавливаться нашъ повѣствователь. Вѣетъ свѣжимъ духомъ въ смѣломъ выраженіи этихъ идей, примиряющихъ древне-русскаго благочестиваго писателя и съ семейнымъ счастіемъ и съ семейными добродѣтелями женщины, какъ супруги и матери.

20. Девгеніево дѣяніе.

Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ старый русскій переводъ-передѣлка греческой поэмы X вѣка, посвященной подвигамъ героя Василія Дигениса, превратившаг ся въ русскомъ текстѣ въ Девгенія. Греческій герой является защитникомъ византійскихъ границъ отъ мусульманъ — Сарацинъ, сражается съ разбойниками. Кромѣ историческаго и національнаго интереса въ поэмѣ видное мѣсто занимаютъ необыкновенныя приключенія, а также романическій элементъ. Дигенисъ — сынъ гречанки и сарацинскаго царя Амира; мать его была похищена и братья выручали ее, но Амиръ изъ-за любви къ плѣнницѣ крестился и взялъ ее въ замужество. Отъ этого брака и родился Дигенисъ. Необыкновенная сила и храбрость его обнаруживалась съ дѣтскаго возраста; выросши, онъ началъ совершать воинскіе подвиги. Интересна исторія его женитьбы. Услышавъ о необычайной красотѣ Евдокіи, дочери стратига (военачальника) Дуки, онъ ѣдетъ мимо ея мраморнаго дворца и поетъ пѣсню, въ которой выражаетъ свою любовь. Дѣвушка проситъ кормилицу выглянуть въ окошко, а потомъ сама смотритъ въ щелку. Дигенисъ подходитъ къ окну и говоритъ: «Дай мнѣ знать, любишь ли ты меня или любишь другого, — я не хочу дѣйствовать противъ твоей воли». Евдокія посылаетъ кормилицу сказать ему: «Богъ покажетъ тебѣ, что я ношу тебя въ сердцѣ; но берегись, юноша: мой отецъ жестокъ и не пощадитъ тебя». По просьбѣ Дигениса она показывается ему въ окнѣ и говоритъ: «иди съ радостью, о юноша, и не забывай меня». Послѣ свадьбы Дигенисъ съ женой отправляется къ границамъ для ихъ защиты. Изъ его подвиговъ надо упомянуть о побѣдѣ надъ знаменитымъ предводителемъ разбойниковъ, Филопаппомъ, который, желая отмстить, призываетъ на помощь воинственную красавицу-амазонку Максимо. Два раза бьется съ ней Дигенисъ; побѣжденная въ первый разъ, Максимо является на другой день въ золотомъ панцырѣ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ. Дигенисъ ранитъ ее въ пальцы правой руки, она роняетъ мечъ и трепещетъ за свою жизнь, но Дигенисъ не въ силахъ былъ причинить какое-нибудь зло красавицѣ.

Русская повѣсть дошла до насъ въ неполномъ видѣ: списокъ кончается приготовленіями Девгенія къ похищенію своей жены (которая называется просто Стратиговной, т.-е. дочерью Стратига, что принято за собственное имя), но эпизодъ съ амазонкой «Максимьяной» есть, онъ поставленъ раньше свадьбы. Главное же отличіе русскаго пересказа состоитъ въ общемъ тонѣ; національная роль героя-защитника родины и историческія условія борьбы греческаго народа съ мусульманствомъ забыты или отодвинулись на задній планъ, и вся повѣсть разсказана, какъ занимательная сказка. Почти пропалъ и романическій элементъ, поэтическое чувство природы, любовь, какъ смягчающій элементъ, культурный

характеръ нравовъ и понятій — все это или исчезло или огрубѣло. Для примѣра стоитъ сравнить эпизодъ съ Максимо, переданный выше, съ его изложеніемъ въ русской повѣсти (см. ниже стр. 149). Девгеньево дѣяніе извѣстно было издавна на Руси: оно находилось и въ томъ Сборникѣ (XV или XVI вѣка), въ которомъ найдено Слово о Полку Игоревѣ.

...Книжницы начаша проповѣдовать о рожденіи Девгеніевѣ и потомъ царица Амира царя......родитъ сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и ввергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему прекрасный Девгеній, а крестиша[1]) его самъ патріархъ, а мати крестная царица града того, — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ, на первое надесять лѣто и на второе начаше копьемъ играти, а на третеенадесять лѣто начаше на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантѣ[2]) храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ вельми, лицо же его яко снѣгъ, а румяно яко маковъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его вельми великія яко чашы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы — отъ прегуданія и умъ человѣчь не можетъ смыслить, а какъ юноша начнетъ на томъ конѣ скакать, а конь подъ нимъ играть, и (отъ) тѣхъ звонцовъ прегуданія умъ человѣчь исхититца. На четвертое же лѣто на 10 ѣздиша прекрасный Девгеній на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего нудить; отецъ же его нача ему говорить: «чадо, рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити», и повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати съ юношами и съ шурьями своими. Людіе же града того многія поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чудеси, како сій юноша прекрасный, младъ, хощетъ звѣриную дерзость имѣти. Отецъ же его повелѣ зайцы изъ острова выгонять и нача ихъ ловить со псами; преславный же Девгеній посмѣявся и рече: «отче, не тако звѣрей ловятъ, но поѣдемъ въ дальные пустые лѣса». Отецъ же его поѣде съ нимъ, и многія люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темнаго лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходить и смотрити какова звѣря, и видя прекрасный Девгеній лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко борзѣе... борзаго фарыжа, и догнавъ, ухвативъ его за заднія ноги и раздра его на двое,

[1]) 3-е лицо множ. числа здѣсь часто стоитъ вмѣсто единств. числа.
[2]) И *драгантъ*, и *фарь* (фарыжъ) обозначаютъ богатырскаго коня.

и влече его положа на руку и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща. Девгеній же храбрый видѣвъ медвѣдя и поскочи, и догнавъ медвѣдя, разодравъ его челюсти и разодравъ его на двое; и видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и всѣ людіе и удивишася зѣло; люди же многи ту стояху и дивляхуся. По малѣ же времени видѣвше отецъ его изъ острову бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь разъемше челюсти своя и хотяше проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, пометай мертвая зри живого — на тя бѣжитъ и хощетъ тя поглотить· той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступися къ нему». И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеній, лютаго того звѣря, и ухвативъ мечъ свой и скочи къ нему встрѣчу, и удари его мечомъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и пріѣхавъ къ сыну своему и поцѣлова его во уста и во очію, како дарова ему Богъ таковаго отрока и подастъ силу надо всѣми храбрыми и сильными, и рече отецъ сыну своему: «о свѣтозарное солнце, преславный Девгеній, отъ поту звѣринова и от-хля медвѣжая порты на тебѣ изрудилися[1]), но идемъ мы, сыне, отъ сего лѣсу темнаго — есть въ семъ лѣсу источникъ водный, въ немъ ярко свѣща сіяетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему ни кто пріитьти, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся, и нынѣ поидемъ, чадо, ко источнику, и язъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твое и руцѣ и нозѣ». И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеси, и пріидоша ко источнику, и нача отецъ сынъ своему лице омывати и руцѣ и нозѣ, и рече сынъ, прекрасный Девгеній: «отче, руцѣ мои моешь, а ще имъ калнымъ быть»; по томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя яко человѣчи, и видѣвъ же то преславный Девгеній, и взя мечь свой и поскочи противу его и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вся людіе дивишася чудеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на его драгоцѣнные порты съ драгимъ златомъ аравитьскимъ, а перерукавіе съ драгимъ магнитомъ. И потомъ же юноша сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброгласныи начаша прегудать, и пріѣхаша въ домъ

[1]) Собств. значитъ: *окровавились* (отъ руда — кровь), но здѣсь употреблено въ смыслѣ *испачкались*.

къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего, и любезно цѣлова его, и съ тое поры прекрасный Девгеній царевичъ нача помышляти о дѣлѣхъ ратныхъ.

Слышавъ же то Филипатъ и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко зайца въ тенето. Филипатъ же храбръ и силенъ добрѣ и много у себя войска имѣетъ; также и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣетъ, и войско ихъ сильно и храбро добрѣ, яко Македоняне. И поидоста на преславнаго Девгенія царевича и не доидоша града Греческаго и сташа на рѣкѣ Ефрантѣ, и послаша Максимьяна грамоты съ прелестію ко преславному Девгенію, а въ грамотѣ пишетъ: «о свѣте, свѣтозарное солнце, преславный Девгеней, ты царствуеши во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ маѣ мѣсяцѣ всяка красота земная процвѣтаетъ и древа листьвенныя листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, преславный Девгеній; а нынѣ молимъ тя, преславне, не полѣнися, пріиди къ намъ не во многѣ силѣ на Ефрантъ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже нѣсть помышленія никакова жъ». И прочтетъ же тою грамоту преславный Девгеній и посмѣявся и рече отцу своему: «отче, хощу ѣхать видѣти преславна и храбра Филипата и Максимьяну дѣву». Рече же къ нему отецъ его, Амиръ царь: «чадо мое милое, преславный Девгеній, рано тебѣ въ сильную рать ѣхать; еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничего ратнаго дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филипатъ въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максимьяна, дщерь его, мужескую дерзость имѣетъ, и войско ихъ храбро и много зѣло». Девгеній же отписавъ грамоту и посла Река мужа а въ грамотѣ пишетъ: «срамъ ми есть великъ въ томъ — противо дѣвицы ѣхати биться, а ты, старый Филипатъ, во многѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ». Прочетъ же грамоту Максимьяна дѣвица и рече Греку мужу: никакоже, свѣтозарное солнце и преславный Девгеній, и не имѣй помысла во умѣ своемъ никакова, занеже пріѣхали мы юности твоей видѣти». Девгеній же день отъ дни помышляше, какъ бы ему видѣть храбрость Филипата, и поятъ съ собой Грековъ немного и возме молитву отъ отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой и рече отцу своему: «отче и мати моя, въ томъ вы помышленія никакова не имѣйте, никако же отъ руки

человѣческія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, занеже надѣюся на Бога и на силу Божію и на вашу молитву». И поѣде въ путь свой и пріѣде на рѣку, рекомую Ефрантъ, и ста на берегу и посла Грековъ своихъ къ Филипату и къ Максимьянѣ дѣвицѣ; и видѣвъ же то Филипатъ, Девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ копье свое и попре въ рѣку концемъ и перескочи черезъ рѣку пѣшъ, яко соколъ дюжей отъ руку ловца, и завопи гласомъ веліимъ, велегласно: «дайте мои борзы конь, рекомый фарь», и всѣдъ на конь свой и нача гонять, яко добрый жнецъ траву коситъ: въ первомъ поскокѣ тысячу поби войска Филипата, а въ другой рядъ скочилъ, такожде 1000-жь побилъ, а въ третій нагна Филипата самого и удари ево копьемъ, тупымъ концомъ, межъ плечъ и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній вяжуще отца ея Филипата, и заправя копье свое хотяще пробости преславнаго Девгенія созади его; Девгеній же видѣвъ то, и ухвати копье ея рукою своею, и удари ея дланію своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обоихъ, а войско ихъ иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища, и перегнаша ихъ черезъ рѣку. Въ ту жь пору старый Филипатъ обратясь къ Девгенію и рече: «о златокрылый ястребъ, преславный Девгеній, ты славенъ еси и силенъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ, а еще тя есть храбре и сильнѣе на семъ свѣтѣ преславный Стратигъ, имѣя у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, имѣя и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣсть на семъ свѣтѣ краше, — мнози цари и короли храбріи и сильніи суть, а нихто не можетъ ея пояти, — что ни пріѣдетъ, тотъ не можетъ отъ ихъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебя Богъ одаритъ, а нынѣ пощади мя и старость мою, отпусти мя». Рече же ему преславный Девгеній: «хощу прежде провѣдати, аще истину сказалъ ми еси; тогда пущу тя, только возложу знаменіе на лице твое протчаго ради времяни». Преславный же Девгеній нача мыслить во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, а Максимьяну дѣвицу повелѣша матери своей беречь и держати въ великомъ бреженіи, и нача прекрасный и преславный Девгеній у отца своего и у матери безпрестани

умоляти, како бы ему видѣть преславнаго Стратига царя и сыновъ его и все ихъ воинство и прекрасную Стратиговну Отецъ же его нача унимать: «чадо мое милое, уймися отъ сего помысла; многіе то помышляша о самомъ Стратигѣ и Стратиговнѣ, како бы имъ видѣти, да не збылося имъ видѣти ея». Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупи воя своя много, и взя съ собою драгоцѣнныя порты и коня своего съ звончатыми гусли и сяде на борзой свой фарь, и поѣде съ войскомъ своимъ къ Стратигу царю. И доиде сумежья Стратиговы земли, и не доѣзжая до града за пять верстъ и устави воинство свое и повелѣ имъ межь себе около стражу крѣпку имѣти, дабы не скрали ихъ, а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, который въ звонцы играетъ, ко граду Стратигову. И пріѣде во градъ, во врата града Стратигова, и встрѣте юношу Стратигова двора, и вопрошаше юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынахъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же ему юноша: «нѣсть господина нашего Стратига царя дома, но въ иной странѣ ловы дѣетъ и съ четырьмя сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино нѣсть таковыя прекрасныя на семъ свѣтѣ; многіе суть пріѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а нихто въ очи ея не видалъ, и нихто живъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричесь воинство его, а воинству его и смѣты нѣтъ, а храбри суть такови: единъ на сто напустить, и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣетъ, иному никому на ея зрѣть неподобно... развѣ тебѣ». И слышавъ же то Девгеній прекрасный радостенъ бысть зѣло, зане... и въ книгѣ указано ему прикасатися къ Стратиговнѣ и жить ему тридесять 6 лѣтъ съ нею; поѣде же Девгеній прекрасный градомъ Стратиговымъ, и пріиде ко двору Стратигову, и нача взирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче къ оконцу и видѣ красоту Девгеніеву и нача во умѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ; Девгеній же ѣздиша по двору и возвратися назадъ...

---

21. Бова королевичъ.

Эта, очень извѣстная въ низшемъ классѣ народа книга, которую многіе считаютъ за старую русскую сказку, имѣетъ западное происхожденіе и представляетъ переводъ средневѣковаго итальянскаго рыцарскаго ро-

мана, который появился въ Европѣ не позднѣе начала XIV вѣка. У насъ «Сказаніе про храбраго витязя Бову Королевича» имѣется въ рукописяхъ XVII в., но и тамъ оно носитъ уже такой обрусѣлый характеръ, что, очевидно, Бова вошелъ въ нашу литературу значительно раньше XVII вѣка. Исторія о Бовѣ помѣщалась постоянно на лубочныхъ картинкахъ, причемъ имѣла два текста: полный текстъ распредѣлялся въ видѣ подписей къ 32 картинкамъ, а краткій — къ 8 картинкамъ. Въ этихъ двухъ видахъ она продолжаетъ переиздаваться лубочными издателями до нашихъ дней; старинный текстъ отличается болѣе чистымъ народнымъ складомъ. Итальянское происхожденіе повѣсти ясно видно на именахъ: самъ Бова называется въ итальянскомъ романѣ Buovo или Bovo, отецъ его Гвидонъ — Guido, король Додонъ — Duodo, жена Бовы Дружневна или Дружевна — Drusiana, богатырь Лукаперъ — Lucaferro, Полканъ — Pulicane и т. д. Прочное мѣсто, занятое Бовой въ народномъ чтеніи, можетъ быть объяснено не одною занимательностью приключеній, а также тѣмъ, что въ самой идеѣ западнаго романа и въ подробностяхъ сюжета русскій человѣкъ находилъ не чуждые себѣ мотивы, привычные ему въ сказкахъ. Исторія Бовы есть исторія типичнаго сказочнаго героя, добраго и безхитростнаго, который сперва терпитъ много заключеній, но благополучно избавляется отъ всѣхъ опасностей и получаетъ красавицу и царство. Бова въ юности едва не погибъ отъ руки матери, которая извела мужа, чтобы выйти за другого, и преслѣдовала сына. Спасшись съ помощью вѣрнаго дядьки, Бова идетъ въ «градъ Армень» и нанимается въ конюхи къ королю Зинзовею. Здѣсь онъ пріобрѣтаетъ любовь царской дочери Дружевны и, еще не открывая своего происхожденія, побѣждаетъ сватавшихся за нее жениховъ. Пребываніе Бовы на службѣ у Зинзовея и составляетъ содержаніе перваго отрывка, помѣщеннаго здѣсь.

И въ тѣ поры пріиде подъ градъ Армень изъ Поморья король Маркобрунъ, а съ нимъ войска своего двѣсти тысячъ, и скоро посылаетъ къ королю Зинзовею посланныя титла: «чтобъ король Зинзовей далъ за меня дщерь свою, прекрасную Дружневну; аще не дашь дщери своей, царство твое все поплѣню, а тебя подъ мечъ преклоню, а прекрасную Дружневну во свою волю возьму». Король же Зинзовей, слышавъ тѣ посланныя титлы и прочитавъ самъ грамоты, и не можетъ противъ его стояти. И нарече король Зинзовей короля Маркобруна себѣ зятемъ и зва его къ себѣ хлѣба ѣсть и войску его повелѣлъ по слободамъ стати. И послѣ стола поѣхалъ король Маркобрунъ съ дворяны своими въ поле тѣшиться; и приде Бова отъ конюшни своея къ королю Зинзовею: «О государь мой, король Зинзовей Андоровичъ, отпусти, государь, меня, хлопа своего посмотрѣть, какъ ся тѣшитъ король Маркобрунъ съ дворяны своими». Король же Зинзовей повелъ Бовѣ ѣхати на поле; Бова-же себѣ осѣдлалъ своего добраго коня надежнаго и поѣхалъ въ поле смотрѣть, какъ ся тѣшитъ король Маркобрунъ

съ дворяны. И напустиша на Бову по два и по три, Бова-же ихъ мечетъ съ коней, что сноповъ. Прекрасная-же Дружневна все зритъ на Бовину храбрость; и напустиша на Бову по 20 и по 30, Бова-же ихъ всѣхъ мечетъ съ коней, что сноповъ. Король-же Маркобрунъ вельми возъярився и повелѣ Бову убити на смерть и самъ на него напустилъ, Бова-жъ и самаго короля скинулъ съ коня. Прекрасная-же Дружневна видѣ Бову вельми истомна и повелѣ въ рогъ трубити, чтобъ войско унялось отъ рванія конскаго. И въ тѣ поры войско унялось отъ рванія конскаго. Бова-же пріѣхалъ на конюшню и нача спати по 3 дня и по 3 нощи не просыпаяся. И въ тѣ поры пріиде изъ Задонія града царь Салтанъ Салтановичъ да съ нимъ сынъ его Лукаперъ, а войска съ ними 100 тысящъ. Лукаперъ же славный богатырь, вышину имѣя трехъ саженъ, промежъ очима пядь. И скоро посылаетъ къ королю Зинзовею посланныя титлы, чтобы король Зинзовей далъ дщерь свою прекрасную Дружневну за его сына Лукапера: «аще не дашь дщерь свою, то царство твое все поплѣню, а тебя подъ мечъ преклоню, а прекрасную Дружневну во свою волю возьму». Король же Зинзовей, слышавъ тѣ посланныя титлы и прочитавъ самъ грамоты, и призва къ себѣ нареченнаго зятя своего короля Маркобруна и рече ему: «О королю Маркобруне! у тебя есть войска своего 30 тысящъ, а у меня столько же, и сложимся обое вмѣстѣ, и будетъ войска нашего 60 тысячъ, и пойдемъ противъ царя Салтана и сына его Лукапера». Король же Маркобрунъ рече королю Зинзовею: «Слово твое паче меда устомъ моимъ». И повелѣ въ рогъ трубити и собра войска своего 60 тысящъ и поидоша противъ царя Салтана и сына его Лукапера. Лукаперъ же, не допущая до царскихъ знаменей, войско ихъ все побилъ и короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣихъ въ полонъ полонилъ. Бова-жъ, послышавъ за градомъ звукъ и топотъ конскій, пріиде къ прекрасной Дружневнѣ и рече ей: «О госпожа прекрасная Дружневна, что есть за градомъ нашимъ звукъ великъ и топотъ конской?» Прекрасная-же Дружневна рече Бовѣ: «То днесь пріиде изъ Задонія града царь Салтанъ Салтановичъ да сынъ его Лукаперъ, а войска съ нимъ 100 тысящъ, отца моего короля Зинзовея и короля Маркобруна обѣихъ полонилъ и войско наше все побилъ». Бова-же рече: «О госпожа прекрасная Дружневна, я ѣду на помощь отцу твоему и королю Маркобруну». Прекрасная Дружневна рече Бове: «Господине Бова, не ѣзди на бой, отбей силу отъ

града прочь, а сами затворимся во градѣ своемъ: уже тебѣ батюшковой смерти, королю Зинзовею и королю Маркобруну не пособить; и меня возьми женою себѣ и буди батюшковой душѣ поминокъ, а царству его содержатель». Бова-же рече ей: «О госпоже, прекрасная Дружневна, что же ми будетъ?» Никако Бовы не можетъ уняти и сама говоритъ таково слово: «Господине Бова, не ускоряй ѣхати, но помедли, я тебѣ дамъ мечъ кладенецъ, отъ того-же меча не можетъ никакое желѣзо стоять; я тебѣ дамъ кольчугу добраго короля Молганскаго, тое-же кольчуги не можетъ никакое желѣзо пробить». Прекрасная-же Дружневна принесе Бовѣ мечъ кладенецъ и щитъ, и копье; и садится на конь Бова, въ стремя не вступая, и въ тѣ поры тутъ прекрасная Дружневна сама Бовѣ въ стремена кладетъ ноги и говоритъ такъ: «Господине Бова, уже ты ѣдешь на смертное дѣло; либо ми съ тобою судитъ Богъ видѣться, либо нѣтъ; повѣждь ми, какого еси отца сынъ?» Бова-жъ ей рече: «О госпожа, прекрасная Дружневна, азъ есмь отъ града Онтона, сынъ добраго короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы». Прекрасная-же Дружневна, видѣ Бовино отечество, вельми прослезися; и въ тѣ поры тутъ прилучися кралевской дворецкой короля Маркобруна и говоритъ такъ: «О госпожа прекрасная Дружневна, не подобаетъ тебѣ холопа на конь сажати и на ратное дѣло отпущати». Бова-же ево ударилъ мечемъ тупымъ концомъ, дворецкой же паде аки мертвъ на землю и лежа три дни и три нощи безъ языка. Бова-же поѣхалъ вонъ изъ града противъ царя Салтана и сына его Лукапера. И съѣзжаются два богатыря, Бова и Лукаперъ; прекрасная-же Дружневна все зритъ, какъ съѣзжаются два богатыря, Бова и Лукаперъ. Бова-же ему рече: «Господине Лукапере, ты надѣешься на силу и величество, а я надѣюся на Спаса и на Пречистую и на небесныя силы». Лукаперъ же ему рече: «Бова, ты ли хочешь градъ Армень отстояти отъ человѣкъ». Бова-же рече ему: «Господине Лукопере, помяни пророка Давида». Глаголаша и оба сразишася вмѣстѣ: Бова-же его ударилъ мечемъ по главѣ и разсѣче ему главу надвое, Лукаперъ же паде мертвъ на землю, Бова-же поѣхалъ по войску его, аки по лѣсу; ужъ у Бовы въ трупу человѣческомъ конь не скочитъ, а весь въ крови ходитъ; и добивается до царскихъ знаменей. И единъ богатырь, Кухазъ именемъ, много съ Бовою бися и не можетъ противъ его стояти и нача отъ него бѣжати; а на немъ бысть четыре раны мечевыхъ да пять ранъ копейныхъ,

и прибѣжа въ шатры и повѣда царю Салтану, что «выѣхалъ изъ града витязь именемъ Бова, сына твоего Лукапера убилъ и войско твое все побилъ». Царь же Салтанъ побѣже по морю въ кораблѣ, а съ нимъ бысть войска 50 человѣкъ; Бова же пріѣхалъ къ шатру, ажно король Зинзовей лежитъ связанъ, и онъ его развязалъ и посадилъ его на коня; и поѣхалъ Бова къ другому шатру, ажно король Маркобрунъ лежитъ связанъ же, и онъ его развязалъ и посадилъ его на конь, и поѣхали ко граду Арменю, и ѣдучи говоритъ вслухъ таково слово: «Нѣкій господинъ купилъ себѣ холопа и далъ за него 30 литръ злата, а нынѣ ему холопъ такову службу сослужилъ, избавилъ его отъ смерти; и нынѣ бы его государь пожаловалъ, свободилъ на свою волю.». Король же Зинзовей рече ему: «Еще тотъ холопъ не вѣдаетъ, чѣмъ его государь хочетъ пожаловать». И пріѣхали въ градъ Армень, и встрѣчаетъ его, короля Зинзовея, дочь его, прекрасная Дружневна: «О государь мой батюшка, король Зинзовей Андоровичъ, не давай, Государь, меня за короля Маркобруна, и дай меня за Бову королевича, вѣдь онъ отца сынъ добраго, короля Гвидона и матери госпожи Милитрисы отъ града Онтона» Король же Зинзовей рече ей: «О госпожа дочь моя, прекрасная Дружневна, буди на твоей волѣ». Бова-же пріѣхалъ на конюшню, нача спати по три дни и по три нощи не просыпаяся

Дальше идутъ несчастія Бовы. Обманомъ онъ былъ удаленъ отъ Дружневны и посланъ на погибель въ руки своего врага, царя Салтана, отца Лукапера. Дружневна, не зная, куда попалъ Бова, едва выпросила годъ отсрочки у отца, желавшаго выдать ее за Маркобруна. Бова не погибъ, хотя испыталъ много опасностей; до него дошла вѣсть, что Дружневна уже переѣхала въ царство Маркобруна, и онъ стремится къ ней. Годъ и три мѣсяца прошло съ его исчезновенія, и Дружневна уже скоро должна стать женою Маркобруна, когда наконецъ Бовѣ удалось добраться до царства своего соперника; только что передъ тѣмъ онъ получилъ отъ старца-пилигрима черное и бѣлое зелье; если потереться однимъ, будешь аки уголь черенъ, умыться другимъ — и аки цвѣтъ процвѣтешь. Бова измѣнилъ свою наружность при помощи чернаго зелья и принялъ видъ стараго нищаго, когда собрался выручать отъ Маркобруна свою невѣсту.

И взя Бова свой мечь кладенецъ и поиде въ Поморье къ королю Маркобруну. И пріиде во градъ и тутъ стоятъ три юноши, иже бяше при единой странѣ, Бова-же пріиде къ нимъ пилигримъ и рече имъ: «дайте ми про Бога, про Христа и для вашего витязя, Бовы королевича, милостину». И единъ вывернясяударилъ его по лицу: «О старче пилигриме, ты сей

заповѣди у насъ не вѣдаешь! Здѣсь заповѣдь такова: кто про Бову помянетъ, тотъ имать повѣшенъ быть». Бова-же ему поклонився и поиде на кралевскій дворъ и пріиде на поварню, и рече Бова поварамъ королевскимъ: «дайте ми для Бога и для вашего витязя Бовы королевича милостину». И единъ поваръ, выхватя головню горящую и удари его по головѣ и опали ему голову; старецъ же пилигримъ взя его за ногу и удари его о стѣну. И восташа на него многіе повары, онъ же и тѣхъ поваровъ всѣхъ побилъ. И пріиде тутъ кралевской дворецкой, коего Бова ушибъ мечемъ тупымъ концомъ: «О старче пилигриме, про что еси побилъ поваровъ королевскихъ?» Онъ же ему рече: «Азъ, господине, у нихъ попрошалъ для Бога и для Христа и для витязя Бовы королевича милостины, и они меня опалили всего, и азъ отъ нихъ поборонился». Дворецкой же рече ему: «о старче пилигриме, поиди подъ комору, тамъ сидитъ прекрасная Дружневна, она тебѣ дастъ для Бовы милостину». Онъ же ему поклонився до земли и поиде подъ комору и возопи гласомъ великимъ и рече: «О госпоже, прекрасная Дружневна, дай ми для Бога, для Христа и для витязя Бовы королевича милостину». Прекрасная же Дружневна высунулась по плечи въ окно и рече: «Поиде, старче пилигриме, ко мнѣ въ комору». Бова же пріиди къ ней; и рече ему прекрасная Дружневна: «О старче пилигриме, гдѣ еси про Бову слыхалъ, или гдѣ его видалъ, что для него просишь?» Онъ же рече ей: «Какъ мнѣ его не знати? я съ Бовою у царя Салтана сидѣлъ въ одной темницѣ». Прекрасная же Дружневна начала плакати; и пріиде въ полату король Маркобрунъ и рече: «О госпожа, прекрасная Дружневна, что сей за старецъ? съ нимъ глаголешь, а сама все плачешь?» Она же ему рече ложными словесы: «То господине, старецъ отъ отца моего; повѣдаетъ ми, что мать моя умерла». Король же Маркобрунъ рече ей: «Вели, госпоже, ему дать поѣсть». И самъ поиде вонъ изъ полаты. И въ тѣ поры нача конь вельми ржати, и кои тутъ звѣздочетцы сами говорятъ промежъ себѣ: то де жретъ конь Бовы королевича, то де слышитъ конь государя своего Бову королевича. Прекрасная же Дружневна нача вельми плакати. Бова-жъ у нея вопрошалъ: «О госпоже, прекрасная Дружневна, чей-то конь ржетъ вельми?» Она же ему рече: «То, господине, конь друга моего любимаго, Бовы королевича, а держу я коня того для того: либо государя своего Бову заслышу и я на немъ до него доѣду, или онъ ко мнѣ пріѣдетъ и мы отъ короля

Маркобруна на немъ уѣдемъ: а по ся мѣста все я сама его и пою и кормлю, а уже онъ побилъ больше 3000 юнаковъ». Бова же рече ей: «Я вамъ коня сего излечу, что на немъ станетъ сидѣть 3 лѣтъ дѣтище». И пріиде въ полату король Маркобрунъ и рече: «Поиди, старче, вонъ изъ полаты». Прекрасная же Дружневна рече ему: «О королю Маркобруне, еще хочетъ старецъ нашего коня излечить, что на немъ учнетъ ѣздить 3 лѣтъ дѣтище». Король же Маркобрунъ рече: «Добро, госпожа прекрасная Дружневна». Бова же поиде къ конюшнѣ и взявъ короля за руку, а прекрасную Дружневну за другую, и поиде къ конюшнѣ; конь же Бовинъ нача вельми ржать, король же Маркобрунъ трепетенъ бысть отъ ржанія конскаго и не возможете итти и возвратися вспять, прекрасная же Дружневна поиде съ Бовою на конюшню. Бова же пріиде на конюшню и отворилъ двери конюшни тоя, конь же Бовинъ былъ привязанъ на 70-ти цѣпяхъ, и то все оборвалъ и скокнулъ Бовѣ на горло, а переднія копыта положилъ ему на плеча. И нача конь Бову цѣловати; а только-бъ конь имѣлъ у себя языкъ и онъ такъ бы рекъ: Откуда еси пришолъ и гдѣ еси былъ? Прекрасная же Дружневна рече Бовѣ: «Господине старче пилигриме, что еси скоро коня нашего прельстилъ?» Бова же рече ей: «Госпоже прекрасная Дружневна, для того меня конь скоро призналъ, занеже есмь самъ Бова». Прекрасная же Дружневна скоро усумнився и рече ему: «Коли еси ты Бова, покажи мнѣ мечь кладенецъ, коимъ я тебя опоясала». Бова же поднявъ ризы своя и показалъ мечъ. Прекрасная же Дружневна рече ему: «Господине старче пилигриме, то еси съ Бовою сидѣлъ въ одной темницѣ у царя Салтана и ты еси у Бовы мечъ укралъ». И рече ему: «Господине, покажи мнѣ язву, кою я у тебя сама лечила». Бова же поднявъ клобукъ съ главы своея и показалъ ей язву. Прекрасная же Дружневна рече Бовѣ: «Господине Бова, гдѣ еси ты изнурилъ красоту лица своего?» Бова же скоро потерся бѣлымъ зеліемъ и бысть аки цвѣтъ процвѣлъ, лицо его просіяло, яки солнечные лучи; прекрасная же Дружневна рече ему: «О государь мой милый, Бова королевичъ, откуда еси яки солнце возсіяло ко мнѣ?» И нача его любезно цѣловати и рече ему: «Здѣ ли хотимъ быть или прочь ѣхать?» Бова же рече ей: «Поѣдемъ, госпоже, прочь». — Добро, господине, сѣдлай себѣ коня, а мнѣ другого, а я къ тебѣ твое оружіе тотъ часъ сошлю съ дѣвицею.— И пріиде прекрасная Дружневна къ королю Маркобруну,

Рис. 10. Лубочная картинка, изображающая бой Бовы съ Полканомъ

король же Маркобрунъ рече ей: «Живъ ли, госпоже, нашъ старецъ?» Она же ему рече: «Живъ, господине, нашъ старецъ, ходитъ близко коня нашего, а конь его познаваетъ. И хочу къ нему послать постельку». И въ тотъ часъ шелъ завертѣ въ постелю щитъ и кольчугу и посла съ дѣвицею къ Бовѣ въ конюшню, а сама поиде къ королю Маркобруну и принесе къ нему кубокъ забвеннаго вина: «Испей, господине, за любовь нашу». Король же рече: «Испей, госпожа, ты за любовь». Она же испівъ мало и поднесе ему; онъ же испивъ все и заспе твердо. Прекрасная же Дружневна поиде къ Бовѣ въ конюшню и пріиде къ нему; Бова же ходитъ весь вооруженъ, а носитъ въ рукѣ свой щитъ и копье и мечъ кладенецъ. И сяде Бова на конь, а прекрасная Дружневна на другой и поѣхали вонъ изъ города не вѣмъ никому и переѣхали больше 100 верстъ и доѣхали нѣкоего кладезя, и тутъ Бова учелъ шатеръ ставити и почивъ держати... И возста отъ сна своего и поѣхаша путемъ своимъ, и рече Бовѣ прекрасная Дружневна: «Господине Бова, будетъ за нами погоня отъ короля Маркобруна: есть у него наспѣхъ именемъ Полканъ, сидитъ въ погребѣ, славный богатырь, отъ пояса до главы человѣкъ, а отъ пояса къ ногамъ песъ, и та ему 100 верстъ за 10 верстъ; онъ можетъ добыть». И возста король Маркобрунъ отъ сна своего, не обрѣте своей госпожи прекрасныя Дружневны и повелъ въ рогъ трубити и собра войска своего 10 тысячъ и рече имъ: «О витязи мои и юнаки! пріиде ко мнѣ Бова пилигримомъ и уведе у меня госпожу прекрасную Дружневну; подите и поймайте ихъ, и могу Бову повѣсить, а прекрасную Дружневну разстрѣлять». И рече ему витязи и юнаки: «О государь нашъ король Маркобрунъ, уже Бова сей нощи переѣхалъ больше 600 верстъ и намъ его не сугнати, войско идетъ опочиваяся на день по 50 верстъ; ино есть у тебя наспѣхъ именемъ Полканъ, сидитъ въ погребѣ, и та ему 100 верстъ за 10 верстъ, онъ тебѣ можетъ добыть Бову и Дружневну». Маркобрунъ послаше Полкана; Полканъ же пріиде къ королю Маркобруну, и онъ рече ему: «Господине Полкане, и пріиде ко мнѣ Бова пилигримомъ и уведе у меня прекрасную Дружневну, поиди и поймай ихъ, и могу Бову повѣсить, а прекрасную Дружневну разстрѣлять». Полканъ же рече ему: «Я тебѣ добуду ихъ, Бову и Дружневну». И побѣже Полканъ за ними; Бова же и Дружневна зрятъ, ажно Полканъ бѣжитъ пѣшъ, что конемъ же. Бова же, уготовя мечъ свой и хотя его мечемъ

посѣщи, и погрѣши мимо и шибе мечъ его по черенъ въ землю. Полканъ же, выломивъ дубину изъ корени и ударивъ Бову, Бова же бысть дряхлъ; Полканъ же и вторицею шибе о него, Бова же паде на землю. Полканъ же сяде на конь Бовинъ, конь же нача его мыкать по лѣсу и по деревью и по пустому лѣсу, слыша не государя своего на себѣ, и нача конь тертися и валятися и одралъ на Полканѣ всю кожу его. И побѣже конь съ нимъ мимо Дружневнина шатра, и рече ему прекрасная Дружневна: «Господине Полкане, не чините межъ собою съ Бовою бою и побратайтеся, ино васъ богатырей славнѣе и сильнѣе и на свѣту не будетъ». Полканъ же рече ей: «О госпоже, прекрасная Дружневна, я радъ со Бовою братство воспріять». Конь же Бовинъ сталъ кротко, Полканъ же пріѣхалъ къ Бовѣ и слѣзе съ коня и съ Бовою братство воспріялъ и межъ себя увѣрншася. Бова же всѣдъ на конь, а прекрасная Дружневна на другой и поѣхали путемъ своимъ, а Полканъ за ними побѣже пѣшъ, что конемъ же.

Судьба еще разъ разлучаетъ героевъ и только послѣ многихъ и многихъ приключеній они окончательно соединяются для мирной и счастливой жизни среди своей семьи.

---

22. Исторія о россійскомъ дворянинѣ Флорѣ Скобеевѣ.

Дѣйствіе повѣсти происходитъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича; имена дѣйствующихъ лицъ — подлинныя русскія фамиліи того времени.

Вся обстановка дѣйствія и жизненность бытовыхъ сценъ склоняютъ къ предположенію, что повѣсть и написана въ XVII вѣкѣ.

Исторія о Фролѣ Скобеевѣ представляетъ интересъ для историка литературы, 1) какъ самостоятельное русское произведеніе, 2) какъ произведеніе, показывающее, что въ русской литературѣ того времени возникаетъ новое направленіе. Неизвѣстный авторъ повѣсти далекъ отъ старыхъ книжныхъ обычаевъ, не желаетъ никого наставлять, а весело и шутливо, съ сохраненіемъ бытовыхъ подробностей разсказываетъ продѣлки тонкаго плута. Любопытно, что этотъ плутъ, подобно тому, какъ въ старинныхъ фабльо, какъ позднѣе у Бомарше, незнатнаго происхожденія и проводитъ знатнаго боярина.

Любопытно также, что въ разсказѣ о томъ, какъ «Фролка» обманнымъ образомъ женился на знатной и богатой Аннушкѣ Нардинъ-Нащокиной, любовь играетъ очень малую роль. Даже въ первой части повѣсти, гдѣ герой еще нѣсколько интересуется Аннушкой, разсказъ едва упоминаетъ о чувствѣ Фрола и передаетъ его отношенія къ Аннушкѣ въ очень грубыхъ чертахъ. Это весьма характерно для отношенія къ женщинѣ у насъ въ XVII вѣкѣ. Болѣе галантное и идеальное и вмѣстѣ съ тѣмъ жеманное

отношеніе къ женщинѣ въ русскомъ обществѣ складывается позже, въ XVIII вѣкѣ.

Фролъ Скобеевъ, главнымъ образомъ, дѣлецъ, ябедникъ, проходимецъ, устроитель собственныхъ дѣлъ. Вся исторія съ Аннушкой для него только средство устроить свою карьеру, и въ одномъ изъ списковъ повѣсть озаглавлена даже словами: «Исторія о новгородцкомъ дворянинѣ о Фролѣ Скобеевѣ и Аннушкѣ — какъ онъ себѣ достигъ за семь рублей благополучіе».

Въ повѣсти есть художественныя черты: живописна, напр. сцена на площади, гдѣ Фролъ валяется въ ногахъ, на глазахъ собравшейся толпы, передъ знатнымъ, старымъ, опирающимся на клюку бояриномъ; много художественной правды и въ исторіи примиренія разгнѣванныхъ Нащокиныхъ съ дочерью и нежданнымъ зятемъ.

Языкъ повѣсти соотвѣтствуетъ реальности ея содержанія. Это простой разговорный языкъ XVII вѣка, чуждый старой книжности.

Здѣсь приведена часть повѣсти, передающая исторію женитьбы Фрола. Послѣ того какъ онъ познакомился съ Аннушкой въ деревнѣ, отецъ ея, не зная объ ихъ знакомствѣ, вызываетъ Аннушку изъ своей вотчины въ Москву, намѣреваясь выдать ее замужъ.

...Потомъ пишетъ отецъ ей изъ Москвы, Аннушкѣ, стольникъ Нардинъ Нащекинъ, чтобъ она ѣхала немедленно въ Москву для того, что сватаются къ ней женихи хорошіе, стольничьи дѣти. И Аннушка, хотя съ великою неволею, не хотя преслушать воли отца своего, поѣхала къ Москвѣ. Потомъ, провѣдавъ Фролъ Скобеевъ, что Аннушка уѣхала въ Москву, и сталъ въ великомъ сумнѣніи, — не знаетъ, что дѣлать, для того, что дворянинъ богатый и не имѣетъ пропитаніе, что всегда ходитъ въ Москвѣ за дѣлами повѣреннымъ. И взялъ себѣ намѣреніе, чтобъ имѣющіяся у него пустоши заложить и ѣхать въ Москву, какъ бы Аннушку достать себѣ въ жену, что и учинилъ. И сталъ Фролъ Скобеевъ отправляться въ Москву, а сестра его объ томъ весьма соболѣзнуетъ, что, конечно, будетъ въ какой причинѣ [1]). И Фролъ Скобеевъ сталъ прощаться и сказалъ: «Ну, матушка сестрица, пожалуй не тужи ни объ чемъ: хотя и животъ мой утрачу, по тѣхъ мѣстъ и жизнь моя кончается, а отъ Аннушки не отстану, — или буду полковникъ, или покойникъ! А если что сдѣлается по намѣренію моему, то и тебя не оставлю; а буде сдѣлается несчастіе, то прошу не позабыть меня поминовеніемъ!» И простясь поѣхалъ въ Москву.

И по пріѣздѣ въ Москву сталъ на квартирѣ близъ двора стольника Нардина Нащекина. И на другой день пошелъ Фролъ Скобеевъ къ обѣднѣ и увидѣлъ въ церкви мамку

[1]) Попадетъ въ какую-нибудь бѣду.

Аннушкину, и по отшествіи литургіи, вышелъ Фролъ Скобеевъ изъ церкви и сталъ ждать тою мамку. И какъ вышла та мамка изъ церкви, и подшелъ Фролъ Скобеевъ ко той мамкѣ и отдалъ ей поклонъ и просилъ ее, чтобъ она объявила объ немъ Аннушкѣ. И она ему обѣщалась всякое добро дѣлать. И пришедъ мамка домой и объявила Аннушкѣ о пріѣздѣ Фрола Скобеева. И Аннушка въ великой стала быть радости и просила мамку свою, чтобъ она заутришней день пошла къ обѣднѣ и взяла-бъ денегъ 20 руб. и отдала-бъ Фролу Скобееву. И мамка то учинила по волѣ ея, Аннушки.

У одного стольника Нардина Нащекина имѣлась сестра пострижена въ Дѣвичьемъ монастырѣ; и тотъ стольникъ поѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь гулять; и какъ пріѣхалъ, то сестра его встрѣтила по чести, брата своего; и тотъ стольникъ сидѣлъ у сестры своей не малое время. И имѣлись разговоры, промежъ которыхъ просила сестра брата своего: «Покорно васъ, государь мой братецъ, прошу! пожалуй, отпусти свою любезную дочь Аннушку для свиданія со мною, понеже многіе годы не видала ее». И стольникъ Нардинъ Нащекинъ обѣщалъ ей дочь свою отпустить. И сестра рече: «Не надѣюсь, государь братецъ, чтобъ сіе для меня учинилъ; или забудешь. Только покорно прошу, изволь приказать въ домѣ своемъ, когда пришлю я по нее карету и возниковъ[1]), хотя и въ небытность вашу дома, чтобъ ее ко мнѣ отпустили». И братъ ей Нардинъ Нащекинъ обѣщался то для просьбы ея учинить. И по нѣкоторомъ времени случися тому стольнику Нардину-Нащекину ѣхать въ гости и съ женою своею; и приказываетъ дочери своей: «Слушай, мой другъ Аннушка, ежель пришлетъ по тебя изъ монастыря сестра моя, а твоя тетка, карету съ возниками, то ты поѣзжай къ ней неумедля!» А самъ поѣхалъ въ гости и съ женою своей.

И Аннушка проситъ мамки своей, чтобъ она, какъ можно, пошла ко Фролу Скобееву, чтобъ онъ, какъ можно гдѣ, выпросилъ карету и съ возниками и пріѣхалъ самъ къ ней и сказалъ бы, будто отъ сестры стольника Нардина Нащекина изъ монастыря пріѣхалъ по Аннушку. И та мамка пошла ко Фролу Скобееву и сказала ему приказъ госпожи своей.

И какъ услышалъ Фролъ Скобеевъ, не знаетъ, что и дѣлать и какъ кого обмануть, для того что его изъ знатныхъ

---

[1]) Лошадей.

дворянъ всѣ знаютъ, что онъ дворянинъ не богатый, — только великая ябеда и ходатайствовать за приказными дѣлами. И пришло въ память Фролу Скобееву, что весьма ему добръ стольникъ Ловчиковъ; и пошелъ къ тому стольнику. И какъ пришелъ Фролъ Скобеевъ къ Ловчикову, и Ловчиковъ имѣлъ съ нимъ разговоръ многъ; и потомъ Фролъ Скобеевъ сталъ просить Ловчикова, чтобъ пожаловалъ ему карету и съ возниками ѣхать для смотрѣнія невѣсты. И Ловчиковъ далъ ему по его просьбѣ карету и кучера. И Фролъ Скобеевъ поѣхалъ и пріѣхалъ къ себѣ на квартиру, и того кучера споилъ весьма пьяна, и самъ убрался въ лакейское платье и сѣлъ на козлы и поѣхалъ къ стольнику Нардину Нащекину по Аннушку. И усмотрила мамка Аннушкина, что пріѣхалъ Фролъ Скобеевъ, сказала Аннушкѣ подъ видомъ другихъ, того дома служителей, якобы прислала тетка по нее изъ монастыря. И та Аннушка убралась и сѣла въ карету и поѣхала на квартиру Фрола Скобеева. И тутъ кучеръ Ловчиковъ пробудился; и усмотрѣлъ Фролъ, что кучеръ не въ такомъ сильномъ пьянствѣ, и напоилъ его весьма до пьяна, и положилъ его въ карету, а самъ сѣлъ въ козлы и поѣхалъ къ Ловчикову на дворъ. И пріѣхалъ ко двору, и отворилъ ворота, и пустилъ возниковъ на дворъ и съ каретою; а самъ пошелъ на свою квартиру. И вышли на дворъ люди Ловчикова и видятъ, что стоятъ возники и съ каретою, а кучеръ лежитъ въ каретѣ жестоко пьянъ, спитъ, а кто ихъ привезъ на дворъ, никто не вѣдаетъ. И Ловчиковъ велѣлъ карету и возниковъ убрать и сказалъ: «Еще то хорошо, что всего не уходилъ! На Фролѣ Скобеевѣ взять нечего!» И на утріе сталъ Ловчиковъ кучера спрашивать, гдѣ онъ былъ со Фроломъ Скобеевымъ, и кучеръ сказалъ, что «только помню, какъ былъ на квартирѣ, а куда онъ ѣздилъ и что дѣлалъ, того не знаю».

Потомъ стольникъ Нардинъ Нащекинъ пріѣхалъ изъ гостей и спросилъ дочери своей Аннушки; и та мамка сказала, что «по приказу вашему отпущена къ сестрицѣ вашей въ монастырь, для того, что она признала карету и возниковъ». И Нардинъ Нащекинъ сказалъ: «изрядно!»

И стольникъ Нардинъ Нащекинъ долгое время не былъ у сестры своей и думаетъ, что дочь его Аннушка у сестры его въ монастырѣ. А Фролъ Скобеевъ на Аннушкѣ уже и женился. Потомъ стольникъ Нардинъ Нащекинъ поѣхалъ къ сестрѣ своей въ монастырь и сидѣлъ не малое время,

а дочери своей не видитъ, и вопросилъ сестры своей: «Сестра, что я не вижу Аннушки?» И сестра ему отвѣтствовала: «Полно, братецъ, издѣваться! что-жъ мнѣ дѣлать, коли я безсчастная моимъ прошеніемъ къ тебѣ: просила я у тебя прислать ко мнѣ; знатно, что ты не вѣришь мнѣ въ томъ, а мнѣ время такого нѣту, чтобы прислать по нее!» И стольникъ Нардинъ Нащекинъ сказалъ: «какъ, государыня сестрица, что ты изволишь говорить? я не могу разсудить, для того, что она отпущена къ тебѣ съ мѣсяцъ, а ты прислала по нее карету и возниковъ, а я въ то время былъ въ гостяхъ и съ женою моей, и по приказу нашему отпущена къ тебѣ!» И сестра сказала: «Никакъ, братецъ, я кареты и возниковъ не посылала никогда, и Аннушка ко мнѣ не бывала!» И стольникъ Нардинъ Нащекинъ весьма сожалѣлъ о дочери своей, и горько плакалъ, что безвѣстно пропала дочь его; и пріѣхавъ въ домъ свой, и объявилъ женѣ своей, что Аннушка пропала, и сказалъ, что у сестры въ монастырѣ нѣтъ, и сталъ мамки спрашивать: «Кто пріѣзжалъ? и куда она поѣхала?» Мамка та сказала, что пріѣхалъ съ возниками кучеръ и сказалъ: «Изъ Дѣвичья монастыря, отъ сестры вашей, пріѣхалъ по Аннушку, и по приказу вашему и поѣхала Аннушка». И о томъ весьма соболѣзновали и горько плакали, а наутріе поѣхалъ стольникъ къ государю и объявилъ, что у него безвѣстно пропала дочь его. И велѣлъ государь учинить публикацію о той стольничьей дочери: ежели кто содержитъ ее тайно, чтобъ объявили, а ежели кто не объявитъ и сыщется, то послѣ смертью казненъ будетъ.

И Фролъ Скобеевъ, услышавъ такую публикацію, не вѣдаетъ, что дѣлать; и умысливъ Фролъ Скобеевъ пришелъ къ Ловчикову, стольнику, для того, что тотъ Ловчиковъ весьма къ нему обходился добръ и милостивъ. И Фролъ Скобеевъ, пришедши къ Ловчикову, и имѣли много разговоровъ, и стольникъ Ловчиковъ спрашивалъ Фрола Скобеева: «Что, господинъ Скобеевъ, женился ли и богату ли взялъ?» И Скобеевъ ему на то отвѣтствовалъ: «Нынѣ еще богатства не вижу, что вдаль время покажетъ».

— «Ну, господинъ Скобеевъ, живи уже постоянно, а за ябедами не ходи, перестань, а живи ты въ вотчинѣ своей — лучше, здоровѣе». — Потомъ Фролъ Скобеевъ сталъ просить того стольника, чтобъ онъ предстательствовалъ объ немъ, и Ловчиковъ ему сказалъ: «Коли сносно, то буду предстатель, а ежели что не сносно, то не гнѣвайся!» И Фролъ ему

объявилъ, что «стольника Нардинъ Нащекина дочь Аннушка у меня, а нынѣ я на ней женился!» И стольникъ Ловчиковъ сказалъ: «Какъ дѣлалъ ты, такъ самъ и отвѣтствуй!» И Фролъ Скобеевъ сказалъ: «Ежели ты предстательствовать не будешь обо мнѣ, и тебѣ будетъ не безъ слова! мнѣ уже пришло показать на тебя, для того что ты возниковъ и карету давалъ, а ежели бъ ты не далъ, — и мнѣ бы того не учинить!» И Ловчиковъ сталъ въ великомъ сомнѣніи и сказалъ ему: «Настоящій ты плутъ! что ты надо мною сдѣлалъ?... Добро, какъ могу, буду предстательствовать!» И сказалъ ему, чтобъ завтрашній день пришелъ въ Успенскій соборъ: «и стольникъ Нардинъ Нащекинъ будетъ завтра у обѣдни и послѣ обѣдни будемъ стоять всѣ мы въ собраніи на Ивановской площади, и въ то время пріиди и пади предъ нимъ и объяви о дочери его, а я уже, какъ могу, буду предстательствовать!»

И пришелъ Фролъ Скобеевъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, и стольникъ Нардинъ Нащекинъ, и Ловчиковъ, и другіе стольники всѣ у обѣдни. И по отшествіи тогда всѣ обычай имѣли быть въ собраніи на Ивановской площади противъ Ивана Великаго, и имѣли промежъ собой разговоры, кому что надобно. А стольникъ Нардинъ Нащекинъ больше соболѣзнуетъ о дочери своей, такожъ и Ловчиковъ съ нимъ разсуждаетъ о дочери его къ склоненію милости. И на тѣ ихъ разговоры подошелъ Фролъ Скобеевъ и отдалъ всѣмъ стольникамъ поклонъ, какъ есть обычай; и всѣ стольники Фрола Скобеева знаютъ. И кромѣ всѣхъ палъ передъ стольникомъ Нардинымъ Нащекинымъ и просилъ прощенія: «Милостивый государь и царевъ стольникъ! въ первыхъ отпусти вину мою, яко раба своего, который дерзновенно учинилъ предъ вами». И стольникъ Нардинъ Нащекинъ имѣлся, лѣтами весьма древенъ и зрѣніемъ отъ древности уже помраченъ, однакоже могъ человѣка усмотрѣть. Имѣли въ то время обычай тѣ старые люди носить въ рукахъ трости натуральныя съ клюшками — и поднимаетъ тою клюшкою Фрола Скобеева. «Кто ты таковъ? скажи мнѣ о себѣ и что твоя нужда до насъ? И Фролъ Скобеевъ только говоритъ: «Отпусти вину мою!» И стольникъ Ловчиковъ подошелъ къ Нардину Нащекину и сказалъ: «Лежитъ предъ вами, проситъ отпущенія вины своей дворянинъ Фролъ Скобеевъ!» И стольникъ Нардинъ Нащекинъ вскричалъ: «Встань, плутъ, знаю тебя давно, плута и бездѣльника! знатно, что наябед-

ничалъ себѣ что! — скажи, плутъ, — буде сносно, стану помогать, а что несносно, какъ хочешь; я тебѣ, плуту, давно говорилъ: живи постоянно! Встань, скажи, что твоя вина?» И Фролъ Скобеевъ всталъ отъ ногъ его и объявилъ ему, что дочь его Аннушка у него, и онъ на ней женился. И какъ стольникъ Нардинъ Нащекинъ услышалъ отъ него о дочери своей, изжалился слезами и сталъ въ безпамятствѣ; и мало опамятовался и сталъ говорить: «Что ты, плутъ, сдѣлалъ? Вѣдаешь ли ты о себѣ, кто ты таковъ? нѣсть тебѣ отпущенія вины твоей! тебѣ ли, плуту, владѣть дочерью моей? пойду къ государю и стану на тебя просить о твоей плутовской ко мнѣ обидѣ!» И вторично пришедъ къ нему стольникъ Ловчиковъ, и нача его разговаривать, чтобъ вскорѣ не учинилъ докладу къ государю: «Изволишь съѣздить домой и объявить о семъ случаѣ сожительницѣ своей и по совѣту общему, какъ къ лучшему. Уже быть такъ; того не возвратить, а онъ, Скобеевъ, отъ гнѣва вашего скрыться никуда не можетъ!» И стольникъ Нардинъ Нащекинъ послушалъ совѣта Ловчикова, не пошелъ къ государю, сѣлъ въ карету и поѣхалъ домой. А Фролъ Скобеевъ пошелъ на квартиру свою и сказалъАннушкѣ: «Ну, Аннушка, что будетъ мнѣ съ тобою, не вѣдаю — объявилъ о тебѣ отцу твоему!»

И стольникъ Нардинъ Нащекинъ пріѣхалъ въ домъ свой, идетъ въ покои, жестоко плачетъ, и кричитъ: «Жена, что ты вѣдаешь? я нашелъ Аннушку!» И жена его спрашиваетъ: «Гдѣ она, батюшка?» — «Охъ, мой другъ! воръ, и плутъ, и ябедникъ Фролъ Скобеевъ женился на ней!» И жена его услышала тѣ отъ него рѣчи и не вѣдаетъ, что говорить, соболѣзнуя о дочери своей. И стали оба горько плакать и въ сердцахъ своихъ бранить дочь свою, и не вѣдаютъ, что чинить надъ нею. Потомъ пришли въ память, сожалѣя о дочери своей, и стали разсуждать съ женою: «Надобно послать человѣка и сыскать, гдѣ онъ, плутъ, живетъ, провѣдать о дочери своей, жива ли она». И призвали къ себѣ человѣка своего и сказали ему: «Поѣзжай и сыщи квартиру Фрола Скобеева и провѣдай про Аннушку, жива ли она, имѣетъ ли пропитаніе какое?»

И пошелъ человѣкъ ихъ по Москвѣ искать квартиру Фрола Скобеева, и по многомъ хожденіи нашелъ и пришелъ ко двору. И усмотрѣлъ Фролъ Скобеевъ, что отъ тестя идетъ человѣкъ, и велѣлъ женѣ своей лечь на постель и притворить себя, якобы больна. И Аннушка учинила по волѣ

мужа своего. И присланный человѣкъ вошелъ въ покой и отдалъ, какъ по обычаю, поклонъ. И Фролъ Скобеевъ спросилъ: «Что ты за человѣкъ? и какую нужду до меня имѣешь?» И человѣкъ отвѣчалъ, что онъ присланъ отъ стольнипа Нащекина провѣдать про дочь его, здравствуетъ ли она. И Фролъ Скобеевъ говоритъ: «Видишь ты, мой другъ, каково ея здоровье! Таковъ-ти родительскій гнѣвъ, — ее заочно бранятъ и клянуть, отъ того она при смерти лежитъ. Донеси ихъ милости, хотя бъ они при жизни ее заочно благословили». И человѣкъ тотъ отдалъ имъ поклонъ и пошелъ.

И пришелъ къ господину своему и донесъ, что «нашелъ квартиру Фрола Скобеева, токмо Аннушка очень больна и проситъ отъ васъ заочно хотя словеснаго благословенія». И пребезмѣрно родители о дочери своей соболѣзнуютъ, токмо разсуждали: «Что съ воромъ и плутомъ дѣлать?» Но болѣе сожалѣли о дочери своей. Мать ея стала говорить: «Ну, мой другъ, уже быть такъ, что владѣть плуту дочерью нашей! Ужъ такъ Богъ велѣлъ, — надобно послать къ нимъ образъ и благословить ихъ, хотя заочно; а когда сердца наши утолятся, то можемъ видѣться съ ними и сами!» Сняли со стѣны образъ, который былъ обложенъ золотомъ и драгимъ каменіемъ, такъ какъ прикладу всего на 500 рублей, и послали съ тѣмъ же человѣкомъ, приказали, чтобъ они тому образу молились: «а плуту и вору Фролкѣ скажи, чтобъ онъ его не промоталъ!»

И человѣкъ ихъ, принявъ оный образъ, и пошелъ на квартиру Фрола Скобеева. И усмотрѣлъ Фролъ Скобеевъ, что пришелъ тотъ же человѣкъ, сказалъ женѣ своей: «Встань, Аннушка». И сѣли оба вмѣстѣ. И человѣкъ тотъ вошелъ въ покой ихъ и отдалъ образъ Фролу Скобееву и сказалъ: что «родители ваши, Богомъ данные, прислали къ вамъ благословеніе!» И Фролъ Скобеевъ, приложась къ тому образу и съ Аннушкою, и поставили, гдѣ надлежитъ; и сказалъ Фролъ человѣку тому: «Таково ти родительское благословеніе, — и заочно ихъ не оставили — и Богъ далъ Аннушкѣ здоровье: нынѣ, слава Богу, здорова! благодари ихъ милость, что не оставили заблудшую дочь свою». И человѣкъ пришелъ къ господину своему и объявилъ объ отданіи образа, и о здравіи Аннушкинѣ, и о благодареніи ихъ, и пошелъ въ показанное свое мѣсто. И стольникъ Нардинъ Нащекинъ, поѣхавъ къ государю, и объявилъ, что

«дочь свою нашелъ у новгородскаго дворянина Фрола Скобеева, который уже на ней женился, и прошу вашей государевой милости, чтобъ въ томъ ему, Скобееву, вину отпустить»; и объявилъ ему все подробно. На что великій государь ему сказалъ, что «въ томъ твоя воля, какъ желаешь! и совѣтую тебѣ, что ужъ того не возвратить, а онъ твоимъ награжденіемъ, а моею милостью противъ прочихъ своей братіи оставленъ не будетъ, — и въ томъ на старости возымѣешь утѣху». Стольникъ же Нардинъ-Нащекинъ, поклоняся государю и поиде въ домъ свой и стали разсуждать и сожалѣть о дочери своей. И сталъ говорить женѣ своей: «Какъ, другъ мой, быть? конечно, плутъ заморитъ Аннушку; чѣмъ ему, вору, кормить ее? и самъ какъ собака голоденъ! надобно, другъ мой, послать какого запасу, хотя на 6-ти лошадяхъ». А жена его сказала: «Конечно, надобно, другъ, послать». И послали тотъ запасъ и при томъ реэстръ. И какъ пришелъ оный запасъ, и Фролъ Скобеевъ не смотря по реэстру, приказалъ положить въ показанныя мѣста и приказалъ тѣмъ людямъ за ихъ родительскія милости благодарить. Уже Фролъ Скобеевъ сталъ жить роскошно и ѣздить вездѣ по знатнымъ персонамъ, и весьма Скобееву удивлялися, что онъ сдѣлалъ такую причину и такъ смѣло. Ужъ черезъ долгое время обратились сердцемъ и соболѣзновали душою о дочери своей, такожъ и о Фролѣ Скобеевѣ, и послали человѣка къ нимъ и приказали просить ихъ кушать къ себѣ. И какъ пришелъ человѣкъ и проситъ: «Приказалъ батюшко васъ кушать сей день!» И Фролъ Скобеевъ сказалъ: «Донеси государю нашему батюшку, что будемъ не умедля до ихъ здоровья».

И Фролъ Скобеевъ убрался съ женою своей Аннушкою и поѣхалъ въ домъ тестя своего; и пріѣхалъ въ домъ ихъ и пошелъ въ покои съ женою своею; и Аннушка пала предъ ногами родителей своихъ. Усмотрилъ Нардинъ Нащекинъ какъ дочь свою и съ женою своею приносимую вину свою[1]), стали ее бранить и наказывать своимъ гнѣвомъ родительскимъ; и смотря на нее, весьма плачутъ, что она такъ учинила безъ воли родителей своихъ, проклиная жизнь ея словами своими. И по многомъ глаголаніи ихъ и гнѣву, отпустили вину ея. И приказалъ садиться за столъ съ собою, а Фролу Скобееву сказалъ: «А ты, плутъ, что стоишь? садись

[1]) Рѣчь въ этомъ мѣстѣ нѣсколько испорчена.

тутъ же! тебѣ ли бы, плуту, владѣть дочерью моею!» И Фролъ сказалъ ему: «Государь-батюшко, уже тому такъ Богъ судилъ!» И сѣли всѣ кушать, и стольникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ людямъ своимъ, чтобъ никого въ домъ постороннихъ не пускали, сказывали бы, что время такого нѣтъ стольнику, для того что съ зятемъ своимъ, воромъ и плутомъ Фролкою Скобеевымъ, кушаетъ! И по окончаніи стола сталъ стольникъ говорить зятю своему: «Ну, плутъ, чѣмъ ты станешь жить?» И Фролъ Скобеевъ сказалъ: «Милостивый государь-батюшко! изволишь ты самъ быть извѣстенъ, чѣмъ мнѣ жить, — болѣе не могу пропитанія найти, какъ за приказными дѣлами ходить!» И стольникъ рече: «Перестань, плутъ, ходить за ябедой: — имѣется вотчина моя въ Симбирскомъ уѣздѣ, которая состоитъ въ 300-хъ дворахъ, да въ Новгородскомъ уѣздѣ въ 200-хъ дворахъ, — справь, плутъ, за собою и живи постоянно!» И Фролъ Скобеевъ отдалъ поклонъ и съ женою своею, приносили благодареніе родителямъ своимъ. И сидѣвъ немного поѣхалъ Фролъ Скобеевъ на квартиру свою и съ женою своею. Тесть же его, стольникъ Нардинъ Нащекинъ приказалъ Скобеева возвратить и сталъ говорить: «Ну, плутъ, есть ли у тебя деньги? чѣмъ ты деревни справишь?» И Фролъ рече: «Извѣстно вамъ, государь-батюшко, какія у меня деньги?» И стольникъ приказалъ дать дворецкому своему денегъ 500 руб. И простясь Фролъ Скобеевъ поѣхалъ на квартиру свою и съ женою своею Аннушкой.

И по многомъ времени справилъ Фролъ деревни за собою и сталъ жить очень роскочно и ѣздить къ тестю своему безпрестанно и всегда принимаиъ былъ съ честью, а за ябедами ходить уже бросилъ. И по нѣкоемъ времени поживе стольникъ Нардинъ Нащекинъ въ глубокой своей старости, въ вѣчную жизнь переселился, и по смерти своей учинилъ Фрола Скобеева наслѣдникомъ во всемъ своемъ движимомъ и недвижимомъ имѣньи. Потомъ, недолгое время поживъ, теща его переставилась, — и тако Фролъ Скобеевъ, живя въ великой славѣ и богатствѣ, наслѣдниковъ по себѣ оставя, и умре.

---

23. Повѣсть о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ.

Эта сатира на старый судъ сохранилась въ рукописи XVIII вѣка, гдѣ она носитъ заглавіе: «Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ». Повѣсть, по признанію ученыхъ, сохранила

съ поразительной вѣрностью формы словеснаго судопроизводства XVI вѣка и, вѣроятно, принадлежитъ еще этому столѣтію. Сутяжничество, ябеда и продажность суда составляли давнишній, вопіющій недостатокъ старой русской жизни; недаромъ и древняя восточная повѣсть о Шемякиномъ судѣ у насъ измѣнила свой первоначальный характеръ и превратилась въ сатиру на судейскіе порядки. Повѣсть о Ершѣ родилась подъ тѣми же жизненными впечатлѣніями.

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынчишко боярской Лещъ съ товарищами. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка, на Ерша Щетинника, и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами, а тотъ Ершъ, злой человѣкъ, Щетинниковъ наслѣдникъ, лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ; расплодился тотъ Ершъ по рѣкамъ и по озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него, аки лютыя рохатины, и онъ свидится съ нами на стану — и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и по озерамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «Ты, Ершъ, истцу Лещу отвѣчаешь ли?» Отвѣтчикъ Ершъ рече: «Отвѣчаю, господа, за себя и за товарищевъ своихъ въ томъ, что то Ростовское озеро было старина дѣдовъ нашихъ, и нынѣ наше, а онъ, Лещъ, жилъ у насъ въ сусѣдствѣ на днѣ озера, а на свѣтъ не выхаживалъ. А я, господа, Ершъ Божею милостію, отца своего благословеніемъ и матерними молитвами, не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ нигдѣ не бывалъ, воровскаго у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я добрый, живу я своею силою, а не чужою; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ городехъ князи и бояре, стольники и дворяна, жильцы московскіе, дьяки и подъячіе и всякихъ чиновъ люди, и покупаютъ меня дорогою цѣною, и варятъ меня съ перцемъ и съ шафраномъ, и ставятъ предъ собою честно, и многіе добрые люди кушаютъ съ похмѣлья и кушавши поздравляютъ».

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты Лещъ, чѣмъ его уличаешь?» Истецъ Лещъ рече: «Уличаю его Божіею правдою да вами, праведными судьями». Судьи спрашивали истца, Леща: «Кому у тебя вѣдомо про озеро Ростовскоеи о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого шлешься?» Истецъ Лещъ рече:

«Шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ на добрыхъ людей разныхъ городовъ и областей; есть, господа, человѣкъ добрый живетъ въ нѣмецкой области подъ Ивановымъ городомъ въ рѣкѣ Нарвѣ, по имени рыба Сигъ, а другой, господа, человѣкъ добрый, живетъ въ Новгородской области въ рѣкѣ Волховѣ, по имени рыба Лодуга». Спрашивали отвѣтчика Ерша: «Ты Ершъ, шлешься ли на Лещеву правду, на таковыхъ людей?» И отвѣтчикъ Ершъ рече: «Слатися, господа, намъ на таковыхъ людей не умѣть; Сигъ и Лодуга — люди богатые, животами прожиточны, а Лещъ такой же человѣкъ заводной, шлется въ послушество». И судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «Почему у тебя такіе люди недрузья и какая у тебя съ ними недружба?» Отвѣтчикъ Ершъ рече «Господа мои судьи! недружбы у насъ съ ними никакой не было, а слатися на нихъ не смѣемъ — для того, что Сигъ и Лодуга люди великіе, а Лещъ такой же человѣкъ заводной; они хотятъ насъ, маломочныхъ людей, испродать напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «Еще кому у тебя вѣдомо Ростовское озеро и о рѣкахъ и о востокахъ, и на кого шлешься? Истецъ Лещъ рече: «Шлюсь я, господа, изъ виноватыхъ есть человѣкъ доброй, живетъ въ Переславскомъ озерѣ, рыба Сельдь».

Судьи спрашивали отвѣтчика Ерша: «Ты, Ершъ, шлешься ли на Лещеву правду? Отвѣтчикъ же Ершъ рече: «Сигъ и Лодуга и Сельдь съ племяни, а Лещъ такой же человѣкъ заводной: въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, про насъ не молвятъ».

И судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Мня[1]), приказали взять въ правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня, и Мень Окуню приставу сулитъ посулы воликіе, и рече: «Господине Окуне! азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико — ходить не могу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — передъ добрыми людьми говорить не умѣю». Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Езя. И Окунь поставилъ въ правдѣ переславскую Сельдь. И судьи спрашивали въ правдѣ у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты намъ про Леща и про Ерша и промежъ ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече въ правдѣ: «Леща съ товарищми знаетъ; Лещъ человѣкъ добрый,

[1]) Рыба налимъ.

христіанинъ Божій, живетъ своею, а не чужою силою, а Ершъ, господа, злой человѣкъ Щетинникъ[1])...

...Знаешь ли его?» Осетръ же рече: «Азъ, господа, не въ правдѣ и не въ послушествѣ; а впрямь скажу: слышалъ про того Ерша, что варятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу Божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ, а я лукавства его не вѣдалъ, а спрошать про него злого человѣка, никого не лучилось, и онъ меня вопроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и долѣ (длиннѣе), бока мои терли у Волги-рѣки берега, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки тольшой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь бы и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелестное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ морилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня, Осетра, стараго мужика, и приведе меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, пойдемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напредь. И онъ, Ершъ, мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли меньшей братъ ходитъ напредъ большого? И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ — что боярскій дворъ: итти ворота широки, выйти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ячею, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, и тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ, Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня мужики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!»

Конецъ суднаго дѣла. Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велѣли казнить

---

[1]) Здѣсь въ рукописи опущена ссылка Леща на новое свидѣтельство. Такимъ свидѣтелемъ выведенъ Осетръ; въ началѣ же сказки онъ поставленъ судьею; очевидная запутанность въ текстѣ рукописи (прим. Аѳанасьева).

торговою казнію — бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у суднаго дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ суднаго дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своей заднею клещею, а у печати сидѣлъ Вандышъ переславской. Да на того же Ерша выдали правую грамоту: гдѣ его застануть въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Речетъ Ершъ судьямъ: «Господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили». Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ: только того Ерша и видѣли.

---

24. Повѣсть о Горѣ-злочастіи.

Эта стихотворная повѣсть, полу-народнаго, полу-книжнаго характера, дошла до насъ въ рукописи XVII вѣка. Въ ней образъ Горя сложился изъ народныхъ представленій о недолѣ, лихой судьбѣ, преслѣдующей человѣка неотвязно безъ всякой вины съ его стороны; въ народной словесности есть рядъ сказокъ и пѣсенъ на эту тему, иногда близко подходящихъ къ нашей повѣсти по языку и подробностямъ. Съ другой стороны въ образъ Горя вплелись представленія объ исконномъ врагѣ рода человѣческаго, дьяволѣ, который искушаетъ человѣка, стремится отвести отъ правильной жизни и погубить; лишь у святыхъ воротъ монастыря онъ долженъ оставить свою жертву, вступившую на «спасенный путь». Идея повѣсти — непослушаніе родителямъ и желаніе жить своимъ умомъ губитъ человѣка, ввергаетъ его въ несчастія — очень типична для древне-русскаго воспитанія; типиченъ и продуктъ такого воспитанія — добрый молодецъ, безвольный, несамостоятельный, все время стремящійся жить, «какъ ему любо», а на самомъ дѣлѣ вѣчно кого-нибудь слушающійся и къ кому-нибудь прибѣгающій за помощью. Монастырь окончательно сложилъ съ его плечъ непосильную заботу объ устройствѣ своей жизни.

Повѣсть интересна, какъ литературный памятникъ переходной эпохи; она ярко отражаетъ назрѣвавшій разладъ міросозерцанія. Все вступленіе и общая идея повѣсти еще вполнѣ въ духѣ стариннаго, строгаго религіозно-моральнаго отношенія къ жизни, но съ нимъ плохо вяжется интересъ, съ которымъ повѣсть слѣдитъ за приключеніями своего героя. Бытовыя подробности, нѣкоторое вниканіе въ психологію молодца, наконецъ лиризмъ отдѣльныхъ мѣстъ, связанный съ народными пѣснями — все это черты новаго, болѣе свободнаго отношенія къ жизни. Тутъ есть даже слѣды выполненія извѣстной литературной задачи, поставленной себѣ авторомъ.

Непонятныя слова объяснены въ словарѣ.

Изволеніемъ Господа Бога и Спаса нашего,
Іисуса Христа Вседержителя,
Отъ начала вѣка человѣческаго.
А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго,
Сотворилъ Богъ небо и землю,
Сотворилъ Богъ Адама и Еву;
Повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
Далъ имъ заповѣдь божественну:
Не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
Отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво:
Прельстился Адамъ со Еввою,
Позабыли заповѣдь Божію,
Вкусили плода винограднаго
Отъ дивнаго древа великаго, —
И за преступленье великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
И изгналъ Богъ Адама со Еввою
Изъ святого раю изъ едемскаго,
И вселилъ ихъ на землю на низкую,
Благословилъ ихъ раститися-плодитися
И отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
И отъ земныхъ плодовъ...
Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
Велѣлъ онъ бракамъ и женитьбамъ быть
Для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческо:
Въ началѣ пошло непокорливо,
Къ отцову ученію зазорчиво,
Къ своей матери непокорливо,
И къ совѣтному другу обманчиво;
А се роди пошли слабы, добрѣ убожливы,
А на безуміе обратилися,
И учали жить въ суетѣ и въ враждѣ...
А прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
Положилъ ихъ въ напасти великія,
Попустилъ на нихъ скорби великія,
И срамные позоры немѣрные,
Безживотіе злое, сопостатные находы,
Злую немѣрную наготу и босоту,
И безконечную нищету и недостатки послѣдніе.

Все смиряючи насъ, наказуя,
И приводя насъ въ спасенный путь.
Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери.

Будетъ молодецъ уже въ разумѣ, въ беззлобіи.
И возлюбили его отецъ и мать,
Учить его учали, наказывать,
На добрыя дѣла наставливать.
«Милое ты наше чадо,
Послушай ученія родительскаго,
Ты послушай пословицы
Добрыя, и хитрыя, и мудрыя,
Не будетъ тебѣ нужды великія,
Ты не будешь въ бѣдности великой.
Не ходи, чадо въ пиры и братчины;
Не садися ты на мѣсто большее;
Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину;
Не прельщайся, чадо, на добрыхъ, красныхъ женъ,
На отеческія дочери;
Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное;
Не бойся мудра, бойся глупа,
Чтобы глупые на тя не подумали,
Да не сняли бы съ тебя драгихъ портъ,
Не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
И племени укору и поносу бездѣльнаго.
Не ходи, чадо, къ костаремъ и корчемникамъ;
Не знайся, чадо, съ головами кабацкими;
Не дружися, чадо, съ глупыми, немудрыми;
Не думай украсти, ограбити,
И обмануть, солгать и неправду учинить;
Не прельщайся, чадо, на злато и сребро;
Не сбирай богатства неправаго;
Не буди послухъ лжесвидѣтельству;
А зла не думай на отца и матерь
И на всякаго человѣка, —
Да и тебѣ покрыетъ Богъ отъ всякаго зла
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
А имѣй всѣхъ равно по единому.
А знайся, чадо съ мудрыми,
И съ разумными водися,
И съ други надежными дружися

Которые бы тебя злу не доставили».
Молодецъ былъ въ то время се малъ и глупъ,
Не въ полномъ разумѣ и несовершенъ разумомъ:
Своему отцу стыдно покоритися,
И матери поклонитися;
А хотѣлъ жити какъ ему любо.
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рублевъ,
Залѣзъ онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
Честь его, яко рѣка текла;
Друговя къ молодцу прибивалися,
Въ родъ-племя причиталися.
Еще у молодца былъ милъ надеженъ другъ;
Назвался молодцу названый братъ;
Прельстилъ его рѣчьми прелестными;
Зазвалъ его въ кабацкій дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена вина,
И кружку поднесъ вина пьянаго,
Самъ говоритъ таково слово:
«Испей ты, братецъ мой названый,
Въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе,
Испей чару зелена вина,
Запей ты чашей меду сладкаго;
Хошь и упьешься, братецъ, до-пьяна,
Ино гдѣ пилъ, тутъ и спать ложися;
Надѣйся на меня, брата названаго.
Я сяду стеречь и досматривать:
Въ головахъ у тебя, мила друга,
Я поставлю кружку ишему сладкаго,
Вскрай поставлю зелено вино,
Близь тебя поставлю пиво пьяное,
Сберегу я тебя, милъ другъ, накрѣпко,
Сведу я тебя ко отцу и матери».
Въ тѣ поры молодецъ понадѣялся
На своего брата названаго;
Не хотѣлось ему друга ослушаться.
Принимался онъ за питья за пьяныя.
И испивалъ чару зелена вина,
Запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
И пилъ онъ, молодецъ, пиво пьяное.
Упился онъ безъ памяти,
И гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:

Понадѣялся онъ на брата названаго.
Какъ будетъ день уже до вечера,
А солнце на западѣ,
Отъ сна молодецъ пробуждается;
Въ тѣ поры молодецъ озирается:
А что сняты съ него драгіе порты,
Чиры и чулочки — все поснимано,
И вся собина у него ограблена,
А кирпичекъ положенъ подъ буйну его голову,
Онъ накинутъ гунькою кабацкою,
Въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки;
Въ головахъ мила друга и близко нѣтъ.
И вставалъ молодецъ на бѣлы ноги,
Учалъ молодецъ наряжатися:
Обувалъ онъ лапотки-отопочки,
Надѣвалъ онъ гуньку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
Умывалъ онъ лице свое бѣлое;
Стоя, молодецъ закручинился,
Самъ говоритъ таково слово:
«Житіе мнѣ Богъ далъ великое,
Ясти-кушати стало нечего!
Какъ не стало деньги, ни полуденьги,
Такъ не стало ни друга, ни полдруга;
Родъ и племя отчитаются,
Всѣ друзи прочь отпираются!»
Стало срамно молодцу появитися
Къ своему отцу и матери,
И къ своему роду и племени,
И къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.
Пошелъ онъ на чужу страну, дальну, незнаему,
Нашелъ дворъ, что̀ градъ стоитъ;
Изба на дворѣ, что̀ высокъ теремъ;
Въ избѣ идетъ великъ пиръ почестенъ:
Гости пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются.
Пришелъ молодецъ на честенъ пиръ,
Крестилъ онъ лице свое бѣлое,
Поклонился чуднымъ образомъ,
Билъ челомъ онъ добрымъ людемъ
На всѣ четыре стороны.
А что видятъ молодца люди добрые,
Что гораздъ онъ креститися,

Ведетъ онъ все по писанному ученію,
Емлютъ его люди добрые подъ руки,
Посадили его за дубовый столъ,
Не въ бо́льшее мѣсто, не въ меньшее,
Садятъ его въ мѣсто среднее,
Гдѣ сѣдятъ дѣти гостиныя.
Какъ будетъ пиръ на веселіе,
И всѣ на пиру гости пьяны, веселы,
И сѣдя всѣ похваляются;
Молодецъ на пиру не веселъ сѣдитъ.
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ,
А не пьетъ, ни ѣстъ онъ, ни тѣшится,
И ничѣмъ на пиру не хвалится.
Говорятъ молодцу люди добрые:
«Что еси ты, добрый молодецъ,
Зачѣмъ ты на пиру не веселъ сѣдишь,
Кручиноватъ, скорбенъ, нерадостенъ?
Не пьешь ты, не тѣшишься,
Да ничѣмъ ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
Или мѣсто тебѣ не по отчинѣ твоей?
Или малыя дѣти тебя изобидѣли?
Или глупые люди не мудрые
Чѣмъ тебѣ, молодцу, насмѣялися?
Или дѣти наши къ тебѣ не ласковы?
Говоритъ имъ сѣдя добрый молодецъ:
«Государи вы, люди добрые!
Укротила скудость мой рѣчистый языкъ;
Скажу я вамъ про свою нужду великую,
Про свое ослушанье родительское,
И про питье кабацкое, про чашу медвяную,
Про лестное питіе пьяное.
Язъ какъ принялся за питье за пьяное, —
Ослушался язъ отца своего и матери
Благословеніе мнѣ отъ нихъ миновалося;
Господь Богъ на меня разгнѣвался,
И на мою бѣдность велись великія
Многія скорби неисцѣльныя
И печали неутѣшныя,
Скудость и недостатки, и нищета послѣдняя.
Укротила скудость мой рѣчистый языкъ,
Изсушила печаль мое лицо и бѣлое тѣло:

Ради того мое сердце невесело,
А бѣлое лицо унынливо,
И ясныя очи замутилися;
Все имѣніе и взоры у мене измѣнилися,
Отечество мое потерялося,
Храбрость молодецкая отъ мене миновалася.
Государи вы, люди добрые!
Скажите и научите, какъ мнѣ жить
На чужой сторонѣ, въ чужихъ людехъ.
И какъ залѣсти мнѣ милыхъ друговъ!»
Говорятъ молодцу люди добрые:
«Доброй еси ты, и разумный молодецъ!
Не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ:
Покорися ты другу и недругу
Поклонися стару и молоду,
А чужихъ ты дѣлъ не объявливай;
А что слышишь или видишь — не сказывай.
Не льсти ты межъ други и недруги;
Не имѣй ты упадки вилявыя —
Не вейся зміею лукавою;
Смиреніе ко всѣмъ имѣй,
И ты съ кротостію держися истины съ правдою,
То тебѣ будетъ честь и хвала великая:
Первое, тебе люди отвѣдаютъ
И учнутъ тя чтить и жаловать
За твою правду великую,
За твое смиреніе и за вѣжество;
И будутъ у тебя милые други —
Названые братья надежные».
И оттуду пошелъ молодецъ на чужу сторону,
И учалъ онъ жити умѣючи.
Отъ великаго разума
Наживалъ онъ живота больше стараго
Присмотрилъ невѣсту себѣ по обычаю,
Захотѣлося молодцу женитися.
Срядилъ молодецъ честенъ пиръ,
Отчествомъ и вѣжествомъ,
Любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челомъ.
И по грѣхомъ молодцу, и по Божію попущенію,
А по дѣйству діаволю,
Предъ любовными своими гостьми и други
И названными браты похвалился.

А всегда гнило слово похвальное:
Похвала живетъ человѣку пагуба.
«Наживалъ де я, молодецъ, живота больше стараго!»—
Подслушало Горе-Злочастіе
Хвастанье молодецкое,
Само говоритъ таково слово:
«Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
Не хвастай своимъ богатествомъ.
Бывали люди у меня, Горя,
И мудряя тебя и досужае,
И я ихъ, Горе, перемудрило.
Учинися имъ злочастіе великое:
До смерти со мною боролися,
Во зломъ злочастіи позорилися,—
Не могли у мене, Горя уѣхати;
И сами они во гробъ вселились,
Отъ мене на крѣпко они землею накрылись:
Босоты и наготы они избыли,
И я отъ нихъ, Горе, миновалось,
А Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!»
Еще возграяло: «я, Горе, къ инымъ привязалось.
А мнѣ, Горю и Злочастію, не въ пустѣ же жить:
Хочу я, Горе, въ людехъ жить;
И батогомъ меня не выгонить;
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ!»
Говоритъ сѣро Горе-горинское:
«Какъ бы мнѣ молодцу появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
Во снѣ молодцу привидѣлось:
«Откажи ты молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену
Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
Изъ злата и сребра быть убитому!
Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабакъ:
Не жали ты, пропивай свои животы,
А скинь ты платье гостиное,
Надежи ты на себя гуньку кабацкую;
Кабакомъ-то Горе избудется,
Да то злое Злочастіе останется,
За нагимъ-то Горе не погонится,
Да никто къ нагому не привяжется:
А нагому, босому шумитъ разбой».

Тому сну мòлодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то горе излукавилось...
Молодцу попрежнему
Еще вновь Злочастіе привязалося:
«Али тебѣ, мòлодецъ, не вѣдома
Нагота и босота безмѣрная,
Легота, безпроторица великая?
На себя что купить, то проторится,
А ты, удалъ молодецъ, и такъ живешь!
Да не бьютъ, не мучатъ нагихъ, босыхъ,
И изъ раю нагихъ, босыхъ не выгонятъ,
А съ того свѣту сюда не вытепутъ[1]);
Да никто къ нему не привяжется:
А нагому, босому, шумитъ разбой!»
Тому сну молодецъ онъ повѣровалъ:
Сошелъ онъ пропивать свои животы,
А скинулъ онъ платье гостиное,
Надѣвалъ онъ гуньку кабацкую,
Покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое.
Стало молодцу срамно появитися
Своимъ милымъ другомъ.
Пошелъ молодецъ на чужу страну, дальну, незнаему.
На дорогѣ пришла ему быстра рѣка,
За рѣкою перевозчики,
А просятъ у него перевознаго;
Ино дать молодцу нечего,
Не везутъ молодца безденежно.
Сѣдитъ молодецъ день до вечера,
Миновался день недòбѣднемъ,
Не ѣдалъ молодецъ ни полу-куса хлѣба.
Вставалъ молодецъ на скоры ноги,
Стоя, молодецъ, закручинился,
А самъ говоритъ таково слово:
«Ахти мнѣ, Злочастіе горинское!
До бѣды, меня, молодца домыкало,
Уморило меня, молодца, смертью голодною.
Уже три дни мнѣ были нерадошны,
Не ѣдалъ я, молодецъ, ни полу-куса хлѣба!
Ино кинусь я, молодецъ, въ быстру рѣку:
Полощи мое тѣло, быстрá рѣка!

[1]) Не «выбьютъ» (отъ стар. глагола *тети* — *тепу*).

Ино ѣшьте, рыбы, мое тѣло бѣлое!
Ино лучше мнѣ житія сего позорнаго!
Уйду ли я у Горя злочастнаго».
И въ тотъ часъ у быстры рѣки
Скочи Горе изъ-за камени,
Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано,
Богатырскимъ голосомъ воскликало:
«Стой ты, молодецъ, меня, Горя не уйдешь никуды!
Не мечися въ быстру рѣку,
Да не буди въ горѣ кручиноватъ,
А въ горѣ жить — не кручинну быть![1])
А кручинну въ горѣ погинути!
Спамятуй, молодецъ, житіе свое первое:
И какъ тебѣ отецъ говорилъ,
И какъ тебѣ мати наказывала.
О чемъ тогда ты ихъ не послушалъ?
Не хотѣлъ ты имъ покоритися,
Постыдился имъ поклонитися,
А хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
Того выучу я, Горе злочастное!
Не къ любому онъ учнетъ упадывать,
И учнетъ онъ недругу покорятися!»
Говоритъ Злочастіе таково слово:
«Покорися мнѣ, Горю нечистому,
Поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
А нѣтъ меня, Горя, мудряя на семъ свѣтѣ;
И ты будешь перевезенъ за быструю рѣку,
Напоятъ тя, накормятъ люди добры».
А что видитъ молодецъ бѣду неминучую, —
Покорился Горю нечистому,
Поклонился Горю до сыры земли.
Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ,
По круту по красну по бережку,
По желтому песочику;
Идетъ веселъ, некручиноватъ;
Утѣшилъ онъ Горе Злочастіе;
А самъ, идучи, думу думаетъ:
Когда у меня нѣтъ ничего,

[1]) См. въ отдѣлѣ лирическихъ пѣсенъ старинную пѣсню о Горѣ (Сборн. Кирши Данилова), очень близкую многими мѣстами къ повѣсти.

И тужить мнѣ не о чемъ!
Да еще молодецъ некручиноватъ,
Запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
Отъ великаго крѣпкаго разума:
«Безпечальна мати меня породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими порты меня одѣяла,
И отшедъ подъ ручку посмотрила:
«Хорошо ли мое чадо въ драгихъ портахъ?
А въ драгихъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!»
Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
Ино я самъ знаю и вѣдаю,
Что не класти скарлату безъ мастера,
Не утѣшити дитяти безъ матери,
Не бывать бражнику богату,
Не бывать костарю въ славѣ доброй;
Завѣченъ я у своихъ родителей,
Что мнѣ быти бѣлешеньку,
А что родился головéнькою!» —
Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку, —
Перевезли молодца за быстру рѣку,
А не взяли у него перевознаго.
Напоили накормили люди добрые,
Сняли съ него гуньку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.
Говорятъ молодцу люди добрые:
«А что еси ты, добрый молодецъ.
Ты поди на свою сторону,
Къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
Къ отцу своему и къ матери любимой,
Простися[1]) ты съ своими родители,
Со отцемъ и матерію;
Возьми отъ нихъ благословеніе родительское!»
И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ
А что злое Горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцомъ граяти,
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говоритъ Горе таково слово:

---

[1]) Т.-е. попроси прощенія.

«Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
Не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привязалося;
Хошь до смерти съ тобою помучуся!
Не одно я Горе, — еще сродники,
А вся родня наша добрая,
Всѣ мы гладкіе, умильные;
А кто въ семью къ намъ примѣшается, —
Ино тотъ между нами замучится!
Такова у насъ участь и лучшая.
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море пойдешь ты рыбою, —
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую».
Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ;
Молодецъ пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
А горе за нимъ съ борзыми выжлецы;
Молодецъ сталъ въ поле ковыль-трава,
А Горе пришло съ косою вострою,
Да еще Злосчастіе надъ молодцемъ насмѣялося:
«Быть тебѣ, травонька, посѣченной,
Лежать тебѣ, травонька, посѣченной
И буйны вѣтры быть тебѣ развѣянной».
Пошелъ молодецъ въ море рыбою,
А Горе за нимъ съ частыми неводами,
Еще Горе злосчастное насмѣялося:
«Быть тебѣ, рыбонькѣ, у бережку уловленной,
Быть тебѣ да и съѣденной,
Умереть будетъ напрасною смертію!»
Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую;
Научаетъ молодца богато жить —
Убити и ограбити,
Чтобы молодца за то повѣсили,
Или съ камнемъ въ воду посадили.
Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолѣ пошелъ молодецъ въ монастырь постригатися,
А Горе у святыхъ воротъ оставается,
Къ молодцу впредь не привяжется!
А сему житію конецъ мы вѣдаемъ:

Избави, Господи вѣчныя муки,
А дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
Во вѣки вѣковъ, аминь.

Былины.

Былинами мы называемъ народныя пѣсни эпическаго склада, въ которыхъ отразилось давнее прошлое русскаго народа; самъ народъ, сохранившій ихъ до нашихъ дней, зоветъ ихъ «старинами» или «старинками». Онѣ жили издавна въ устной передачѣ и стали записываться въ небольшомъ количествѣ съ XVIII вѣка; въ началѣ XIX в. былъ изданъ первый сборникъ былинъ, извѣстный подъ именемъ предполагаемаго его собирателя Кирши Данилова; въ началѣ 60-хъ годовъ появилось большое собраніе былинъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи — Кирѣевскаго; въ это же время впервые было открыто, что недалеко отъ Петербурга, въ Олонецкой губ. крестьянское населеніе хранитъ огромный запасъ былинъ; изслѣдователь Рыбниковъ, а вскорѣ за нимъ Гильфердингъ записали тамъ нѣсколько сотъ былинъ[1]). Одновременно началась научная разработка новыхъ богатствъ и предложены были попытки объясненія ихъ смысла.

Сперва въ этихъ попыткахъ сильно увлекались желаніемъ найти общее, единое объясненіе всему эпосу въ цѣломъ его составѣ. Создалась теорія, что русскій народъ, подобно древнимъ грекамъ, сперва воспѣвалъ въ своихъ былинахъ боговъ, выражалъ свои миѳологическія вѣрованія, позднѣе сталъ воспѣвать героевъ-полубоговъ и наконецъ только людей; параллельно съ этимъ народъ якобы отмѣчалъ въ своемъ эпосѣ крупнѣйшіе переходы культурнаго развитія страны. Богатыри были раздѣлены на старшихъ — древнѣйшихъ и младшихъ — болѣе позднихъ. Святогоръ напр., толковался, какъ олицетвореніе горы-тучи, Змѣй Горыничъ — молніи, живущей въ горѣ-тучѣ. Святогоръ же считался выразителемъ кочевого періода жизни русскаго народа, а пахарь Микула — осѣдлаго, земледѣльческаго быта; Микула же былъ апоѳеозомъ крестьянства, возвеличеніемъ мирнаго труда надъ военнымъ бытомъ (встрѣча съ Вольгой). Подобныя толкованія захватывали иногда и младшихъ богатырей; такъ въ битвѣ Ильи съ Идолищемъ видѣли аллегорію просвѣщенія русской земли христіанствомъ, при чемъ даже «шляпа земли греческой», надѣтая на Ильѣ, якобы намекала на то, что христіанство пришло изъ Греціи.

Всѣ такія объясненія должны быть оставлены по своей произвольности и по несоотвѣтствію съ дѣйствительными условіями созданія и развитія народныхъ произведеній. Въ устномъ творчествѣ нельзя открыть подобной систематичности, общаго плана и преднамѣренной аллегоричности; и мифическія, и доисторическія черты существуютъ въ былинахъ, какъ и во всѣхъ другихъ памятникахъ народной поэзіи, но лишь какъ отдѣльные элементы древняго міросозерцанія, въ отдѣльныхъ образахъ, сравненіяхъ и другихъ формахъ выраженія, а никакъ не въ общемъ замыслѣ цѣлыхъ

---

[1]) Наконецъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ открыто было большое количество былинъ на берегахъ Бѣлаго моря и въ другихъ мѣстахъ Архангельской губ., причемъ нашлось нѣсколько новыхъ сюжетовъ, неизвѣстныхъ въ Олонецкой губ. (См. сборникъ Маркова и сборникъ Григорьева).

былинъ или богатырскихъ личностей. Наконецъ внимательное изученіе былинъ въ широкомъ кругу сравненія всеобщей литературы во многихъ случаяхъ открыло довольно поздніе книжные или устные источники для тѣхъ самыхъ богатырей (напр. для Святогора), которые считались представителями исконныхъ миѳическихъ вѣрованій русскаго народа или выразителями его доисторическаго быта.

Подлинная основа нашего былиннаго эпоса — не миѳическая и не доисторическая, а историческая и бытовая. Изъ историческихъ воспоминаній всего явственнѣе выдѣляется въ немъ память о многовѣковой борьбѣ Руси съ южными степными кочевниками, начавшейся въ Кіевской области съ первыхъ временъ нашей исторической жизни и законченной уже въ Московскомъ княжествѣ освобожденіемъ отъ татарскаго ига. Въ общемъ, слѣдовательно, былины наши моложе, чѣмъ это представлялось раньше. Въ южной Руси, начавшей и наиболѣе интенсивно ведшей эту борьбу, несомнѣнно и появились первыя основы эпическихъ пѣсенъ, прославлявшихъ выдающихся борцовъ; тутъ сложился и самый типъ богатыря-воина, степного наѣздника, оберегателя русской земли. Но не надо забывать, что этотъ типъ — не единственный и даже не преобладающій въ нашемъ эпосѣ; изъ сорока съ чѣмъ-нибудь сюжетовъ нашихъ былинъ добрая половина не носитъ боевого, военнаго характера, и изъ двадцати пяти приблизительно героевъ по крайней мѣрѣ къ половинѣ весьма мало или вовсе не подходитъ названіе богатырей. (Такъ напр., не носятъ «богатырскаго», боевого характера былины о Садкѣ, Василіи Буслаевѣ, Добрынѣ и Маринѣ, Добрынѣ и Алешѣ, Ставрѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Дюкѣ, Чурилѣ, Иванѣ Гостинномъ сынѣ, Хотенѣ Блудовичѣ, Михаилѣ Потокѣ, Микулѣ, Гостѣ Терентьищѣ). Пестрая смѣсь лицъ и приключеній русскаго эпоса составилась въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и подъ очень различными вліяніями. Обычное отнесеніе той или другой былины къ кіевскому или новгородскому циклу на томъ основаніи, что въ ней упоминаются опредѣленныя лица и мѣста, само по себѣ также мало доказательно, какъ напр. точное указаніе былинъ, будто татары осаждали Кіевъ при Владимірѣ. Есть основаніе думать, что напр., Новгородская Русь создала не только былины о Садкѣ и Василіи Буслаевѣ, но и рядъ другихъ, приписываемыхъ Кіеву.

Измѣненія, которыя наложены были на русскій эпосъ тысячелѣтнимъ его пребываніемъ въ народной памяти, были очень многочисленны и глубоки; они касались не формы только или подробностей, но могли существенно затрогивать самое содержаніе. Извѣстно, что къ безспорнымъ историческимъ именамъ въ нашемъ эпосѣ во многихъ случаяхъ прикрѣпились сказочныя фабулы, зашедшія иногда изъ огромнаго всемірнаго запаса бродячихъ сюжетовъ черезъ книгу или путемъ прямого устнаго общенія съ разными народами, съ которыми сводила насъ исторія. Такъ, напр., не подлежитъ сомнѣнію ясное вліяніе на нашъ эпосъ восточныхъ мотивовъ и сюжетовъ черезъ сношенія особенно съ Половцами, наиболѣе культурными изъ кочевыхъ нашихъ сосѣдей, а можетъ быть и ранѣе, съ Хозарами и Касогами.

Подобныя измѣненія вызывались затѣмъ историческимъ передвиженіемъ эпоса по русской территоріи. Извѣстно, что современная наука застала былины доживающими свой вѣкъ почти исключительно на далекомъ сѣверѣ Россіи и отчасти въ Сибири; такимъ образомъ сюжеты, поводъ

къ которымъ несомнѣнно дала древняя исторія Кіевской Земли, перекочевали черезъ всю Россію въ Олонецкую губернію, испытавъ при этомъ большія, но не всегда легко услѣдимыя перемѣны и вліянія условій мѣста и времени.

Съ другой стороны былины даже при первомъ своемъ появленіи были прежде всего плодами поэтическаго творчества, которое пользовалось свободно историческими фактами и личностями, комбинируя и окрашивая ихъ по различнымъ побужденіямъ, въ томъ числѣ и по художественнымъ цѣлямъ. Наука теперь отвергаетъ существовавшій взглядъ на народное творчество, какъ на какую-то безличную, коллективную работу всего народа, глубоко объективную и лишенную художественныхъ цѣлей и пріемовъ; мы должны видѣть въ народной поэзіи работу отдѣльныхъ даровитыхъ личностей, которыя въ своемъ творчествѣ проявляли въ соотвѣтственномъ видѣ тѣ же самыя духовныя силы и свойства, какъ и всякій поэтъ-художникъ. Изученіе народной поэзіи различныхъ народовъ показываетъ, что въ ней постоянно примѣняются и особые художественные пріемы изложенія, и типизація лицъ и положеній, и пріуроченіе событій и эпохъ къ излюбленнымъ мѣстамъ и героямъ и т. д.

Это же изученіе показало, что ни одинъ народъ не хранитъ своей поэзіи въ разлитомъ состояніи во всей своей массѣ, что она въ той или другой степени сосредоточивается въ рукахъ особаго класса пѣвцовъ, образовавшагося естественнымъ подборомъ подходящихъ лицъ[1]), что пребываніе ея въ этой профессіональной средѣ сообщаетъ ей извѣстную выработку формы и пріемовъ, создаетъ въ ней новый рядъ измѣненій и закрѣпляетъ ихъ. Нашъ эпосъ не составляетъ исключенія. Хотя въ настоящее время былины поются въ Олонецкомъ краѣ какъ разъ не профессіональными пѣвцами, но анализъ ихъ съ технической стороны (т.-е. со стороны стиля и литературнаго построенія) легко открываетъ въ нихъ присутствіе очень стойкихъ, выработанныхъ формъ и пріемовъ, которые могли сложиться и окрѣпнуть лишь въ профессіональной средѣ, но которые съ другой стороны теперь нерѣдко перепутываются и искажаются. Поэтому ученые признаютъ, что настоящее положеніе былиннаго эпоса на сѣверѣ есть періодъ упадка и умиранія; ему предшествовала пора болѣе жизненная, когда эпосъ вырабатывалъ свои формы и пріемы въ рукахъ пѣвцовъ-спеціалистовъ. Такими профессіональными пѣвцами принято считать старинныхъ нашихъ бродячихъ скомороховъ, сильно распространенныхъ на Руси до начала XVIII вѣка.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно существующія въ нашихъ былинахъ формы и шаблоны очень важны при изученіи былинъ, ибо въ этихъ особенностяхъ склада заключается источникъ цѣлаго ряда измѣненій, испытываемыхъ эпическимъ сюжетомъ. Главныя изъ этихъ особенностей склада слѣдующія: 1) постоянныя начала былинъ или «зачины» и концы или «исходы». Можно безъ труда выдѣлить въ нашихъ былинахъ нѣ-

[1]) Въ ряду причинъ, управлявшихъ такимъ подборомъ, важно отмѣтить тѣлесное убожество, калѣчество, особенно слѣпоту. Недаромъ греческое преданіе называетъ Гомера слѣпцомъ; слѣпъ и Демодокъ въ Одиссеѣ. Слѣпота, выбрасывая человѣка изъ числа работниковъ и ставя его въ необходимость жить на счетъ другихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ для него досугъ, столь важный для работы воображенія. Если ко всему этому присоединится хотя нѣкоторая поэтическая одаренность — вотъ всѣ условія для развитія народнаго поэта.

сколько типичныхъ началъ и концовъ, которые повторяются во множествѣ случаевъ. Таково, напр., начало: «во славномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя у Владиміра, какъ было пированьице — почетный столъ». Есть начала, не имѣющія отношенія къ содержанію былины, напр. «Высота ли, высота поднебесная, глубота ли, глубота — окіанъ море» и т. д. Типичны концы вродѣ: «А и синему морю на тишину, всѣмъ добрымъ людямъ на послушанье» или: «Тутъ-то Ильѣ славу поютъ, во вѣкъ его слава не минуется». Есть наконецъ начала и концы прибауточнаго шутливаго характера. (Напр., начало: «нашему хозяину честь бы была, намъ бы, ребятамъ, ведро пива было, самъ бы испилъ, да и намъ бы поднесъ»... Или конецъ: «А Дунай, Дунай, болѣ пѣть впередъ не знай». 2) Постоянныя эпическія формулы или эпическія картинки, которыя, разъ сложившись, свободно переносятся изъ былины въ былину. Сюда относятся описанія природы, описанія многихъ дѣйствій: сѣдланье коня, снаряженіе корабля, поѣздка богатыря, встрѣча и бой богатырей, стрѣлянье изъ лука и т. д., — для всѣхъ этихъ случаевъ есть готовые, отлитые шаблоны, которые мѣняются только въ незначительныхъ деталяхъ, смотря по памяти или расположенію пѣвца. Благодаря обширному пользованію этими формулами мы встрѣчаемъ такъ много общаго въ былинахъ съ самыми различными сюжетами, а съ другой стороны одинъ и тотъ же сюжетъ даетъ много варіантовъ (Олонецкій край даетъ на 40 сюжетовъ больше 300 былинъ). Подобныя формулы идутъ далѣе: онѣ есть и для поступковъ героевъ и для ихъ рѣчей въ опредѣленныхъ случаяхъ. 3) Обычное для былинъ и для сказокъ медленное развитіе дѣйствія съ буквальными повтореніями всего того, что сказано было въ первый разъ о какомъ-нибудь повторяющемся дѣйствіи. 4) Постоянство эпическихъ красокъ — эпитетовъ, сравненій, метафоръ и т. д.

Всѣ указанныя формулы хранились въ памяти пѣвцовъ; онѣ сильно облегчали и запоминаніе былинъ и составленіе новыхъ; но онѣ, какъ показываетъ наблюденіе, пускались въ ходъ не всегда сознательно и кстати, а между тѣмъ могли вносить въ сюжетъ перемѣны довольно важныя. Напр., при помощи привычнаго зачина о Кіевѣ и Владимирѣ легко пріурочивались къ кіевскому циклу сюжеты, не имѣвшіе отношенія къ югу, если въ дальнѣйшемъ отсутствовало или было забыто свое опредѣленное указаніе мѣста и т. д. Ниже въ одномъ изъ примѣчаній помѣщенъ примѣръ неумѣстнаго пользованія одной изъ такихъ формулъ.

Всѣ приведенныя соображенія должны выяснить, что исторія современнаго текста нашихъ былинъ очень сложна и мало выяснена; поэтому всякія стройныя теоріи о ступеняхъ развитія, пройденныхъ эпосомъ и т. п., по крайней мѣрѣ, преждевременны: общимъ выводамъ долженъ предшествовать научный анализъ отдѣльныхъ былинъ, сюжетовъ, типовъ. Этой работой теперь и заняты ученые.

Былины всегда поются; Олончане называютъ это пѣніе «сказываньемъ», а пѣвца «сказителемъ». Размѣръ былинаго стиха слагается въ тѣсной связи съ напѣвомъ. Пока былины записывались отъ пѣвцовъ подъ медленную диктовку, въ нихъ не могли открыть правильнаго размѣра, потому что народный пѣвецъ можетъ только въ связи съ напѣвомъ дать правильный текстъ; какъ только ученымъ удалось записывать прямо съ пѣнія, такъ тотчасъ же оказалось, что въ былинномъ стихѣ есть опредѣленный размѣръ. Но въ современныя тоническія стопы онъ все же

Рис. 11. Олонецкій „сказитель“ былинъ В. П. Щеголенокъ.

не всегда укладывается: такая стопа выработалась только тогда, когда стихи перестали пѣть, а стали писать и читать; музыкальныя (метрическія) стопы гибче и свободнѣе нашихъ обычныхъ: одна нота напѣва можетъ разлагаться на нѣсколько нотъ болѣе мелкаго дѣленія, не измѣняя общаго склада мотива; соотвѣтственно съ этимъ будетъ измѣняться число слоговъ въ стихѣ былины. Для уясненія этого стоитъ сравнить 1-й и 4-й стихи 2-го нотнаго примѣра, помѣщеннаго ниже. Прежнее ученіе о народномъ стихѣ съ двумя удареніями и неизбѣжнымъ дактилическимъ окончаніемъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Тексты былинъ въ сборникахъ Кирѣевскаго и Рыбникова неточны, какъ записанные подъ диктантъ; начиная съ Гильфердинговскаго сборника, стихъ болѣе сохраненъ, но надо помнить, что вполнѣ правильно передать былинный стихъ можно лишь въ пѣніи или держа въ памяти напѣвъ при чтеніи.

Непонятныя слова объяснены въ словарѣ.

---

1. Вольга Святославичъ и Микула Селяниновичъ.

Оба лица этой былины отличаются нѣкоторой загадочностью. О Вольгѣ извѣстна еще одна былина, гдѣ онъ выставленъ тоже оборотнемъ: онъ родился отъ змѣя, рожденіе его сопровождалось чудными явленіями въ природѣ; онъ, превращаясь въ разные виды, охотится за звѣрями, птицами и рыбами, чтобы кормить дружину, затѣмъ пробирается въ царство Индѣйское и своимъ оборотничествомъ разрушаетъ замыслы царя идти на Русь. Тутъ онъ называется Волхъ. Ученые открываютъ въ той былинѣ слѣды вліянія книжныхъ сказаній о Александрѣ Македонскомъ, а также сближаютъ былину со старымъ Новгородскимъ преданіемъ о чародѣѣ Волхѣ; многія черты сѣверной природы тоже заставляютъ относить ту былину къ Новгородскому краю. Въ нашей былинѣ есть также бытовыя черты сѣвера: пахота среди камней и корней, Вольга ѣдетъ къ городу Орѣховцу (Орѣховъ или Орѣшекъ, нынѣ Шлиссельбургъ, былъ основанъ новгородцами), тамъ же Микула покупаетъ соль (Новгородцы ѣздили на Неву за солью) и т. д. Самъ Микула, можетъ быть, сродни чудеснымъ пахарямъ, которые встрѣчаются у разныхъ народовъ; обычному толкованію его, какъ представителя крестьянскаго труда, противорѣчитъ то, что онъ очень легко соглашается бросить крестьянство и поступаетъ въ дружину Вольги.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольгà,
Молодой Вольгà Святославговичъ.
Сталъ Вольгà толстѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ ȍболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;

Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за о̀болока,
Убѣгали всѣ звѣри въ темны лѣса.
Сталъ Вольга̀ толстѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинушку хоробрую,
Тридцать молодцѐвъ безъ единаго,
Самъ еще Вольга̀ во тридцатыихъ.
Жаловалъ его ро̀дный дядюшка,
Ласковый Владимиръ стольно-Кіевскій,
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ — Гурчевцемъ,
Другимъ городомъ — Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Со своей дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
Выѣхалъ въ раздольице-чисто поле,
Онъ услышалъ въ чисто̀мъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваётъ,
Сошка у ратая поскрипываётъ,
Омѣшики по камушкамъ почиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ онъ до ратая,
День съ утра ѣхалъ до вечера,
Со своей дружинушкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга̀ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваётъ,
Сошка у ратая поскрипываётъ,
Омѣшики по камешкамъ почиркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга̀ еще третій день,
Третій день съ утра до па̀бѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чисто̀мъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваётъ,
Съ края въ край бороздки пометываётъ:
Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, каменья вывертываётъ,
А великія онъ ка̀менья всѣ въ борозду валитъ.
Кобылка у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.

Говорилъ Вольга̀ таковы слова:
«Божья ти помочь, ора̀таюшко!
«Орать да пахать, да крестьяновати,
«Съ края въ край бороздки пометывати,
«Коренья, каменья вывертывати!»
Говоритъ оратай таковы слова:
— Поди-тко Вольга̀ Святославговичъ,
— Со своею со дружинушкой хороброю,
— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьяновати!
— Далече ль Вольга̀, ѣдешь, куда, путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
«Ай же ты, ра̀таю-ратаюшко!
«Ѣду къ городамъ я за получкою:
«Къ первому ко городу ко Гурчёвцу,
«Къ другому-то̀ городу къ Орѣховцу,
«Ко третьему городу Крестьяновцу».
Го́ворилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А не давно былъ я въ городѣ, третьёво дни,
— На своей кобылкѣ соловоей,
— Увезъ я оттоль соли только два мѣха,
— Два мѣха соли по сороку пудъ.
— И живутъ-то мужики все разбойники,
— Они просятъ грошѐвъ подорожныихъ;
— А былъ я съ шалыгой подорожною,
— Платилъ имъ гроши я подорожные:
— А кой стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,
— А кой сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
Говорилъ Вольга таковы слова:
«Ай же, оратай-оратаюшко,
«Да поѣдемъ-ко со мною во товарищахъ!»
Этотъ оратай-оратаюшко
Гужики шелковеньки повыстегнулъ,
Кобылку изъ сошки повывернулъ,
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
— И не для-ради прохожаго, проѣзжаго,
— А для-ради мужика деревенщины:
— Какъ бы сошка съ земельки повыдернути,

— Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути,
— И бросить бы сошка за ракитовъ кустъ? —
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя
Пять молодцѐвъ могучiихъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули;
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Эта дружинушка хоробрая,
Пять молодцевъ могучiихъ,
Прiѣхали къ сошкѣ кленовыя:
Они сошку за о̀бжи вокругъ вертятъ:
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Бросити сошку за ракитовъ кустъ.
Молодой Вольга̀ Святославговичъ
Посылаетъ онъ цѣлыимъ десяточкомъ,
Чтобы сошку съ земельки повыдернули,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку подъ ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ зѐмли поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинушку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошки за ракитовъ кустъ.
Подъѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой.
Ко этоей ко сошкѣ кленовоей:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваётъ,
У оратая кобылка-то грудью пошла,
А Вольгинъ-отъ конь оставается.
Сталъ Вольга̀ тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга̀ сталъ помахивати:

Рис. 12. Напѣвы былины, духовныхъ стиховъ и малорусскихъ думъ.

«Постой-ка ты, оратай-оратаюшко!
«Этая кобылка конькомъ бы была,
«За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говоритъ оратай таковы слова:
— Глупый Вольгà Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ,
— Жеребчикомъ взялъ ю сподъ матушки,
— Заплатилъ я за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.—
Говоритъ Вольгà Святославговичъ:
«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
«Какъ-то тебя именёмъ зовутъ,
«Какъ величаютъ по отечеству?
Говоритъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольгà ты Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да въ скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Домой выволочу, да дома вымолочу;
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Станутъ мужички меня покликивати:
— Мóлодой Микулушка Селяниновичъ!

---

2. Святогоръ.

Святогоръ въ другихъ былинахъ изображается величиной съ гору и лежащимъ на горѣ; умирая, онъ передаетъ часть своей силы Ильѣ. Давно замѣчено, что фигура этого богатыря, навѣяннаго очевидно горными впечатлѣніями, не могла зародиться въ русской народной фантазіи, воспитанной на равнинахъ, на просторѣ степи и сумракѣ лѣса. Фигура эта сильно напоминаетъ Кавказскія сказанія о великанахъ, живущихъ въ горахъ; тягота отъ своей силы и угрязаніе въ землю заставляютъ вспомнить объ Иранскомъ богатырѣ Ростемѣ. Въ русскомъ эпосѣ Святогоръ не прижился: о немъ очень мало знаютъ и рѣдко поютъ пѣвцы; въ немногихъ записанныхъ былинахъ о немъ замѣтно разрушеніе стиха и переходъ былины въ «побывальщину» или сказку; его путаютъ съ Самсономъ, въ Колываномъ. Все это подтверждаетъ чуждость русскому народу фигуры Святогора.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается:

Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашолъ,
«Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку, переметную;
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется,
Двинетъ перстомъ ее, — не сворохнется,
Хватитъ съ коня рукою, — не подымется:
«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ;
«А эдакова чуда не наѣзживалъ,
«Такова дива не видывалъ:
«Маленькая сумочка переметная
«Не скрянется, не сворохнется, не подымется.»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку обѣма рукама,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.
Тутъ ему было и конченіе.

---

3. Илья Муромецъ.

Илья — любимый народный герой, о немъ поется всего болѣе былинъ. Повидимому, онъ не былъ историческимъ лицомъ, и фигура его рано стала типизироваться и притягивать къ себѣ различные эпизоды и приключенія. Ученые указываютъ, что его похожденія имѣютъ много общаго съ подвигами иранскаго Ростема (Рустема). Интересно, что разсказъ о чудесномъ исцѣленіи Ильи весьма рѣдокъ среди огромнаго количества былинъ, посвященныхъ этому богатырю: сборникъ Гильфердинга изъ 57 былинъ объ Ильѣ даетъ только одну объ исцѣленіи, у Рыбникова на 40 былинъ лишь двѣ, у Кирѣевскаго на весь большой сборникъ тоже двѣ. Мало того: во всѣхъ нихъ стихъ почти вовсе отсутствуетъ. Предполагаютъ, что этотъ, повсюду широко извѣстный мотивъ о безпомощности богатыря въ молодости и о чудесномъ дарованіи ему силы, такъ типичный для сказочнаго героя, связался съ именемъ Ильи и зашелъ въ былину о немъ очень поздно (въ 17-мъ вѣкѣ), притомъ черезъ сказку, и не успѣлъ обработаться въ прочную былинную форму. Въ эпизодѣ этомъ ясно видно книжное вліяніе (Самсонъ съ силой въ волосахъ; странники — I. Христосъ съ апостолами взяты изъ апокрифа). Общеизвѣстная былинная біографія Ильи очевидно слагалась постепенно и довольно поздно. Въ наиболѣе старыхъ записяхъ былинъ XVIII в. Илья еще не вполнѣ прикрѣ-

пленъ къ Мурому: онъ зовется и Муромецъ, и Муровецъ или Муравецъ, другія старыя извѣстія (восходящія къ XVI в.) называютъ его Моровлинъ и Муравленинъ; ни о селѣ Карачаровѣ, ни о крестьянскомъ происхожденіи Ильи нѣтъ еще и рѣчи въ этихъ старыхъ записяхъ.

I.

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое про бывалое,
Про того Илью Муромца?
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридсять три года;
Пришли къ нему нища братія,
Самъ Исусъ Христосъ, два апостола:
«Ты поди, Илья, принеси испить!»
— Нища братія, я безъ рукъ-безъ ногъ! —
«Ты вставай, Илья, насъ не обманывай!»
Илья сталъ вставать — ровно встрепанный;
Онъ пошолъ — принесъ чашу въ полтора ведра,
Нищей братіи сталъ поднашивать;
Ему нищи отворачиваютъ;
Нища братія у Ильи спрашивали:
«Много ли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»
— Отъ земли столбъ былъ бы до нёбушки,
— Ко столбу было золото кольцо,
— За кольцо бы взялъ, святорусску поворотилъ! —
«Ты поди, Илья, принеси другу чашу!»
Илья сталъ имъ поднашивать;
Они Ильѣ отворачиваютъ.
Выпилъ Илья безъ отдыха
Большу чашу въ полтора ведра.
Они у Ильи стали спрашивать:
«Много ли Илья, чуешь въ себѣ силушки? —
— Во мнѣ силушки половинушка. —
Говорятъ калики перехожіе:
«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
«И смерть тебѣ на бою не писана:
«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
«И со всею поленицею удалою;
«А только не выходи драться
«Со Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
«Не ходи драться съ Самсономъ Богатыремъ:

«У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка-сыра земля;
«Не ходи еще на Вольгу Сеславьича:
«Онъ не силой возьметъ,
«Такъ хитростью-мудростью.
«Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго:
«Выходи въ раздольице-чисто поле,
«Покупай перваго жеребчика,
«Станови его въ срубу на три мѣсяца,
«Ты по три ночи жеребчика въ саду поваживай,
«И въ три росы жеребчика выкатывай.
«Подводи къ тыну ко высокому:
«Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
«И въ ту сторону и въ другую сторону,—
«Поѣзжай на немъ куда хочешь,
«Будетъ носить тебя».
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья:[1])
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Во глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой.

II.

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные[2]) листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица:
«Охъ ты гой еси, родимый милый батюшка!
Дай ты мнѣ свое благословеньице:
«Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,
«Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
«Заложиться за князя Володимира,
«Послужить ему вѣрой-правдою,
«Постоять за вѣру хресьянскую».

---

[1]) Бытовая черта, совсѣмъ не южная и не степная, но обычная въ старину въ сѣверной и отчасти средней Россіи: въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ пашня расчищалась изъ подъ лѣса топоромъ и огнемъ.

[2]) «Бумажный» приложено къ листьямъ, какъ украшающій эпитетъ, по безсознательной ассоціаціи его съ словомъ «листъ».

Отвѣчаетъ старо̀й хресьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ:
— Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
— А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
— Поѣдешь ты путемъ дорогою,
— Не помысли ты зломъ на татарина,
— Не убей въ чистомъ полѣ хресьянина.—
Поклонился Илья Муромецъ отцу до̀ земли,
Самъ онъ сѣлъ на добра̀ коня,
Поѣхалъ онъ во чисто̀ поле.
Онъ и бьетъ коня по крутымъ бёдрамъ,
Пробиваетъ кожу до черна̀ мяса;
Ретивой его конь осержа̀ется,
Прочь о̀тъ-земли отдѣляется,
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго,
Чуть пониже о̀блака ходячаго.
Первый скокъ скочилъ на пятнадцать верстъ;
Въ другой скочилъ—колодязь сталъ.
У колодязя срубилъ сырой дубъ,
У колодязя поставилъ часовенку,
На часовнѣ подписалъ свое имячко:
«Ѣхалъ такой-то сильный, могучій богатырь,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ».
Въ третій скочилъ—подъ Черниговъ-градъ.

III.

Старый казакъ Илья Муромецъ
Поѣхалъ на добромъ конѣ
Мимо Черниговъ-градъ:
Подъ Черниговомъ силушки чернымъ черно́,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Сталъ конемъ топтать и копьемъ колоть;
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подъѣхалъ онъ ко городу ко Чернигову,
Приходятъ мужики къ нему Черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ-градъ,
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говоритъ имъ Илья таковы слова:
«Ай же вы, мужики Черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,

«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ».
Говорили ему мужички Черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородный добрый молодецъ,
— Славный богатырь свято-русскій!
— Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевъ пятьсотъ верстъ,
— Окольною дорожкою цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодѣла,
— Заколодѣла дорожка, замуравѣла,
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскиватъ.
— Черный воронъ не пролетыватъ:
— Какъ у тоя у грязи у черныя,
— У тоя березы у покляпыя,
— У славнаго креста у Леванидова,
— У славненькой у рѣчки у Смородинки,
— Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ[1]).
— Свищетъ Соловей онъ по-соловьему,
— Воскричитъ-то, онъ, злодѣй, по звѣриному:
— Темны лѣсушки къ землѣ приклоняются,
— Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ.—
Илья Муромецъ спущалъ коня онъ богатырскаго,
Поѣхалъ по дорожкѣ прямоѣзжія;
Бралъ онъ въ руки плеточку шелковеньку,
Билъ коня онъ по тучной бедрѣ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую!
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерка между ногъ спущать.
Подбѣгаетъ онъ ко грязи той, ко черныя,
Ко славныя березы ко покляпыя,
Къ тому кресту ко Леванидову,
Ко славной рѣчкѣ ко Смородинкѣ.
Какъ засвищетъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Засвисталъ-то Соловей по-соловьему,
Воскричалъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному:

¹) Эпизодъ съ Соловьемъ и самая личность этого сказочнаго существа не всегда носили такой характеръ, какъ мы видимъ его сейчасъ. Одно извѣстіе XVI в. называетъ Соловья наряду съ Ильей, какъ однороднаго съ нимъ богатыря, — стоятеля за русскую землю; соотвѣтственно съ этимъ въ записяхъ XVIII в. Илья не убиваетъ Соловья, въ другомъ мѣстѣ онъ отпускаетъ его на свободу; есть даже одна былина, гдѣ Илья проситъ Соловья помочь ему выручить городъ Кряковъ, и оба богатыря исполняютъ это дѣло вмѣстѣ.

Темны лѣсушки къ землѣ поклонилися,
Что есть людишекъ, мертвы лежать;
Ильи Муромца добрый конь потыкается.
Онъ билъ коня по тучной бедрѣ,
Билъ коня, самъ приговаривалъ:
«Ай же ты волчья сыть, травяной мѣшокъ!
«Ты итти не хошь, али нести не мошь?
«Не слыхалъ ты, видно, посвисту соловьеваго.
«И не слыхалъ ты покрику звѣринаго,
«И не видалъ, видно, ударовъ богатырскихъ,
«Что ты, собака, потыкаешься!»
Становилъ коня онъ богатырскаго,
Свой тугой лукъ разрывчатый отстегивалъ
Отъ праваго отъ стремячка булатнаго,
Накладывалъ-то стрѣлочку каленую
И натягивалъ тетивочку шелковеньку,
Спущалъ-то онъ въ Соловья во разбойника:
Вышибъ ему правое око со косицею;
Палъ-то Соловей на сыру землю.
Старый казакъ Илья Муромецъ
Пристегнулъ его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремячку булатному.
Онъ поѣхалъ по раздольицу-чисту полю,
Ко этому ко гнѣздышку къ Соловьевому.
И съ этого со гнѣздышка Соловьяго
Усмотрѣла его больша дочь Невеюшка,
Говоритъ Невея таково слово:
— Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ,
— И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
— Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрѣла его друга дочь Ненилушка,
Говоритъ Ненила таковы слова:
«Ѣдетъ нашъ батюшка раздольицемъ-чистымъ полемъ,
«И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскоемъ;
«И везетъ онъ мужичища-деревенщину,
«Ко стремени булатному прикована.—
Посмотрѣла Пелька, его третья дочь,
Говоритъ Пелька таковы слова:
— Ѣдетъ мужичище-деревенщина
— Раздольицемъ-чистымъ полемъ,
— И везетъ-то государя батюшку

— Къ стремени булатному прикована:
— Ему выбито право око со косицею.
— Ай же, мужевья наши любимые!
— Хватайте-тко рогатины звѣриныя,
— Бѣжите-ка въ раздольице-чисто поле,
— Побейте мужичища-деревенщину!—
Эти зятевья Соловьиные
Похватали рогатины звѣриныя,
Выбѣгали во раздольице-чисто поле,
Они хочутъ бить мужичища-деревенщину.
Воскричалъ Соловей имъ во всю голову:
«Ай же, зятевья мои любимые!
«Побросайте-тко рогатины звѣриныя,
«Вы ведите-тко богатыря свято-русскаго
«Во мое гнѣздышко Соловьее,
«Кормите его ѣствушкой сахарною,
«Пойте его питьецемъ медвяныимъ,
Дарите ему дары драгоцѣнные»...
Не поѣхалъ онъ во гнѣздышко Соловьее,
А поѣхалъ онъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому ко князю ко Владимиру.
Пріѣхалъ онъ ко князю на широкій дворъ,
Становилъ онъ коня посередь двора,
Шелъ онъ въ полату бѣлокаменну.
А Владимиръ князь вышелъ со Божьей церквы,
Отъ той отъ обѣденки Христосскія.
Садился онъ за столики дубовые,
За тыя за скамеечки окольныя,
Ѣсти ѣствушекъ сахарныихъ,
Пити питьецевъ медвяныихъ.
Илья Муромецъ сшелъ въ полату бѣлокаменну;
Онъ крестъ кладетъ по-писаному.
Поклонъ-то ведетъ по ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владимиру въ особину,
И всѣмъ его князьямъ подколѣнныимъ.
Сталъ Владимиръ князь выспрашивать:
— Ты откулешный, дородный добрый молодецъ?
— Тебя какъ молодца именёмъ назвать,
— Звеличать удалаго по отечеству?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Есть я изъ города изъ Мурома,

«Со славнаго съ села Карачарова,
«Именемъ меня Ильей зовутъ,
«Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.»
Сталъ Владиміръ повыспрашивать:
— А давно ли ты повыѣхалъ изъ Мурома,
— Ты которою дорожкой ѣхалъ въ стольно-Кіевъ-градъ?—
Говорилъ ему Илья таковы слова:
«Стоялъ-то я заутреню въ Муромѣ,
«Поспѣвалъ-то къ обѣденкѣ въ стольно-Кіевъ-градъ.
«Дѣло мое дороженькой замѣшкалось:
«Ѣхалъ я дорожкой прямоѣзжею,
«Прямоѣзжею мимо славенъ Черниговъ-градъ,
«Мимо славную рѣченьку Смородинку».
Говоритъ Владиміръ таковы слова:
— Во глазахъ, мужикъ, ты посмѣхаешься,
— Во глазахъ, мужикъ, ты подлыгаешься:
— Подъ градомъ Черниговомъ стоитъ силушка невѣрная,
— У рѣчки у Смородинки Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
— Свищетъ-то Соловей по-солоrьему,
Кричитъ злодѣй-разбойникъ по-звѣриному.—
Говоритъ Илья таковы слова:
«Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
«Соловей-разбойникъ на твоемъ дворѣ,
«И прикованъ онъ ко правому ко стремячку къ булатному».
Тутъ Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько ставалъ онъ на рѣзвы ноги,
Кунью шубоньку накинулъ на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Скорешенько бѣжалъ онъ на широкій дворъ.
Подходитъ онъ къ Соловью къ разбойнику,
Говоритъ онъ Соловью таковы слова:
— Засвищи-ка Соловей, по-соловьему,
— Воскричи-тко ты, злодѣй, по-звѣриному!—
Говоритъ Соловей князю Владиміру:
«Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
«Я сегодня не увасъ вѣдь обѣдаю,
«Не васъ я хочу и слушати,
«А обѣдаю у стараго казака Ильи Муромца,

«И его хочу я слушати».
Говорилъ Владимиръ Ильѣ Муромцу:
— Ай же, старый казакъ Илья Муромецъ!
— Прикажи-тко засвистать по-соловьему,
— Прикажи-тко вскричать по-звѣриному!—
Говорилъ Илья Муромецъ разбойнику:
«Засвищи-тко ты, Соловей, по-соловьему,
«Воскричи-ка, Соловей, по-звѣриному!»
Говорилъ Соловей Ильѣ Муромцу:
«Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
«Мои раночки кровавы запечатались,
«И не ходять уста мои сахарнія:
«Не могу я засвистать по-соловьему,
«И не могу я вскричать по-звѣриному»
Говорилъ Илья князю Владимиру:
«Владимиръ князь стольно-Кіевскій!
«Наливай-ка ты чару зелена вина,
«Не малу стопу—полтора ведра,
«И разводи-тко медами стоялыма,
«Подноси-тко ты къ Соловью ко разбойнику:
«Тутъ уста его сахарнія расходятся,
«И онъ засвищетъ намъ по-соловьему,
«Воскричитъ онъ намъ по-звѣриному».
Владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Скорешенько шелъ въ полату бѣлокаменну,
Наливаетъ-то онъ чару зелена вина,
И не малую стопу—полтора ведра,
Разводилъ-то медами стоялыма,
Подносилъ-то къ Соловью ко разбойнику.
Соловей разбойникъ Одихмантьевъ сынъ
Принималъ онъ эту чару одной рукой,
Испивалъ эту чару за единый духъ.
Говорилъ ему Илья Муромецъ:
«Засвищи-тко ты, Соловей, только въ полсвиста соловьяго,
«Закричи-тко только въ полкрика звѣринаго».
Какъ засвисталъ Соловей по-соловьему,
Закричалъ, злодѣй, онъ по-звѣриному;
Отъ этого отъ посвиста соловьяго,
Отъ этого отъ покрика звѣринаго
Темные лѣса къ землѣ поклонилися,

На теремахъ маковки покривилися,
Околенки хрустальныя поразсыпались:
Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ,
А владимиръ, князь стольно-Кіевскій,
Стоитъ—куньей шубонькой укрывается.
Ильѣ Муромцу это дѣло не слюбилося.
Садился-то Илья на добра коня,
Ѣхалъ Илья въ раздольице-чисто поле,
Срубилъ Соловью буйну голову,
Рубилъ ему головку, выговаривалъ:
«Полно-тко тебѣ слезить отцевъ-матерей,
«Полно-тко вдовить женъ молодыихъ,
«Полно спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!»
Тутъ Соловью и славу поютъ.

IV.

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ —
Что ковыль-трава во чистомъ.полѣ шатается,
А и ѣздитъ въ полѣ старъ-матёръ человѣкъ,
Старый ли казакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ, какъ бы лютый звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ вѣдь денегъ не водилося;
Только червонцевъ золотыхъ съ нимъ семь тысячей;
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей;
Коню, вѣдь, подъ старымъ цѣны не было
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было,—
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ:
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.
Наѣхали на стараго станишники,
По нашему, по русскому, разбойники,
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,
Съ душой, съ животомъ его разлучить хотятъ.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есте вы, братцы станишники!
«Убить меня стараго вамъ не за что,
«А взяти у стараго нечего».
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкій лукъ,
Вынималъ онъ, вѣдь, стрѣлку каленую,

Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ, старый, по сыру дубу.
А спѣла тетивка у туга лука,—
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ.
Отъ того-то вѣдь грома богатырскаго
Того-то станишники испужалися,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ,—
А и будто ото сна сами пробуждаются;
А Сема встаетъ, пересемываетъ,
А Спиря встаетъ, постыриваетъ,
А всѣ они, станишники, бьютъ челомъ:
«Ты старый казакъ, Илья Муромецъ!
«Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное;
«Дадимъ рукописанье служить до вѣку».
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А и гой есте вы, братцы станишники!
— Поѣзжайте отъ меня во чисто поле,
— Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
— Про стараго казака Илью Муромца.

V.

Походилъ Илья на конюшій дворъ,
Сѣдлалъ своего коня добраго,
Тянулъ двѣнадцать подпругъ шелковыихъ,
Бѣлаго шелка Шемаханскаго,
Тринадцатую тянулъ черезъ хребетную кость:
Не ради красы, ради крѣпости,
Чтобъ не оставилъ добрый конь во чистомъ полѣ.
Видѣли старика, какъ коня сѣдлалъ,
А не видѣли поѣздки богатырскія:
Только въ чистомъ полѣ курева̀ стоитъ.
Заѣхалъ онъ на шо̀ломя высо̀кое,
Смотрѣлъ-глядѣлъ по далечу чисту полю.
Увидѣлъ поленицу преудалую;
Ѣздитъ поленица на добромъ конѣ,
Потѣшается утѣхою дворянскою:
Мечетъ копье въ вышину небесную,
Подъѣзжаетъ на конѣ и подхватываетъ,
Самъ копью наговариваетъ:
— Коль легко я верчу острымъ копьемъ,

— Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ! —
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Ой ты гой еси, поленица преудалая!
«Ты зачѣмъ рано похваляешься?
«Не уловя ты птицы, теребишь ее,
«Не сваривши птицы, Богу молишься!»
Не двѣ грозны тучушки затучились,
Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися:
Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ.
Ударились первымъ боёмъ — палицами желѣзными, —
Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили, —
Въ кольцахъ палицы поломалися.
Кололись они копьями мурзавецкими, —
Въ чивьяхъ копья поломалися,
Они тымъ боёмъ другъ друга не ранили.
Хватились они тягами желѣзными,
Тянулись черезъ гривы лошадиныя, —
Одинъ одного не перетягивать,
Добры кони пали на̀-корачь,
Тѣмъ боёмъ другъ друга не ранили.
Сходили они съ добрыхъ коней,
Хватались плотнымъ боёмъ рукопашкою. —
Водились они не мало времени,
Водились добры молодцы полтора года,
По колѣнямъ въ землю пріобмялися.
У Ильи права нога ока̀тилась,
А лѣвая нога подломилася:
Падалъ Илья на сыру землю,
Поленица садилась на бѣлы груди.
Тутъ Илейко взмолится:
«Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
«Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
«Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ,
«За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужнихъ женъ, —
«Благочестивыя жены, вдовы безмужнія,
«Онѣ были богомольныя,
«День и ночь онѣ Богу молятся».
Не сѣрая утица востопорщится.
Илья на землѣ поворотится;
Металъ Сокольника подъ вышину небесную
Выше всякаго жаро̀ваго дерева

Самъ вставалъ, да и подхватывалъ,
Клалъ поленицу на сыру землю,
Садился къ поленицѣ на бѣлы груди,
Учалъ онъ поленицу доспрашивать:
«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Которой Сибирской украины?
«Какъ молодца именёмъ зовутъ,
«Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?»
Отвѣчаетъ поленица удалая:
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ
— Не спрашивалъ бы ни имени, ни отчины,
— Ни роду бы не спрашивалъ, ни племени,
— Скоро бы споролъ груди бѣлыя! —
Вопросилъ его Илья второй наконъ:
«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Которой Сибирской Украины?
«Какъ молодца именёмъ зовутъ,
«Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?
— Кабы я сидѣлъ у тебя на бѣлыхъ грудяхъ,
— Много бы я съ тобой не разговаривалъ,
Скоро бы споролъ груди бѣлыя! —
Вопросилъ его Илья третѐй наконъ:
«Коего, молодецъ, города, которой земли,
«Которой Сибирской украины?
«Какъ молодца именёмъ зовутъ,
«Какъ молодца по отцѣ чествуютъ?
Отвѣчаетъ поленица преудалая:
— Отъ моря я отъ Студенаго,
— Отъ камени я отъ Латыря,
— Отъ той отъ бабы отъ Латыгорки,
— Именемъ меня зовутъ Сокольничекъ. —
Сходилъ Илья со бѣлыхъ грудей,
Бралъ его за руку за правую,
Цѣловалъ во уста во сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милое!»[1])

---

[1]) Въ этомъ эпизодѣ явственно слышны отголоски знаменитаго эпическаго сюжета о боѣ отца съ сыномъ, широко распространеннаго на Востокѣ (Персія, Кавказъ) и на Западѣ (у Кельтовъ и Германцевъ). У насъ онъ появился, вѣроятно, благодаря сношеніямъ древней Руси съ кавказскими племенами. Персидская обработка этого сюжета поэтомъ Фирдоуси была пересказана по-нѣмецки Рюккертомъ и переведена Жуковскимъ (Рустемъ и Зорабъ).

VI

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,
Стояла застава богатырская;
На заставѣ атаманѣ былъ Илья Муромецъ,
Подъ-атаманье былъ Добрыня Никитичъ младъ,
Ясаулъ Алеша; поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька долгополый.
Всѣ были братцы въ разъѣздьицѣ:
Гришка боярскій въ тѣ поры кравчимъ жилъ;
Алеша Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ-градъ;
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ въ бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За той ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста̀ поля,
Во чистомъ полѣ увидѣлъископыть великую,
Ископыть велика — полъ-печи.
Учалъ онъ ископыть досматривать:
«Еще — что же то за богатырь ѣхалъ?
«Изъ этой земли изъ Жидовскія.
Поѣхалъ Жидовинъ могучъ богатырь,
На эти степи Цыцарскія!»[1])
Пріѣхалъ Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братця ребятушки!
«Мы что на заставушкѣ устояли?
«Что на заставушкѣ углядѣли!
Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ».
Собирались они на заставу богатырскую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхати за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську долгополаго.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,

---

[1]) «Жидовиномъ» названъ чужеземный богатырь, можетъ быть, по памяти о хозарахъ, среди которыхъ распространено было еврейство. Въ такомъ случаѣ это — очень древній глухой намекъ, такъ какъ хозары были страшны славянскимъ племенамъ только до X вѣка.

Свѣтъ атаманъ, сынъ Ивановичъ:
«Неладно, ребятушки, положили:
«У Васьки полы долгія,
«По землѣ ходитъ Васька, заплетется;
«На бою, на дракѣ заплетется,—
«Погинетъ Васька по-напрасному».
Положились на Гришку на боярскаго:
Гришкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
«Неладно, ребятушки, удумали;
«Гришка рода боярскаго:
«Боярскіе роды хвастливые:
«На бою-дракѣ призахвастается;
«Погинетъ Гришка по-напрасному».
Положились на Алешу на Поповича:
Алешкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика на чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
Говоритъ большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ-атаманъ, сынъ Ивановичъ:
«Неладно, ребятушки, положили:
«Алешенька роду поповскаго.
«Поповскіе глаза завидущіе,
«Поповскія руки загребущія,
«Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
«Много злата-сѣребра,
«Злату Алеша позавидуетъ,
«Погинетъ Алеша по-напрасному».
Положились на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
Побить нахвальщика на чистомъ полѣ,
По-плечъ отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую,
Добрыня того не отпирается,
Походитъ Добрыня на конюшій дворъ,
Имаетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣделышко черкасское,

Въ торока́ вяжетъ палицу боёвую —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ,—
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,
Увидѣлъ на́ полѣ чернизину;
Поѣхалъ прямо на̀ чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ.
«Воръ, собака, нахвальщина!
«Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь?
«Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
«Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
«На всю нашу братію наборную?»
Учулъ нахвальщина зычёнъ голо́съ,
Поворачивалъ нахвальщина добра̀ коня,
Попущалъ на Добрыню Никитича:
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмолится,
И мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь посправился; —
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Илья Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братіею со приборною...
Говоритъ Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнитися:
«Видно ѣхать атаману самому!»
Походитъ Илья на конюшій дворъ,
Имаетъ Илья добра̀ коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаетъ въ сѣдельшко черкасское,
Въ торока̀ вяжетъ палицу боёвую —
Она вѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедры беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелко̀вую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую;
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,

Увидѣлъ на̀ полѣ чернизину,
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ, громкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,
«Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
«Ясаулу Алешѣ въ казну не кладешь,
«На всю нашу братію наборную?
Услышалъ воръ-нахвальщина зычёнъ голосъ·
Поворачивалъ нахвальщина добра̀ коня,
Попущалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удро̀бился.
Съѣхался Илья съ нахвальщикомъ
Впе́рвые палками ударились,
У палокъ цѣвья отломалися,
Другъ дру́жку не ранили;
Саблями вострыми ударились,
Востры сабли приломалися,
Другъ дружку не ранили:
Вострыми копьями кололися,
Другъ дружку не ранили;
Бились-дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились-дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта.
Махнетъ Илейко ру̀чкою правою,
Поскользитъ у Илейка ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю.
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ кинжалище булатное,
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По-плечь отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
«Старый ты старикъ, старый, матерый!
«Зачѣмъ ты ѣздишь на чисто̀ поле?
«Будто не кѣмъ тебѣ, старику, замѣнитися?
«Ты поставилъ бы себѣ келейку
«При той пути, при дороженькѣ;
«Сбиралъ бы ты, старикъ, во келейку;
«Тутъ бы, ты, ста́рикъ, сытъ-питаненъ бы́лъ».

Лежитъ Илья подъ богатыремъ,
Говоритъ Илья таково слово:
«Да не ладно у Святыхъ Отцовъ написано,
«Неладно у Апостоловъ удумано;
«Написано было у Святыхъ Отцовъ,
«Удумано было у Апостоловъ:
«Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
«А теперь Илья подъ богатыремъ!»
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибалъ выше дерева жарóваго, —
Палъ нахвальщина на сыру землю;
Въ сыру землю ушелъ дò-поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Недосугъ Илюхѣ много спрашивать:
Скоро споролъ груди бѣлыя,
Сколо затьмилъ очи ясныя,
По-плечъ отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копье на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Съ своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю,
При своей братьѣ похваляется:
«Ѣздилъ вò полѣ тридцать лѣтъ
«Экаго чуда не наѣзживалъ».

VII.

Да изъ Орды, Золотой земли[1]),
Изъ тоя Могозеи богатыя,
Какъ да подымался Калинъ царь
Злой Калинъ царь Калиновичъ,
Ко стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою съ поганою.
Не дошедъ онъ до Кіева на семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра:
Собиралося съ нимъ силы на сто верстъ,
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать-сыра земля не погнется?

[1]) См. примѣчаніе къ слѣдующей былинѣ о нашествіи Батыя.

Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не вѣдать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духа татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ наременчатъ стулъ,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ саженъ,
Голова на татаринѣ съ пивной котелъ,
Который котелъ сорока ведеръ,
Промежъ плечами косая сажень;
Отъ мудрости слово написано:
Что возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ-градъ.
А Владиміра князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ.
Дастъ тому татарину ярлыки скорописчаты
И послалъ его въ Кіевъ наскоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхалъ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ
Середи двора княженецкаго,
Скакалъ татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ;
Бѣжитъ онъ во гридню во свѣтлую,
А Спасову образу не молится,
Владиміру князю не кланяется,
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ.
Бросалъ ярлыки на круглый столъ
Передъ великаго князя Владиміра;
Отошедъ татаринъ слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольный Кіевскій!
«А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія,
«И безъ того кровопролитія напраснаго.»
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатывалъ и просматривалъ:

Глядючи въ ярлыки заплакалъ, свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося:
Богатырей въ Кіевѣ не случилося;
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ.
А съ Калиномъ силы написано
Ни много, ни мало — на сто верстъ,
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тьмы,
По три тьмы, по три тысячи.
По праву руку его зять сидитъ,
А зятя зовутъ у него Сартакомъ,
А по лѣву руку сынъ сидитъ,
А сына зовутъ Лоншекомъ.
И то у нихъ дѣло не окончено:
Татаринъ изъ Кіева не выѣхалъ. —
Втапоры Василій пьяница
Вбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый.
Калену стрѣлу переную,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими:
А гдѣ-то сидитъ злодѣй Калинъ царь?
И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣляетъ онъ тутъ во Калина царя;
Не попалъ во сабаку Калина царя.
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,
Угодила стрѣла ему въ правый глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что перву бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили:
Убили зятя любимаго
Съ тоя башни со стрѣльныя.
Посылалъ другого татарина
Къ тому князю Владиміру,
Чтобы выдать того виноватаго. —
А мало время замѣшкавши,
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясный соколъ въ перелетъ летитъ,
Какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ, —
Бѣжитъ поленица удалая.

Старый казакъ Илья Муромецъ.
Пріѣхалъ онъ во стольный Кіевъ градъ;
Среди двора княженецкаго
Скочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не приказываетъ,
Идетъ во гридню во свѣтлую,
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны,
А самъ Илья усмѣхается,
«Гой еси сударь, Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ пришелъ?
«Что за дуракъ неотесанный?»
Владиміръ князь стольный Кіевскій
Подавалъ ярлыки скорописчаты.
Принялъ Илья, самъ прочитывалъ.
Говоритъ тутъ ему Владиміръ князь:
«Гой еси Илья Муромецъ!
«Пособи мнѣ думушку подумати:
«Сдать ли мнѣ — не сдать ли Кіевъ градъ,
«Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,
«Безъ того кроволитія напраснаго.»
Говоритъ Илья таково слово:
Владиміръ князь стольный Кіевскій!
«Ни о чемъ ты, государь, не печалуйся;
«Боже-Спасъ оборонитъ насъ,
«А нечтò — Пречистый и всѣхъ сохранитъ
«Насыпай ты мису чиста серебра,
«Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга:
«Поѣдемъ со мной ко Калину царю
«Со своими честными подарками;
«Тотъ татаринъ дуракъ насъ прямо доведетъ.»
Наряжался князь тутъ поваромъ,
Замарался сажею котельною;
Поѣхали они ко Калину царю,
А прямо ихъ татаринъ въ лагери ведетъ.
Пріѣхалъ Илья ко Калину царю,
Въ его лагери татарскіе,
Скочилъ Илья со добра коня.
Калину царю поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:

«Ай Калинъ царь, злодѣй Калиновичъ!
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра:
«Перву мису чиста серебра,
«Другую красна золота,
«Третью мису скатнаго жемчуга;
«А дай ты намъ сроку на три дня
«Въ Кіевѣ намъ пріуправиться:
«Отслужить обѣдни съ панафидами,
«Какъ де служатъ по усопшимъ душамъ,
«Другъ съ дружкой проститися.»
Говоритъ тутъ Калинъ таково слово:
«Гей еси ты, Илья Муромецъ!
«Выдайте вы намъ виноватаго,
«Который стрѣлялъ съ башни со стрѣльныя,
«Убилъ моего зятя любимаго.»
Говоритъ ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра;
«Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»
И тутъ принялъ Калинъ золоту казну
Нечестно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не далъ сроку на три дня и на три часа,
Говорилъ Илья таково слово:
«Собака, проклятый ты Калинъ царь!
«Отойди съ татарами отъ Кіева;
«Охота ли вамъ, собакамъ, живымъ быть.»
И тутъ Калину царю за бѣду стало, —
Велѣлъ татарамъ сохватать Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ таково слово:
«Собака, проклятый ты Калинъ царь!
«Отойди прочь съ татарами отъ Кіева:
«Охота ли вамъ, собакамъ, живымъ быть».
И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ Ильѣ во ясны очи:
«А русской людъ всегда хвастливъ, —

«Опутанъ весь, будто лысый бѣсъ,
«Еще ли стоитъ передо мною, самъ хвастаетъ.»
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ во ясны очи:
Скочилъ въ пол-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ.
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его-то палицы тяжкія,
До мѣдны, литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ-градъ,
И зачалъ татариномъ помахивати:
Куда ли махнетъ — тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ, — съ переулками,
А самъ татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ татаринъ, не ломится.
«А жиловатъ, собака, не изорвется!»
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется голова его татарская;
Угодила та голова по силѣ вдоль,
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ.
Достальные татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья онъ ко Калину царю,
Хваталъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
«Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ!»
Согнетъ его корчагою,
Воздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючъ камень,
Расшибъ онъ въ крохи (пирожныя).
Достальные татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву.
«Не дай Богъ намъ видѣть русскихъ людей!
«Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы?
«Одинъ человѣкъ всѣхъ татаръ прибилъ.»
Пошелъ Илья искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева.

И скоро нашелъ его на кружалѣ Петровскіемъ,
Привелъ ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина
Съ тѣмъ Василіемъ со пьяницей,
И называетъ того пьяницу братомъ названнымъ.
То старина, то и дѣянье.

---

4. Нашествіе Батыя.

Здѣсь взято лишь начало былины о Батыѣ (или Батыгѣ, какъ называетъ его былина) ради прекраснаго и единственнаго по своей оригинальности «зачина». Вся же эта былина представляетъ яркій примѣръ того, какимъ перемѣнамъ могли подвергаться эпическіе сюжеты. Поэтическое вступленіе создалось очевидно подъ впечатлѣніемъ ужаснаго бѣдствія, постигшаго южную Русь въ XIII в., — нашествія татаръ, и въ частности — страшнаго разгрома Кіева въ 1240 году. Фигура дѣвицы, плачущей о судьбѣ Кіева, представляющей не то Богородицу, не то «стѣну городовую», объясняется кіевской легендой о мозаичномъ образѣ Божіей Матери на алтарной стѣнѣ Кіевскаго Софійскаго собора, гдѣ Богородица изображена одна, безъ Спасителя, съ поднятыми молитвенно руками. Образъ этотъ называется «Нерушимая стѣна», такъ какъ по преданію стѣна съ образомъ осталась невредимой при осадѣ города и разрушеніи собора. На основѣ этой легенды и создалась печальная картина вступленія, очевидно принадлежавшаго къ древней пѣснѣ о разореніи Кіева, слагавшейся подъ свѣжими впечатлѣніями страшнаго бѣдствія. Но отъ этой древней пѣсни дошедшая до насъ былина сохранила только этотъ «зачинъ»; остальное подмѣнено другимъ матеріаломъ который и по тону, и по содержанію рѣзко дисгармонируетъ съ началомъ. Во-первыхъ, оказывается, что сокрушеніе и предчувствіе плачущей Богородицы были напрасны: Кіевъ не погибъ, а спасенъ; во-вторыхъ, спасителемъ является кабацкій пьяница Василій Игнатьевъ, который самымъ невѣроятнымъ образомъ одурачилъ глупаго Батыгу; наконецъ, кончается былина шуточной прибауткой о бабьихъ сарафанахъ. Эти прибаутки и подробная передача того, гдѣ и какъ опохмелился пьяница Василій, приводятъ къ мысли, что былина была обработана въ вольной скоморошьей средѣ. Въ нѣсколько иномъ, болѣе серьезномъ эпическомъ тонѣ этотъ сюжетъ вылился въ предыдущей былинѣ о Калинѣ царѣ, гдѣ нѣтъ шутовства и героемъ является любимый народный богатырь, а Василій пьяница, появившійся въ началѣ, потомъ надолго забытъ и является только въ послѣднихъ стихахъ былины. Но надо сказать, что и это обработка сюжета не соотвѣтствуетъ поэтической высотѣ и трагическому тону стариннаго «запѣва»: начинавшаяся имъ утраченная древняя пѣсня несомнѣнно содержала разсказъ о гибели Кіева.

Изъ-подъ той бѣлой березы кудреватыя,
Изъ-подъ чуднаго креста Леванидова.
Шли — выбѣгали четыре тура златорогіе,
И шли они, бѣжали мимо славенъ Кіевъ-градъ;

И видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ чудно̀,
И видѣли надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно̀;
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Въ рукахъ держитъ Божью книгу — Евангелье,
Сколько ни читаетъ, вдвое плачетъ.
Побѣжали туры прочь отъ Кіева,
И встрѣтили турицу, родну матушку,
И встрѣтили турицу, поздоровалися:
«Здравствуй, турица, родна матушка!»
— Здравствуйте, туры, малы дѣточки!
— Гдѣ вы ходили, гдѣ вы бѣгали? —
«Шли мы, бѣжали мимо Кіевъ-славенъ градъ,
Мимо ту, мимо стѣнку городовую,
«Мимо тѣ башни городовыя,
«И видѣли мы надъ Кіевомъ чуднымъ-чудно,
«И видѣли мы надъ Кіевомъ дивнымъ-дивно:
«И по той по стѣнѣ городовыя
«Ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
«Во рукахъ держитъ Божью книгу — Евангелье,
«Сколько ни читаетъ, вдвое плачетъ.
Говоритъ тутъ турица, родна матушка·
— Ужъ вы глупые туры златорогіе!
— Ничего вы, дѣточки, не знаете:
— Не душа то красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
— А ходила то Мать Пресвятая Богородица
— А плакала стѣна-мать городовая,
— По той ли по вѣрѣ христіанскія: —
— Будетъ надъ Кіевъ-градъ погибелье...

---

5. Добрыня Никитичъ.

Добрыня извѣстенъ въ нашемъ эпосѣ, какъ змѣеборецъ и какъ сватъ, добывающій невѣсту для князя Владиміра. Эти обѣ роли заставляютъ изслѣдователей сближать его съ историческимъ Добрыней, дядей Владиміра — просвѣтителя Руси: существуютъ лѣтописныя извѣстія и о его дѣятельной борьбѣ съ язычествомъ въ Новгородѣ и о его участіи въ сватовствѣ Владиміра за Рогнѣду. Но около Добрыни, какъ обыкновенно бываетъ со всякимъ виднымъ эпическимъ лицомъ, собралось еще нѣсколько сюжетовъ не историческаго характера, ходившихъ отдѣльно пришедшихъ съ разныхъ сторонъ. Такъ волшебница Маринка превращаетъ его въ тура-золотые рога — мотивъ, извѣстный у разныхъ народовъ и очень распространенный; въ былинѣ объ этомъ встрѣчаются

также слѣды вліянія ветхозавѣтныхъ апокрифовъ. Къ такимъ же мотивамъ, широко распространеннымъ въ сказкахъ и преданіяхъ и Запада и Востока, относится сюжетъ предложенной здѣсь былины о Добрынѣ: герой послѣ долгой отлучки возвращается какъ разъ къ свадьбѣ своей жены (невѣсты) съ другимъ, играетъ неузнанный на свадебномъ пиру и открываетъ, кто онъ, не совсѣмъ обычнымъ образомъ. Припомнимъ хотя бы пересказанную Лермонтовымъ турецкую сказку «Ашикъ-Керибъ». Наша былина—одна изъ выдающихся въ русскомъ эпосѣ по интересу разсказа и выдержанности тона, по богатству чертъ быта и нравовъ и, наконецъ, по сравнительной мягкости отношеній и сложности душевныхъ движеній.

Говоритъ Добрыня, сынъ Никитичъ
Своей государынѣ ро̀дной матушкѣ:
«Ахъ ты ей, государыня родна матушка!
«Ты на что меня Добрынюшку спородила?
«Спородила бы, государыня родна матушка,
«Ты бы бѣленькимъ горючимъ меня камушкомъ,
«Завернула въ тонкій въ льняной во рукавичекъ,
«Спустила бы меня во сине море:
«Я бы вѣкъ, Добрыня, въ морѣ лежалъ,
«Я не ѣздилъ бы, Добрыня, по чисту полю,
«Я не убивалъ, Добрыня, неповинныхъ душъ,
«Не пролилъ бы крови напрасныя,
«Не слезилъ, Добрыня, отцовъ матерей,
«Не вдовилъ, Добрыня, молодыхъ женъ,
«Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ.»
Отвѣтъ держитъ государыня его матушка;
— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
— Таланомъ-участью въ Илью Муромца,
— Силой въ Святогора богатыря,
— Смѣлостью въ смѣлаго въ Алешу во Поповича,
— Красотой бы я въ Осипа Прекраснаго,
— Я походкою бы тебя щепливою
— Во того Чурилу во Пленковича,
— Я бы вѣжествомъ въ Добрынюшку Никитича[1]).
— Сколько тыя статьи есть, а другихъ Богъ не далъ,
— Другихъ Богъ не далъ, не пожаловалъ. —
Скоро-на-скоро Добрыня онъ коня сѣдлалъ.
Поѣзжалъ Добрыня во чисто поле.
Провожала Добрыню родна матушка,

[1]) Характерный примѣръ механическаго воспроизведенія цѣликомъ готоваго эпическаго мѣста, несмотря на явную несообразность.

Простилася, воротилася,
Домой пошла, сама заплакала,
Учала по полатѣ похаживать,
Начала голосомъ поваживать
Жалобнехонько она, съ причетью.
У тыя было у стремены у правыя,
Провожала Добрыню любимая семья,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово
— Когда Добрынюшка домой будетъ.
— Когда дожидать Добрыню изъ чиста поля?—
Отвѣчалъ Добрыня сынъ Никитичъ:
«Когда у меня ты стала спрашивать
«Тогда я стану тебѣ сказывать:
«Сожидай Добрынюшку по три года;
«Если въ три года не буду, жди друго три;
«А какъ сполнится времени шесть годовъ,
«Да не буду я домой изъ чиста поля,
«Поминай меня, Добрынюшку, убитаго.
«А тебѣ-ка-ва, Настасья, воля вольная:
«Хоть вдовой живи, хоть замужъ поди,
«Хоть за князя поди, хоть за боярина,
«А хоть за русскаго могучаго богатыря,
«А только не ходи за моего брата названаго,
«За смѣлаго за Алешу за Поповича».[1]).
Стала дожидать его по три года.
Какъ день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени да три года,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Стала сожидать его по другое три года.
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени шесть ужъ лѣтъ,
Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля.
Во тую пору, въ то время,

---

[1]) За Алешу Поповича нельзя было выходить, такъ какъ это считалось нарушеніемъ «побратимства». Древній обычай побратимства, извѣстный и у другихъ славянъ (Сербовъ), соединялъ людей связью, которая считалась не меньше кровной, родственной связи.

Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ вѣсточку нерадостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Тогда государыня родна его матушка
Жалешонько по немъ плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лицо бѣлое
По своемъ родимомъ дитяткѣ,
По молодомъ Добрынѣ Никитичѣ.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
«Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
«Молодой вѣкъ свой коротати?
«Поди замужъ, хоть за князя, хоть за боярина,
«Хоть за русскаго могучаго богатыря,
«А хоть за смѣлаго Алешу Поповича.»
Отвѣчала Настасья, дочь Никулична:
— Я исполнила заповѣдь мужнюю,
— Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ,
— Не бывалъ Добрыня изъ чиста поля;
— Я исполню заповѣдь свою женскую:
— Я прожду Добрынюшку друго шесть годовъ:
— Такъ сполнится времени двѣнадцать лѣтъ,
— Да успѣю я и въ ту пору замужъ пойти. —
Опять день за днемъ, будто дождь дожжитъ,
А недѣля за недѣлей, какъ трава растетъ,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжитъ.
Прошло тому времени друго шесть годовъ,
Сполнилось вѣрно двѣнадцать лѣтъ:
Не бывалъ Добрынюшка изъ чиста поля.
Сталъ солнышко-Владиміръ тутъ похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
«Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
«Молодой свой вѣкъ коротати?
«Поди замужъ хоть за князя, хоть за боярина,
«А хоть за русскаго могучаго богатыря,
«А хоть за смѣлаго Алешу Поповича».
Не пошла замужъ ни за князя, ни за боярина,
Ни за русскаго могучаго богатыря,
А пошла замужъ за смѣлаго Алешу Поповича.
Пиръ идетъ у нихъ на третій день;

Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
Принимать съ Алешей по злату вѣнцу.
А Добрыня лучился у Царя-града,
А у Добрыни конь потыкается.
«Ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть,
Зачѣмъ сегодня спотыкаешься?»
Испровѣщится ему добрый конь,
Ему голосомъ человѣческимъ:
— Ты ей, хозяинъ мой любимый!
— Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
— Твоя молода Настасья дочь Никулична замужъ пошла
— За смѣлаго за Алешу Поповича;
— Пиръ идетъ у нихъ по третій день;
— Сегодня имъ итти ко Божьей церкви,
— Принимать съ Алешей по злату вѣнцу. —
Разгорячился Добрынюшка Никитичъ,
Онъ беретъ да плеточку шелковую,
Онъ бьетъ бурка промежу ноги,
Промежу ноги, промежу заднія;
Что сталъ его бурушка поскакивать
Съ горы на гору, съ холма на холмы,
И рѣки, озера перескакивать,
Широкія раздолья между ногъ пущать.
Какъ не ясный соколъ въ перелетъ летитъ:
Добрый молодецъ перегонъ гонитъ.
Не воротми ѣхалъ, черезъ стѣну городовую,
Мимо тую башню наугольную[1])...
Идетъ на княженецкой дворъ безобсылочно,
А въ полаты идетъ бездокладочно;
Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Всѣхъ онъ взашей прочь отталкивалъ,
Смѣло проходилъ въ полаты княженецкія.
Онъ крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
Солнышку-Владиміру въ особину,
Самъ говоритъ таково слово:
«Здравствуй солнышко-Владиміръ стольно-Кіевскій

---

[1]) Затѣмъ нѣсколько стиховъ здѣсь пропущено. Сначала Добрыня заѣзжаетъ къ себѣ домой и узнаетъ отъ матери о вѣроломствѣ Алеши Поповича, потомъ, переодѣвшись скоморохомъ, отправляется на свадебный пиръ къ кн. Владиміру.

«Со своей княгиней со Апраксіей!»
Вслѣдъ идутъ всѣ, жалобу творятъ:
«Солнышко-Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Какъ этотъ удалой добрый молодецъ
«Наѣхалъ изъ поля скорымъ гонцемъ,
«А теперича идетъ скоморошиной;
«Онъ не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
«У дверей не спрашивалъ придверниковъ
«Всѣхъ насъ взашей прочь толкалъ,
«Скоро проходилъ въ полаты княженецкія».
— Ахъ ты ей, удалая скоморошина!
— Ты зачѣмъ идешь на княженецкій дворъ,
— На княженецкій дворъ безобсылочно,
— Во полаты идешь бездокладочно,
— Не спрашивалъ у воротъ приворотниковъ,
— У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
— Скоро проходилъ въ полаты княженецкія? —
Скоморошина къ рѣчамъ не приметися,
Скоморошина въ рѣчи не вчуется:
«Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошское?»
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
— Что ваше мѣсто скоморошское
— На той печкѣ на муравленой,
— На муравленой печкѣ — на запечкѣ. —
Онъ скочилъ скоро на мѣсто на показанно,
На тую на печку на муравлену;
Натягивалъ тетивочки шелковыя,
На тыя струночки золоченыя.
Учалъ по струнамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поваживать
Играетъ-то онъ въ Царѣ-градѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ,
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго[1]).
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули,
Сами говорятъ таково слово:
«Что не быть это удалой скоморошинѣ,
«А кому ни надо быть русскому,
«Быть удалому доброму молодцу!»
Говорилъ Владиміръ стольно-Кіевскій:

[1]) Смыслъ мѣста таковъ: Добрыню сочли сперва за пріѣзжаго (византійскаго?) скомороха, и онъ поддержалъ это мнѣніе тѣмъ, что бралъ греческіе напѣвы; но когда онъ запѣлъ, то увидали, что онъ знаетъ про всѣхъ въ Кіевѣ отъ стараго до малаго; тогда догадались, что это — кто-нибудь свой.

— Ахъ ты ей, удалой скоморошина!
— Опущайся изъ печки, изъ-за-печки:
— Садись-ко съ нами за дубовъ столъ хлѣба кушати,
— Станемъ бѣлыя лебедушки мы рушати.
— За твою игру за веселую
— Дамъ тебѣ три мѣста любимыхъ:
— Первое мѣсто — сядь подлѣ меня,
— Другое мѣсто — супротивъ меня,
— А третье мѣсто, куда самъ захошь,
— Куда самъ захошь, еще пожалуешь. —
Не сѣла скоморошина подлѣ князя,
Не сѣла скоморошина противъ князя,
А садилась скоморошина въ скамеечку
Супротивъ княжны порученыя[1]).
Говоритъ удала скоморошина:
«Что солнышко-Владиміръ стольно-Кіевскій!
«Благослови мнѣ налить чару зелена вина,
«Поднесть эту чару, кому я знаю,
«Кому я знаю, еще пожалую».
Какъ онъ налилъ чару зелена вина,
Онъ опуститъ въ чару свой золоченъ перстень,
Подноситъ княжнѣ порученыя,
Самъ говоритъ таково слово:
«Молодая Настасья, дочь Никулична!
«Прими сію чару единой рукой,
«Да выпей-ка чару единыимъ духомъ;
«Буде пьешь до дна, такъ видашь добра,
«А не пьешь до дна, не видашь добра».
Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единыимъ духомъ
Да и посмотритъ въ чарѣ свой золоченъ перстень.
Которымъ съ Добрыней обручалася;
Сама говоритъ таково слово:
Солнышко-Владиміръ стольно-Кіевскій!
— Не тотъ мой мужъ, который подлѣ меня,
— А тотъ мой мужъ, который супротивъ меня,
— Сидитъ мой мужъ на скамеечкѣ,
— Подноситъ мнѣ чару зелена вина. —
Сама выскочитъ изъ-за стола изъ-за дубоваго,
Упала Добрынѣ въ рѣзвы ноги:

[1]) «Порученная» — обрученная. «Княжной», «княгиней» и до сихъ поръ называется невѣста и жена въ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ.

— Прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,
— Въ той винѣ прости меня, въ глупости,
— Что не по-твоему наказу, де, я сдѣлала,
— Я за смѣлаго Алешеньку замужъ пошла. —
Говоритъ Добрыня, сынъ Никитичъ:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
«Что волосъ дологъ, да умъ коротокъ:
«Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
«Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ;
«А дивую я солнышку-Владиміру
«Съ молодой княгиней со Апраксіей:
«Солнышко-Владиміръ, тотъ тутъ сватомъ былъ,
«А княгиня Апраксія свахою,
«Они у живого мужа жену просватали».
Тутъ солнышку-Владиміру къ стыду пришло.
А говорилъ Алешенька Григорьевичъ:
— Прости, прости, братецъ мой названый,
— Что я посидѣлъ подлѣ твоей любимой семьи,
— Подлѣ молодой Настасьи Никуличной. —
«Въ той винѣ, братецъ, тебя Богъ проститъ,
«Что ты посидѣлъ подлѣ моей любимой семьи,
«Подлѣ молодой Настасьи Никуличной;
«А во другой винѣ тебя, братецъ, не прощу:
«Какъ пріѣзжалъ ты изъ чиста поля въ первыхъ шесть лѣтъ,
«Привозилъ ты вѣсточку нерадостну,
«Что нѣтъ жива Добрыни Никитича:
«Убитъ лежитъ во чистомъ полѣ,
«Буйна голова испроломана,
«Могучи плечи испрострѣлены,
«Головой лежитъ черезъ ракитовъ кустъ, —
«Такъ тогда государыня родна матушка
«Жалешенько по мнѣ плакала,
«Слезила свои очи ясныя,
«Скорбила свое лицо бѣлое:
«Съ этой вины тебѣ не прощу!»[1]).
Ухватилъ Алешку за желты кудри,
Выдернетъ Алешку чрезъ дубовый столъ,
Бросилъ Алешку о кирпиченъ мостъ.

---

[1]) Типично народная черта; разница въ отношеніи къ матери и женѣ проводится и въ лирическихъ пѣсняхъ: см. ниже въ «удалыхъ» пѣсняхъ.

Повыдернетъ шалыгу подорожную,
Учалъ шалыжищемъ охаживать:
Что̀ хлопанье, что̀ оханье, не слышно вѣдь[1]).

---

6. Садко купецъ, богатый гость.

Личность былиннаго Садки сложилась изъ нѣсколькихъ элементовъ, наслоившихся другъ на друга. Во-первыхъ, Новгородскія лѣтописи сохранили извѣстіе о богачѣ по имени Садко Сытинецъ (или Садко Сытиничъ), который въ 1167 г. построилъ въ Новгородѣ каменную церковь св. Бориса и Глѣба. Эти данныя вошли въ былинный обликъ Садко, богатаго гостя, строящаго и украшающаго церкви. Но съ нимъ сплелся образъ гусляра, увлекающаго своей игрой Морского царя, который выходитъ къ нему изъ озера Ильменя и надѣляетъ его богатствомъ; этотъ образъ сложился подъ вліяніемъ финскихъ преданій, связанныхъ съ Ильменемъ, съ морскимъ богомъ Ахто и съ музыкантомъ Вейнемейненомъ. Затѣмъ многія черты похожденій Садко на днѣ морскомъ навѣяны сказками (герой попадаетъ въ подводное или подземное царство, и царь, чтобы удержать его у себя, женитъ его, но герою удается выбраться на землю — все это часто встрѣчается тамъ); наконецъ, легенды, обычно ходящія въ мѣстностяхъ, гдѣ населенію приходится имѣть дѣло съ моремъ, могли дать въ былину мотивъ спасенія гибнущаго въ морѣ человѣка чудесной силой какого-нибудь святого (именно, св. Николай издавна считается покровителемъ на морѣ); въ житіи Исидора Ростовскаго есть подобный разсказъ, довольно близкій къ былинѣ: тутъ есть и внезапная остановка корабля среди моря, и исканіе виноватаго при помощи жребія, и спусканіе указаннаго жребіемъ человѣка на доскѣ въ море, и немедленное послѣ того освобожденіе корабля отъ таинственной задержки.

Во славноемъ во-Новѣградѣ
Какъ былъ Садко̀ купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;

---

[1]) Приводимъ варіантъ конца, характерный по миролюбивому заступничеству Ильи Муромца:

Ухватилъ Алешу за желты кудри.
Кинетъ о кирпиченъ полъ
И хочетъ переправить второй-отъ разъ;
Какъ скочилъ казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики, за могутныя, за молодецкія:
— Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ!
— Не убей ты смертію напрасною
— Меньшаго братца Алешу Поповича! —
Тутъ Добрынюшка Никитиничъ
Бралъ Настасью за бѣлы руки,
Цѣловалъ въ уста сахарнія
И повелъ ю во-въ высокъ теремъ.
Глядитъ честна вдова Мамелфа Тимофѣевна:
Красное солнышко пороспекло,
И свѣтелъ мѣсяцъ поровсвѣтилъ.

По пирамъ ходилъ — игралъ Садко.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ въ озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то во озерѣ вода всколыбалася,
Тутъ-то Садко перепался,
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ:
По томъ Садко соскучился.
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень-озеру,
Садился на бѣлъ-горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то во озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
— Ай же ты, Садко Новгородскіій!
— Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать
— За твои за утѣхи великія,
— За твою-то игру нѣжную:
— Аль безсчетной золотой казной?
— А не то ступай во Новгородъ
— И ударь о великъ закладъ,
— Заложи свою буйну голову,

— И выряжай[1]) съ прочихъ купцовъ
— Лавки товара краснаго,
— И спорь, что въ Ильмень-озерѣ
— Есть рыба — золоты перья.
— Какъ ударишь о великъ закладъ,
— И поди-свяжи шелковой неводъ,
— И пріѣзжай ловить въ Ильмень-озеро
— Тогда ты, Садко, счастливъ будешь. —
— Дамъ три рыбины — золотыя перья.
Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера.
Какъ приходитъ Садко въ свой во Новгородъ,
Позвали Садка на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садко Новгородскій
Сталъ играть во гусельки яровчаты.
Какъ тутъ стали Садка попаивать,
Стали Садку поднашивать,
Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы новгородскіе!
«Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень-озерѣ:
«А есть рыба — золоты перья въ Ильмень-озерѣ».
Какъ тутъ то купцы новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
— Не знаешь ты чуда чуднаго,
— Не можетъ-быть въ Ильмень-озерѣ рыба — золоты перья. —
«Ай же вы, купцы новгородскіе!
«О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
«Ударимъ ка о великъ закладъ:
«Я заложу свою буйну голову,
«А вы залагайте лавки товару краснаго».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товару краснаго.
Какъ тутъ то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень-озеро.
Закинули тоньку въ Ильмень-озеро;
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тутъ купцы новгородскіе

Отъ слова *ряда*, *рядиться* — уговариваться.

Отдали по три лавки товару краснаго.
Сталъ Садко поторговывать,
Сталъ получать барыши великіе.
Во своихъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Устроилъ Садко все по небесному:
На небѣ солнце — и въ палатахъ солнце;
На небѣ мѣсяцъ — и въ палатахъ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды — и въ палатахъ звѣзды[1]).

II.

Потомъ Садко купецъ богатый гость
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ
Тыихъ мужиковъ новгородскихъ
И тыихъ настоятелей новгородскіихъ:
Ѳому Назарьева и Луку Зиновьева.
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися,
Похвальбами всѣ похвалялися.
Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
Другой хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
Который хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
Славнымъ отечествомъ, молодымъ молодечествомъ.
Умный хвастаетъ старымъ батюшкомъ,
Безумный хвастаетъ молодой женой.
Говорятъ настоятели новгородскіе:
«Всѣ мы на пиру наѣдалися,
«Всѣ на почестномъ напивалися,
«Похвальбами всѣ похвалялися.
«Что же у насъ Садко ничѣмъ не похвастаетъ?
«Что у насъ Садко ничѣмъ не похваляется?»
Говоритъ Садко купецъ богатый гость:
— А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
— Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
— У меня золота казна не тощится,
— Цвѣтно платьице не носится,
— Дружина хоробра не измѣняется.
— А похвастать — не похвастать безсчетной золотой казной:
— На свою безсчетну золоту казну

[1]) Въ старой Руси былъ обычай расписывать потолки царскихъ палатъ въ видѣ небеснаго свода, гдѣ изображались всѣ «бѣги небесные» (т.-е. свѣтила).

— Повыкуплю товары новгородскіе,
— Худые товары и добрые! —
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели новгородскіе
Ударили о великъ закладъ
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупи Садку товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣградѣ товаровъ въ продажѣ болѣе не было.
Ставалъ Садко на другой день ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ во гостиный рядъ:
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые,
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ во гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетную золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта —
«Още повыкуплю товары московскіе,
«Подоспѣютъ товары заморскіе.
«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій:

«Побогаче меня славный Новгородъ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскіимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

III.

На свою безсчетну золоту казну.
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На тѣ корабли на черленые
Свалилъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-рѣку,
А съ Невы-рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ домой во Новгородъ.
Поѣзжалъ онъ по синю морю,
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость
Ко своей дружинѣ ко хоробрыя:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
«Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
«А морскому царю дани не плачивали:
«Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ.
«Ай же братцы, дружинушка хоробрая!
«Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
«Спущайте бочку во синё море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во синё море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Тутъ его дружина хоробрая
Брали бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во синё море:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Видно, царь морской требуетъ
«Живой головы во синё море.
«Дѣлайте, братцы, жеребья волжаны,
«Я самъ сдѣлаю на красноемъ на золотѣ,
Всякъ свои имена подписывайте,
«Спущайте жеребья на синё море:
«Чей жеребей ко дну пойдетъ,
«Таковому итти во синё море».
Дѣлали жеребья волжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красноемъ на золотѣ.
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья во синё море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
«Этые жеребья неправильны:
«Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
«А я сдѣлаю жеребей волжаный».
Дѣлали жеребья на красноемъ на золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребей волжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спущали жеребья на синё море:
Какъ у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголемъ по воды пловутъ,
А у Садка купца ключемъ на дно[1])...
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
«Видно, царь морской требуетъ

[1]) Далѣе Садко еще два раза мѣняетъ жеребья и оба раза ему выпадаетъ судьба итти на дно. Смыслъ этой сложной жеребьевки нѣсколько запутанъ пѣвцомъ даннаго варіанта былины; ясно одно: Садко хитритъ и плутуетъ, не желая итти на дно морское, но судьба разрушаетъ всѣ его плутни и ему остается подчиниться. Здѣсь типично сказался купецъ-хозяинъ, всячески изворачивающійся, чтобы выгородить себя и не стѣсняющійся съ своей безотвѣтной дружиной — прикащиками.

«Самого Садка богатаго въ синё море
«Несите мою чернилицу вальяжную,
«Перо лебединое, листъ бумаги гербовый»[1])
Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣньице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божьимъ церквамъ,
Иное имѣнье — нищей братіи,
Иное имѣнье — молодой жены,
Остатнее имѣнье дружины хоробрыя.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
«Давайте мнѣ гусельки яровчаты.
«Поиграть ли мнѣ въ остатнее:
«Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.
«Али взять мнѣ гусли съ собой во синё море»?
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
«Хоть я свалюсь на доску дубовую,
«Не столь мнѣ страшно принять смерть на синёмъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли, какъ черныя вороны;
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой.
Проснулся Садко въ синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ, на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко во синемъ морѣ:
Стоитъ палата бѣлокаменная,
Заходилъ Садко въ палату бѣлокаменную:
Сидитъ въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
— Ай же ты Садко купецъ, богатый гость!

---

[1]) Подробность поздняя: гербовая или «орленая» бумага введена была у насъ при Петрѣ.

— Вѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживалъ,
— Мнѣ, царю, дани не плачивалъ.
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажуть, мастеръ играть въ гуселки яровчаты:
— Поиграй же мнѣ во гусельки яровчаты. —
Какъ началъ играть Садко въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской въ синемъ морѣ.
Игралъ Садко сутки, игралъ и другіе,
Да игралъ еще Садко и третьіи;
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ. —
Во синёмъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода сомутилася,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому[1].
Какъ тронуло Садко во плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
— Полно играть во гусёлышки яровчаты! —
Обернулся — глядитъ Садко Новгородскій:
Ажно стоитъ старикъ сѣдатыій.
Говоритъ Садко Новгородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ,
«Приказано играть въ гуселки яровчаты».
Говоритъ старикъ таковы слова:
— А ты струночки повырывай,
— А ты шпенечки повыломай.
— Скажц: у меня струночекъ не случилося.
А шпенечковъ не пригодилося;
— Не во что больше играть:
— Приломалися гуселки яровчаты.
— Скажетъ тебѣ царь морской:
— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ
На душечкѣ на красныя дѣвушки?
— Говори ему таковы слова:
— У меня воля не своя во синемъ морѣ.
— Опять скажетъ царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенькс,
Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу.
— Какъ станешь выбирать дѣвицу-красавицу,
— Такъ перво триста дѣвицъ пропусти,

---

[1]) Эта поздняя подробность говоритъ объ **иконѣ-статуѣ св. Николая въ** соборѣ г. Можайска, Московской губерніи.

— И друго триста дѣвицъ пропусти,
— И третье триста дѣвицъ пропусти:
— Позади идетъ дѣвица-красавица,
— Красавица дѣвушка Чернавушка.
— Бери тую Чернаву за себя замужъ[1])...
— Будешь, Садко, въ Новѣградѣ.
— А на свою безсчетну золоту казну
Построй церковь соборную Миколы Можайскому. —
Садко струночки во гуселкахъ повыдернулъ,
Шпенечки въ яровчатыхъ повыломалъ.
Говоритъ ему царь морской:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
— Что же не играешь въ гуселки яровчаты?
«У меня струночки въ гуселкахъ повыдернулись,
«А шпенечки въ яровчатыхъ повыломались,
«А струночекъ запасныхъ не случилося,
«А шпенечковъ не пригодилося».
Говоритъ царь таковы слова:
— Не хочешь ли жениться въ синемъ морѣ
— На душечкѣ на красныя дѣвушки? —
Говоритъ ему Садко Новгородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ».
Опять говоритъ царь морской:
— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,
— Выбирай себѣ дѣвицу-красавицу. —
Вставалъ Садко поутру ранешенько,
Поглядитъ — идетъ триста дѣвушекъ красныихъ;
Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,
И друго триста дѣвицъ пропустилъ,
И третье триста дѣвицъ пропустилъ:
Позади шла дѣвица красавица,
Красавица дѣвица Чернавушка;
Бралъ тую Чернаву за себя замужъ...
Какъ проснулся Садко въ Новѣградѣ,
О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу,
Какъ поглядитъ, ажно бѣжатъ
Свои черленые кораблики по Волхову.
Поминаетъ жена Садка со дружиной въ синемъ морѣ:
— Не бывать Садку со синя моря! —

[1]) Выборъ невѣсты часто обставляется подобнымъ образомъ въ сказкахъ: даже имя ея сказочное: дѣвка-чернавка, замарашка (Сандрильона, т.-е., запачканная пепломъ кухоннымъ).

дружина поминаетъ одного Садка:
«Остался Садко въ синемъ морѣ!»
А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,
Встрѣчаетъ свою дружинушку со Волхова.
Тутъ его ли дружина сдивовалася:
«Остался Садко во синемъ морѣ,
«Очутился впереди насъ въ Новѣградѣ,
«Встрѣчаетъ дружину со Волхова!» —
Встрѣтилъ Садко дружину хоробрую
И повелъ въ палаты бѣлокаменны.
Тутъ его жена зрадовалася,
Брала Садка за бѣлы руки,
Цѣловала во уста во сахарнія.
Началъ Садко выгружать со черленыхъ со кораблей
Имѣньице — безсчетну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со черленыхъ со кораблей, —
Состроилъ церковь соборнюю Миколы Можайскому;
Не сталъ больше ѣздить Садко за синё море,
Сталъ поживать Садко во Новѣградѣ.

---

7 Василій Буслаевъ.

Въ былинахъ о Василіи Буслаевѣ нѣтъ ничего богатырскаго, ничего сверхъестественнаго или сказочнаго; кромѣ нѣкоторыхъ обычныхъ гиперболическихъ обозначеній силы и т. п., всѣ приключенія Васьки могли произойти приблизительно такъ, какъ говорятъ былины. Основой былинъ этихъ служатъ бытовыя особенности новгородскаго склада жизни. Изъ политическаго и экономическаго строя Новгородскаго общества легко объясняется личность Васьки Буслаева, богатаго боярскаго или купеческаго сынка, который съ малолѣтства практиковался въ уличномъ озорствѣ надъ ребятами, а выросши развилъ свои подвиги шире, собравъ около себя при помощи денегъ и угощенья цѣлую шайку головорѣзовъ изъ голи кабацкой, падкой на то, чтобы «пить-ѣсть изъ готоваго». Вполнѣ понятно и озлобленіе большинства городского населенія противъ буяна и его шумной ватаги, и желаніе сжить его со свѣта и т. д. Но невольно встаетъ вопросъ: какъ могъ уличный драчунъ и забіяка стать героемъ пѣсни, которая хотя не скрываетъ его пороковъ, но относится къ нему вполнѣ серьезно и внимательно слѣдитъ за его похожденіями? Для объясненія этого надо припомнить, какую роль играла въ исторіи Новгородская извѣстная «вольница», — ушкуйники или просто «молодцы», какъ ихъ зовутъ лѣтописи. Типъ удалого повольника сложился и выработался въ широкихъ завоевательныхъ и колонизаторскихъ экспедиціяхъ, которыми Новгородъ постоянно занимался съ очень давнихъ временъ: древнѣйшія лѣтописныя извѣстія уже застаютъ Новгородцевъ берущими дань съ Перми и Печоры, Ижоры и Корелы. Сперва это были

правильныя дружины подъ начальствомъ князей и воеводъ, и въ лѣтописяхъ, начиная съ XI в., встрѣчаются нерѣдко упоминанія о ихъ походахъ на Чудь, Емь, на Литву. Но съ XIII в. извѣстія говорятъ иногда уже о военныхъ экспедиціяхъ вольныхъ дружинъ изъ охочихъ «молодыхъ людей», при чемъ видно, что эти походы бывали «безъ новгородскаго слова», т.-е. безъ воли или вопреки волѣ Новгородскаго правительства. Съ половины XIV в. видно, что ушкуйничество начинаетъ вырождаться въ разбойничество; ушкуйники новгородскіе идутъ уже не въ Сибирь или къ сѣвернымъ инородцамъ, а плаваютъ по Волгѣ, грабятъ и «бесерменъ», и своихъ, и нѣсколько разъ захватываютъ и разоряютъ Ярославль, Кострому, Нижній, Вятку, Казань, доходя до Астрахани. Въ концѣ XIV в. Новгороду приходилось имѣть непріятности изъ-за нихъ и платиться Московскому князю, но долгое время на своеволіе ушкуйниковъ онъ смотрѣлъ снисходительно, такъ какъ они бывали и полезны родному городу, нападая на «бесерменъ» или заглаживая грѣхи своей удали службой Новгороду. Мы знаемъ, напр., что одинъ изъ такихъ ушкуйниковъ, Александръ Аввакумовичъ, въ 1371 году начальствовалъ надъ войскомъ, посланнымъ новгородцами для защиты Торжка, и лѣтопись съ уваженіемъ говоритъ о немъ: «и ту костію паде за Св. Спасъ и за обиду за новгородскую.» Другой ушкуйникъ, Онисифоръ Лукичъ, ходившій въ набѣги противъ воли Великаго Новгорода, черезъ восемь лѣтъ послѣ этого (въ 1350 г.) былъ поставленъ посадникомъ. Итакъ, разбойническія черты повольника совмѣщались и съ полезной дѣятельностью его на своей родинѣ, и съ почетомъ. Неудивительно, что могъ быть отмѣченъ народной памятью и почтенъ пѣснью и Василій Буслаевъ, типичный предводитель шайки ушкуйниковъ. (Былины говорятъ о его плаваньи съ дружиной въ Каспійскомъ морѣ и о встрѣчахъ съ «казачьими атаманами», не пропускавшими проѣзжихъ, т.-е. съ волжскими разбойниками.) Самое имя его есть въ лѣтописи: подъ 1171 годомъ упоминается «Васька Буслаевичъ» какъ разъ въ качествѣ Новгородскаго посадника. Возможно, что древнѣйшія пѣсни о немъ знали его и какъ посадника, говорили о какихъ-нибудь болѣе достойныхъ похожденіяхъ его, но это забылось, и типъ его огрубѣлъ и выродился въ грубой скоморошьей средѣ, которая съ любовью разработала въ немъ черты безудержнаго гуляки и буяна.

Жилъ Буславьюшка — не старился,
Живучись Буславьюшки преставился.
Оставалось у Буслава чадо милое,
Милое чадо рожоное,
Молодой Васильюшка Буславьевичъ.
Сталъ Васенька на улочку похаживать,
Нелегкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ — рука прочь,
За ногу возьметъ — нога прочь;
А котораго ударитъ по горбу,
Тотъ пойдетъ — самъ сутулится.
И говорятъ мужики новгородскіе:

«Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ! —
«Тебѣ съ этою удачею молодецкою
«Наквасити рѣка будетъ Волхова».
Идетъ Василій съ широкія улочки,
Не веселъ домой идетъ, не радошенъ,
И стрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты мое чадо милое,
— Милое чадо рожоное,
— Молодой Васильюшка Буславьевичъ!
— Что идешь не веселъ, не радошенъ?
— Кто же те на улушкѣ пріобидѣлъ? —
«А никто меня на улушкѣ пріобидѣлъ.
«Я кого возьму за руку — рука прочь,
«За ногу кого возьму — нога прочь,
«А котораго ударю по горбу,
«Тотъ пойдетъ — самъ сутулится.
«А говорили мужики новгородскіе,
«Что мнѣ съ этою удачею молодецкою
«Наквасити рѣка будетъ Волхова».
А говоритъ мать таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
— Прибирай ко себѣ дружину хоробрую,
— Чтобъ никто те въ Новѣградѣ не обидѣлъ, —
И налилъ Василій чашу зелена вина,
Мѣрой чашу полтора ведра,
Становилъ чашу среди двора,
И самъ ко чашѣ приговаривалъ:
«Кто эту чашу приметъ одной рукой,
«И выпьетъ чашу за единый духъ,
«Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!»
И садился на ременчатъ стулъ,
Писалъ скорописчатые ярлыки,
Въ ярлыкахъ Васенька прописывалъ:
«Зоветъ — жалуетъ на почестенъ пиръ»;
Ярлыки привязывалъ къ стрѣлочкамъ
И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду[1]).
И пошли мужики новгородскіе
Изъ тоя изъ церкви изъ соборныя,
Стали стрѣлочки нахаживать,

---

[1]) Сказочная подробность.

Господа стали стрѣлочки посматривать:
«Зоветъ — жалуетъ Василій на почестенъ пиръ».
И собирались мужики новгородскіе увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли къ Василью на почестенъ пиръ.
И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буславьевичъ!
«Мы теперь стали на твоемъ на дворѣ,
«Всю мы у тебя ѣству выѣдимъ,
«И всѣ напиточки у тя выпьемъ,
«Цвѣтно платьице повыносимъ,
«Красно-золото повытащимъ».
Этыя рѣчи ему не слюбилися.
Выскочилъ Василій на широкій дворъ,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
И зачалъ Василій по двору похаживати,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати;
Куды махнетъ — туды улочка,
Перемахнетъ — переулочекъ:
И лежатъ то мужики увалами,
Увалами лежатъ, перевалами,
Набило мужиковъ, какъ погодою.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.
Идетъ то Костя Новоторжанинъ
Ко той ко чары зелена вина,
И бралъ ту чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій съ новыхъ сѣней,
Хваталъ то Василій черленый вязъ,
Какъ ударилъ Костю по́ горбу:
Стоитъ-то Костя — не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
«Будь моя дружина хоробрая,
«Поди въ мои палаты бѣлокаменны»
Мало тотъ идетъ, мало но́вой идетъ,
Идетъ-то Потанюшка Хроменькій
Къ Василью на широкій дворъ,
Ко той ко чары зелена вина;

Бралъ тоё чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочитъ Василій со новыхъ сѣней,
Хваталъ-то Василій черленый вязъ,
Ударитъ Потанюшку по хромымъ ногамъ:
Стоитъ Потанюшка и не крянется,
На буйной головы кудри не ворохнутся.
«Ай же Потанюшка Хроменькій!
«Будь моя дружина хоробрая,
«Поди въ мои палаты бѣлокаменны».
Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ,
Идетъ-то Хомушка Горбатенькій
Ко той ко чары зелена вина;
Бралъ ту чару одной рукой,
И выпилъ чару за единый духъ.
Того и бить не шелъ со новыхъ сѣней:
«Ступай ко въ палаты бѣлокаменны.
«Пить намъ напитки сладкіе,
«Ѣства-то ѣсть сахарнія,
«А бояться намъ въ Новѣградѣ некого!»
И прибралъ Василій тридружины въ Новѣградѣ.
И завелся у князя новгородскаго почестенъ пиръ
На многихъ князей, на бояръ;
На сильныхъ могучіихъ богатырей,
А молодца Василья не почествовали.
Говоритъ матери таковы слова:
«Ай же ты, государыня матушка,
«Честна вдова Авдотья Васильевна!
«Я пойду къ князьямъ на почестенъ пиръ».
Возговоритъ Авдотья Васильевна:
— Ай же ты мое чадо милое,
— Милое чадо рожоное!
— Званому гостю мѣсто есть,
— А незваному гостю мѣста нѣтъ. —
Онъ Василій матери не слушался,
А взялъ свою дружину хоробрую
И пошелъ къ князю на почестенъ пиръ.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шелъ во гридню столовую,
Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,

За дубовый столъ, въ большой уголъ[1]).
И тронулся на лавочку къ пестно-углу,
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правоії ногой;
Всѣ стали гости въ пестно-углу;
И тронулся на лавочку къ верно-углу,
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой:
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Другіе гости перепа́лися,
Отъ страху по домамъ разбѣжалися.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своей дружиною хороброю.
Опять всѣ на пиръ собиралися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Возговоритъ Костя Новоторжанинъ[2]):
— А нечѣмъ мнѣ-ка, Костѣ, похвастати:
— Я остался отъ батюшки малешенекъ,
— Малешенекъ остался и зеленешенекъ:
— Развѣ тымъ мнѣ, Костѣ, похвастати:
— Ударить съ вами о великъ закладъ,
— О буйной головы на весь на Новгородъ,
— Окромѣ трехъ монастырей —
— Спаса Преображенія,
— Матушки Пресвятой Богородицы,
— Да еще монастыря Смоленскаго. —
Ударили они о великъ закладъ,
И записи написали,
И руки приложили,
И головы преклонили:
«Итти Василью съ утра черезъ Волховъ мостъ;
«Хоть свалятъ Василья до мосту,
«Везти на казень на смертную,
«Отрубить ему буйна голова;

---

1) Мѣста за столомъ въ древней Руси различались по достоинству: самымъ почетнымъ былъ *большой уголъ* стола, самый дальній отъ двери у правой стѣны, гдѣ иконы; противоположный ему назывался *(д)верно-уголъ* (около двери), сосѣдній съ нимъ — пестно-уголъ или *печно-уголъ* — около печи.

2) Пѣвецъ спуталъ лица: говорить это долженъ Василій Буслаевъ, какъ и видно изъ дальнѣйшаго.

«Хоть свалятъ Василья у моста,
«Везти на казень на смертную,
«Отрубить ему буйна голова;
«Хоть свалятъ Василья посередъ моста,
«Везти на казень на смертную,
«Отрубить ему буйна голова;
«А ужъ какъ пройдетъ третью за́ставу,
«Тожно больше дѣлать нечего».
И пошелъ Василій со пира домой,
Невеселъ идетъ домой, не радошенъ,
И вестрѣчаетъ его желанная матушка,
Честная вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
Милое чадо рожоное!
— Что идешь невеселъ, нерадошенъ? —
Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:
«Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ —
«Итти съ утра на Волховъ мостъ:
«Хоть свалятъ меня до моста,
«Хоть свалятъ меня у моста,
«Хоть свалятъ меня посередъ моста,
«Везти меня на казнь на смертную,
«Отрубить мнѣ буйна голова.
«А ужъ какъ пройду третью заставу,
«Тожно больше дѣлать нечего».
«Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,
Подперла двери желѣзныя
Тымъ ли вязомъ черленыимъ;
И налила чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга,
И понесла въ дары князю новгородскому,
Чтобы простилъ сына любимаго.
Говоритъ князь новгородскій:
«Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закручинилась пошла, запечалилась,
Разсѣяла красно золото и чисто серебро,
И скатенъ жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:

— Не дорого мнѣ ни золото, ни серебро, ни скатенъ жемчугъ,
— А дорога мнѣ буйная головушка
— Своего сына любимаго,
— Молода̀ Васильюшка Буслаева. —
И спитъ Василій, не пробудится..
Какъ собирались мужики увалами,
Увалами собирались, перевалами,
Съ тыма шалыгами подорожныма,
Кричатъ они во всю голову:
«Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мостъ,
«Рушай-ко завѣты великіе!»
И выскочилъ Хомушка Горбатенькій,
Убилъ-то онъ силы за цѣло сто,
И убилъ-то онъ силы за другое сто,
Убилъ-то онъ силы за третье сто,
Убилъ-то онъ силы до пятисотъ.
На смѣну выскочилъ Потанюшка Хроменькій,
И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.
И мыла служанка, Васильева портомойница[1])
Платьица на рѣкѣ на Волховѣ,
И стало у дѣвушки коромыселко поскакивать,
Стало коромыселко помахивать:
Убило силы то за цѣло сто,
Убило силы то за другое сто,
Убило силы то за третье сто,
Убило силы то до пяти сотъ.
И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
— Ты спишь, Василій, не пробудишься,
— А твоя-то дружина хоробрая
— Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ. —
Со сна Василій пробуждается,
А самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же ты, любезная моя служаночка!
«Отопри-ка двери желѣзныя».
Какъ отперла ему двери желѣзныя,
Хваталъ Василій свой черленый вязъ,
И пришелъ ко мосту ко Волховскому,

[1]) И здѣсь, какъ въ сказкахъ, въ извѣстномъ отношеніи къ герою стоитъ и устраиваетъ его судьбу та же служанка. «дѣвка-чернавка (въ другихъ варіантахъ этой былины она и называется Чернавкой).

Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же, любезна моя дружина хоробрая
«Поди-тко теперь опочивъ держать,
«А я теперь стану съ ребятами поигрывать».
И зачалъ Василій по мосту похаживать:
И зачалъ онъ вязомъ помахивать:
Куды махнетъ — туды улица,
Перемахнетъ — переулочекъ.
И лежатъ-то мужики увалами,
Увалами лежатъ перевалами,
Набило мужиковъ, какъ погодою.
И встрѣчу идетъ крестовый братъ,
Во рукахъ несетъ шалыгу девяносто пудъ,
А самъ говоритъ таковы слова:
— Ай же ты, мой крестовый брателко,
— Молодой курень, не попархивай,
— На своего крестоваго брата не наскакивай!
— Помнишь, какъ учились мы съ тобой въ грамоты:
— Я надъ тобой былъ втѣпоры бóльшій братъ,
— И нынь-то я надъ тобой буду бóльшій братъ. —
Говоритъ Василій таковы слова:
«Ай же ты, мой крестовый брателко!
«Тебя ли чортъ несетъ навстрѣчу мнѣ?
«А у насъ то вѣдь дѣло дѣется:
«Головами, братецъ, играемся!»
И ладитъ крестовый его брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову.
Василій хватилъ шалыгу правой рукой,
И билъ то брателка лѣвой рукой,
И пиналъ то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата души нѣтъ.
И самъ говоритъ таковы слова:
«Нѣтъ на друга на стараго,
«На того ли брата крестоваго:
«Какъ братъ пришелъ, по плечу ружье принесъ»[1]).
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгою.
И на встрѣчу Васильюшку Буславьеву
Идетъ крестовый батюшка, Старчище Пилигримище:

[1]) Смыслъ его словъ ироническій; никто, никакой другъ, не можетъ сравняться со старымъ другомъ — крестовымъ братомъ; никто такъ не могъ бы услужить, какъ онъ, своимъ оружіемъ.

На буйной головы колоколъ пудовъ въ тысячу,
Въ правой рукѣ языкъ въ пятьсотъ пудовъ.
Говоритъ Старичище Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
— Молодой курень, не попархивай,
— На своего крестоваго батюшка не наскакивай! —
И возговоритъ Василій Буславьевичъ:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка!
«Тебя ли чортъ несетъ во той поры
«На своего любимаго крестничка?
«А у насъ то вѣдь дѣло дѣется,
«Головами, батюшка, играемся!»
И здынулъ шалыгу девяноста пудъ,
Какъ хлыснулъ своего батюшка въ буйну голову,
Стоитъ крестный — не кренется,
Такъ разсыпался колоколъ на ножевыя черенья:
Желты кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлестнулъ то крестнаго батюшка
Въ буйну голову промежъ ясны очи:
И выскочили ясны очи, яко пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на домы на каменные.
И вышла мать Пресвятая Богородица
Съ того монастыря Смоленскаго:
«Ай же ты, Авдотья Васильевна!
«Закличь своего чада милаго,
«Милаго чада рожонаго,
«Молода Васильюшка Буслаева:
«Хоть бы оставилъ народу на сѣмена».
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
Закликала своего чада милаго.

II.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярый гоголь поныривa
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хораброю,
Тридцать удалыхъ молодцовъ.
Костя Никитинъ корму держитъ,

Маленькій Потаня на носу стоитъ,
А Василій то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Свѣтъ моя дружина хорабрая,
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
Ставьте корабль поперекъ Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду».
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ.
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хорабрая;
Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ — матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелфѣ Тимофѣевнѣ,
Какъ вьюнъ около ея увивается,
Проситъ благословеніе великое:
«А свѣтъ ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофѣевна!
Дай мнѣ благословеніе великое,
Итти мнѣ, Василью въ Ерусалимъ-градъ,
Со своей дружиной хораброю,
Мнѣ-ка Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися».
Что возговоритъ матера вдова,
Матера Амелфа Тимофѣевна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
«Молодой Василій Буслаевичъ!
«То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
«Тебѣ дамъ благословеніе великое;
«То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
«И не дамъ благословенья великаго,
«А и не носи Василья сыра-земля».
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце распущается:
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,

И даетъ оружіе долгомѣрное:
«Побереги ты, Василій, буйну голову свою».
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю...
Бѣгутъ они ужъ сутки — другія,
А бѣгутъ ужъ недѣлю — другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
«Здравствуй, Василій Буслаевичъ!
«Куда молодецъ поизволилъ гулять?»
Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, корабельщики!
«А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
«Смолоду бито много, граблено,
«Подъ старость надо душа спасти»[1]).
Будутъ они во Ердань-рѣкѣ,
Бросали якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ;
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своей дружиною хораброю,
Въ Ерусалимъ-градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя, Василія Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ
И по всему роду своему:
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой-святынѣ приложился онъ,
И въ Ердань-рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами,
И которые старцы при церкви живутъ,
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Іерусалима на свой червленъ корабль;
Въ та поры его дружина хорабрая

[1]) Дальше пропущена встрѣча Василья въ «Каспицкомъ» морѣ съ казачьими атаманами.

Купалася во Ердань-рѣкѣ,
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердань-рѣкѣ?
— А некому купатися, опричь Василья Буславьевича.—
«Въ Ердань-рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ;
«Потерять его вамъ будетъ
«Большого атамана, Василья Буслаевича».
И они говорятъ таково слово:
«Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ»[1]).
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань-рѣки;
Подняли тонки паруса полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому ко Новугороду[2]).
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А и ѣдутъ уже другую;
И зивидѣлъ Василій гору высокую Сорочинскую
Захотѣлось Василію на горѣ побывать —
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору.
Пошелъ Василій со дружиною;
И будетъ онъ въ полъ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость.
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь;
Провѣщится пуста голова:
«Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
«Къ чему ты меня, голову, попинываешь
«И къ чему подбрасываешь?
«Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
«Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
«Гдѣ лежитъ пуста голова,
«Лежать будетъ и Васильевой головѣ».
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокій камень,

[1]) Т.-е. ни въ какія примѣты; «чохъ» — чиханье.
[2]) Выпущена вторичная встрѣча съ атаманами.

Въ вышину три сажени печатныя,
И черезъ его только топоромъ подать[1]),
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
— А и кто-де у камня станетъ тѣшиться,
— А и тѣшиться, забавлятися,
— Вдоль скакать по каменю,
— Сломить будетъ буйну голову. —
Василій тому не вѣруетъ,
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперекъ камню поскакивати.
Захотѣлось Василью вдоль скакать:
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки паруса полотняные,
Побѣжали ко Новугороду;
И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ, не шатался онъ.
Пошли къ матери вдовѣ къ Амелфѣ Тимофѣевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письма въ руки подали[2]);
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
«У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего:
«Подите въ подвалы глубокіе.
«Берите золотой казны не считаючи».
Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой вдовѣ,

[1]) «Печатная» сажень — съ клеймомъ, освидѣтельствованная и провѣренная. Интересно наглядное измѣреніе ширины камня; оно ярко и живо для крестьянина, рабочаго человѣка.

[2]) Примѣръ механическаго пользованія готовой эпической формулой: дружина не могла привезти никакого письма и въ немъ не было нужды, но въ эпосѣ часто извѣстія передаются черезъ посланцевъ съ письмами, и эта подробность вошла и сюда по привычкѣ.

Взговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка, Амелфа Тимофѣевна!
«Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцевъ».
Въ та поры матера вдова Амелфа Тимофѣевна
Приказала наливать по чарѣ зелена вина;
Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ;
А и выпили они, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

---

8. Взятіе Казанскаго царства[1]).

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны полаты.
А изъ спальни бѣлокаменной полаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ разсказала:
«А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
«Что ночесь мнѣ, царицѣ, мало видѣлося:
«Какъ отъ сильнаго Московскаго царства,
«Кабы сизый орлище встрепенулся,
«Кабы грозная туча подымалась».
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій,
А Иванъ сударь Васильевичъ, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булакъ-рѣку,
Подходили подъ другую подъ рѣку, подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ.
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,

---

[1]) Начиная съ этой былины, помѣщено нѣсколько эпическихъ пѣсенъ о болѣе позднихъ событіяхъ; ихъ называютъ обычно «историческими пѣснями».

А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель,
И началъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна.
Что большой за меньшаго хоронится,
Отъ меньшаго ему, князю, отвѣту нѣту.
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
«Ты великій, сударь, князь Московскій!
«Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
«Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
«А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе».
Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ, —
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны полаты,
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія полаты.
Что царица Елена догадалась:
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана сударь Васильевича, прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли.
А за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя,
Онъ и вынялъ ясны очи со косицами;
Онъ и взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру.
Онъ и царской костыль въ руки принялъ
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство.
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

---

9. Грозный хочетъ казнить сына.

Лежащій въ основѣ этой пѣсни историческій фактъ — убійство Грознымъ старшаго сына Ивана — отразился въ народной фантазіи въ видѣ казни, при чемъ народъ никакъ не могъ себѣ представить въ качествѣ пострадавшаго — старшаго царевича, про котораго было извѣстно, что онъ «нравомъ въ отца». Легче было вообразить себѣ гнѣвъ отца на младшаго сына, добраго и кроткаго. Такимъ образомъ, фактическія ошибки народнаго творчества искупаются психологической вѣрностью характеровъ.

Въ старые годы, прежніе,
При починѣ каменкòй Москвы,
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Грозный царь Иванъ сударь Васильевичъ.
А втапоры у царя былъ почестный столъ,
Почестный столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ Сибирскіихъ,
А и столъ былъ во полустолѣ,
А и пиръ во полупирѣ,
Гости царскіе на вéселѣ;
Стали они между себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богатствомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебряна сиполица возъигрывала,
Возговорилъ Грозный царь
Иванъ сударь Васильевичъ:
«Ужъ какъ я ли могу похвалитися,
«Что и взялъ я Казанское царство,
«Рязань городъ, славну Астрахань,
«Ужъ и я ли вывелъ измѣну изò Пскова,
«Изо Пскова и изъ Новагорода».
Какъ возговоритъ молодой царевичъ[1])
— Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
— Что и взялъ ты царство Казанское,
— Рязань городъ, еще Астрахань,
— Ужъ ты вывелъ измѣну изò Пскова,
— Изо Пскова и изъ Новагорода,
— Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
— Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,

---

[1]) Подразумѣвается старшій сынъ, Иванъ.

— Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
— Онъ и ѣстъ съ тобою съ одного блюда,
— Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное [1])—
Какъ и тутъ Грозный Царь Иванъ Васильевичъ догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется,
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А и кто есть у меня слуги вѣрные!
— Берите царевича за бѣлы руки,
— Ведите царевича за Москву рѣку,
— Къ тому ли болоту стоячему,
— Ко той ли лужѣ кровавои,
— Ко той ли плахѣ поганои. —
Какъ тутъ всѣ князья-бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися.
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои.
Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ;
Онъ садился на добра коня,
На добра коня неѣзжанаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Ой, народъ православный, разступися.
«Люди добрые, сторонитеся,
«Давайте мнѣ, боярину, дорогу.»
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
Къ тому ли болоту стоячему,
Ко той лужѣ кровавои,
Ко той ли плахѣ поганои,
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича,
Онъ беретъ его за бѣлы руки,

[1]) Иванъ намекаетъ на своего брата Ѳеодора; изъ другихъ варіантовъ видно, что Ѳеодору ставилось въ вину укрывательство тѣхъ, кто подпалъ подъ гнѣвъ Грознаго. Дальше подъ «царевичемъ» вездѣ надо разумѣть Ѳеодора.

Приводитъ его на царскій дворъ
А тутъ грозный царь
Иванъ сударь Васильевичъ взрадовался,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
А Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
«А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
«Ты бери у меня что вздумаешь,
«Со конюшни ли что ни лучшаго коня,
«Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
«Золотой ли казны сколько надобно.»
Какъ возговоритъ честный бояринъ,
Какъ честной Никита свѣтъ Романычъ:
— Ой ты гой еси, государь Царь Иванъ Васильевичъ!
— Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
— Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны;
— Дай ты мнѣ только Малюту Скуратова,
— Повели мнѣ его, сударь, казнити. —

---

10. Смерть Грознаго.

Охъ вы, горы, горы крутыя!
Охъ вы, головы златыя православныхъ церквей
Охъ, косящеты окошки царскихъ теремовъ!
Какъ во теремѣ живетъ православный царь,
Православный царь Иванъ Васильевичъ:
Онъ грозёнъ, батюшка, и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ, за неправду вѣшаетъ.
Ужъ настали годы злые на Московскій народъ,
Какъ и сталъ православный Царь грознѣй прежняго
Онъ за правду — за неправду дѣлалъ казни лютыя.
Какъ восплачется народъ русскій на Грознаго царя.
Переставился Грозный царь на восьмидесятомъ году,
А сынъ его Ѳедоръ сталъ Русью управлять.

---

11. Гришка разстрига.

Здѣсь многія историческія черты сохранены вѣрно пѣсней, начиная съ подозрѣній, которыя внушилъ Лжедимитрій москвичамъ своими отступленіями отъ исконныхъ русскихъ обычаевъ (пѣсня очень тщательно подчеркиваетъ и свадьбу наканунѣ пятницы и Николина дня

и скоромное кушанье въ постный день), кончая подробностями смерти самозванца, дѣйствительно спасавшагося изъ дворца черезъ окно и убитаго стрѣльцами.

Ты Боже, Боже, Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался?
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Растригу Гришку Отрепьева.
Уже ли онъ, Растрига, на царство сѣлъ,
Называется Растрига прямымъ царемъ,
Царемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Углицкимъ.
Не долго Растрига на царствѣ сидѣлъ,
Похотѣлъ Растрига женитися;
Не у себя-то онъ въ каменной Москвѣ,
Бралъ онъ, Растрига, въ проклятой Литвѣ,
У Юрія пана Сендомирскаго
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу, безбожницу.
На вешній праздникъ Николинъ день,
Въ четвергъ у Растриги свадьба была,
А въ пятницу праздникъ Николинъ день...
Выходитъ Растрига на Красный крылецъ,
Кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, ключники мои, приспѣшники!
«Приспѣвайте кушанье разное,
«А и постное, и скоромное;
«Заутра будетъ ко мнѣ гость дорогой,
«Юрья панъ со паньею.»
А втапоры стрѣльцы догадалися,
За то-то слово спохватилися.
Въ Боголюбовъ монастырь металися
Къ царицѣ Мароѣ Матвѣевнѣ:
«Царица ты, Мароа Матвѣевна!
«Твое ли это чадо на царствѣ сидитъ,
«Царевичъ Дмитрій Ивановичъ?»
А втапоры царица Мароа Матвѣевна заплакала
И таковы рѣчи во слезахъ говорила:
«А глупы стрѣльцы вы, недогадливы!
«Какое мое чадо на царствѣ сидитъ?
«На царствѣ у васъ сидитъ
«Растрига Гришка, Отрепьевъ сынъ;
«Потерянъ мой сынъ, царевичъ Дмитрій Ивановичъ,
«На Угличѣ отъ тѣхъ бояръ Годуновыхъ; —

«Его мощи лежатъ въ каменной Москвѣ
«У чудной Софіи премудрыя[1]); —
«У того ли-то Ивана Великаго
«Завсегда звонятъ въ Царь-колоколъ,
«Соборны попы собираются,
«За всякіе праздники совершаютъ панихиды
«За память царевича Дмитрія Ивановича, —
«А Годуновыхъ бояръ проклинаютъ завсегда»
Тутъ стрѣльцы догадалися:
Всѣ они собиралися,
Ко Красному царскому крылечку метались,
И тутъ въ Москвѣ взбунтовалися.
Гришка Растрига догадается,
Самъ въ верхни чердаки убирается,
И накрѣпко запирается;
А злая его жена, Маринка безбожница,
Сорокою обернулася,
И изъ полатъ вонъ она вылетѣла.
А Гришка Растрига втапоры догадливъ былъ,
Бросился онъ со тѣхъ чердаковъ на копья острыя
Ко тѣмъ стрѣльцамъ, удалымъ молодцамъ;
И тутъ ему такова смерть случилась.

---

12. Пѣсня царевны Ксеніи Борисовны.

Эта пѣсня, какъ и предыдущая, была записана въ Москвѣ въ началѣ 17 в. для члена англійскаго посольства, Ричарда Джемса. Въ исторіи народной поэзіи очень рѣдки такіе случаи, когда пѣсня могла быть записана всего нѣсколько лѣтъ спустя послѣ событія, по поводу котораго она возникла. Помимо этой свѣжести, пѣсня о Ксеніи интересна также общимъ характеромъ своимъ: это — лирическій плачъ, причитанье начала 17 в. Параллелизмъ начала (плачетъ бѣлая перепелка о гибели гнѣзда, плачетъ на Москвѣ царевна) представляетъ собой поэтическій пріемъ, очень типичный для первобытной лирической поэзіи.

Всплачется мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охти мнѣ молодѣ горевати!
Хотятъ сырой дубъ зажигати,
Мое гнѣздышко разорити,
Мои малыя дѣти побити

[1]) Храмъ св. Софіи попалъ въ Москву по привычной ассоціаціи такого храма со многими излюбленными городами нашего эпоса: св. Софія была и въ Царьградѣ, и въ Кіевѣ и въ Новгородѣ.

Меня, пелепелку, поимати».
Всплачется на Москвѣ царевна:
«Охти мнѣ молодѣ горевати!
Что ѣдетъ къ Москвѣ измѣнникъ,
Ино Гришка Отрепьевъ Растрига,
Что хочетъ меня полонити,
А полонивъ меня, хочетъ постричи
Черническій чинъ наложити.
Ино мнѣ постричи ся не хочетъ,
Черническаго чину не сдержати:
Отворити будетъ темна келья,
На добрыхъ молодцовъ посмотрити.
Ино охъ, милые наши переходы!
А кому будетъ по васъ да ходити,
Послѣ царскаго нашего житья,
И послѣ Бориса Годунова?
Ахъ, милые наши теремы!
А кому будетъ въ васъ да сѣдѣти,
Послѣ царскаго нашего житья,
И послѣ Бориса Годунова?
А всплачется на Москвѣ царевна,
Бориса дочь Годунова:
«Ино Боже, Спасъ милосердный!
За что наше царство загибло?
За батюшково ли согрѣшенье,
За матушкино ли немоленье?
А свѣты вы наши — высокіе хоромы!
Кому вами будетъ владѣти,
Послѣ нашего царскаго житья?
А свѣты-браные убрусы!
Береза ли вами крутити?
А свѣты-золоты ширинки!
Лѣсы ли вами дарити?
А свѣты-яхонты-сережки!
На сучье ли васъ задѣвати.
Послѣ царскаго нашего житья,
Послѣ батюшкова преставленья,
А свѣта Бориса Годунова?
А что ѣдетъ къ Москвѣ Розстрига,
Да хочетъ теремы ломати,
Меня хочетъ царевну поимати,

А на Устюжну на Желѣзную отослати.
Меня хочетъ царевну постричи,
А въ рѣшетчатый садъ засадити.
Ино охти мнѣ горевати,
Какъ мнѣ въ темну келью ступити,
У игуменьи благословиться.

---

13. На рожденіе Петра Великаго.

Какъ да свѣтелъ, радошенъ
Въ Москвѣ благовѣрный царь
Алексѣй царь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына царевича.
Петра Алексѣевича,
Перваго Императора
По землѣ все-то русскія.
Какъ плотники — мастеры
Во всю ноченьку не спали,
Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-матушки,
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не́ спали,
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Онѣ краснымъ золотомъ.
Тюрьмы съ покаянными
Онѣ всѣ распущалися,
А и погребы царскіе
Они всѣ растворялися.
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости
А князи сбиралися,
Бояра съѣзжалися,
И дворяна сходилися,
А все народъ Божій.
На пиру пьютъ — ѣдятъ, прохлаждаются.
Во весельи, въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младаго царевича,
Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

---

14. Про французовъ въ 1812 году

Не пыль во полѣ пылитъ,
Не дубравушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ.
Онъ валитъ таки, валитъ,
Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
«Еще много генераловъ
Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
Всеё матушку Россеюшку
Въ полонъ себѣ возьму;
Въ полонъ себѣ возьму,
Въ каменну Москву зайду
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
«Не бывать тебѣ, злодѣю,
Въ нашей каменной Москвѣ,
Не видать тебѣ, злодѣю,
Бѣлокаменныхъ церквей,
Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
Золотыхъ нашихъ крестовъ».

---

26. Духовные стихи.

Здѣсь предлагаются четыре образчика духовныхъ стиховъ различныхъ типовъ. Первый стихъ о Голубиной книгѣ основанъ на нѣсколькихъ старыхъ византійскихъ апокрифахъ, которые въ свою очередь вобрали въ себя много изъ устныхъ народныхъ сказаній; въ ближайшей связи съ стихомъ о Голубиной книгѣ стоятъ апокрифы: 1) Повѣсть града Іерусалима (иначе — Бесѣда Іерусалимская или еще — Повѣсть о Волотѣ Волотовичѣ); 2) Вопросы Іоанну Богослову Господу на Ѳаворской горѣ и 3) Бесѣда трехъ Святителей. Второй стихъ о Страшномъ Судѣ относится къ разряду очень позднихъ; онъ несомнѣнно книжнаго происхожденія; такихъ стиховъ писали множество питомцы юго-западныхъ схоластическихъ школъ въ XVI в.; ихъ называютъ *кантами* или *псальмами*. Третій стихъ о нищей братіи, очевидно, сложенъ въ той самой средѣ, интересамъ которой онъ посвященъ; для него до сихъ поръ не найдено никакого литературнаго источника.

Послѣдній стихъ, изображающій аскетическое порываніе юной души въ пустыню, источникомъ своимъ имѣетъ повѣсть восточнаго происхожденія о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Сюжетъ идетъ изъ Индіи, гдѣ онъ пред-

ставляетъ эпизодъ изъ житія Будды; передѣлка его на христіанскія понятія приписывается Іоанну Дамаскину. Народный стихъ этотъ восхваляющій пустыню и уединеніе, прекрасно подошелъ къ настроенію раскольниковъ, когда имъ пришлось спасаться отъ преслѣдованій правительства въ XVII и XVIII в.; они усвоили его и разработали во многихъ варіантахъ. Разговоръ съ пустыней царевича Асафа (Алисахвей, Олексафій) составляетъ собственно часть сюжета: ему предшествуетъ исторія обращенія царевича къ аскетическому образу мыслей подъ вліяніемъ старца Варлаама; этотъ эпизодъ тоже имѣется въ формѣ стиха поздняго происхожденія.

Духовные стихи составляютъ обычный и излюбленный репертуаръ слѣпыхъ пѣвцовъ, которые нерѣдко встрѣчаются и теперь по всей Россіи на ярмаркахъ и церковныхъ праздникахъ, особенно у монастырей. Во многихъ мѣстахъ (къ югу отъ средней Россіи) они обыкновенно поютъ подъ акомпаниментъ трехструнной «лиры», почему и зовутся «лирниками».

---

1. Стихъ о Голубиной книгѣ.

Восходила туча сильна, грозная;
Выпадала книга Голубиная;
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень.
Поперечины двадсяти сажень.
Ко той книгѣ ко божественной
Сходилися, соѣзжалися
Сорокъ царей со царевичамъ,
Сорокъ князей со князевичамъ,
Сорокъ поповъ, сорокъ дьяконовъ,
Много народу, людей мелкіихъ,
Христіанъ православныхъ. —
Никто ко книгѣ не приступится,
Никто ко Божьей не пришатнется.
Приходилъ ко книгѣ премудрый царь,
Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ:
До Божьей до книги онъ доступается,
Передъ нимъ книга разгибается,
Всё божественное писаніе ему объявляется.
Еще приходилъ ко книгѣ Володимиръ князь
Володимиръ князь Володимировичъ.
Возговорилъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
«Ой ты гой еси, премудрый царь,
«Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ
«Прочти, сударь, книгу Божію,

Рис. 13. Лирникъ въ Кіевской губерніи.

«Объяви, сударь, дѣла Божіи;
«Про наше житіё про свято-Русское,
«Про наше житіё свѣту вольнаго! —
«Отъ чего у насъ начàлся бѣлый вольный свѣтъ?
«Отъ чего у насъ солнце красное?
«Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
«Отъ чего у насъ ночи тёмныя?
«Отъ чего у насъ зòри утренни?
«Отъ чего у насъ вѣтры буйные?
«Отъ чего у насъ дробёнъ дождёкъ?
«Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
«Отъ чего наши помыслы?
«Отъ чего у насъ міръ-народъ?
«Отъ чего кости крѣпкія?
«Отъ чего тѣлеса наши?
«Отъ чего кровь-руда наша?» —
Возгòворитъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:
«Ой ты гой еси, Володимиръ князь,
«Володимиръ князь Володимировичъ!
«Не могу я прочесть книгу Божію;
«Ужъ мнѣ честь книгу, не прочесть Божью:
«Эта книга не малая,
«Эта книга великая:
«На рукахъ держать — не сдержать будетъ,
«На налой положить Божій, — не уложится.
«Я по старой по своей памяти
«Разскажу вамъ, какъ по грамотѣ:
«У насъ бѣлый вольный свѣтъ зачàлся отъ суда Божія;
«Солнце красное отъ лица Божьяго,
«Самогò Христа, Царя Небеснаго;
«Младъ свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей его;
«Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ:
«Ночи тёмныя отъ думъ Господнихъ;
«Зòри утренни отъ очей Господнихъ:
«Вѣтры буйные отъ Святà Духа;
«У насъ умъ-разумъ Самогò Христа,
«Самого Христа, Царя Небеснаго;
«Наши помыслы отъ облацъ небесныхъ;
«У насъ міръ-народъ отъ Адамія;
«Кости крѣпкія отъ камени;
«Тѣлеса наши отъ сырой земли;

«Кровь-руда наша отъ черна́ моря».
Возго̀воритъ Володимиръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
«Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ!
«Скажи ты намъ, проповѣдай:
«Который царь надъ царя́ми царь?
«Который городъ городамъ отецъ?
«Ко̀я церковь всѣмъ церквамъ мати?
«Коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?
«Ко̀я трава всѣмъ травамъ мати?
«Которое море всѣмъ морямъ мати?
«Коя рыба всѣмъ рыбамъ мати?
«Коя птица всѣмъ птицамъ мати?
«Который звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ?»
Возго̀воритъ премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Ессеевичъ:
«У насъ бѣлый царь надъ царями царь.»
— «Почему жъ бѣлый царь надъ царями царь?» —
«И онъ держитъ вѣру крещёную,
«Вѣру крещёную, богомольную;
«Стоитъ за вѣру Христіанскую,
«За домъ Пресвятыя Богородицы.
«Всѣ орды ему преклонилися,
«Всѣ языцы ему покорилися.
«Потому бѣлый царь надъ царями царь. —
«Іерусалимъ городъ городамъ отецъ».
— «Почему тотъ городъ городамъ отецъ?»
«Потому Іерусалимъ городамъ отецъ:
«Во томъ во градѣ Іерусалимѣ
«Тутъ у насъ пупъ землѣ». —
«Соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати». —
— «Почему же соборъ-церковь всѣмъ церквамъ мати?» —
«Стоитъ соборъ-церква посреди града Іерусалима;
«Во той во церкви во соборной
«Стоитъ престолъ божественный;
«На томъ престолѣ на божественномъ
«Стоитъ гробница бѣла каменная;
«Во той гробницѣ бѣлой каменной
«Почиваютъ ризы Само̀го Христа,
«Само̀го Христа Царя Небеснаго.
«Потому соборъ-церква церквамъ мати. —
«Іордань рѣка всѣмъ рѣкамъ мати».

— «Почему Іордань всѣмъ рѣкамъ мати?» —
«Окрестился въ ней Самъ Исусъ Христосъ.
«Со силою съ небесною,
«Со ангелами со хранителями,
«Со Іоанномъ, свѣтомъ, со Крестителемъ.
«Потому Іордань всѣмъ рѣкамъ мати. —
«Ѳаворъ гора всѣмъ горамъ мати».
— «Почему Ѳаворъ гора горамъ мати?» —
«Преобразился на ней Самъ Исусъ Христосъ
«Исусъ Христосъ, Царь Небесный, свѣтъ.
«Съ Петромъ, съ Іоанномъ, со Іаковомъ.
«Съ двунадесятью Апостолами:
«Показалъ славу ученикамъ Своимъ.
«Потому Ѳаворъ гора горамъ мати. —
«Кипарисъ древо всѣмъ древамъ мати»
— «Почему то древо всѣмъ древамъ мати?» —
«На томъ древѣ на кипарисѣ
«Объявился намъ животворящій крестъ,
«На томъ на крестѣ на животворящемъ
«Распятъ былъ Самъ Исусъ Христосъ,
«Исусъ Христосъ, Царь Небесный, свѣтъ
«Потому кипарисъ всѣмъ древамъ мати. —
«Плакунъ-трава всѣмъ травамъ мати».
— «Почему плакунъ всѣмъ травамъ мати?» —
«Когда жидовья Христа рòспяли,
«Святую кровь Его прòлили,
Мать Пречистая Богородица
«По Исусу Христу сильно плакала,
«По Своему Сыну по возлюбленномъ,
«Ронила слезы пречистыя
«На матушку на сыру землю;
«Отъ тѣхъ отъ слезъ отъ пречистыихъ
«Зарождалася плакунъ-трава.
«Потому плакунъ-трава травамъ мати[1]. —
«Океанъ море всѣмъ морямъ мати.» —
— «Почему Океанъ всѣмъ морямъ мати?»
«Посреди моря Океанскаго
«Выходила церковь соборная,
«Соборная, богомольная,

¹) И теперь сухія ягоды одного растенія, изъ которыхъ дѣлаютъ четки, называются «Богородицыными слезками».

«Святого Климента Попа̀ Рымскаго[1])
«На церкви глàвы мраморныя,
«На главахъ кресты золотые.
«Изъ той изъ церкви изъ соборной,
«Изъ соборной, изъ богомо̀льной,
«Выходила Царица Небесная;
«Изъ Океана моря она умывалася,
«На соборъ-церковь она Богу молилася.
«Отъ того Океанъ всѣмъ морямъ мати.—
«Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати.»
—«Почему же Китъ рыба всѣмъ рыбамъ мати?»—
«На трехъ рыбахъ земля основана:
«Какъ Китъ-рыба потронется,
«Вся земля всколебается.
«Потому Китъ-рыба всѣмъ рыбамъ мати.
«Основана земля Святымъ Духомъ,
«А содержана Словомъ Божіимъ.—
«Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати»[2]).
«Почему она всѣмъ птицамъ мати?»—
«Живётъ Стратимъ-птица на Океанѣ-морѣ,
«И дѣтей производитъ на Океанѣ морѣ.
«По Божьему всё повелѣнію,
«Стратимъ-птица вострепѐнется,
«Океанъ-море восколыхнется;
«Топитъ оно корабли гостиные
«Со товарами драгоцѣнными.
«Потому Стратимъ-птица всѣмъ птицамъ мати.—
«У насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ»[3]).

---

[1]) Мѣсто объясняется церковнымъ преданіемъ о Климентѣ, папѣ Римскомъ, при Траянѣ брошенномъ въ Корсуни въ Черное море. Мощи его по этому преданію, вышли изъ глубины моря на поверхность въ IX в. и были перевезены въ Римъ первоучителемъ Кирилломъ. Само собою разумѣется, что слово «Океанъ» здѣсь не имѣетъ опредѣленнаго географическаго значенія; оно означаетъ тотъ легендарный «Океанъ-море», который по стариннымъ космографическимъ книгамъ (напр. по Козьмѣ Индикоплову) и по сказкамъ окружаетъ всю землю.

[2]) Стратимъ (иногда Страфиль) есть искаженное греческое названіе страуса; въ томъ, что приписано этой птицѣ, звучатъ отголоски сказаній объ алконостѣ (см. выше № 12 изъ Матицы Златой стр. 78).

[3]) Этотъ звѣрь называется въ разныхъ варіантахъ стиха и въ апокрифахъ еще индра, вындрикъ, индрокъ, инорогъ. И названіе, и свойства звѣря заставляютъ думать о смѣшеніи двухъ животныхъ съ баснословными свойствами: 1) единорога (носорога); кубокъ изъ его рога предохранялъ отъ отравы, размельченный въ порошкѣ рогъ принимали отъ болѣзней (инороговъ песокъ); 2) греческаго баснословнаго животнаго гидры, имѣвшаго отношеніе къ водѣ. «Пропущаетъ»—значитъ даетъ ходъ подземнымъ ключамъ и рѣкамъ или задерживаетъ ихъ.

— «Почему Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ.
«Ходитъ онъ по подзе́мелью,
«Пропущаетъ рѣки, кладязи студёные.
«Живетъ онъ во святой горѣ,
«Пьетъ и ѣстъ во святой горѣ,
«Куды хочетъ, идетъ по подзе́мелью,
«Какъ солнушко по поднёбесью,
«Потому же у насъ Индрикъ звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ». —
Возгово̀рилъ Володимеръ князь,
Володимиръ князь Володимировичъ:
«Ой ты гой еси, премудрый царь,
«Премудрый царь Давыдъ Ессеевичъ!
«Мнѣ ночёсь, сударь, мало спало̀сь,
«Мнѣ во снѣ много видѣлось:
«Кабы съ той стороны со восточной,
«А съ другой стороны съ полудённой,
«Кабы два звѣря собиралися,
«Кабы два лютые собѣгалися;
«Промежду собой дра́лись, билися;
«Одинъ одного звѣрь одолѣть хочетъ». —
«Возгово̀рилъ премудрый царь,
Премурый царь Давыдъ Ессеевичъ:
«Это не два звѣря собиралися,
«Не два лютые собѣгалися,
««Это кривда съ правдою сходилися,
«Промежду собой бились, дра̀лися;
«Кривда правду одолѣть хочетъ.
«Правда кривду переспорила.
«Правда пошла на небеса,
«Къ самому Христу, Царю Небесному,
«А кривда пошла у насъ вся по всей землѣ,
«По всей землѣ по свѣтъ — Русской,
«По всему народу Христіанскому.
«Отъ кривды земля восколебалася.
«Отъ того народъ весь возмущается;
«Отъ кривды сталъ народъ неправильный,
«Неправильный сталъ, злопамятный:
«Они другъ друга обмануть хотятъ;
«Другъ друга поѣсть хотятъ.
«Кто будетъ кривдой жить,

«Тотъ отчаянный отъ Господа,
«Та душа не наслѣдуетъ себѣ царства небеснаго;
«А кто будетъ правдой жить,
«Тотъ причаянный ко Господу;
«Та душа наслѣдуетъ себѣ царство небесное». —
Старымъ людямъ на послушанье;
А молодымъ людямъ для памяти.
Славу поемъ Давыду Ессеевичу,
Во вѣки его слава не минуется!

---

2. О Страшномъ Судѣ.

Плачу ся и ужасаю,
Егда онъ часъ помышляю,
Какъ пріидетъ Судья правый
Въ божествѣ своея славы
Судъ праведный судити
И страшный отвѣтъ творити.
Тогда земля потрясется,
Каменіе распадется;
Тогда небеса погибнутъ,
И звѣзды на землю падутъ;
Рѣка огненна потечетъ
И всяку тварь въ себѣ пожретъ.
Ангелы въ трубы затрубятъ,
Мертвыхъ отъ гробовъ возбудятъ,
И равны возрастомъ станутъ
Предъ тѣмъ судилищемъ Христовымъ.
Ангелы престолъ поставятъ,
Приходъ Судіи прославятъ.
Апостоли, вси пророци,
Святители, мученици,
Патріарси и праведніи,
Преподобніи и святіи
Около будутъ стояти,
На нечестивыхъ взирати.
Охъ, какъ стерпимъ страха того.
Какъ явимся лицу Его!
Тогда на всѣхъ возопіетъ,
А на грѣшныхъ отвѣщаетъ:
«Идите тамъ, проклятые,

До тьмы и муки вѣчныя!
Тамъ вамъ пропасть пекельная,
Бѣда и мука вѣчная».
Того насъ, Христе, сохрани,
Отъ тѣхъ насъ мукъ избави,
Боже отъ Дѣвы рожденный
И ко кресту пригвожденный!

---

3. О Христовѣ Вознесеніи.

Стихъ «о Христовѣ Вознесеніи» во многихъ отношеніяхъ замѣчателенъ. Это — чисто крестьянское произведеніе. Здѣсь нашли свое отраженіе два крестьянскихъ взгляда: 1) взглядъ на нищаго, 2) взглядъ на знатное и властное боярство. Крестьянскій взглядъ на нищаго существенно отличается отъ взгляда образованнаго общества: крестьянинъ въ нищемъ гораздо больше видитъ своего брата, онъ больше чувствуетъ возможность самому впасть въ подобное же положеніе; онъ много проще смотритъ на нищенство и гораздо ближе къ нему стоитъ; подача милостыни «несчастному», «убогому» человѣку для крестьянина есть душевное, религіозное дѣло, и этотъ крестьянско-христіанскій взглядъ, это оправданіе «идущихъ по міру Христовымъ именемъ», въ стихѣ выражены очень цѣльно.

Чисто крестьянское, можетъ-быть, и болѣе позднее, воззрѣніе на боярство звучитъ также въ оцѣнкѣ Іоанномъ Златоустымъ предложенія Христа, Царя небеснаго. Языкъ стиха необыкновенно искрененъ и сердеченъ.

Середи было теплаго лѣта,
Наканунѣ вознесенія Христова,
Расплакалась нищая братья:
«Гой еси Христосъ, царь Небесный!
На кого-то ты насъ оставляешь?
На кого-то ты насъ покидаешь?
Кто насъ поить-кормить станетъ,
Одѣвати станетъ, обувати,
Отъ темныя ночи охраняти?»
Проглаголетъ Христосъ Царь Небесный:
Не плачьте вы, нища братья!
Дамъ я вамъ, нищимъ-убогимъ.
Гору крутую — золотую.
Умѣйте горою владати,
Промежъ собой раздѣляти;
Будете вы сыты и довольны,
Обуты и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты».
Проглаголетъ Іоаннъ Златоустый:

«Гой еси Христосъ, Царь Небесный!
Благослови меня слово промолвить
За нищую братію, за убогую:
Не давай нищимъ гору крутую,
Что крутую гору, золотую;
Не умѣть имъ горою владати,
Не умѣть имъ золотыя поверстати,
Промежду собой раздѣляти.
Зазнають гору князи и бояра,
Зазнають гору пастыри и власти,
Зазнають гору торговые гости;
Отоймуть у нихъ гору крутую,
Отоймуть у нихъ гору золотую;
По себѣ они гору раздѣлять,
По князьямъ золотую разверстають,
Да нищую братью не допустять;
Много у нихъ будетъ убійства,
Много у нихъ будетъ кроволитства,
Промежду собой уголовствія;
Да нечѣмъ будетъ нищимъ питатися,
Да нечѣмъ имъ будетъ пріодѣтися
И отъ темныя ночи пріукрытися.
Дадимъ мы нищимъ-убогимъ
Имя Твое святое:
Будутъ нищіе по міру ходити,
Тебя, Христа, величати,
Въ кажной часъ прославляти;
Будутъ они сыты и довольны,
Обуты будутъ и одѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты».
Проглаголетъ Христосъ Царь Небесный:
— «Исполатъ тебѣ, Іоаннъ Златоустый:
Умѣлъ ты словечко промолвить
За нищую за братью, за убогую;
Да вотъ тебѣ уста золотыя.» —
Мы пѣснь поемъ: аллилуя!

---

4. Стихъ объ Асафѣ Царевичѣ.

Во прекрасной во пустынѣ,
Во зеленой во дубравѣ,

Я пойду же, разгуляюсь.
— Моя матушка вторая,
— Ты, прекрасная пустыня!
— Со премногими грѣхами
— Со горячими слезами,
— Пріими меня, пустыня,
— Аки мати свое чадо,
— На свои-то бѣлы руки;
— Научи мя на вся благо
— Волю Божію творити,
— Мнѣ-ка Богу молиться
— За младыя свои лѣта,
— За премногая согрѣшенья. —
Отвѣщаетъ мать пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
«Охъ ты, младый еси юношъ,
«Сынъ Асафій, свѣтъ царевичъ!
«У меня же во пустынѣ
«Нѣту сладкія-то пищи,
«У меня же во пустынѣ
«Нѣту питья медвянаго,
«У меня же во пустынѣ
«Нѣту свѣтлаго платья,
«У меня же во пустынѣ
«Нѣту царскія палаты,
«У меня же во пустынѣ
«Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
«У меня же во пустынѣ
«Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться».
Отвѣщаетъ младый юношъ,
Сынъ Асафій, свѣтъ царевичъ:
— Охъ, ты, матушка моя вторая,
— Ты прекрасная пустыня!
— Не стращай мя своимъ страхомъ,
— Да не въ радость будетъ врагомъ;
— Я того ищу, желаю:
— Мнѣ-ка сладкая то пища —
— Мнѣ гнилая-то колода;
— Мнѣ-ка питье медвяное —
— И горькая вода болотная;
— Мнѣ-ка цвѣтное платье —
— И сія же черная схима;

— Мнѣ-ка царская палата —
— Сія же малая хижа;
— Мнѣ-ка слово-то промолвить
— Со тобой, со пустыней,
— Я пойду же, разгуляюсь
— По зеленой дубравѣ».
Отвѣщаетъ мать пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
«Охъ ты млады сей юноша,
«Сынъ Асафій, свѣтъ царевичъ!
«Какъ придетъ же весна красная,
«Налетятъ же да съ моря пташки,
«Горегорькія кокушки;
«Онѣ станутъ коковати,
«Жалобно будутъ причитати,
«А ты станешь тосковати,
«И ты станешь слезно плакать.»

Въ другихъ варіантахъ стихъ заканчивается увѣреніемъ Асафа царевича, что онъ устроитъ противъ всѣхъ искушеній и останется вѣренъ пустынѣ.

27. Сказки.

При выборѣ сказокъ обращено было вниманіе на то, чтобы дать образцы самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ и типовъ сказки. Здѣсь предложены образчики животнаго эпоса (№ 1); сказокъ о падчерицѣ (№ 3); о трехъ братьяхъ съ героемъ — «дурнемъ» въ особомъ смыслѣ (№ 3); на ряду съ этимъ есть сказка о подлинномъ муракѣ «набитомъ» (№ 10) № 4 даетъ сказку съ нравственной идеей о превосходствѣ правды; №№ 5 и 6 представляютъ сложные сюжеты о добываніи невѣстъ (сюда примыкаетъ и № 3) съ сложной цѣпью приключеній, при чемъ во второй изъ нихъ есть особая оригинальность формы (отмѣченная въ примѣчаніи); № 7 основанъ на древнемъ суевѣрномъ отношеніи къ природѣ; № 9 соединяетъ вѣру въ нечистую силу и ея власть надъ человѣкомъ съ современной бытовой обстановкой; № 8 даетъ образчикъ такъназываемаго бродячаго сюжета. Наконецъ два послѣднихъ №№ представляютъ позднія сказки, проникнутыя народнымъ юморомъ, направленнымъ въ одномъ случаѣ на «барина», въ другихъ — на различныхъ инородцевъ.

1. Мужикъ, медвѣдь и лиса.

У мужика съ медвѣдемъ была большая дружба. Вотъ и вздумали они рѣпу сѣять; посѣяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужикъ сказалъ: «Мнѣ корешокъ, тебѣ, Миша, вершокъ». Выросла у нихъ рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Миша — вершки. Видитъ Миша, что ошибся, и говоритъ мужику: «Ты, братъ, меня надулъ! Когда

будемъ еще что-нибудь сѣять, ужъ меня такъ не проведешь». Прошелъ годъ. Мужикъ и говоритъ медвѣдю: «Давай, Миша, сѣять пшеницу». — «Давай», говоритъ Миша. Вотъ и посѣяли они пшеницу. Созрѣла пшеница; мужикъ и говоритъ: «Теперь ты что возьмешь, Миша? корешокъ али вершокъ?» — «Нѣтъ, братъ, теперь меня не надуешь! подавай мнѣ корешокъ, а себѣ бери вершокъ». Вотъ собрали они пшеницу и раздѣлили. Мужикъ намолотилъ пшеницы, напекъ себѣ ситниковъ, пришелъ къ Мишѣ и говоритъ ему: «Вотъ, Миша, какая верхушка-то!» — «Ну, мужикъ!» говоритъ медвѣдь, «я теперь на тебя сердитъ, съѣмъ тебя!» Мужикъ отошелъ и заплакалъ. Вотъ идетъ лиса и говоритъ мужику: «Что ты плачешь?» — «Какъ мнѣ не плакать, какъ не тужить? меня медвѣдь хочетъ съѣсть». — «Не бойся, дядя, не съѣстъ!» — и пошла сама въ кустья, а мужику велѣла стоять на томъ же мѣстѣ; вышла оттуда и спрашиваетъ: «Мужикъ, нѣтъ ли здѣсь волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?» А медвѣдь подошелъ къ мужику и говоритъ: «Ой мужикъ! не сказывай, не буду тебя ѣсть». Мужикъ говоритъ лисѣ: «Нѣту!» Лиса засмѣялась и сказала: «А у телѣги-то что лежитъ?» Медвѣдь потихоньку и говоритъ мужику: «Скажи, что колода». — «Кабы была колода», отвѣчаетъ лиса: «она бы на телѣгѣ была увязана!» — а сама убѣжала опять въ кустья. Медвѣдь сказалъ мужику: «Свяжи меня и уложи въ телѣгу». Мужикъ такъ и сдѣлалъ. Вотъ лиса опять воротилась и спрашиваетъ мужика: «Мужикъ, нѣтъ ли у тебя тутъ волковъ-бирюковъ, медвѣдевъ?» — «Нѣту!» сказалъ мужикъ. — «А на телѣгѣ-то что лежитъ?» — «Колода». — «Кабы была колода, въ нее бы топоръ былъ воткнутъ!» Медвѣдь и говоритъ мужику потихоньку: «Воткни въ меня топоръ». Мужикъ воткнулъ ему топоръ въ спину, и медвѣдь издохъ. Вотъ лиса и говоритъ мужику: «Что теперь, мужикъ, ты мнѣ за работу дашь?» — «Дамъ тебѣ пару бѣлыхъ куръ, а ты неси — не гляди». Она взяла у мужика мѣшокъ и пошла; несла-несла и думаетъ: «Дай, погляжу». Глянула, а тамъ двѣ бѣлыя собаки. Собаки какъ выскочутъ изъ мѣшка, да за нею. Лиса отъ нихъ бѣгала-бѣгала, да подъ пенекъ въ нору и ушла и, сидя тамъ, говоритъ съ собою: «Что вы, ушки, дѣлали?» — «Мы все слушали». — «А вы, ножки, что дѣлали?» — «Мы все бѣжали! — «А вы, глазки?» — «Мы все глядѣли!» — «А ты, хвостъ?» — «Я все мѣшалъ тебѣ бѣжать». — «А, ты все мѣшалъ! Постой же,

я тебѣ дамъ!» — и высунула хвостъ собакамъ. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

(Записана въ Тамбовской губерніи.)

---

2. Морозко.

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная, что ни сдѣлаетъ, за все ее гладятъ по головкѣ да приговариваютъ: умница! А падчерица, какъ ни угождаетъ, ничѣмъ не угодитъ: все не такъ, все худо. А, надо правду сказать, дѣвочка была золото — въ хорошихъ рукахъ она бы какъ сыръ въ маслѣ купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумитъ, да затихнетъ, а старая баба расходится — нескоро уймется, все будетъ придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать: «Вези, вези, старикъ, ее, куда хочешь, чтобъ мои глаза ее не видали, чтобъ мои уши о ней не слыхали; да не вези къ роднымъ въ теплую хату, а во чисто поле на трескунъ-морозъ!» Старикъ затужилъ-заплакалъ; однако посадилъ дочку на сани, хотѣлъ прикрыть попонкой — и то побоялся; повезъ бездомную во чисто поле, свалилъ въ сугробъ, перекрестилъ, а самъ поскорѣе домой, чтобъ глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась бѣдненькая — трясется и тихонько молитву творитъ. Приходитъ Морозъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красный носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ: знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную». Морозъ хотѣлъ ее тукнуть и заморозить, но полюбилась ему ея умныя рѣчи, жаль стало! Бросилъ онъ ей шубу. Одѣлась она въ шубу, подожмала ножки, сидитъ. Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, попрыгиваетъ, паскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ: «Дѣвушка, дѣвушка, я Морозъ-красной носъ!» — «Добро пожаловать, Морозъ; знать, Богъ тебя принесъ по мою душу грѣшную». Морозъ пришелъ совсѣмъ не по душу; онъ принесъ красной дѣвушкѣ сундукъ высокій да тяжелый, полный всякаго приданаго. Усѣлась она въ шубочкѣ, на сундучкѣ, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришелъ Морозъ-красный носъ, попрыгиваетъ, поскакиваетъ, на красную дѣвушку поглядываетъ. Она его привѣтила, а онъ ей подарилъ платье,

шитое и серебромъ и золотомъ. Надѣла она, и стала такая красавица, такая нарядница. Сидитъ и пѣсенки попѣваетъ. А мачеха по ней поминки справляетъ: напекла блиновъ. «Ступай, мужъ! Вези хоронить дочь». Старикъ поѣхалъ. А собачка подъ столомъ: «Тявъ! тявъ! Старикову дочь въ златѣ, серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» — «Молчи, дура! на̀ блинъ, скажи: «Старухину дочь женихи возьмутъ, а стариковой однѣ косточки привезутъ!» Собачка съѣла блинъ, да опять: «Тявъ! тявъ! Старикову дочь въ златѣ, серебрѣ везутъ, а старухину женихи не берутъ!» Старуха и блины давала и била ее, а собачка все свое: «Старикову дочь въ златѣ, серебрѣ везутъ, а старухину женихи не возьмутъ!»

Скрипнули ворота, растворилися двери, несутъ сундукъ высокій, тяжелый, идетъ падчерица — панья-паньей сіяетъ! Мачеха глянула — и руки врозь. «Старикъ, старикъ, запрягай другихъ лошадей, вези мою дочь поскорѣй! Посади на то же поле, на то же мѣсто». Повезъ старикъ на то же поле, посадилъ на то же мѣсто. Пришелъ и Морозъ-красный носъ, поглядѣлъ на свою гостью, попрыгалъ, поскакалъ, а хорошихъ рѣчей не дождался; разсердился, хватилъ ее и убилъ. — «Старикъ, ступай мою дочь привези, лихихъ коней запряги, да саней не повали, да сундукъ не оброни!» А собачка подъ столомъ: «Тявъ! тявъ! Старикову дочь женихи возьмутъ, а старухиной въ мѣшкѣ косточки везутъ!» — «Не ври! на̀ пирогъ, скажи: «старухину въ златѣ, въ серебрѣ везутъ!» Растворились ворота, старуха выбѣжала встрѣть (чать) дочь, да вмѣсто нея обняла холодное тѣло. Заплакала, заголосила, да поздно.

(Записано въ Курской губерніи.)

3. Норка-звѣрь.

(Приводится въ оригинальной записи, съ соблюденіемъ мѣстнаго говора.)

Живъ сабѣ царь да царица. У нихъ было три сына: два разумныхъ, а третій дурень. У царя бывъ звѣринецъ, у каторамъ множества (о) было разныхъ звѣрей. Въ етатъ звѣринецъ унадився[1]) вяликій звѣрь. — Норка яго звали, богата рабивъ шкоды[2]): каждаю ночь поѣдавъ звѣрей

[1]) Повадился.
[2]) Много причинялъ вреда.

Царь чаго не рабивъ — не могъ истребить яго; во упасли[1]) сзывая своихъ сыновъ, да и кажа[2]): «Хто истребитъ Норку-звѣря, дамъ тому палавину царства». Во старшій и помався[3]); якъ только наступила ночь, іонъ взявъ аружіе а пашовъ; да не пашодши въ звѣринецъ, зайшовъ у трактиръ и тамъ прагулявъ цѣлаю ночь. Схамянувся[4]), якъ разсвяло, да поздно. Стыдно яму было передъ аццомъ, да нечаго рабить. На другій день и средній братъзра бивъ такжа; батько лаявъ-лаявъ ихъ да и переставъ.

Во на третій день собрався меньшій. Смѣялись всѣ з'яго бы бувъ дурный, и яны думали, што іонъ ничего не зробя; а іонъ, узявши аружія, пашовъ прямо у звѣринецъ, да и сѣвъ надъ дерномъ[5]), штобъ якъ только начне засыпать, яны яго кальнули, іонъ (бы) и проснувся.

Уже звярнуло съ павночи[6]). Во застагнала земля; то Норка-звѣрь бяжитъ и прямо черезъ аграду въ звѣринецъ, бо такій бывъ вяликій. Царевичъ схамянувся, уставъ[7]), перекрестився, и пашовъ прямо на звѣря: іонъ назадъ, царевичъ за имъ, а дале бача[8]), што не догóня пѣшкомъ, пабѣгъ у канюшню, узявъ самаго лучшаго жеребца, да у погоню: дагнавъ того звѣря, да и давай бицца. Бились яны, бились. Царевичъ давъ звѣрю три раны. Во у(о) бое выбились изъ мочи, да и лягли аддыхать. Якъ толька царевичъ заснувъ, звѣрь уставъ, да й на утёки[9]). Конь будя царевича; іонъ схапився[10]) да у пагоню; догнавши изнова начали бицца. Царевичъ и тутъ зрабивъ звѣрю три раны, а далѣ лягли отдыхать. Звѣрь утёкъ: царевичъ, догнавши, знова зрабивъ три раны: а далѣ, якъ у четвертый разъ ставъ даганять, звѣрь дабѣгъ да вяликаго бѣлаго камня, паднявъ яго и пашовъ на тей свѣтъ, сказавши царевичу: «Тагда мене пабѣдишь, якъ сюда придешь».

Царевичъ паѣхавъ и разсказавъ аццу сваїму, все и прасивъ яго, штобъ іонъ вялѣвъ звить кожанный канатъ, такой довгій[11]), штобъ доставъ до таго свѣту. Атецъ вялѣвъ.

---

[1]) Потомъ, наконецъ.
[2]) Говоритъ.
[3]) Взялся.
[4]) Спохватился.
[5]) Колючій терновый кустъ.
[6]) Послѣ полуночи: ночь своротила на вторую половину.
[7]) Всталъ.
[8]) Видитъ.
[9]) Пустился бѣжать (на утёкъ).
[10]) Вскочилъ.
[11]) Длинный.

Якъ зрабили канатъ, царевичъ забравши своихъ братьевъ, набравши слугъ и всяго, што треба было, на цѣлый годъ, паѣхавъ туда, гдѣ звѣрь пашовъ подъ камень. Пріѣхавши, яны построили тамъ дворецъ и стали жить. Пригатовились: мéншій братъ и кажа старшимъ: «Ну, братцы! хто падымя сей камень?»

Ни адинъ и з'мѣста не двинувъ, а іонъ якъ хвативъ, дакъ камень далеко полетѣвъ, а бувъ вяликій, вяликій — з'гару. Кинувши камень, іонъ изнова и кажа братàмъ: «А хто паидя на тей свѣтъ пабивать Норку-звѣря?» Ни адинъ не взявсь; іонъ, насмѣявся надъ ими, што яны трусы, гавóря: «Ну, братцы! пращайтя; апускайте мене на тей свѣтъ, а сами не отходтя адъ сяго мѣста, и якъ толька закалишитця канатъ — тащитя». Браты апустили яго.

Ачнувшись на томъ свѣтѣ, падъ землею, царевичъ пашовъ: ишовъ да ишовъ, дивицца[1]) ажъ ходя конь въ богатой збруѣ и кажа ему: «А здрастуй (здравствуй), Иванъ-царевичъ; долга я дажидавъ тебе!» Іонъ сѣвъ на таго коня и паѣхавъ; ѣдя да ѣдя, глядить, ажъ стаитъ мѣдный дворецъ. Іонъ взъѣхавъ на дворъ, привязавъ коня, да и пашовъ у комнаты. Тамъ нагатована обѣдать: іонъ сѣвъ, паабѣдавъ, пашовъ у спальню; тамъ пастель, и іонъ легъ аддыхать. Во приходя панночка, да такая красивая, што не здумать, не згадать, толька въ казцѣ[2]) сказать, да и кажа: «Хто въ маемъ домѣ — азавися: кали старый — будешь батюшка, кали среднихъ лѣтъ — братъ, а кали маладой — мужъ любезный; а кали женщина (да) старая будешь бáбушка, среднихъ лѣтъ — матушка, а кали маладая — сестра родная» Іонъ вышавъ. Яна, якъ побачила[3]) яго, взрадовалась да и кажа: «чаго, Иванъ-царевичъ (мужъ ты будешь любезный), чаго суда пріѣхавъ?» Іонъ разсказавъ ей што и якъ. Яна и кажа: «Тей звѣрь, што ты хочешь пабѣдить, мой братъ. Іонъ теперь у средней сястры, што живе недалеко отсуда въ серебряномъ дварцѣ: я яму залячила три раны, што ты зрабивъ».

Во упасли сяго яны пили, гуляли, добры мысли мали[4]), а далѣ царевичъ, папращавшись, паѣхавъ да другой сястры, што въ серебряномъ дварцѣ, и въ той также пагастивъ. Яна сказала яму, што братъ яё Норка тяперь у мéньшей

---

[1]) Смотритъ.
[2]) Въ сказкѣ.
[3]) Увидала.
[4]) Имѣли.

сястры. Іонъ паѣхавъ да меньшай, што жила въ залатомъ дварцѣ. Ета сказала яму, што братъ яё тяперь спитъ на синёмъ морѣ, а далѣ дала ему напицца сильнай воды, дала мечъ-кладенецъ и сказала, штобъ іонъ рубавъ галаву брату адъ разу[1]). Іонъ, выслухавши ета, паѣхавъ. Пріѣзжая царевичъ къ синяму морю, дивицца — ажъ спитъ Норка на камнѣ, на серединѣ моря, и якъ храпнѐ — адъ таго на семь верстъ ажъ вална бье. Іонъ перекрястився, падъѣхавъ къ яму, ударивъ мечомъ па галавѣ. Галава адскачила, да и кажа: «Ну, тяперь жа я пропавъ!», а далѣ и павалився у море.

Убивши звѣря, царевичъ вярнувся, пабравъ всѣхъ трехъ сястеръ съ сабою, штобъ вывести ихъ на етатъ свѣтъ; бо всѣ яго любили и не хатѣли з'имъ растацца. Каждая изъ ихъ изъ свайго дварца зрабила яичко (бо были валшебницы); яго научили, якъ изъ яичка зрабить дварецъ и наабаротъ, аддали яму яички и пашли къ таму мѣсту, гдѣ треба было подымацца на сей свѣтъ. Якъ пришли яны къ канату, царевичъ пасадивъ дѣвушекъ, дерганувъ за канатъ; іонъ закалихався, браты потащили. Якъ вытащили да пабачили диковинныхъ красавицъ, ативли адъ ихъ, да и кажутъ: «Пустимъ канатъ, подымемъ брата, канатъ парярѣжимъ: нехай убьецца; а то іонъ намъ не дастъ сихъ красавицъ замужъ». Во, сгаваривши, пустили канатъ; братъ бывъ не промахъ, догадався, што братья думаютъ, узявъ да и палаживъ камень, дерганувъ; братья падняли яго высо́ка да и перярѣзали канатъ. Той камень упавъ и разбився. Іонъ заплакавъ да и пашовъ.

Ишовъ-ишовъ царевичъ. Во якъ поднялась буря, заблискала маланья, загремѣвъ громъ, полився дождь. Іонъ пришовъ къ деряву, штобъ захавацца[2]) подъ имъ; глядитъ, ажъ на томъ дерявѣ маленькія птушки[3]) совсѣмъ измокли; іонъ и знявъ съ себѣ адёжу, да и накрывъ, а самъ сѣвъ падъ деревамъ. Кали лятитъ птица, да такая вяликая, што и свѣтъ затмився: то было тёмна, а то яще патямнѣло. То матка тыхъ птушакъ, што накрывъ царевичъ. Прилятѣвши, тая птица якъ пабачила, што яё дятенашы адѣты, и кажа: «Хто накутавъ[4]) маихъ птушакъ?» А далѣ, пабачивши

---

[1]) Съ одного удара.
[2]) Спрятаться.
[3]) Птенцы.
[4]) Закуталъ, закрылъ.

царевича и кажа: «Ето ты зрабивъ? спасибо тябѣ. Чаго хочешь, праси адъ мене за ета: все сдѣлаю для тебѣ!» Іонъ кажа: «Выняси мене на тей свѣтъ». Яна гаворя: «Зрабп жъ ты вяликій засѣкъ[1]), налави всякой дичи, да накидай туда, а въ другую палавину налій вады, штобъ было чимъ мене кармить». Царевичъ все зрабилъ. Тая птица, взятши етатъ засѣкъ на сябе, — а царевичъ сѣвъ у серядинѣ, — палятѣла. Лятѣвши — чи багата, чи мала[2]) — вынесла его, попращалась и палятѣла; а іонъ пашовъ, да и приставъ къ аднаму партному у хлопцы[3]); такій іонъ бывъ абодранный, такъ перемѣнився, што и не въ дамекъ, што царскій сынъ. Ставши у таго хозяина за работника, царевичъ начавъ распрашувать, што у ихъ царствѣ и якъ? Той хазяинъ и кажа: «Наши два царевича (бо третій прапавъ) привязли съ таго свѣта невѣстъ и хочутъ женицца, да тыя невѣсты упируютъ[4]); хочутъ, штобъ имъ къ вянцу нашити всякага платья, такога, якъ у ихъ было на томъ свѣтѣ, и безъ мѣрки. Царь звавъ всихъ мастяровъ, да не адинъ не бярецца». Выслухавши все ета, царевичъ и кажа: «Иди, хазяинъ, къ царю и скажи, што ты нашіешь все па твайму ремяслу». Хозяинъ и кажа: «Чи мини жъ брацца за такое платье? я шію на простанародья». Царевичъ кажа: «Иди, хозяинъ! я отвѣчаю за все». Той хозяинъ пашовъ. Царь бывъ радъ что нашовся хоть одинъ мастяръ, давъ яму денегъ, сколько іонъ хатѣвъ. Хозяинъ тсй, справившись, приходя дамовъ[5]). Царевичъ и говоря ему: «Ну, мались Богу да лажись спать: завтра все будя готова». Іонъ послухавъ свайго паробка, легъ спать.

Звярнуло съ павночи. Царевичъ вставъ, пашовъ за городъ — на поле, вынявъ изъ кармана тыя яички, што дали яму невѣсты, и, якъ научили его, здѣлавъ изъ ихъ три дварца; вашовъ, побравъ у каждамъ ихъ платья, вышавъ, звярнувъ тые дварцы въ яички и пашовъ дамовъ. Пришовши, развѣшавъ платья на стянѣ, да и легъ спать. Рано проснувся хозяинъ, глядъ — ажъ виситъ такоя платья, што іонъ и не видавъ! все сьяе златомъ, да серебромъ, да камнями самоцвѣтными. Іонъ зрадовавсь, взявъ-панёсъ тоя платья къ царю. Царевны, якъ убачили, што то платья, што у ихъ

[1]) Кадку или чанъ.
[2]) Много ли, мало ли.
[3]) Въ работники.
[4]) Упираются.
[5]) Домой.

на томъ свѣтѣ, догадались, што Иванъ-царевичъ на семъ свѣтѣ, переглянулись, да и замовкги[1]). Хазяинъ тей, аддавши платья, пашовъ домовъ, да не заставъ уже свайго дарагова работника. Іонъ пашовъ да приставъ къ башмашнику, да и таго пославъ къ царю, и той зарабивъ[2]); только абхадивъ іонъ всихъ мастяровъ, и усѣ благодарили яго, што поживились черезъ яго у царя.

Якъ абхадивъ царевичъ-работникъ всихъ мастяровъ, царевны получили своё желанье: у нихъ все платья было такоя, якъ на томъ свѣтѣ; только яны горько плакали, што царевичъ не прихо̀дя, а на̀ровить[3]) было нельзя, нада была вянчацца. Якъ собрались къ вянцу, меньшая невѣста и кажа царю: «Позвольте мнѣ, батюшка, пайти самой падарить нищихъ!» Іонъ позволивъ. Яна пошла и начала дарить да приглядацца. Падхо̀дять къ аднаму; якъ стала давать яму деньги, пабачила кольцо, што дала царевичу на томъ свѣтѣ, и кольца сястёръ своихъ (бо то бывъ іонъ) — хватила яго за руку и привяла яго въ комнату и кажа царю: «Во той, што насъ вывявъ изъ того свѣту! Братья, кажа, запрятили говорить намъ, што іонъ живъ, и обѣщали пабить насъ, кали мы скажемъ». Царь на тыхъ сыновъ разсердився, наказавъ ихъ якъ самъ знавъ; а послѣ гуляли три свадьбы, и я тамъ бывъ медъ-вино пивъ, въ ротѣ не было, талька па барадѣ тякло.

(Записана въ городѣ Погарѣ, Черниговской губ. учителемъ Н. Матросовымъ.)

---

4. Правда и кривда.

Вотъ было какое дѣло, скажу твоему здоровью. Вотъ, знашь, не во гнѣвъ твоей милости къ рѣчи сказать, какъ мы таперича съ тобой, раскалякались промежъ себя двое нашей братьи-мужичковъ, бѣднѣющіе, пребѣднѣющіе. Одинъ-атъ жилъ коё-какъ, колотился всѣми неправдами; гораздъ былъ на обманы и приворнуть его было дѣло, а другой-ять шелъ по правдѣ, кабы, знашь, трудами вѣкъ прожить. Вотъ эвтимъ дѣломъ то они и заспорили. Одинъ-атъ говоритъ: лучше жить кривдой, а другой-ять говоритъ: кривдой вѣкъ прожить не сможешь; лутче жить какъ ни

[1]) Замолчали (собств. ни слова не сказали).
[2]) Заработалъ.
[3]) Откладывать, упрямиться.

на есть, да правдой. Вотъ спорили они, спорили, никто, слышь, не переспорилъ. Вотъ и пошли они, братецъ мой, на дорогу; пошли на дорогу и рѣшили спросить до трехъ разъ, кто имъ навстрѣчу попадетъ и что на эвто скажетъ. Вотъ они шли-шли, братецъ мой, и увидали: барскій мужичекъ пашетъ. Вотъ, знашь, и подошли къ нему, подошли и говорятъ: «Богъ на̀ помочь тебѣ, знакомой! Разрѣши ты нашъ споръ: какъ лутче жить на бѣломъ свѣтѣ — правдой али кривдой?» «Нѣтъ, братцы! правдой вѣкъ прожить не сможешь; кривдой жить вольготнѣй. Вотъ и наше дѣло: бе́зперечь у насъ господа дни отнимаютъ[1]), работать на себя некогда; изъ-за неволи прикинешься, быдто что попритчилось — хворь, знашь, нашла, — а самъ межъ эвтимъ времене́мъ-то въ лѣсишко съѣздишь по дровицы, не днемъ, такъ ночью, коли есть запретъ». — Ну, слышь, моя правда! говоритъ криводушный-ятъ правдивому-то. Вотъ пошли опять по дорогѣ, знашь, что скажетъ имъ другой. Шли-шли и видятъ: ѣдетъ на парѣ въ повозкѣ съ кибиткой купецъ. Вотъ подошли они къ нему, подошли и спрашиваютъ: «Остановись-ка, слышь, на часикъ, не во гнѣвъ твоей милости, о чемъ мы тебя спросимъ... Рѣши, слышь, нашъ споръ: какъ лучше жить на свѣтѣ — правдой али кривдой?» — «Нѣтъ, рабята, правдой мудрено жить, лутче кривдой. Насъ обманываютъ и мы обманываемъ». — «Ну, слышь, моя правда!» говоритъ опять криводушный-ятъ правдивому-то.

Вотъ пошли они опять по дорогѣ, что скажетъ третій. Шли-шли, вотъ и видятъ: ѣдетъ прикащикъ навстрѣчу. Вотъ они подошли къ нему; подошли къ нему и спрашиваютъ: «Остановись-ка на часочекъ; рѣши ты нашъ споръ, какъ лутче жить на свѣтѣ — правдой или кривдой?» — «Вотъ, слышь, нашли, о чемъ спрашивать! знамо дѣло, что кривдой. Какая нонче правда? За правду въ Сибирь угодишь, скажутъ — кляузникъ»... — «Ну, слышь! говоритъ криводушный-ятъ правдивому-то: вотъ всѣ говорятъ, что кривдой лутче жить». — «Нѣтъ, слышь, надо жить по Божью, какъ знашь, Богъ велитъ: что будетъ, то и будетъ, а кривдой жить не хочу!» говоритъ правдивый-ятъ криводушному-то.

Вотъ пошли опять дорогой вмѣстѣ. Шли-шли; криводушный-ятъ всяко, знашь, съумѣетъ ко всѣмъ прилаживаться;

[1]) При крѣпостномъ правѣ бывалъ иногда такой порядокъ, что крѣстьянинъ по уговору нѣсколько дней въ недѣлю работалъ на помѣщика, а остальное время на себя. Здѣсь мужикъ говоритъ о нарушеніи помѣщиками такого уговора.

вездѣ его кормятъ и калачи у него есть; а правдивый-ятъ гдѣ водицы изопьетъ, гдѣ поработаетъ, его за эвто покормятъ. А тотъ, знашь, криводушный-ятъ все смѣется надъ нимъ. Вотъ разъ правдивый-ятъ попросилъ кусочекъ хлѣбца у криводушнаго-то: «Дай мнѣ кусочекъ хлѣбца». — «А что за него мнѣ дашь?» говоритъ криводушный-ятъ. — «Что хошь возьми, что у меня есть», говоритъ правдивый-ятъ. «Дай, слышь, я глазъ тебѣ выколю?» — «Ну, выколи!» знашь, онъ ему говоритъ. Вотъ эвтимъ дѣломъ-то криводушный-ятъ и выкололъ правдивому-то глазъ, выкололъ и далъ ему маленько хлѣбца. Тотъ, слышь, стерпѣлъ, взялъ кусочекъ хлѣбца, съѣлъ, и пошли опять по дорогѣ. Шли-шли; опять правдивый-ятъ у криводушнаго-то сталъ просить хлѣбца кусочекъ. Вотъ тотъ опять разно сталъ надъ нимъ насмѣхаться: «Дай, другой глазъ я тебѣ выколю, ну тогда дамъ кусочекъ». — «Ахъ братецъ, пожалѣй, я слѣпой буду!» знашь, правдивый-ятъ упрашивалъ его. «Нѣтъ, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой», криводушный-ятъ ему говорилъ. — «Что дѣлать, ну, такъ тому дѣлу и быть: на, выколи и другой, коли грѣха не боишься!» правдивый-ятъ, знашь, говоритъ криводушному-то. Вотъ, братецъ мой, выкололъ ему и другой-ятъ глазъ, выкололъ и далъ ему маленько хлѣбца; далъ хлѣбца и оставилъ его на дорогѣ: «Вотъ, стану я тебя водить!»

Ну, что дѣлать! Слѣпой съѣлъ кусочекъ хлѣбца и пошелъ потихоньку ощупью съ палочкой. Шелъ, шелъ кое-какъ и сбился съ дороги и не знаетъ, куда ему итти. Вотъ и началъ онъ просить Бога: «Господи, не оставь меня, грѣшнаго раба твоего!» Молился, молился, вотъ и услыхалъ онъ голосъ, кто-то, слышь, ему говоритъ: «Иди ты направо! Какъ пойдешь направо, придешь къ лѣсу; придешь къ лѣсу, найди ты ощупью тропинку; найдешь тропинку, пойди ты по той тропинкѣ; пойдешь по тропинкѣ, придешь на гремячій ключъ; какъ придешь ты къ кремячему ключу, умойся, слышь, изъ него водою, испей той воды и намочи ею глаза: ты слышь, прозрѣешь! Какъ прозрѣешь, пойди ты вверхъ по ключу тому и увидишь большой дубъ; увидишь дубъ, подойди къ нему и залѣзь на него; какъ залѣзешь на него, дождись ночи; дождешься ты ночи, слушай, что будутъ говорить подъ этимъ дубомъ нечистые духи: они тутъ, слышь, слетаются на токовище». Вотъ онъ кое-какъ добрелъ до лѣса; добрелъ до лѣса, полозилъ, полозилъ по немъ, напалъ коекакъ,

на тропинку; пошелъ по той тропинкѣ, дошелъ до гремячаго ключа; дошелъ до ключа, умылся водою; умылся водою, испилъ и примочилъ глаза; примочилъ глаза и вдругъ увидѣлъ опять свѣтъ Божій — знашь прозрѣлъ! Вотъ, какъ прозрѣлъ, и пошелъ вверхъ по тому ключу; шелъ, шелъ по немъ, вотъ и видитъ большой дубъ — подъ нимъ все утоптано. Вотъ онъ влѣзъ на тотъ дубъ — влѣзъ и дождался ночи. Начали подъ тотъ дубъ слетаться со всѣхъ сторонъ бѣсы; слетались-слетались... вотъ начали разсказывать, гдѣ, знашь, кто былъ. Вотъ одинъ бѣсъ и говоритъ: «Я былъ у такой-то царевны; десять годовъ ее мучаю. Всяко меня выгоняютъ изъ нея; никто, слышь, меня не сможетъ выгнать, а выгонитъ тотъ, кто вотъ у такого-то богатаго купца достанетъ образъ Смоленской Божьей Матери, что у него на воротахъ въ куотѣ удѣланъ». Вотъ на утро, какъ всѣ бѣсы разлетѣлись, правдивый-ятъ слѣзъ съ дуба и пошелъ искать того купца. Искалъ, искалъ, кое-какъ нашелъ его; нашелъ и просится работàть на него: «Хоть годъ проработаю, ништо мнѣ не надо, только дай мнѣ образъ Божьей Матери съ воротъ». Купецъ согласился, принялъ его къ себѣ въ работники. Вотъ работàлъ онъ у него, что ни есть мочи, круглый годъ. Проработàвши годъ, онъ и проситъ тотъ образъ. Вотъ купецъ, слышь, говоритъ: «Ну, братецъ, доволенъ я твоей работой, только жаль мнѣ образа; возьми лутче денегъ». — «Нѣтъ, не надо денегъ, а дай мнѣ его по уговору». — «Нѣтъ, не дамъ образъ! Проработай еще годъ; ну, такъ и быть, тогда отдамъ тебѣ его». Вотъ эвтимъ дѣломъ-то правдивый-ятъ мужичекъ работалъ еще годъ: ни дня, ни ночи не зналъ, все работалъ, такой старательный былъ. Вотъ проработàлъ годъ, опять, знашь, сталъ просить образъ Божьей Матери съ воротъ. Купцу опять жаль и его отпустить и образъ отдать; «Нѣтъ, лучше я тебя казною награжу; а коли хочешь, то проработàй еще годъ, — ну, такъ отдамъ тебѣ образъ». Вотъ такъ тому дѣлу и быть — опять сталъ работàть годъ. Работалъ еще пуще того: всѣмъ на диво, какой былъ работящій. Вотъ проработалъ и третій годъ; проработàлъ и опять проситъ образъ. Купецъ, дѣлать нечего, снялъ образъ съ воротъ и отдалъ ему: «На, слышь, возьми образъ и ступай съ Богомъ!» Напоилъ, накормивъ его и деньгами наградилъ малую толику.

Вотъ эвтимъ дѣломъ-то взялъ онъ образъ Смоленской Божьей Матери, взялъ его и повѣсилъ на себя; повѣсилъ

на себя и пошелъ, слышь, къ тому царю царевну лѣчить, у которой бѣсъ-атъ мучитель сидитъ. Шелъ, шелъ и пришелъ къ тому царю. Пришелъ къ царю и говоритъ: Я де вашу царевну излѣчить смогу». Вотъ, знашь, эвтимъ дѣломъ-то впустили его въ хоромы царскіе, впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вотъ онъ спросилъ воды. Подали воды. Вотъ онъ перекрестился и три земныхъ поклона положилъ — знашь, помолился Богу; помолился Богу и снялъ съ себя образъ Божьей Матери, снялъ его и съ молитвой три раза въ воду опустилъ; опустилъ, знашь, и надѣлъ его на царевну; надѣлъ на царевну и велѣлъ ей той водой умываться.

Вотъ какъ она, матушка, надѣла на себя тотъ образъ и умылась тою водою, вдругъ изъ нея недугъ-атъ, знашь — вражья-то нечистая сила, клубомъ вылетѣлъ вонъ; вылетѣлъ онъ и она стала здорова по прежнему. Вотъ эвтимъ дѣломъто невѣсть какъ всѣ обрадовались и не знали чѣмъ наградить эвтого мужичка: и земли давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нѣтъ, слышь, ничего не надо!» Вотъ царевна-то и говоритъ царю: «Я замужъ за него иду».— «Ладно!» царь-атъ сказалъ. Вотъ эвтимъ дѣломъ-то и повѣнчались; повѣнчались, и сталъ нашъ мужичекъ ходить, знашь, въ одеждѣ царской, жить въ царскихъ хоромахъ, пить-ѣсть все на̀ все за одно съ ними. Жилъ, жилъ и принаторѣлъ[1]) къ нимъ.

Вотъ какъ принаторѣлъ онъ къ нимъ — и говоритъ: «Пустите меня на родину; у меня есть мать-старушка бѣдная» — «Ладно!» — царевна, знашь, жена-то его, сказала: «поѣдемъ вмѣстѣ». Вотъ и поѣхали они вмѣстѣ, вдвоемъ съ царевной. Ѣхали-ѣхали и подъѣзжаютъ они къ его родинѣ; подъѣзжаютъ къ родинѣ, вотъ и попадается навстрѣчу имъ тотъ криводушный, что знашь, спорилъ-то съ нимъ, что лутче жить кривдой, чѣмъ правдой. Идетъ навстрѣчу; вотъ правдивый-атъ, царскій сынъ и говоритъ: «Здравствуй, братецъ мой!» называетъ его по имени. Тому, знашь, въ диковинку, что въ коляскѣ такой знатный баринъ его знаетъ, и не узналъ его. — «Помнишь, ты спорилъ со мной, что лутче жить кривдой, чѣмъ правдой, и выкололъ мнѣ глаза? Эвто я самый!» Вотъ, знашь, онъ оробѣлъ и не зналъ, что дѣлать. «Нѣтъ, не бойся! Я на тебя не сержусь, а желаю и тебѣ такого же счастья. Вотъ пойди ты въ такой-то лѣсъ —

---

[1]) Прижился, привыкъ.

знашь, научать его, какъ его Богъ научилъ; въ томъ лѣсѣ увидишь ты тропинку, пойди по той тропинкѣ, придешь ты къ гремячему ключу, напейся изъ того ключа воды и умойся; какъ умоешься, поди ты вверхъ по ключу, увидишь тамъ ты большой дубъ; влѣзь на него и просиди всю ночь на немъ. Подъ нимъ, слышь, токовище нечистыхъ духовъ, и ты слушай и услышишь свое счастье!»

Вотъ, знашь, криводушный-ятъ по его слову, какъ по писанному, все эвто сдѣлалъ: нашелъ лѣсъ и ту тропинку; пошелъ по тропинкѣ и пришелъ къ гремячему ключу, напился и умылся; умылся и пошелъ, знашь, вверхъ по немъ; пошелъ вверхъ и увидѣлъ большой дубъ — подъ нимъ все утоптано. Вотъ онъ и залѣзъ на эвтотъ дубъ; залѣзъ на дубъ и дождался ночи; дождался ночи и слышитъ, знашь, какъ со всѣхъ сторонъ слетались на токовище нечистые духи. Вотъ какъ слетѣлись, и услыхали по духу его на дубу; услыхали по духу и растерзали его на мелкіе части. Такъ тѣмъ эвто дѣло и кончилось, что правдивый-атъ сталъ царскимъ сыномъ, а криводушнаго-то загрызли черти.

(Записана въ Чистопольск. уѣздѣ. Казанской губ.).

---

5. Безногой и слѣпой богатыри.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ царь съ царицей; у нихъ былъ Иванъ царевичъ, а смотрѣть-глядѣть за царевичемъ приставленъ былъ Катома-дьяка, дубовая шапка. Царь съ царицею достигли древнихъ лѣтъ, заболѣли и не чаютъ ужъ выздоровѣть; призываютъ Ивана царевича и наказываютъ: «Когда мы помремъ, то во всемъ слушайся и почитай Катому-дьяку, дубовую шапку; станешь слушаться, счастливъ будешь, а захочешь быть ослушникомъ — пропадешь, какъ муха». На другой день царь съ царицей померли. Иванъ царевичъ похоронилъ родителей и сталъ жить по ихъ наказу: что ни дѣлаетъ, обо всемъ съ дядькой совѣтъ держитъ. Долго ли— коротко ли, дошелъ царевичъ до совершенныхъ лѣтъ и надумалъ жениться; приходитъ къ дядькѣ и говоритъ ему: «Катома дядька, дубовая шапка! скучно мнѣ одному, хочу эжениться». «Чтоже, царевичъ! Зачѣмъ дѣло стало? Лѣта твои таковы, что пора и о невѣстѣ думать; поди въ большую палату, тамъ всѣхъ царевенъ, всѣхъ королевенъ пор-

треты собраны; поглядп да выбери: какая понравится, за ту и сватайся». Иванъ царевичъ пришелъ въ большую палату, началъ пересматривать портреты, и пришлась ему по мысли королевна Анна Прекрасная — такая красавица, какой во всемъ свѣтѣ другой нѣтъ! На ея портретѣ подписано: коли кто задастъ ей загадку, а королевна не отгадаетъ, за того пойдетъ она замужъ; а чью загадку отгадаетъ, съ того голова долой. Иванъ царевичъ прочиталъ эту подпись, раскручинился и идетъ къ своему дядькѣ. «Былъ я, говоритъ, въ большой палатѣ, высмотрѣлъ себѣ невѣсту Анну Прекрасную; только не вѣдаю, можно ли ее высватать». «Да, царевичъ! трудно ее достать; коли одинъ поѣдешь, ни за что не высватаешь; а возьмешь меня съ собой, да будешь дѣлать, какъ я скажу, можетъ, дѣло и уладится». Иванъ царевичъ проситъ Катому-дядьку, дубовую шапку ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даетъ ему вѣрное слово слушаться его и въ горѣ и въ радости. Вотъ собрались одни въ путь-дорогу и поѣхали сватать Анну Прекрасную королеву. Ѣдутъ они годъ, и другой, и третій, и заѣхали за много земель. Говоритъ Иванъ царевичъ:

«Ѣдемъ мы, дядя, столько времени, приближаемся къ землямъ Анны прекрасной королевны, а не знаемъ, какую загадку загадать».—«Еще успѣемъ выдумать!» Ѣдутъ дальше; Катома-дьяка, дубовая шапка глянулъ на дорогу, — на дорогѣ лежитъ кошелекъ, — и говоритъ: «Вотъ тебѣ и загадка, Иванъ царевичъ! Какъ пріѣдешь къ королевнѣ — загадай ей такими словами: «ѣхали де мы путемъ-дорогою, увидали: на дорогѣ добро лежитъ; мы добро добромъ взяли да въ свое добро положили». Эту загадку ей въ жизнь не разгадать; а всякую другую сейчасъ узнаетъ — только взглянетъ въ свою волшебную книгу; а какъ узнаетъ, то и велитъ отрубить тебѣ голову». Вотъ наконецъ пріѣхалъ Иванъ царевичъ съ дядькою къ высокому дворцу, гдѣ проживала прекрасная королевна; въ ту пору времячко была она на балх(к)онѣ, увидала пріѣзжихъ и послала узнать: откуда они и зачѣмъ прибыли. Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: «Пріѣхалъ я изъ такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну». Доложили о томъ королевнѣ; она приказала, чтобы царевичъ во дворецъ шелъ да при всѣхъ ея думныхъ князьяхъ и боярахъ загадку загадывалъ: «у меня, молвила, такой завѣтъ положенъ: если не отгадаю чьей загадки, за того мнѣ итти замужъ; а чью отгадаю, того мнѣ злой

смерти предать». — «Слушай, прекрасная королевна, мою загадку, говоритъ Иванъ царевичъ: ѣхали мы путемъ-дорогою, увидали — на дорогѣ добро лежитъ, мы добро добромъ взяли да въ добро положили». Анна Прекрасная королевна беретъ свою волшебную книгу, начала ее пересматривать, да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась. Тутъ думные князья и бояре присудили королевнѣ выходить замужъ за Ивана царевича; хоть она и не рада, а дѣлать нечего — стала готовиться къ свадьбѣ. Думаетъ сама съ собой королевна: какъ бы время протянуть, да жениха отбыть? и вздумала утрудить его великими службами. Призываетъ она Ивана царевича и говоритъ ему: «Милый мой Иванъ царевичъ, мужъ нареченный! надо намъ къ свадьбѣ изготовиться; сослужи-ка мнѣ службу невеликую; въ моемъ королевствѣ, на такомъ-то мѣстѣ, стоитъ большой чугунный столбъ; перетащи его въ дворцовую кухню и сруби въ мелкія полѣнья—повару на дрова».— «Помилуй, королевна! нешто я пріѣхалъ сюда дрова рубить? мое ли это дѣло? на то у меня и слуга есть: Катома-дядька, дубовая шапка». Сейчасъ призываетъ царевичъ дядьку и приказываетъ ему притащить въ кухню чугунный столбъ — и срубить его въ мелкія полѣнья повару на дрова. Катома-дядька пошелъ на сказанное мѣсто, схватилъ столбъ въ охапку, принесъ въ дворцовую кухню и разбилъ на мелкія части; четыре чугунныхъ полѣна взялъ себѣ въ карманъ: «для пéреду годится!» На другой день говоритъ королевна Ивану царевичу: «Милой мой царевичъ, нареченный мужъ! Завтра намъ къ вѣнцу ѣхать: я поѣду въ коляскѣ, а ты верхомъ на богатырскомъ жеребцѣ; надо тебѣ зàгодя объѣздить того коня». — «Стану я самъ объѣзжать коня! на то у меня слуга есть». Призываетъ Иванъ царевичъ Катому-дядьку, дубовую шапку: «Ступай, говоритъ, на конюшню, вели конюхамъ вывести богатырскаго жеребца, сядь на него и объѣзди; завтра я на немъ къ вѣнцу поѣду». Катома-дядька смекнулъ хитрости королевны, не сталъ долго разговаривать, пошелъ на конюшню и велѣлъ конюхамъ вывести богатырскаго жеребца. Собралось двѣнадцать конюховъ: отперли двѣнадцать замкòвъ, отворили двѣнадцать дверей и вывели волшебнаго коня на двѣнадцати желѣзныхъ цѣпяхъ. Катомка-дядька, дубовая шапка подошелъ къ нему; только успѣлъ сѣсть — волшебный конь отъ земли отдѣляется, выше лѣсу подымается, что повыше лѣсу стоячаго, пониже

облака ходячаго. Катома крѣпко сидитъ, одной рукой за гриву держится, а другой вынимаетъ изъ кармана чугунное полѣно и начинаетъ этимъ полѣномъ промежду ушей коня осаживать. Избилъ одно полѣно, взялся за другое; два избилъ, взялся за третье; три избилъ, пошло въ ходъ четвертое. И такъ донялъ онъ богатырскаго жеребца, что не выдержалъ конь, возговорилъ человѣческимъ голосомъ: Батюшка Катома! отпусти хоть живого на бѣлый свѣтъ. Что хочешь, то и приказывай: все будетъ по твоему». — Слушай, собачье мясо! отвѣчаетъ ему Катома-дядька, дубовая шапка: завтра поѣдетъ на тебѣ къ вѣнцу Иванъ царевичъ. Смотри же: какъ выведутъ тебя конюхи на широкій дворъ, да подойдетъ къ тебѣ царевичъ и положитъ свою руку, — ты стой смирно, ухомъ не пошевели; а какъ сядетъ онъ верхомъ — ты по самыя щетки въ землю подайся, да иди подъ нимъ тяжелымъ шагомъ, словно на спинѣ непомѣрная тягота накладена». Богатырскій конь выслушалъ приказъ и опустился еле живъ на землю. Катома ухватилъ его за хвостъ и бросилъ возлѣ конюшни: «Эй, кучера и конюхи! уберите въ стойло это собачье мясо». Дождались другого дня; подошло время къ вѣнцу ѣхать: королевнѣ коляску подали, а Ивану царевичу богатырскаго жеребца подвели. Со всѣхъ сторонъ народъ сбѣжался — видимо-невидимо! Вышли изъ палатъ бѣлокаменныхъ женихъ съ невѣстою; королевна сѣла въ коляску и дожидается, что-то будетъ съ Иваномъ царевичемъ? волшебный конь разнесетъ его кудри по вѣтру, размычетъ его кости по чисту полю. Подходитъ Иванъ царевичъ къ жеребцу, накладываетъ руку на спину, ногу въ стремено, — жеребецъ стоитъ словно вкопанный, ухомъ не шевельнетъ! Сѣлъ царевичъ верхомъ, — волшебный конь по щетки въ землю ушелъ; сняли съ него двѣнадцать цѣпей — сталъ конь выступать ровнымъ, тяжелымъ шагомъ, а съ самого потъ градомъ такъ и катится. «Экой богатырь! экая сила непомѣрная!» говоритъ народъ, глядя на царевича. Перевѣнчали жениха съ невѣстою, стали они выходить изъ церкви, взяли другъ дружку за руки. Вздумалось королевѣ еще разъ попытать силу Ивана царевича; сжала ему руку такъ сильно, что онъ не смогъ выдержать: кровь въ лицо кинулась, глаза подъ лобъ ушли. «Такъ ты эдакой-то богатырь, думаетъ королевна: славно же твой дядька меня опуталъ... только даромъ вамъ это не пройдетъ!»

Живетъ Анна Прекрасная королевна съ Иваномъ царевичемъ, какъ подобаетъ женѣ съ богоданнымъ мужемъ, всячески его словами улещаетъ, а сама одно мыслитъ, какимъ бы то способомъ извести Катому-дядьку, дубовую шапку; съ царевичемъ безъ дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всякихъ наговоровъ, Иванъ царевичъ не поддавался на ея рѣчи, все сожалѣлъ своего дядьку. Черезъ годъ времени говоритъ онъ своей женѣ: «Любезная моя супружница, прекрасная королевна! желается мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ тобою въ свое государство». — «Пожалуй, поѣдемъ; мнѣ самой давно хочется увидать твое государство». Вотъ собрались и поѣхали; дядьку Катому за кучера посадили. Ѣхали — ѣхали; Иванъ царевичъ заснулъ дорогой. Вдругъ Анна Прекрасная королева стала его будить да жалобу приносить: «Послушай, царевичъ! Ты все спишь — ничего не слышишь! А твой дядька совсѣмъ меня не слушаетъ, нарочно правитъ лошадей на кочки да рытвины — словно извести насъ собирается; стала я ему добромъ говорить, а онъ надо мной насмѣхается. Жить не хочу, коли его не накажешь!» Иванъ царевичъ крѣпко съ просонокъ разсердился на своего дядьку и отдалъ его на всю волю королевнину: «Дѣлай съ нимъ, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить ему ноги. Катома дался ей на поруганіе: «Пусть, думаетъ, пострадаю, да и царевичъ узнаетъ — каково горе мыкать!» Отрубили Катомѣ-дядькѣ обѣ ноги. Глянула королевна кругомъ и увидала: стоитъ въ сторонѣ высокій пень; позвала слугъ и приказала посадить его на этотъ пень, а Ивана царевича привязала на веревкѣ къ коляскѣ, повернула назадъ и поѣхала въ свое королевство. Катома-дядька, дубовая шапка на пнѣ сидитъ, горькими слезами плачетъ: «Прощай, говоритъ, Иванъ царевичъ! вспомнишь и меня». А Иванъ царевичъ въ припрыжку за коляской бѣжитъ; самъ знаетъ, что маху далъ, да воротить нельзя. Пріѣхала королевна Анна Прекрасная въ свое государство и заставила Ивана царевича коровъ пасти. Каждый день по утру ходитъ онъ со стадомъ въ чистое поле, а вечеромъ назадъ на королевскій дворъ гонитъ; въ то время королевна на балконѣ сидитъ и повѣряетъ, всѣ ли счетомъ коровы. Пересчитаетъ и велитъ ихъ царевичу въ сарай загонять, да послѣднюю корову въ хвостъ цѣловать: эта корова такъ ужъ и знаетъ — дойдетъ до воротъ, остановится и хвостъ подыметъ.

Катома-дядька сидитъ на пнѣ день, и другой, и третій, не пивши, не ѣвши; слѣзть никакъ не можетъ, приходится помирать голодной смертью. Невдалекѣ отъ этого мѣста былъ густой лѣсъ; въ томъ лѣсу проживалъ слѣпой сильно-могучій богатырь; только и тѣмъ и кормился, что какъ услышитъ по духу, что мимо его какой звѣрь пробѣжалъ, заяцъ, лиса ли, медвѣдь ли—сейчасъ за нимъ въ погоню: поймаетъ — и обѣдъ готовъ. Былъ богатырь на ногу скоръ и ни одному звѣрю прыскучему не удавалось убѣжать отъ него. Вотъ и случилось такъ: проскользнула мимо лиса; богатырь услыхалъ, да вслѣдъ за нею; она добѣжала до того высокаго пня и дала колѣно въ сторону, а слѣпой богатырь поторопился, да съ разбѣгу какъ ударился лбомъ о пень — такъ съ корнемъ его и выворотилъ. Катома свалился на землю и спрашиваетъ: «Ты кто таковъ?» — «Я слѣпой богатырь; живу въ лѣсу тридцать лѣтъ, только тѣмъ и кормлюсь, коли какого звѣря поймаю да на кострѣ зажарю; а то бъ давно померъ голодною смертію». — «Неужели жъ ты отъ роду слѣпой?» — «Нѣтъ, не отъ роду; а мнѣ выколола глаза Анна Прекрасная королевна». — «Ну, братъ! говоритъ Катома-дядька, дубовая шапка: и я черезъ нее безъ ногъ остался; обѣ отрубила, проклятая!» Разговорились богатыри промежъ собой и согласились вмѣстѣ жить, вмѣстѣ хлѣбъ добывать. Слѣпой говоритъ безногому: «Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебѣ своими ногами, а ты мнѣ своими глазами». Взялъ онъ безногаго и понесъ на себѣ, а Катома сидитъ, по сторонамъ поглядываетъ, да знай покрикиваетъ: «Направо! налѣво! прямо!..» Жили они такъ нѣкоторое время въ лѣсу и ловили себѣ на обѣдъ и зайцевъ, и лисицъ, и медвѣдей. Говоритъ разъ безногій: «Неужели жъ намъ весь вѣкъ безъ людей прожить? Слышалъ я, что въ такомъ-то городѣ живетъ богатый купецъ съ дочкою, и та купеческая дочь куда какъ милостива къ убогимъ и увѣчнымъ: сама всѣмъ милостину подаетъ. Увеземъ-ка, братъ, ее! пусть у насъ за хозяйку живетъ». Слѣпой взялъ телѣжку, посадилъ въ нее безногаго и повезъ въ городъ, прямо къ богатому купцу на дворъ; увидала ихъ изъ окна купеческая дочь, тотчасъ выскочила и пошла одѣлять ихъ милостиной. Подошла къ безногому: «Прими, убоженькой, Христа ради!» Сталъ онъ принимать подаяніе, ухватилъ ее за руки да въ телѣжку, закричалъ на слѣпого — тотъ побѣжалъ такъ скоро, что и на лошадяхъ не поймать. Купецъ послалъ по-

гоню — нѣтъ, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь въ свою лѣсную избушку и говорятъ ей: «Будь намъ вмѣсто родной сестры, живи у насъ, хозяйничай; а то намъ, увѣчнымъ, некому обѣда сварить, рубашекъ помыть. Богъ тебя за это не оставитъ». Осталась съ ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дѣло на охотѣ, а названная сестра завсегда дома: всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ, обѣдъ готовитъ, бѣлье моетъ. Вотъ и повадилась къ нимъ въ избушку ходить баба-яга, костяная нога. Только богатыри на охоту уйдутъ, а баба-яга тутъ какъ тутъ! Долго-ли, коротко-ли — спала съ лица красная дѣвица, похудѣла — захирѣла; слѣпой ничего не видитъ, а Катома-дядька, дубовая шапка замѣчаетъ, что дѣло не ладно; сказалъ про то слѣпому, и пристали они вдвоемъ къ своей названной сестрицѣ, начали допрашивать, а баба-яга ей накрѣпко запретила признаваться. Долго боялась она повѣрить имъ свое горе, долго крѣпилась, да наконецъ братья ее уговорили, и она все до чиста разсказала: «Всякій разъ, какъ уйдете вы на охоту, тотъ часъ является въ избушку древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, сѣдые! и заставляетъ меня въ головѣ ей искать, а сама сосетъ изъ меня кровь». — «А! — говоритъ слѣпой, это — баба-яга; погоди же, надо съ ней по своему раздѣлаться! Завтра мы не пойдемъ на охоту, а постараемся залучить ее да поймать»... Утромъ на другой день богатыри не идутъ на охоту. «Ну, дядя безногій! говоритъ слѣпой, полѣзай ты подъ лавку, смиренько сиди, а я пойду на дворъ — подъ окномъ стану. А ты, сестрица, какъ придетъ баба-яга, садись вотъ здѣсь, у этого окна, въ головѣ-то у ней ищи, да потихоньку пряди волосъ отдѣляй, да за оконницу на дворъ пропускай: я ее за сѣдыя-то космы и сграбастаю!» Сказано — сдѣлано. Ухватилъ бабу-ягу за сѣдня космы и кричитъ: «Эй, дядя Катома! вылѣзай-ка изъ-подъ лавки, да придержи ехидную бабу, пока я въ избу войду». Баба-яга услыхала бѣду, хочетъ вскочить, голову приподнять — куда тебѣ! нѣтъ совсѣмъ ходу! рвалась-рвалась, — ничего не пособляетъ! А тутъ вылѣзъ изъ-подъ лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо съ овчинку ей показалось. Вскочилъ въ избушку слѣпой, говоритъ безногому: «Надо намъ теперь развести большой костеръ, сжечь ее, проклятую, на огнѣ, а пепелъ по вѣтру пустить». Взмолилась баба-яга: «Батюшки,

голубчики! простите!... что угодно, все вамъ сдѣлаю!» — «Хорошо, старая вѣдьма! сказали богатыри: покажи-ка намъ колодезь съ цѣлющей и живущей водой». — «Только не бейте, сейчасъ покажу!» Вотъ Катома-дядька, дубовая шапка сѣлъ на слѣпого; слѣпой взялъ бабу-ягу за косы; баба-яга повела ихъ въ лѣсную трущобу, привела къ колодезю и говоритъ: «Это и есть цѣлющая и живущая вода!» — «Смотри, дядя Катома! вымолвилъ слѣпой: не давай маху; коли она теперь обманетъ — ввѣкъ не поправимся!» Катома-дядька, дубовая шапка сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодезь: не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ ужъ вся огнемъ вспыхнула. «Э! да ты еще на обманъ пошла!» Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотятъ кинуть ее проклятую въ огненный колодезь. Пуще прежняго взмолилась баба-яга, даетъ клятву великую, что теперь не станетъ хитрить: «Право-слово, доведу до хорошей воды!» Согласились богатыри попытать еще разъ, и привела ихъ баба-яга къ другому колодезю. Дядька Катома отломилъ отъ дерева сухой сучекъ и бросилъ въ колодезь: не успѣлъ тотъ сучекъ до воды долетѣть, какъ ростки пустилъ, зазеленѣлъ и разцвѣлъ. «Ну, это вода хорошая!» сказалъ Катома. Слѣпой помочилъ ею свои глаза — и въ мигъ прозрѣлъ; опустилъ безногаго въ воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорятъ межъ собой: «Вотъ когда мы поправимся! все свое воротимъ. Только напередъ надо съ бабой-ягой порѣшить: коли намъ ее теперь простить, такъ самимъ добра не видать — она всю жизнь будетъ зло мыслить!» Воротились они къ огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу; такъ она и сгинула!

Послѣ того Катома-дядька, дубовая шапка женился на купеческой дочери, и всѣ трое отправились они въ королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить къ столичному городу, смотрятъ: Иванъ-царевичъ гонитъ стадо коровъ. «Стой, пастухъ! говоритъ Катома дядька, куда ты этихъ коровъ гонишь?» Отвѣчаетъ ему царевичъ: «На королевскій дворъ гоню; королева всякій разъ сама повѣряетъ, всѣ ли коровы». — «Ну-ка, пастухъ! на̀ тебѣ мою одежду, надѣвай на себя, а я твою надѣну и коровъ погоню». — «Нѣтъ, братъ! этого нельзя сдѣлать; коли королевна увидаетъ — бѣда мнѣ будетъ!» — «Не бойся, ничего не будетъ! Въ томъ тебѣ порука Катома-дядька, дубовая шапка!» Иванъ-царевичъ вздохнулъ и говоритъ:

«Эхъ, добрый человѣкъ! если бы живъ былъ Катома-дядька, я бы не пасъ въ полѣ этихъ коровъ!» Тутъ Катома-дядька, дубовая шапка сознался ему, кто онъ таковъ есть; Иванъ-царевичъ обнялъ его крѣпко и залился слезами: «Не чаялъ и видѣть тебя!» Помѣнялись они своими одёждами; погналъ дядька коровъ на королевскій дворъ; Анна Прекрасная вышла на балконъ, повѣрила, всѣ ли коровы счетомъ, и приказала загонять ихъ въ сарай. Вотъ всѣ коровы въ сарай пошли, только послѣдняя у воротъ остановилась и хвостъ оттопырила. Катома подскочилъ: «Ты чего, собачье мясо, дожидаешься?» схватилъ ее за хвостъ, дернулъ, такъ и стащилъ шкуру. Королевна увидала и кричитъ громкимъ голосомъ: «Что это мерзавецъ пастухъ дѣлаетъ? взять его и привесть ко мнѣ!» Тутъ слуги подхватили Катому и потащили во дворецъ; онъ идетъ — не отговаривается, на себя надѣется. Привели его къ королевнѣ; она взглянула и спрашиваетъ: «Ты кто таковъ? откуда явился?» — «А я тотъ самый, которому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовутъ меня Катома-дядька, дубовая шапка!» — Ну, думаетъ королевна, когда онъ ноги свои воротилъ, то съ нимъ мудрить больше нечего!» и стала я него и у царевича просить прощенія; покаялась во всѣхъ грѣхахъ и дала клятву вѣчно Ивана-царевича любить и во всемъ слушаться. Иванъ-царевичъ ее простилъ, и началъ жить съ ней въ тишинѣ и согласіи; при нихъ остался слѣпой богатырь, а Катома-дядька уѣхалъ съ своей женой къ богатому купцу и поселился въ его домѣ.

---

6. Морской царь и Василиса Премудрая[1]).

Посѣялъ мужикъ рожь и уродилъ ему Господь на диво: едва могъ съ поля собрать! Вотъ перевезъ онъ снопы домой, смолотилъ и насыпалъ зерномъ полнёхонекъ амбаръ; насыпалъ и думаетъ: «Теперь-то я стану жить, не тужить!». И повадились къ мужику въ амбаръ мышь да воробей; кажной Божій день разъ по пяти слазяютъ, наѣдятся и назадъ: мышь юркнетъ въ свою конурку, а воробей улетитъ въ свое

---

[1]) Въ этой сказкѣ видимъ примѣръ нерѣдкаго въ народной поэзіи «зачина» или вступленія, «присказки.» Здѣсь эта присказка разрослась до самостоятельной сказки, вполнѣ развитой и связанной лишь внѣшнимъ образомъ съ главной сказкой. Нѣчто подобное можно найти и въ «запѣвахъ» былинъ (ср., напр., запѣвъ о турахъ златорогихъ въ отдѣлѣ былинъ, стран. 221).

гнѣздо. Жили они вдвоемъ такъ-то дружно цѣлые три года; все зерно прiѣли, остается въ закромѣ самая малость, съ четверикъ — не больше. Видитъ мышь, что запасъ къ концу приходитъ, и ну ухитряться, какъ бы воробья обмануть, да всѣмъ достальнымъ добромъ одной завладать. И таки ухитрилась: собралась темною ночью, прогрызла въ полу большущую дыру и спустила въ подполье всю рожь до единаго зернышка. По утру прилетаетъ воробей въ амбаръ, захотѣлось ему позавтракать; глянулъ — нѣтъ ничего! вылетѣлъ, бѣдняжа, голодный и думаетъ про себя: «Обидѣла, проклятая! полечу-ка я, добрый молодецъ, къ ихнему царю, ко льву, стану просить на мышь — пусть онъ насъ разсудитъ по правдѣ». Снялся и полетѣлъ ко льву. «Левъ, царь звѣриной!» бьетъ ему челомъ воробей: «жилъ я съ твоимъ звѣремъ — мышью зубастою; цѣлые три года кормились изъ одного закрома, и не было промежъ насъ никакой ссоры. А какъ сталъ запасъ къ концу приходить, пошла она на хитрости: прогрызла въ закромѣ дыру, спустила все зерно въ подполье къ себѣ, а меня, бѣднаго, голодать оставила. Разсуди насъ по правдѣ; не разсудишь — полечу искать суда — расправы у своего царя орла». — «Ну, и лети съ Богомъ», сказалъ левъ. Воробей бросился съ челобитьемъ къ орлу, разсказалъ ему всю свою обиду, какъ мышь своровала, а левъ ей потатчикъ. Сильно разгнѣвался втѣпоры царь орелъ и тотчасъ же отправилъ ко льву легкаго гонца: «приходи завтра съ своимъ-де звѣринымъ воинствомъ на такое-то поле, а я соберу всѣхъ птицъ и дамъ тебѣ сраженiе». Нечего дѣлать, послалъ левъ царь кличъ кликать, на войну звѣрей созывать. Собралось ихъ видимо-невидимо, и только пришли на чистое поле — летитъ на нихъ орелъ со всѣмъ своимъ крылатымъ воинствомъ, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минуточки; побѣдилъ царь орелъ, завалилъ все поле трупами звѣриными и распустилъ птицъ по домамъ, а самъ полетѣлъ въ дремучiй лѣсъ, усѣлся на высокiй дубъ — избитъ, израненъ, и сталъ думать думу крѣпкую, какъ бы назадъ воротить всю силу прежнюю.

Давно это было, а жилъ-былъ тогда купецъ съ купчихою одни-одинёхоньки, не было у нихъ ни единаго дѣтища. Всталъ купецъ по-утру и говоритъ женѣ: «не хорошъ мнѣ сонъ привидѣлся: навязалась будто къ намъ большая птица; жретъ заразъ по цѣлому быку, выпиваетъ по полному ушату;

а нельзя отбыть, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я въ лѣсъ, авось поразгуляюся». Захватилъ ружье и пошелъ въ лѣсъ. Долго-ли, коротко-ли бродилъ онъ по лѣсу, подошелъ наконецъ къ дубу, увидѣлъ орла и хочетъ стрѣлять по нёмъ. «Не бей меня, добрый мо́лодецъ! провѣщалъ ему орелъ человѣческимъ голосомъ. «Убьешь — мало будетъ прибыли. Возьми лучше меня къ себѣ въ домъ, да прокорми три года, три мѣсяца и три дня; я у тебя поправлюся, отрощу свои крылья; соберуся съ силами, и тебѣ добромъ заплачу!»— «Какой заплаты отъ орла ожидать?» думаетъ купецъ, и прицѣлился въ другой разъ. Орелъ провѣщалъ то же самое. Прицѣлился купецъ въ третій разъ, и опять орелъ проситъ: «Не бей меня, добрый молодецъ; покорми меня три года, три мѣсяца и три дня; какъ поправлюся, отрощу свои крылья да соберуся съ силами — все тебѣ добромъ заплачу!» Сжалился купецъ, взялъ птицу орла и понесъ домой. Тотчасъ убилъ быка и налилъ полный ушатъ медовой сыты; надолго, думаетъ, хватитъ орлу корму; а орелъ все заразъ проѣлъ и выпилъ. Плохо пришлось купцу отъ незваннаго гостя, совсѣмъ разорился. Видитъ орелъ, что купецъ-то обѣднялъ, и говоритъ ему: «Послушай, хозяинъ! поѣзжай въ чистое поле: много тамъ разныхъ звѣрей побитыхъ и пораненныхъ. Сними съ нихъ дорогіе мѣха и вези продавать въ городъ; на тѣ деньги и меня и себя прокормишь, еще про запасъ останется». Поѣхалъ купецъ въ чистое поле, видитъ: много на полѣ лежитъ звѣрей побитыхъ, пораненыхъ, поснималъ съ нихъ самые дорогіе мѣха, повезъ продавать въ городъ и продалъ за большія деньги.

Прошелъ годъ; велитъ орелъ хозяину везти его на то мѣсто, гдѣ высокіе дубы стоятъ. Заложилъ купецъ повозку и привёзъ его на то мѣсто. Орелъ взвился за тучи, и съ разлёту ударилъ грудью въ одно дерево; дубъ раскололся на́двое. «Ну, купецъ, добрый мо́лодецъ!» говоритъ орелъ, «не собрался я съ прежнею силою, корми меня еще круглый годъ». Прошелъ и другой годъ; опять взвился орелъ за темныя тучи, разлетѣлся сверху и ударилъ грудью дерево; раскололся дубъ на мелкія части: «Приходится тебѣ, купецъ, добрый мо́лодецъ, еще цѣлый годъ меня кормить; не собрался я съ прежнею силою». Вотъ какъ прошло три года, три мѣсяца и три дня, говоритъ орелъ купцу: «Вези меня опять на то̀ же мѣсто, къ высокимъ дубамъ». Привезъ его купецъ къ высокимъ дубамъ. Взвился орелъ выше прежняго, сильнымъ вихремъ

ударилъ сверху въ самый большой дубъ, расшибъ его въ щепки съ верхушки до корня, ажно лѣсъ кругомъ зашатался. «Спасибо тебѣ, купецъ, добрый молодецъ!» сказалъ орелъ «Теперь вся моя старая сила со мною. Бросай-ка лошадь да садись ко мнѣ на крылья; я понесу тебя на свою сторону и расплачусь съ тобой за все добро». Сѣлъ купецъ орлу на крылья; понесся орелъ на синее море, и поднялся высоко-высоко. «Посмотри, говоритъ, на синё море, велико-ли?» — «Съ колесо», отвѣчаетъ купецъ. Орелъ встряхнулъ крыльями и сбросилъ купца внизъ, далъ ему спознать смёртный страхъ и подхватилъ не допустя до воды Подхватилъ и поднялся съ нимъ еще выше. — «Посмотри на синё море, велико-ли? — «Съ куриное яйцо!» — Встряхнулъ орелъ крыльями, сбросилъ купца внизъ, и опять, не допуская до воды, подхватилъ его и поднялся вверхъ повыше прежняго. «Посмотри на синё море, велико-ли?» — «Съ маковое зернышко!» — И въ третій разъ встряхнулъ орелъ крыльями и бросилъ купца съ поднебесья, да опять таки не допустилъ его до воды, подхватилъ на крылья и спрашиваетъ: «Что, купецъ, добрый молодецъ, спозналъ — каковъ смёртный страхъ?» — «Спозналъ, говоритъ купецъ: я думалъ, совсѣмъ пропаду!» — «Да, вѣдь, и я тоже думалъ, какъ ты въ меня ружьемъ цѣлилъ».

Полетѣлъ орелъ съ купцомъ за̀ море, прямо къ мѣдному царству. «Вотъ здѣсь живетъ моя старшая сестра; какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары подносить, ты ничего не бери, а проси себѣ мѣдный ларчикъ». Сказалъ такъ-то орелъ, ударился о сырую землю и обратился добрымъ молодцемъ. Идутъ они широкимъ дворомъ. Увидала сестра, обрадовалась: «Ахъ, братецъ родимый! какъ тебя Богъ принесъ? вѣдь, болѣ трехъ лѣтъ тебя не видала: думала — совсѣмъ пропа̀лъ! Ну, чѣмъ же тебя угощать, чѣмъ подчивать?» — «Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! я — свой человѣкъ; проси — угощай вотъ этого добраго молодца: онъ меня три года поилъ-кормилъ, съ голоду не уморилъ». Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила-уподчивала; повела потомъ въ кладовыя, показывать богатства несмѣтныя и говоритъ купцу, доброму молодцу: «Вотъ злато и серебро и каменья самоцвѣтныя, бери себѣ, что душа желаетъ!» Отвѣчаетъ купецъ, доброй молодецъ: «Не надобно мнѣ ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго; подари мѣдной ларчикъ». —

«Какъ бы не такъ! не тотъ ты сапогъ не на ту ногу надѣваешь!
Осердился братъ на такія рѣчи сестрины, оборотился орломъ,
птицей быстрою, подхватилъ купца и полетѣлъ прочь.
«Братецъ родимый, воротися!» кричитъ сестра: «не постою и
за ларчикъ!» — «Опоздала, сестра!».

Летитъ орелъ по поднебесью. «Посмотри. купецъ, доброй
молодецъ! что назади и что впереди дѣется? Посмотрѣлъ
купецъ и сказываетъ: «Назади пожаръ виднѣется, впереди
цвѣты цвѣтутъ!» — «То мѣдное царство горитъ, а цвѣты
цвѣтутъ въ серебряномъ царствѣ, у моей середней сестры.
Какъ будемъ у ней въ гостяхъ, и станетъ она дары дарить
ты ничего не бери, а проси серебряный ларчикъ». Прилетѣлъ орелъ, ударился о сырую землю и оборотился добрымъ
молодцемъ. «Ахъ, братецъ родимый!» говоритъ ему сестра,
«отколь взялся? гдѣ пропадалъ? что такъ долго въ гостяхъ
не бывалъ? Чѣмъ же тебя, друга, подчивать?» — «Не меня
проси, не меня угощай, родимая сестрица! — я свой человѣкъ; проси-угощай вотъ добраго мо́лодца. что меня три
года и поилъ, и кормилъ, съ голоду не уморилъ». Посадила
она за столы дубовые, за скатерти браныя, угостила — уподчивала и повела въ кладовыя: «Вотъ злато, и серебро, и
каменья самоцвѣтные; бери, купецъ, что душа желаетъ!» —
«Не надобно мнѣ ни злата, ни серебра, ни каменья самоцвѣтнаго, подари мнѣ одинъ серебряный ларчикъ». — «Нѣтъ,
добрый молодецъ, не тотъ кусочекъ хватаешь! не равенъ
часъ, подавишься». Осердился братъ-орелъ, оборотился птицею, подхватилъ купца и полетѣлъ прочь. «Братецъ родимой,
воротися! не постою и за ларчикомъ!» — «Опоздала, сестра!»

Опять летитъ орелъ по поднебесью. «Посмотри, купецъ,
добрый мо́лодецъ. что назади и что впереди?» — «Назади
пожаръ горитъ, впереди цвѣты цвѣтутъ». — «То горитъ
серебряное царство, а цвѣты цвѣтутъ въ золотомъ, у моей
меньшой сестры. Какъ будемъ у ней въ гостяхъ и станетъ
она дары дарить, ты ничего не бери, а проси золотой ларчикъ». Прилетѣлъ орелъ къ золотому царству и оборотился
добрымъ мо́лодцемъ. «Ахъ, братецъ родненькой! говоритъ
сестра; отколь взялся? гдѣ пропадалъ? что такъ долго въ гостяхъ не бывалъ? Ну, чѣмъ же велишь себя подчивать?» —
«Не меня проси, не меня угощай: я — свой человѣкъ;
про́си — угощай вотъ этого купца, добраго молодца; онъ
меня три года поилъ и кормилъ, съ голоду не уморилъ». Посадила она ихъ за столы дубовые, за скатерти браныя, уго-

стила — уподчивала; повела купца въ кладовыя, даритъ его и златомъ, и серебромъ, и камнями самоцвѣтными. — «Ничего мнѣ не надобно; только подари золотой ларчикъ». — Бери себѣ на счастье! вѣдь, ты брата моего три года поилъ и кормилъ, съ голоду не уморилъ; а ради брата ничего мнѣ не жалко!» Вотъ пожилъ, попировалъ купецъ въ золотомъ царствѣ; пришло время разставаться, въ путь-дорогу отправляться. «Прощай, говоритъ ему орелъ: не поминай лихомъ, да смотри: не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься».

Пошелъ купецъ домой; долго ли, коротко ли шелъ онъ, приусталъ; и захотѣлось ему отдохнуть. Остановился на чужомъ лугу, на землѣ царя Некрещеного Лба[1]), смотрѣлъ, смотрѣлъ на золотой ларчикъ — не вытерпѣлъ и отомкнулъ. Только отперъ — откуда не возьмись: раскинулся передъ нимъ большой дворецъ, весь изукрашенный; появились слуги многіе: «Что угодно, чего надобно?» Купецъ, добрый молодецъ, наѣлся, напился и спать повалился. Увидалъ царь Некрещеный Лобъ, что стоитъ на его землѣ большой дворецъ, и посылаетъ пословъ: «Подите, разузнайте: что за невѣжа такой проявился, безъ спросу на моей землѣ дворецъ выстроилъ? Чтобъ сейчасъ убирался вонъ подобру — поздорову!» Какъ пришло къ купцу таково грозное слово, сталъ онъ думать да гадать, какъ бы собрать дворецъ въ ларчикъ по-прежнему; думалъ-думалъ — нѣтъ, ничего не подѣлаешь: «Радъ бы убираться, говоритъ онъ посламъ: да какъ? — и самъ не придумаю». Послы воротились и донесли про всё царю Некрещеному Лбу. «Пусть отдастъ мнѣ то, чего дома не вѣдаетъ; соберу ему дворецъ въ золотой ларчикъ». Дѣлать нечего, пообѣщалъ купецъ съ клятвою отдать то, чего дома не вѣдаетъ; а царь Некрещеный Лобъ тотчасъ собралъ дворецъ въ золотой ларчикъ. Взялъ купецъ золотой ларчикъ и пустился въ дорогу.

Долго ли, коротко ли, приходитъ домой; встрѣчаетъ его купчиха: «здравствуй, свѣтъ! гдѣ былъ-пропадалъ?» — «Ну, гдѣ былъ — тамъ теперь нѣту!» — «А намъ Господь безъ тебя сынка даровалъ». — «Вотъ я чего дома не вѣдалъ!» думаетъ купецъ, и крѣпко пріунылъ и пригорюнился. «Что съ тобой? али дому не радъ?» пристаетъ купчиха. «Не то!» говоритъ купецъ, и тутъ же разсказалъ ей про все, что съ нимъ было. Погоревали они, поплакали; да не вѣкъ же

---

[1]) Въ другомъ спискѣ, купецъ останавливается на берегу моря и вмѣсто царя Некрещенаго Лба заключаетъ договоръ съ Морскимъ (Водянымъ) царемъ.

и плакать. Раскрылъ купецъ свой золотой ларчикъ, и раскинулся передъ нимъ большой дворецъ, хитро изукрашенный, и сталъ онъ съ женою и сыномъ въ немъ поживать, добра наживать. Прошло лѣтъ съ десятокъ и больше того; выросъ купеческій сынъ, поумнѣлъ, похорошѣлъ и сталъ молодецъ — молодцомъ. Разъ поутру всталъ онъ невесело и говоритъ отцу: «батюшка! снился мнѣ нынѣшней ночью царь Некрещеный Лобъ, приказывалъ къ себѣ приходить, давно-де жду, пора и честь знать!». Прослезились отецъ съ матерью, дали ему свое родительское благословеніе, и отпустили на чужую сторону.

Идетъ онъ дорогою, идетъ широкою; идетъ полями чистыми, степями раздольными, и приходитъ въ дремучій лѣсъ. Пусто кругомъ, не видать души человѣческой; только стоитъ небольшая избушка одна-одинёхонька, къ лѣсу передомъ, къ Ивану-гостиному сыну задомъ. «Избушка, избушка!» говоритъ онъ: «повернись къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ». Избушка послушалась и повернулась къ лѣсу задомъ, а къ нему передомъ. Вошелъ въ избушку Иванъ-гостиный сынъ, а тамъ лежитъ баба-яга костяная нога, изъ угла въ уголъ... Увидала его баба-яга и говоритъ: «Доселева русскаго духа слыхомъ было не слыхать, видомъ не видать, а нынѣ русскій духъ въ очью проявляется! Отколь идешь, добрый молодецъ? и куда путь держишь?» — «Эхъ ты, старая вѣдьма! не накормила, не напоила прохожаго человѣка, да ужъ вѣстей спрашиваешь». Баба-яга поставила на столъ напитки и наѣдки разные, накормила его, напоила и спать уложала, а поутру ранёхонько будитъ и давай разспрашивать. Иванъ-гостиный сынъ разсказалъ ей всю подноготную, и проситъ: «Научи, бабушка, какъ до царя Некрещенаго Лба дойти». — «Ну, хорошо, что ты ко мнѣ зашелъ, а то не бывать бы тебѣ живому: царь Некрещеный Лобъ крѣпко на тебя сердитъ, что долго къ нему не являлся. Послушай же, ступай по этой тропинкѣ, и дойдешь до пруда, спрячься за дерево и выжидай время: прилетятъ туда три голубицы — красныя дѣвицы, дочери царскія; отвяжутъ свои крылышки, поснимаютъ платья и станутъ въ водѣ плескаться. У одной крылышки будутъ пёстренькія; вотъ ты улучи минуточку и захвати ихъ къ себѣ, и до тѣхъ поръ не отдавай, пока не согласится она пойти за тебя замужъ. Тогда все хорошо будетъ!». Попрощался Иванъ-гостиный сынъ съ бабою-ягою и пошелъ по указанной тропинкѣ

Шелъ, шелъ, увидалъ прудъ и спрятался за густое дерево. Немного спустя прилетѣли три голубицы, одна съ пестрыми крылышками, ударились о́ земь и обернулись красными дѣвицами, сняли свои крылышки, сняли свое платье, и начали купаться. И Иванъ-гостиный сынъ держитъ ухо остро̀, подползъ потихоньку и утащилъ пёстрыя крылышки. Смотритъ, что-то будетъ! Выкупались красныя дѣвицы, вышли изъ воды; двѣ тотчасъ же нарядились, прицѣпили свои крылышки, обернулись голубицами и улетѣли, а третья осталась пропажи искать. Ищетъ, сама приговариваетъ: «Скажись, отзовись, кто взялъ мои крылышки; если старый старичекъ — будь мнѣ батюшкой, если среднихъ лѣтъ — милымъ дядюшкой, если-жъ добрый молодецъ — пойду за него замужъ». Иванъ-гостиный сынъ вышелъ изъ-за дерева: «Вотъ твои крылышки!» — «Ну, скажи теперь, добрый молодецъ, нареченный мужъ: какого ты роду-племени и куда путь держишь?» «Я — Иванъ-гостиный сынъ, а путь держу къ твоему батюшкѣ, царю Некрещеному Лбу». — «А меня зовутъ Василиса-Премудрая». А была Василиса-Премудрая любимая дочь у царя; и умомъ и красотой взяла! Указала она жениху своему дорогу къ царю Некрещеному Лбу, вспорхнула голубицею и полетѣла вслѣдъ за сестрами.

Пришелъ Иванъ-гостиный сынъ къ царю Некрещеному Лбу, заставилъ его царь на кухнѣ служить, дрова рубить, воду таскать. Не взлюбилъ его поваръ Чумичка, сталъ на него царю наговаривать: «Ваше царское величество, Иванъ-гостиный сынъ похваляется, что можетъ онъ за единую ночь вырубить большой дремучій лѣсъ, бревна въ кучи скласть, коренья повыкопать, а землю вспахать и засѣять пшеницею, ту пшеницу сжать, смолотить и въ муку смолоть; изъ этой муки пироговъ напечь, вашему величеству на завтракъ поднесть». — «Хорошо», говоритъ царь, «позвать его ко мнѣ!» Явился Иванъ-гостиный сынъ. «Что ты тамъ похваляешься, что за единую ночь можешь вырубить дремучій лѣсъ, землю вспахать — словно поле чистое, и засѣять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и въ муку обратить; изъ той муки пироговъ напечь, мнѣ на завтракъ поднесть? Смотри же, чтобъ къ утру все было готово: не то — мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Сколько ни отпирался Иванъ-гостиный сынъ, ничего не помогло; приказъ данъ — надо исполнять. Идетъ онъ отъ царя, и буйну голову свою повѣсилъ съ горя. Увидала его царская дочь Василиса-Премудрая

и спрашиваетъ: «Что такъ пригорюнился?» — «Что тебѣ и говорить! вѣдь, ты моему горю не пособишь?» — «Почемъ знать, можетъ и пособлю!» Разсказалъ ей Иванъ-гостиный сынъ, какую службу приказалъ ему царь Некрещеный Лобъ. «Ну, это что за служба! это — службишка, служба будетъ впереди! Ступай, Богу молись да ложись спать; утро вечера мудренѣе, къ утру все будетъ сдѣлано». Равно въ полночь вышла Василиса-Премудрая на крыльцо, закричала зычнымъ голосомъ — и въ минуту сбѣжались со всѣхъ сторонъ работники: видимо-невидимо ихъ! Кто деревья валитъ, кто коренья копаетъ, а кто землю пашетъ; въ одномъ мѣстѣ сѣютъ, а въ другомъ уже жнутъ и молотятъ! Пошла пыль столбомъ; а къ разсвѣту ужъ зерно смолото и пироги напечены. Понесъ Иванъ-гостиный сынъ пироги на завтракъ царю Некрещеному Лбу. «Молодецъ!» сказалъ царь, и велѣлъ наградить его изъ своей царской казны. Поваръ Чумичка пуще прежняго озлобился на Ивана-гостинаго сына; сталъ опять наговаривать: «Ваше царское величество! Иванъ-гостиный сынъ похваляется, что можетъ за единую ночь сдѣлать такой корабль, что будетъ летать по поднебесью». — Хорошо, позвать его сюда!» Позвали Ивана-гостинаго сына. «Что ты слугамъ моимъ похваляешься, что можешь за единую ночь сдѣлать чудесный корабль, и тотъ корабль будетъ летать по поднебесью; а мнѣ ничего не сказываешь? Смотри же, у меня чтобъ къ утру все поспѣло; не то — мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» Иванъ-гостиный сынъ повѣсилъ съ горя свою буйную голову ниже могучихъ плечъ, идетъ отъ царя самъ не свой. Увидала его Василиса-Премудрая; «О чемъ пригорюнился, о чемъ запечалился?» — «Какъ мнѣ не печалиться? Приказалъ Некрещеный Лобъ построить за единую ночь корабль-самолётъ». — «Это что за служба! это — службишка, служба будетъ впереди! Ступай, Богу молись да спать ложись; утро вечера мудренѣе, къ утру все будетъ сдѣлано». Въ полночь вышла Василиса-Премудрая на красное крыльцо, закричала зычнымъ голосомъ — и въ минуту сбѣжались со всѣхъ сторонъ плотники. Принялись топорами постукивать; живо работа кипитъ! Къ утру совсѣмъ готово! «Молодецъ! сказалъ царь Ивану-гостиному сыну: поѣдемъ теперь кататься». Сѣли вдвоемъ, да третьяго прихватили съ собой повара Чумичку, и полетѣли по поднебесью. Пролетаютъ они надъ звѣринымъ дворомъ; нагнулся поваръ внизъ посмотрѣть, а Иванъ-гости-

ный сынъ тѣмъ временемъ взялъ и столкнулъ его съ корабля. Лютые звѣри тотчасъ разорвали его на мелкія части. «Ахъ» кричитъ Иванъ-гостиный сынъ: «Чумичка свалился».— «Чортъ съ нимъ», сказалъ царь Некрещеный Лобъ: «собакѣ собачья и смерть!» Воротились во дворецъ. «Хитёръ ты Иванъ-гостиный сынъ!» говоритъ царь. «Вотъ тебѣ третья задача: объѣзди мнѣ неѣзжалаго жеребца, чтобы могъ подъ верхомъ ходить. Объѣздишь жеребца—отдамъ за тебя замужъ дочь мою, а не то—мой мечъ, твоя голова съ плечъ!» «Ну, это работа легкая!» думаетъ Иванъ гостиный сынъ; идетъ отъ царя, самъ усмѣхается. Увидала его Василиса-Премудрая, разспросила про все, и говоритъ: «Не умёнъ ты, Иванъ-гостиный сынъ! теперь задана тебѣ служба трудная, работа нелегкая: вѣдь, жеребецъ-то будетъ самъ царь Некрещеный Лобъ; понесетъ онъ тебя по поднебесью выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго, и размычетъ всѣ твои косточки по чистому полю. Ступай скорѣе къ кузнецамъ, закажи, чтобъ сдѣлали тебѣ желѣзной молотъ пуда въ три; а какъ сядешь на жеребца, покрѣпче держись да желѣзнымъ молотомъ по головѣ осаживай». На другой день вывели конюхи жеребца неѣзжалаго: еле держутъ его: храпитъ, рвется, на дыбы становится! Только сѣлъ на него Иванъ-гостиный сынъ, поднялся жеребецъ выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго, и полетѣлъ по поднебесью быстрѣй сильнаго вѣтра. А ѣздокъ крѣпко держится, да все молоткомъ по головѣ его осаживаетъ. Выбился жеребецъ изъ силъ и опустился на сыру землю; Иванъ-гостиный сынъ отдалъ жеребца конюхамъ, а самъ отдохнулъ и пошелъ во дворецъ. Встрѣчаетъ его царь Некрещеный Лобъ съ завязаной головою. «Объѣздилъ коня, ваше величество!»—«Хорошо, приходи завтра невѣсту выбирать, а нынѣ у меня голова болитъ».

Поутру говоритъ Ивану-гостиному сыну Василиса-Премудрая: «Насъ у батюшки три сестры: обернетъ онъ насъ кобылицами и заставитъ тебя выбирать невѣсту. Смотри, примѣчай: на моей уздечкѣ одна блесточка потускнѣетъ. Потомъ выпуститъ насъ голубицами; сестры будутъ тихонько гречиху клевать, а я нѣтъ-нѣтъ, да взмахну крылышкомъ. Въ третій разъ выведетъ насъ дѣвицами—одна въ одну лицомъ, и ростомъ, и волосомъ; я нарочно платочкомъ махну, по тому меня узнавай.» Какъ сказано, вывелъ царь Некрещеный Лобъ трехъ кобылицъ—одну въ одну, и поста-

вилъ въ рядъ. «Выбирай за себя любую!» Иванъ гостиный сынъ зорко оглянулъ; видитъ — на одной уздечкѣ блёсточка потускнѣла, схватилъ за ту уздечку, и говоритъ: «Вотъ моя невѣста!» — «Дурную берешь! Можно и получше выбрать» «Ничего, мнѣ и эта хороша!» — «Выбирай въ другой разъ» Выпустилъ царь трехъ голубицъ — перо въ перо, и насыпалъ имъ гречихи; Иванъ-гостиный сынъ запримѣтилъ, что одна все крылышкомъ потряхиваетъ, схватилъ ее за крыло: «Вотъ моя невѣста!» — «Не тотъ кусъ хватаешь; скоро подавишься. Выбирай въ третій разъ». Вывелъ царь трехъ ифайнн — одна въ одну и лицомъ, и ростомъ, и волосомъ. Иванъ-гостиный сынъ увидалъ, что одна платочкомъ махнула, схватилъ ее за руку: «Вотъ моя невѣста!» Дѣлать было нечего, отдалъ за него царь Некрещеный Лобъ Василису-Премудрую, и сыграли свадьбу веселую.

Ни мало, ни много прошло времени, задумалъ Иванъ-гостиный сынъ бѣжать съ Василисой-Премудрою въ свою землю. Осѣдлали они коней и уѣхали темною ночью. Поутру хватился царь Некрещеный Лобъ и послалъ за ними погоню. «Припади къ сырой землѣ», говоритъ Василиса-Премудрая мужу: «не услышишь ли чего?» Онъ припалъ къ сырой землѣ, послушалъ и отвѣчаетъ: «Слышу конское ржаніе!» Василиса Премудрая сдѣлала его огородомъ, а себя кочномъ капусты. Воротилась погоня къ царю съ пустыми руками: «Ваше царское величество! не видать ничего въ чистомъ полѣ, только и видѣли одинъ огородъ, а въ томъ огородѣ кочанъ капусты». — «Поѣзжайте, привезите мнѣ тотъ кочанъ капусты: вѣдь, это они умудряются!» Опять поскакала погоня, опять Иванъ-гостиный сынъ припалъ къ сырой землѣ: «Слышу, говоритъ, конское ржаніе!» Василиса Премудрая сдѣлалась колодцемъ, а его обратила яснымъ соколомъ; сидитъ соколъ на срубѣ да пьетъ воду. Пріѣхала погоня къ колодцу — нѣтъ дальше дороги! и поворотила назадъ. «Ваше царское величество! не видать ничего въ чистомъ полѣ; только и видѣли одинъ колодецъ, изъ того колодца ясный соколъ воду пьетъ». Поскакалъ догонять самъ царь Некрещеный Лобъ. «Припади-ка къ сырой землѣ, не услышишь ли чего?» говоритъ Василиса Премудрая своему мужу. — «Охъ, стучитъ-гремитъ пуще прежняго!» — «То отецъ за нами гонится! Не знаю, не придумаю, что дѣлать! — «Я и поготово не вѣдаю!» Были у Василисы Премудрой три вещи: щетка, гребенка и полотенце; вспо-

мнила про нихъ и говоритъ: «Еще Богъ милостивъ! есть у меня оборона отъ царя Некрещенаго Лба!» Махнула назадъ щеткою и сдѣлался большой дремучій лѣсъ: руки не просунешь, а кругомъ въ три года не обойдешь! Вотъ царь Некрещеный Лобъ грызъ-грызъ дремучій лѣсъ, проложилъ себѣ тропочку, пробился и опять въ погоню. Близко нагоняетъ, только рукой схватить; Василиса Премудрая махнула назадъ гребенкою — и сдѣлалась большая-большая гора; ни пройти, ни проѣхать! Царь Некрещеный Лобъ копалъ-копалъ гору, проложилъ тропочку, и опять погнался за ними. Тутъ Василиса Премудрая махнула назадъ полотенцемъ — и сдѣлалось великое море. Царь прискакалъ къ морю, видитъ, что дорога заставлена, и поворотилъ домой.

Сталъ подходить Иванъ-гостиный сынъ съ Василисою Премудрою къ своей землѣ и сказываетъ ей: «Я впередъ пойду, извѣщу о тебѣ отца съ матерью, а ты меня здѣсь подожди». — «Смотри же», говоритъ ему Василиса Премудрая: «какъ пойдешь домой, съ всѣми цѣлуйся; не цѣлуйся только съ своей крестной матерью, а то меня позабудешь!» Иванъ-гостиный сынъ воротился домой, всѣхъ перецѣловалъ на радостяхъ, поцѣловалъ и крестную мать, да и забылъ про Василису Премудрую. Стоитъ она, бѣдная, на дорогѣ; дожидается; ждала-ждала — нейдетъ за ней Иванъ-гостиный сынъ; пошла въ городъ и нанялась въ работницы къ одной старушкѣ. А Иванъ гостиный-сынъ задумалъ жениться, сосваталъ себѣ невѣсту и затѣялъ пиръ на весь міръ. Василиса Премудрая узнала про то, нарядилась нищенкой и пошла на купеческій дворъ просить милостинку. «Погоди», говоритъ купчиха: «я тебѣ маленькій пирожокъ испеку; отъ большого рѣзать не стану». — «И за то спасибо, матушка!» Только большой пирогъ пригорѣлъ, а маленькій хорошъ вышелъ. Купчиха отдала ей горѣлый пирогъ, а маленькой за столъ подала. Разрѣзали тотъ пирожокъ — и тотчасъ вылетѣли изъ него два голубя. «Поцѣлуй меня», говоритъ голубь голубкѣ. — «Нѣтъ, ты меня забудешь, какъ забылъ Иванъ гостиный сынъ Василису Премудрую!» И въ другой, и въ третій разъ говоритъ голубь голубкѣ: «Поцѣлуй меня!» — «Нѣтъ, ты меня забудешь, какъ забылъ Иванъ-гостиный сынъ Василису Премудрую». Опомнился Иванъ-гостиный сынъ, узналъ, — кто такая нищенка, и говоритъ отцу, матери и гостямъ: «Вотъ моя жена!» — «Ну, коли есть у тебя жена, такъ и живи съ нею!» Новую невѣсту богато одарили

и домой отпустили; а Иванъ-гостиный сынъ съ Василисою Премудрою стали жить поживать, да добра наживать, лиха избывать.

---

7. Гадючья каша.

Ѣхалъ чумакъ съ наймитомъ; остановились на попа̀съ и развели огонь. Чумакъ отошелъ въ сторону, свистнулъ — и сползлась къ нему цѣлая куча гаду; набравши гадюкъ, онъ вкинулъ ихъ въ котелокъ, и началъ варить. Когда вода закипѣла, чумакъ слилъ ее на-земь, слилъ и другую воду и уже въ третью всыпалъ пшена. Приготовилъ кашу, поѣлъ ее и велѣлъ наймиту вымыть котелъ и ложку. «Да смотри, говоритъ, не отвѣдывай моей каши!» Наймитъ не утерпѣлъ, наскребъ полную ложку гадючьей каши и съѣлъ. Чудно ему стало! видитъ и слышитъ онъ, что всякая трава на степи колышется, одна къ другой наклоняются и шепчутъ: «Я отъ такой-то болѣзни!» — «А у меня такая-то сила!» Сталъ подходить къ возу, а волы говорятъ межъ собою: «Вотъ идетъ закладать насъ въ ярмо». Ѣдучи степью, услыхалъ наймитъ, отъ какой болѣсти помогаетъ бодякъ, и разсмѣялся, потомъ подслушалъ разговоръ кобылы съ жеребцомъ и опять засмѣялся. Примѣтилъ то чумакъ. «Э, сучій сынъ! яжъ не велѣлъ тебѣ коштовать моей каши!» Всталъ съ воза, вырвалъ стебель чернобыли, облупилъ его и говоритъ: «На, съѣшь!» Наймитъ съѣлъ и перестал слышать, что говорятъ травы, и понимать языкъ животныхъ. Оттого-то чернобыль зовется на Украйнѣ «забудьками».

---

8. Лихо одноглазое[1]).

Жилъ одинъ кузнецъ. «Что говоритъ, я горя никакого не видалъ? Говорятъ, лихо на свѣтѣ есть. Пойду, поищу себѣ лиха». Взялъ и пошелъ; выпилъ хорошенько и пошелъ искать лиха. Навстрѣчу ему портной. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Куда идешь?» — «Что, братъ, всѣ говорятъ, лихо на свѣтѣ есть. Я никакого лиха не видалъ. Иду искать». — «Пойдемъ вмѣстѣ, и я хорошо живу и не видалъ лиха. Пойдемъ-поищемъ». Вотъ они шли-шли, зашли въ лѣсъ густый, темный. Нашли маленькую дорожку: пошли

[1]) Рѣзко бросается въ глаза сходство сказки съ греческимъ преданіемъ о Полифемѣ, которое нашло себѣ мѣсто въ Одиссеѣ.

по ней, по узенькой дорожкѣ. Шли-шли по этой дорожкѣ — видятъ, изба стоитъ большая. Ночь — некуда итти. «Сёмъ», говорятъ, «зайдемъ въ эту избу». Вошли, никого тамъ нѣту, пусто, нехорошо. Сѣли себѣ и сидятъ. Вотъ и идетъ высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А, говоритъ, у меня гости! здравствуйте!» — «Здравствуй, бабушка, мы пришли ночевать къ тебѣ». — «Ну, хорошо, будетъ что поужинать мнѣ». Они перепугались. Вотъ она беремя дровъ большое принесла; принесла берёмя дровъ, поклала въ печку, затопила. Подошла къ нимъ, взяла одного портного и зарѣзала, посадила въ печку и убрала. Кузнецъ сидитъ и думаетъ: «Что дѣлать? какъ быть?» Она взяла-поужинала. Кузнецъ смотритъ въ печку и говоритъ: «Бабушка, я кузнецъ».—«Что умѣешь дѣлать-ковать?»—«Да я все умѣю».— «Скуй мнѣ глазъ». — «Хорошо, говоритъ, да есть ли у тебя веревка? надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебѣ вковалъ глазъ». Она пошла, принесла двѣ веревки: одну потоньше, а другую толще. Вотъ онъ связалъ ее одной, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала веревку. «Ну, говоритъ: нѣтъ, бабушка, эта не годится!» Взялъ онъ толстую веревку, да этой веревкой скрутилъ ее хорошенько. «Повернись-ка, бабушка!» Вотъ она повернулась — не порвала. Вотъ онъ взялъ шило, разжегъ его, наставилъ на глазъ-то ей, на здоровый, взялъ топоръ, да обухомъ какъ вдаритъ по шилу; она какъ повернется, и разорвала веревку, да и сѣла на порогѣ. «А, злодѣй, теперича не уйдешь отъ меня». Онъ видитъ, что опять лихо ему; сидитъ, думаетъ: что дѣлать? Потомъ пришли съ поля овцы; она загнала овецъ въ свою избу ночевать. Вотъ кузнецъ ночевалъ ночь. Поутру стала она овецъ выпускать; онъ взялъ шубу да повернулъ шерстью вверхъ, да въ рукава-то надѣлъ, и подползъ къ ней, какъ овечка. Она все по одной выпускала; какъ хватитъ за спинку, такъ и выкинетъ её. И онъ подползъ. Она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его; онъ всталъ и говоритъ: «Прощай, Лихо! натерпѣлся я отъ тебя лиха; теперь ничего не сдѣлаешь». Она говоритъ: «Постой! еще натерпишься: ты не ушелъ!»

И пошелъ кузнецъ опять въ лѣсъ по узенькой тропинкѣ. Смотритъ — въ деревѣ топорикъ съ золотой ручкой; захотѣлъ себѣ взять. Вотъ онъ взялся за этотъ топорикъ, рука и пристала къ нему. Что дѣлать? никакъ не оторвешь. Огля-

нулся назадъ — идетъ къ нему Лихо и кричитъ: «Вотъ ты, злодѣй, и не ушелъ!» Кузнецъ вынулъ ножичекъ, въ карманѣ у него былъ, и давай эту руку пилить. Отрѣзалъ ее и ушелъ. Пришелъ въ свою деревню, и началъ показывать руку, что теперь видѣлъ лихо. «Вотъ, говоритъ, посмотрите, каково оно; я, говоритъ, безъ руки, а товарища моего совсѣмъ съѣло» Тутъ и сказкѣ конецъ.

---

9. Неосторожное слово.

Одинъ молодой промышленникъ остался зимовать на Грумантѣ[1]). Каждый вечеръ ложился онъ въ своей гальётѣ[2]) и игралъ въ гусли, и какъ только заиграетъ — слышно было, что кто-то невидимый предъ нимъ пляшетъ — только платье шумитъ. Захотѣлось ему увидать, кто такой пляшетъ. Однако что ни дѣлалъ, какъ ни ухитрялся — все даромъ. Разсказалъ про это диво своему товарищу: «Эхъ пріятель!» сказалъ ему товарищъ: «да ты возьми сальную свѣчку, зажги и накрой ее черепкомъ, а самъ лягъ на койку и заиграй въ гусли; коли опять невидимка плясать станетъ, — ты въ ту жъ минуту открой свѣчку: ну, тогда и увидишь, кто пляшетъ». Парень поблагодарилъ товарища за совѣтъ, вечеромъ пошелъ на гальёту и какъ сказано, такъ и сдѣлалъ: взялъ свѣчку, зажегъ и покрылъ черепкомъ, а самъ заигралъ въ гусли. Прислушался — опять кто-то пляшетъ подъ его музыку, только платье шумитъ. Открылъ огонь, а передъ нимъ дѣвица красоты неописанной. «Ну, добрый молодецъ», сказала она: «догадался ты меня подсмотрѣть, буду жъ я тебя любить по правдѣ». Съ той самой поры зачала она къ нему ходить каждый вечеръ, и жили они въ любви цѣлыхъ три года. Подъ конецъ третьяго года говоритъ парню дѣвица: «Ну, милый другъ, не долго осталося намъ съ тобою въ любви жить: приходитъ время совсѣмъ разставаться». — «Отчего такъ?» «Да вишь, отдаютъ меня замужъ въ Питеръ, подъ Калиновый мостъ, — за чорта». — «Какъ за чорта? Тебѣ что за дѣло до нечистой силы? Али ты сама такая же чертовка?» — «Нѣтъ, я родилась въ большомъ, славномъ городѣ; отецъ былъ у меня богатый купецъ, а попала я къ нечистымъ оттого, что отецъ меня проклялъ.

---

[1]) Островъ Шпицбергенъ.
[2]) Морское судно (галіотъ).

Какъ была я малыхъ лѣтъ, подавала ему въ одинъ жаркій день стаканъ меду, да нечаянно и уронила стаканъ на полъ; отецъ осерчалъ, крикнулъ на меня: «Экая дурища безрукая! хоть бы чертъ тебя взялъ!» Только вымолвилъ онъ это слово, въ ту жъ минуту очутилась я въ морской глубинѣ, въ каменномъ домѣ, у чертей подъ началомъ». Попрощалась красная дѣвица съ парнемъ и даетъ ему ширинку узорчатую. «Возьми», говоритъ: «сама вышивала; когда станешь ты по мнѣ скучать, найдетъ на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебѣ веселѣй будетъ». Остался добрый молодецъ одинъ, и какъ только ему придетъ на мысли прежняя любовь, тяжко ему сдѣлается, хоть руки на себя наложи! — возьметъ онъ ширинку, взглянетъ и тоска пройдетъ. Протекло съ годъ времени. Сказалъ онъ про ту ширинку своему товарищу, а тотъ и укралъ ее. Съ этой самой поры началъ парень тосковать, да съ горя запоемъ пить, и до того дошелъ, что совсѣмъ пропился. «Пойду,» говоритъ, «въ Питеръ, на Калиновый мостъ, и брошусь въ воду: за одно пропадать!» Пришелъ на Калиновый мостъ и бросился въ воду. Въ ту жъ минуту очутился онъ въ подводномъ царствѣ. Кругомъ зеленыя поля, сады и рощи. Идетъ дальше — стоитъ большой каменный домъ, въ окно смотритъ купеческая дочь; увидала его и кричитъ: «Эй, милый, приворачивай сюда, я здѣсь живу». Выбѣжала къ нему навстрѣчу: «Здравствуй, голубчикъ! давно тебя не видала; ужъ и видѣть-то не чаяла». Начала его цѣловать — миловать, всякими закусками и напитками угощать, а послѣ спрятала его въ особую горницу, и говоритъ: «Скоро мой мужъ придетъ, и громкимъ голосомъ закричитъ: «Русакъ, зачѣмъ пришелъ?» Ты разъ промолчи и въ другой промолчи, а какъ въ третій разъ вскричитъ, ты ему отвѣчай: «А что въ зыбкѣ у тебя — то мое». Онъ станетъ тебѣ за ребенка давать сто рублевъ — ты молчи; станетъ давать двѣсти, — все молчи. А какъ закричитъ съ сердца: «Что, русакъ, молчишь? возьми триста рублевъ». Тутъ ты и скажи: «Кабы жару кулекъ, я бы взялъ». — Только успѣли разговоръ покончить, какъ пришелъ нечистый и громко закричалъ: «Русакъ, зачѣмъ пришелъ?» Парень молчитъ. Нечистый въ другой разъ еще громче закричалъ — тотъ все молчитъ; а на третій спросъ говоритъ: «Что въ зыбкѣ у тебя — то мое; хочу съ собой унести». — «Не уноси, братъ, возьми сто рублевъ». Русакъ молчитъ. «Возьми двѣсти!» Опять молчитъ. Нечистый осерчалъ: «Что жъ ты молчишь?

хочешь триста рублевъ?» — «Нѣтъ, не хочу; кабы жару кулёкъ, я бы взялъ, и то съ такимъ уговоромъ, чтобы ты меня съ тѣмъ кулькомъ на Русь вынесъ». Чортъ тотчасъ принесъ кулёкъ жару, посадилъ парня къ себѣ на плечи и говоритъ ему: «Закрой глаза». Парень закрылъ глаза, и нечистый вихремъ вынесъ его на святую Русь: очутился добрый молодецъ опять на Калиновомъ мосту, а подлѣ него кулекъ съ золотомъ. Вотъ такъ-то разбогатѣлъ онъ. А кабы польстился онъ на деньги, чортъ навѣрно обманулъ бы его: вмѣсто золота насыпалъ бы конскаго помету и всякой дряни.

---

10. Набитый дуракъ.

Въ одной семьѣ жилъ-былъ дуракъ набитый, и, бывало, нѣтъ того дня, чтобъ на него не жаловались люди: либо кого словомъ обидитъ, либо кого прибьетъ. Мать сжалилась надъ дуракомъ, стала смотрѣть за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ. Бывало, куда дуракъ срядится итти, мать съ полчаса ему толкуетъ: «Ты такъ-то, дитятко, дѣлай и такъ-то». Вотъ однажды пошелъ дуракъ мимо гуменъ и увидалъ, молотятъ горохъ, и закричалъ: «Молотить вамъ три дня и намолотить три зерна». Мужики его за такія слова прибили цѣпами. Пришелъ дуракъ къ матери и вопитъ: «Матушка, матушка! нынѣ били хохла, колотили хохла!» — «Тебя что ль, дитятко?» — «Да!» — «За что?» — «Вотъ я шелъ мимо Дормидошкинова гумна, а на гумнѣ молотили горохъ его семейные»... — «Ты что же, дитятко?» — «Да я имъ прогутарилъ: молотить вамъ три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили». — «Охъ! дитятко! ты бы сказалъ имъ: «Возить вамъ — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дуракъ, пошелъ на другой день по селу. Вотъ навстрѣчу ему несутъ упокойника. Дуракъ, помня вчерашнее наставленіе, зашумѣлъ въ превеликій голосъ: «Носить вамъ — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули его. Дуракъ воротился къ матери и разсказалъ ей, за что его прибили. — «Ты бы, дитятко, сказалъ имъ: канунъ да ладанъ!» Такія слова глубоко пали дураку въ умъ-разумъ. На другой день опять пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ свадьба и ѣдетъ ему навстрѣчу. Дуракъ откашлялся, закричалъ, какъ только свадьба съ нимъ поравнялась: «Канунъ да ладанъ!» Пьяные

мужики соскочили съ телѣги и прибили его жестоко. Дуракъ пошелъ домой, кричитъ: «Охъ, мать моя родная, какъ больно прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дуракъ разсказалъ ей, за что прибили. Мать сказала «Ты бы, дитятко, поигралъ: да поплясалъ имъ». — «Спасибо тебѣ, матушка моя!» И ушелъ опять на село да взялъ съ собою дудочку. Вотъ въ концѣ села занялся (загорѣлся) овинъ у мужика. Дуракъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ туда; забѣжалъ противъ овина и ну плясать да играть въ свою дудочку. И тутъ дурака отколотили. Онъ опять пришелъ къ матери со слезами и разсказалъ, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты бы, дитятко, взялъ воды, да заливалъ съ ними». Черезъ три дня, какъ зажили у дурака бока, пошелъ онъ бродить по селу. Вотъ увидалъ онъ: мужикъ свинью палитъ. Дуракъ схватилъ мимо шедшей бабы съ коромысла ведро съ водою, побѣжалъ туда и началъ заливать огонь. И тутъ дурака порядкомъ поколотили. Опять воротился онъ къ матери и разсказалъ, за что его били. Мать заклялась пускать его по слободѣ, и съ тѣхъ поръ дуракъ и понынѣ, кромѣ двора своего, никуда не выходитъ.

---

11. Вороватый мужикъ.

Жила-была старуха; у ней было два сына: одинъ-то померъ, а другой въ дальнюю сторону уѣхалъ. Дня три спустя, какъ уѣхалъ сынъ, приходитъ къ ней солдатъ и просится: «Бабушка, пусти ночевать!» — «Иди, родимый, да ты откудова?» — «Я, бабушка, Никонецъ — съ того свѣту выходецъ». — «Ахъ, золотой мой, у меня сыночекъ померъ; не видалъ ли ты его?» — «Какъ же, видѣлъ — мы съ нимъ въ одной горницѣ жили». — «Что ты!» — «Онъ, бабушка, на томъ свѣтѣ журавлей пасетъ». — «Ахъ, родненькой! чай, онъ съ ними замаялся?» — «Еще какъ замаялся! Вѣдь, журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродятъ». — «Чай онъ обносился?» — «Еще какъ обносился-то: совсѣмъ въ лохмотьяхъ». — «Есть у меня, родимый, аршинъ сорокъ холста, да рублевъ съ десятокъ денегъ; отнеси къ сыну». — «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли — пріѣзжаетъ сынъ. «Здравствуй, матушка!» — «А ко мнѣ безъ тебя приходилъ Никонецъ, съ того свѣту выходецъ; про покойнаго сынка сказывалъ; они вмѣстѣ въ одной горницѣ жили. Я услала съ нимъ туда холстикъ да десять рублевъ денегъ». — «Коли такъ,

говоритъ сынъ, прощай, матушка! я поѣду по вольному свѣту — когда найду дураковатѣе тебя, буду тебя и поить, и кормить; а не найду — со двора спихну». Повернулся и пошелъ въ путь-дорогу.

Приходитъ въ господскую деревню, остановился возлѣ барскаго двора, а на дворѣ ходитъ свинья съ поросятами. Вотъ мужикъ сталъ на колѣни и кланяется свиньѣ въ землю. Увидала то изъ окна барыня и говоритъ дѣвкѣ: «Ступай, спроси, чего мужикъ кланяется». Спрашиваетъ дѣвка: «Мужичокъ! чего ты на колѣняхъ стоишь, да свиньѣ поклоны бьешь?» — «Матушка, доложи барынькѣ, что свинья-то ваша пестра — моей женѣ сестра, а у меня сынъ завтра женится — такъ на свадьбу прошу: не отпуститъ ли свинью въ свахи, а поросятъ въ поѣздъ?» «Барыня,какъ выслушала эти рѣчи, и говоритъ дѣвкѣ: «Какой дуракъ! проситъ свинью на свадьбу, да еще съ поросятами. Ну что жъ, пусть съ него люди посмѣются: наряди поскорѣе свинью въ мою шубу, да вели запречь въ повозку пару лошадей; пусть не пѣшкомъ идетъ на свадьбу». Запрягли повозку, посадили въ нее наряжену свинью съ поросятами и отдали мужику. Онъ сѣлъ и поѣхалъ назадъ. Вотъ воротился домой баринъ, а онъ былъ въ то время на охотѣ. Барыня его встрѣчаетъ, сама со смѣху помираетъ: «Ахъ! душечка, не было тебя, не съ кѣмъ было посмѣяться. Былъ здѣсь мужичекъ, кланялся нашей свиньѣ: ваша свинья, говоритъ, пестра — моей женѣ сестра; и просилъ ее къ своему сыну въ свахи, а поросятъ въ поѣзжане». — «Я знаю», говоритъ баринъ: «ты ее отдала». — «Отпустила, душенька! нарядила въ свою шубу и дала повозку съ парой лошадей». — «Да откуда мужикъ-то?» — «Не знаю, голубчикъ». — «Это выходитъ не мужикъ — дуракъ, а ты — дура!» Разсердился баринъ, что жену обманули; выбѣжалъ изъ хоромъ, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ погоню. Слышитъ мужикъ, что баринъ его нагоняетъ, завелъ лошадей съ повозкою въ густой лѣсъ, а самъ снялъ съ головы шляпу, опрокинулъ на земь и сѣлъ возлѣ. «Эй ты, борода!» закричалъ баринъ: «не видалъ ли, не проѣхалъ ли здѣсь мужикъ на парѣ лошадей? Еще у него свинья съ поросятами въ повозкѣ». — «Какъ не видать, ужъ онъ давно проѣхалъ». — «Въ какую сторону? какъ бы мнѣ его догнать?» — «Догнать — не устать, да повертокъ много: того и смотри заплутаешься; тебѣ, чай, дороги не вѣдомы!» — «Поѣзжай братецъ, ты; поймай мнѣ этого му-

жика!» — «Нѣтъ, баринъ, мнѣ никакъ нельзя; у меня подъ шляпою соколъ сидитъ». — «Ничего, я постерегу твоего сокола». — «Смотри; еще выпустишь! птица дорогая! меня хозяинъ тогда со свѣту сживетъ». — «А что она стоитъ?» — «Да рублевъ триста будетъ». — «Ну, коли упущу, такъ заплачу!» — «Нѣтъ, баринъ, хоть теперь ты сулишь, а что послѣ будетъ, не вѣдаю». — «Экой невѣра! ну вотъ тебѣ триста рублевъ про всякій случай». Мужикъ взялъ деньги, сѣлъ на виноходца и поскакалъ въ лѣсъ, а баринъ остался пустую шляпу караулить. Долго ждалъ баринъ; ужъ и солнышко закатывается, а мужика нѣтъ, какъ нѣтъ. «Постой, посмотрю; есть ли подъ шляпою соколъ; коли есть, такъ пріѣдетъ, а коли нѣтъ, такъ и ждать нечего». Поднялъ шляпу, а сокола и не бывало. «Экой мерзавецъ! вѣдь, навѣрно, это былъ тотъ самый мужикъ, что барыню обманулъ». Плюнулъ съ досады баринъ и поплелся къ женѣ, а мужикъ ужъ давно дома. «Ну, матушка», говоритъ старухѣ: «живи у меня; есть на свѣтѣ и тебя дурашливѣе: вотъ ни за что, ни про что дали тройку лошадей съ повозкой, триста рублевъ денегъ да свинью съ поросятами».

---

12. Разсказы объ инородцахъ[1]).

1. Цыганъ разбилъ палатку возлѣ озера. Лежитъ на берегу ровно три дня, да все въ воду смотритъ, какъ рыба въ озерѣ гуляетъ: гуляетъ-то она гуляетъ, да цыгану въ ротъ не попадаетъ. Глядь пріѣхалъ чумакъ на быкахъ степь орать, развелъ огонь и началъ кашицу варить. Вотъ цыганъ и думаетъ думку, какъ бы ухитриться — у чумака около котла поживиться. Приходитъ къ нему: «Здравствуй,

[1]) Въ этихъ разсказахъ о встрѣчахъ великорусса съ малороссомъ («хохломъ»), цыганомъ, евреемъ, татариномъ и т. д. характеренъ торжествующій тонъ господствующей народности, которая сознаетъ свое превосходство въ духовномъ отношеніи; изъ самыхъ разсказовъ, однако, видно, что это превосходство состоитъ обыкновенно въ большей бойкости, изворотливости и умѣньи лучше обмануть. Повсюду, гдѣ сталкиваются различные этнографическіе элементы, ходятъ подобные грубоватые разсказы — остатки старой племенной отчужденности и вражды; они исчезаютъ по мѣрѣ культурнаго развитія народа и тѣснаго сліянія его составныхъ частей. Подобное отношеніе у насъ въ старину шло еще дальше — въ глубь самого великорусскаго племени; объ этомъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія до нашихъ дней, хотя въ ослабленномъ и полузабытомъ, видѣ, насмѣшливыя и бранныя клички, прозвища и намёки, которыми дразнили и отчасти до сихъ поръ дразнятъ другъ друга отдѣльныя области, города, села или ихъ части (Разсказы о пошехонцахъ). Живучесть подобныхъ вещей въ народной памяти — показатель медленности культурнаго развитія страны.

батинька!» — «Здоровъ бувъ, цыганъ!» — «А что, батинька, мнѣ ужасно тошнитъ съ постнаго». — «Что такъ?» — «Да завсегда вижу рыбу въ глазахъ. Ѣшь — не хочу: больно прискучила. А ты что ѣшь, батинька?» — «Да сало». — «Давай же другъ съ дружкою подѣлимся: ты мнѣ хоть сальца кусокъ удѣли, а я тебя рыбкой поподчую». Чумакъ отрѣзалъ ему кусокъ сала. «Спасибо, батинька; да, вѣдь, къ салу и хлѣба надобно». Чумакъ далъ ему паляницу. «Дай ужъ и пшена горсточку». Чумакъ отсыпалъ ему и пшена. «Спасибо, добрый человѣкъ, пріѣзжай ко мнѣ за рыбою. Ты мнѣ изъ своихъ рукъ давалъ, а я тебя подведу къ моему добру, да, сколько хочешь, столько и бери». Пришелъ цыганъ въ свой шатеръ, сварилъ кашицу и всласть поѣлъ. Лежитъ надъ озеромъ, да на рыбу смотритъ. Чумакъ послалъ своего хлопца къ чумаку за рыбою. «Здоровъ бувъ, цыганъ! тятька за рыбою прислалъ». — «Да что же, батинька, твой отецъ самъ не пріѣхалъ? Вотъ ужъ и не знаю, что теперь дѣлать; много дать — ты не подымешь, а мало дать — пожалуй, онъ обидится. Лучше пускай самъ пріѣзжаетъ». Хлопчикъ прибѣжалъ къ чумаку, сказалъ ему эти рѣчи. Чумакъ запрегъ лошадь и поѣхалъ къ цыгану. «Здравствуй, батинька, здравствуй! что хорошаго скажешь?» — «Да за рыбой пріѣхалъ». — «Ну, вотъ тебѣ ложка; пойдемъ, сперва ухи похлебаемъ». Привелъ его къ озеру: «Садись, батинька! какъ выхлебаешь эту уху, тогда хоть всю рыбу бери». Чумакъ наплевалъ цыгану въ глаза и поѣхалъ ни съ чѣмъ.

2. Жилъ былъ мужикъ — парень бойкій, ловкій; присталъ онъ въ работники къ одному цыгану. Вотъ какъ-то случилось цыгану ѣхать на ярмарку. Взялъ онъ съ собой и работника; собрались и поѣхали. Ѣхали-ѣхали, и пристигла ихъ въ дорогѣ темная ночь: надо въ чистомъ полѣ ночевать. Отпрягли они лошадей, поужинали, пора и на покой. — «А что, батиньку», говоритъ цыганъ: «надо одному спать ложиться, а другому лошадей караулить». — «Ну, что жъ», отвѣчаетъ работникъ: «ложись ты впередъ, а какъ выспишься, тогда и я залягу, а ты сторожить будешь». Сталъ цыганъ постель себѣ готовить, постлалъ ее къ мѣсяцу головами, — а мѣсяцъ только-что-только зачалъ всходить — улегся и говоритъ работнику: «Послушай, батиньку: ты смотри на этого чудака (и указываетъ ему на мѣсяцъ); когда уйдетъ онъ отсюдова и станетъ у моихъ ногъ, тогда и буди меня, а раньше не трогай». — «Ладно!» — «Ну»,

думаетъ цыганъ: «важно надулъ мужика — теперь всю ночь до свѣта просплю». Повернулся на бокъ и захрапѣлъ на все поле. Мужикъ подождалъ немного; видитъ, что цыганъ крѣпко уснулъ, подошелъ къ нему и взялъ за ноги, да со всею постелью и повернулъ налѣво кругомъ: очутился мѣсяцъ какъ разъ въ ногахъ у цыгана; потомъ будитъ цыгана: «Эй, хозяинъ! время вставать, посмотри-ка: вонъ гдѣ чудакъ». Цыганъ проснулся, поглядѣлъ — мѣсяцъ въ ногахъ и говоритъ: «Ну, батиньку! ложись да усни немножко: вишь, чудакъ-то заходитъ; скоро свѣтать будетъ». Мужикъ легъ спать, а цыганъ сталъ на часы лошадей караулить. Стоитъ онъ часъ, стоитъ другой: нѣтъ — не свѣтаетъ, а мѣсяцъ не только не опускается ниже, а все выше, выше забираетъ. «Что такое съ чудакомъ сталось?» думаетъ цыганъ: «опять въ гору лѣзетъ». Часовъ шесть прошло; надоѣло цыгану караулить — не вытерпѣлъ, давай будить мужика. «Вставай, батиньку! да смотри на него: нашъ чудакъ совсѣмъ взбѣсился — назадъ воротился! видно, намъ эту ночь не дождаться свѣту. Запрягай-ка лошадей, да поѣдемъ дальше!»

3. Цыганъ залѣзъ въ чужой садъ и набузовалъ яблоковъ полны карманы. На его бѣду пришелъ хозяинъ. Цыганъ бѣжать, а хозяинъ догонять. Бѣгали-бѣгали, насилу поймалъ. «Эхъ, батинька, какъ же ты уморилъ меня», говоритъ цыганъ.

4. Русскій съ мордвиномъ работали вмѣстѣ на Волгѣ, да вмѣстѣ оттолева и домой пошли. Вотъ они шли путемъ-дорогой, да оба и пріустали. Мордвинъ и выдумалъ штуку. «Давай, баетъ, русскій, попеременно одинъ другого нести за коргёшками. Поколѣ я тебя буду нести, ты пѣсню пой, а какъ ты споешь пѣсню, я на тебя сяду — ты меня неси до тѣхъ поръ, пока я пѣсню спою». Русскій дѣлами смекнулся: «Пожалуй», баетъ, мордвинушка! я на это согласенъ. Давай жребій метнемъ, кому кого напередъ достанется нести». Метнули жребій. Напередъ досталось русскому везти Мордвина. Мордвинъ сѣлъ русскому за коргёшки; сидитъ да пѣсню поетъ, а русскій слушаетъ да везетъ. Вотъ мордвинъ спѣлъ пѣсню; русскій сѣлъ на мордвина, да и запѣлъ безконечную пѣсенку: ти-ли-ли, ти-ли-ли! сидитъ да поётъ, а мордвинъ слушаетъ да везетъ. Верстъ десять провёзъ русскаго, да и спрашиваетъ: «Что, русскій, вся ли твоя пѣсня?» — «Нѣтъ, мордвинушка, не вся еще!» — Мордвинъ вёзъ, вёзъ, безъ мочи сталъ; упалъ съ устатку,

а у русскаго пѣсня не вся еще. «Ну», баетъ, «русскій, хоть вся, хоть не вся твоя пѣсня, а мнѣ отдыхать пришлось. Твои ти-ли-ли меня съ ногъ свалили!» Мордвинъ остался, а русскій еще верстъ десять ушелъ. Вотъ тебѣ, Мордвинъ! затѣялъ на свою шею возиться; ну гдѣ мордвину обмануть русскаго? Ужъ обманетъ ли, нѣтъ ли — русскій мордвина!

5. Русскій и татаринъ ѣхали вмѣстѣ. Случилось имъ ночевать въ полѣ. Сварили они кашу, поѣли, и начали разговаривать, кому лошадей караулить. У русскаго лошадь была сивая да плохая, а у татарина вороная да хорошая. Ночь была темная. Русскій говоритъ татарину: «Мнѣ не надо караулить свою бѣлую лошадь: я проснусь и тотчасъ ее увижу. А ты не спи, карауль свою черную лошадь». Татарину не хотѣлось караулить; онъ промѣнялъ свою лошадь русскому. Русскій взялъ хорошую лошадь за плохую и сталъ смѣяться надъ татариномъ: «Теперь, говоритъ, я вовсе не буду караулить своей черной лошади; придетъ воръ — моей черной лошади не найдетъ впотьмахъ, а твою бѣлую сейчасъ же увидитъ и украдетъ».

---

28. Лирическія пѣсни.

Колыбельныя и дѣтскія

1.

Сонъ ходитъ по сѣнямъ —
Дрема по новымъ,
Сонъ ищетъ дрему,
Дрема спрашиваетъ:
«А и гдѣ же колыбель
«Да Ванюшенькина?»
— «А его ли колыбель
«Во высокомъ терему,
«Во высокомъ терему,
«Въ шитомъ-бра̀номъ пологу».

2.

Баю, баюшки, баю,
Баю милую дитю:
Мое милое дитя
Накричалося вопя.

Ты спи-усни,
Угомонъ тебя возьми:
Сонъ да дрема
Моей милой въ голова.
Ты спи по ночамъ
И расти по часамъ.
Спи, Господь надъ тобой!
Глазки ангельски закрой!
Выростешь большой,
Будешь въ золотѣ ходить,
Будешь въ золотѣ ходить —
Чисто се́ребро носить,
Мамушкамъ-нянюшкамъ
Обносочки дарить —
Младымъ дѣвицамъ
По ленточкѣ,
Старымъ старушкамъ
По повойничку!

3.

Гуркота, гуркота!
А Митенькѣ дремота.
Сонъ да дрема
Вдоль по улицѣ прошла,
Къ моему Митенькѣ зашла,
Подъ головушку спать легла.
Баюшки, баю,
Баю дѣточку мою!
Прилетѣли гулюшки,
Садились на люлюшку,
Они стали гурковать,
Стали Митеньку качать,
Прибаюкивати:
«Спи, Митенька, засни,
Угомонъ тебя возьми.
Лучше выспишься —
Не закуражишься,
Пойдешь въ садъ —
Разгуляешься,
Да и съ нянюшками,
Да и съ мамушками.

Будешь въ золотѣ ходить,
Много серебра носить».
Баюшки-баю,
Баю дѣточку мою!

4.

Долгоногій журавель
На мельницу ѣздилъ,
Диковинку видѣлъ:
Коза муку мелетъ,
Козелъ засыпаетъ,
А маленьки козленочки
Муку выгребаютъ,
А барашки — круты рожки
Въ дудочку играютъ,
А сороки — бѣлобоки
Пошли танцовати,
А вороны — стережены
Пошли примѣчати.
Сова изъ-за угла смотритъ,
Ногами топчитъ,
Головой вертитъ

5.

Сова, совинька, сова,
Большая голова,
На колу сидѣла,
Въ стороны глядѣла,
Головой вертѣла.

Гуля, гуля — голубокъ,
Гуля сизенькій,
Сизокрыленькій,
Всѣмъ миленькій.

Синичка, синичка,
Воробью сестричка.
Воробей-воришка
Залѣзъ въ амбаришко, —
Клевать просо
Своимъ носомъ.

6.

Какъ у бабушки козелъ,
У старой бабы сѣдой.
Тпру-ка, ну-ка, тили-ли,
Тили люшеньки мои![1])
Онъ на шёсточкѣ лежалъ,
Судомоечку лизалъ.
Отпросился козелъ,
Отпросился сѣдой
На часокъ во лѣсокъ:
«Ахъ ты, бабушка,
«Ты, Варварушка!
«Отпусти-ка ты козла,
«Отпусти-ка удальца.
«Я поймаю тебѣ
«Волка сѣренькаго,
«Лису желтенькую,
«А волчицу на капотъ,
«А лисицу на салопъ».
Какъ на встрѣчу козлу
Идутъ семь волковъ,
Осьмой-отъ волкъ —
Подопрѣлый бокъ:
Онъ семь лѣтъ говѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Испугался козелъ,
Испугался сѣдой:
Онъ бородкой трясетъ,
Точно вѣничкомъ,
Онъ ножками стучитъ,
Словно ступочками.
«Ахъ ты, бабушка,
«Ты, Варварушка!
«Отворяй-ка ворота,
«Принимай-ка козла!»

Семейныя.

1.

Свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родимая матушка!

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Не бейте вы полу о̀ полу[1]),
Не хлопайте пирогъ о пирогъ,
Не пропивайте вы меня, бѣдную,
Не отдавайте вы меня, горькую,
На чужу дальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается,
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь то я — наплачуся.

2.

Матушка, что во полѣ пыльно?
Сударыня ты моя,
Что во полѣ пыльно?
    Дитятко, кони разыгралися,
    Свѣтъ милое ты мое,
Кони разыгрались.
Матушка, во дворъ гости ѣдутъ,
Сударыня ты моя,
На крылечко идутъ!
    Дитятко, не бойсь, не пужайся,
    Свѣтъ милое ты мое,
    Не бойсь, не пужайся.
Матушка, во горенку идутъ,
Сударыня ты моя,
За столы садятся!
    Дитятко, не бойсь, не кручинься,
    Свѣтъ милое ты мое,
    Не бойсь, не кручинься!
Матушка, пожалѣй ты свое дитятко,
Сударыня ты моя,
Пожалѣй свое родимое!
    Дитятко, не бойся, не выдамъ,
    Свѣтъ милое ты мое,
    Не бойся, не выдамъ!

[1]) Торговый обычай, бывшій въ ходу также при сватаньи: брачный договоръ, какъ и коммерческая сдѣлка, скрѣплялся «рукобитьемъ», при чемъ рука прикрывалась полой платья.

Матушка, со стѣны образъ снимаютъ,
Сударыня ты моя,
Со стѣны образъ снимаютъ!...
    Дитятко, образумься, пташечка!
    Свѣтъ милое ты мое,
    Образумься, пташечка!
Матушка, меня благословляютъ,
Сударыня ты моя,
Меня благословляютъ!..
    Дитятко, Господь Богъ съ тобою,
    Свѣтъ милое ты мое,
    Господь Богъ съ тобою!...

3.

Ахъ ты ель моя, ёлочка,
Золотая ты макушечка!
Покачнися ты туды-сюды,
Туды-сюды — на всѣ стороны,
Посмотри-ка ты вокругъ себя:
Ти все ли тутъ твое вѣтвійце,
Все ли буйное кореньице?
«Мое вѣтвійце все при мнѣ,
«Только нѣтъ одной макушечки, —
«Ту макушку вѣтры сбили».
Молодая ты невѣстушка,
Оглянись ты туды-сюды,
Туды-сюды — на всѣ стороны:
Вся ли тутъ твоя родина?
    «Моя родина вся при мнѣ,
    «Только нѣтъ одного батюшки, —
    «Мово батюшку пески взяли.
    «Ужъ ты, братецъ мой родименькій,
    «Ты ступай-ка на конюшенку,
    «Осѣдлай-ка коня вóрона,
    «Поѣзжай-ка къ Божьей церковкѣ,
    «Ты ударь-ка въ большой колоколъ»...
Подымитеся, буйны вѣтры,
Вы разсыпьте желты пески,
Взбудите мово батюшку;
Пусть посмотритъ на свое дитя,
Хорошо ли оно собрано,
И на мѣстѣ ли посажено...

«А спасибо добрымъ людямъ,
«Добрымъ людямъ, сосѣдушкамъ:
«Хорошо дитя собрано
«И на мѣстѣ посажено:
«Снарядить-одѣть меня есть кому,
«Благословить меня нéкому!»

4.

Охъ ты, мать моя, матушка!
Охъ ты, мать, государыня!
Ты взойди, моя матушка,
Ты взойди въ мой высокъ теремъ,
И ты сядь подъ окошечкомъ, —
Что севоднешню ноченьку
Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ.
Что пустая хоромина —
Углы прочь отвалилися;
По бревну раскатилися;
На печищѣ котище лежитъ,
На полу ходитъ гусыня,
А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясёнъ соколъ
— Ты дитя-ль мое, дитятко!
Ужъ какъ я тебѣ сонъ разскажу,
По словамъ я тебѣ разскажу:
Что пустая хоромина —
Чужа дальная сторонушка;
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися, —
Родъ-племя отступилися;
На печищѣ котище лежитъ —
То лютóй свекоръ-батюшка;
По полу ходитъ гусыня —
То люта свекровь-матушка;
А по лавочкамъ голуби —
Деверья ясны соколы;
По окошечкамъ ласточки —
То золовки голубушки;
Впереди младъ-ясенъ соколъ —
То *(имя и отечество жениха)*.

5.

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку;
Свекоръ батюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитый по новымъ погуливаетъ.

Хоръ:

Стучитъ-гремитъ, стучитъ-гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
«Встань, встань, встань, ты сонливая!
Встань, встань, встань, ты дремливая,
«Сонливая, дремливая, неурядливая!»

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Свекровь матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Сердитая по новымъ погуливаетъ.

Хоръ:

Стучитъ-гремитъ, стучитъ-гремитъ,
Снохѣ спать не даетъ:
«Встань, встань, встань, ты сонливая,
«Встань, встань, встань, ты дремливая,
«Сонливая, дремливая, неурядливая!»

* * *

Спится мнѣ, младешенькой, дремлется,
Клонитъ мою головушку на подушечку.
Милъ любезный по сѣничкамъ похаживаетъ,
Легохонько, тихохонько поговариваетъ:

Хоръ:

«Спи, спи, спи, ты моя умница,
«Спи, спи, спи, ты разумница!
«Загонена, забронена, рано выдана».

6.

«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
«Сколько тебѣ лѣтушекъ?»

— Семьдесятъ, бабушка, семьдесятъ,
— Семьдесятъ, Пахомовна, семьдесятъ.
Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
«Сколько у тебя дѣтушекъ?»
— Семеро, бабушка, семеро;
— Семеро, Пахомовна, семеро.
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
«Что они ѣсть то будутъ?»
— Хлѣбушка, бабушка, хлѣбушка.
— Хлѣбушка, Пахомовна, хлѣбушка.
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
«Гдѣ-жъ они хлѣбушка возьмутъ?»
— По міру, бабушка, по міру,
— По міру, Пахомовна, по міру.
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
«По міру ходить — собаки съѣдятъ».
— Съ палочкой, бабушка, съ палочной,
— Съ палочкой, Пахомовна, съ палочкой.
«Государь ты нашъ, Сидоръ Карповичъ!
«Зимой по міру — ноги озябнутъ».
— Въ лапоткахъ, бабушка, въ лапоткахъ.
— Въ лапоткахъ, Пахомовна, въ лапоткахъ.

Причитанья.

1[1]).

Порастроньтесь, люди добрые
Припаду я ко могилушкѣ,
Я послушаю, безсчастная,
Нонь не стонетъ ли сыра земля
Не вопитъ ли моя матушка,
Не жалѣетъ ли обиднушки.
Ой, не стонетъ мать сыра земля —
Не вопитъ моя родитель жалостливая!
Съ горъ катитесь, ручьи вёшніе,
Вы размойте пески желтые,
Поднимите гробовую доску,
Вы откройте полотенечка;
Дайте разъ взглянуть горюшицѣ

---

[1]) Дочь плачетъ на могилѣ матери тотчасъ по окончаніи похоронъ.

На родитель-мою матушку!
Ой, не льются ручьи вёшніе,
Не размоютъ песковъ желтыихъ,
Не покажутъ моей матушки!
Возбушуйте, вѣтры буйные,
Со всѣхъ ли четырехъ сторонъ,
Понеситесь вы къ Божьей церкви,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте въ большой колоколъ,
Разбудите мою матушку!
Не бушуютъ-то вѣтры съ четырехъ сторонъ,
Не ударятъ они въ большой колоколъ,
Не разбудятъ моей матушки. —
Налетите съ небесъ, Ангелы-Архангелы,
Вовложите вы душу въ грудь умершую,
Въ бѣлы руки вы махȁньице,
Въ быстры ноженьки ходаньице! —
Не летятъ съ неба Ангелы-Архангелы,
Не влагаютъ душу въ грудь умершую. —
Знать не выстать синю камешку съ синя моря,
Не бывать въ живыхъ родитель - моей матушкѣ.
Охъ, тошнымъ да мнѣ тошнёшенько!
Пройдетъ зимушка холодная.
Какъ наступитъ весна красная,
Потекутъ да рѣчки быстрыя,
Зацвѣтутъ въ рощахъ деревьица,
Запогуркиваютъ голуби,
Запосвистыватъ соловушко;
У меня-жъ, бѣдной горюшицы,
Не сойдетъ съ сердца кручинушка,
Не убавится обидушка;
Распекётъ да красно солнышко
Середи да лѣта теплаго,
Не согрѣетъ сиротинушки,
Лишь притеплитъ меня бѣднушку
Зеленая дубравушка —
На могилѣ моей матушки!

2 [1]).

Какъ о свѣтломъ о Владычномъ Божьемъ праздникѣ,
На ранней на заутрены воскресной,

[1]) Это сосѣдка причитаетъ по сосѣдѣ, убитомъ на полѣ грозой. Причитаніе замѣчательно по своему эпическому тону, мало свойственному такимъ произ-

Пресвятой Илья пророкъ-свѣтъ преподобный,
Пролеталъ онъ ко престолу ко Господнему.
Пророчетъ Илья Владыкѣ многомилосливу:
«Ужъ я дамъ да эту тучу неспособную,
Ужъ я на̀ это на чистое на полюшко,
«Я стрѣлу спущу въ крестьянина могучаго,
«Заражу да я грудь то его бѣлую;
«Не могу терпѣть велика беззаконія:
«Онъ не ходитъ-то крестьянинъ во Божью церковь,
«Онъ не молится-то Богу отъ желаньица,
«О души своей крестьянинъ не спахается,
«Да онъ въ тяжкіихъ грѣхахъ попу не кается.»
Испроговоритъ Владыка свѣтъ тутъ милосливый,
Преподобному Ильѣ да онъ громовному:
«Что ты хочешь, Илья — въ волюшку все творишь».
Какъ по этой по разливной красной вёснушкѣ,
На троицкой то было на недѣлюшкѣ,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали па̀хари на полѣ объявлятися;
Тутъ повыѣхалъ спорядный нашъ сусѣдушко,
Онъ въ раздольице повыѣхалъ, въ чисто поле,
На эты на распашисты, полосушки.
Съ утра жа̀лобно вѣдь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличкѣ;
На часу вдругъ тутъ е да объявилося:
Стало солнышко за облака тулятися,
Наставала туча темна — неспособная,
Со громомъ да эта туча со толкучіимъ,
Вдругъ со молніей-то тученька свистучей,
Со этыимъ огнемъ да она плящіимъ.
На горы шла туча на высокія —
Горы съ этой тучи порастрескались,
Мелки камешки со страсти покатилися
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лѣсамъ шла она по дремучіимъ, —
Лѣса къ земли съ этой тучи приклонилися,

веденіямъ, и по общей картинности и выразительности. Оригинальное вступленіе—нѣчто въ родѣ «Пролога на небѣ» къ послѣдующей драмѣ,—простота и стройность разсказа, художественно разработанная картина наступленія грозы — все это такія черты, которыя сдѣлали бы честь крупному поэту-художнику. Причитаніе это принадлежитъ выдающейся причитальщицѣ («вопленицѣ») Олонецкой губ., Иринѣ Ѳедосовой, умершей всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

По ко́решку они всѣ приломалися;
Уже такъ да шла грозна эта тученька,
Въ темномъ лѣсѣ дики звѣри убоялися,
По своимъ мѣстамъ звѣри убиралися.
Становилась туча темна на сине море, —
Сине море со дна все расходилося,
Страшно-ужасно тутъ море расшумѣлося;
Съ луды камни оно тутъ вырывало,
Волной на берегъ оно да ихъ бросало;
Въ синемъ морѣ бѣлы рыбы убоялися,
По своимъ станамъ рыбы разметалися.
По селамъ пошла туча деревенскіимъ,
Знать, деревнями то туча разгремѣлася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
Съ тучи добрые дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
Во своихъ домахъ они да сохранялись;
Съ этой страсти крестьяна, съ перепо́лоху,
Затопляли свѣщи да воску ярого,
Тутъ молили оны Бога отъ желаньица,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
«Спаси, Господи, вѣдь душъ да нашихъ грѣшныхъ.
«Отъ стрѣлы ты сохрани да насъ, отъ молніи,
«Пронеси, Господи, тучу на чистое поле,
«На чисто поле тучу, за сине море»!
На чисто поле тутъ туча своротилася,
Страшно-ужасно тутъ туча разгромѣлася,
Очень плящіе огни да разгорѣлися.
Все вѣдь думалъ-то спорядной нашъ сусѣдушко,
Торокомъ да пройде темна эта тученька;
Становился подъ кудряву деревиночку...
Стрѣла Божія тутъ вдругъ да разлетѣлася,
Не на воду вѣдь стрѣлушка, не на̀ землю,
Не на звѣря въ темномъ лѣсушкѣ съѣдучаго,
Она пала на сусѣда спорядоваго —
Изорвала все ретливое сердечушко;
Заразъ-побилъ Илья-свѣтъ преподобной
Да онъ славнаго крестьянина могучаго.
Туча темная заразъ же уходилася,
Стрѣла-молнія заразъ же пріукрылася,
Вдругъ поро́спекло тутъ красно это солнышко...
Какъ схватилася спорядная сосѣдушка

За свою она надежную головушку:
Гдѣ отъ тучи — отъ молніи сохраняется?
Подъ какой да деревиночкой спасается?
Подъ малымъ ли ракитовымъ подъ кустышкомъ?
Аль сидитъ онъ на катучемъ бѣломъ камышкѣ?
Тутъ вѣдь бросилась спорядная сусѣдушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тутъ въ раздольице бросилась во чисто поле,
Скоро шла да по распашистымъ полосушкамъ,
Вдругъ увидѣла ступистую лошадушку:
Доброй конь стоитъ — головушка наклонена;
Тутъ ужахнулось ретливое сердечушко,
Не видать да все надежной головушки.
Тутъ глядѣть стала по чистому по полюшку,
Какъ взглянула на курчаву деревиночку,
Стоитъ деревце теперь — въ щепу разломано,
Ко сырой землѣ вѣдь деревце приклонено.
Тутъ бросилась къ кудрявой деревиночкѣ, —
Какъ лежитъ ейна надежная головушка,
На матушкѣ лежитъ да на сырой землѣ,
Бѣла грудь его стрѣлой этой прострѣлена,
Ретливо сердце все молніей разорвано,
Бѣлы рученьки его да пораскинуты.
Задрожала тутъ побѣдная семеюшка,
Испугалася надежноей головушки:
Нѣту душеньки у его да во бѣлой груди,
Нѣту зрѣнья у его да во ясныхъ очахъ,
Во устахъ его языкъ да не воротится,
Какъ убитъ лежитъ надеженька подстрѣленный,
Отъ страсти онъ, надежа, тучи темной...
Воротилася побѣдная сусѣдушка
Она взадъ да во село тутъ деревенское,
Со раздольица — побѣдна — со чиста поля;
Объявила тутъ сусѣдямъ спорядовымъ,
Какъ надѣлала тревоги всему обчеству,
Безпокойства-то крестьянамъ православнымъ;
Караулъ да къ тѣлу мертву полагали,
Къ становому тутъ нарочныхъ отправляли.

Удалыя и разбойничьи[1]).

1.

А и Горе, Горе, Гореваньице!
А въ Горѣ жить — не кручинну быть.
Нагому ходить — не стыдитися.
А и денегъ нѣтъ — передъ деньгами,
Появилась гривна — передъ злыми дни.
Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера,
А и Горе, Горе, Гореваньице!
А лыкомъ Горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я отъ Горя въ темны лѣса,
А Горе прежде вѣкъ зашелъ.
А я отъ Горя въ почестный пиръ,
А Горе зашелъ, впереди сидитъ.
А я отъ Горя на царевъ кабакъ,
А Горе встрѣчаетъ, ужъ пива тащитъ.
Какъ я нагъ то сталъ — насмѣялся онъ.

2.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.

---

[1]) Интересъ и даже сочувствіе, съ какимъ относится народное творчество къ разнымъ удальцамъ и разбойникамъ, объясняются тѣмъ, что въ старину эти люди часто вовсе не были худшимъ элементомъ населенія; выбрасывался изъ правильныхъ общихъ рамокъ жизни и становился во враждебныя отношенія къ обществу всякій, кто почему-либо не могъ ужиться въ обычныхъ формахъ: нерѣдко это были сильные, энергичные люди съ развитымъ чувствомъ личности, которые бѣжали отъ тяжелаго родового или семейнаго гнета, отъ жесткихъ и несправедливыхъ условій старой государственности. Невольное сочувствіе къ этой силѣ духа, проявленной въ рѣшимости бросить нормальную жизнь и смѣнить ее на полное опасности и лишеній, но свободное кочеваніе по лѣсамъ и степямъ, вызывало интересъ къ такимъ личностямъ со стороны тѣхъ, кто чувствовалъ гнетъ жизни, но не рѣшался сбросить его съ себя. Въ этомъ интересѣ могла, разумѣется, играть извѣстную роль и грубость идеаловъ. См. напр. пѣсню № 7, гдѣ героями являются простые грабители, составляющіе правильную шайку.

Не звѣзда блеститъ далече въ чистомъ полѣ
Курится огонекъ малешенекъ;
У огонька разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецкую кровь горячую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
«Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу.
Отвезу я добра молодца на родну сторону,
Къ отцу-матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!»
Какъ вздохнетъ тутъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалаго его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Полилась ручьемъ кровь горячая.
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
«Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской;
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла

3.

Ужъ вы горы, горы крутыя!
Ничего въ горахъ не породило,
Только породило кустъ ракитовый.
Ужъ на этомъ кустѣ сидитъ младъ сизой орелъ;
У когтяхъ держитъ чернаго ворона,
Онъ бить не бьетъ, только вспрашиваетъ:
«Гдѣ воронъ былъ, гдѣ черный былъ?..»
— Я былъ-побывалъ на Саратовскихъ степяхъ,
Я видѣлъ чуду дивную:
Тамъ лежитъ тѣло бѣлое,
Никто къ тѣлу не приступается...

Приступились (къ тѣлу) три птички:
Первая пташечка — родная матушка,
Вторая пташечка — родная сестрица,
Третья пташечка — молодая жена.
Гдѣ мать плачетъ — тамъ рѣчка прошла.
Гдѣ сестра плачетъ — тамъ колодязи.
Гдѣ жена — тамъ роса стоитъ.
Солнышко взойдетъ — роса опадётъ.

4.

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною, надъ широкою:
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ...
Какъ повыше то было села Юркова,
Какъ пониже то было села Лыскова,
Протекла тамъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, славна Стерженка.
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдку не прокладывалъ;
Что плыла косна лодочка,
Косна лодочка, все разбойничья.
На носу-то стоитъ эсаулъ съ багромъ,
На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ;
Посредъ лодки бѣлъ тонкой шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Говоритъ она таково слово:
«Ужъ какъ мнѣ, младой, мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось;
Нехорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
Атаману-то быть повѣшену,
Эсаулу-то быть застрѣлену,
Вамъ-то, молодцамъ, всѣмъ по тюрьмамъ сидѣть,
Мнѣ-то, дѣвушкѣ, быть на волюшкѣ»

5.

Какъ и шелъ молодецъ дорогою;
Пристигла молодца темная ночь,
Темная ночь — осенняя.
Что и гдѣ молодцу ночь ночевать?

Ночевать молодцу въ сыромъ бору,
Въ сыромъ бору, подъ сосною.
Какъ не сырой боръ шумитъ, гудитъ —
Зеленая сосна шатается,
Молодецкое сердце пугается.
«Не шуми ты, не гуди, сырой боръ!
«Не качайся ты, сосна зеленая! —
«Не пугай ты меня, молодца,
«Не мѣшай ты мнѣ думу думати:
Что заутра мнѣ молодцу во допросъ иттить
Передъ грознымъ судьей, передъ самимъ царемъ.
Что и станетъ государь царь меня спрашивати:
— Ты скажи, молодецъ, правду мнѣ,
— Съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбойничалъ,
— Еще много ли было у тебя товарищей?
«Товарищей со мною было только четверо:
Первый мой товарищъ — ночка темная,
А другой мой товарищъ — конь-добра лошадь,
А третій мой товарищъ — тугой мой лукъ,
А четвертый мой товарищъ — мой булатный ножъ».
— Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ ты отвѣтъ держать!
— За то я тебя, молодчика, пожалую
— Во чистомъ полѣ хоромами:
— Двумя столбами съ перекладиной.

6.

Мимо лѣсу, мимо темнаго,
Мимо садику зеленаго,
Пролегала путь-дороженька,
Широка, торна, пробойная.
Ой по той ли по дороженькѣ
Тамъ идутъ — идутъ солдатушки,
Они ведутъ-ведутъ удàлаго молодца,
Удалаго молодца — разбойничка:
Рѣзвы ноженьки закованы,
Назадъ рученьки завязаны,
Ясны оченьки заплаканы.
Они везутъ его въ каменну Москву,
Въ каменну Москву, къ Грозному царю.
Сталъ царь молодца допрашивати:
«Ты скажи мнѣ, вдалый молодецъ,
«Съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,

«Ой и кто твои товарищи?»
— Я скажу тебѣ, православный царь,
— Съ кѣмъ я воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
— Ой и кто мои товарищи:
— Какъ и первый то товарищъ —
— Да и темная ночь;
— А другой ли мой товарищъ —
— Да и воронъ конь;
— Какъ и третій мой товарищъ —
— Да и вострый ножъ.

7.

Ахъ, доселева усовъ и слыхомъ не слыхать,
А слыхомъ ихъ не слыхать и видомъ не видать;
А нонеча усы проявились на Руси,
А въ Новомъ Усольи у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживаютъ,
А кораблики бобровы, верхи бархатные,
На нихъ смурые кафтаны съ подпушечками,
(Съ подпушечками), съ камчатыими,
А и синіе чулки, астрахански черевики,
А красные рубашки, косы воротники,
(Косы воротники), золотые плетни.
Собиралися усы на царевъ на кабакъ,
А садились молодцы во единый кругъ.
Большой усище и всѣмъ атаманъ,
А Гришка Мурышка, дворянскій сынъ,
Самъ говоритъ, самъ усо̀мъ шевелитъ:
«А братцы-усы, удалые полодцы!
«А и лѣто проходитъ, зима настаетъ;
«А и надо чѣмъ усамъ голова кормить,
«На полатяхъ спать и намъ сытымъ быть.
«Ахъ, нуте-тко, усы, за свои промыслы:
«А мечитеся по кузницамъ, накуйте топоры
«(Накуйте топоры) съ подбородышами,
«А накуйте ножей по три четверти,
«Да сдѣлайте бердыши и рогатины,
(Да сдѣлайте бердыши) и готовьтесь всѣ.
«Ахъ, знаю я крестьянина, — богатъ добрѣ:
«Живетъ на высокой горѣ, далеко въ сторонѣ,
«Хлѣба онъ не пашетъ, да рожь продаетъ,
«Онъ деньги беретъ, да въ кубышку кладетъ,

«Онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ,
«А прохожихъ-то людей ночевать не пущатъ,
«А прямыя дороги не сказываетъ.
«Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи итти:
«А по полю итти — не посвистывати,
«А и по бору итти — не покашливати,
«Ко двору его итти — не пошаркивати.
«У крестьянина-то въ домѣ борзые кобели,
«И ограда крѣпка, избушка заперта,
«У крестьянина ворота крѣпко заперты».
Пришли они, усы, ко крестьянскому двору,
А хватились за заборъ, да металися на дворъ,
Ахъ, кто-де въ двери, атаманъ въ окно,
А и тотъ съ борку, иной съ борку,
Ужъ полна избушка принабуркалася.
А Гришка Мурышка, дворянскій сынъ,
Сѣлъ подъ окномъ, самъ и локоть на окно,
Онъ самъ и говоритъ усомъ шевелитъ:
«А и ну-тка ты, крестьянинъ, поворачивайся!
«А и дай намъ, усамъ, и попить и поѣсть,
«И попить, и поѣсть, и позавтракати».
Охъ, метался крестьянинъ въ большой амбаръ,
И крестьянинъ-атъ несетъ пять пудовъ толокна,
А старуха-то несетъ три ушата молока.
Ахъ увидѣли усы, молодые молодцы,
А и кадь большу, въ чемъ пиво варятъ,
Замѣшали молодцы они теплушечку,
А нашли въ молокѣ лягушечку.
Атаманъ говоритъ: «ахъ вы, добры молодцы,
«(Ахъ вы, добры молодцы), вы не брезгуйте:
«А и по нашему, по русски — холодёнушка».[1])
Они по куску хватили, только голодъ заманили,
По другому хватили, пріоправилися,
Какъ по третьему хватили, ему кланялися:
«А спасибо те, крестьянинъ, на хлѣбъ на соли,
«И на кисломъ молокѣ, на овсяномъ толокнѣ,
«Напоилъ насъ, накормилъ, да и животомъ надѣли:
Надѣли ты насъ, усовъ, по пятидесятъ рублевъ,
«А большому атаману полтораста рублевъ».
А крестянинъ-атъ божится: «Право, денегъ нѣтъ!»,

---

[1]) Есть повѣрье, будто лѣтомъ для сохраненія молока въ холодномъ видѣ надо опускать въ него лягушку.

А старуха ротится: «Ни полушечки!»
А дуракъ на печи что клеитъ-говоритъ:
«А братцы усы, удалы молодцы!
«А и есть де вѣдь у батюшки денежки;
«А и будетъ васъ, усовъ, всѣхъ одѣлять,
«А мнѣ-де, дураку, не достанется».
А проговоритъ усище — большой атаманъ:
«Братцы усы, за свои промыслы:
«Охъ, ну-тка, Афанасъ, доведи его до насъ,
«Ахъ, ну-тка Агафонъ, вали его на огонь,
«А берите топоры съ подбородышами;
«Ахъ, колите заслонъ, добывайте огонь,
«Кладите огонь среди избы,
«Валите крестьянина брюхомъ въ огонь».
Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть...
Побѣжалъ крестьянинъ въ большой амбаръ,
Вынималъ изъ-подъ каменю кубышечку,
Приносилъ крестьянинъ, да брякъ на столъ:
«Вотъ вамъ, усамъ, по пятидесятъ рублевъ.
«А большому-то усищу полтораста рублевъ».
Встали усы, они кланяются:
«Да спасибо же, крестьянинъ, на хлѣбѣ на соли,
«На овсяномъ толокнѣ, и на кисломъ молокѣ;
«Напоилъ насъ, накормилъ, животомъ надѣлилъ,
«Ахъ, мы дворъ твой знаемъ и опять зайдемъ,
«И тебя убьемъ и дочерей уведемъ,
«А дурака твоего въ есаулы возьмемъ».

Обрядовыя.

1[1]).

Слава Богу на небѣ, Слава!
Государю нашему на всей землѣ, Слава!
Чтобы нашему государю не старѣться, Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться, Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться, Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться, Слава!

---

[1]) Эта пѣсня поется «хлѣбу»; кусокъ хлѣба съ солью кладется на блюдо вмѣстѣ съ уголькомъ изъ печки. Послѣ пѣсни дѣвушки ломаютъ хлѣбъ и берутъ каждая по кусочку. Тогда уже поютъ другія «подблюдныя» пѣсни съ загадываніемъ и выниманіемъ колецъ и т. п.

Чтобы правда была на Руси, Слава!
Краше солнца свѣтла, Слава!
Чтобы царева золота казна, Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна, Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ, Слава!
Слава неслась до моря, Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы, Слава!
А и эту пѣсню мы хлѣбу поемъ, Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ, Слава!
Старымъ людямъ на потѣшенье, Слава!
Добрымъ людямъ на услышанье, Слава!

2.

Пришла коляда,
Накануне Рождества.
Дайте коровку,
Масляну головку,
А дай Богъ тому,
Хто въ эвтомъ дому —
Ему рожь густа,
Рожь ужиниста:
Ему съ колосу осьмина,
Изъ зерна ему коврига,
Изъ полузерна пирогъ.
Надѣлилъ бы васъ, Господь
И житьемъ, и бытьемъ,
И богатествомъ,
И создай вамъ, Господи
Еще лучше того!

3.

Уродилась Коляда
Накануне Рождества.
За горою за крутою,
За рѣчкою за быстрою,
За горою за крутою,
За рѣкою за быстрою
Стоятъ лѣса дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ
Огни горятъ палящіе.
Вокругъ огней люди стоятъ,
Люди стоятъ — колядуютъ:

«Ой, Коляда, Коляда,
Ты бываешь, Коляда,
Накануне Рождества».

4.

Весна красна!
На чемъ пришла?
— На жердочкѣ,
На бороздочкѣ,
На овсяномъ колосочкѣ,
На пшеничномъ пирожечкѣ,
А весну ждали,
Клочки допрядали.
Летѣлъ куликъ
Изъ-за моря,
Принесъ куликъ
Девять замкòвъ.
«Куликъ, куликъ!
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну —
Теплое лѣто.

Эта пѣсня поется (въ Тимск. у. Курской губ.) дѣтьми въ сороки, т.-е. въ день сорока мучениковъ (9 марта) — первый весенній праздникъ. Дѣти собираются на огородахъ и приносятъ съ собой куликовъ, которые пекутся изъ пшеничнаго или ржаного тѣста. Иногда ихъ называютъ жаворонками. Этихъ куликовъ привязываютъ нитками къ шестамъ, которые втыкаютъ въ одонья. Вѣтеръ качаетъ куликовъ, такъ что они представляются какъ бы летящими, а дѣти поютъ:

Весна-весна!
На чемъ пришла! и т. д.

---

29. Малорусскія думы.

Малорусскія думы представляютъ собою оригинальныя произведенія народнаго эпоса южной Россіи временъ казачества. Онѣ воспѣваютъ подвиги и страданія украинскаго народа въ борьбѣ съ татарами, турками и поляками. Сложившись главнымъ образомъ въ XVI—XVII вѣкахъ, думы пѣлись до послѣдняго времени въ Малороссіи слѣпыми кобзарями-бандуристами. Онѣ отличаются отъ великорусскихъ былинъ и общимъ тономъ, и формой. Характерная черта думъ — сильное развитіе лиризма: онѣ никогда не бываютъ выдержаны въ спокойномъ, эпическомъ тонѣ, какъ былины: элегическое настроеніе, задушевность, иногда сатирическій тонъ, чуткое отношеніе къ природѣ, довольно развитая психологія героевъ и выдвинутое впередъ чувство личности, — всѣ эти осо-

бенности составляютъ постоянную принадлежность думъ. По своимъ поэтическимъ средствамъ и пріемамъ думы стоятъ въ довольно близкой связи съ лирическими народными пѣснями Украйны, но слогъ ихъ представляетъ соединеніе народнаго и книжнаго элементовъ. Внѣшняя форма ихъ тоже оригинальна; онѣ поются несложнымъ, но очень гибкимъ полу-речитативнымъ напѣвомъ, который легко поддается настроенію пѣвца и способенъ передавать самые разнообразные оттѣнки чувствъ. Стихотворный размѣръ думъ очень свободный, со стихами неравнаго объема, при чемъ рядомъ могутъ стоять стихи въ 7—8 слоговъ и въ 20, 30 слоговъ; обыкновенно существующая риѳма тоже своеобразна: она по большей части глагольная и можетъ соединять довольно много стиховъ, не мѣняясь. Здѣсь приводятся двѣ думы, относимыя изслѣдователями къ XVI вѣку; обѣ говорятъ о турецкой неволѣ.

Первая изъ нихъ, о Марусѣ Богуславкѣ, имѣетъ извѣстную историческую подкладку. Существуютъ документальныя извѣстія о томъ, что плѣнницы изъ Малороссіи, попадая въ Турцію, иногда переходили въ магометанство и дѣлались вліятельными женами пашей и даже султановъ. Такова была Росса или Роксолана, жена Сулеймана I, въ XVI в. (интересно, что, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, она была тоже поповна, какъ и Маруся Богуславка); извѣстны русскія султанши въ XVII и XVIII вѣкахъ.

---

1. Маруся Богуславка.

Що на Черному морі,
На камені, біленькому,
Там стояла темниця камяная.
Що у тій-то темниці пробувало сім-сот козаків,
Біднихъ невольників.
То вже тридцять літ у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного въ вічі[1]) собі не видають.
То до іх дівка бранка[2]),
Маруся, попівна[3]) Богуславка,
Прихождае,
Словами промолвляе:
«Гей, козаки,
«Ви, бідниі невольники!
«Угадайте, що въ нашій землі Християнській за день тепера?»
Що тоді бідні невольники зачували[4]),
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку
По річахъ познавали,

[1]) Въ очи.
[2]) Плѣнница
[3]) Поповна.
[4]) Услышали.

Словами промовляли:
«Гей, дівко бранко,
«Марусю, попівно Богуславко,
Почимъ ми можемо знати,
Що в нашій землі Християнській за день тепера?
Що тридцять літ у неволі пробуваем,
Божого світу, сонця праведного в вічі собі не видаем.
То ми не можемо знати,
Що въ нашій землі Християнській за день тепера».
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка
Тее зачувае,
До козаків словами промовляе:
«Ой козаки,
Ви, бідниі невольники!
Що сёгодня у нашій землі Християнській Великодная субота [1]).
А завтра святий праздник, роковий день Велик-день [2])».
То тоді ті казаки тее зачували,
Білим лицем до сироі землі припадали,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку
Кляли — проклинали:
«Та бодай [3]) ти, дівко бранко,
Марусю, попівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала [4]),
Як ти намъ святий праздник, роковий день Велик-день сказала!»
То тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Тее зачувала,
Словами промовляла:
«Ой козаки,
Ви, бидниі невольники!
Та не лайте мене, не проклинайте;
Бо як буде нашъ панъ турецький до мечети відъіжжати,
То буде мині, дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключи віддавати:

[1]) Страстная суббота.
[2]) Пасха.
[3]) Пусть, чтобы (собственно: дай Богъ, чтобы).
[4]) Не имѣла...

Рис. 14. Черниговскій кобзарь Пархоменко.

То буду я до темниці прихождати,
Темницю відмикати[1]),
Вас всіх, бідних невольників, на волю випускати».
То на святий праздник, роковий день Велик-день,
Ставъ пан турецький до мечети відъїжжати,
Ставъ дівці бранці,
Марусі, попівні Богуславці,
На руки ключи віддавати.
Тоді дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Добре дбае[2]),
До темниці прихождае,
Темницю відмикае,
Всіхъ козаків,
Бідних невольниківъ,
На волю випускае
І словами промовляе:
«Ой козаки,
Ви, бідні невольники!
Кажу я вамъ, добре дбайте,
В городи християнські, утікайте;
Тількі прошу я вас, одного города Богуслава не минайте,
Моёму батьку й матері знати давайте:
Та нехай мій батько добре дбае,
Гуртів, великіх маетків нехай не збувае[3]),
Воликіх скарбів[4]) не збірае,
Та нехай мене, дівкі бранки,
Марусі, попівни Богуславки,
З неволі не викупае;
Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоші турецькоі,
Для лакомства нещастного!» —
Ой визволи, Боже, нас всіх, бідних невольників
З тяжкоі неволі,
З віри басурменськоі,
На ясні зорі,
На тихи воді,
У край веселий,
У мир хрещений!

---

[1]) Отмыкать, отпирать.
[2]) Дѣлаетъ, старается, заботится.
[3]) Пусть не распродаетъ имущества.
[4]) Деньги, казна.

2. Побѣгъ трехъ братьевъ изъ Азова.

Из города из Азова не великиі тумани вставали,
Три брата ридненьких з тяжкоі неволі втікали[1]).
Два кінних[2]), третій пішій за ними підбігае,
На сире коріння, на біле каміння
Ніжки своі козацькіи посікае, кровю сліди заливае,
До кінних братив добігае, словами промовляе[3]):
«Станьте ви, братця! Коней попасіте, мене підождіте,
«З собою візьміте, до городів хрестьянськихъ підвезіте».
То середульшій[4]) тее зачувавъ[5]), старшого питав[6]);
То старшій ёму словами промовляв:
— Чи ще-ж тобі не далася тяжкая неволя знати?...
— Якъ будемъ ми брата дожидати,
— Буде нас погонь догоняти,
— Буде нас стріляти, рубати,
— Або в тяжкій работі будемъ пропадати. —
«Коли-ж мене, братця, не хочете ждати,
Став меншій промовляти, —
«То прошу вас, братця: на праву сторону звертайте,
«Шаблі из піхв[7]) винімайте,
«Тіло мое порубайте,
«Въ чистімъ степу поховайте[8]),
«Звіру та птиці на поталу[9]) не дайте!»
То середульшій тее зачував,
Словами промовляв:
«Сёго, брате, из роду нигде не чували,
Щоб рідною кровью шаблі обмивали,
Або гострим списом[10]) опрощенне брали».
— «Коли-ж не хочете, братця, мене рубати,
— То прошу вас, братця, як будете до байраків[11]) прибувати,
— Тернові вітки в запілле[12]) рубайте,
— Мині на признаку покидайте[13])».

---

[1]) Убѣгали.
[2]) Конныхъ.
[3]) Говоритъ.
[4]) Средній.
[5]) Услышалъ.
[6]) Спрашивалъ.
[7]) Изъ ноженъ.
[8]) Похороните.
[9]) На съѣденіе.
[10]) Копье.
[11]) Лѣсная долина, лѣсистый оврагъ.
[12]) Въ полы жупановъ.
[13]) Бросайте мнѣ какъ примѣту (куда итти).

То вже два козаки в байраки въіжжае;
Середульшій брат милосердіе мае:
Верховіття[1]) у тернів зтинае[2]),
Меншому брату приміту покидае.
А як стали на Муравський шлях[3]) віiжжати
Ничім ёму признаків покидати;
Він червону китайку[4]) з під жупана видирае,
По шляху розкидае,
Меншому брату приміту зоставляе.
То як став пішеходецъ з тернів выходити,
Став червону китайку находити:
У руки хватае, ідрбними слёзами обливае.
«Не дурно[5]), примовляе, червона китайка по шляху валяе,
Мабуть[6]) моіх братів на світі не мае[7])!...
Мабуть за ними з города Азова погоня вставала,
Мене в тернах на спочиві[8]) минала,
Братів моіх догоняла, стріляла, рубала!
Коли б мині Біг[9])
Милосердій поміг
Тіло козацьке находити,
В чистімъ степу хоронити!»
Що одно безвідде[10]) друге безхлібе,
Трете — буйний вітеръ в полі повівае,
Біднаго козака з ног валяе...
«Ой годі-ж[11]) мині за кінними братами уганяти,
Час мині козацьким ногам пільгу[12]) дати!»
То тее промовляв,
До Савор — могили[13]) прибував,
Під Савор — могилою спочивав.
В той час сизі орли налітали,
Пильно[14]) в очі козакові заглядали.

---

[1]) Верхнія вѣтки.
[2]) Рубитъ.
[3]) Обычный путь Крымскихъ татаръ на Русь, по водораздѣлу Днѣпровскаго и Азовско-Донецкаго бассейновъ.
[4]) Красную матерію — подкладку кафтана.
[5] Не спроста, не къ добру.
[6] Можетъ быть.
[7]) Нѣтъ (не имѣется).
[8]) На отдыхѣ.
[9]) Богъ.
[10]) Безводіе.
[11]) Довольно.
[12]) Отдыхъ, покой.
[13]) Саворъ или Савуръ могила — курганъ, и сейчасъ существующій въ южной степи около рѣки Міуса.
[14]) Внимательно, выжидая.

Козак тее забачае[1]),
Словами промовляе;
«Орли сизопери,
Гості мої милі!
Прошу я вас тоді налітати,
З лобу очі мині висмикати[2]),
Як не буду я світа Божого видати»...
То тее промовляв,
За часъ за годину милосердому Богу душу оддавъ.
Тоді орли налітали, з лобу очі висмикали,
Тоди ще й дрібна[3]) птиця налітала,
Коло жовтої[4]) кості тіло оббірала.
Вовки — сіроманці[5]) набігали, тіло козацьке рвали,
По тернах, по балках жовту кость жваковали[6]),
Жалобненько квилили[7]), проквиляли:
То ж вони[8]) козацькиі похорони одправляли!
Десь взялася сиза зозуленька[9]),
В головках сідала, жалобно кувала,
Як сестра брата, або мати сина оплакáла.
Стали кінни брати до городів хрестьянських дохожати,
Стала к іх сердцям-туга налягати.
То середульшій брат до старшаго брата словами промовляе:
«Не дурно къ нашим сердцям велика туга налягае:
«Мабуть нашого брата живого на світі немае!
«Як будемо, брате, до отця й матері прибувати,
«Як будуть вони нас питати, та що станемо казати?»
То старший брат тее зачувае,
До середульшого словами промовляе:
«Скажем: не в одного пана в неволі бували,
«Нічноі доби[10]) з неволі втікали,
«Его сонного будили, не збудили,
«Там его в неволі й зостановили».
То середульшій брат тее зачувае,
До старшого брата словами промовляе:

---

1) Видитъ, замѣчаетъ.
2) Выдирать.
3) Мелкая.
4) Желтой
5) Эпитетъ волковъ: сѣрые.
6) Глодали, грызли.
7) Выли, кричали
8) Они.
9) Кукушка.
10) Въ ночную пору

«Як не будем отцю й матері правді казати,
«То буде нас отцевьска й материнська молитва карати».
Тоді старші браті на поля Самарськи виїжжають,
Над річкою Самарською[1]) опочивку собі мають,
Коней попасають.
В той час безбожнии басурмани набігали
И тих братів порубали,
Тіло казацьке карбовали[2]),
В чистім полі розкидали,
Головы на шабли вздиймали, долго глумовали[3]).

(Изъ Украинскихъ пѣсенъ Максимовича 1834 г.)

По другимъ варіантамъ старшій братъ еще безсердечнѣе: онъ говорилъ среднему, что имъ выгоднѣе дѣлить отцовское наслѣдство на двоихъ, чѣмъ на троихъ, а вернувшись домой, пытается обмануть родителей, которые спрашиваютъ, гдѣ младшій; но средній кается въ томъ, что они бросили брата въ степи, и родители, простивъ его, выгоняютъ и проклинаютъ старшаго. Наконецъ, иногда дума кончается такъ: возвратившись, братья стараются отмолить грѣхъ, жертвуютъ на церкви и проклинаютъ Турокъ, видя въ страхѣ передъ ними причину своего поступка:

Ой земле, земле турецькая,
Віро басурманьская,
Розлуко християнська́я,
Розлучила брата з сестрою,
И мужа з жоною,
Товарища съ товарищем
На пути — дороги!

---

30. Народныя драмы.

Этотъ отдѣлъ вводится въ хрестоматію для того, чтобы учащіеся могли получить болѣе правильное представленіе о разнообразныхъ формахъ народнаго творчества. Русскій народъ, не менѣе чѣмъ какой-либо другой, былъ богатъ зачатками драматической поэзіи въ своихъ играхъ и обрядахъ, но послѣ принятія христіанства преслѣдованія, которымъ подвергалось все, связанное съ языческимъ культомъ, и недовѣрчивое отношеніе ко всякимъ пережиткамъ народно-поэтической старины не дали

[1]) Р. Самара — притокъ Днѣпра въ Екатеринославской губ.
[2]) Рубили на части.
[3]) Глумились.

свободно и самостоятельно развиваться этимъ начаткамъ драмы въ теченіе всего древняго періода нашей литературы. А въ концѣ его (на юго-западѣ съ XVI в.) пришли готовыя драматическія формы съ Запада — вертепъ, школьная драма, интерлюдія — и началось ихъ вліяніе. Тѣмъ не менѣе народное творчество проявляло себя и тутъ: заимствованныя формы и переходившіе книжнымъ путемъ образцы и сюжеты часто такъ перерабатывались, что становились отраженіемъ русской жизни, народныхъ вкусовъ и понятій, и въ результатѣ приживались такъ прочно въ народѣ, что служили ему вплоть до нашихъ дней; вертепъ былъ распространенъ на югѣ Россіи до 60-хъ годовъ XIX в., а «Петрушка» и «Царь-Максимиліанъ» живутъ и сейчасъ въ различныхъ мѣстностяхъ.

Какъ образцы первоначальныхъ зародышей драмы, предлагаются двѣ пѣсни, сопровождаемыя «игрой», затѣмъ довольно сложный обрядъ похоронъ «Костромы» и, наконецъ, своеобразная «медвѣжья комедія». Далѣе слѣдуютъ сцены изъ южнаго вертепа и кукольный «Петрушка». Для характеристики литературнаго творчества XVII в., стремившагося пользоваться народными мотивами, приведены сцены съ пастухами изъ «Рождественской драмы» Дмитрія Ростовскаго. Нѣсколько интерлюдій различнаго характера: однѣ — болѣе книжныя, другія — въ чисто народномъ духѣ — переводятъ читателя изъ XVII вѣка въ Петровскую эпоху. Наконецъ, «Царь-Максимиліанъ» даетъ образчикъ народной драмы, своеобразно сложившейся на несомнѣнно книжной основѣ, но вобравшей въ себя много народныхъ элементовъ.

1.

Дѣвушки, взявшись за руки, становятся въ двѣ линіи, другъ противъ друга на нѣкоторомъ разстояніи и, поютъ по очереди (Иногда одна сторона состоитъ изъ парней). Каждая сторона, когда поетъ, приближается къ другой и отступаетъ назадъ во время отвѣтной строфы той стороны.

1-я сторона: А мы просо сѣяли, сѣяли.
Ой, дидъ ладо! сѣяли, сѣяли.
2-я сторона: А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ.
Ой, дидо ладо! вытопчемъ, вытопчемъ.

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.)

1-я сторона: А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
2-я сторона: А мы коней выпустимъ, выпустимъ.
1-я сторона: А мы коней переймемъ, переймемъ.
2-я сторона: А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
1-я сторона: А шелковымъ поводомъ, поводомъ.
2-я сторона: А мы коней выкупимъ, выкупимъ.

При этихъ словахъ 2-я сторона разступается и 1-я, продолжая движеніе, проходитъ въ образовавшійся промежутокъ; при этомъ она захватываетъ изъ 2-й стороны одну дѣвушку и уводитъ съ собой. Въ это время поютъ:

1-я сторона: А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
2-я сторона: А мы дадимъ сто рублей, сто рублей.
1-я сторона: Не надо намъ тысячи, тысячи.
2-я сторона: А что же вамъ надобно, надобно?
1-я сторона: А намъ надо дѣвицу, дѣвицу.
2-я сторона: У насъ въ полку убыль есть, убыль есть.
1-я сторона: У насъ въ полку прибыль есть прибыль есть.

2.

Вдоль по улицѣ, вдоль по широко
Ой люли, вдоль по широкой!

(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Идутъ дѣвушки, ой молодушки.
«Ой вы, кумушки, вы подруженьки!
Вы постойте-ка, подождите-ка,
Рѣзвы ноженьки становите-ка,
Бѣлы рученьки подожмите-ка!
Я схожу домой, я спрошаюся,
Я спрошаюся свекра-батюшка:
«Свекоръ-батюшка, отпусти гулять!»

При послѣднемъ стихѣ одна дѣвушка подходитъ къ другой и кланяется, изображая этимъ, что просится погулять. Дѣвушка, которой кланяются, изображаетъ собою свекра и на поклонъ какъ бы не обращаетъ вниманія; свекоръ не согласенъ отпустить.

---

3. Похороны Костромы въ Муромскомъ уѣздѣ [1]).

Обычай хоронить Кострому очень разнообразенъ своими обрядовыми подробностями, но однако идея его одна и та же: это — проводы весны... Съ весельемъ, гиканьемъ, шумомъ и смѣхомъ бѣжитъ цѣлая ватага молодыхъ дѣвушекъ, женщинъ и парней хоронить Кострому.

Изъ избы выносятъ деревянную скамью и ставятъ ее посреди улицы, на скамью ставятъ корыто, и начинается дѣланіе Костромы. Притаскивается большой пукъ соломы, и всѣ находящіеся тутъ парни и дѣвки дѣлаютъ куклу наподобіе женщины, при чемъ поютъ слѣдующее:

Кострома моя, Костромушка
Моя бѣлая лебедушка.
У моей ли Костромы
Много золота, казны.
У костромского купца

---

[1]) Весь обрядъ описанъ въ сборникѣ П. Шейна «Великоруссъ».

Была дочка хороша,
То Костромушка была!
Костромушка, Кострома,
Лебедушка-лебеда!
У Костромы-то родства —
Кострома полна была;
У Костромина отца
Было всемеро.
Кострома-то разгулялась,
Кострома-то расхвалилась
Какъ Костроминъ-то отецъ
Сталъ гостей собирать,
Гостей собирать,
Большой пиръ затѣвать;
Кострома пошла плясать,
А чужіе-то притаптывать;
Кострома, Кострома,
То Костромушка была.
Я къ тебѣ, кума, незваная пришла;
Я ли тея, Костромушка,
За рученьку возьму,
Виномъ съ макомъ напою,
Въ хороводъ тебя введу.
Стала Кострома поворачиваться,
Съ вина-маку покачиваться,
Вдоль по улицѣ пошла,
На подворьице зашла,
На подворье костромское,
На купецкое.
Кострома ли, Кострома,
То костромушка была.
Костромушка расплясалась,
Костромушка разыгралась,
Вина съ макомъ нализалась.
Вдругъ Костромка повалилась
Костромушка умерла.
Костромушка, Кострома!
Къ Костромѣ стали сходиться
Костромушку убирать
И во гробъ полагать.
Какъ родные-то стали тужить,
По Костромушкѣ выплакивати.

«Была Кострома весела,
«Была Кострома хороша».
Кострома, Костромушка,
Наша бѣлая лебедушка!

(Пѣсня эта принадлежитъ мѣстности села Климова.)

Въ продолженіе этой пѣсни женщины и дѣвушки одѣваютъ чучело въ сарафанъ и рубашку, голову повязываютъ косынкою и убираютъ цвѣтами, на ноги надѣваютъ башмаки, и, убравъ такимъ образомъ Кострому, и дѣвушки, и женщины кладутъ ее въ корыто... Всѣ тутъ стоящіе парни одѣваются въ рогожи и идутъ впередъ, одинъ изъ нихъ беретъ лапоть... Всѣ шествуютъ медленно, не спѣша. А женщины и дѣвушки, покрывъ головы бѣлыми платками, берутъ корыто съ куклою на руки и точно такъ же медленно несутъ ее по направленію къ рѣкѣ, при чемъ одна группа дѣвушекъ, изображающая собою плакальщицъ, поетъ:

Кострома, Кострома,
Ты нарядная была,
Развеселая была,
Ты гульливая была!
А теперь, Кострома,
Ты во гробъ легла!
И къ тебѣ ли, Костромѣ,
Сошлись незваныя сюда.
Стали Кострому собирать, одѣвать,
Собирать, одѣвать и оплакивать:
«Кострома, Кострома,
Костромушка моя!
У тебя ль, Кострома,
Блины масляные,
Браги сыченыя,
Ложки крашеныя
Чашки липовыя.

(Пѣсня села Климова.)

Пришедши къ рѣкѣ или озеру, Кострому разоблачаютъ, снимаютъ съ нея всѣ уборы и бросаютъ ее въ воду, при чемъ поютъ слѣдующую пѣсню.

Во полѣ было, во полѣ,
Стояла береза.
Она ростомъ высока,
Листомъ широка,
Какъ подъ этой подъ березой
Лежала Кострома;

Она убита — не убита,
Тафтою покрыта.
Дѣвица красавица
Къ ней подходила,
Тафту открывала,
Въ лице признавала:
«Спишь-ли, милая Кострома
Или чего чуешь?
Твои кони вороные
Во полѣ кочуютъ,
Дороженьку чуютъ».
Дѣвица красавица
Водицу носила,
Дождичка просила:
«Создай, Боже, дождя,
Дождичка частóва,
Чтобъ травыньку смочило,
Костромѣ косу остру притупило».
Какъ за рѣчкой за рѣкой,
Кострома сѣно коситъ;
Бросила кóсу
Середи покосу.

(Пѣсня Акиманской слободы.)

Этотъ обычай называется провожаніемъ весны, или хороненіемъ Костромы и совершается онъ въ послѣднее воскресенье передъ Петровымъ постомъ въ пригородныхъ слободахъ Мурома и другихъ селеніяхъ, расположенныхъ по сю сторону рѣки Оки, однако съ нѣкоторыми измѣненіями..

Подвигаясь далѣе на остальное пространство той части Муромскаго уѣзда, этотъ обычай исчезъ совершенно между взрослыми, которые считаютъ его за грѣховную забаву и приписываютъ ему голодъ, болѣзни и другія народныя бѣдствія. И такъ обычая хороненія Костромы здѣсь между взрослыми не существуетъ; но между дѣтьми (дѣвочками) онъ составляетъ любимую игру въ весеннее и перволѣтнее время. Въ дер. Чулковѣ и другихъ береговыхъ селеніяхъ, дѣвочки играютъ Костромой такъ: одна изъ играющихъ садится на траву, другая ложится къ ней на колѣна, изображая собою Кострому: нѣсколько другихъ дѣвочекъ ходятъ вокругъ и поютъ:

Костромушка, Кострома,
Лебедушка — лебеда,
Бѣлая, румяная!
У Костромушки, Костромы,
Блины съ творогомъ,
Кисель съ молокомъ,
Теща ласковая,
Каша масляная.

Когда вся эта пѣсня пропоется ходящими вокругъ дѣвочками, то онѣ начинаютъ спрашивать у дѣвочки, сидящей на землѣ: «Жива-ль Кострома?» Дѣвочка отвѣчаетъ: «Жива». Такъ разспросы продолжаются до трехъ разъ. Когда же, послѣ послѣдняго вопроса, получатъ отвѣтъ, что Кострома *переставилась*, всѣ дѣвочки начинаютъ тащить Кострому за руки и за ноги, потомъ бросятъ и побѣгутъ отъ нея, крича: «Зелены глаза!» Умершая Кострома вскакиваетъ и ловитъ бѣгущихъ. Кого она поймаетъ, съ тѣмъ онѣ уже вдвоемъ ловятъ остальныхъ, затѣмъ изловивъ третью — втроемъ и т. д. до послѣдней, тѣмъ и оканчивается игра. *(Объяснительный текстъ взятъ у Шейна)*.

На этомъ примѣрѣ удобно наблюдать вымираніе обряда и паденіе его до дѣтской игры.

---

4. Медвѣдь.

Ровинскій, Русск. нар. картинки. V т. 288—329.

«Представленіе производится обыкновенно на небольшой лужайкѣ; вожакъ — коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ — коза, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и, наконецъ, главный сюжетъ — Ярославскій медвѣдь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцомъ, продѣтымъ сквозь ноздри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую вожакъ и водитъ Михайлу Иваныча.

— «Нутка, Мишенька, — начинаетъ вожакъ: «поклонись честнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему въ школѣ тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградилъ. И какъ красныя дѣвицы-молодицы бѣлятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся, прихорашиваются?» — Миша садится на землю, третъ себѣ одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ... Это значитъ: дѣвица въ зеркало смотрится.

— «А какъ, Миша, малыя дѣти лазятъ горохъ воровать?»— Миша ползетъ на брюхѣ въ сторону.

— «А какъ бабушка Ерофѣевна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки сожгла, да отъ дровъ угорѣла? Ахъ блины, блины!» — Мишка лижетъ себѣ лапу, мотаетъ головой, и охаетъ. «А какъ бабы на барскую работу не спѣша бредутъ?» — Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой. — «А какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?» — Мишенька принимается шагать въ сторону...

Затѣмъ вожакъ пристраиваетъ барабанъ, а мальчикъ его устраиваетъ изъ себя козу, т.-е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который вверху проткнута палка съ козлиной головой и рожками. Къ головѣ этой придѣланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Вожакъ начинаетъ выбивать дробь, дергаетъ медвѣдя за кольцо, а коза выплясываетъ около Михайла Ивановича трепака, клюетъ его деревяннымъ языкомъ и дразнитъ; Михайло Ивановичъ бѣсится, рычитъ, вытягивается во весь ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ около вожака — это значитъ: онъ танцуетъ. Послѣ такой неуклюжей пляски вожакъ даетъ ему въ руки шляпу, и Михайло Ивановичъ обходитъ съ нею честную публику, которая бросаетъ туда свои гроши и копѣйки».

---

5. Вертепная драма.

(«Малорусскій вертепъ», ст. Галагана. «Кіевск. Стар.» 1882 г. № 10).

Вертепомъ называется занесенный въ XVI в. изъ Польши въ Малороссію небольшой ящикъ или домикъ для представленій съ куклами. Первоначально въ немъ показывали Рождество Христово, и сцена представляла вертепъ, въ которомъ родился Спаситель, — отсюда — названіе. Вертепъ раздѣляется на два яруса: верхній назначался для серьезной части драмы, а нижній — для бытовыхъ, комическихъ сценокъ — интермедій. За вертепомъ прятался человѣкъ, который управлялъ куклами, двигавшимися по прорѣзямъ въ полу сцены, и говорилъ за дѣйствующихъ лицъ. Вмѣстѣ съ вертепомъ носили обыкновенно и *звѣзду* — большой звѣздообразный фонарь изъ промасленной бумаги на высокомъ шестѣ. Носили вертепъ и звѣзду на святкахъ, большей частью школьники-бурсаки, отпущенные на праздникъ; они пѣли колядки и «канты», служившіе вступленіемъ къ вертепной драмѣ. Главное содержаніе вертепной драмы составляла смерть Ирода; ей предшествовали сцены по

клоненія пастырей и волхвовъ, избіеніе младенцевъ виѳлеемскихъ и плачъ Рахили о своихъ дѣтяхъ. Комическія народныя сцены въ малорусскомъ вертепѣ не перемѣшивались съ серьезными, какъ въ западныхъ мистеріяхъ и въ польскомъ вертепѣ, а составляли особую, вторую часть драмы, почти ничѣмъ не связанную съ первой. Это вторая часть представляла рядъ отдѣльныхъ сценокъ, тоже слабо связанныхъ между собой или совсѣмъ самостоятельныхъ; въ нихъ являлись представители разныхъ національностей или сословій парами (мужчина и женщина), пѣли и плясали. — Здѣсь приведены отрывки изъ той и другой части вертепной драмы.

1. Рахиль осыпаетъ Ирода проклятіями, появляется воинъ и выталкиваетъ ее.

Послѣ сцены съ Рахилью, Иродъ, оставшись одинъ, въ раздумьи говоритъ:

«Увы! Какая сила временъ, вдругъ сдѣлалась переміна,
Думалъ жить вічно, напротивъ того приходитъ и кончина.
Однакожъ еще со смертью воевать буду»...

Онъ приказываетъ воинамъ стать у порога и, чтобы не вбѣжала смерть, ловитъ её, «яко мога». Воины исполняютъ приказаніе царя, а хоръ поетъ грозную пѣсню, возвѣщающую приближеніе смерти:

Тутъ смерть выходитъ;
Рече къ нему вину:
«Почто дерзнулъ пролить
Кровь неповинну,
За нюже, реку,
Стяжутъ твою душу.
И пригласити други
Своя мушу[1]).
О, Ироде преокаянный!

Между тѣмъ въ дверь врывается и страшная гостья, изображенная, какъ обыкновенно, въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ. Воины въ страхѣ убѣгаютъ, а смерть обращается ко Ироду со словами:

«Что ты, Ироде несытый,
Почто сіе болтаешь,
Мене убити —
Єоимъ воинамъ повеліваешь?
Я въ помощь призову
И своего брата,

[1]) Намѣренъ, хочу, долженъ — отъ глаг. мусить (нѣмецк. müssen).

Изъ пропасти ада,
Выйди, брате, друже любезный, пособити,
Кровопійцу Ирода отъ земли истребити!

По вызову смерти является чортъ. Наружный видъ его снятъ съ обычныхъ рисунковъ церковной живописи: цвѣта онъ чернаго, съ выпученными глазами, съ красною грудью, съ хвостомъ, рогами и черными крыльями. При входѣ его за сценой слышится:

«Гу, гу, гу, гу!
Почто, другиня, требуеши на пораду?»

Увидѣвъ въ чемъ дѣло, онъ приказываетъ сестрѣ своей, смерти, поднять косу и убить Ирода.

Во главу,
Щобъ знали повсюду нашу державу!

Въ виду смерти Иродъ обнаруживаетъ безполезную заносчивость, говоритъ о своей славѣ и силѣ, но смерть прекращаетъ жизнь жестокаго, властолюбиваго царя, ударяя его своею косою, а хоръ провожаетъ душу его въ адъ, выражая желаніе, чтобы она тамъ вѣчно пребывала.

Дерзай: отъ смерти
Посіченъ косою,
Да идетъ во адъ
И живетъ съ тобою;
И будетъ тамъ
Всегда пребывати
И безъ конца непрестанно.

Вслѣдъ за тѣмъ чортъ подходитъ къ убитому Ироду, заключаетъ его въ свои объятія и говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глубочайшій безднi...

При этомъ за стѣной вертепа произносится нравоученіе:

Отъ-такъ берутъ, а такъ несутъ
Роскошникiвъ сего свiта,
Понеже вони не могутъ
Отдать передъ Богомъ одвiта.

Ту же мысль выражаетъ и хоръ въ заключительныхъ стихахъ:

Не відавъ же вінъ,
Що вже истребится,
И царство его
Въ конецъ разорится,
Заслуга ёго
Знатна всімъ и явна,
За те-жъ и пекельна
Бездна изготованна.
О, Ироде преокаянный!

Тутъ являются «дидъ и баба» и пляшутъ подъ звуки малорусской пѣсни. За ними — солдатъ-великоруссъ, котораго смѣняетъ цыганъ.

2. Цыганъ въѣзжаетъ верхомъ на клячѣ. Его рѣчь испещрена исковерканными словами. Цыганъ, сидя верхомъ, говоритъ:

Діги, діги,
Забувъ батько дуги!
На шляхъ да-ри-да-ти,
Бо йду съ праздникомъ поздравляти...

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

Гей! Крицця — не лошиця,
Кремінь — не кобыла.
Якъ біжить, ажъ дрожить,
Якъ впаде, то й лежитъ!

При этомъ кобыла падаетъ, и цыганъ летитъ на землю Цыганъ продолжаетъ:

Пху! побила-бъ тебе нещастлива година,
Пре-пре-прекаторжного ты батька скотина!
Щобъ тобі ні стрило, ні брило,
Щобъ тебе на світі не було!
Одинъ однимъ зубъ держався,
Та й той теперь у снігу зостався!

Затѣмъ, обращаясь къ зрителямъ, продолжаетъ:

Панове! Хто хоче — будемъ міняти,
Бо далебі, що стоїть її продати.

. . . .

Цыганъ бьетъ кобылу и кричитъ:

До шатра! До шатра! До шатра!

Кобыла вскакиваетъ и убѣгаетъ. Цыганъ мечтаетъ:

Охъ юсти, юсти (вѣроятно: йісти)
Смаженоі капусти!
Хочъ-бы сальцемъ замаровати,
Та добре попировати!

Но старому цыгану не суждено было попробовать капусты съ любимымъ «сальцемъ».

— Иди, батьку, кличе мати вечеряти, — говоритъ ему сынъ.
— А що тамъ добраго, сынку, варили?
— Казала мати: «нічого».
— А хлібъ же е?
— Де-бъ винъ взявся? нема!
— Такъ дарма! Вечеряйте собі на здоровье, а я зъ добрыми людьми погомоню!...

3. Появляется передъ зрителями польскій панъ, одѣтый въ кунтушъ съ рукавами на вылетѣ. На головѣ у него конфедератка. За нимъ слѣдуетъ молодой холопъ. Панъ говоритъ по-польски нѣсколько уже искаженнымъ нарѣчіемъ:

А цо тута слыхаць голасъ?
Нѣхъ дзябло вѣзмъ гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женскои палацѣ!

Мальчикъ уходитъ, а полякъ, обращаясь къ зрителямъ, говоритъ:

А цо, панове?
Я изъ дзяда, изъ прадзяда
Уродзоний естемъ шляхтичъ!
Былемъ ве Львовѣ,
Былемъ въ Краковѣ,
Былемъ въ Кіёвѣ,
Былемъ въ Варшавѣ и Платавѣ,

А теперь естемъ у ясновельможного пана (имя рекъ)

Ктурому до ногъ падамъ,
Жичу здрувья и многи лята!

Затѣмъ слѣдуетъ обычное появленіе женщины соотвѣтственно народности дѣйствующаго лица. Полька цѣлуется съ мужемъ, и оба танцуютъ подъ звуки краковяка. Мальчикъ выглядываетъ изъ-за дверей и тоже танцуетъ, наконецъ выскакиваетъ на сцену и начинаетъ танцовать за спиною пана; оба сталкиваются, панъ падаетъ и кричитъ:

«А пудзь до дзябла, лайдакъ:
Я цѣ батогами забію!»

Тогда полька обращается къ мужу со словами:

Пшепрашамъ пана Яна!
Идзь зе мнѣ.
Бо ціебѣ гайдамака забіе.

Полякъ заносчиво отвѣчаетъ:

«Що ты, не эдукована кобіто[1]), мувишь?
Якъ Бога кохамъ,
Еденъ тшидзести гайдамакъ забіе!»

4. Здѣсь происходитъ сцена весьма характеристическая. Только-что полякъ произнесъ свои хвастливыя слова, какъ раздается за сценой пѣсня запорожца:

Та не буде лучше,
Та не буде кращче,
Якъ у насъ, та на Украині!
Що немае жида,
Що немае ляха,
Не буде измінi!

Заслышавъ звуки пѣсни запорожца, полякъ быстро убѣгаетъ и на сцену является запорожецъ. Онъ гораздо выше всѣхъ остальныхъ фигуръ вертепа, одѣтъ въ широкія красныя шаровары и синюю куртку, обшитую галуномъ. Въ правой рукѣ у него булава, съ выбритой головы виситъ чуприна.

Запорожецъ — главный герой пьесы, но авторъ уже чувствовалъ, что старое козачество отжило свой вѣкъ (текстъ пьесы относятъ къ концу 17-го или даже началу 18-го вѣка); поэтому казакъ грустно говоритъ зрителямъ: «Ай, панове, что это было, когда я молодъ былъ; то-то у меня была сила!» Теперь же его подвиги состоятъ въ томъ, что онъ дерется со всѣми направо и налѣво. Характерно, что одна изъ стычекъ происходитъ съ попомъ-уніатомъ.

5. Слѣдуетъ народная сцена. Мужикъ Климъ съ женой гонятъ свою ледащую свинью, которая изрыла весь огородъ; мужикъ рѣшаетъ ее «дядькамъ на школу дать, бо вона вже давно хотіла издихать». Является «пан-дякъ», т.-е. дьячокъ-учитель. Климъ говоритъ:

---

[1]) Необразованная женщина.

Здоровъ бувъ, пане бакаляру[1])
И нашъ таки пан-дяче!
Возьми собі оцю свиню,
Хай въ городъ не скаче!

Дьячекъ въ радости зоветъ своего товарища, причемъ для показанія своей учености называетъ его не по просту: Иване, а такъ:

Иже, віди, азъ, нашъ, есть!
Спіши сюда зіло!
Климій сотворивъ намъ честь,
Давъ свиняче тіло!

Потомъ дьячокъ благодаритъ Клима нелѣпо-высокопарной рѣчью, хорошо передающей ухищренія школьнаго краснорѣчія:

Гевалъ, Амонъ, и Амаликъ,
И всі живущи въ Тирі
Возрадуются доброті
И воспоютъ въ эфирі!
Мы вашу обреченну жертву,
Хотя живу, хотя мертву,
Со благодарностью пріемлемъ
И выю вамъ объемлемъ.

Дьячокъ уходитъ, а Климычъ въ раздумьи говоритъ: «Дивись, якъ пресучій дьякъ подякувавъ гарно![2]) Ажъ въ мене слезы навернулись!... Правда, панове (*къ публикѣ*), есть за що и дякувать: свиня хочь куды свиня, — ребра такъ и свитятца!»

Окончательный юмористическій штрихъ состоитъ въ томъ, что Климъ, повернувшись къ женѣ, объясняетъ ей, что свинья и безъ того бы скоро издохла, а дьячку все-равно надо было платить за ученье сына.

---

6. «Петрушка.»

(Народная кукольная комедія).

Представленія Петрушки, постоянно сопровождаемыя показываніемъ медвѣдя и козы, которая «била въ ложки», давались уже въ XVII сто-

[1]) Дьякъ учился въ семинаріи и мужикъ даетъ ему школьный титулъ баккалавра.
[2]) Хорошо поблагодарилъ.

пѣтіи. Образованному иностранному путешественнику по Россія, Олеарію пришлось видѣть эту пьесу въ XVII столѣтіи подъ Москвой; по описанію, имъ сдѣланному, и по приложенной къ путешествію картинкѣ, «комедь о Петрушкѣ» производилась слѣдующимъ незатѣйливымъ образомъ: комедіантъ надѣвалъ родъ короткой туники, въ подолѣ которой былъ продѣтъ обручъ; онъ поднималъ обручъ кверху, и голова его такимъ образомъ оказывалась какъ-будто въ вазѣ; изъ-за краевъ этой вазы онъ показывалъ исполненную драками комедію о Петрушкѣ...

«Петрушка» — западнаго происхожденія и сближается съ цѣлой вереницей комическихъ фигуръ — «масокъ», вродѣ итальянскаго «Пульчинелло и др.

Современный Петрушка, кромѣ грубаго жаргона и уродливой внѣшности, сохранилъ отъ старины дубинку, гнусавый пищикъ, музыку, и нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ — жену, доктора, полицейскаго, клоуна въ бѣломъ костюмѣ, который является подъ названіемъ нѣмца, но все это нѣсколько обрусѣло. Вотъ вкратцѣ содержаніе одного изъ варіантовъ.

Шарманка сипло наигрываетъ русскую пѣсню; изъ-за ширмъ слышатся то рѣзкіе, гнусавые возгласы, то кряхтѣніе, то подпѣваніе Петрушки, въ одну изъ минутъ усталаго ожиданія, когда публика готова уже развлечься постороннимъ, онъ неожиданно показывается изъ-за ширмъ и кричитъ: «Здравствуйте, господа!» и пускается въ разговоръ съ музыкантомъ, проситъ его сыграть плясовую и танцуетъ, сначала одинъ, потомъ съ супругой (которую по нѣкоторымъ варіантамъ зовутъ «Маланьей Пелагевной»; а по другимъ «Пигасьей Николавной») и наконецъ прогоняетъ ее.

Является цыганъ и продаетъ ему лошадь; Петрушка ее уморительно осматриваетъ, тащитъ за хвостъ, за уши, садится и гарцуетъ и поетъ:

«Какъ по Питерской,
По Тверской-Ямской...

Лошадь начинаетъ брыкаться, сбрасываетъ его, и Петрушка падаетъ, громко стукая деревяннымъ лицомъ о рамку ширмы, охаетъ, кряхтитъ, стонетъ и зоветъ доктора.

Приходитъ «докторъ-лѣкарь, изъ-подъ Каменнаго моста аптекарь» и, рекомендуясь публикѣ, говоритъ, что онъ «былъ въ Италіи, былъ и далѣе», и спрашиваетъ у Петрушки:

— Что у тебя болитъ?

«Какой же ты докторъ», кричитъ ему Петрушка — «коли спрашиваешь, гдѣ болитъ? На что ты учился? Самъ долженъ знать, гдѣ болитъ».

Начинается осмотръ Петрушки: докторъ ищетъ больного мѣста, тыкаетъ Петрушку пальцемъ и спрашиваетъ: «Тутъ?

тутъ?» а Петрушка все время кричитъ: «Повыше, Пониже! Крошечку повыше!» и вдругъ неожиданно вскакиваетъ и колотитъ доктора. Докторъ скрывается.

Затѣмъ появляется клоунъ-нѣмецъ. Петрушка его убиваетъ, и нѣмецъ мертвый лежитъ на краю ширмъ. Музыкантъ говоритъ Петрушкѣ: «Что вы надѣлали, Петръ Ивановичъ? Сейчасъ полиція придетъ». Петрушка сначала храбрится и, весело заглядывая въ физіономію лежащаго нѣмца, говоритъ: «Нѣмецъ-то притворился мертвымъ». Затѣмъ взваливаетъ его себѣ на спину, тащитъ домой и кричитъ безпечно: «Картофелю, картофелю! Поросятъ, поросятъ!...»

Появляется татаринъ, продаетъ халаты, а Петрушка думаетъ, что его берутъ въ солдаты; татаринъ рекомендуется незатѣйливой остротой:

Я татарскій попъ,
Пришелъ ударить тебя въ лобъ!

И исчезаетъ, преслѣдуемый П трушкой. Петрушка возвращается одинъ. Онъ въ тревогѣ: боится наказанія, обращается къ музыканту и говоритъ: «Что, меня никто не спрашивалъ?» Старается спрятаться, наконецъ садится, пригорюнившись, и поетъ жалобную пѣсню:

Пропала моя головушка
Съ колпачкомъ и съ кисточкой...

Изъ-за ширмы показывается квартальный и Петрушку берутъ въ солдаты; онъ протестуетъ и говоритъ, что горбатъ—служить не можетъ. Квартальный возражаетъ: «Гдѣ-жъ у тебя горбъ? У тебя нѣтъ горба!» Петрушка кричитъ: «Потерялъ!»[1]).

Слѣдуетъ комическая сцена обученія Петрушки воинскому артикулу, и, дѣлая дубиной ружейные пріемы, онъ ударяетъ ею своего учителя; тотъ кричитъ на него, а Петрушка вытягивается во фронтъ и говоритъ: «Споткнулся, ваше сковородіе!» И затѣмъ прогоняетъ квартальнаго, а между тѣмъ приближается возмездіе за его безобразное поведеніе.

Прибѣгаетъ рычащая собака.

Петрушка видитъ, что его дѣло уже плохо, пробуетъ обратиться за помощью къ музыканту, но получаетъ отказъ, и старается умаслить собаку ласковыми названіями, гладитъ

---

1) Европейскій прототипъ Петрушки дѣйствительно былъ горбатъ.

и приговариваетъ: «Шавочка, душечка! Орелочка!» но собака неожиданно хватаетъ его за носъ и тащитъ, а Петрушка, не успѣвъ поблагодарить публику за вниманіе, только кричитъ, намекая на свой носъ: «Моя табакерка! моя табакерка! Моя скворешница!...» и при общемъ хохотѣ скрывается за ширмами. Пріумолкнувшій шарманщикъ опять начинаетъ вертѣть шарманку и наигрываетъ русскую пѣсню.

---

7. «Изъ Рождественской драмы».

Димитрія Ростовскаго.

Пастыріе.

(Два брата пошли въ городъ для покупки, а третій при овцахъ быхъ, наступившей же нощи, пошелъ тѣхъ искати и прочее).

Пастырь 1-й, Борисъ. *(Къ публикѣ).*

Судари мои свѣты! Здорово ль живете?
Вы въ семъ мѣстѣ собраны подавно сѣдете:
Не видали ли моихъ товарищъ, идущихъ
Въ городъ или зъ города кошели несущихъ?
Одинъ уже и пристаръ, маленько горбатый,
Кривъ на глазъ, имя ему Аврамъ сторожатый,
Другой молодъ, именемъ Афоня названный,
Въ старомъ шубіонку, что намъ въ подпасочки данный.
Пошли въ городъ хлѣба на ужину купити,
А мене оставили овечокъ хранити.
Замѣшкали; а уже нощь темна приходитъ,
А на мене едного страхъ великъ находитъ.
Я, бросивъ и овечки, пошелъ ихъ искати.
Въ городъ далеко, страшно, здѣсь ихъ буду ждати.

(Сядетъ).

Ой, Аврамъ, Аврамъ! Той же зайшолъ на кружало.
Когда бъ ему какое тамъ лихо не стало!

Пастырь 2-й, Аврамъ.

Борисе! Чего ты здѣсь, а овцы покинулъ?

Борисъ.

А ты для чего, въ городъ пошедши, загинулъ?
Пришолъ вечеръ, я овцы загналъ во ограду,

А самъ уже пошолъ былъ васъ искать ко граду.
Кое васъ тамъ такъ долго лихо удержало?

Аврамъ.

Не покручинься, братецъ; зайшолъ на кружало,
За алтынецъ винишка и съ парнишкомъ испивъ.

Борисъ.

Отъ вѣдь я догадался! А мнѣ-то не купивъ?

Аврамъ.

Никакъ, купилъ и тебѣ: какъ вѣдь не купити!
Малецъ, вынь ми съ кошеля! На, зволишь испити?

Борисъ.

Нутко сядьте жъ и сами поразу напьемся.
Хлѣба купили ль?

Афоня (*говоритъ*).

Есть.

Борисъ.

Гораздо подкрѣпимся.

Афоня.

Вотъ тебѣ хлѣбъ, вотъ тебѣ соль, вотъ и калачи!
Кушай старичокъ, здоровъ, а на насъ не ворчи.

Аврамъ.

Да кушаймо жъ поскоряй, пора итти къ стаду,
Штобъ иногда какой волкъ не влѣзъ во ограду.

(*Запоютъ ангели, а они забудутся, кусы въ ротахъ. Думаютъ долго, одинъ на одного смотритъ, нескоро въ небо*).

Аврамъ.

Што, братъ? Гдѣ же то гетакъ поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ; ты слышишь, Афонько?

Афоня.

Я вже слышу и вижду, ей, птички высоко.
Смотрѣте! Еднакъ ваше не досмотритъ око:
Ты старъ, а ты на глазъ хромъ. Вотъ въ гору смотрите!

. . . .

Борисъ и Аврамъ.

Е! е! е! Видимъ, видимъ!

Афоня.

А што, правда птички?

Аврамъ.

Братъ! Кажется, ребятки стоятъ невелички.

Афоня.

Судари! И хто видалъ ребята съ крылами?
Птицы то залетѣли межи облаками:
Етакъ бы хорошенько ребята не пѣли.
Смотри, смотри: не видно, вотъ и полетѣли.

Борисъ.

Летѣте жъ здоровеньки, а мы посѣдѣмо;
Маленько покушавши, къ овечкамъ идѣмо.

Аврамъ.

Когда бъ же такъ надъ стадомъ нашимъ всю нощь пѣли,
То бъ мы, ихъ слушаючи, спать не хотѣли.
Афоня! ты учися на дудкѣ играти,
Штобы мы не хотѣли, да и ты, дремати.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ангелъ *(къ пастыремъ. Убоятся)*.

Радость, о пастыріе, отъ меня пріймѣте
И не ужасайтеся, но словамъ внемлѣте.
Радость нынѣ велія мірови явися,
Спасъ человѣческому роду днесь родися
Отъ непорочныя Маріи дѣвицы,
Небесныхъ, купо земныхъ жителей царицы.
Близь града Вифлеема въ вертепѣ глубокомъ,
Между воломъ и осломъ, на мѣстѣ высокомъ,
Въ яслѣхъ на остромъ сѣнѣ, пеленами ввитый,
Нищъ лежитъ всего міра царь презнаменитый.
Тамъ убо веселыма ногама идѣте,
Достойную ему честь и поклонъ дадѣте.

Борисъ.

Осударь! Кто ты таковъ? Ты княжаго рода?
Чаю, что князь твой отецъ или воевода.

Ангелъ.

Азъ есмь архангелъ, не отъ земна рода,
Но отъ небесныхъ ликовъ воевода,
Неприступну престолу Бога услугую,
И тайны Того міру азъ благовѣствую,
Еже и вамъ вѣщаю, отъ Его посланный:
Тому поклонъ да будетъ отъ васъ нынѣ данный.

Аврамъ.

Чаю, тебѣ, государь, ко княземъ послали,
Штобъ они великому царю поклонъ дали.

Ангелъ.

Аще и царь есть царемъ, нынѣ же смиренный,
Волею между скоти въ тайнѣ положенный,
Нищету возлюбивый, васъ, нищихъ, взываетъ;
Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ, пастырей, чаетъ.

Борисъ.

Осударь! Надобно ли что въ поклонъ понести?
Штобъ не велѣлъ, якъ нашъ князь, у шею вонъ вести!

Ангелъ.

Господь вашъ и Богъ благихъ вашихъ не требуетъ,
Не хощетъ себѣ даровъ, но Онъ да царствуетъ
Чисто сердце за дары Тому принесите,
Вѣру, надежду, любовь ему предложите.
Глаголанная мною скоро сотворѣте,
Азъ буду невидимъ; вы въ вертепъ идѣте.

Борисъ.

Штоже такъ итти худо? Ходѣмъ, украсѣмся,
Въ чулки, лапти новые, пойдіомъ, приберемся.
Афоня! позабирай калачи и вино,
Да и ты приберися; пойдемъ всѣ за едино.

Пѣніе.

Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
«Христосъ ся вамъ днесь родилъ
Въ Вифлеемѣ, градѣ Давидовомъ,
Въ колѣнѣ Іудовомъ
От Дѣвы Маріи».
Хотяще знать извѣстно,

Еже имъ благовѣстно,
Въ Вифлеемъ скоро пошли,
Отроча въ яслѣхъ знашли,
Матерь съ Іосифомъ.
То дивное рождество
Не изречетъ вѣтѣйство;
Зачала Дѣва Сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего[1]).

8. Интерлюдіи XVII—XVIII вв.[2]).

(Н. Тихонравовъ «Русскія драматич. произведенія»).

1.

Изыдетъ Астрологъ съ трубкою и глаголетъ:

Изыду въ люди, въ мірѣ проявляюся,
Многимъ на пользу пожити потщуся.
Прежихъ весь мой вѣкъ въ наукахъ премногихъ,
Вѣмъ пользовати богатыхъ, убогихъ.
Наипаче буду на звѣзды глядати
И будущая людямъ провѣщати.

(Вынетъ трубку и смотритъ на звѣзды и глаголетъ).

Доброе лѣто имать нынѣ быти,
Жито, пшеницу хощетъ намъ родити.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Ученымъ людямъ мало будетъ чести,
Едва довольно дадутъ пити, ѣсти.

---

[1]) Интересно отмѣтить, что послѣдній хоръ представляетъ буквальный переводъ одной польской «кантычки», вѣроятно, входившей въ польскую Рождественскую драму, которой пользовался Дмитрій Ростовскій.

[2]) Эти интерлюдіи, вѣроятно, сочинялись въ средѣ воспитанниковъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ Петровское время. Онѣ могли и разыгрываться ими же въ театрѣ при Госпитальной школѣ. Когда устроенная Петромъ въ 1703 году въ Москвѣ «Комидійная храмина» спустя нѣсколько лѣтъ перестала дѣйствовать, то спектакли продолжались въ разныхъ мѣстахъ; дѣйствовали частные театры у царевны Натальи въ Преображенскомъ, у царицы Прасковьи въ Измайловѣ. Но особенно слѣдуетъ отмѣтить театръ въ большомъ Госпиталѣ на Яузѣ, гдѣ актерами были ученики хирургической школы. Въ 20-хъ годахъ XVIII в. въ эту школу поступало очень много воспитанниковъ Греко-Латинской Академіи; имъ, конечно было близко знакомо театральное дѣло по академической практикѣ.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Правда не станетъ, лжа по градомъ ходитъ,
Гнѣвъ Божій весьма по себѣ приводитъ.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Добро жити совѣщаю,
Хищниковъ много быти познаваю.

(Ту, снимя съ себя одежду и положа, смотритъ паки: въ то время тать покрадетъ, а онъ глаголетъ:)

Благое ведро нынѣ имать быти,
Ни капли дождя восхощетъ мочити.
Всуе, опанчю носящи, трудихся:
Нигдѣ водою азъ, мню, омочихся.

(Паки смотритъ и глаголетъ:)

Въ чюжихъ потребахъ мудрыми бываютъ,
Сами въ своей бѣдѣ ничесо же знаютъ.

(Въ то время дождь его обольетъ, онъ же глаголетъ:)

Откуда дождь сей? Звѣзды не являху;
Пачо ведро веліе вѣщаху;
Взяти опанчю, чтобы ся окрыти.
Не чаяхъ дождемъ днесь омоченъ быти.

(Кинется до епанчи; не обрѣтъ же ея, глаголетъ:)

Увы, мнѣ, яко въ небо засмотрихся!
Онанчи, шапки чрезъ воровъ лишихся.
Обаче еще имамъ усмотрати,
Егда возмогу татя поимати.

(Паки посмотритъ и глаголетъ:)

Щастливый путь мнѣ небо проявляетъ,
За татьми скоро въ путь итти повелѣваетъ.

(Ту бѣжитъ скоро и впадаетъ въ яму; а Мужикъ, пришедъ, просты и глаголетъ:)

Се тебѣ, чеч, глупто высоки зриши,
А на землю подъ ноги не смотриши.
Ты будущая дерзну провѣщати,
Твоихъ случаевъ не возмогъ познати;
Впалъ еси въ яму темную глубоко
За то, что въ небѣ зрѣлъ еси высоко.

Лучше подъ ноги прилежно смотрѣти,
Землю орати, неже въ звѣзды зрѣти.
Полежи въ ямѣ мало, потружайся;
Да тя извлеку, три дня дожидайся.

(И отходитъ за завѣсу.)

2.

(Входитъ маркитантъ и продаваетъ пироги, вельми ихъ похваляя.)

Маркитантъ.

Кто тутъ спрашиваетъ подовыхъ, господа честные?
Вотъ у меня куда хорошіе какіе!
То здѣсь пироги горячи,
Ѣдятъ голодны подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцемъ,
Съ свѣжимъ говяжьимъ сердцемъ.
Масло черезъ край льется,
И подлить его еще довольно найдется.
Теперь только испечены,
Куды какъ воложно начинены!
То пироги здобны, то скляны;
Покушайте, господа дворяны!
Вотъ теперь только изъ печи взяты.
Ну, убирай же, бурлаче, ухваты!
Небось брюхо не буде ворчать.
Изволите хоть за то даромъ взять:
Хоть денегъ поубавятъ,
Да животъ пріуправятъ!

Приходитъ дьячокъ (онъ же ставленникъ)[1].

Ну-ка, съ легкой руки на починѣ!
Кто купитъ, удалые молодчины?
Что-ста, бачка, не изволишь ли подовыхъ? Что усы ты разчищаешь?
Никакъ, право, ты озябъ, что руками тѣ посыкаешь.
Коли озябъ, то на-тко изволь покушать горяченькихъ сразу.

Ставленникъ отказывается, говоря, что у него нѣтъ денегъ. Являются мошенники и начинаютъ разузнавать, что есть у дьячка.

[1]) Т.-е. идущій «ставиться» въ попы.

Мошенникъ 1.

. . . . А какъ-ста ты издалеча?

Ставленникъ.

Куда даль какая! Иванъ Предтеча
Есть церковь — у той меня по указу дьячкомъ опредѣлили,
А нынѣ опять прихожана приговорили,
Чтобъ мнѣ итти въ попы какъ-нибудь добиваться.

Мошенникъ 1.

Куда-ста право даль какую изволилъ подняться!
Да взялъ ли хоть ты денежонокъ сколько-нибудь съ собою?

Ставленникъ.

Небольшое число на дорогу взялъ со мною.

Мошенникъ 1.

Какъ же ты идешь ставиться съ простыми руками.
Вѣдь, къ секретарямъ надобно итти съ дарами.

Ставленникъ.

Ты, пожалуй, о томъ не зоблись, они всѣ меня знаютъ.

Мошенникъ 2.

Они такихъ знакомыхъ тыхъ пуще одуваютъ!

Мошенникъ 3.

Еще прежде секретарей немало претерпишь муки,
Какъ попадешь къ подъячимъ въ руки.

Мошенникъ 4.

Да-ить канцеляристамъ надобно сахару снесть пол-десятокъ головокъ:

Ставленникъ.

Нѣтъ, братъ, нечово имъ у меня вырвать, я на это ловокъ,
Самъ на обухѣ рожь молочу, а зерна не уроню:
Пустяки у меня возьмутъ подъячи.

Маркитантъ.

Ну, кутейникъ, разбалакался, ѣшь, пока пироги-то горячи,
Вѣдь мнѣ недосугъ съ тобой забавляться —
Надобно еще въ другое и третье мѣсто поспѣшаться.

Ставленникъ.

Молчи, мужичекъ, не вздорь, лучше право безъ крику,
Вѣдь, нѣкую тебѣ убыль сдѣлаемъ велику.

Затѣмъ слѣдуетъ брань и драка, потомъ мошенники уходятъ, а ставленникъ продолжаетъ опять ѣсть пироги; при расплатѣ оказывается, что у него украдены деньги; маркитантъ удерживаетъ за долгъ шапку.

3.

Подъячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять дѣтей его въ семинарію. Дьячекъ отвѣчаетъ:

Знаю я вашу братью: вы, вѣдь рабята просты.
Аже у ково обдуть, огладить — путные охлесты.

Подъячій.

Что мнѣ съ тобой балакать,
Будешь еще о нихъ и плакать!
Только, какъ этотъ указъ прочитаешь,
То въ тотъ часъ познаешь.

Дьячокъ.

Лучше мнѣ теперь умереть,
Нежели на это смотрѣть,
Какъ моихъ дѣтей они лишаютъ
И въ серимарію на муку обираютъ.
Пожалуй, батюшка, умилосердись надъ нами,
Напиши, пожалуй, что они еще негодны лѣтами.

Подъячій.

Догадался, какъ проигрался, схватился Малахъ,
Какъ нѣтъ ничего въ головахъ!
Предъ нами давѣчь такъ ты и шапки не хотѣлъ снять,
Да нетокмо шапки снять, еще и слова не хотѣлъ сказать.
Ну, давай скорѣй, дьячишко, могильная муха,
Смотри, чтобъ я тебѣ не скроилъ треуха.

Дьячокъ.

Возьми съ меня, пожалуй, хоть рублишковъ полдесятокъ.

Подъячій.

Добро, я съ тобою сдѣлаюсь, ежели къ тѣмъ прибавишь десятокъ.

Дьячокъ.

Ну, я ужъ тебѣ прибавлю.

Подъячій.

Такъ я дѣтей твоихъ отъ семинаріи избавлю.

Дьячокъ.

Вправду-ль ты только дѣтей моихъ избавишь?

Подъячій.

Конечно, избавлю, если посуленое исправишь.

Дьячокъ.

Какъ же намъ этое дѣло-то сдѣлать и секретаря обмануть?

Подъячій.

Небось, давай деньги смѣло —
Мы ужъ знаемъ какъ — обманывать-то наше дѣло;
Да, сверхъ того, они съ вашей братіи
Одуваютъ деньги и платіе.
А какъ тебѣ дѣлать надобно, я тя научу,
И какъ сказать предъ секретаремъ, тогда подъ ухомъ по-
шепчу.
Этому, скажи, пять лѣтъ, какъ родился.

Подъячій 2. *(Подходитъ.)*

Я чаю, што ты ужъ задавился,
Ты еще здѣсь съ дьячкомъ тымъ изволишь балакать,
А намъ, право, тамъ лишь плакать:
Ужъ третью промеморію изъ семинаріи прислали
Штобъ вы скорѣя ихъ сыскали.

Подъячій 1.

Ну, братъ, какъ-нибудь свободи его дѣтей.

Подъячій 2.

Но я боюсь: за это, вѣдь, въ приказѣ схватишь плетей.
Ну, дьячокъ, давай ихъ скоряя,
Ни мало не отлагая!

Дьячокъ.

Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, соберитеся сюда,
Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!

Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
    И въ проклятую серимарію на муку обираютъ.
О, мои дѣтушки сердечныя,
    Не на ученіе васъ берутъ, но на мученіе безконечное!
Лучше вамъ не родитися на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
    Того жъ часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться!
О, мои милыя дѣтушки!
    О бѣлыя лебедушки!
Лучше бъ васъ своими руками въ землю закопалъ,
    Нежели въ серимарію на муку отдалъ!
Прощайте, мои дѣтушки, ужъ мнѣ васъ не видать,
    И съ вами ужъ никогда не живать.

Подъячій 1.

О, у тя, какъ вижу, плачу конца не дождаться;
    Пора уже намъ и къ городу подвигаться.
Ну, дьячокъ, прощай, добрый человѣкъ,
    Дай тѣ Богъ множество лѣтъ,
А впредь, пожалуй, знайся съ нами,
    Съ подъячими, съ приказными строками.

Дьячокъ.

Прямь, што не отъ дурова добрые люди говорятъ,
    Што подъячи-ты люди,
    Ажно люты они, да и не худы.
Вотъ теперь денежки тѣ съ меня схолодили,
    А дѣтей тыхъ отъ семинаріи таки не свободили.
Впредь же я ихъ теперь буду знать,
    А когда случай придетъ, не такъ буду поступать.

---

9. Царь Максимиліанъ.

Среди солдатъ, фабричныхъ и ремесленниковъ въ самыхъ различныхъ частяхъ Россіи до сихъ поръ иногда на Святкахъ разыгрывается эта пьеса, несомнѣнно, книжнаго происхожденія, но еще не приведенная учеными ни къ какому опредѣленному литературному источнику. Основное содержаніе ея заставляетъ вспомнить о житіяхъ мучениковъ: Царь Максимиліанъ, женившись на какой-то язычницѣ (иногда она называется богиней Венерой), переходитъ въ ея вѣру и требуетъ отъ сына Адольфа, чтобы онъ поклонился «кумирическимъ богамъ»; тотъ отказывается, отецъ сажаетъ его въ темницу, а потомъ казнитъ. Но этотъ остовъ пьесы осложненъ появленіемъ нѣсколькихъ лицъ, которыя не связаны съ дѣй-

ствіемъ: они являются въ видѣ храбрыхъ рыцарей, сражаются, убиваютъ другъ-друга или ихъ побѣждаетъ Смерть. Число этихъ лицъ и ихъ имена различны въ разныхъ варіантахъ. Затѣмъ выводится нѣсколько комическихъ личностей въ родѣ тѣхъ, которыя являются въ вертепѣ: пѣніе, пляска, драка, убійство, незатѣйливыя остроты составляютъ постоянныя черты этихъ лицъ. Иногда въ пьесу входятъ эпизоды, извѣстные въ отдѣльномъ самостоятельномъ видѣ, напр., игра — діалогъ «Лодка», гдѣ играющіе изображаютъ разбойниковъ и, сидя на землѣ, дѣлаютъ видъ, что гребутъ, распѣвая: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», а «атаманъ» и «эсаулъ» ведутъ діалогъ о томъ, куда направлять лодку, что видно впереди и т. д. Другой подобный эпизодъ — сраженіе Аники-воина со Смертью и его гибель — извѣстенъ въ старой книжной литературѣ въ формѣ стариннаго сказанія «Преніе живота со смертью». Въ числѣ пѣсенъ, которыхъ въ «Царѣ Максимиліанѣ» бываетъ довольно много, попадаются извѣстные романсы въ родѣ «Гусаръ, на саблю опираясь», или стихотворенія нашихъ поэтовъ; встрѣчается пересказъ «Братьевъ разбойниковъ» Пушкина и др. Рѣчи и обращенія къ публикѣ дѣйствующихъ лицъ иногда близко напоминаютъ подписи на старыхъ лубочныхъ картинкахъ и вообще впадаютъ въ тонъ народныхъ прибаутокъ. — Помѣщенный здѣсь текстъ записанъ въ городѣ Глуховѣ, Черниговской губерніи и напечатанъ г. Каллашемъ въ «Этнографич. Обозрѣніи» № XXXIX.

Дѣйствіе первое.

(На сценѣ стоитъ стулъ, изображающій тронъ, возлѣ него «скороходъ-фельдмаршалъ», обыкновенно самый младшій членъ труппы. На немъ солдатскій или офицерскій мундиръ, сообразно съ тѣмъ, какой удалось достать артистамъ; на мундирѣ погоны или висячіе эполеты, подлинные или сдѣланные изъ картона, цвѣтной бумаги и шумихи, сабля или тесакъ, черезъ плечо красная лента. На груди орденъ и звѣзда. На головѣ шлемъ съ султаномъ, сдѣланный или изъ жести, или изъ картона и сусальнаго золота.

Входитъ царь «Максимиліанъ», одѣтый такъ же, какъ скороходъ. Впослѣдствіи ему приносятъ корону такого вида: обручъ, охватывающій голову; къ нему придѣланы вверху двѣ полосы накрестъ, правильно изогнутыя. Наверху или на лбу короны иногда находится звѣзда. Лентъ у царя двѣ — красная, голубая или зеленая; орденовъ и звѣздъ побольше, чѣмъ у скорохода.)

Максимиліанъ *(къ публикѣ)*. Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! Вотъ и я къ вамъ явился сюда. За кого вы меня признаете: за короля прусьскаго или за прынца храньцюзьскаго? Я не есть король пруській, ни прынцъ храццюзь-

кій, а есть царь Максимиліанъ! *(Къ скороходу.)* Для кого сей тронтъ сооруженъ?

Скороходъ. Для вашего царскаго величества *(уходитъ)*.

Максимиліанъ. Сяду я на этотъ тронтъ, приму въ руки скипетръ и рукодержаву и буду судить свой народъ. *(Садится на тронъ.)* Скороходъ-хитьмаршалъ, явись предъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ *(быстро появляется, шага за два передъ царемъ становится на одно колѣно, вынимаетъ саблю, салютуетъ и вонзаетъ ее въ землю съ лѣвой стороны, продолжая держаться за нее рукой)*. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и принеси мнѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить мнѣ мой народъ.

Скороходъ. Пойду и принесу тебѣ скипетръ, корону и рукодержаву, чтобы судить тебѣ твой народъ. *(Встаетъ, вкладываетъ саблю въ ножны и уходитъ.)*

(Появляется процессія: скороходъ среди двухъ дѣвъ, несущихъ корону, скипетръ — палку, обклеенную сусальнымъ золотомъ съ сусальной звѣздой на верхушкѣ, и державу — шаръ, обклеенный сусальнымъ золотомъ. Всѣ трое — иногда процессія стоитъ и изъ большаго количества лицъ — поютъ):

Я къ царю иду,
Златой вѣнецъ несу,
На голову надѣну,
Хвалу вознесу.

(Этотъ куплетъ исполняютъ три раза, при чемъ третій и четвертый стихи поютъ каждый разъ, стоя на колѣняхъ. По окончаніи пѣнія скороходъ вручаетъ царю скипетръ и державу и надѣваетъ на его голову корону. Процессія удаляется.)

Максимиліанъ. Скороходъ-хитьмаршалъ, явись передъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи ко мнѣ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву *(уходитъ)*.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву *(уходитъ)*.

Адольфъ *(является одѣтый, какъ скороходъ, только пышнѣе)*. Почто, отецъ, меня такъ скоро призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Поклонись моимъ кумирическимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирическимъ богамъ; я твои кумирическіе боги подвергаю подъ ноги *(топаетъ для большей выразительности ногой)*.

Максимиліанъ *(яростно кричитъ)*. Скороходъ-хитьмаршалъ, явись передъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, и какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на три дня въ пустыню: авось, онъ одумается!

Скороходъ. Пойду и отведу твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на три дня въ пустыню: авось, онъ одумается *(уводитъ Адольфа, при чемъ послѣдній поетъ, остальные же артисты, еще не участвовавшіе, подтягиваютъ)*.

Я въ пустыню удаляюсь
Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ...
Сколько горестей, печалей
Мнѣ въ пустынѣ должно снесть!

Максимиліанъ. Скороходъ-хитьмаршалъ, явись передъ тронтъ твоего монарха!

Скороходъ. Почто, царь Максимиліанъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву изъ пустыни: авось, онъ одумался.

Скороходъ. Пойду и приведу твоего гордаго и непокорнаго сына Адольхву изъ пустыни: авось, онъ одумался *(уходитъ и возвращается съ Адольфомъ)*.

Адольфъ. Почто, отецъ, меня призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

(Повторяется слово въ слово предыдущая сцена, и Максимиліанъ, призвавъ скорохода, отправляетъ Адольфа на три недѣли въ пустыню. Адольфъ съ пѣніемъ тѣхъ же стиховъ удаляется. Его опять призываютъ. Максимиліанъ въ третій разъ принуждаетъ Адольфа поклониться кумирамъ и за непослушаніе отправляетъ его въ пустыню на три мѣсяца, куда Адольфъ удаляется и на этотъ разъ съ пѣніемъ.)

Максимиліанъ. Скороходъ, и т. д. Скороходъ. Почто, и т. д.

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву: авось, онъ одумался.

Скороходъ. Пойду и т. д.

Адольфъ. Почто, отецъ, и т. д.

Максимиліанъ. Поклонись моимъ кумирическимъ богамъ!

Адольфъ. Не поклонюсь я твоимъ кумирическимъ богамъ. Я твои кумирическіе боги подвергаю подъ ноги.

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. Скороходъ. Почто и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи моего палача Брамбеуса: пусть онъ на моихъ глазахъ сниметъ съ моего гордаго и непокорнаго сына Адольхва ордена, ленты, кавалеріи, а съ плечъ его голову.

Скороходъ. Пойду и приведу къ тебѣ палача Брамбеуса. Пусть онъ на твоихъ глазахъ и пр. *(уходитъ)*.

Брамбеусъ *(въ черной маскѣ, съ чернымъ шлемомъ на головѣ, съ черными перьями на шлемѣ, въ засученныхъ рукахъ, выкрашенныхъ въ красную краску, обнаженная сабля; одѣтъ онъ въ красную рубашку)*. Почто, царь, меня такъ скоро призываешь, или какія дѣла-вуказы повелѣваешь?

Максимиліанъ. Пойди и отведи моего гордаго и непокорнаго сына Адольхву на лобное мѣсто, сними съ него ордена, ленты, кавалеріи и на моихъ глазахъ голову.

Брамбеусъ. Пойду и отведу твоего непокорного и т. д. *(отводитъ Адольфа въ сторону, гдѣ стоитъ дерево)*.

Хоръ *(поетъ, не появляясь на сцену)*:

Какъ на лобномъ мѣстѣ
Молодецъ стоитъ,
Думушку думаетъ,
Дышитъ тяжело.
Знать, проходитъ времячко,
Добро прошло,
Съ плечъ его могучихъ
Сняли ордена.

(Брамбеусъ при пѣніи этихъ стиховъ снимаетъ ордена и эполеты съ Адольфа.)

Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по рукамъ;
Скованъ онъ, скованъ,
Скованъ по ногамъ.

(Брамбеусъ обматываетъ цѣпью его руки и ноги.)

Брамбеусъ. Охъ, жаль мнѣ царскаго сына, да нельзя измѣнить царскаго слова. *(Рубитъ Адольфу голову, затѣмъ декламируетъ.)*

Подъ зеленой ракитой
Лежитъ царскій сынъ убитый.
Солнце и мѣсяцъ померкамши,
Я на свою душу острый мечъ накладамши *(закалывается.)*

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. Скороходъ. Почто и пр

Максимиліанъ. Пойди и приведи дѣдушку-гробокопателя!

Скороходъ. Пойду и пр. *(Уходитъ и возвращается съ дѣдушкой-гробокопателемъ.)*

Дѣдушка-гробокоп. *(съ длинной клочковатой бородой въ полушубкѣ овчиной наружу, сгорбленный, съ палкой въ рукѣ)*. Почто, и пр.

Максиміліанъ. Пойди и отнеси эти тѣла и закопай такъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало!

Дѣдушка-гробокоп. Чтобы ихъ птицы клевали и звѣрье таскало? Хорошо, батюшка, сдѣлаю!

Максимиліанъ. Нѣтъ, чтобы ихъ птицы не клевали и звѣрье не таскало!

Дѣдушка-гробокоп. Хорошо! *(Уноситъ тѣло.)*

Дѣйствіе второе.

(Максимиліанъ сидитъ на тронѣ; въ противоположномъ углу сидитъ король Мамай, одѣтый, какъ Максимиліанъ, но въ зубчатой коронѣ (обручъ, отдѣланный вверху зубчиками) съ полумѣсяцемъ на ней. Возлѣ короля Мамая стоитъ его племянникъ. Мамай держитъ въ рукахъ скипетръ и державу съ полумѣсяцемъ наверху.)

Мамай *(племяннику)*. Возьми и отнеси царю Максимиліану въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненныя стрѣлы, а скоро я самъ къ нему приду въ гости.

Племянникъ. Возьму и отнесу и т. д.

(Идетъ и несетъ Максимиліану ящикъ съ огненными стрѣлами.) Мой дядя прислалъ тебѣ въ подарокъ пули, ядро, картечи и огненныя стрѣлы и велѣлъ сказать, что скоро онъ и самъ будетъ къ тебѣ въ гости.

Максимиліанъ. Скажи своему дядѣ, что я ни пуль его, ни его самого не боюсь.

Племянникъ. Пойду и скажу *(уходитъ)*.

(Мамай идетъ къ Максимиліану и сражается съ нимъ. Максимиліанъ убиваетъ Мамая.)

Племянникъ *(является и увидѣвъ лежащаго дядю, восклицаетъ.)*

Ли мой дядя убитъ, ли онъ такъ лежитъ? *(наклоняется къ Мамаю)*. Солнце и мѣсяцъ померкамши, я на свою душу острый мечъ накладамши. *(Закалывается.)*

(Максимиліанъ призываетъ скорохода и посылаетъ его за гробокопателемъ. Далѣе повторяется конецъ перваго дѣйствія.)

Дѣйствіе третье.

(Максимиліанъ сидитъ на тронѣ. На противоположной сторонѣ показывается гетманъ-малороссъ, одѣтый такъ же, какъ Максимиліанъ, только корона у него на головѣ зубчатая съ крестомъ наверху, съ поперечными полосами или просто зубчатая съ крестомъ спереди, или такая, какъ у Максимиліана, но съ крестомъ наверху.)

Гетманъ-малороссъ *(обращается къ публикѣ.)* Здравствуйте всепочтеннѣйшіе господа! За кого вы меня признаете: за короля пруськаго, или за прынца хранцюзькаго? Я не есть король пруській, ни прынцъ хранцюзькой, а я есть гетманъ-малороссъ *(идетъ къ Максимиліану)*. Здравствуйте, ваше царское величество!

Максимиліанъ *(сходитъ съ трона, кладетъ на тронъ скипетръ и державу, здоровается за руку съ гетманомъ)*. Здравствуйте, гетманъ-малороссъ! *(начинаетъ прохаживаться по сценѣ)*. Гдѣ бывали, что видали?

Гетманъ-малороссъ. Бывалъ я по всѣмъ четыремъ сторонамъ: въ Парижѣ, къ вамъ поближе, въ Италіи, отъ васъ подалѣе. Но самое интересное, такъ это въ вашемъ государствѣ. Я прошу васъ показать жида: у него очень много денегъ, лошадей, и онъ очень хорошо танцуетъ.

Максимиліанъ. А, не можетъ быть? Я и не зналъ! *(садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и зоветъ скорохода)*. Скороходъ и пр. Скороходъ. Почто и пр.

Максимиліанъ. Пойди и разыщи жида, у котораго много денегъ, лошадей, и который хорошо танцуетъ.

Скороходъ. Пойду и разыщу жида, и пр. *(Уходитъ и возвращается съ жидомъ).*

Максимиліанъ. Правда, Янкель, что у тебя много денегъ?

Жидъ. Ай вей, васе царское и императорское велицество! яки у зида гроси?

Максимиліанъ. А ну какъ я тебя велю казнить?

Жидъ. *(бросается въ ноги Максимиліану).* Ай вей, тателе, мамеле! У меня е, е гроси, богато гросей, три скатули: въ одной густо, въ другой пусто, въ третьей нѣтъ ницаво.

Максимиліанъ. Ну, вотъ хорошо. А вотъ еще у тебя кони хороши!

Жидъ. Васе императорское велицество! Ну, яки у зида кони?

Максимиліанъ. Придется мнѣ, кажется, съ тобой расправиться!

Жидъ. Ай вей, у мене богато коней! Тройка синихъ, тройка сизыхъ, тройка нѣтъ никакихъ?...

Максимиліанъ. А, хорошо, ну, теперь повесели насъ, спляши что-нибудь!

Жидъ. Ну каково у зида танцы?!

Максимиліанъ. Вижу, придется мнѣ расправиться съ тобой по свойски!

Жидъ. Ну, за цево такова рахубу! Ну, я вамъ и протанцюю. Я хоросо танцы понимаю: якъ цуцыкъ на марози.

(Потомъ хоръ поетъ какую-нибудь пѣсню, жидъ танцуетъ. Когда прохаживающіеся царь и гетманъ поворачиваются къ жиду спиной, онъ садится на тронъ, беретъ въ руки скипетръ и державу и самодовольно провозглашаетъ: «Я царю, царю!» Жидъ уходитъ, танцуя).

Гетманъ-малороссъ. Слыхалъ я, ваше царское величество, что у васъ въ темницѣ 33 года сидитъ непобѣдимый рыцарь Аника-воинъ: интересно было бы увидѣть его и побиться съ нимъ.

Максимиліанъ. Хорошо *(садится на тронъ).* Скороходъ, и пр. Скороходъ. Почто, и пр.

Максимиліанъ. Пойди и приведи Анику-воина изъ темницы, гдѣ онъ сидитъ 33 года.

Скороходъ. Пойду и приведу и пр. *(Уходитъ и возвращается съ Аникой-воиномъ, одѣтый въ черный панцырь и черный шлемъ съ черными перьями.)*

Аника. Почто, царь, меня призываешь?

Максимиліанъ. Вотъ, Аника-воинъ, хочетъ съ тобой мой пріятель Гетманъ-малороссъ помѣряться силами.

Аника. Вели расковать.

(Скороходъ снимаетъ цѣпь съ Аники и даетъ ему свою саблю. Аника и гетманъ сражаются, гетманъ падаетъ убитымъ, Аника уходитъ.)

Максимиліанъ. Скороходъ, и пр. **Скороходъ.** Почто и пр.

Максимиліанъ. Пойди, позови доктора.

Скороходъ. Пойду и позову доктора *(уходитъ).*

Докторъ-нѣмецъ. Што герръ тсарь меня присывай?

Максимиліанъ. Вотъ вылѣчи! *(указываетъ на гетмана).*

Докторъ. О, хорошо! Где мой нехотяй? Ти, фельтшеръ! Приступай скорѣй!

(Фельдшеръ появляется пьяный съ громадной бутылкой, напѣвая: «Дуетъ, дуетъ вѣтерокъ»... Подходитъ къ гетману и довольно непочтительно хватаетъ его за носъ. Докторъ суетъ гетману подъ носъ пузырекъ.)

Гетманъ *(вставая).* Фу, какъ я крѣпко спалъ!

Максимиліанъ. Ваше царское величество еще дольше спали бы, если бы не докторъ!

(Появляется Престрашный Исполинъ. На немъ маска, панцырь и шлемъ — все черное.)

Престрашный Исполинъ (или Господинъ) *(Обращаясь къ публикѣ).* Здравствуйте, всепочтеннѣйшіе господа! за кого вы меня признаете: за короля прусскаго или за прынца хранцюзькаго? Я не есть король пруській, ни прынцъ хранцюзькій, а я есть Престрашный Господинъ. *(Подходитъ къ Максимиліану и, вынимая саблю изъ ноженъ, бьетъ по его саблѣ.)* Царь Максимиліанъ, чего хочешь: биться или мириться?

Максимиліанъ. Хочу биться! *(Сражаются; гетманъ, докторъ и фельдшеръ въ страхѣ убѣгаютъ. Исполинъ убиваетъ Максимиліана и садится на тронъ, чѣмъ и кончается трагедія.)*

ПОДЛИННЫЕ ТЕКСТЫ.

1. Изборникъ Святославовъ, 1073 г.

1. Вопросъ. Аште бѫдеть къто старъ или немоштьнъ и отънемоглъся, и не можеть чрьньць быти, или чрьньчьскыихъ творити, то како тъ можеть покаятися и съпасти;

Отвѣтъ. Гсу глющтоу ꙗрьмъ мой блгъ ѥсть и брѣмꙗ моѥ льгъко, добрѣ вѣдомо ѥ, ꙗко и старыи и немоштьныи можеть хранити законъ ѥго. Писано бо ѥ, ꙗко: прави пѫтиѥ гни и правьдьнии поидоуть по нимъ, нечьстивии же отънемогоуться въ нихъ. и всꙗ прѣди соуть по разоумѣвающтиимъ и права обрѣтающтиимъ разоумъ. и: ако право ѥ слово гнѥ и вьсꙗ дѣла ѥго въ вѣрѣ. Не бо ни безбрачиꙗ намъ, ни вьсего въ мирѣ отъшьствиꙗ, нъ любити ба и ближьнꙗаго, съмѣрꙗтися, и миловати, и молитися, трьпѣти скърби, кротъкоу быти, мирьникоу, зълобы не дьржати, не осоуждати, не лъгати... Видиши ли ꙗко ничьто же тꙗжько и немоштьно намъ оуставлено ѥсть. Въ лѣпотоу оубо глааше гь: Ꙗрьмъ мои блгъ и брѣма моѥ льгъко ѥсть.

2. Изъ статьи. Стааго Ѥпифаниꙗ о вї, камыкоу, иже бѣахоу на логии святителевѣ насаждані.

Анфраксъ зѣло чрьвенъ ѥсть образъмь. бываѥть же въ кархидонѣ ливоуисцѣмь, иже нарицаѥться африкии. глють же, не дьнѭ, нъ ноштьѭ са обрѣтаѥть, издалеча бо, акы доупльтица или акы оуглъ, искрами мьчьште, и ѥдинъ часъ прѣстане. разоумѣвъше же иштѫштеи ѥго, ꙗко тъ ѥсть, идоуть на блѣскъ ѥго и обраштѫть и. носим же кацѣми любо ризами да обьѥться, блѣскъ ѥго вънѣ ризъ сиꙗѥть.

Оуакинѳъ акы ꙗчрьмьнъ ѥсть, обрѣтаѥть же са въ оутрьнии варъварии скоуѳиꙗ, скоуѳиѭ же ѭ нарицаѭть ветъсии, страноу тоу вьсѭ сѣверьскоуѭ иже соуть гоѳи. и давьние. да тоу оубо въ ѧтрь въ поустыни великъꙗ скоуѳиꙗ ѥсть дъбрь, зѣлѡ глоубока и чловѣкомъ невъходьна, стѣнами каманами

ѡбоиждоу ѡградивъшиса: да тѣмь съ горы приникъшоу комоу любо ꙗкы съ стѣнъ не мошти доꙁрѣти дьна дъбри тоѧ, нъ ѿтъ глоубины мракъ ѥсть, ꙗкы пропасть нѣкаꙗ. посылаѥмии же ѿтъ ближьнихъ тоу цѣсарии ѡсужденици и оудьми заклавъше агньца и ѡдьравъше, съмештѫть съ горы ѿтъ каменнꙗ въ пропасть дъбри тоꙗ. и прилипать каменіе на мѧсѣхъ тѣхъ. ѡрьли оубо, въ камении томь живоуще, на вонѭ масьноуѭ съходать и възносать агнята съ льпащемь каменніѥмь. и ѥгда изѣдать маса, каменніе ѡстаѥть на връхоу горы. ѡсужденици же, смотрикъше, къде възносать ѡрьли маса, идоуть, и тако приносать каменніе. имоуть же дѣиство сице, намештемъ во на оугли ѡгньныꙗ, сами не врѣждаѭтьса, нъ оугли оугашаѭть.

3. Лѣтописьць въ кратъцѣ ѿтъ Авъгоуста даже и до Кѡнстантина и Зѡꙗ црь грьчьскыихъ[1]).

а. Авъгоустъ. иже и ѡсмороданыи лѣ нѕ. мѣ. д. днь а. въ мг лѣ его родиса хс въ нашъ въ лѣ вьсего мира ,ефа:

в. Тивериосъ. лѣ. кв. мць. ѕ. днии. ѳі.

г. Гаиосъ. лѣ. г. мць. і.

д. Клавъдиосъ. лѣ. іг. мць. и. днии. ѳі:

і. Нерѡнъ. лѣ. іг. мць. ѕ. днии. іѕ. съ връховьнаꙗ апла въ Римѣ оуби:

ѕ. Галъвасъ. мць. з. днии. ѕ.

з. Офонъ. мцѣ. г. днии. е:

і. Оуиттелиосъ. мць. з. днь. а.

ѳ. Оуеспасианосъ. лѣ. і. При семь Іероусалимъ полониенъ бысть:

і. Титосъ лѣ. і. и оубиенъ бы ѿ Дометиана.

и. Дометианосъ снъ его. лѣ. ие. днии. е. съ Богословьца поточи:

ів. Нероуасъ. лѣ. а. мць. и. дни. г:

4. О составѣ человѣческаго тѣла: И тѣло же оубо чловѣче ѿтъ четырь съставъ глемъ създано. имать во ѿтъ огнꙗ теплотоу. ѿтъ въздоуха же стоуденьство. ѿтъ землꙗ же соухотоу. ѿтъ воды же мокроту.

5. О злой женѣ:

---

[1]) Этотъ «Лѣтописецъ вкратцѣ» составленъ константинопольскимъ патріархомъ Никифоромъ въ началѣ IX вѣка. Здѣсь видно, что Никифоръ считаетъ отъ сотворенія міра до Рожд. Христова не 5508 лѣтъ, какъ обычно считалось тогда, а 5500 лѣтъ. Въ хрестоматію взято начало «Лѣтописца».

Оуне жити въ земли поустѣ. или съ женоѭ ꙗзычьноѭ и которивоуѭ. И акы чрьвь въ дрѣвѣ. тако же мужа погоубить жена злодѣйца. и ꙗкоже капла изгонать члвка въ дьнь слотьнъ. отъ хлѣвины своеꙗ. такоже и жена ꙗзычьна отъ хлѣвины его. и ꙗкоже оусерязь златъ въ ноздрьхъ свиний. тако же и женѣ злосъмысльнѣ краса.

Никый же оубо звѣрь тъчьнъ женѣ злѣ и ꙗзычьнѣ. чьто бо есть льва лютѣе въ четвьрноженаахъ. чьто ли боуꙗе змьꙗ плѣжѫштийхъ. нъ ничьтоже тѣхъ развѣ зълы жены.

---

2. Изборникъ Святославовъ, 1076 г.

О чтеніи книгъ. Добро есть, братие, почитанье книжьное, паче всякому хрьстьяноу: блажени бо, рече, испытаюштеи съвѣдѣния его, всѣмь сьрдцьмъ възиштють его. Чьто бо рече: испытаюштеи съвѣдѣния его? Егда чьтеши книги, не тъштися бързо иштисти до дроугыя главизны, нъ поразоумѣи, чьто глють книгы и словеса та, и тришьды обраштяяся о единои главизнѣ. Рече бо: въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ. Не рече: оусты тъчью изглаахъ, нъ и въ сьрдьци съкрыхъ, да не съгрѣшу тебѣ. И поразоумѣвая оубо истиньнѣ писания правимъ есть ими. Рекоу же: оузда коневи правитель есть и въздьржаніе, правьдьникоу же книгы. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго: и якоже плѣньникомъ оумъ стоить оу родителъ своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь Красота воиноу ороужие и кораблу вѣтрила, тако и правьдникоу почитание книжьное.

---

3. Θеодосія Печерскаго слово о вѣрѣ латинской или варяжской.

Слово ми есть къ тобѣ, княже боголюбивый. Азъ Федосъ, худый робъ пресвятыя Троица, Отьца и Сына и Святаго Духа, въ чистѣй и въ правовѣрьнѣй вѣрѣ роженъ и воспитанъ въ добрѣ наказаньи, правовѣрнымъ отьцемь и матерью, наказываюче мя добру закону. Вѣрѣ же латыньстѣй не прилучатися, ни обычая ихъ держати, и комканья ихъ бѣгати, и всякаго ученья ихъ бѣгати, и норова ихъ гнушатися, и

блюсти своихъ дочерей, не давати за нихъ, ни у нихъ поимати: ни брататися, ни поклонитися, ни цѣловати его, ни съ нимъ изъ единаго судьна ясти, ни пити, ни брашьна ихъ пріимати. Тѣмъ же пакы у насъ просящимъ Бога ради ясти и пити, дати имъ, но въ ихъ судѣхъ; аще не будетъ у нихъ судьна, въ своемъ дати; потомъ измывъше дати молитву, занеже неправо вѣрують и нечисто живуть, ядять со пьсы и съ кошьками... ядять же львы и дикыя кони, и осьлы, и удавленину, и мертвечину, и медвѣдину, и бобровину, и хвостъ бобровъ, и въ говѣнье ядять мясо, пущаюче въ воду. 1-я недѣля поста во вторьникъ черньци ихъ ядять лой, и въ субботу постяться, побывъшеся вечеръ ядять молоко и яица. А согрѣшають, не отъ Бога просять прощенья, но прощаютъ попове ихъ на дару. А попове ихъ не женяться законьною женитвою... и на войну ходять и оплатъкомъ служать. Иконъ не цѣлують, ни мощей святыхъ, а крестъ цѣлують, написавше на земли, и въставъ попирають его ногами, а мертвеца же кладуть на западъ ногами, а руцѣ подонь подложивъше. Женяще же ся у нихъ понимаютъ 2 сестрѣ, а крещаются во едино погруженье, а мы въ 3; мы же крещающеся мажемъся мүромь и масломь, а они соль сыплють крещаемому въ ротъ; имя же не нарицають святаго, но како прозовуть родители, въ то имя крестять. А глаголють Духа Святаго исходяща отъ Отьца и отъ Сына; ина многа зълая дѣла суть у нихъ... Мнѣ же рече отьць мой: Ты же, чадо, блюдися кривовѣрьныхъ и вьсѣхъ ихъ словесъ; зане исполнися и наша земля зълыя тоя вѣры: да кто съпасая съпасеть душю свою, въ правовѣрьнѣй вѣрѣ живучи; нѣсть бо иной вѣры лучьше нашей, яко же наша чиста и свята си вѣра правовѣрьная; сею бо вѣрою живущи, грѣховъ избыти и муки вѣчьныя гоньзнути, но жизни вѣчьныя причастнику быти, и безъ коньца со святыми радоватися... Аще ли видиши нага, или голодьна, или зимою, или бѣдою одержима, аще ли ти будетъ жидовинъ, или срацинъ, или болгаринъ, или еретикъ, или латынянинъ, или ото вьсѣхъ поганыхъ, вьсякаго помилуй и отъ бѣды избави я, яже можеши, мьзды отъ Бога не лишенъ будеши.

---

4. Начальная лѣтопись.

1. Обычаи славянскихъ племенъ. Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своихъ отецъ обычай имутъ кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ мате-

ремъ и къ родителемъ своимъ, къ свекровемъ, и къ деверемъ велико стыдѣнье имяху; брачныи обычаи имяху: не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завътра приношаху по ней что вдадуче. А Древляне живяху звѣриньскымъ образомъ, жіуще скотьскы: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкываху у воды дѣвиця. И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякый звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами; браци не бываху въ нихъ, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовьская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся; имяху же по двѣ и по три жены. Аще кто умьряше, творяху трызну надъ нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть на кладу мертвеца, сожьжаху, и по семь собравше кости, вложаху въ судину малу и поставяху на столпѣ на путехъ, еже творять Вятичи и нынѣ. Си же творяху обычая Кривичи, прочіи поганіи, не вѣдуще закона Божья, но творяще сами собѣ законъ.

2. Основаніе Кіева. Быша 3 братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Сидяше Кій на горѣ, гдѣ же нынѣ увозъ Боричевъ, а Щекъ сидяше на горѣ, гдѣ нынѣ зовется Щековица, а Хоривъ на третьей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица; и сътвориша градъ во имя брата своего старѣйшаго, и нарекоша имя ему Кіевъ. Бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху мужи мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же есть Поляне въ Кіевѣ и до сего дне. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ Царюгороду; но се Кій княжаше въ родѣ своемъ; приходившю ему ко царю, якоже сказають, яко велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ приходивъ цари. Идущю же ему опять, приде къ Дунаеви, възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близь живущіи; еже и донынѣ наречють Дунайци городище Кіевець. Кіеви же пришедшю въ свой градъ Кіевъ, ту животъ свой скончa; а братъ его Щекъ и Хоривъ и сестра ихъ Лыбедь ту скончашася.

3. Смерть Олега. И живяше Олегъ миръ имѣя къ всѣмъ странамъ, княжа въ Кіевѣ. И приспѣ осень, и по-

мяну Олегъ конь свой, иже бо поставилъ кормити, не всѣда на нь. Бѣ бо прежде въпрошалъ волхвовъ кудесьникъ: «Отъ чего ми есть умьрети?» И рече ему одинъ кудесникъ: «княже, конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умьрети». Олегъ же пріимъ въ умѣ, си рече: «николи же всяду на конь; ни вижю его болѣ того»; и повелѣ кормити и и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на Грекы иде. И пришедьшю ему къ Кыеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекъли волъсви умьрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, реся: «кдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блюсти его»? Онъ же рече: «умерлъ есть». Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, реся: «то ть неправо молвять волъсви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ». И повелѣ осѣдлати конь: «да ть вижю кости его». И пріѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ и сълѣзъ съ коня, посмѣяся реся: «отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти»? и въступи ногою на лобъ; выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвся умьре. И плакашася по немъ вьси людіе плачемь великомь, и несоша и, и погребоша и на горѣ, иже глаголеться Щековина; есть же могыла его до сего дьне, словетъ могыла Ольгова. И бысть всѣхъ лѣтъ его княженія 33. Се же дивно есть, яко отъ волъхвованія сбывается чародѣйствомъ.

4. Смерть Игоря. Въ лѣто 6453. Въ се же лѣто рекоша дружина Игореви: «отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы». Послуша ихъ Игорь, иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляше имъ, и мужи его; возьма дань поиде въ градъ свой. Идущю же ему въспять, размысливъ рече дружинѣ своей: «идѣте съ данью домови, а я возъвращюся похожю и еще». Пусти дружину свою домови, съ маломъ же дружины возъвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же Деревляне яко опять идеть, съдумавше со княземъ своимъ Маломъ: «аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо, аще не убьють его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся ны погубить». Посълаша къ нему глаголюще: «почто идеши опять? поималъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше изъ града Изъкоръстѣня Деревляне убиша Игоря и дружину его; бѣ бо ихъ мало. И погребенъ бысть Игорь; есть могыла его у Искоръстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дьне.

5. Мщеніе Ольги. Вольга же бяше въ Кыевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтьскомъ Святославомъ, и кормилець его Асмудъ, воевода бѣ Свѣнелдъ, тъ же отець Мстишинъ. Рѣша же Деревляне:«се князя убихомъ Русьскаго; поимемъ жену его Вольгу за князь свой Малъ, и Святослава, и створимъ ему якоже хощемъ». И посълаша Деревляне лучшіе мужи, числомъ 20 въ лодьи къ Ользѣ, и присташа подъ Боричевымъ въ лодьи. Бѣ бо тогда вода текущи въздолѣ горы Кыевскыя, и на Подольи не сѣдяху людье, но на горѣ. И повѣдаша Ользѣ, яко Деревляне придоша, и возва я Ольга къ собѣ; «добри гостье придоша»; и рѣша Деревляне: «придохомъ, княгыне». И рече имъ Ольга: «да глаголете, чьсо ради придосте сѣмо»? Рѣша же Деревляне: «посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице: мужа твоего убихомъ, бяше бо мужж твой акы волкъ восхыщая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да пойди за князь нашъ за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша; уже мнѣ мужа своего не кресити; но хочю вы почтити на утрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою и лязите въ лодьи величающеся, азъ утро посълю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конихъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьи; и възнесуть вы въ лодьи»; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму велику и глубоку, на дворѣ теремьстѣмъ, внѣ града. И заутра Ольга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости; и придоша къ нимъ глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ, понесѣте ны въ лодьи». Рѣша же Кыяне: «намъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгыни наша хочетъ за вашъ князь»; и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ къ Ользѣ, несъше вринуша я въ яму съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь»? они же рѣша: «пущи ны Игоревы смерти»; и повелѣ засыпати я живы, и посыпаша я. Пославши Ольга къ Деревляномъ, рече имъ: «да аще мя просите право, то пришлите мужа нарочиты, да въ велицѣ чти приду за вашъ князь, еда не пустятъ мене людье Кыевьстіи». Се слышавше Деревляне, собьраша лучшіе мужи, иже держаху Деревьску землю, и послаша по ню. Деревляномъ же пришедъшимъ, повелѣ Ольга мовь сътворити, рькуще сице: «измывъшеся придѣте ко мнѣ». Они же пережьгоша истобъку, и вълѣзоша Деревляне, на-

чаша ся мыти; и запроша о нихъ истобъку, и повелѣ зажечи ю отъ дверей, ту изгорѣша вси. И посъла къ Деревляномъ, рькущи сице: «се уже иду къ вамъ, да пристроите меды многы въ градѣ, идѣже убисте мужа моего, да поплачюся надъ гробомъ его, и сотворю трызну мужю своему». Они же то слышавше, съвезоша меды многы зѣло, възвариша. Ольга же, поимъше мало дружины, легъко идущи приде къ гробу его, плакася по мужи своемь; и повелѣ людемъ своимъ съсути могылу велику, яко сосъпоша, и повелѣ трызну творити. По семь сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними; рѣша Деревляне къ Ользѣ: «кдѣ суть дружина наша, ихъ же послахомъ по тя»? она же рече: «идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего». Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ поити на ня, а сама отъиде кромѣ, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне. И исѣкоша ихъ 5000; а Ольга возъвратися Кыеву, и пристрои вои на прокъ ихъ.

6. Смерть Ольги. Въ лѣто 6477. Рече Святославъ къ матери своей и къ боляромъ своимъ: «нелюбо ми есть въ Кыевѣ быти, хочю жити въ Переяславьцы на Дунаи, яко то есть середа въ землѣ моей, яко ту вься благая съходяться: отъ Грекъ злато, паволокы, вино, овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угоръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь». Рече ему Ольга: «видиши мя больну сущю, камо хощеши отъ мене ити?» бѣ бо разболѣлася уже; рече же ему: «погребъ мя, иди же яможе хощеши». По трехъ днехъ умре Ольга, и плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ, несоша и погрѣбоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвутеръ, сей похорони блаженую Ольгу. Си бысть предътекущія крестьяньстѣй землѣ акы деньница предъ солнцемъ и акы зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше акы луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящеся акы бисеръ въ калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ неомовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою, и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама, и въ новый Адамъ облечеся, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ къ ней: радуйся, Русьское познанье къ Богу; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалять Русьстіи сынове акы начальницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь.

7. Крещеніе Руси. Въ лѣто 6496. Володимеръ же посемъ поемъ царицю, и Настаса, и попы Корсуньскы, съ мощми святого Климента и Фифа, ученика его, поима съсуды церковьныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съсыпаша средѣ града, крадуще приспу, яже церквы стоитъ и до сего дне. Взя же ида мѣдянѣ двѣ капищи, и 4 конѣ мѣдяны, иже и нынѣ стоять за святою Богородицею; якоже невѣдуще мнять я мрамаряны суща. Вдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицѣ дѣля, а самъ приде Кыеву. Яко приде, повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другыя огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту, и влещи съ горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прельщаше симь образомь человѣкы, да възмездье пріиметь отъ человѣкъ. Велій еси, Господи, и чюдна дѣла твоя! вчера чьтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людіе, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше, вринуша и въ Днѣпръ. И пристави Володимеръ, рекъ: «аще гдѣ пристанеть вы, то отрѣвайте его отъ берега, дондеже порогы проидетъ: то тогда охабитеся его»; они же повелѣная сътвориша. Яко пустиша и проиде сквозь порогы, изверже и на вѣтръ на рѣнѣ, и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь, якоже и до сего дне словеть. По семь же Володимиръ посла по всему граду глаголя: «аще не обрящеться кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеся и глаголюше: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли». Наутрія же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскыми на Днѣпръ, и снидеся безъ числа людій: вълѣзоша въ воду и стояху ови до шіѣ, а друзіи до персій, младіи же отъ берега, друзіи же млады держаще, съвершеніи же бродяху; попове же стояще молитвы творяху. И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, толико душь спасаемыхъ; а дьяволъ стеня глаголяше: «увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! сдѣ бо мьняхъ жилище имѣти, яко сдѣ не суть ученьи апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мучеником, не имамъ уже царствовати въ странахъ сихъ». Крестившимъ же ся людемъ, идоша кождо въ домы своя. Воло-

димеръ же радъ бывъ, яко позна Бога самъ и людье его, възрѣвъ на небо рече: «Боже, сътворивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тобе истиньнаго Бога, якоже увѣдѣша страны хрестьяньскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну, и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на тя и на твою державу, побѣжю козни его». И се рекъ, повелѣ рубити церкъви и поставляти по мѣстомъ, идѣже стояху кумири; и постави церковь святаго Василья на холмѣ, идѣже стояше кумиръ Перунъ и прочіи, идѣже творяху потребы князь и людье; и нача ставити по градомъ церкъви и попы, и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селамъ. Пославъ нача поимати у нарочитоѣ чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакаху по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся.

8. Бой съ Печенѣгомъ. Въ лѣто 6500. Иде на Хорваты. Пришедшю бо ему съ войны Хорватьскыя и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы; Володимеръ же поиде противу имъ, и срѣте и на Трубежи на бродѣ, кдѣ нынѣ Переяславль. И ста Володимеръ на сей сторонѣ, а Печенѣзи на оной, и не смѣху си на ону страну, ни они на сю страну. И пріѣха князь Печенѣжьскый къ рѣцѣ, возва Володимера и рече ему: «выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета; да аще твой мужь ударить моимь, да не воюемъ за три лѣта, аще ли нашъ мужъ ударитъ, да воюемъ за три лѣта». И разидостася разно. Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: «нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ?» и не обрѣтеся нигдѣже. Заутра пріѣхаша Печенѣзи и свой мужь приведоша, и въ нашихъ не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля по всѣмъ воемъ. И приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: «княже! есть у мене единъ сынъ меньшій дома, азъ съ четырьми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтьства бо его нѣсть кто имъ ударилъ; единою бо ми и сварящу, и оному мьнущю усніе, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама». Князь же се слышавъ радъ бысть, посла по нь, и приведоша и ко князю, и князь повѣда ему вся; се же рече: «княже! не вѣдѣ, могу ли съ нь, и да искусите мя: нѣту ли быка велика и сильна»? И налѣзоша быкъ великъ и силенъ, и повелѣ раздражнити быка; возложиша на нь желѣза горяча, и быка пустиша, и побѣже быкъ мимо и, и похвати быка рукою за бокъ, и выня

кожю съ мясы, елико ему рука зая. И рече ему Володимеръ: «можеши ся съ нимъ бороти». И наутрія придоша Печенѣзи, почаша звати: «нѣ ли мужа? се нашь доспѣлъ». Володимеръ же повелѣ той нощи облещися въ оружье; и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свой, бѣ бо превеликъ зѣло и страшенъ; и выступи мужь Володимерь, и узрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся, бѣ бо середній тѣломъ. И размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имь о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша и Русь погнаша на нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томь и нарече и Переяславль, зане перея славу отроко-тъ. Володимеръ же великимъ мужемь створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.

9. Пиры Владимира. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и сотьскымъ, и десятьскимъ и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя. Бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревяными лъжицами, а не сребряными». Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати лжицѣ сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко сребромь и златомь не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра». Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмь, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмь.

10. Оубьеньи Борисовѣ. Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отци своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье: они же пріимаху, и не бѣ сердце ихъ съ нимъ, яко братья ихъ бѣша съ Борисомъ. Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшю Печенѣгъ, вѣсть приде къ нему: «отецъ ти умерлъ». И плакася по отьци велми, любимъ бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ; и ста на Льтѣ пришедъ. Рѣша же ему дружина отьня: «се дружина у тебѣ отьня и вои; поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отьни»; онъ же рече: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, то сь ми въ отца мѣсто». И се слышавше вои, разидошася отъ него, Борисъ же стояше съ отрокы своими. Святополкъ же исполнивъся безаконья, Каиновъ смыслъ пріимъ, посылая

къ Борису, глаголаше: «яко съ тобою хочу любовь имѣти и къ отьню придамь ти», а льстя подъ нимъ, како бы и погубити. Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородьскыѣ болярьцѣ, и рече имъ: «пріяте ли ми всѣмь сердцемь? Рече же Путьша съ Вышегородьци: «можемъ главы своя сложити за тя». Онъ же рече имъ: «не повѣдуче никому же, шедше убійте брата моего Бориса»; они же вскорѣ обѣщашася ему се створити. Осяковыхъ бо Соломонъ рече: скори суть пролити кровь безъ правды; ти бо обьщаются крови, събирають собѣ злая; сихъ путье суть скончавающихъ безаконье, нечестьемъ со свою душю емлють». Посланіи же придоша на Льто ночью, и подступиша ближе, и слыша блаженаго Бориса поюща заутреню; бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять погубити и. И вставь нача пѣти, глаголя: «Господи! что ся умножиша стужающіи мнѣ? мнози въстають на мя»... И помолившюся ему, възлеже на одрѣ своемь. И се нападоша акы звѣрье дивиі около шатра, и насунуша и копьи, и прободоша Бориса, и слугу его, падша на немь, прободоша съ нимь; бѣ бо се любимъ Борисомь. Бяше отрокъ сь родомь сынъ Угърескъ, именемъ Георгій, его же любляше повелику Борисъ, бѣ бо возложилъ на нь гривну злату велику, нъ ней же предстояше предъ нимь; избиша же и ины отрокы Борисовы многы. Георгіеви же сему не могуще вборзѣ сняти гривны съ шіѣ, усѣкнуша главу его, и тако сняша; и тѣмьже послѣже не обрѣтоша тѣла сего въ трупіи. Бориса же убивше оканьніи, увертѣвше въ шатеръ, възложивше на кола, повезоша и, и еще дышющю ему. Увѣдѣвше же се оканьный Святополкъ, яко еще дышеть, посла два Варяга прикончатъ его; онѣма же пришедшема и видѣвшема, яко еще живъ есть, единъ ею извлекъ мечь, пронзе и къ сердцю. И тако скончася блаженный Борисъ, вѣнець пріемъ отъ Христа Бога съ праведными, причетъся съ пророки и апостолы, съ ликы мученичьскыми водворяяся, Авраму на лонѣ почивая, видя неиздреченьную радость въспѣвая съ ангелы и веселяся въ лику святыхъ. И положиша тѣло его, принесше отай Вышегороду, у церкве святаго Василья. Оканьніи же си убійцѣ придоша къ Святополку, аки хвалу имуще, безаконьници. Суть же имена симъ законопреступникомъ: Путьша, и Талецъ, Еловить, Ляшько; отець же ихъ сотона. Сици бо слугы бѣси бывають; бѣси бо на злое посылаеми бывають, ангели на благое посылаеми. Ангелъ бо человѣку зла не створяеть, но благое мыслить ему всегда,

паче же хрестьяномъ помогають и заступають отъ супротивнаго дьявола; а бѣси на злое всегда ловять, завидяще ему, понеже видять человѣка Богомъ почьщена, и завидяще ему, на зло слеми скори суть. Золъ бо человѣкъ, тщася на злое, хужи есть бѣса; бѣси бо Бога боятся, а золъ человѣкъ ни Бога боится, ни человѣкъ ся стыдить; бѣси бо креста ся боять Господня, а человѣкъ золъ ни креста ся боить.

Святополкъ же оканьный помысли въ собѣ, рекъ: «се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба»? И пріемъ помыслъ Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу, глаголя сице: «поиди вборзѣ, отець тя зоветъ, не сдравить бо вельми». Глѣбъ же вборзѣ всѣдъ на конѣ, съ малою дружиною поиде, бѣ бо послушливъ отцю. И пришедшю ему на Волгу, на поли потчеся конь въ рвѣ, и наломи ему ногу мало; и приде къ Слоленьску, и поиде отъ Смоленьска яко зрѣемо, и ста на Смядинѣ въ насадѣ. Въ се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу отъ Передъславы о отни смерти, и посла Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убьенъ отъ Святополка». Се слышавъ Глѣбъ възъпи вельми съ слезами, плачася по отци, паче же по братѣ, и нача молитися со слезами, глаголя: «увы мнѣ, Господи! луче бы ми умрети съ братомь, нежели жити на свѣтѣ семь; аще бо быхъ, брате мой, видѣлъ лице твое ангельское, умерлъ быхъ съ тобою: нынѣ же чьсо ради остахъ азъ единъ? кдѣ суть словеса твоя, яже глагола къ мнѣ, брате мой любимый? нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказанья: да аще еси получилъ дерзновенье у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же страсть пріялъ; луче бо ми было съ тобою умрети, неже въ свѣтѣ семь прелестнѣмъ жити». И сице ему молящюся съ слезами, се внезапу придоша посланіи отъ Святополка на погубленье Глѣбу и ту абье посланіи яша корабль Глѣбовъ, и обнажиша оружье. Отроци Глѣбови уныша; оканьный же посланный Горясѣръ повелѣ вборзѣ зарѣзати Глѣба; поваръ же Глѣбовъ, именемъ Торчинъ, вынезъ ножь, зарѣза Глѣба. Аки агня непорочно принесеся на жертву Богови, въ воню благоуханья, жертва словесная, и прія вѣнецъ; вошедъ въ небесныя обители, и узрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся съ нимь неиздреченьною радостью, юже улучиста братолюбьемь своимь. Се коль добро и коль красно, еже жити братома вкупѣ! Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземьше везоша и, и положиша и у брата своего Бориса у церкве святаго Василья.

И съвъкуплена тѣломь, паче же душама, у Владыкы Всецаря пребывающа, въ радости безконечнѣй, во свѣтѣ неиздреченьнемь, подающа и цѣлебныя дары Русьстѣй земли, и инѣмъ приходящимъ страннымъ съ вѣрою даета ицѣленье: хромымъ ходити, слѣпымъ прозрѣнье, болящимъ цѣльбы, окованнымъ разрѣшенье, темницамъ отверзенье, печальнымъ утѣха, напастнымъ избавленье; и еста заступника Русьстѣй земли, и свѣтильника сіяюща и молящаяся воину къ Владыцѣ о своихъ людехъ. Тѣмже и мы должни есмы хвалити достойно страстотерпца Христова, молящеся прилежно къ нима рекуще: радуйтася, страстотерпца Христова Русьскыя земля, яже исцѣленье подаета приходящимъ къ вамъ вѣрою и любовью.

11. Смерть Святополка. Въ лѣто 6527. Приде Святополкъ съ Печенѣгы въ силѣ тяжьцѣ, и Ярославъ собьра множьство вой, и взиде противу ему на Льто. Ярославъ ста на мѣстѣ, идѣже убиша Бориса, въздѣвъ руцѣ на небо рече: «кровь брата моего вопьеть къ тобѣ, Владыко! мьсти отъ крове праведнаго сего, якоже мьстилъ еси крове Авелевы, положивъ на Каинѣ стенанье и трясенье; тако положи и на семь». Помоливъся и рекъ: «брата моя! аще еста и отошла тѣломъ отсюда, но молитвою помозѣта ми на противнаго сего убійцю и гордаго». И се ему рекшю, поидоша противу себѣ, и покрыша поле Летьское обои отъ множьства вой. Бѣ же пятокъ тогда, въсходящю солнцю; и съступишася обои, бысть сѣча зла, яка же не была въ Руси, и за рукы емлюче сѣцяхуся, и съступащатя трижды, яко по удольемъ крови тещи; къ вечеру же одолѣ Ярославъ, а Святополкъ бѣжа. И бѣжащю ему нападе на нь бѣсъ и разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти, и несяхуть и на носилѣхъ; принесоша и къ Берестью, бѣгающе съ нимь, онъ же глаголаше: «побѣгнѣте со мною, женуть по насъ». Отроци же его всылаху противу, «еда кто женеть по насъ», и не бѣ никого же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимь; онъ же въ немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: «осе женуть, побѣгнѣте». Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ и пробѣжа Лядьскую землю, гонимъ Божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой. Его же по правдѣ, яко неправедна, суду нашедшю на нь, по отшествіи сего свѣта пріяша мукы оканьнаго: показоваше явѣ посланная пагубная рана, въ смерть немилостивно въгна, и по смерти вѣчно мучимъ есть связанъ.

Есть же могыла его въ пустыни и до сего дне, исходить же отъ нея смрадъ золъ. Се же Богъ показа на наказанье княземь Русьскымъ, да аще сіи еще сице же сътворять, се слышавше, ту же казнь пріимутъ; но и больши сея, понеже вѣдая се, сътворятъ тако же зло убійство.

12. Ярославъ. Заботы о просвѣщеніи. Въ лѣто 6545. Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья, митрополью, и по семь церковь на Золотыхъ воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье, по семь святаго Георгія монастырь, и святыя Ирины. И при семь нача вѣра хрестьяньска плодити ся и раширяти, черноризьцы почаша множитися, и монастыревѣ починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, попы любяше повелику излиха же черноризьцѣ, и книгамъ прилежа и почитая ѣ часто въ нощи и въ дне: и собьра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словеньское письмо, и списаша книгы многы, и списка, ими же поучащеся вѣрніи людье наслажаются ученья божественнаго. Якоже бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну: тако и сь; отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ: сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій, а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжнаго; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанье отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяюще вселенную, се суть исходища мудрости: книгамъ бо есть неисчетная глубина, сими бо въ печали утѣшаемы есмы, си суть узда въздержанью. Ярославъ же сь, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ; многы написавъ положи въ святѣй Софьи церкви, юже созда самъ; украси ю златомъ и серебромь и съсуды церковными, въ ней же обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, веля имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомь, и приходити часто къ церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьяньстіи. Радовашеся Ярославъ, видя множьство церквій и люди хрестьяны зѣло; а врагъ сѣтовашеться, побѣжаемъ новыми людьми хрестьянскыми.

13. Явленіе кометы (6572 г.). Въ си же времена бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи

акы кровавы, въсходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмь, и пребысть за 7 днiй; се же проявляше не на добро: по семь бо быша усобицѣ много и нашествiе поганыхъ на Руськую землю, си бо звѣзда бѣ акы кровава, проявляющи кровипролитье бяше. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть; его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущю... Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли солнци, ли птицами, ли етеромь чимъ, не благо бывають, но знаменья сиця на зло бывають: ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляеть.

14. Нашествiе Половцевъ. Въ лѣто 6576. Придоша иноплеменьници на Русьску землю, Половьци мнози, Изяславъ же, и Святославъ, и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто; и бывши нощи, подъидоша противу собѣ, грѣхъ же ради нашихъ попусти Богъ на ны поганыя; и побѣгоша Русьскыи князи, и побѣдиша Половьци. Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако съкрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощетъ зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убiйству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы. Земли же согрѣшившей которѣй любо, казнитъ Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли вьредомъ, ли гусѣницею, ли инѣми казньми, аще ли покаявшеся будемъ въ немъ же ны Богъ велить жити.. Се бо не поганьскы ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящетъ черноризца, то възвращается, ли единецъ, ли свинью: то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволю наученью кобь сiю держать, друзiи же и закыханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ. Но сими дьяволъ льстить, и другимы нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи Видимъ бо игрища утолочена, и людiй много множьство, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоять: егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни прiемлемъ отъ Бога всячьскыя и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью, прiемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ. Мы же на предълежащее възвратимся.

15. Волхвы въ Кiевѣ и на сѣверѣ Руси... Въ лѣто 6579. Въ си времена приде волхвъ, прельщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая лю-

демъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступати на ина мѣста, яко стати Гречьстѣй земли на Русьской, а Русьстѣй на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися; его же невѣгласи послушаху, вѣрніи же насмѣхаются, глаголюще ему: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти. Бѣси бо подътокше на зло вводять, посемъ же насмисаются ввергъше и въ пропасть смертную, научивше глаголати, якоже се скажемъ, бѣсовьское наущенье и дѣйство. Бывши бо единою скудости въ Ростовьстѣй области, въстаста два волхва отъ Ярославля, глаголюща: «яко вѣ свѣвѣ, кто обилье держить»; и поидоста по Волзѣ; кдѣ придутъ въ погостѣ, туже нарицаху лучьшіѣ жены, глаголюща, яко си жито держить, а си медъ, а си рыбы, а си скору. И привожаху къ нима сестры своя, матере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вымаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета себѣ. И придоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нею людій нѣ 300. Въ се же время приключися прити отъ Святослава дань емлющю Яневи, сыну Вышатину; повѣдаша ему Бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волзѣ и по Шекснѣ и пришла еста сѣмо. Янь же испытавъ, чья еста смерда, увидѣвъ, яко своего князя, пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече имъ: «выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя»; они же сего не послушаша. Янь же поиде самъ безъ оружья, и рѣша ему отроци его: «не ходи безъ оружья, осоромять тя»; онъ же повелѣ взяти оружье отрокомъ, и бѣста 12 отрока съ нимъ, и поиде къ нимъ по лѣсу. Они же сташа исполчившеся противу. Яневи же идущю съ топорцемъ, выступиша отъ нихъ 3 мужи, придоша къ Яневи, рекуще ему: «вида идеши на смерть, не ходи»; оному повелѣвшю обойти я, къ прочимъ же поиде. Они же сунушася на Яня, единъ грѣшися Яня топоромъ, Янь же оборотя топоръ удари и тыльемъ, повелѣ отрокомъ сѣчи я; они же бѣжаша въ лѣсъ, убиша же ту попина Янева. Янь же вшедъ въ градъ къ Бѣлозерцемъ, рече имъ: «аще не имѣте волхву сею, не иду отъ васъ и за лѣто». Бѣлозерци же шедше яша я, и приведоша я къ Яневи; и рече има: «чьсо ради погубиста толико человѣкъ?» Онѣма же рекшема: «яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино: аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что». Янь же рече: «по истинѣ лжа то: створилъ Богъ чело-

вѣка отъ землѣ, съставленъ костьми и жылами отъ крове, нѣсть въ немь ничьсоже; и не вѣсть ничтоже, но токъмо единъ Богъ вѣсть». Она же рекоста; «вѣ вѣвѣ, како есть человѣкъ створенъ». Онъ же рече: «како?» Она же рекоста: «Богъ мывъся въ мовници и вспотивъся, отреся ветъхомъ, и верже съ небесе на землю: и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душю въ не вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идеть тѣло, а душа къ Богу». Рече има Янь: «по истинѣ прельстилъ васъ есть бѣсъ: коему Богу вѣруета?» Она же рекоста: «антихристу». Онъ же рече има: «то гдѣ есть?» Она же рекоста: «сѣдить въ безднѣ». Рече има Янь: «какый то Богъ, сѣдя въ безднѣ? то есть бѣсъ, а Богъ есть на небеси сѣдя, на престолѣ, славимъ отъ ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ; не могуще на нь зрѣти, сихъ бо ангелъ сверженъ бысть, егоже вы глаголета антихристъ, за величанье его низъверженъ бысть съ небесе, и есть въ безднѣ, якоже то вы глаголета, жда, егда придеть Богъ съ небесе, сего имъ антихриста свяжетъ узами и посадить и, емъ его съ слугами его и иже къ нему вѣруютъ: вама же и здѣ муку пріяти отъ мене, и по смерти тамо». Онѣма же рекшема: «нама бози повѣдають; не можеши намъ сътворити ничьсоже», онъ же рече има: «лжють вама бози». Она же рекоста: «нама стати предъ Святославомъ, а ты не можьшь сътворити ничьсоже». Янь же повелѣ бити я, и потъргати брадѣ ею. Сима же тепенома и брадѣ ею поторганѣ проскѣпомъ, рече има Янь: «что вама бози молвять?» Онѣма же рекшема: «стати намъ предъ Святославомъ», и повелѣ Янь вложити рубль въ уста има, и привязати я къ упругу, и пусти предъ собою лодьѣ, и самъ по нихъ иде. Сташа на устьи Шексны, и рече има Янь: «что вама бози молвять?» Она же рѣста: «сице нама бози молвять, не быти нама живымъ отъ тобе». И рече има Янь: «то ти вама право повѣдали». Она же рекоста: «но аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли наю погубиши, многу печаль пріимеши и зло». Онъ же рече има: «аще ваю пущу, то зло ми будетъ отъ Бога». И рече Янь повозникомъ: «ци кому васъ кто родьнь убьенъ отъ сею?» Они же рѣша: «мнѣ мати, другому сестра, иному роженье». Онъ же рече имъ: «мьстите своихъ». Они же поимше, убиша я и повѣсиша я на дубѣ: отмьстье пріимша отъ Бога по правдѣ. Яневи же идущю домови, въ другую нощь медвѣдь въэлѣзъ, угрызъ ею и снѣсть; и тако погыбнуста

научщеньемъ бѣсовьскымъ, инѣмъ вѣдуще, а своея пагубы не вѣдуче. Аще ли быста вѣдала, то не быста пришла на мѣсто се, идѣже ятома има быти; аще ли и ята быста, то почто глаголаста: «не умрети нама», оному мыслящю убити я? Но се есть бѣсовьское наученье: бѣси бо не вѣдять мысли человѣчьскои, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничьсоже; суть бо немощни и худи взоромь. Яко и се скажемъ о взорѣ ихъ и о омраченьи ихъ. Въ си бо времена, въ лѣта си, приключися нѣкоему Новгородцю прити въ Чудь, и приде къ кудеснику, хотя волхованья отъ него; онъ же, по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаше оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: «бози не смѣють прити, нѣчто имаши на собѣ, его же бояться». Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тоя; онъ же нача опять призывати бѣсы; бѣси же метавше имь, повѣдаша, чьсо ради пришелъ есть. По семь же поча прашати его: «что ради бояться того, его же се носимъ на собѣ, креста?» Онъ же рече, «что есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся». Онъ же рече: «то каци суть бози ваши, кдѣ живутъ?» Онъ же рече: «въ безднахъ; суть же образомъ черни, крилати, хвосты имуще, въсходять же и подъ небомъ, слушающе вашихъ боговъ, ваши бо ангели на небеси суть; аще кто умреть отъ вашихъ людій, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть, то носимъ къ нашимъ богамъ въ бездну». Сиць бѣ волхвъ всталъ при Глѣбѣ Новѣгородѣ; глаголетъ бо людемъ, творя ся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града: глаголашеть бо, яко провѣдь вся, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо: «яко переиду по Волхову передъ всѣми». И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру, и хотяху погубити епископа; епископъ же въземъ крестъ и облекся въ ризы, ста рекъ: «иже хощетъ вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруетъ кто, то ко кресту да идетъ». И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва; и бысть мятежь великъ межи ими. Глѣбъ же возьма топоръ подъ скутомъ, приде къ волхву и рече ему: «то вѣси ли, что утро хощеть быти, и что ли до вечера?» Онъ же рече: «провѣжь вся». И рече Глѣбъ: «то вѣси ли, что хощеть быти

днесь?» «Чюдеса велика створю», рече. Глѣбъ же вынемь топоръ, ростя и, паде мертвъ, и люде разидошася; онъ же погыбе тѣломь и душею предавься дьяволу.

16. Знаменія. Въ се же лѣто знаменье въ солнци: яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы мѣсяць бысть въ часъ 2 дне, мѣсяца маія 21 день. Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша. Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе.

17. Моровая язва. Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будьше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху; и не смѣяху излазити изъ хоромъ; посемь же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье бьютъ Полочаны; се же знаменье поча быти отъ Дрьютьска. Въ си же времена бысть знаменье въ небеси: яко кругъ бысть посредѣ неба превеликъ. Въ се же лѣто ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуся сами и болота; многа знаменья бываху по мѣстомъ, и рать велика бяше отъ Половець и отвсюду: взяша 3 грады, Пѣсоченъ, Переволоку, и многа села воеваша, по обѣма странома... Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты, яко продахомъ корсты отъ Филиппова дне до мясопуста 7 тысячь; се же бысть за грѣхы наша, яко умножишася грѣси наши и неправды; се же наведе на ны Богъ, веля намъ имѣти покаянье и въстягнутися отъ грѣха, и отъ зависти, и отъ прочихъ злыхъ дѣлъ неріязненъ.

18. Сказаніе о народѣ, запертомъ въ горахъ. Се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородець, глаголя сице: «яко послахъ отрокъ свой въ Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пиршедшю отроку моему къ нимъ, и оттуду иде въ Юргу. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку моему: «дивьно мы находимъ чюдо,

его же нѣесмы слышати прежде сихъ лѣтъ; се же третье лѣто поча быти: суть горы зайдучи луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажють на желѣзо и помавають рукою, просяще желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу. Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи». Мнѣ же рекшю къ Гюрятѣ: «си суть людье заклепеніи Александромъ Македоньскымъ царемь». Якоже сказаеть о нихъ Меѳодій Патаріійскъ: «и взиде на всточныя страны до моря, нарицемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя, отъ племене Афетова; ихъ же нечистоту видѣвъ: ядяху скверну всяку, комары и мухы, котки, змiѣ, и мертвець не погребаху, но ядяху, и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны и въ горы высокія; Богу повелѣвшю, съступишася о нихъ горы полунощьныя, токмо не съступишася о нихъ горы на 12 локотъ; и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогутъ ижещи; вещь бо сунклитова сице есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь; въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Тривьскыя, изидуть и си скверніи языци, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію. Но мы на предняя възвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали.

---

5. Новгородская первая лѣтопись.

Голодъ. Лѣто 6738. Того же Богъ, видя наша беззаконія, и братоненавидѣніе, и непокореніе другъ къ другу, и зависть, и крестомъ вѣрящеся во лжю; его же ангели не могутъ зрѣти и многоочитіи крылы закрываються, того же мы въ рукахъ държаще скверными усты цѣлуемъ; и за то Богъ на насъ поганыя наведе и землю нашу пусту положиша; а иное сами не блюдуче безъ милости истеряхомъ свою власть, и тако бысть пусто; и тако ны Господь Богъ възда по дѣломъ нашимъ. Изби мразъ на Въздвиженіе честьнаго хреста обилье по волости наши, и оттолѣ горе уставися

велико: почахомъ купити хлѣбъ по 8 кунъ, а ржи кадь по 20 гривьнъ; а въ дворѣхъ по полъ — 30, а пшеницѣ по 40 гривьнъ, а пшена по 50, а овса по 13 гривьнъ, и разъидеся градъ нашь и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашеи и сестръ, а останъкъ почаша мерети, и кто не прослѣзится о семъ, видяще мертвьця по улицамъ лежаща и младенця отъ пьсъ изъѣдаемыя.

Мы же на преднее възвратимся, на горкую и бѣдную память тоя весны. Что бы рещи, или что глаголати о бывшеи на насъ отъ Бога казни? ини же мъхъ ядяху, ушь, сосну, кору липовую и листъ ильмъ, кто что замысля, а иніи пакы злін человѣци почаша добрыхъ людій домы зажигати, кдѣ чююче рожь, и тако разграбливахуть имѣніе ихъ...

То же бы намъ все видяще предъ очима, лучьшимъ быти, мы же быхомъ пущьши: братъ брату не сжаляшеться, ни отечь сынови, ни мати дъчери, ни сусѣдъ сусѣду не уломляше хлѣба; не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомъ, дома тъска, зряще дѣтіи плачюще хлѣба, а другая умирающа; и купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра; и даяху отци и матери дѣти свое одьрень, изъ хлѣба, гостьмъ. Се же горе бысть не въ нашеи земли во единои, нъ по всеи области Рустѣи, кромѣ Кыева одинаго; и тако ны Богъ възда по дѣламъ нашимъ.

---

6. Изъ Ипатьевскаго списка.

I. О походѣ Игоря 1185 года.

Въ то же время Святославичь Игорь, внукъ Ольговъ, поѣха изъ Новагорода, мѣсяца априля въ 23 день, во вторникъ, поймя со собою брата Всеволода изъ Трубецка, и Святослава Олговича, сыновця своего, изъ Рыльска, и Володимера, сына своего, изъ Путивля, и у Ярослава испроси помочь Ольстина Олексича, Прохорова внука, съ Коуи Черниговьскими; и тако идяхуть тихо, сбираюче дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велми. Идущимъ же имъ къ Донцю рѣкѣ, въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видя солнце, стояще яко мѣсяцъ, и рече бояромъ своимъ и дружинѣ своей: «видите ли, что есть затменіе се?» Они же узрѣвше, и видѣша вси и поникоша главами и рекоша мужи: «княже, се есть не на добро знаменіе се».

Игорь же рече: «братья и дружино! тайны Божія никтоже не вѣсть, а знаменію творецъ Богъ и всему міру своему; а намъ что створить Богъ, или на добро, или на наше зло, а то же намъ видити». И то рекъ, перебреде Донець и тако пріиде ко Осколу и жда два дни брата своего Всеволода, тотъ бяше шелъ инѣмъ путемъ изъ Курьска: и оттуда поидоша къ Салницѣ, ту же къ нимъ и сторожеви пріѣхаша, ихъ же бяхуть послалѣ языка ловитъ, и рекоша пріѣхавше: «видихомся съ ратныи, ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять; да или поѣдѣте борзо, или возворотитеся домовь; яко не наше есть веремя». Игорь же рече съ братьею своею: «оже ны будеть не бившися возворотитися, то соромъ ны будеть пущей смерти, но како ны Богъ дасть». И тако угадавше, и ѣхаша черезъ ночь, заутра же пятъку наставшу, во обѣднее время усрѣтоша полкы Половецькіе, бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжъ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мала и до велика, стояхуть на одной сторонѣ рѣкы Сюурлія. И ти изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середѣ, а поправу брата его Всеволожь, а полѣву Святославль сыновця его, напередѣ ему сынъ Володимеръ и другій полкъ Ярославль иже бяху съ Ольстиномъ Коуеве, а третій полкъ напереди же стрѣлци, иже бяхуть отъ всихъ князій выведени; и тако изрядиша полкы своя. И рече Игорь ко братьи своей: «братья, сего есмы искалѣ, а потягнемъ», и тако поидоша къ нимъ, положаче на Бозѣ упованіе свое. И яко быша къ рѣцѣ ко Сюурлію, и выѣхаша изъ Половецькихъ полковъ стрѣлци, и пустивше по стрѣлѣ на Русь и такъ поскочиша, Русь же бяхуть не переѣхалѣ еще рѣкѣ Сюурлія; поскочиша же и ти Половци силы Половецкіи, которіѣ же далече рѣкы стояхуть. Святославъ же Олговичь, и Володимеръ Игоревичь, и Ольстинъ съ Коуи, и стрѣлци поткоша по нихъ, а Игорь и Всеволодъ по малу идяста, не роспустяста полку своего, передніи же и Русь биша ѣ, имаша; Половцѣ же пробѣгоша вѣжѣ, и Русь же дошедше вѣжь и ополонишася, друзіи же ночь пріѣхаша къ полкомъ съ полономъ. И яко собрашася Половци вси, и рече Игорь ко братома и къ мужемъ своимъ: «се Богъ силою своею возложилъ на врагы наша побѣду, а на насъ честь и слава; се же видихомь полки Половецкіи, оже мнози суть, ту же ци вся си суть совокупили? Нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь, а кто поѣдеть заутра по насъ, то ци вси поѣдуть, но лучьшіи коньници переберуться, а самѣми какъ ны Богъ дасть». И рече Святославъ Олговичь

строема своима: «далече есмь гонихъ по Половцевъ, а кони мои не могуть; аже ми будеть нынѣ поѣхати, то толико ми будеть на дорозѣ остати» — и поможе ему Всеволодъ, акоже облечи ту. И рече Игорь: «да недивно есть разумѣющи, братья, умрети», — и облегоша ту. Свѣтающи же суботѣ, начаша выступати полци Половецкіи, акъ борове; изумѣшася князи Рускіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленое множество. И рече Игорь: «се вѣдаюче собрахомъ на ся землю всю: Концака, и Козу Бурновича, и Токсобица и Етебича, и Терьтробича». И тако угадавше вси съсѣдоша съ коній, хотяхуть бо бьющеся дойти рѣкы Донця; молвяхуть бо: «оже побѣгнемъ, утечемъ сами, а черные люди оставимъ, то отъ Бога ны будеть грѣхъ сихъ выдавше: пойдемъ, но или умремъ, или живи будемъ на единомъ мѣстѣ». И та рекше вси сосѣдоша съ коней и поидоша бьючеся; и тако божіимъ попущеніемъ, уязвиша Игоря въ руку и умрътвиша шюйцу его и бысть печаль велика въ полку его, и воеводу имяхуть, тотъ напереди язвенъ бысть. И тако бишася крѣпко ту днину до вечера, и мнози ранены и мертви быша въ полкахъ Русскихъ; наставши же нощи суботніи, и поидоша бьючися; бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуевѣ въ полку, побѣгоша. Игорь же бяшеть въ то время на конѣ, зане раненъ бяше, поиде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же, яко далече шелъ есть отъ людій, и соймя шоломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворотилися быша; и тако не возворотися никтоже, но токмо Михалко Гюргевичь, познавъ князя, возворотися; не бяхуть бо добрѣ смялися съ Ковуи, но мало отъ простыхъ или кто отъ отрокъ боярьскихъ, добро бо вси бьяхуться идуще пѣши — и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужьство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ и ту яша, единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь видѣ брата своего Всеволода крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видилъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста, и бьяху бо ся идуще вокругъ при езерѣ. И тако, во день святаго воскресенія, наведе на ня Господь гнѣвъ свой, въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселья мѣсто желю, на рѣцѣ Каялы. Рече бо дѣи Игорь: «помянухъ азъ грѣхы своя передъ Господемъ Богомъ моимъ, яко много убійство, кровопролитье створихъ въ землѣ крестьяньстѣй,

яко же бо азъ не пощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щитъ городъ Глѣбовъ у Переяславля; тогда бо не мало зло подъяша безвиньніи хрестьани, отлучаеми отецъ отъ роженій своихъ, братъ отъ брата, другъ отъ друга своего, и жены отъ подружій своихъ, и дщери отъ матерій своихъ, и подруга отъ подругы своея, и все смятено плѣномъ и скорбью тогда бывшею, живіи мертвымъ завидять, а мертвіи радовахуся, аки мученици святѣи огнемъ отъ жизни сея искушеніе пріемши, старцѣ порѣвахуться, уноты же лютыя и немилостивыя раны подъяша, мужи же пресѣкаеми бывають, жены же оскверняеми; и та вся створивъ азъ», рече Игорь, «не достойно ми бяшеть жити; и се нынѣ вижю отместье отъ Господа Бога моего; гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо рожденія моего? гдѣ бояре думающѣи, гдѣ мужи храборьствующѣи, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружья многоцѣньная? не ото всего ли того обнажихся, и связня преда мя въ рукы беззаконьнымъ тѣмъ? се возда ми Господь по безаконію моему и по злобѣ моей на мя, и снидоша днесь грѣси мои на главу мою, истиненъ Господь и прави суди его зѣло, азъ же убо не имамъ со живыми части; се нынѣ вижю другая мученія вѣньца пріемлюще, почто азъ единъ повиньный не пріяхъ страсти за вся си? но, Владыко Господи Боже мой! не отрини мене до конца, но яко воля твоя, Господи, тако и милость намъ рабомъ твоимъ». И тогда кончавшюся полку, розведени быша, и поиде каждо во своя вѣжа. Игоря же бяхуть яли Тарголове, мужь именемъ Чилбукъ, а Всеволода брата его ялъ Романъ Кзичь, а Святослава Олговича Елдечукъ въ Вобурчевичехъ, а Володимера Копти въ Улашевичихъ. Тогда же на полчищи Концакъ поручися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ. Отъ толикихъ же людій мало ихъ избысть, нѣкакомъ полученіемъ, не бяшеть бо лзѣ ни бѣгаючимъ утечи, зане яко стѣнами силными огорожени бяху полкы Половецькими; ношахуть Русь съ 15 мужь утекши, а Ковуемъ мнѣе, а прочіи въ морѣ истопоша... Въ то же время великый князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ, и сбирашеть отъ верхъних земль вои, хотя ити на Половци къ Донови на все лѣто. Яко возворотися Святославъ и бысть у Новогорода Сѣверьского, и слыша о братьи своей, оже шли суть на Половци, утаившеся его: и не любо бысть ему; Святославъ же йдяше въ лодьяхъ и яко приде къ Чернигову, и во тъ годъ прибѣже Бѣловолодъ Просо-

вичь; и повѣда Святославу бывшее о Половцѣхъ; Святославъ же, то слышавъ и вельми воздохнувъ, утеръ слезъ своихъ и рече: «о люба моя братья и сынове и муже землѣ Рускоѣ! далъ ми бы Богъ притомити поганыя, но не воздержавше уности, отвориша ворота на Русьскую землю. воля Господня да будетъ о всемъ; да како жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ жалую болши по Игорѣ братѣ моемъ». По семъ же Святославъ посла сына своего Олга и Володимера въ Посемье: то бо слышавше возмятошася городи Посемьскіе, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всемъ Посемьи, и въ Новѣгородѣ Сѣверьскомъ, и по всей волости Черниговьской, князи изымани и дружина изымана, избита...

2. Половци же аки стыдящеся воевъдъства его и не творяху ему пакости, но приставиша къ нему сторожевъ 15 отъ сыновей своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть; гдѣ хочеть, ту ѣздяшеть и ястребомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожевѣ же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьянску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужь родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ; и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: «пойду съ тобою въ Русь». Игорь же исперва не имяшеть ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо, имше мужь, и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: «азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ неславнымъ путемъ не имамъ поити». Съ нимъ бо бяшеть тысячкого сынъ и конюшій его, и та нудятса и глаголюще: «поиде, княже, въ землю Рускую, аще восхощетъ Богъ избавить тя»; и не угодися ему время такого, какого же искашеть. Но яко же прежде рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци; и рекоша Игореви думци его: ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будетъ славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь, пріимъ во сердце съвѣтъ

ихъ, уполошися пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и время таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшого своего, река ему: «переѣди на ону сторону Тора съ конемъ поводнымъ»; бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыса, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Сей же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, ты недостойнаго» — и возмя на ся крестъ, икону, и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяща. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця, и оттоле иде во свой Новъгородъ — и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву къ великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его.

II. Изъ Волынской лѣтописи.

По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси, одолѣвши всимъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божіимъ: устремилъбося бяше на поганыя яко и левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ яко и орелъ, храборъ бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживишю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шоломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавши оканьныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставьшю у Сырьчана единому гудьцю же Ореви, посла и во Обезы, река: «Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни Половецкія; оже ти не восхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ». Оному же не восхотѣвшю обратитися, ни послушати, и дастъ

ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: «Да лучше есть на своей землѣ костью лечи; нели на чюжѣ славну быти». И приде во свою землю.

---

7. Хожденіе игумена Даніила въ святую землю.

1. Вступленіе. Се азъ недостойный игуменъ Данилъ Русьскыя земля, хужьшій въ вьсѣхъ мнисѣхъ, смиренъ сый многыми грѣхы и невѣжьствіемъ, недоволенъ сый во вьсякомъ дѣлѣ блазѣ, и понуженъ быхъ мыслію своею и нетерпѣніемъ своимъ, въсхотѣвъ видѣти святый градъ Іерусалимъ и землю обѣтованьную Богомъ Аврааму. Волею же Божіею хранимый доходихъ святаго града Іерусалима и видѣхъ вьсю землю Галилейскую и святыя мѣста, и вься объидохъ, вьсю ту землю, удуже Христосъ Богъ нашъ походи своима ногама и много чюдесъ показа преславьно святымъ апостоломъ и своимъ ученикомъ, да то вьсе видѣхъ очима своима грѣшьныма, а вьсе ми Богъ показа видѣти, егоже жадахъ азъ по многы дньи, мыслію своею мучимъ. Но, братіе и отьцы, господіе мои, простите мя, и не зазьрите моему худоумію и грубости моей, еже съписахъ о святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, и о землѣ блазѣ и о пути семь святѣмь: иже бо кто путемь симъ ходить съ страхомь и съ смиреніемъ, то не погрѣшитъ милости Божія николиже. Азъ же неподобьно ходихъ путемь симь святымь, въ вьсякой слабости и лѣности, пья и ядя и вься неподобная творя, но обаче надѣюся на милость Божію и на вашу молитву, негли Христосъ Богъ проститъ мя грѣховъ моихъ безчисленьнихъ, да се и съписахъ путь сей и мѣста си святая, не възношаяся, ни величаяся путемь симъ: не буди то, ничтоже бо не сътворихъ добра на пути семь, но любъве ради святыхъ мѣстъ написахъ вьсе, еже видѣхъ очима своима грѣшьныма, дабы не въ забытьи то было, еже ми показа Богъ видѣти недостойному, и убояхъся осужденія оного раба лѣниваго, скрывъшаго талантъ господина своего и прикупа не сътвори имь; да и се написахъ вѣрьныхъ ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстѣхъ святыхъ и потщался душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстомъ и равьну мьзду пріимуть съ тѣми, уже будуть ходили до святыхъ сихъ мѣстъ. Мнози же дома сище въ своихъ мѣстѣхъ добріи человѣци милостынями къ убогымъ и добрыми дѣлы своими достизають сихъ мѣстъ

святыхъ, иже большюю мьзду пріимуть отъ Бога; мнози же и доходивъше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвъше святый градъ Іерусалимъ, и вознесъшеся умомь, яко нѣчто добро сътворьше, и пакы погубляють мьзду труда своего, отъ нихъ же первый есмь азъ.

2. О Іерусалимѣ. Есть же святый той градъ Іерусалимъ въ дебрехъ, и около же его горы каменьны великы и высокы, одьно пришедъ близь къ граду тоже видѣти святый градъ Іерусалимъ: первое видѣти столпъ Давидовъ, а потомъ мало пошедъ, видѣти Елеоньская гора и Святая Святыхъ, а потомъ весь градъ видѣти. И ту же есть гора равьна у пути близь Іерусалима, яко версты одной вьдалѣ, и на той горѣ съсѣдають люди съ коней, и пѣши ходять вьси людіе и поклоняються христіяне святому Въскресенію; и бываетъ радость велика вьсякому христіянину, увидѣвъшему святый градъ Іерусалимъ: никто же бо можетъ не прослезитися, видѣвше землю желаньную и мѣста святая, идѣже Христосъ Богъ нашь нашего ради спасенія походи; и идуть вьси пѣши съ радостію великою ко граду Іерусалиму.

3. О пупѣ земномъ и о церкви. И есть церкы та Въскресеніе Господьне кругла образомъ, вьсямокачьна, вьдлѣ и вьпрекы имать 30 саженъ. Суть же у нея полаты просторны, и въ тѣхъ полатахъ, горѣ, патриархъ живетъ. И есть отъ дверей гроба Господьня до стѣны великаго олтаря 12 саженъ; и ту есть, внѣ стѣны за олтаремь, пупъ земьный; създана же надъ нимь комора, и горѣ написанъ Христосъ мусіею, и глаголеть грамота: «се пядію моею измѣрихъ небо, а дланію землю». Отъ пупа земьнаго до распятія Господьня и до Краніева мѣста 12 саженъ. И есть бо распятіе Господьне отъ Въскресенія къ востоку лиць; есть же на камени высоко было, яко стружіе възвыше. Круглъ же есть камень тотъ, яко горька мала; посреди же камене того на верху есть скважьня, лакъти въглубльше, а въ ширѣ мьній пяди кругло, и ту былъ вьдруженъ крестъ Господній. Исподи же подъ тѣмъ каменемъ лежитъ первозданнаго Адама глава. Въ распятіе же Господьне, егда на крестѣ Господь нашь Іисусъ Христосъ предасть духъ свой, и тогда раздрася церковьна катапетазма и каменіе распадеся: тогда и той камень просѣдеся надъ главою Адамовою, и тою расѣлиною сьниде кровь и вода изъ ребръ Владычень на главу Адамлю, и омы грѣхы рода человѣча; и есть разсѣлина та на камени

томъ, и до дьнешняго дьне знати есть на десьнѣй странѣ распятія Господня знаменіе то честьное.

4. О Іерданьстѣй рѣцѣ. Іерданъ же рѣка течеть быстро, берегы же имать обонъполъ прикруты, а отъсюду пологы; вода же его мутьна и сладъка пити вельми и нѣсть сыти піющимъ воду ту святую, и здрава бысть вода та піющимъ ю, ни съ нея болить, ни пакости въ чревѣ нѣсть; въсѣмь же есть подобенъ Іерданъ къ рѣцѣ Сновьстѣй[1]), въшире и глубле, лукаво же вельми и быстро течеть; болонія же имать якоже и Сновь рѣка; глубле же есть четырей саженъ среди самоѣ купѣли; якоже самъ собою искусихъ и измѣрихъ и пребродихъ на ону страну Іердана, и много походихъ по брегу тому Іерданову любовію; въшире же есть Іерданъ рѣка якоже на устьи Сновь рѣка есть. И есть же по сей странѣ купѣли тоя яко лѣсокъ малъ, древіе много по брегу Іерданову превысоко, яко вербіе есть, и подобьно, но нѣсть верба; выше купели яко лозіе много по берегу Іердана; но нѣсть наша лоза, но инака... И есть бо ту тростіе много... И сподоби же мя Богъ трижды быти на Іерданѣ, и въ самый праздьникъ воды крещенія быхъ на Іерданѣ съ вьсею дружиною моею, и видѣхомъ благодать Божію, приходящую на воду Іерданьскую, и множество народа безчисленно тогда приходять къ водѣ съ свѣщами, вьсю ту нощь бываеть пѣніе изрядьно и свѣщь безъ числа горящь; въ полунощи же бываеть крещеніе водѣ: тогда бо Духъ Святой исходить съ небесе на воды Іерданьскыя, человѣци же достойніи добрѣ видять, како всходить Духъ Святый, а вьси народи не видять, но токмо вьсякому человѣку радость бываеть тогда въ сердци. Да егда погрузять священьници крестъ честьный и егда рекуть: «въ Іерданѣ крещающу Ти ся, Господи», — и тогда вьси людіе въскачють въ Іерданъ, крещающеся въ Іерданьстѣй рѣцѣ, якоже бо Христосъ въ полунощи крестилъся отъ Іоанна.

5. О свѣтѣ святѣмъ, како сходить съ небесе къ гробу Господьню. И се ми показа Богъ видѣти худому и недостойному рабу своему Данилу иноку; и видѣхъ очима своима грѣшьныма по истинѣ, како сходить свѣтъ святый къ Гробу животворящему Господа Спаса нашего Іисуса Христа. Мнози бо иніи страньници неправо глаголють о схожденіи свѣта святаго: инъ убо глаго-

---

[1]) Рѣка Сновь есть въ Черниговской губ., поэтому предполагають, что Даніилъ былъ оттуда родомъ.

иеть, яко голубемь сходить Духъ Святый къ Гробу Господню, а друзіи глаголють, яко молнія сходить и въжигаеть кандила надъ Гробомъ Господнимъ: то есть лъжа; ничтоже бо есть тогда видѣти, ни голуби, ни мълнія, но тако невидимо сходить благодѣть Божія, и въжигаються кандила надъ Гробомь Господьнимь. Да и о томь скажу, еже видѣхъ по истинѣ. Въ великую пятьницу по вечерьній потирають Гробъ Господень и помывають кандила, сущая надъ Гробомь Господьнимь, и наливають кандила та масла древянаго чиста безъ воды, одного и вотъкнувъше свѣтильна во оловьца, и не въжигають свѣтиленъ тѣхъ, но тако оставляють свѣтильна та не въжьжена, и запечатають Гробъ Господень въ 2 часъ нощи; и тогда изгасять вься кандила, не токмо ту сущая, но и по вьсѣмъ церквамъ яже въ Іерусалимѣ. Тогда и азъ худый идохъ въ ту пятьницу великую въ 1 часъ дьне къ князю Балдвуину [1]), и поклонихомься ему до земля; онъ же видѣвъ мя худаго поклонивъшася, и призъва мя къ себѣ съ любовію, и рече: «что хощеши, игумене Руськый»? — позналъ бо мя добрѣ и любляшѣ мя вельми, якоже бяше мужь благъ и смиренъ и не гордить ни мало. Азъ же рекохъ ему: «Княже мой, господине мой! Молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля руськыхъ, повели ми, да быхъ и азъ поставилъ свое кандило на Гробѣ святѣмъ отъ всея руськыя земля». Тогда же онъ со тъщаніемъ и съ любовію повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господьни и посъла со мною мужа, своего слугу лучьшаго, къ иконому святаго Воскресенія и къ тому, иже держить ключь гробный. И повелѣста ми оба, икономъ и ключарь Гроба Господьня, принести ми кандило свое съ масломь; азъ же поклонихъся има съ радостію великою и шедъ на торгъ и купихъ кандило стькляньное велико и наліяхъ масла древянаго чистаго безъ воды, и принесохъ къ Гробу Господьню, уже вечеру сущу, и упросихъ ключаря того, единаго вънутрь Гроба суща, и обѣстихся ему; онъ же отъверзе ми двери святыя, и повелѣ ми выступити изъ калигъ, и тако босаго въведе мя единаго въ святый Гробъ Господень съ кандиломь, еже ношахъ азъ рукама своима грѣшныма, и повелѣ ми поставити кандило на Гробѣ Господьни, и поставихъ своима рукама грѣшьныма въ ногахъ, идѣже лежаста пречистѣи нозѣ Господа нашего Іисуса Христа: въ главахъ бо стояше кандило Гречьское, на персехъ поставлено бяше

[1]) Іерусалимъ въ то время былъ въ рукахъ крестоносцевъ и королемъ тамъ былъ Балдуинъ I.

кандило святаго Савы и вьсѣхъ монастырей; тако бо обычай имуть, по вься лѣта поставляють кандило Гречьское и святаго Савы. Благодѣтію же Божіею та три кандила въжьглися дольняя, а Фряжьская кандила повѣшена суть горѣ, а отъ тѣхъ кандилъ ни единаго же не возгорѣся тогда, толико тѣ 3 едина въжьгласяся. Азъ же поставихъ кандило свое на святѣмъ Гробѣ Господа нашего Іисуса Христа и поклонихъси честьному Гробу Господьню, и облобызахъ съ любовію я съ слезами мѣсто то святое и честьное, идѣже лежало пречистое тѣло Господа нашего Іисуса Христа; и изыдохомъ изъ Гроба того святаго съ радостію великою и идохомъ къждо въ келью свою. Заутра же въ великую суботу въ шестый часъ дьне събираються вьси людіе предъ церковію Въскресенія Христова безчислено много множество людій отъ вьсѣхъ странъ, пришельци и тоземьци; и отъ Вавилона, и отъ Египта, и отъ Антіохія и отъ вьсѣхъ странъ ту ся събирають въ тотъ день несказаньно много людій, и наполняться вься та мѣста около церкъве и около Распятія Господня; велика же тѣснота и томленіе лютѣ людемъ ту бываеть; мнози бо тогда задыхаються отъ тѣсноты людій тѣхъ безчисленныхъ; и ти вьси людіе съ свѣщами стоять невъжьженами и жьдуть отверзенія дверій церьковьныхъ. Внутрь же церкъве тогда токмо попове едини суть, и ждуть попове и вьси людіе, доньдеже пріидеть князь Балдвинъ съ дружиною своею, и бываеть тогда отверзеніе дверемъ церковьнымъ, и входять тогда вьси людіе въ церковь въ тѣснотѣ велицѣ и въ гнетеніи, и напольняють церковь ту и полати, вьсѣ польны будуть; не могуть бо ся вмѣстити вьси людіе въ церковь ту, но ту стоять вънѣ церкъви людіе мнози зѣло около Голгоѳы и около Краніева мѣста и дотолѣ, идеже налѣзенъ крестъ Господень, вьсе полно будеть людій безъ числа-много множество. Иного не глаголють ничьсоже, но токмо «Господи помилуй» зовуть неослабьно и вопіють сильно, яко тутьнати и възгремѣти вьсему мѣсту тому отъ вопля людій тѣхъ; и ту источьници слезамъ проливаються отъ вѣрьныхъ человѣкъ; аще бо кто окамененъ сердцемъ своимь, да и той тогда можеть прослезитися; вьсякъ бо человѣкъ тогда зазьрить себе и поминаеть грѣхы своя и глаголеть въ себѣ: «егда моихъ дѣля грѣховъ не снидеть свѣтъ святый!» И тако стоять вьси вѣрьніи, слезно и сокрушено сердьце имуще; и той самъ князь Балдвинъ стоить съ страхомь и смиреніемъ великымь, источьникъ слезъ проливаеться отъ очію его; также и дружина его

стоять около его прямо Гробу близь олтаря великаго. Яко бысть 7 часъ[1]) субботьнаго дьне, поиде князь Балдвинъ изъ дому своего къ Гробу Господьню и съ дружиною своею, и вьси боси пѣшіи идутъ съ нимь. И присьла князь въ метухію святаго Савы, и позъва игумена съ черноризьци его; и поиде игуменъ съ братіею къ Гробу Господьню, и азъ худый тутъ же идохъ съ игуменомъ тѣмь и съ братіею, и пріидохомъ къ князю тому, и поклонихомъся ему вьси. Тогда и онъ поклонися игумену святаго Савы. И повелѣ князь игумену святаго Савы и мнѣ худому съ нимъ поити близь себе, а инѣмъ повелѣ предъ собою ити, а дружинѣ повелѣ по собѣ ити. И пріидохомъ въ церковь Въскресенія Христова къ западьнымъ дверемъ, и се множество людій заступиша двери церковьныя, и не могохомъ внити въ церковь. Тогда повелѣ князь Балдвинъ воемъ своимъ разгънати люди насильствомъ; и сътвориша яко улицу сквозѣ люди нольно и до Гроба Господня, и тако възмогохомъ проити. И пріидохомъ къ восточьнымъ дверемъ Господьнимъ гробьнымъ, а князь по насъ пріиде и ста на мѣстѣ своемь на десной странѣ у перегороды великаго олтаря противу въсточьнымъ дверемъ гробьнымъ: ту бо есть мѣсто княже созьдано высоко; и повелѣ князь игумену святаго Савы стати надъ Гробомь съ вьсѣми черньци и съ правовѣрьными попы, мнѣ же худому повелѣ стати высоко надъ самыми дверьми гробьными противу великому олтарю, яко дозьрѣти ми льзѣ бяше въ гробьныя двери; двери же гробныя вьсѣ трое замъчены бяху запечатаны царьскою печатію. Латыньстіи же попове въ велицѣмь олтари стояху. И бысть яко 8 часъ дьне, и начаша пѣти вечерьнюю правовѣрьніи попове на Гробѣ горѣ, и вьси мужи духовніи, черноризьци же и пустыньници мнози ту бяху пришьли; а Латыня же въ велицѣмь олтари начаша верещати свойскы, и тако поищимъ имъ, азъ же ту стояхъ и прилежьно зьряхъ къ дверемъ гробьнымъ. И яко начаша пареміи чести суботы великыя, и изыде епископъ съ діакономъ своимь изъ великаго олтаря и приде къ дверемъ гробьнымъ, и позьрѣвъ Гробъ Господень сквозѣ крестьца дверей тѣхъ, и не узьрѣ свѣта въ Гробѣ и возвратися опять въ олтарь. Яко начаша чести 6-ю паремію, и той же епископъ со діакономъ пріиде пакы къ дверемъ гробьнымъ, и не увидѣ ничтоже въ Гробѣ Господьни; и тогда

[1]) Въ Палестинѣ часы считаются отъ восхода солнца, такъ что первый часъ дня есть, по нашему счету, седьмой часъ утра, а первый часъ ночи — седьмой часъ вечера.

вьси людіе възпиша съ слезами: «киръ елейсонъ». Якоже бысть девятый часъ дьни мимоходящю, и начаша пѣти пѣснь переходьную «Господеви поемъ», и тогда вънезапу пріиде туча отъ въстока мала и ста надъ върхомь непокрытымъ тоя церкве и одожди мало надъ Гробомь святымь и смочи ны добрѣстоящихъ надъ Гробомь Господьнимъ; и тогда вънезапу блиста свѣтъ святый въ Гробѣ Господьни, и изыде блистаніе свѣта того страшьно и свѣтьло зѣло изъ Гроба того святаго. И пришедъ епископъ съ четырьми діаконы, отверзоша двери Господьня Гроба, и въземъ свѣщю у князя, и вниде епископъ въ Гробъ Господень и въжьже первое ту свѣщю княжу отъ свѣта того святаго, и изнесъ изъ Гроба свѣщю ту, и вдасть ю самому князю въ руцѣ; и ста князеть[1]) на мѣстѣ своемь дьржа свѣщю ту съ радостію великою зѣло, и отъ тоя свѣща мы въжьгохомь вьси своя свѣща, а отъ нашихъ вѣщь вьси людіе своя въжьгоша свѣща. Свѣтъ же святый не тако, яко огнь земленый, но чюдьно инако свѣтиться изърядно и пламень его червленъ есть, яко киноварь и отънудь несказаньно свѣтиться. И тако людіе стоять съ свѣщами горящими и вопіють же вьси непрестаньно съ радостію великою зѣло и съ веселіемъ, видѣвъше свѣтъ святый Божій.

---

8. Поученіе Владимира Мономаха.

...Да дѣти моя, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но кому же любо дѣтій моихъ, а приметь и въ сердьце свое и не лѣнитися начьнеть, такоже и тружатися. Первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣйте Божій въ сердьци своемь и милостыню творя неоскудьну; то бо есть начатокъ вьсякому добру. Аще ли кому не люба грамотица си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя съли отъ братія моея на Волзѣ, рѣша: «потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; оже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ». И рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядивъ я, въземъ Псалтырю въ печали, разгнухъ ю, и то ми ся выня: «въскую печалуеши, душе? въскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словьца си любая, и

[1]) Вмѣсто: князь-тъ.

складохъ по ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не люба, а передьняя пріимайте...

По истинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человѣци грѣшьни суще и съмертьни, то оже ны зъло сътворить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашъ, владѣя и животомъ и съмертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е къ собѣ. Такоже и Господь нашъ показалъ ны есть на врага побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемь, слезами, и милостынею; да то вы, дѣти моя, не тяжька заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжька: ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко иниі добріи терпять, но малыхъ дѣломъ улучити милость Божью. Что есть человѣкъ, яко помниши и? Велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, никакъ же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдесъ твоихъ. И пакы речемъ: велій еси, Господи, и чюдьна дѣла твоя, и благословенно и хвально имя твое въ вѣкы по вьсей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляетъ силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и добротъ, устроенныхъ на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солньце, како ли луна, како ли звѣзды и тьма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимь промысломь! звѣрье розноличніи, и пътица и рыбы, украшено твоимь промысломь, Господи! И сему чюду дивуемся, како отъ персти созьдавъ человѣка, како образи разноличьніи въ человѣчьскыхъ лицихъ, аще и весь міръ совокупить, не вьси въ одинъ образъ, но кый же своимь лиць образомь, по Божіи мудрости. И сему ся подивуемы, како пътица небесьныя изъ ирья идуть... и не ставяться на одиной земли, но и сильныя и худыя идуть по вьсѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ, да наполняться лѣси и поля. Вьсе же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже то угодья сътворилъ еси человѣка дѣля грѣшьна. И ты же пътица небесьныя умудрены тобою, Господи: егда повелиши, то въспоють и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣющѣ онѣмѣють. А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло, вьсяка чюдеса и ты доброты сътворивъ и сдѣлавъ! Да иже не хвалить тебе, Господи, и не

вѣруеть вьсѣмь сердьцемь и вьсею душею во имя Отьца и Сына и святаго Духа, да будеть проклятъ[1]). Си словьца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене; аще не вьсего пріимите, то половину. Аще вы Богъ умякъчить сердьце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ рекуще: «якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшьныхъ помилуй». И въ церкъви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь: аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начьнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся; тѣмъ бо ночьнымь поклономь и пѣньемъ человѣкъ побѣжаеть дьявола, и что въ день согрѣшить. а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни съ кымь орудья. аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣтѣ безпрестани. втайнѣ; та бо есть молитва вьсѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю. Вьсего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротѣ, и вьдовицю оправьдите сами, а не вьдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ съмерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро. не кленитеся Богомъ, ни хреститеся; нѣту бо ти нужа никоея же. Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому. али управивъше сердьце свое, на немь же можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавъше блюдѣте, да не преступьни погубите душа своея. Епископы и попы и игумены, съ любовью възимайте отъ нихъ благословенье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набъдите, да пріимите отъ нихъ молитву отъ Бога. Паче вьсего гордости не имѣйте въ сердьци и въ умѣ, но рьцѣмъ: съмертьни есмы, днесь живы. а заутра въ гробѣ; се вьсе, что ны еси въдалъ, не наше, но твое. поручилъ ны еси на мало дьній. И въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чьти яко отьца, а молодыя яко братью. Въ дому своемь не лѣнитеся, но вьсе видите; не зьрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящеи къ вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зьрите на воеводы;

[1]) Все это мѣсто, начиная со словъ: «Велій еси, Господи» представляетъ рядъ выписокъ изъ Псалтири, свободно истолкованныхъ и развитыхъ Мономахомъ. Имѣя въ виду Псалтирную основу этой части, онъ и называетъ ее «божественными словцами».

ни питью, ни ѣденью нелагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отъвьсюду нарядивъше, около вой тоже лязѣте, а рано встанѣте; а оружья не снимайте съ себе, вборзѣ не розглядавъше, лѣнощами вънезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лъжѣ блюдися и пьянства...; въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемь по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начьнуть. Куда же поидете, идѣже станете, напоите, накормите унеина: и болѣе же чьтите гость, откуду же къ вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ; еще не можете даромъ, — брашьномь и питьемь; ти бо мимоходячи прославять человѣка по вьсѣмъ землямъ, любо добрымь, любо злымь. Больнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вьси мертвени есьмы; и человѣка не минѣте не привѣчавъше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець вьсему: страхъ Божій имѣйте выше вьсего. Аще забываете вьсего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть безъ сорома, и вамъ будеть добро. Егоже умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ. Въ томь бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо вьсему мати, еще умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозѣте ся лѣнити ни на что же доброе. Первое къ церкъви; да не застанеть васъ солньце на постели. Тако бо отець мой дѣяшеть блаженный и вьси добріи мужи съвершеніи. Заутренюю отдавъше Богови хвалу, и потомь солньцю въсходящю, и узрѣвъше солньце, и прославити Бога съ радостью, рекуще: просвѣти очи мои, Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красьный; и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявъся, оправьдивъ животъ, тако похвалю Бога. И сѣдъше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати; спанье есть отъ Бога присуждено полудьне; в-отъ чинъ бо почиваеть и звѣрь, и пьтиця, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое къ Ростову идохъ, сквозѣ Вятича, посъла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е къ Смолиньску со Ставъкомь Скордятичемь, той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посъла Смолиньску; то изъ Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и

посъласта Берестію брата на головьня, идѣ бяху пожьгли, то и ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отьцю, а по Велицѣ дьни изъ Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творить съ Ляхы: оттуда пакы на лѣто Володимерю опять. Та посъла мя Святославъ въ Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяцѣ... И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 дьній о малу греблю, и не въдадуче имъ въ острогъ. Съжаливъся хрестьяньскыхъ душь и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «не хвалитися поганымъ». И въдахъ брату отьца своего мѣсто, а самъ идохъ на отьца своего мѣсто Переяславлю. И вынидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчьскыя нѣ съ 100 дружины, и съ дѣтьми и съ женами; и облизахуться на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и съ горъ; Богъ и святый Борисъ не да имъ мене въ користь, невредени доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣвъ въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода...

А изъ Чернигова до Кыева... ѣздихъ къ отцю, дьнемь есмь переѣздилъ до вечерьнѣ; а вьсѣхъ путій 80 и 3 великыхъ, а прока не испомьню меньшихъ. И мировъ есьмь сътворилъ съ Половечьскыми князи безъ одинаго 20, и при отьци и кромѣ отьца, а дая скота много и многы порты своея. И пустилъ есмь Половечьскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братѣ 4, а вьсѣхъ лѣпшихъ князей инѣхъ 100; а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномь. Акланъ Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметій молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, изсѣкъ, въметахъ въ ту рѣчьку въ Сальну; по чередамъ избьено нѣ съ 200 въ то время лѣпшихъ.

А се тружахъся ловы дѣя... А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикыхъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ по 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того еже по Роси ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикыя. Тура мя 2 метала на розѣхъ и съ конемь, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногама топъталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь отъялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невредена мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ юности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя

головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь сътворилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя. На посадникы не зьря ни на биричѣ, самъ творилъ что было надобѣ; весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловьчихъ ловьчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ. Тоже и худаго смерда и убогыя вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти, и церковьнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазьрите ми, дѣти моя, ни инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся, ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославлю милость его, иже мя грѣшьнаго и худаго селико лѣтъ съблюде отъ тѣхъ часъ съмертьныхъ, и не лѣнива мя былъ сътворилъ худаго на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вься дѣла добрыя, славяще Бога съ святыми его. Съмерти бо ся, дѣти, не боячи, ни отъ рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть, — оже бо язъ отъ рати и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня съпадаяся; то никтоже васъ не можетъ вредити ся и убити понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а еже отъ Бога будетъ съмерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти; но аче добро есть блюсти, Божіе блюденье лѣпле есть человѣчьскаго.

---

9. Слово о полку Игоревѣ.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича! Начати же ся той пѣсни по былинамъ сего времене, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы. Помьняшетъ бо, рече, първыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей: которыя дотечаше, та преди пѣснь пояше старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы касожьскыми, красному Романови Святъславличу. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщая пьрсты на живыя струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху.

Почьнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшьняго Игоря, иже стягну умъ крѣпостію своею

и поостри сердца своего мужествомь, напълнивъся ратьнаго духа, наведе своя храбрыя пълкы на землю половецькую за землю русьскую.

Тогда Игорь възърѣ на свѣтьлое солнце и видѣ отъ него тьмою вься своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: «Братіе и дружино! луче же бы потяту быти, неже полонену быти; а въсядемъ, братіе, на своя бързыя комони, да позьримъ синяго Дону»... «Хощу бо,—рече,—копіе приломити конець поля половецькаго; съ вами, Русичи, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону». О Бояне, соловію стараго времене! абы ты сія пълкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, съвивая, славію, оба полы сего времене. Рища въ Тропу Бояню, чрезъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви, того внуку: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, галици стады бѣжать къ Дону великому». Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ внуче: «Комони ржють за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ». Стоять стязи въ Путивлѣ, Игорь жьдеть мила брата Вьсеволода. И рече ему буй-туръ Вьсеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, своя бързыя комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмлени, пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищючи себѣ чьти, а князю славы».

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою пътичь убуди; свистъ звѣринъ... дивъ кличеть върху древа, велить послушати земли незнаемѣ, Вълзѣ и Поморію, Посулію, и Сурожю, и Корсуню, и тебѣ, тьмутороканьскый блъванъ! А Половьци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычать телѣгы полунощи, рьци—лебеди роспужени. Игорь къ Дону вои ведеть... Вълщи грозу въсрожать по яругамъ; орьли клекътомь на кости звѣри зовуть: лисици брещуть на чьрленые щиты. О руськая земле! уже за шеломенемь еси.

Дълго ночь мъркнеть. Заря-свѣтъ запала; мьгла поля покрыла; щекотъ славій усъпе; говоръ галичь убудися. Ру-

сичи великая поля чърлеными щиты прегородиша, ищючи себѣ чьти, а князю славы.

Съ заранія въ пятъкъ потопташа поганыя пълкы Половецкыя и, рассушася стрѣлами по полю, помьчаша красьныя дѣвъкы половецькыя, а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты... япончицами и кожюхы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и вьсякыми узорочьи половецькыми. Чьрленъ стягъ, бѣла хоруговь, чьрлена челка, серебрено стружіе храброму Святъславличю! Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло. Не было къ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чьрный воронъ, поганый Половьчине! Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вълкомь, Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону великому.

Другого дьне вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чьрныя туча съ моря идуть, хотять прикрыти 4 солньца; а въ нихъ трепещють синія мълнія: быти грому великому, ити дождю стрѣлами съ Дону великаго; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шлемы половецькыя, на рѣкѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О руськая земле! уже за шеломенемь еси.

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы; земля тутънеть, рѣкы мутьно текуть; пороси поля прикрывають; стязи глаголють; Половьци идуть отъ Дона и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ, руськыя пълкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомь поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чьрлеными щиты. Яръ-туре Вьсеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужьными: камо, туръ, поскочаше, своимь златымь шеломомь посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецькыя; поскепани саблями калеными шеломи оварьстіи отъ тебе, яръ-туре Вьсеволоде.

Были вѣци Бояни, минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы, Ольга Святъславича: тъй бо Олегъ мечемь крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ. Тоже звонъ слыша давьный великый Ярославль сынъ Всеволодъ; а Владимиръ по вься утра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе... за обиду Ольгову, храбра и млада князя... Тогда при Ольѕѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погыбашеть жизнь Дажь-

божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишася. Тогда по русьской земли рѣдко ратаеве кыкахуть нъ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе. То было въ ти рати и въ ты пълкы, а сицей рати не слышано. Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летять стрѣлы каленыя, гримлють сабли о шеломы, трещать копія харалужьная въ полѣ незнаемѣ среди земли половецькыя. Чьрна земля подъ копыты костьми посѣяна, а кровію польяна,— тугою възидоша по русьской земли.

Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь пълкы заворочаеть: жаль бо ему мила брата Вьсеволода. Бишася день, бишася другый, третьяго дьне къ попудьнію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русьскую. Ничеть трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось. Уже бо братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу прикрыла; въстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вътупила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крилы на синѣмъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирьна времена. Усобица княземъ... рекоста бо братъ брату: «се мое, а то—мое же» И начаста князи про малое «се великое» мълвити, а сами на себе крамолу ковати: а поганіи съ вьсѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русьскую. О! далече зайде соколъ, пътицъ бья,—къ морю. А Игорева храбраго пълку не кресити. Жены руськыя въсплакашася, а рькучи: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію съмыслити, ни думою съдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». А възстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастьми: тоска разліяся по руськой земли: печаль жирьна тече средь земли русьскыя. А князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищюще на русьскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора... Святъславъ грозьный, великый кыевьскый... наступи на землю половецькую; притопъта хълмы и яругы, възмути рѣкы и озера, изсуши потокы и болота: а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзьныхъ великыхъ пълковъ половецькыхъ яко вихрь выторже; и падеся Кобякъ въ градѣ Кыевѣ, въ гридьници Святъславли. Ту Нѣмьци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ князя Игоря, иже

погрузи жиръ въ дънѣ Каялы, рѣкы половецкыя. Русьскаго злата насыпаша ту. Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощеево; уныша бо градамъ забрала, а веселіе пониче.

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кыевѣ на горахъ. «Синочь съ вечера одѣвасте мя, рече, чьрною паполомою на кровати тисовѣ; чьрпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы... великый женьчугъ на лоно, и нѣгують мя. Уже дъскы безъ кнѣса въ моемь теремѣ златовьрсѣмь. Всю нощь съ вечера... врани възграяху»... И рькоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила: се бо два сокола слетѣста съ отьня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону; уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самою опуташа въ путины желѣзны». Темьно бо бѣ въ 3 день: два солнца помьркоста, оба багряная стълпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; по русьской земли прострошася Половьци, акы пардуже гнѣздо... Се бо готьскыя красьныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю, звоня руськымъ златомь: поють время Бусово, лелѣють месть Шароканю. А мы уже, дружина, жадьни веселія.

Тогда великый Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: «О моя сыновьца, Игорю и Вьсеволоде! рано еста начала половецькую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестьно одолѣсте, нечестьно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмь харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли сътвористе моей сребренѣй сѣдинѣ!»...

А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываеть, высоко пътицъ възбиваеть, не дасть гнѣзда своего въ обиду...

Великый княже Вьсеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отьня злата стола поблюсти: ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти; аже бо ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по рѣзанѣ...

Ты, буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злаченіи шеломи по крови плаваша? не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранени саблями калеными на полѣ незнаемѣ? Въступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времене, за землю русьскую, за раны Игоревы, буяго Святъславлича.

Галичькый Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованѣмь столѣ, подперъ горы Угорьскыя своими желѣзьными пълкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота... суды ряды до Дуная. Грозы твоя по землямъ текуть: отворяеши Кыеву врата; стрѣляеши съ отьня злата стола салтаны за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганаго кощея, за землю русьскую, за раны Игоревы, буяго Святъславлича!

А ты, буй Романе и Мьстиславе! храбрая мысль носить ваю умъ на дѣло: высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя пътичю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзьныя паперси подъ шеломы латиньскыми. Тѣми тресну земля и многы страны... Литва, Ятвязи... и Половьци сулици своя повьргоша, а главы свои поклониша подъ тыя мечи харалужьныя...

Ярославнинъ гласъ слышится: зегзицею незнаема рано кычеть: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ». Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи: «О вѣтре, вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши хыновьскыя стрѣлькы на своею нетрудьною крильцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшеть горѣ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?» Ярославна рано плачеть Путивлю городу на забороле, а рькучи: «О Днѣпре Словутичю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецькую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли насады до пълку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не сълала къ нему слезъ на море рано». Ярославна рано плачеть въ Путивлѣ на забралѣ, а рькучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое сълньце! вьсѣмъ тепло и красьно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на лады вои? въ полѣ безводьнѣ жаждею имъ лукы съпряже, тугою имъ тулы затъче?»

Прысну море полунощи; идуть сморчи мьглами: Игореви князю Богъ путь кажеть изъ земли половецькой на землю русьскую къ отьню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь съпить, Игорь бъдить, Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Доньца. Комонь въ полуночи Овлуръ свисну за рѣкою, велить князю разумѣти... Стукну земля въсшумѣ трава, вѣжи ся половецькыя под-

визоша. А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвържеся на бързъ комонь и скочи съ него босымь вълкомь, и потече къ лугу Доньца, а полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди завтраку и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ вълкомь потече, труся собою студеную росу, претъргоста бо своя бързая комоня.

Донецъ рече: «Княже Игорю, не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русьской земли веселія». Игорь рече: «О Доньче! не мало ти величія, лелѣявъши князя на вълнахъ, стълавъшю ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавъшю его теплыми мьглами подъ сѣнію древу: стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чьрнядьми на вѣтрѣхъ».

А не сорокы въстроскоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граяхуть, галици помълкоша, сорокы не троскоташа... дятьлове текътомь путь къ рѣцѣ кажуть, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдають. Мълвитъ Гзакъ Кончакови: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами». Рече Кончакъ ко Гзѣ: «Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ сокольца опутаевѣ красьною дѣвицею». И рече Гзакъ къ Кончакови: «Аще его опутаевѣ красьною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красьны дѣвицѣ, то почнуть наю пътици бити въ полѣ половецькомь».

Рекъ Боянъ... «Тяжько ти, головѣ, кромѣ плечю, зъло ти, тѣлу, кромѣ головы», — русьской земли безъ Игоря. Солньце свѣтиться на небеси, Игорь князь въ русьской земли. Дѣвици поють на Дунаи, вьються голоси чресъ море до Кыева: Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей; страны рады, гради весели.

Пѣвъши пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: «Слава Игорю Святъславличю, буй-туру Вьсеволоду Владимиру Игоревичу; здрави князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя пълкы! Княземъ слава и дружинѣ». Аминь!

---

10. Изъ поученій Серапіона, Епископа Владимирскаго.

1. Многу печаль въ сердьци своемь вижю васъ ради, чада; понеже никакоже вижю вы премѣнившася отъ дѣлъ неподобьныхъ. Не тако скорбить мати, видящи чада своя

боляща, якоже азъ, грѣшьный отець вашь, видя вы боляща беззаконьными дѣлы. Многажды глаголахь вы, хотя отставити отъ васъ зълый обычай: никакоже премѣнивъшася вижю вы. Аще кто васъ разбойникъ, разбоя не останетъ; аще кто крадеть, татьбы не лишиться; аще кто ненависть на друга имать, враждуя не почиваеть; аще кто обидить и въсхватаеть, грабя не насытиться; аще кто рѣзоимець, рѣзъ емля не престанеть... Страшно есть, чада, впасти въ гнѣвъ Божій! Чему не видимъ, что приде на ны въ семь житіи сущимъ? Чего не приведохомъ на ся? Какыя казни отъ Бога не въспріяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Невъзяти ли быша гради наши? Не въскорѣ ли падоша отьци и братія наша труліемъ на земли? Не ведены ли быша жены и чада наша въ плѣнъ? Не порабощени ли быхомъ оставъше горькою си работою отъ иноплеменникъ? Се уже къ 40 лѣтъ приближаеть томленіе и мука, и дани тяжьціи на ны, не престануть глади, морове животъ нашихъ; и въ сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ; и въздыханіе наше и печаль сушить кости наши...

2. Почюдимъ, братіе, человѣколюбье Бога нашего, како ны приводить къ себѣ, кыми ли словесы не наказаетъ насъ, кыми запрещеніи не запрети намъ? Мы же никакоже къ нему обратихомъся. Видѣвъ наша беззаконья умноживъшася, видѣвъ ны заповѣди его отверъгша, много знаменій показавъ, много страха пущаще, много рабы своими учаше и ничимь же уньше показахомъся. Тогда наведе на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ не щадящь красы юны, немощи старецъ, младости дѣтій. Двигнухомъ бо на ся ярость Бога нашего, по Давиду, вскорѣ възгорѣся ярость его на ны. Разрушены божественныя церкъви, осквернени быша съсуди священіи, потоптана быша святая, святители мечю во ядь быша, плоти преподобьныхъ мнихъ пътицамъ на снѣдь повержены быша; кровь и отець и братія нашея, акы вода многа, землю напои; князій нашихъ, воеводъ крѣпость исчезе; храбріи наши, страха наполньшеся, бѣжаша; множайша же братія и чада наша въ плѣнъ ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величьство наше смирися, красота наша погыбе, богатьство наше инѣмъ въ користь бысть, трудъ нашь погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменьникомъ въ достояніе бысть. Въ поношеніе быхомъ живущимъ въ скрай земли нашея, въ посмѣхъ бы-

хомъ врагомъ нашимъ; ибо сведохомъ собѣ, акы дождь съ небеси, гнѣвъ Господень...

3. Малъ часъ порадовахъся о васъ, чада, видя вашю любовь и послушаніе къ нашей худости, и мьняхъ, яко же утвердистеся и съ радостію пріемлете божественное писаніе; на съвѣтъ нечестивыхъ не ходите и на сѣдалищи губитель не сѣдите. А еже еще поганьскаго обычая держитеся, волхвованію вѣруете и пожигаете огнемъ невиньныя человѣкы и наводите на вьсь міръ и градъ убійство. Аще кто и не причастися убійству, но въ соньмѣ бывъ, въ единой мысли убійства же бысть, или могай помощи, а не поможе, акы самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кыхъ писаній се слышасте, яко волхованіемъ глади бывають на земли и пакы волхованіемъ жита умножаються? То аже сему вѣруете, то чему пожигаете я? молитеся и чьтите я дары, и приносите имъ, ать строять міръ, дождь пущають, тепло приводятъ, земли плодити велять? Се нынѣ по 3 лѣтѣхъ житу рода нѣсть не токмо въ Руси, но въ Латинѣ. Се волхвове ли сътвориша?... Молю вы, отступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хощете градъ оцѣстити отъ беззаконьныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ Пророкъ и царь потребляше отъ града Ерусалима вься творящая беззаконіе: овѣхъ убитіемъ, инѣхъ заточеніемъ, инѣхъ же темьницами; вьсегда градъ Господень чистъ творяше отъ грѣхъ. Кто бо такъ бѣ судія, якоже Давидъ? страхомъ Божіимъ судяше, духомъ святымъ видяше, и по правьдѣ отвѣтъ даяше. Вы же како осужаете на смерть, сами страсти исполнени суще, и по правдѣ не судите? Иный по враждѣ творить, иный горькаго того прибытька жадая, а иный, ума не исполненъ, только жадаетъ убити, пограбити. А еже за что убити, а того не вѣсть правила божественнаго: повелѣвають многыми послухы осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомъ постависте, и глаголете: аще утапати начьнетъ, неповиньна есть: аще ли пополоветъ, волховъ есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, поддержати, да не погрузиться, дабы въврещи въ душьгубьство, яко оставльше послушьство боготвореннаго человѣка, идосте къ бездушьну естьству, къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣванье Божіе. Слышасте отъ Бога казнь посылаему на землю отъ первыхъ родъ до потопа, на гыганты огнемъ, при потопѣ водою, при Содомѣ жюпеломъ, при Фараонѣ 10 казній, при Хананіихъ шер-

шеньми, каменьемъ огненымъ съ небеси, при Судіяхъ ратьми, при Давидѣ Моромъ, при Титѣ плѣненьемъ, потомъ же трясеньемъ земли и паденьемъ града; при нашемъ же языцѣ чего не видѣхомъ? Рати, глади, морове и труси, конечьное — еже предани быхомъ иноплеменникомъ не токмо на смерть и на плѣненье, но и горькую работу...

---

11. Сказаніе о Псковскомъ взятіи.

Отъ начала убо русскія земли сей убо градъ Псковъ ни коимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей волѣ живяху въ немъ сущіе люди. Прежняя же убо удѣльная княженія взять князь великій Московскій подъ свою область не во едино время, ратію, но поразну, якоже Лѣтописная книга пишетъ: первое Суздальскаго князя Симеона покори себѣ, потомъ Новгородъ, таже Тверъ взять, а князь Тверскій въ Литву утече, князь Михайло. Псковъ же градъ твердъ стѣнами, и людей бѣ множество въ немъ: и того ради не иде на нихъ ратію, и боязся, чтобъ не отступили въ Литву; и того ради льстя бѣ имъ лукавствомъ злымъ, и миръ имѣ со Псковичи: и кресть ему цѣловаху Псковичи, что отъ великаго князя не отступити никудѣ. Князь же великій посылаше къ нимъ князей своихъ по ихъ прошенію, коего восхотятъ, того и пошлетъ, а иногда посылаше намѣстники своя въ Псковъ по своей волѣ, коего восхощетъ, не по ихъ волѣ: они же насиловаху, и грабяху, и продаяху ихъ поклепы и суды неправедными. Пскова же града живущіе и прочіе окрестныхъ градовъ посылаху посадники своя великому князю жаловатися на нихъ. И сице многажды бысть тако.

Въ лѣто 7018, мѣсяца октября въ 26, на память Святаго Димитрія, князь великій Василій Ивановичъ пріѣхалъ въ свою отчину въ великій Новгородъ, и съ своимъ братомъ, удѣльнымъ со княземъ Андреемъ и съ своими бояры. И Псковичи услышавше государя великаго князя Василія Ивановича въ великомъ Новѣгородѣ, и послаша пословъ своихъ въ великій Новгородъ, Юрья посадника Елисеевича и посадника Михайла Помазова, и бояръ изо всѣхъ концовъ и даша Псковичи дару великому князю Василію Ивановичу полтораста рублевъ новгородскихъ; и

биша челомъ ему о жалованьи и о печалованіи своея отчины, мужей Псковичъ, добровольныхъ людей, что «есмя пр обижены отъ твоего намѣстника, а отъ нашего князя Ивана Михайловича Рѣпни, и отъ его людей, и отъ его намѣстниковъ, отъ пригородскихъ, и отъ ихъ людей». И князь великій отвѣчалъ нашимъ посадникомъ: «Язъ васъ, свою отчину, хощу жаловати и боронити, якоже отецъ нашъ и дѣды наши великіе князи; и что ми повѣстуете о намѣстникѣ моемъ, а о своемъ князѣ Иванѣ Михайловичѣ Рѣпнѣ, аже только станутъ на него многи жалобы, и язъ его обвиню предъ нами»; да и посадниковъ нашихъ и бояръ отпустилъ.

И посадники наши сказываютъ Псковичемъ на вѣчѣ, что князь великій даръ ихъ честно принялъ, а сердечныя мысли никтоже вѣсть, что князь великій сдумалъ на свою отчину и на мужей Псковичъ, и на градъ Псковъ.

Потомъ, тыя же зимы, по малѣ времени поѣхалъ изо Пскова князь Псковскій, Иванъ Михайловичъ Рѣпня, Суздальскихъ князей, государю великому князю жаловатися на Псковичъ, что-де его Псковичи безчествовали; а тотъ Рѣпня не пошлиною во Псковъ пріѣхалъ да сѣлъ на княженіи, а не по крестному цѣлованію учалъ въ Псковѣ жити, а не учалъ добра хотѣть святѣй Троицѣ, ни мужемъ Псковичемъ; да тотъ Рѣпня много зла чинилъ дѣтемъ боярскимъ и посадничимъ, и тые дѣти боярскіе да и посадничи, сдумавъ себѣ, что тотъ Рѣпня, князь Псковскій много зла имъ чинилъ, да поѣхали къ великому князю жаловатися на князя Ивана Михайловича на Рѣпню.

Потомъ того же времени посадники Псковскіе, сдумавъ со Псковичи такову думу, —а не на пользу себѣ думаша, — учаша грамоты писати по пригородомъ да и по волостемъ, а ркучи такъ: «Аще который человѣкъ, каковъ ни буди, а жаловался на князя, и вы бы ѣхали къ государю великому князю въ великій Новгородъ противу его бити челомъ». На той же недѣлѣ поѣхалъ Леонтій посадникъ бити челомъ на посадника на Юрья на Копыла; и поѣхалъ Юрій въ Новгородъ противу его отвѣчивать и тамо тягатися. И Юрій посадникъ прислалъ грамоту свою изъ великаго Новгорода ко Пскову, а въ грамотѣ написано такъ: «Аще не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорити противу князя Ивана Рѣпни, ино будетъ вся земля виновата».

И въ ту пору Псковичемъ сердце уныло, а на четвертый день по той грамотѣ поѣхали къ Новугороду 9 посадниковъ, да и купецкіе старосты всѣхъ рядовъ; а князь великій управы имъ никакой не дастъ, а говоритъ такъ: «Копитеся вы, жалобные люди, на Крещеніе Господне, и язъ вамъ всѣмъ управу подаю; а нынѣ вамъ управы никаковы нѣтъ». И пріѣхаша вси Псковичи въ Псковъ, и егда же приспѣваше срокъ той, поѣхаша посадники въ Новгородъ къ великому князю, и купецкіе старосты, не вѣдуще своея погибели. На самый праздникъ Крещенія Господня князь великій Василій Ивановичъ велѣлъ посадникомъ всѣмъ копитися, да и бояромъ, и купцемъ, и купецкимъ старостамъ велѣлъ ити на рѣку на водокрестіе; а самъ князь великій вышелъ со всѣми бояры своими на рѣку на Волховъ, а священники и дьяконы выидоша со кресты, въ той день приспѣлъ бо праздникъ Крещенія Господня; а владыка въ то время не бысть на Новѣгородѣ, и крестилъ воду владыка Смоленскій да священники, и воду окрестивъ, да пошли ко святѣй Софіи. И князь великій велѣлъ своимъ бояромъ по своей думѣ творити, какъ себѣ сдумали, да нашимъ посадникомъ, да и людемъ тѣмъ учали говорити: «Посадники Псковскіе и бояре, и жалобные люди! государь велѣлъ всѣмъ вамъ копитися на государскій дворъ исполна, а кой не пойдетъ, ино боялся бы государевы казни; занеже государь хочетъ управу всѣмъ вамъ дати». И посадники Псковскіе, и бояре съ одного пошли съ воды на владычень дворъ; и бояре посадниковъ спросили: «Уже ли есте сполна скопилися?» И посадниковъ, и бояръ, и купцевъ ввели въ полату, а молодшіе люди на дворѣ стояли. И влѣзли въ полату, и бояре молвили посадникомъ, и бояромъ, и купцомъ Псковскимъ: «Поимани-де есте Богомъ и великимъ княземь Васильемъ Ивановичемъ всея Руси». И туто посадники сѣдѣша, и до своихъ женъ, а молодшихъ людей переписавъ подаваша Новгородцемъ по улицамъ беречи и кормити до управы.

И переняша Псковичи полоняную свою вѣсть отъ Филипа отъ Поповича, отъ купчины, отъ Псковитина, а онъ ѣхалъ къ Новугороду, и сталъ у Веряжи, и услышавъ злу вѣсть, и оставя товаръ, и погонилъ ко Пскову, и сказалъ Псковичамъ, что князь великій посадниковъ нашихъ и бояръ, и жалобныхъ людей переималъ. И нападе на нихъ

страхъ и трепетъ, и туга, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли: якоже многажды приходили Нѣмцы на нихъ, и таковы имъ скорби и печали не бывало тогда, якоже нынѣ. И вѣчь поставя, начаша думати, ставить ли щитъ противу государя, запирати ли ся во градѣ? Ино помянуша крестное цѣлованіе, что не мощно рука воздвигнути противъ государя, а посадники и бояре, и лучшіе люди вси у него. И послаша Псковичи къ великому князю гонца своего, Евстафья сотскаго бить челомъ къ великому князю со слезами, отъ мала и до велика, «чтобъ ты, государь нашъ князь великій Василій Ивановичъ, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде сего и нынѣ неотступны были отъ тебя, государя, и непротивны были тебѣ, государю; Богъ воленъ да и ты съ своею отчиною и съ нами, людишками своими».

И посла князь великій своего дьяка Третьяка Далматова, и Псковичи обрадовалися отъ государя жалованья и старины; аже Третьякъ имъ на вѣчѣ сказалъ первую новую пошлину, поклонъ отъ великаго князя: «что-дей, отчина моя, посадники Псковскіе и Псковичи, только хотите еще въ старинѣ прожити, и вы бы есте двѣ воли мои изволили, чтобъ у васъ вѣчья не было, да и колоколъ бы вѣчной сняли, а здѣсь быти двумъ намѣстникомъ, а по пригородомъ намѣстнику же быти, и вы еще въ старинѣ проживете; а только тѣхъ дву воль не сотворите, ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой, то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ; да государь нашъ князь великій хочетъ побывати на поклонъ ко святѣй Троицѣ во Псковъ». Да отговоривъ то, да сѣлъ на степени. И Псковичи удариша челомъ въ землю и не могли противу его отвѣта дати, ано исполнилися бяше очи слезъ, — что у сосцу матере своея, но токмо тыя слезъ не испустили, но не въ разумѣ и млади суще; только ему отвѣчали: «Посолъ государевъ! дастъ Богъ заутра, и мы себѣ подумаемъ, да тебѣ о всемъ разскажемъ»; а Псковичи туто горько заплакали. Коли ли зѣницы не упали съ слезами вкупѣ? како ли не урвалося сердце отъ корени?

Наутрія же, свитающу дни недѣльному, позвониша вѣче. И вшедъ Третьякъ въ вѣче, и посадники Псковскіе и Псковичи начаша ему говорити: «Тако у насъ написано

въ Лѣтописцѣхъ: съ прадѣды и дѣды, и со отцемъ его крестное цѣлованіе, съ великими князьями положено, что намъ Псковичемъ отъ государя своего великаго князя, кой ни будетъ на Москвѣ, и намъ отъ него не отойти ни въ Литву, ни въ Нѣмцы; а намъ жити по старинѣ въ добровольи; а мы Псковичи отойдемъ отъ великаго князя въ Литву или въ Нѣмцы, или о себѣ учнемъ жити безъ государя, ино на насъ гнѣвъ Божій гладъ и огонь, и потопъ, и нашествіе поганыхъ; а государь нашъ князь великій тое крестное цѣлованіе не учнетъ на собѣ держати, ино на него тотъ же обѣтъ который на насъ, коли насъ не учнетъ въ старинѣ держати. А нынѣ Богъ воленъ да государь въ своей вотчинѣ, во градѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ; а мы прежняго цѣлованія своего не хотимъ измѣнити и на себя кровопролитія приняти, и мы на государя своего руки подняти и въ городѣ заперетися не хотимъ; а государь нашъ князь великій хочетъ Живоначальной Троицѣ помолитися, а въ своей отчинѣ побывати, во Псковѣ, и мы своего государя ради всѣмъ сердцемъ, что насъ не погубилъ до конца»

Мѣсяца генваря въ 13 на память святыхъ мученикъ Ермила и Стратоника, спустиша вѣчной колоколъ у святыя Живоначальныя Троицы, и начаша Псковичи, на колоколъ смотря плакати по своей старинѣ и по своей волѣ. И повезоша его на Снѣтогорскій дворъ къ Ивану Богослову, гдѣ нынѣ намѣстничь дворъ; тоя же нощи повезе Третьякъ вѣчной колоколъ къ великому князю въ Новгородъ

О, славнѣйшій граде, Пскове великій! почто бо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: Како ми не сѣтовати како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія! прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей, и взятъ отъ мене три кедра Ливанова: и красоту, и богатество, и чада моя восхити. Богу попустившу за грѣхи наши; и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коневымъ каломъ заметаша, отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы, и дѣды, прадѣды наши, и тамо отцы и братію нашу, други наши заведоша, и матери, и сестры наши въ поруганіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуся въ чернцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша,

не хотяще въ полонъ поити отъ своего града въ иные грады. Нынѣ же се, братіе, видяще убоимся прещенія сего страшнаго, и припадемъ ко Господу своему, исповѣдающеся грѣховъ своихъ, да не внидемъ въ большій гнѣвъ Господень, не наведемъ на ся казни горши первой; а еще ждетъ нашего покаянія и обращенія, а мы не покаяхомся, но на бóльшій грѣхъ превратихомся, на злые поклепы и лихія дѣла; и увѣчьи кричаніе, а не вѣдущи глава, что языкъ глаголетъ, не умѣюще своего дома строити, и градомъ содержати хощемъ. Сего ради самоволія и непокоренія другъ другу бысть сія вся злая на вы.

---

12. Изъ Матицы Златой.

О природѣ. Кольма болѣе есть солнечный кругъ земнаго круга, тольми болѣе есть земный кругъ лу̂ннаго кру̂га... Глаголютъ бо и тии, иже оструумѣю той добрѣ извыкли суть, стадій и мнять круга земна 20 темъ и пять темъ и ти двѣ, а премѣреніе ея болѣ 8 темъ... Солнечныхъ примѣреній мнять болѣ стадій 300 темъ, намъ же убо зрящимъ яко единаго локте премѣреніе его; но обаче писаніе добрѣ право рече не свѣтильнику умалшю, по нашему зраку, исходящю къ высотѣ... Взиди на гору высоку, возри на равенство поля, и како ти ся узрять пасомая стада, — не аки ли мравіе и мшица суще? Или убо взиди на гору отъ высокихъ холмъ и позри съ него по морю, да кацѣ ти ся мнять корабли, плавающіи по морю, — не хужьши ли всякаго голуби мнятся зраку твоему? въ немъ же множества сущая бываютъ и превеликая тягости. Кацѣ ли ти убо суть велицѣ и островѣ морстіи, — въ нихъ же грады и села бещисмене бываютъ? Не яко ли нѣчьто черно видѣніе плавающе твориши? И еже гдѣ горы высокыя и глубокыми дебрьми прерѣзаны, зрящимъ же намъ акы гладъкы мнимъ будуща. Но яко же убо рѣхомъ, кончаеться убо зракъ призоромъ по въздуху грядый. Зрящимъ убо намъ къ безмѣрнѣй оной высотѣ, како убо възможемъ величество свѣтильнику увѣдѣти? Но якоже рече Господь: да будуть знаменія на дни, на годы и на лѣта. Знаменія же бываютъ свѣтильникома тѣма бурьная и утишенія... Егда убо явится обаполы слньца блещащееся знаменіе подобно сольнцю на въстоцѣ или на за-

падѣ, тогда убо дождь многъ и раменъ вѣтеръ знаменуетъ. Егда ли съ единоя страны сѣверныя явится знаменіе то, то сѣверъ вѣтръ знаменуетъ будущь. Егда ли съ ужныя страны явится, то угу знаменуетъ вѣяти... Такоже убо и луна такоже многа различно створить знаменіа. Въ 3 бо день егда будетъ чиста и тонка, то долгую тихость; аще ли тонка будетъ, но не чиста, но аки огньна, то вѣтръ раменъ знаменуетъ, аще ли обѣма рогома равно ся являетъ мѣсяцъ. Аще ли сѣверный рогъ чистѣй будетъ, то угыбающа западныя вѣтры назнаменуетъ. Но егда почернѣетъ луна полна будущи свѣта дождевна бываетъ...

Си бо знаменія велика милость и велико строеніе отъ творца Бога, да тѣми знаменіи имже быти вредомъ внезапу. Мы же слышахомъ нѣкыя пустошникы глаголюща, яко человѣци въ звѣзды ражаються, да того ради бываетъ ово русо, ово же бѣло, инъ же черменъ, другій чернъ. Се же убо прелесть отъ невѣрныхъ еллинъ пріиде. И еще възрастъ его тѣлесный сказываютъ ны льстяще, о болѣонехъ же и о смертехъ человѣческыхъ мнятъ ся вѣдуще по звѣздному теченію, и еще и о доблестехъ мужества и о жизнѣхъ и о богатствѣ... Намъ же убо подобаетъ обличити тѣхъ. Въ 4 убо день Богъ сътвори свѣтилникы ти, Адама же не бѣ и еще на земли, то чіе убо роженіе толь множество звѣздъ прознаменаша?... Обличимъ же и о прорусости и о бѣлости человѣчьстѣй: или убо вьси ефіопьляне въ едину звѣзду ражаються, понеже суть злѣ почерънѣлѣ аки демоны?

О птицѣ алконостъ. Есть убо птица именемъ алконостъ, имѣетъ же гнѣздо си на брезѣ песка въскрай моря и ту износить яйца своя. Время же чадомъ ея въ зимный годъ бываетъ, но егда почитъ[1]) время излѣсти чадомъ ея, и възимающи яйца своя носить на середь моря и пущаетъ я въ глубину. Тогда убо море многими бурями ко брегу приражаеться, но егда сносить алконостъ яйца на едино мѣсто, и насядетъ на нихъ верху моря, яйцамъ его въ глубинѣ сущимъ, и море не поколеблимо будетъ за 7 дневъ, донелѣже алконостова чада излупяться въ глубинѣ въшедше познаютъ родителя своя.

О птицѣ фюниксъ. Есть убо птица въ велицѣй Индеи, нарицаемая фюниксъ, о ней же Давыдъ пророкъ въ 91 псалмѣ рече: «Праведникъ яко фюниксъ процвѣте». То та убо

[1]) Отъ глагола *почути* — почуять.

птица единогнѣздица есть, не имѣеть ни подружія своего, ни чадъ, но сама токмо въ своемъ гнѣздѣ пребываеть. Пищу же творить си летающе въ кедры Ливана и тамо убо летающи исполняеть крилѣ свои ароматы и тако всегда благовонна есть. Но егда състарѣеться, възлетитъ на высоту и възимаеть огня небеснаго, и тако съходящи зажигаеть гнѣздо свое, и ту и сама съгараеть; но и пакы въ пепелѣ гнѣзда своего опять наражаеться: первое бываеть птица, то же и потомъ, тойже нравъ, тоже естьство имаеть.

О птицѣ харадръ. Есть убо птица, именуема харадръ, яже и въ вторѣмь законѣ пишеться. Птищъ тъ вьсь бѣлъ есть и отъинудуже не имы на собѣ пестроты. Внутрьняя же его слѣпымъ очи цѣлить. И аще кто въ болѣзнь въпадеть, яко отъ харадра есть разумѣти, или живъ будеть или умреть; да еще ему будеть умрьти, отвратить лице свое харадръ: аще ли будеть ему живу быти, то харадръ веселуяся взлетить на аеръ противу слньцу. И ту предстоящии человѣци мнять, яко харадръ взя язю болящаго и распраше по аеру.

О радугѣ. Дуга убо слньцезарними лучами аки изъ усть нѣкыхъ... привлачить воду въспареніемъ теплоты и водоточныя жилы посушаеть и мокроту; облакомъ въ дождь претваряеться. Дугу же сію (Богъ) въ знаменіе положи и пакы взимати ей вѣдное излитіе повелѣваеть, да не пакы, сему знаменію не сущу, и наводнивше облацѣ потопять подъ небесныя; да тѣмь знаменіемь безъ боязни отъ потопа человѣчьскому роду повелѣваеть быти. Рече бо самъ Господь: се знаменіе будеть межи мною и вами и племенемъ твоимъ по тебѣ. Си же убо дуга повелѣніемъ Божіимъ събираеть воду морьскую акы въ мѣхъ.

---

13. Изъ Румянцевскаго сборника.

Земное устройство. (Земля) ниже четвероуголна есть, ниже троеуголна, ниже пакы округла, и устроена есть яйцевиднымъ устроеніемъ; которымъ образомъ имать яйце — изовнѣюду имать бѣлку и чрепку, жолчь же стоить посредѣ, — сице ми о земли разумѣй. Земля есть жолчь яйца посреди, небо же, воздухъ — бѣлка, чрепка яйцю. Якоже окружаеть чрепка яйцю внутренѣшное, сице окружаеть

землю небо и въздухъ, и земля же есть посреди. И елико отстоить земли небо, видимое нами, толико отстоить подъ землею на 4-хъ странъ, глаголю же востока и запада, сѣвера же и полудня. Всюду же окружаема есть земля небомъ, и горѣ, и долу, и отъ четырихъ странъ; имже образомъ окружаемо посреднее яйцю отъ чрепку его, сице и земли окружаемѣ небомъ. И стоить насреди, небо же обращаеться и ходить подъ нею непрестанно и надъ нею, яко видимо. Земля же висить на въздусѣ посреди небесныя правости, не прикасаясь нигдѣ небесному тѣлу... Нѣкоторіи же глаголють, яко на 7 столпѣхъ стоить земля, еже нѣсть истина; аще бы на 7 столпѣхъ земля стояла бы, то гдѣ столпы быша въдружени были?

О громномъ устроеніи; о молніи. Громове же и молніа бывають сице: умножившимся вѣтромъ горѣ и овому убо сѣмо идущю, иному инамо, инъ убо вѣтеръ инуды инъ облакъ носить, инъ другый облакъ, и яко срящются и сотворъше сражденіе другъ со другомъ, грохотъ испущають со огнемъ. Имже образомъ кренъ соразиться со желѣзомъ, грохотъ испущають со огнемъ, тако и облаци другъ со другомъ сражаеми грохотъ испущають и огнь. Грохотъ убо есть громъ, огнь же есть молнья. Сего ради не другоици бывають громове и молніа, но точію егда облаци бывають, тогда и громове бывають. Бываеть же громъ убо первое, а молніа же послѣди: мы же первое видимъ молнію, послѣ же слышимъ громъ, и тако есть, зане зрѣніе человѣчьское скорѣйши есть, абіе не коснительнѣ зрить, его же хощеть, узрить не коснить; сего ради и молнія скоро зрить; слышаніе же косно чювствуеть и коснить слышати громный грохотъ и слышить его послѣди же молніа. Се же зри да видиши и на сѣкущихъ дрова: да аще отдалече насъ есть сѣкущеи, сѣчиво убо видимъ, ударяющее древо, грохотъ жене абіе слышимъ, но мимошедшю нѣколику часу тогда грохотъ слышимъ. Тѣмъ же образомъ и молніа убо не косне видимъ, громъ же слышимъ послѣди. Но тыя молніа отъ сражденія облакомъ бывають и есть не вреждена, никого же не вредящи; аще ли паки сраждающимся облакомъ случиться отпадеть часть нѣкая огненна отъ огня небеснаго и снизшедъ соединиться со облачною молніею, тогда она молнія низходить на землю и что обрящетъ — человѣкъ ли, или скотъ, или древо, то попаляеть.

О денницахъ. Бидимыя и къ земли падаемыя звѣзды глаголють человѣци яко звѣзды суть падають; и иніи же глаголють, яко мытарства суть лукавая. Но ниже звѣзды суть, ниже мытарства, но отломленіа суть огнена отъ небеснаго огня и падають низу; и елико они сходять низу, растапляються паки на воздусѣ. Сего ради ниже на земли видѣ кто когда падшаяся отъ нихъ, но всегда на воздусѣ сливаються и разсыпаються, и глаголються деньници. Звѣзды же никогда же не падають, точію на второе пришествіе Христово; тогда бо звѣзды спадуть, подобнѣ и мыторьстве и дусѣ тогда поидуть во огнь вѣчный. Но, яко рѣхомъ, отъ небеснаго круга суть преломленія пламяновидна есть и истинна суть се.

---

14. Изъ Азбуковника.

Асиди есть трава, отъ нея бѣгаютъ нечестивіи дуси, а ростетъ она во индійскихъ странахъ.

Балена — рыба морская, а величество ея бываетъ въ длину 60 саженъ, а поперегъ 30 саженъ; и егда учнетъ играти; тогда гласомъ кричитъ, что лютый звѣрь; а на носу у нее вверхъ, что двѣ трубы дымные велики; а какъ прыснетъ, и отъ того пpыску корабль потопитъ, какъ блиско тое рыбы корабли пловутъ.

Вретанія есть островъ великъ, 1000 верстъ, а въ ширину 300 верстъ. А живутъ въ немъ два рода велика; первый родъ калидони, второй родъ меате. Пребываютъ сіи на горахъ дивіихъ и въ поляхъ пустыхъ; а градовъ и жилищъ не имѣютъ, но преходятъ отъ мѣста въ мѣсто нази и необувени; земли не пашутъ, но питаются паствиною воловъ и овощіемъ; а царя надъ собою не имутъ.

Дивій волъ подобенъ видомъ волу, а хвостъ, что у коня; аще зацѣпитъ хвостъ за древо или за камень, станетъ неподвижимъ, не хотя ни единого власа погубити. Тоземци же пришедши отсѣкаютъ хвостъ его мечемъ, онъ же преже желѣя единого власа погубити, а по семъ и весь хвостъ оставя бѣжитъ. И сей бо разумъ иматъ власа беречи, наипаче безумныхъ человѣкъ брадобривцевъ, арменъ и прочихъ подобныхъ симъ. Отъ хвоста же его исходитъ хононъ, ею конемъ красятъ хвосты.

Итанесіесъ нарицаеми люди, а живутъ надъ полунощнымъ моремъ; уши у нихъ велики, яко весь ушима накроется.

Цыгане. Цыгане люди, иже поидоша отъ нѣмецъ. Сіи цыгане на всяко зло хитры.

15. Стоглавъ.

1. Царь глаголетъ къ Собору (гл. 4). Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Русіи, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ!...

Да попрося у Бога помощи, соборнѣ съ нами во всякихъ нуждахъ пособствуйте, поразсудите и уложите и утвердите но правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло и всякія обычаи строилося по Бозѣ въ нашемъ царствіи при вашей святительской паствѣ, а при нашей державѣ. А которые обычаи въ прежнія времена послѣ отца моего, великаго князя Василія Ивановича всея Руси, и до сего настоящаго времени поизшаталося или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ или преданія законы порушены или ослабно дѣло и небрегомо Божіихъ заповѣдей что творилося, — и о сихъ всякихъ земскихъ строеніяхъ, и о нашихъ душахъ заблужденія — о всемъ семъ довольно себѣ духовнѣ побесѣдуйте и посовѣтуйте и намъ извѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ и совѣтовати съ вами желаемъ о Бозѣ, утверждати нестройное во благо, а что наши нужды или которыя земскія нестроенія, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ, и вы, разсудя по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, утвержайте въ общемъ согласіи вкупѣ; а азъ вамъ, отцемъ своимъ и братіею съ своими боляры челомъ бію.

2. О тридесять и седми царскихъ вопросѣхъ и о церковномъ строеніи (гл. 5). Вопросъ 25. Иже брѣютъ главы и брады. Да по грѣхомъ слабость и небреженіе и нерадѣніе вниде въ миръ въ нынѣшнее время. Нарицаемся христіяне, и въ триццать лѣтъ и старые главы и брады брѣютъ, и усъ подкусываютъ и платье и одежду невѣрныхъ земель носятъ; то почему познати христіянина?

3. О дьяцѣхъ хотящихъ во діаконы и въ попы становитися (гл. 25). Иже есть діяки, которіи хотящіи діяконства и священничества, а грамотѣ мало умѣютъ; и святителемъ ихъ поставити, ино сопротивно священнымъ правиломъ, а не поставити, и святыя церкви безъ пѣнія будутъ, а православныя христіаны безъ покаянія учнутъ умирати и безъ причастія. И святителемъ избирати по священнымъ правиломъ: въ попы бы ставити 30 лѣтъ, а во діяконы 25 лѣтъ; и грамотѣ бы умѣли, и чтобы могли церковь Божію держати и дѣтей своихъ духовныхъ управити могли по священнымъ правиломъ. Да и о томъ ихъ святители истязаютъ съ великимъ запрещеніемъ, почему мало умѣютъ грамотѣ; и они отвѣты чинятъ: «Мы де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ де намъ учитися негдѣ, колько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ». А отцы ихъ и мастеры сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да и учиться имъ негдѣ.

5. О училищахъ книжныхъ по всѣмъ градомъ (гл. 26). И мы о томъ по церковному совѣту соборнѣ уложили въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и по всѣмъ градомъ, тѣмъ протопопомъ, и старѣйшимъ священникомъ, со всѣми священники и діаконы, коимждо въ своемъ градѣ, по благословенію своего святителя, избирати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконовъ, и діяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати, и грамотѣ бы, чести и писати горазди; и у тѣхъ священниковъ, и у діаконовъ и у діяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священници и діяконы, и всѣ православніи христіяне въ коемждо градѣ предавали имъ дѣтей своихъ въ ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма, и церковнаго пѣнія, чтенія псалтырнаго, и налойнаго, и тѣ бы священницы, и діаконы, и діяки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести, со всякимъ наказаніемъ духовнымъ... А учили бы есте своихъ учениковъ грамотѣ довольно, сколько сами умѣете, и силу бы имъ въ писаніи сказывали, по данному вамъ отъ Бога таланту, ничтоже скрывающе, чтобы ученици ваши всѣ книги учили, которыя соборная святая Церковь пріемлетъ, чтобы потомъ и впредь могли не токмо себѣ, но и прочихъ пользовати, и учити страху Божію, о всѣхъ полезныхъ, также бы учили своихъ уче-

никовъ чести, и пѣти, и писати, сколько сами умѣютъ, ничтоже скрывающе, а и здѣ отъ ихъ родителей дары и почести пріемлюще по ихъ достоинству.

5. О святыхъ иконахъ и о исправленіи книжномъ гл. 27). Да протопопомъ же, и старѣйшимъ священникомъ; и избраннымъ священникомъ, со всѣми священники, въ коемждо градѣ, во всѣхъ святыхъ церквахъ дозирати святыхъ иконъ, и священныхъ сосудовъ, и всякаго церковнаго чину служебнаго, и на престолѣ святыхъ антиминсовъ дозирати, и священныхъ книгъ, святыхъ евангелій и апостоловъ, и прочихъ святыхъ книгъ, ихъ же соборная Церковь пріемлетъ. И которыя будутъ святыя иконы состарѣлися, и ихъ бы велѣть иконникомъ починивати, а которыя будутъ мало олифлены, и они бы тѣ иконы велѣли олифити, а которыя будутъ святыя книги, евангелія, и апостолы, и псалтыри, и прочія книги, — въ коейждо церкви обрящете — неисправлены и описливы, и вы бы тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправливали соборнѣ; занеже священная правила о томъ запрещаютъ: и не повелѣваютъ неисправленныхъ книгъ въ церковь вносити, ниже по нихъ пѣти.

6. О книжныхъ писцѣхъ (гл. 28). Такоже которые писцы по градомъ книги пишутъ, и вы бы имъ велѣли писати съ добрыхъ переводовъ, да написавъ правили, по томъ же бы продавали; а которой писецъ, написавъ книгу, продастъ не исправивъ, и вы бы тѣмъ возбраняли съ всякимъ запрещеніемъ. А кто у него неисправленную книгу купитъ, и вы бы тому по тому же возбраняли, съ великимъ же запрещеніемъ, чтобы впредь такъ не творили, а впредь таковіи обличени будутъ, продавецъ и купецъ, и вы бы у нихъ тѣ книги имали даромъ, безо всякаго зазору, да исправивъ отдавали въ церковь, которыя будутъ книгами скудны, да видячи таковая вашимъ бреженіемъ и прочіи страхъ пріимутъ. И вы бы, о всѣхъ о тѣхъ церковныхъ чинѣхъ, о честныхъ иконахъ и о святыхъ книгахъ, о всемъ потщилися совершити и исправити, елико ваша сила. И за то отъ Бога великую мзду воспріимѣте, и отъ благочестиваго царя хвалу и честь, и отъ нашего смиренія соборное благословеніе, а отъ всего народу благохваленіе за ваши священническіе труды и подвиги. И аще сія съ благодареніемъ и хотѣніемъ сердечнымъ исправити потщитеся, то съ радостію ожидайте сугубы мзды отъ Бога и Царства небеснаго по реченному Христову словеси: «добрый мой рабе,

благій и вѣрный, о малѣ бысть вѣренъ, надо многими тя поставлю, вниди въ радость Господа своего» и прочее.

7. О тафьяхъ безбожнаго Бахмета (гл. 39). А о тафьяхъ такоже бы отнынѣ и впредь, вси православные царіе, и князи, и боляре, и прочіе вельможи, и всѣ православные христіяне, приходили бъ въ соборныя церкви и въ прочія святыя церкви, ко всякому божественному пѣнію, безъ тафей и безъ шапокъ, и стояли бы на молитвѣ со страхомъ и трепетомъ, откровенными главами, по божественному Апостолу. А тафьи бы отнынѣ и впредь на всѣхъ православныхъ христіанѣхъ никогда же не являлися, и попраны были до конца; занеже чуже есть православнымъ таковое носити безбожнаго Махомета преданіе. О таковыхъ бо священныя правила возбраняютъ, и не подобаетъ православнымъ поганскихъ обычаевъ вводити. Отъ Священныхъ Правилъ: Въ коейждо убо странѣ законъ и отчина, и не преходятъ другъ ко друзѣй, но своего обычая кійждо законъ держитъ. Мы же, православные, законъ истинный отъ Бога пріимше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся, обычаи злые отъ нихъ пріимше: тѣмъ же отъ тѣхъ странъ томимы есмы и расточаемы виною нашею похоти и обычая. И сего ради казнитъ насъ Богъ за таковыя преступленья.

8. Изъ статьи о тридесятихъ и о двухъ царскихъ вопросѣхъ и соборные отвѣты, по главамъ, на томъ же соборѣ (гл, 41-я).

Вопросъ 16. Въ мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы, и органники, и смѣхотворцы, и гусельники и бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ совсѣми тѣми играми бѣсоскими рыщутъ; а священницы имъ о томъ не возбраняютъ: и священникомъ о томъ достоитъ запрещати.

Вопросъ 17. Да въ нашемъ же православіи тяжутся, нѣцыи же не прямо тяжутся: и поклепавъ, крестъ цѣлуютъ, или образа святыхъ; на полѣ біются и кровь проливаютъ[1]). И въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ кудесбою, и во Аристотелева Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ, и по планитамъ глядаютъ, и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми діяволь-

[1]) Рѣчь идетъ о судебномъ поединкѣ, который считался тогда послѣдней, рѣшающій уликой при обвиненіи, если обвиненный не признавалъ за собой преступленія.

скими дѣйствы міръ прельщають и отъ Бога отлучають И на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуеть, и на полѣ біется и поклепавъ убиваетъ.

Вопросъ 19. Да по дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи ватагами многими по шестидесятъ и по семидесятъ человѣкъ, и по сту; и по деревнямъ у христіянъ сильно ядятъ и пьютъ, и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ.

Вопросъ 20. Да дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всякіе бражники, зернью играютъ и пропиваются, ни службы служатъ, ни промышляютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится: крадутъ и разбиваютъ, души губятъ: и то бы зло искоренити.

Вопросъ 21. Да по погостомъ и по селомъ, и по волостемъ ходятъ лживые пророки, мужики, и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются. А сказываютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія, и велятъ имъ заповѣдати христіянамъ каноны завѣчивати. Они же заповѣдаютъ христіянамъ: въ среду и въ пятницу ручного дѣла не дѣлати, и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжигати...

Вопросъ 22. Злыя ереси кто знаетъ, ихъ держится: Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Острономій, Зодій, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотелевы Врата, и иные составы и мудрости еретическія и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучають, и, въ тѣ прелести вѣруючи, многіе люди отъ Бога отдаляются и погибаютъ.

Вопросъ 23. Въ Троицкую Субботу, по селомъ и по погостомъ сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся по гробомъ съ великимъ кричаніемъ. И егда начнутъ играти скоморохи, гудцы и прегудники, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти; на тѣхъ же жальникахъ обманщики и мошенники.

Вопросъ 24. Русаліи о Іоанновѣ днѣ; и на вечеріи Рожества Христова и Богоявленія, сходятся мужіе и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на бѣсовскія пѣсни, и на плясаніе, и на скаканіе, и богомерзкія дѣла.

Вопросъ 25. А о Велицѣ Дни окличка, на Радуницѣ, Вьюнецъ, и всякое въ нихъ бѣсованіе.

Вопросъ 26. А въ Великій Четвертокъ порану солому палятъ, и мертвыхъ кличутъ; нѣкоторіи же невѣгласи попы въ Великій Четвертокъ соль подъ престолъ кладутъ, и до седмаго четвертка по Велицѣ Дни тамо держатъ, а ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ.

Вопросъ 27. Въ первый понедѣльникъ Петрова поста, въ рощи ходятъ и въ Наливки, бѣсовскія потѣхи дѣяти.

Словарь.

А.

абіе, тотчасъ, уже.
абы, вотъ бы, если бы.
аеръ, воздухъ.
ажно, а, и (при неожиданности); нѣчто вродѣ: «вдругъ видитъ или вижу».
азъ или **язъ,** я.
акъ, какъ, чѣмъ, нежели.
алконостъ, альціона, зимородокъ.
амо, ямо, куда (относит.).
амо, а, а только.
атаманъ, предводитель, начальникъ у казаковъ (прилагается также къ богатырской дружинѣ и къ разбойничьей шайкѣ).
атъ, ятъ, остатокъ члена въ русскомъ яз. Собственно: тъ; а или я (первично о и е), есть усиленный полугласный ъ и ь существительнаго.
аче, аще, если, хотя.

Б.

батогъ, палка.
бебрянъ, бобровый.
безживотіе, нищета.
безлѣпица, нелѣпость, нескладица.
безобсылочно, не посылая извѣстить о своемъ пріѣздѣ.
безперечь, безпрестанно.
безпроторица, безубыточность.
безскверный, чистый, безкровный.
бердышъ, широкій топоръ на длинномъ древкѣ.
беремя, ноша, охапка.
бескудный, обильный (без-скудный.
бещисменѣ, безъ числа (щ=зч; чисмѧ=число).
биричъ, бирючъ, глашатай.
бирюкъ, волкъ.
бисеръ, жемчугъ.
благодѣть, благодать.
блъванъ, идолъ.
блюстися, остерегаться.
бодякъ, сорное растеніе съ колючками.
болій, большій.
болоніе, долина рѣки.
большое мѣсто (въ горницѣ), передній уголъ, гдѣ образа.
болѣзновать, печалиться, скорбѣть.
Боричевъ, спускъ къ Днѣпру въ Кіевѣ.
борове, лѣса.
боронь, брань, битва.
бости, бодать.
босый, вм. бусый, сѣрый.
бояринъ (болярьць), высшій чинъ древне-русскаго военно-чиновничьяго класса.
бражникъ, пьяница, пьющій человѣкъ.
бранить, возбранять, запрещать.
брань, война, битва.
браный (про ткань), шитый или вышитый особымъ образомъ (съ выдергиваньемъ нитокъ).
брателко, уменшит. отъ братъ.
братчина, пиръ въ складчину, устроенный членами какого-нибудь общества, братства.

брашьно, пища.
бреженіе, забота.
брести, бродить, итти бродомъ, переходить рѣку въ бродъ.
брехать, лаять (о лисицахъ).
будетъ (какъ союзъ), если.
буесть, храбрость, ярость.
буій, злой, ярый, неразумный.
буй-туръ, ярый, дикій туръ.
бухонъ, сортъ хлѣба.
быдто, будто.
былина, быль.
бѣла (бѣлка), монета серебряная.
бѣлка, бѣлокъ (въ яйцѣ).

В.

вабити, манить.
вальяжный, вальящетый, литой съ рельефными украшеніями.
вандышъ, снятокъ.
варево, горячая пища.
ведро, ясная погода, зной, засуха.
вежа или **вѣжа**, шатеръ, палатка.
велій, великій.
Великъ дьнь, Пасха, Свѣтлое воскресенье.
величаться, гордиться.
величество, величина.
вельми, очень.
Венедици, венеціанцы.
вепрь, дикая свинья, кабанъ.
вередити, вредить, повреждать.
Верхъ, царскій дворецъ въ XVII в., жилые его покои.
вершокъ, верхушка.
верещати, нескладно, рѣзко пѣть, кричать.
верста, мѣра и пространства, и времени, и условій жизни; по своей верстѣ, соотвѣтственно своему положенію.
вестись, совершаться по обычаю («это ведется издавна, это не повелось»).
весь, деревня, поселокъ.
ветъхо, ветошка, старая тряпка.
ветъхый, древній, **ветъсіи**, древніе (люди или писатели).
вечеряти, ужинать (малорус.).
вещь или **естество**, свойство, особенность.
взоръ, видъ, наружность.
видѣнье, глаза, лицо.
виноходецъ, иноходецъ (лошадь съ особой поступью).
властель, начальникъ.
влѣзть, войти.
внутренѣшный, внутренній.
водить (поваживать) голосомъ, говорится о переливахъ голоса при причитаніяхъ.
возводъ, востокъ.
возграять, закаркать.
возъ, повозка.
воину, выну, всегда, непрестанно.
вой, воинъ
волжаный или **таволжаны**, изъ дерева таволги.
воложно, сочно (отъ волога—жидкость).
вольготно, свободно, легко, удобно.
воня, запахъ.
воровство, обманъ (и различныя преступленія).
воспалиться, разгнѣваться.
востокъ (рѣки), истокъ.
восхитить, похитить, унести.
восхыщать, похищать, расхищать.
вотчина, сперва означало унаслѣдованное имущество, особенно земельное, потомъ стало прилагаться и къ пожалованному владѣнію, помѣстью.
врагъ, діаволъ.
вредъ, вередъ, язва, болѣзнь.
вринуть, бросить во что-нибудь.
вспять, назадъ, обратно.
встати, появиться.
встрѣту, навстрѣчу (предлогъ въ слитъ съ старымъ словомъ с(т)рѣта), изъ этого образовалось на **встрѣту**, съ двумя предлогами, какъ и наше «навстрѣчу»
втапоры, тогда, въ то время.
вчуяться, обратить вниманіе.

въборзѣ, второпяхъ, наскоро.
въвадитися, повадиться.
въвьржеся, отъ въвьргнутися, броситься (на коня).
въдлѣ, вдоль.
въздолѣ, возлѣ, вдоль.
възношатися, гордиться.
възняти, поднять.
въкупѣ, вмѣстѣ.
вънезапу, вдругъ, неожиданно.
въпрекы, поперекъ.
въсрожати, издавать звукъ, какъ изъ рога.
въстроскотати, трещать (о крикѣ сорокъ).
въсхопитися, встрепенуться, вскочить.
въсямокачный, см. **окачьный.**
выжлецъ, гончая собака.
выникать, выскакивать, показываться наружу.
выньзити, вытащить (противоположн. въньзити).
выставать, выстать, подниматься, подняться.
высѣсть, пересѣсть.
выторгнути, выбросить, выхватить.
вышьній, высшій, лучшій.
выя, шея.
вѣдомость, объявленіе, извѣщеніе.
вѣжество, умѣнье себя держать.
вѣнецъ принимать, вѣнчаться.
вѣно, выкупъ за невѣсту.
вѣтѣйство,=**витійство**, краснорѣчіе, вообще ученость.
вѣчной, вѣчевой.
вѣщій, знающій, мудрый, чародѣй.
Вятичи, это племя жило въ лѣсистой мѣстности по Окѣ и Волгѣ: путь черезъ ихъ землю былъ такъ труденъ, что древняя пословица говорила про безъ вѣсти пропавшаго: «въ Вятичи поиде». Поэтому Владимиръ Мономахъ отмѣтилъ, что одно его путешествіе было «сквозѣ Вятичи».

Г.

галица, галка.
Гзакъ, **иначе Кза**, половецкій ханъ, съ которымъ сражался Игорь.
главизна, голова, глава (въ книгѣ), начало, причина).
глумотворецъ, шутъ, комедіантъ.
гнетеніе, тѣснота, давка.
гнѣздо, семья, потомство.
гобино, хлѣбъ, плодородіе.
говоръ, крикъ галокъ.
гоголь, птица изъ породы утокъ.
година, время.
годъ, время, пора.
головьня, обгорѣлое полѣно, головешки; **на головьня**, на пожарище.
голодъ, **строгій** постъ.
гомонить, говорить, шумѣть (малорус.).
гоньзнути, избѣгнуть, избавиться.
гораздый, **гораздъ**, опытный, искусный.
горній, высшій, верхній (о небѣ).
городъ, городская стѣна, ограда.
горѣ, вверху.
горюшица, горемыка.
гость, купецъ пріѣзжій.
гостьба, торговля въ чужой сторонѣ, городѣ («гостьбы дѣють всяки торговлями»).
государь (въ домашнемъ быту), хозяинъ, глава дома.
готьскій, половецкій («по преданію о готескихъ поселеніяхъ по берегамъ Чернаго моря такъ названы обитательницы Тмутороканн» — Буслаевъ).
градцкой = **градской**, гражданскій (въ отличіе отъ духовнаго); **градская казнь**, казнь по гражданскому суду.
грамота, надпись, писаніе.
граяти, о крикѣ ворона.
гребля, окопъ, валъ, насыпь.
гривьна, ожерелье.
гридница, комната въ княжескихъ палатахъ.

гридь, княжескій тѣлохранитель.
гробъ, могильная насыпь (отъ гребу).
гроза, страхъ; **грозы твои**, страхъ передъ тобою.
грубость, неумѣлость.
грѣшитися, пропустить, миновать, не попасть.
грязивый, грязный.
гудьць, музыкантъ, пѣвецъ.
гуня, гунька, рубище.
гурковать, ворковать (про голубей).
гусли, старинный струнный инструментъ, на которомъ играли «щипкомъ».

Д.

Даждьбожь, прилаг. отъ Даждьбогъ — божество солнца.
далебі, малорус. божба.
дворянинъ московскій, чинъ столичнаго служилаго класса, ниже стольника.
дебелый, плотный, крѣпкій, толстый.
деверь, братъ мужа.
деньница, утренняя звѣзда (какъ собствен. имя — Сатана, Люциферъ).
держать, владѣть.
дерзновеніе, смѣлость, право.
дерзость, храбрость.
десный, правый.
Деревьска земля, или просто **Дерева**, Древлянская земля.
дивовать, удивляться.
дивовище, поглядѣнье (отъ гл. дивиться, дивоваться, смотрѣть).
дивъ, чудо, диво, ночная зловѣщая птица.
дивьно, удивительно.
дна каменія, повидимому, камни съ изображеніями («змѣевики»), имѣвшіе значеніе лѣчебнаго средства отъ болѣзни дны (истеріи)
добрѣ, хорошо, очень.
добрый, знатный, именитый.
долгомѣрный, эпитетъ оружія, вѣроятно, всего болѣе копья, (ср. Гомеровскій эпитетъ копья — длиннотѣнное).
долонь, ладонь (изъ длань).
долу, внизу.
дольный, нижній (о землѣ).
доля, счастье, удача.
домовь, домой.
домра, музыкальный инструментъ.
донележе, до тѣхъ поръ, пока.
доньдеже, пока, до тѣхъ поръ, пока.
допровадить, довести.
дородный, славный, сильный.
досаженіе, досада.
доспѣть, получить, сдѣлать, устроить.
дострѣлъ, разстояніе полета стрѣлы.
досужій, ловкій, искусный.
досящи (**досягать**), достать.
дотолѣ, до того времени, до того мѣста.
доуплятиця, лампада.
драгантъ, конь.
другоици, иначе, въ другомъ случаѣ.
Дрьютьскъ, Друцкъ, въ древности былъ городъ Полоцкаго княжества, одно время даже самостоят. удѣлъ (князья Друцкіе); теперь мѣстечко въ Могилевской губ.
дряхлый, слабый (Бова послѣ удара Полкана «бысть дряхлъ»).
дубье-колодье, древесные стволы, колоды.
дуга, радуга.
думать съ кѣмъ, совѣтоваться.
думный дворянинъ, третій чинъ изъ состава боярской думы, ниже окольничаго.
духъ, запахъ.
дъбрь, пропасть, дикое мѣсто.
дьякъ, чиновникъ, начальникъ канцеляріи или секретарь; дьяки были думные, приказные; дьяки посольскаго приказа ѣздили съ посольствомъ въ чужія страны.

дѣля, для, ради.
дѣти боярскія, провинціальный служилый классъ.
дѣтьскъ, ребенокъ, малолѣтній.

Е.

еда, а то, ли, развѣ.
едемскій, райскій.
единець, **одинець**, кабанъ.
еднакъ, однако, впрочемъ.
елико, насколько.
еретница, еретица, ж. р. отъ еретикъ.
есаулъ (ясаулъ), должностное лицо въ казачьемъ войскѣ (перешло къ богатырской дружинѣ, а также къ разбойничьей шайкѣ).
етеръ, другой (греч. ἕτερος).

Ж.

жадати, желать, жаждать.
жадьнъ, лишенный чего-нибудь и желающій этого.
жалешенько, жалобно.
жалить, древняя форма глагола **жалѣть**; отсюда **не жали**, не жалѣй.
жалобный, тотъ, кто жалуется.
жалованье, милость, пожалованье.
жалощи, (мн. ч. отъ **жалоща**), жалость, грусть.
жальникъ, могила, кладбище.
жаровый (дерево), высокій.
жаръ, горячіе уголья.
Желѣзныя врата, низменный проходъ въ Азію у береговъ Каспійскаго моря.
женуть (отъ гънати), гонять, гонятся.
женьчугъ, жемчугъ.
жестокій, крѣпкій, храбрый, мужественный.
животъ, жизнь, имущество («животы»), домашній скотъ.
жилецъ, столичный чинъ, ниже московскаго дворянина.
жирный, обильный, счастливый.
жировать, отгуливаться, откармливаться.
жиръ, богатство, изобиліе, счастье.
жито, хлѣбъ, рожь.
жолчь, желтокъ (въ яйцѣ).

З.

забвенный, наводящій забвеніе, усыпительный.
забрало (заборолo), городская стѣна, башня.
завѣтъ, зарокъ, условіе.
завѣчивать или завѣчать, давать обѣтъ, обрекать.
загодя, заблаговременно.
зазоръ, стыдъ, стѣсненіе.
зазърѣти, порицать, упрекать.
закладъ, споръ, съ опредѣленнымъ условіемъ при проигрышѣ; пари.
заколодѣла дорожка, **замуравѣла**, заброшенная лѣсная дорога покрывается упавшими деревьями и заростаетъ травой (муравой).
закромъ, отдѣленіе въ хлѣбномъ амбарѣ.
закуражиться, закапризиться, заплакать (про дѣтей).
закыханье, чиханье.
заложиться за кого, поступить къ кому на службу, отдаться подъ чье покровительство.
залѣзти, найти, пріобрѣсти.
замъченъ, запертъ (отъ **замъкнути**).
заразить, убить.
заранiе, разсвѣтъ, раннее утро.
зарядъ, договоръ съ обозначенной неустойкой или штрафомъ.
заслонъ, деревянная заслонка для прикрытія устья печи.
застава, сторожевой постъ въ степи.
затъче, отъ **затъкати**, заткнуть.
зачинъ, начало.
заяти, захватить.
(в) здынуть, поднять, взмахнуть.
зегзица, кукушка.
зелешенекъ вм. зеленешенекъ, очень молодой (ср. «молодо-зелено»).

зелье, трава, лекарство, ядъ.
земленый, земной (огонь).
зернь, игра въ кости.
зерныщикъ, игрокъ въ кости.
знаменіе, знакъ.
знати, видѣть, замѣтить.
зоблиться, заботиться.
золовка, сестра мужа.
зукъ, звукъ, шумъ.
зъвати, вызвать.
зърѣмо, яко, какъ хватаетъ глазъ.
зърѣти на кого, надѣяться.
зыбка, люлька, колыбель.
зѣло, очень.

И.

игрище, мѣсто для игръ.
идѣже, гдѣ.
избыть, избавиться.
извести, убить, спровадить на тотъ свѣтъ.
изволеніе, устремленіе воли.
изволить, захотѣть, принять.
извыкнуть, навыкнуть, хорошо знать что-либо.
изографъ, живописецъ.
изрядьно, хорошо.
излиха, особенно.
изобрѣсти, найти, привести въ порядокъ.
изовнѣ-юду, снаружи.
изумѣть, знать, выучиться.
илемъ, дерево (ильмъ).
инако, иначе.
индѣ, въ другомъ мѣстѣ.
ино, то, въ такомъ случаѣ; становится часто въ главномъ предлож. условнаго періода, при чемъ **если** замѣняется союзами **только, будетъ (буде)**, или совсѣмъ отсутствуетъ всякій союзъ, а условность выражается инверсіей («а пошлетъ Богъ, у кого дѣти ино») или просто понимается изъ контекста.
ирей, теплый климатъ.
ископыть, комокъ земли, оторванный копытомъ коня; по его величинѣ заключають о конѣ и всадникѣ.

Искоръстенъ или Коростень, городъ Древлянъ, память о которомъ живетъ въ имени одного мѣстечка Волынской губ. «Искорость».
искусить, попробовать, испытать.
исповѣдать, разсказать, объяснить, показать.
исполнить, восполнить, вознаградить.
исправить, исполнить.
испроврещи, ниспровергнуть, опрокинуть.
истобъка, изба (теплое строеніе, гдѣ топятъ).
истоменъ, утомленъ.
истязати, требовать, строго взыскивать.
ити надъ мертвеца, провожать умершаго.
ити противу собѣ, итти другъ противъ друга.
ити въ страну, странствовать.
ицѣленіе, исцѣленіе.
ишемъ, какой-то напитокъ.

К.

кабальный, человѣкъ, попавшій фактически въ рабство, т. к. не въ силахъ выплатить долга, за который обязался письменнымъ условіемъ (кабалой) служить заимодавцу.
кабы, если бы; иногда же (въ народн. яз.) значитъ какъ бы, какъ будто, будто, словно.
каленый, закаленый.
калиги, обувь (лат. caliga).
кальный, грязный, нечистый.
камо, куда (вопросит.).
кандило, лампада.
канонеръ, солдатъ, артиллеристъ; иностранное современное слово (канониръ) замѣнило болѣе старое **пушкарь**.
капище, статуя, колонна.
каптанъ, старинный крытый зимній экипажъ (возокъ, кибитка).
катапетазма, завѣса.

Каяла, рѣка на югѣ, теперь Кагальникъ.
каять, упрекать.
квасной (хлѣбъ), кислый, на дрожжахъ.
Киръ елейсонъ, Господи помилуй.
клада, колода, толстый обрубокъ, въ погребальн. обрядѣ—костеръ.
Кладенецъ (мечъ), искаженіе итальянскаго слова chiarenza (блестящій)—эпитетъ меча Бовы.
клекътъ, крикъ орловъ.
кличане, кричане, загонщики на облавѣ.
кметь, воинъ.
кнѣсъ, князекъ, верхній брусъ на крышѣ.
княжій, княжескій.
княжна (или княгиня), обрядовое обозначеніе невѣсты въ пѣсняхъ.
кобь, волшебство.
Кобякъ, половецкій ханъ, въ 1148 году взятый русскими въ плѣнъ и привезенный въ Кіевъ.
ковати (крамолу), готовить.
коврига, большой хлѣбъ.
ковыліе, мѣсто поросшее ковылемъ.
кождо, каждый.
кожюхъ, тулупъ, мѣховой кафтанъ.
кола, повозка.
колько (колико), сколько.
кольма, кольми, насколько.
колымага, крытый лѣтній экипажъ.
комканье, причастіе.
комонь, конь.
комора, сводъ комната.
конецъ всему, главное дѣло
Кончакъ, половецкій ханъ, съ которымъ сражался Игорь.
корабликъ, шапка особой формы.
коргешки, закорки; нести **за коргешками,** сзади на спинѣ «на закоркахъ».
користь, корысть, прибыль; **не дати въ користь,** не дать покористоваться, попользоваться.
корму держать, править кормочъ весломъ (рулемъ).
кормилецъ, воспитатель.
корста, гробъ.
корчага (согнуть корчагой), значитъ пригнуть ноги къ головѣ; ср. употребительное и теперь выраженіе «загнуть корчажки».
косица (у глаза), високъ.
косная (про лодку), особый видъ лодокъ на Волгѣ.
коснити, медлить.
косно, медленно.
костырь, игрокъ въ кости.
косящетое (окно), окно съ рамой и слѣдовательно со ставлеными косяками (въ отличіе отъ болѣе первобытнаго, просто прорубленнаго и задвигавшагося доской).
котка, кошка.
которивый, спорщикъ, бранчивый.
коштовать, ѣсть, питаться; (коштъ — содержаніе: нѣмецкое kost, kosten).
кощей, рабъ, невольникъ.
кравчій, крайчій, придворный чинъ, завѣдывавшій разрѣзаніемъ кушаній.
крамола, мятежъ, коварный умыселъ.
красный, прекрасный.
кренъ, кремень.
кресить, воскресить,
крестьянскій, христіанскій.
крещеная вѣра, христіанская.
кривой, дурной, лживый, несправедливый, неправильный.
кромѣ (мѣстн. пад. отъ **крома**), въ сторону, въ сторонѣ, безъ.
кружало, питейный домъ, кабакъ.
кручина, печаль, тоска.
крычать (о телѣгахъ), издавать звукъ, скрипѣть.
кряжъ, обрывистый, высокій берегъ или край горы.
кряковистый, эпитетъ дуба въ былинахъ: кривой, извилистый.
крянуться, или **скрянуться,** сдвинуться, шелохнуться.

кубышка, сосудъ; иносказательно значитъ деньги, которыя въ старину держали въ кубышкахъ и прятали или зарывали въ землю.
кудесба, волхвованіе, колдовство.
кудесы, чары, колдованье.
куотъ, кіотъ.
купѣль, крещеніе.
курева, пыль, поднимающаяся словно дымъ.
курень, пѣтухъ, пѣтушокъ (отъ стариннаго **курь**).
кыкати, кричать.

Л.

лагодить, потворствовать.
ладо, **лада**, мужъ, милый, жена, милая.
лакомство, жадность.
ланита, щека.
ларчикъ, ящичекъ, сундучокъ.
латырь или алатырь, былинный камень, около котораго часто происходитъ дѣйствіе въ былинахъ. По стиху о Голубиной книгѣ онъ — «всѣмъ камнямъ отецъ». Ученые видятъ въ немъ янтарь, или считаютъ «алтырь» искаженіемъ слова алтарь.
лаять, бранить.
ладить, собираться, готовиться, или: собирать, готовить, устраивать.
Леванидовъ крестъ, постоянный эпитетъ креста; отъ горъ Ливанскихъ, откуда по апокрифамъ было взято дерево для креста Господня.
лесть, обманъ, хитрость, коварство.
ликъ, собраніе, сонмъ.
лобъ, черепъ, черепная кость.
ловъ, охота; **ловы дѣяти**, охотиться.
ловьчій, охотникъ.
лой, сало, масло,
лоно, грудь.
луда, каменистыя отмели на Бѣломъ морѣ.
лукавый, извилистый (о рѣкѣ).
лукоморье, берегъ Чернаго и Азовскаго моря.
луча, лучъ.
луче, лучше.
лучится, случится.
лъжа, ложь.
льзѣ бяше, можно было.
льстить подъ кѣмъ, обманывать кого съ коварной цѣлью.
лѣнощь, небрежность, невнимательность.
лѣпши, **лѣпле**, лучше.
лѣто, годъ.
любимъ бѣ книгамъ, любилъ книги.
любый, хорошій, нравящійся.
лютый звѣрь, волкъ.
лядина, кустарникъ, заросль.

М.

магнитъ, этимъ именемъ въ Девген. дѣяніи названъ какой-то драгоцѣнный камень.
маломожный, слабый.
Малюта Скуратовъ или Скурлатовичъ, извѣстный палачъ Грознаго, начальникъ опричниковъ. Это былъ Григорій Яковлевичъ Плещеевъ-Бѣльскій, прозванный Малютой (на одномъ изъ восточныхъ языковъ значитъ **шуба**). **Скуратовъ** же есть переводъ слова **Малюта** (**скора** — мѣхъ).
мама, **мамка**, нянька.
матерой, взрослый или даже старый.
матерѣть, выростать, входить въ возрастъ.
маханьице, способность двигать.
мгла, туманъ.
мертвенъ, смертный.
метухія (метохія), монастырское подворье.
мечта, воображеніе.
мечтаніе, хитрость.
мзда, **мьзда**, награда, денежная выгода, полученная неправдою; **судить по мздѣ**, неправедно изъ-за денегъ, за взятки.

мнишьскый, монашескій.
мовница, баня.
мовь, баня, омовеніе.
Могозея, въ былину сибирскаго происхожденія (сборникъ Кирши Данилова) это слово зашло, вѣроятно, по памяти о значительномъ торговомъ городѣ Енисейскаго округа, Мангазеѣ, который процвѣталъ до 17 вѣка. Теперешній городъ Туруханскъ назывался Мангазеей до 1780 г.
могыла, курганъ, могильная насыпь.
морава, моравскіе славяне.
мостъ, полъ,
мочно, можно.
мраморянъ, **муроморянъ**, мраморный.
муравленый, облитый стекловидной массой, глазурью; **муравленая печка**, изразцовая.
мусія, мозаика.
мутный, неясный, дурной, зловѣщій.
мъшица, мушка, маленькое насѣкомое.
мьнѣти, думать, считать.
мыкать, метать.
мыть (сущ.), линяніе птицъ.
мѣхъ, мѣшокъ.

Н.

набъдѣти, снабжать, заботиться о комъ.
навадить, научить, соблазнить (отсюда **наважденіе**, бѣсовское).
навій, мертвецъ.
надобѣ, **надобѣть**, нужно.
надѣлокъ, приданое.
наймитъ, рабочій, наемный работникъ.
наказаніе, наставленіе, поученіе.
наказывать, наставлять, поучать.
накопъ, разъ (отъ слова **конъ**, начало).
накрывать, настигать, нагонять.
налойный, отъ сл. **налой**, **аналой**, церковный.
налушно, покрышка для лука.
налѣзть, найти, встрѣтить.
напастьный, находящійся въ бѣдѣ.
напрягать, натягивать (лукъ).
нарочитый, особенный, знаменитый.
нарядъ, порядокъ, уставъ.
наряжать, назначать, устраивать.
насадъ, судно.
насильно, сильно, бурно.
насмисаться, насмѣхаться.
наспѣхъ, для скорости; но въ «Бовѣ Королевичѣ» это слово употреблено какъ будто въ качествѣ существительнаго въ смыслѣ: «человѣкъ на спѣхъ», скороходъ.
наузъ, навязь съ лѣчебными или волшебными цѣлями; амулетъ, ладонка.
наукъ, навыкъ.
невреженый, невредимый.
невѣгласъ, невѣжда.
негли, можетъ быть, развѣ не ли.
неготовый (о дорогѣ), непроложенный.
недо́бѣдень, безъ обѣда, безъ стряпни (Буслаевъ).
недѣля, воскресенье.
неже, нежели.
неизрѣченный, великій, несказанный.
нелюбіе, досада, непріятность.
немочь, хворать.
необувенъ, босой.
неослабно, непрерывно.
неподобно, недостойно, не такъ какъ слѣдуетъ.
непротивный, не сопротивляющійся.
неспособный, дурной, вредный.
нетрудный, легкій.
неурядливый, нехозяйственный, безпорядочный.
ниже, ни, и не.
ницати (ничу, ничешь), никнуть, поникать.
ничѣмъ зоветъ, не обращаетъ никакого вниманія, относится безъ малѣйшаго уваженія.

ногата, монета.
ногъ (птица), **грифъ.**
нольно, даже.
ночесь, нынче ночью.
нравъ, **норовъ**, обычай, образъ, способъ.
нужа, нужда, надобность.
нѣ, приблизительно, около (при счетѣ).
нѣговать, нѣжить, ласкать.
нѣмой, непонятный.

О.

обаполы, съ обѣихъ сторонъ.
обаче, однако, впрочемъ.
обдержать, владѣть.
Обезы, Абхазы, племя на Кавказѣ.
обиднушка, обиженная, несчастная.
обжи, оглобли у сохи.
обилье, урожай, богатство, хлѣбъ.
обити, обвить, связать.
облавить, окружить.
область, власть.
обонъполъ, по другую сторону.
образъ чернечьскый, монашеская жизнь.
обрѣтать, находить.
обыклъ, привыкъ.
обычай (про поклоны): различали поклонъ зѣмный или великимъ обычаемъ и поклонъ малымъ обычаемъ (въ поясъ).
обычный, установленный.
обѣститься, дать знать **о себѣ** (об-вѣститься).
овенъ, баранъ.
Овлуръ, **Влуръ**. Половчинъ, помогшій Игорю бѣжать, повидимому, былъ христіанинъ: лѣтопись называетъ его Лавръ.
овощъ, плодъ
овъ, иной, другой.
одиночество, уединеніе, отшельничество.
одувать, обманывать.
одьрень, въ полную собственность, вполнѣ.
оже, если когда, что, потому что, какъ.
озваться, отозваться, откликнуться.
оканьный, окаянный, проклятый.
окачьный, округленный, всямоокачьный—совершенно круглый.
околенки, окна.
окольничій, второй за бояриномъ разрядъ изъ трехъ высшихъ чиновъ, входившихъ въ боярскую думу.
окольный, идущій около, кругомъ стола (про скамьи).
оксамить, плотная бархатная парча съ золотомъ и серебромъ.
октенія, ектенія.
олифить, покрывать олифомъ, т.-е. вареньмъ масломъ (въ иконописи).
оловьце, оловянная трубочка для свѣтильни лампадной.
ольно, **ально**, такъ, что.
омѣшикъ, рѣзецъ у сохи (лемехъ).
онъ, краткая форма мѣстоимѣн. **оный**, тотъ.
описливый, неисправно списанный, съ ошибками (описками).
оплатъкъ, облатка, опрѣснокъ.
опознать, узнать.
опонча, плащъ, верхнее платье также **епанча**, **япанча**).
опочивъ держать, отдыхать, спать.
оправить, оправдать на судѣ.
оправливать, судить.
органникъ, музыкантъ.
орудіе, дѣло, занятіе.
осаживать, бить.
(на) особину, **особицу**, отдѣльно, особо.
о себѣ, сами по себѣ.
осоромить, обезчестить, причинить бѣду, огорченіе.
остатній, остальной, послѣдній; **во остатнее**, въ послѣдній разъ.
островъ, отдѣльный участокъ лѣса, при охотѣ охватываемый облавой.

острогъ, центръ города, огороженная стѣнами часть города, крѣпость, кремль.

острономій, оструумій, такъ называли въ старину астрономію и посвященныя ей книги.

остуда, охлажденіе (въ отношеніяхъ людей).

отай, тайно.

отбыть, иногда тоже **избыть**, избавиться.

отворачивать (чашу) отказываться пить прежде предлагающаго.

отечество, отчество, связь съ своимъ родомъ—племенемъ; нашъ современный смыслъ есть съуженный старый.

откулешный, прилагат. сдѣланное изъ **откуль**, откуда.

отповѣдь, отвѣтъ (въ важныхъ или оффиціальныхъ случаяхъ).

отрокъ, молодой человѣкъ, младшій дружинникъ, слуга.

отрѣвать, отталкивать.

отрѣшить, развязать, освободить.

отрядить, отпустить.

отчаянный (отъ Господа), отлученный, отверженный.

отчитаться отъ кого, отрекаться.

отчина, отцовское наслѣдство, матеріальное и духовное, слѣдов. также отцовскіе и дѣдовскіе порядки и обычаи.

отънудь, отнюдь, совсѣмъ, совершенно (при отрицаніи).

отьній, отцовскій.

охабитися, отстраниться.

оцѣпѣти, оцѣпенѣть.

оцѣстити, очистить, (характерная для сѣверн. говора смѣна: **ч** на **ц** и **и** на **ѣ**).

П.

пáбѣдье, послѣобѣденное время.

паволоки, шелковыя ткани.

пайщикъ, участникъ.

пакость, вредъ, непріятность.

пакы, опять, снова.

палата, большая комната; **палаты**, дворецъ, большой домъ.

палица, боевая дубина.

палъ, мѣсто, гдѣ палили лѣсъ, расчищая его подъ пашню.

паляница, хлѣбъ (малорусское слово.

панья, госпожа, барыня, (польское слово «пани»).

паперси, часть брони, закрывающая грудь.

паполома, покрывало.

пардужь, барсовъ (прилагат.-притяжат. отъ **пардусъ**).

пардусъ, барсъ, леопардъ, рысь.

паствина, пастбище.

пасти, распасти, управлять, хорошо управлять

пекельный, адскій, отъ **пекло**, адъ.

первое, прежде, сперва.

первый, прежній, старинный.

переговаривать, пересуживать, заниматься пересудами.

пéрндъ (сущ.) будущее («для пéреду годится»).

пережечь, раскалить.

переметная, см. **сумочка**.

перепастьея, испугаться.

перерукавіе, часть одежды.

переставиться, умереть.

переходы, крытыя галереи для сообщенія одной части дома съ другой или одного дома съ другимъ.

персть, прахъ, земля.

печаловаться, ходатайствовать.

печатная сажень, саженная мѣра, клейменная, т.-е. осмотрѣнная и признанная правильною.

печеръка, пещерка.

Пирогощая Богородица, церковь въ Кіевѣ, которую началъ строить Мстиславъ Великій въ 1131 году.

питаненъ, напитанъ, сытъ.

плетни, шнурки. завязки.

плещеваніе, шумъ. гамъ, крикъ,

плѣжуштій, ползущій, пресмыкающійся.

плящій, палящій.

по, за (съ мѣстн. въ смыслѣ мѣста или времени: **сзади, послѣ**;

съ винит. въ смыслѣ цѣли: **послать по кого**).
поборати, вести борьбу.
побывъшиться, исчезнуть, пройти, умереть.
побѣдный, бѣдный, несчастный.
повиненъ, достоинъ.
повойникъ, старинный женскій головной уборъ изъ платка, плотно охватывающій голову.
поволочься, задернуться, закрыться.
поганскій, языческій.
погода, буря, ненастье.
погостъ, селеніе.
пóготово, подавно, тѣмъ болѣе.
подвизати, возбуждать.
подворье, усадьба, дворъ, домъ.
поддѣльное (пиво), съ приправами.
подколѣнный (князь), младшій, подначальный; отъ **колѣно**, въ смыслѣ рода.
подлыгаться, лгать.
подонь=**под-онь**, подъ него.
подпушечка, опушка, опушь.
подъкладъ, сѣдельная подстилка, потникъ.
подътекать, подоспѣвать,
пожаловать, оказать милость, расположеніе чѣмъ-нибудь.
пожрети, съѣсть, погубить.
позоръ, зрѣлище; **позоры дѣяти**, смотрѣть.
покаянная, мѣсто строгаго заключенія.
поклепца, клеветникъ.
покляпый, кривой, нагнутый.
покой, **покои**, комната.
полдень, югъ.
поле, степь.
поленица, богатырь (и богатырша), разъѣзжающій въ степи (въ полѣ).
полкъ, походъ, войско на походѣ.
полнощь, сѣверъ.
полоняная вѣсть, вѣсть о плѣнѣ.
Полътескъ, Полоцкъ.
пóльзовать, приносить пользу, помогать.
Поморіе, мѣстность по берегу моря (Чернаго).
помьнѣти, подумать.
помѣстье, земли и деревни, дававшіяся въ пользованіе за военную службу въ Московскомъ государствѣ.
помянуть, вспомнить.
понимать=**поимать**, брать.
понятóй, посторонній человѣкъ, приглашенный по закону въ качествѣ свидѣтеля при совершеніи извѣстныхъ судебныхъ дѣйствій.
поохритаться, подосадовать.
попáсъ, отъ глаг. пасти; остановиться «на попáсъ» — попасти, покормить воловъ, лошадей.
попереть, упереть.
попинъ, священникъ (попъ).
попритчиться, случиться (о бѣдѣ или болѣзни).
попустить, позволить, дать чему совершиться.
порáда, совѣтъ, помощь (малорус.).
порохъ, (мн. пороси), прахъ, пыль.
порты, платье.
порученный, обрученный.
порядливый, умѣющій соблюдать порядокъ въ домѣ.
порядня, порядокъ, хозяйство.
поекепать, расщепать, поломать.
пословица, рѣчь, разговоръ, толки.
послуживецъ, тотъ, кто служилъ.
послухъ, свидѣтель (на кого можно «послаться», сослаться).
послушество, свидѣтельство, свидѣтельское показаніе.
посредній, середній, серединный.
Посуліе, мѣстность по рѣкѣ Сулѣ.
посулъ, взятка, **посульникъ**, взяточникъ.
посямѣста, донынѣ.
потворство, волшебство, отрава, порча.
потергати, дергать.
потерять, убить.
потеряться, пропасть, исчезнуть.
потече, отъ **потещи**: побѣжать, устремиться.
по тому же, также, одинаково.

поточить, заточить, послать въ темницу или ссылку.
потреба, нужда, надобность.
потребы, жертвоприношеніе.
потрепати, поносить.
потручатися, приломаться, притупиться.
потъснитися, подвигаться, приближаться, устремиться.
потъчеся (**потъкохъся** отъ **потъкнутися**), споткнулся.
потъщиться, постараться, устремиться.
потяти, убить.
поухати, понюхать.
початься, начаться.
почествовать, оказать почетъ приглашеніемъ, пригласить.
почитать, почитаніе, читать, чтеніе.
почути, почуять.
пошлина, обычай, который пошелъ изъ старины; вообще установившійся порядокъ: **новая пошлина**, новый порядокъ.
поѣздъ, поѣзжане, провожатые на свадьбѣ.
править, исполнять (челобитье править, посылка править).
правовѣрьный, православный.
превабити, переманить.
преводъ или **переводъ**, образецъ, оригиналъ, съ котораго списываютъ или срисовываютъ.
прегуданіе, звонъ.
прегудникъ, музыкантъ.
презвутеръ, пресвитеръ, священникъ.
прекладать, переводить (книги).
прелесть, обманъ, коварство.
прелестьный, обманный, коварный.
премѣреніе, поперечникъ.
пресмякнуть, запечься; **уста пресмягли**, губы запеклись.
преставленіе, смерть, кончина.
преступати, нарушать, перестанавливаться, перемѣнять мѣсто.
претворяться, превращаться.
преторгънути, разорвать, надорвать.
прещеніе, угроза, предостереженіе.
приводъ, судебный терминъ: **быть въ приводѣ**, судиться.
привѣчать, привѣтливо отнестись, привѣтствовать.
пригоже, хорошо, прилично, какъ слѣдуетъ.
призирать, смотрѣть со вниманіемъ, заботиться.
призьдати, пристроить.
прикупъ, прибыль.
прилежать чему, усердно заниматься чѣмъ, внимательно относиться **къ чему**.
приложити, положить, прибавить.
прилучаться, случаться, приближаться.
приметный, притворный (ср. наше прикинуться, притвориться).
приниматься, заниматься; въ смыслѣ: загораться, вспыхивать.
припѣшать, обрубить, подрѣзать (про крылья); птица съ обрубленными крыльями называется **пѣшая**.
приспа, присыпанная земля.
приспѣхи, приготовленія.
приспѣшники, прислужники (отъ **приспѣвать**, приготовлять).
приставать, **пристать**, уставать, устать.
пристроить, устроить, приготовить.
присѣтить, навѣстить.
притча, несчастный случай.
причаянный (**ко Господу**), приверженный, приближенный.
причеть, причитанье, голошенье, плачъ съ приговоромъ.
причитаться кому или **къ кому**, причислять себя.
пріять кому, имѣть расположеніе, пріязнь.
пробойный (**о дорогѣ**), торный, хорошо наѣзженный.
провѣдати, предвидѣть.

прогутарить, проговорить, сказать.
продавати, разорять, причинять убытокъ; продажа, судебное взысканіе, убытокъ.
прожиточный, зажиточный.
прокъ, остатокъ; **въ прокъ**, впередъ, для будущаго.
промыселъ, занятіе, профессія, которой кормится человѣкъ.
промыслъ, забота, попеченіе.
промышленникъ (стран. 311), рыбакъ или охотникъ на Сѣверѣ, который «промышляетъ» рыбу, звѣря или другую добычу.
пропивать (невѣсту), рѣшать вопросъ о выдачѣ замужъ, при чемъ бываетъ рукобитіе и угощеніе водкой
прорусость, русый цвѣтъ волосъ.
проскѣпъ, расщепленный кусокъ дерева, зажимъ.
прослужиться (службой), дурно исполнить служебную обязанность, провиниться на службѣ.
прослути, прослыть, прославиться.
проститься, просить прощенія.
просугъ, способность.
просѣсться, **разсѣсться**, растрескаться, развалиться.
противу, въ обмѣнъ.
противъ, сообразно, соотвѣтственно въ чѣмъ.
протори̇ться, издерживаться.
проѣзжая (подр. грамота), пропускъ, разрѣшеніе на проѣздъ.
проявлять, предзнаменовать.
прыскати (стрѣлами), обильно пускать стрѣлы.
прыскучій или **рыскучій**, эпитетъ звѣря (отъ **рыскати**).
прѣтися, спорить; **распрѣтися**, заспорить.
прямо (съ род.), противъ.
птицъ, **птищь**, птица (иногда въ собират. значеніи: птицы).
пустошникъ, пустой, неосновательный человѣкъ.
пустошный, 1) вздорный, пустой, 2) оставленный, заброшенный.
пустыни, (имен. пад.) пустыня, степь.
путина, путо, перевязка, которой спутываютъ ноги.
пуща, большой, густой лѣсъ.
пуще, хуже.
пытать ума, спрашивать мнѣнія.
пядь, мѣра длины между концами вытянутыхъ большого и указательнаго пальцевъ; четверть.
пялечное дѣло, вышиваніе въ пяльцахъ.

Р.

работа, рабство.
работный, рабъ.
радошный, радостный.
разбить (дѣло), разстроить.
разговаривать (кого), отговаривать, уговаривать.
разно, въ разныя стороны, врознь; различнымы способами.
разорати, распахать.
рало, соха.
раменъ, сильный.
раскалякаться, разговориться.
распрати, распростирать, распускать.
рассутися, разметаться, раскидаться.
растекаться, раскидываться разбрасываться.
ратай или **оратай**, пахарь; отъ гл. **орати**, пахати.
ратьный, воинскій, воинственный.
рваніе конское, въ «Бовѣ королевичѣ» означаетъ военное состязаніе на коняхъ.
ревновать, стремиться къ чему, подражать кому.
ременчатый стулъ, стулъ, у котораго сидѣнье состоитъ изъ переплетенныхъ ремней.
ретливый, ретивый, горячій.
риза, одежда.
рискати, **нарискати**, бѣжать, мчаться; дѣлать набѣги.
робъ, рабъ.
родина, родня.

родиться: «колько чего родится изъ четверти», сколько получается изъ четверти муки хлѣба и др. продуктовъ.
роженье, дѣти.
розноличный, различный.
рокотать, пѣть, звучать.
роспудити, распугать.
ростя, разрубилъ.
ротиться, божиться, клясться.
рубить, строить изъ дерева.
рубль (стран. 401), обрубокъ дерева, клинъ.
руда, кровь.
рукодѣліе, ручное занятіе, ремесло.
русаліи, Троицынъ и Духовъ день; **русальская недѣля**, послѣдняя передъ Троицынымъ днемъ, когда являются русалки.
русинъ, русскій человѣкъ.
Ручай (ручей), рѣка Почайна, впадающая въ Днѣпръ въ самомъ Кіевѣ.
рушать, рѣзать, раздѣлять.
рци (скажи), какъ будто.
рыдванъ, карета (Reitwagen).
рытый бархатъ, бархатная ткань съ узорами.
рѣзана, мелкая монета.
рѣзоимець, ростовщикъ.
рѣзъ, проценты.
рѣнь, песчаная отмель.
рѣшетный хлѣбъ, хлѣбъ изъ муки, прошедшей только черезъ рѣшето, т.-е. болѣе грубой и темной, чѣмъ ситная мука (см. ситный).
рядъ, уставъ, порядокъ, устройство.

С.

самоволіе, своеволіе.
Самородина (рѣка), былинная рѣка, самое имя которой указываетъ, что рѣчь идетъ не о какой-либо опредѣленной рѣкѣ (всякая рѣка «сама родится»).
сварити, бранить.
свекоръ, свекровь, родители мужа.
свистъ (звѣринъ), крикъ.
свойскы, по-своему.
свѣдомъ, опытный, знающій искусный.
свѣтильникъ, свѣтило.
святители, епископы и вообще высшія духовныя особы.
сдержатель царству, правитель царства.
селико, столько, такъ много.
семъ или **сѣмъ**, междуметіе «ну, давай», и т. п.
семья, жена.
середа, средина.
сидень, калѣка, не могущій ходить.
сидѣть, жить, имѣть осѣдлость; **сидѣть подъ кѣмъ**, занимать мѣсто ниже кого.
сила, войско.
сила, смыслъ («сила писанія»).
сильно, силой, насильно.
синочь, нынче ночью.
сиполица, дудка, музыкальный инструментъ, отъ гл. сипѣть.
ситный хлѣбъ, ситникъ, хлѣбъ изъ муки, просѣянной чрезъ сито, т.-е. болѣе бѣлой и чистой.
сиць, сице, такой, такъ.
скаредіе, дурное, мерзкое дѣло.
скарлатъ, иностранное сукно; скарлатъ «кладутъ».
скоморохъ, плясунъ, пѣвецъ, комедіантъ.
скоморошина, скоморохъ.
скотъ, казна, деньги.
скора, мѣхъ (шкура).
скрасть (въ военномъ дѣлѣ), незамѣтно отъ стражи пробраться; **скрасть караулъ**.
скудость, голодъ, неурожай.
скутать, закрыть; **подъ скутомъ**, подъ закрытіемъ.
Скуѳія, Скифія.
слезьный, покаянный (про сердце).
Словутичь, прозвище Днѣпра, значитъ славный, знаменитый; въ малорусской поэзіи Днѣпръ называется Словута.

слотьный, зимній, ненастный.
служилый классъ, высшее сословіе древне-русскаго общества, обязанное отбывать ратную службу и за то надѣлявшееся вотчинами или помѣстьями.
смердъ, простолюдинъ.
сморчи, **смерчи**, отъ **смърчь**, облако.
смурый, черно-сѣрый.
смѣреный, смиренный.
смѣтить, отмѣтить, разсчитать (**смѣтя живота**, сообразившись съ своими средствами).
сниматися, **снятися**, собраться, сойтись.
снѣдь, ѣда, пища.
собина, имущество.
соборнѣ, сообща, совмѣстно.
собѣ быти, быть отдѣльно, врознь съ другими.
совъкуплять, собирать.
содержати, управлять.
содѣваться, дѣлаться, совершаться.
соколичъ, **сокольцъ**, соколенокъ.
соньмъ, собраніе людей, толпа.
сопостатъ, врагъ, непріятель.
сопѣль, музыкальный инструментъ, дудка.
соромота, стыдъ, срамъ.
сослать, наслать, прислать.
спахаться, спохватываться.
сподобить, удостоить.
спорядный, **спорядовый**, сосѣдъ съ той же линіи домовъ («порядка»).
сражденіе, встрѣча, столкновеніе, **сраждатися**, сталкиваться.
срубъ, бревна, соединенныя въ клѣтку; срубъ избы, колодезя.
сражаться, собираться.
ставить (въ правдѣ), **привести на судъ къ допросу**.
ставить щитъ, защищаться оружіемъ.
стадія, греческая мѣра длины.
станъ, сборное мѣсто (о рыбахъ).
статъ, (сущ.) образецъ, подобіе.
статья; разрядъ, пунктъ.
стайня, стойло, хлѣвъ.
столпье, столбы.
столъ, княжескій престолъ.
стольникъ, придворная должность стараго московскаго двора и вмѣстѣ высшій чинъ столичнаго служилаго класса изъ не входившихъ въ думу.
степень, ступень.
сторожи, стража, караулъ.
страсть, страданіе.
страсть, страхъ.
стремень, стремя.
Стрибожь, прилагат. отъ Стрибогъ — божество вѣтра.
строить (домъ, хозяйство **и пр.**) устраивать, вести; **строеніе**, устройство, порядокъ.
стружіе, копье.
стрѣлки громныя, окаменѣлости, белемниты, такъ наз. чортовы пальцы.
стряпчій, придворный чинъ московскаго двора, завѣдывавшій предметами личнаго пользованія царя (скипетръ, шапка, платокъ, панцырь, сабля и т. п.).
студеньство, холодъ.
студерованный, ученый, образованный.
стужать, стѣснять, **притѣснять**, докучать.
стыдѣніе, уваженіе, стыдливость.
стягнути, **истягнути**, вытянуть, стянуть.
стягъ, знамя.
стяжаніе, имущество.
сугнать, догнать.
судомойка, въ чемъ моютъ посуду.
судъ, смерть.
судьно, посудина.
сулица, конецъ копія, копье.
сумежье, граница; мѣсто, гдѣ сходятся межи двухъ земель или странъ.
сумочка переметная, въ старину всадникъ всегда имѣлъ при сѣдлѣ двѣ сумки, соединенныя ремнемъ, которыя перекидывались по обѣ стороны лошади.

сунклитъ, искаженное греческое слово *ἁ σύγχυτος*.
Сурожь, Азовское море; по другимъ: Судакъ (въ Крыму).
сути, совать, сыпать, **съсути**, насыпать.
существо, свойство, особенность; **по существу**, какъ подобаетъ, правильно.
схватиться, спохватиться.
сходня, доска, по которой сходятъ съ корабля на берегъ.
съвершенный, взрослый.
съвершити, сдѣлать, окончить, исполнить.
сълъ, посолъ, посланный.
съни́скати, отыскать, собрать, пріобрѣсти.
съпрягати, связывать, соединять.
съступитися, сойтись.
сътяжати, пріобрѣсти, получить.
сыновьць, племянникъ, сынъ брата.
сытà, медъ разведенный («разсыченный») водой.
сыть, сытость, **(волчья) сыть**, кормъ.
сыченый, разведенный медомъ съ водой (сытòй).
сѣмо, сюда.
сѣни, высокое крыльцо съ переходами.
сѣсть на столѣ, занять княжеское мѣсто.
сѣча, битва, сраженіе.
сѣчиво, топоръ, сѣкира.
сѣчь, рубить, убивать.
сяковый, такой.

Т.

таланъ, въ народн. языкѣ значитъ судьба или удача.
татство, воровство.
тафья, круглая магометанская шапочка, ермолка.
текътъ, стукъ дятла.
тенета, сѣти.
тепеный, битый (отъ **тети**, **теп-у**).
тертися, тереться.
тети, бить.
тисовый, изъ тисоваго дерева.
титла посланыя, письмо, грамота
тіунъ, **тивунъ**, низшее довѣренное лицо, исполнявшее порученія князя и наблюдавшее за дѣлами въ его вотчинѣ.
Тмуторокань, мѣстность по Черному и Азовскому морю, занятая въ XII в. половцами.
товары, лагерь, станъ.
тожно, тогда, въ такомъ случаѣ.
тоземьць, туземецъ.
токовище, мѣсто, гдѣ собираются весной птицы токовать. Въ сказкѣ примѣнено къ мѣсту собранія нечистой силы.
толокно, овсяная мука.
только (какъ союзъ) или **и (а) только**, если, если только.
тольми, настолько.
тоня, каждое отдѣльное закидываніе невода и вытаскиваніе его.
топорки, вѣроятно, находимыя въ землѣ кремневыя орудія каменнаго вѣка, къ которымъ было суевѣрное отношеніе.
торжище, торговая площадь.
торокà, ремешки у сѣдла, къ которымъ приторачивается то, что всадникъ долженъ везти съ собой.
торòкъ, дорога, путь (отъ гл. **торить**, **проторять**), **торокòмъ** (пройдетъ туча), стороной.
тòщиться, уменьшаться, истощаться,
тростіе тростникъ, камышъ.
Троянь, прилагат. отъ Троянъ — древне-славянское божество.
трудный, тяжелый, горестный, бѣдственный.
трудъ, горе, скорбь, болѣзнь.
трусить, трясти, отряхать.
трызна, **тризна**, языческіе похороны, поминки.
тугà, печаль, скорбь.
тудѣ, туда, тамъ, оттуда.
тужить, горевать.
тулъ, колчанъ.

туляться, прятаться. (Ср. притулиться).
Туровъ, древній городъ на р. Припети.
туръ, дикій быкъ.
тутънати, гудѣть, шумѣть.
тутънъ, громъ, гулъ, стукъ.
тъчьный, одинаковый, равный, подобный.
тъщаніе, стараніе, вниманіе.
тъщій, пустой.
тѣшиться, забавляться какой-нибудь игрой; въ Бовѣ Королевичѣ **на полѣ тѣшиться** означаетъ военную игру — состязаніе, нѣчто въ родѣ турнира.
тяжа, тяжба.

У.

убрусъ, платокъ.
убудиться, проснуться.
увалъ, гряда, валъ, сугробы снѣга.
увозъ, см. **Боричевъ**.
угодье, надобность, польза.
Угорьскый, венгерскій; **горы Угорьскыя**, Карпаты.
угъ, **ужный**, югъ, южный.
угърескъ, венгерскій, венгерецъ.
угыбающа (луна), луна на ущербѣ.
ударити кѣмъ, одолѣть кого въ борьбѣ.
удолье, долина, низина.
удробиться, оробѣть.
удуже, гдѣ.
ужинистый, говорятъ про рожь и другой хлѣбъ, когда съ извѣстнаго поля получается больше, чѣмъ обыкновенно, сноповъ.
узорочье, дорогія ткани съ узорами.
уклюнуть, укусить ужалить.
украина, окраина.
улучить, получить, пріобрѣсти.
ума пытати, спрашивать мнѣнія.
уне, **уньше**, лучше.
унеинъ, просящій.
уноровить, **поноровить**, угодить.
управити сердце, справиться съ сердцемъ.
упругъ, мачта.
уристанія (конскія), бѣга.
урокъ (отъ имѣнья), опредѣленная, назначенная часть.
усерязь, серьга.
усніе, бычачья кожа.
усобица, раздоръ, междоусобная война.
усовники, какіе-то предметы, имѣвшіе волшебный смыслъ.
усрѣсти, встрѣтить.
устати, перестать, прекратиться.
утолочить, утоптать.
утрьній, внутренній.
ухаживать и охаживать, бить.
учать, начать.
ущекотать, воспѣть.
уѣдіе, пища, покормъ.

Ф.

фарь, **фарыжь**, конь.
фряжьскій, латинскій, западный.

Х.

харалужчый, булатный, стальной.
хижа, хижина, избушка.
хитро, премудро, искусно.
хлѣвина, жилье.
хля медвѣжая, жидкость, потъ, пѣна, слизь.
ходаньице, способность ходить.
холодепушка, лягушка.
хоронить въ земли, зарывать кладъ.
хоругвь, знамя.
храмъ, храмина, комната, жилое помѣщеніе.
хрестьци, переплеты у дверей.
худый, малый, слабый, дурной.
хыновьскій, ханскій.

Ц.

цвѣлити, огорчать, дразнить, мучить.
ци, **чи**, **ти**, ли (вопрос. частица).
цѣвьё (чивье), рукоять.
цѣльба, излеченіе.
цѣлый, чистый, здоровый, непочатой.

Ч.

чага, плѣнница.
чаделко, уменьшит. отъ **чадо.**
чадь, домочадцы, челядь (приближенные ко двору князя).
чеканъ, военный топоръ или булава.
челобитье, поклонъ, привѣтствіе; потомъ: жалоба. Челобитье «отдаютъ» или «правятъ» (когда передаютъ чужой поклонъ).
челядь, рабы.
чембуръ, поводъ ременный.
черевики, башмаки, сапоги.
по чередамъ, въ разное время.
черенъ (черенья), черенокъ, рукоять ножа, копья, меча.
черленый (вязъ, корабль), красный.
чернечьскый, монашескій.
чернизина, черное пятно.
чернобыль, южное названіе полыни.
черноризьць, монахъ.
чести, читать.
честьный, уважаемый, святой.
Чешьскій лѣсъ, Богемскія горы (Böhmerwald).
чивье (цѣвье), рукоять.
чили, или (при повтореніи вопроса).
чинить, дѣлать.
чингалище, **чинжалище,** кинжалъ.
чинъ, порядокъ, время.
чиры, обувь. Ср. въ Курск. губ. **чирики,** въ Олонецкой — **чирки.**
чисмя, число; **бещисмене** — безъ числа (стран. 436).
чистосердіе, чистосердечіе, откровенность.
чолка, пучекъ волосъ со лба лошади, прикрѣплявшійся къ знамени, бунчукъ.
чрепка, черепокъ, скорлупа (въ яйцѣ).
чрьвенъ, чрьмьнъ, чръвленъ, черленъ, красный, пурпуровый.
что, въ старинномъ языкѣ, особенно въ народной поэзіи, не рѣдко начинаетъ собой главное предложеніе или соединяетъ два равносильныхъ предложенія.
чудный (образъ), чудотворный.
чумакъ, извощикъ (въ Малороссіи), перевозящій товаръ.
чьрнядь, порода черныхъ утокъ.
чьстити, почитать, чтить.

Ш.

шаленой, (иногда просто **шаль**), сумасбродный, безпутный.
шалыга, плеть.
шалыжище, ручка плети (шалыги).
шеломъ, шлемъ.
шеломя, шоломя, холмъ.
шепотникъ, наушникъ, доносчикъ.
шибать, ударять, поражать.
шизый, сизый.
ширинка, полотенце.
ширятися, парить по воздуху, широко распустивъ крылья.
шляхъ, проѣзжая дорога (малорус.).

Щ.

щекотъ, пѣніе соловья.
щепетко, щегольски (то же, что **щепливо**).
щепливый, щапливый, щегольской.
щетки, пучки волосъ у лошади надъ копытами.
щьлягъ, шлягъ, монета.

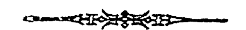
Ю.

юнакъ, храбрецъ, удалой воинъ, богатырь.

Я.

ядь, ѣда, пища.
язва, рана.
язъ, азъ, я.
языкъ, народъ.

языч҄ный, болтливый, долгоязычный.
язя, язва, болѣзнь.
японичица, плащъ.
ярлыкъ, татарская грамота, потомъ всякое письмо.
ярмо, воловья упряжь: деревянный хомутъ для пары воловъ.
яровчатый, яворчатый, т.-е. сдѣланный изъ дерева яворъ.
яругъ, оврагъ.
ятися, взяться, схватиться.
ячея, клѣтка, сѣти.
ярый, буйный, полный отваги; **ярый воскъ**, чистый, бѣлый.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

II.

III.